This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

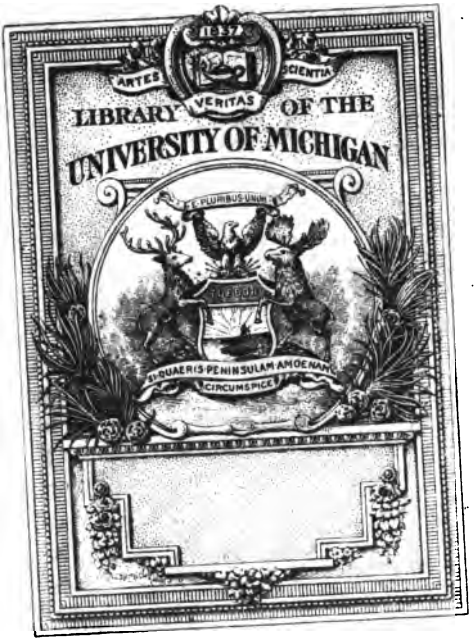
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`


1837
ARTES
VERITAS
SCIENTIA
LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF MICHIGAN
E PLURIBUS UNUM
TUEBOR
SI QUAERIS PENINSULAM AMOENAM
CIRCUMSPICE

891.78
T650
B6
Q6

Левъ Николаевичъ Толстой.

Lev N. Tolstoi

БІОГРАФІЯ.

Biografiy

Составилъ **П. Бирюковъ**

Pj P. Birjukov

по неизданнымъ матеріаламъ (воспоминанія и письма Л. Н. Толстого).

Изданіе „ПОСРЕДНИКА“.

№ 716.

ТОМЪ II.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., с. д.
Москва — 1908.

Графинѣ

Софьѣ Андреевнѣ Толстой.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Вамъ, Графиня, я посвящаю этотъ второй томъ описанія жизни Вашего мужа, котораго мы, русскіе, знаемъ какъ величайшаго представителя нашего времени и на котораго съ почтеніемъ смотритъ весь образованный міръ.

Уже одно избраніе имъ Васъ въ спутницы жизни даетъ Вамъ право на уваженіе народа.

Но Вы занимали и занимаете большое и важное мѣсто въ его сложной и кипучей жизни. Вы охраняли и охраняете его отъ многихъ бѣдъ.

Да будетъ Вамъ благодарно потомство за всѣ Ваши труды и заботы, которыми Вы сберегли намъ этого безконечно дорогого намъ человѣка.

Павелъ Бирюковъ.

Кострома.
11 января 1908 г.

204949

ВВЕДЕНІЕ.

Какъ и передъ писаніемъ перваго тома, я снова остановился въ нерѣшительности, когда принялся за перо. Меня пугала непропорціональность моихъ силъ съ громадностью и важностью предпринятой работы. Только поборовъ въ себѣ всѣ соблазны самолюбія, готовый на всяческое осужденіе, я наконецъ рѣшился продолжать начатую работу. Я знаю, что, несмотря на всѣ недостатки ея, я совмѣщаю въ себѣ нѣсколько благопріятныхъ условій, которыя, быть-можетъ, болѣе не повторятся.

Это продолженіе моей работы описанія жизни Льва Николаевича Толстого происходило при нѣсколько иныхъ условіяхъ, чѣмъ составленіе перваго тома. Во-первыхъ, мнѣ были болѣе доступны русскіе источники; во-вторыхъ, менѣе отдаленное время жизни Л. Н—ча дѣлало, конечно, болѣе легкимъ собираніе матеріала. Но, съ другой стороны, условія измѣнились и въ неблагопріятную сторону. Во-первыхъ, я приступалъ къ описанію того періода жизни Л. Н—ча, о которомъ онъ самъ во введеніи къ своимъ воспоминаніямъ выражается такъ:

„Третій, 18-тилѣтній періодъ, отъ женитьбы до моего духовнаго рожденія, который съ мірской точки зрѣнія можно бы назвать нравственнымъ, т.-е. въ эти 18 лѣтъ я жилъ правильной, честной семейной жизнью, не предаваясь никакимъ осуждаемымъ общественнымъ мнѣніемъ порокамъ, но всѣ интересы котораго ограничивались эгоистичными заботами о семьѣ, объ увеличеніи состоянія, о пріобрѣтеніи литературнаго успѣха и всякаго рода удовольствіями“ [1]).

[1]) См. „Біографію“, т. I, стр. 20.

Описывать этотъ періодъ правильной, честной семейно-эгоистической жизни чрезвычайно трудно. Мало или вовсе нѣтъ выдающихся фактовъ. То, что въ матеріалахъ (письмахъ, замѣткахъ, разсказахъ) описывается какъ интересный фактъ, то большею частью носитъ характеръ чисто-семейный, интимный, и при выборѣ его всегда остается колебаніе, нужно ли опубликовывать этотъ фактъ или отнести его къ области частной, интимной жизни, не подлежащей опубликованію. Конечно, никто не проведетъ рѣзкой границы между 2-мя группами такого рода явленій. И проведенная мною черта далеко не безошибочна. Очень буду радъ, если меня кто-нибудь исправитъ въ интересахъ самаго дѣла, въ интересахъ красоты и правды изображенія всѣмъ намъ дорогого лица.

Во-вторыхъ, двумя выдающимися фактами этого періода были написанія двухъ большихъ романовъ. Какъ бы ни были замѣчательны эти факты сами по себѣ, они представляютъ болѣе матеріалъ для литературнаго критика, чѣмъ для біографа.

Художественная, творческая работа выводитъ художника изъ области личной жизни и пріобщаетъ его къ жизни міровой, и она ускользаетъ отъ взоровъ біографа. Съ другой стороны, и внутренняя субъективная работа художника не можетъ быть вполнѣ доступна біографу; большею частью ему бываетъ открыта только подготовительная работа художника, самый же процессъ творчества навсегда и для всѣхъ остается тайной.

Я сдѣлалъ попытку разсматривать эти факты какъ явленія жизни самого Льва Николаевича, освѣтивъ ихъ и съ его личной точки зрѣнія, насколько она мнѣ была доступна, и какъ явленія общественнаго характера, указавъ на главнѣйшія черты того броженія, которое вызывало въ обществѣ читателей и критиковъ появленіе этихъ великихъ произведеній. Конечно, и тутъ не обошлось безъ промаховъ, но я сдѣлалъ, что могъ.

Переходя къ періоду духовнаго кризиса, я остановился въ недоумѣніи передъ громадностью предстоящей мнѣ задачи, передъ тою отвѣтственностью, которую я беру на себя выставленіемъ этого огромнаго и глубокаго событія тою лишь стороною, которая видна моему несовершенному взору; но, не имѣя передъ собой болѣе опытнаго предшественника, я опять былъ поставленъ въ необходимость дѣйствовать по способности и готовъ впередъ признать большое несовершенство моей работы.

Я постарался изъ имѣвшагося у меня подъ руками матеріала выбрать все наименѣе извѣстное, которое бы дополнило то, что уже извѣстно, что повѣдалъ самъ авторъ въ своей неподражаемой „Исповѣди", чтобы картина душевной жизни со всѣми ея страданіями и радостями стала, если возможно, еще ярче, еще рельефнѣе и самый моментъ, изображаемый ею, освѣтился бы съ самыхъ разнообразныхъ сторонъ. И тутъ я, конечно, остановился въ безсиліи объективнаго наблюдателя, которому закрыты тайны субъективнаго сознанія, и только лишь большая, сердечная, близость предмета изслѣдованія могла дать мнѣ нѣкоторый ключъ къ пониманію тайны этого процесса.

Наконецъ, едва ли не самой трудной задачей этого тома было изображеніе ближайшихъ моментовъ жизни Л. Н—ча 80-хъ годовъ, отчасти вслѣдствіе свѣжести ихъ въ воспоминаніяхъ всѣхъ живущихъ людей, отчасти вслѣдствіе того, что какъ разъ въ эти годы началась борьба Л. Н—ча съ окружающей его обстановкой прежней жизни,—борьба, вызванная его душевнымъ переломомъ.

Пользуясь разрѣшеніемъ графини и близкихъ Л. Н—чу родственниковъ и друзей, я получилъ доступъ къ ихъ семейнымъ архивамъ и прочелъ всю переписку за эти годы. И тутъ опять я много разъ останавливался въ недоумѣніи передъ тѣмъ, гдѣ провести черту между тѣмъ, что можно и чего нельзя опубликовывать. Много подводныхъ камней пришлось мнѣ обходить въ моихъ изысканіяхъ. Но я надѣ-

ялся на моего надежнаго руководителя: любовь къ правдѣ и любовь къ тѣмъ, чьи отношенія мнѣ приходилось изображать. И теперь я вѣрю, что эта любовь благополучно вывела меня изъ опасностей и дала мнѣ возможность сказать правду, не причинивъ боли тѣмъ, кто съ душевными страданіями принималъ живое участіе въ описываемыхъ событіяхъ.

Я не отчаиваюсь докончить свою работу и постараюсь рѣшить еще болѣе трудную задачу,—довести жизнеописаніе великаго старца до нашихъ дней, и, окончивъ 2-ой томъ, приступаю къ составленію третьяго.

Я прилагаю дополнительный списокъ источниковъ и литературы, которыми мнѣ пришлось пользоваться спеціально для этого 3-го тома, кромѣ уже поименованныхъ въ 1-мъ. Принимая то же дѣленіе библіографіи на три отдѣла, я отношу къ третьему отдѣлу всѣ литературно-критическія статьи, какъ не имѣющія непосредственнаго біографическаго значенія.

Иностранными источниками, какъ и при составленіи перваго тома, мнѣ пришлось пользоваться очень мало. Только съ начала 80-хъ годовъ имя Л. Н—ча Толстого начинаетъ занимать видное мѣсто въ европейской литературѣ. И потому списокъ иностранной библіографіи я намѣренъ приложить къ третьему тому.

Къ сожалѣнію, этотъ періодъ жизни нельзя было иллюстрировать такимъ количествомъ рисунковъ, какъ періодъ перваго тома. Я собралъ, что было можно, и отдаю себя на судъ читающей публики, прося снова помощи и указанія какъ для продолженія и окончанія начатой работы, такъ и для болѣе совершенной переработки уже сдѣланнаго мною.

Да будетъ образъ 80-тилѣтняго старца, зовущаго насъ къ обновленію жизни, тѣмъ источникомъ свѣта и тепла, который согрѣетъ и освѣтитъ холодные и темные углы нашего тяжелаго времени, хотѣлось бы сказать уже пережитаго.

Кострома.
11-го января 1908 года.

П. Бирюковъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРОГО ТОМА

БІОГРАФІИ ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ТОЛСТОГО.

Стр.

Посвященіе II
Введеніе V
Оглавленіе IX
Библіографія XVI

ЧАСТЬ I.

Періодъ „Войны и мира“.

Глава I. До „Войны и мира“ 3

Первое время семейной жизни. Критическое отношеніе къ нему. Литературные проекты. Посѣщеніе Москвы. Феты въ Ясной Полянѣ. „Казаки“ и „Поликушка“. Комедіи. Охота. Семья. Поѣздка въ Никольское.

Глава II. Исторія „Войны и мира“ 17

„Война и миръ“ какъ событіе. Подготовительныя работы. Вывихъ руки. Вторичная операція въ Москвѣ. Болѣзнь дѣтей. Продолженіе романа подъ диктовку. Начало печатанія. Чтеніе матеріаловъ. Александръ и Наполеонъ. Поѣздка въ Бородино. Военные типы. Долоховъ и Тушинъ. Наташа. Участіе графини.

Глава III. „Война и миръ“. (Обзоръ критической литературы) 34

Отзывы и отношенія друзей. Боткинъ, Тургеневъ, Фетъ. Отношеніе къ этимъ отзывамъ Л. Н—ча. Новые критическіе отзывы Тургенева. Раздѣленіе критиковъ на партіи. Дикія выходки радикаловъ. Восторженныя хвалы Н. Страхова. Раздѣленіе

Стр.

критики на художественную, историческую и философскую. Образцы положительной и отрицательной критики по каждому отдѣлу. Военные критики. Анекдотъ съ Норовымъ. Наше заключеніе.

Глава IV. Изъ частной жизни Л. Н—ча 60-хъ годовъ. 62

Чтеніе Л. Н—ча. Письма. Переѣздъ въ Никольское. Посѣщеніе Фетами. Охота у Кирѣевскихъ. Отрицаніе земельной собственности. Маскарадъ. Романъ С. Н—ча и Т. А. Берсъ. Отзывъ Л. Н. о „Дымѣ“ Тургенева. Чтеніе Шопенгауэра. Поѣздка въ Пензенскую губ. Арзамасская тоска.

Глава V. Казнь рядового Шибунина 81

Характеръ подсудимаго. Участіе Л. Н—ча. Защитительная рѣчь Л. Н—ча. Казнь. Отношеніе народа. Воспоминаніе Л. Н. Толстого.

ЧАСТЬ II.

Второй педагогическій періодъ. Самарское имѣніе. Голодъ.

Глава VI. Второй педагогическій періодъ. Азбука . 107

Азбука. Первоначальный проектъ. Разсказъ. Отзывъ Скайлера. Возобновленіе яснополянской школы въ домѣ Л. Н—ча. Начало печатанія „Азбуки“. „Кавказскій плѣнникъ“ и „Богъ правду видитъ“. Просьба Страхову о помощи въ изданіи „Азбуки“. Согласіе Страхова и перенесеніе печатанія въ Петербургъ. Переписка со Страховымъ. Окончательная работа по азбукѣ и ариѳметикѣ. Объявленіе. Содержаніе „Азбуки“. Общія замѣчанія для учителя. Особенности ариѳметическаго метода. Заявленіе Л. Н—ча въ „Моск. Вѣдом.“.

Глава VII. Другіе педагогическіе опыты 131

Опыты надъ методами обученія въ яснополянской школѣ. Письмо Л. Н—ча о народномъ журналѣ. Письма къ Н. Н. Страхову о литературѣ, языкѣ и поэзіи. „Университетъ въ лаптяхъ“. Обсужденіе этого проекта въ тульскомъ земскомъ собраніи. Засѣданіе московскаго комитета грамотности 25 янв. 1874 года. Пренія о методѣ обученія грамотѣ. Перенесеніе спора на страницы „Отечествен. Записокъ“. Разсказъ Н. К. Михайловскаго. Письмо Л. Н—ча къ Шатилову объ опытѣ, произведенномъ въ Москвѣ. Статья „О народномъ образованіи“. Критика. Отзывъ

Стр.

Некрасова. Краткій обзоръ различныхъ критич. статей. Защита Толстого Н. К. Михайловскимъ. Новая азбука. Ея многомилліонное распространеніе. Проектъ учительской семинаріи.

Глава VIII. Поѣздка на кумысъ и въ самарское имѣніе.—Письмо о голодѣ 169

Изученіе греческаго языка. Поѣздка на кумысъ въ 1871 году. Письма съ дороги и съ кумыса. Описаніе кумысной обстановки и башкирскихъ нравовъ. Покупка самарскаго имѣнія. Поѣздка Л. Н. Толстого въ свое имѣніе въ 1872 году для устройства хутора. Поѣздка всей семьи въ 1873 году. Письмо о самарскомъ голодѣ. Дѣятельность Л. Н—ча по описанію А. С. Пругавина. Участіе въ этомъ дѣлѣ гр. С. А. Толстой. Поѣздка Л. Н—ча на кумысъ и на хуторъ въ 1874 году. Поѣздка всей семьи въ 1875 году. Башкирскія скачки. Возвращеніе въ Ясную Поляну.

ЧАСТЬ III.

Періодъ „Анны Карениной".

Глава IX. Происхожденіе „Анны Карениной" и предшествовавшіе литературные опыты 197

Чтеніе драматическихъ произведеній. Романъ изъ временъ Петра I. Подготовительныя работы. Художественные наброски въ записной книжкѣ. Историческіе источники. Разочарованіе въ эпохѣ. Начало „Анны Карениной". Самоубійство Анны Степановны. Дальнѣйшая работа. Прототипы героевъ „Анны Карениной". Печатаніе въ „Русскомъ Вѣстникѣ". Перерывы въ работѣ. Разрывъ съ Катковымъ.

Глава X. Обзоръ критической литературы объ „Аннѣ Карениной" 211

Переписка Л. Н—ча со своими литературными друзьями объ „Аннѣ Карениной". Отзывы Тургенева. Отзывы критиковъ: Скабичевскаго, Чуйко, Соловьева, Н. К. Михайловскаго. Дикіе отзывы. Мнѣніе Ѳ. М. Достоевскаго. Громека и Овсянико-Куликовскій. Наше заключеніе.

Глава XI. Частная и семейная жизнь Л. Н—ча въ началѣ 70-хъ годовъ 232

Мелкіе факты семейной жизни. Письмо Л. Н—ча къ Фету. Несчастье въ Ясной Полянѣ: быкъ забодалъ на смерть работника

Стр.

Л. Н—ча. Судебное слѣдствіе. Волненіе Л. Н—ча. Письмо Л. Н—ча къ гр. А. А. Толстой. Письма къ Н. Н. Страхову. Шуточное стихотвореніе Л. Н—ча. Пріѣздъ Н. Н. Страхова въ Ясную Поляну. Отношеніе Л. Н—ча къ Страхову. Отзывъ о книгѣ Страхова „Міръ какъ цѣлое". Писаніе портрета Л. Н—ча художникомъ Крамскимъ. Періодъ смертей въ Ясной Полянѣ: смерть мальчика Пети, тетушки Т. А. Ергольской, другого сына и тетушки Пелагеи Ильиничны.

Глава XII. Продолженіе 251

Болѣзнь С. Андр. Занятіе Л. Н—ча музыкой. Знакомство съ П. И. Чайковскимъ. Квартетъ Чайковскаго въ московской консерваторіи, устроенный для Л. Н—ча. Переписка Л. Н—ча съ Чайковскимъ по поводу народныхъ пѣсенъ. Разочарованіе Чайковскаго. Его религіозное состояніе. Поѣздка гр. С. А. въ Петербургъ. Отношеніе Л. Н—ча къ русско-турецкой войнѣ. Путешествіе Л. Н—ча со Страховымъ въ Оптину пустынь. Разсказчикъ былинъ. Краткая характеристика частной и семейной жизни Л. Н—ча, С. А. Берса и Д. Оболенскаго. Воспитаніе дѣтей. Отзывы Л. Н—ча о прочитанныхъ книгахъ. Возобновленіе работы о декабристахъ. Посѣщеніе Петропавловской крѣпости. Письмо къ гр. А. А. Толстой о Перовскомъ. Прекращеніе работы надъ декабристами.

Глава XIII. Примиреніе Тургенева съ Толстымъ . . 270

Примирительное письмо Л. Н—ча. Отвѣтъ Тургенева. Пріѣздъ Тургенева въ Россію. Посѣщеніе Ясной Поляны. Воспоминанія Е. М. Письма Тургенева. Отношеніе къ нимъ Л. Н—ча. Переводъ и изданіе „Войны и мира" на французскомъ языкѣ.

ЧАСТЬ IV.

Критическій періодъ.

Глава XIV. Кризисъ 285

Начало кризиса. Бѣглый обзоръ проявленій духовной жизни отъ рожденія и до смерти. Вступленіе въ жизнь. Вліянія, испытанныя Л. Н—чемъ въ юныхъ годахъ. Столкновенія съ жизненными препятствіями и вліяніе ихъ. Постепенное нарастаніе неудовлетворенности и приближеніе къ кризису. Первые наброски „Исповѣди". Мысль о смерти. Религіозное чтеніе. Поѣздка въ

Стр.

Оренбургскую губернію. Письмо къ Страхову о добрѣ и злѣ. Попытка изложенія православной христіанской вѣры. Восточная басня. Опредѣленіе жизни мудрецовъ. Четыре выхода. Вѣра есть сила жизни. Переворотъ. Исканіе Бога. Богъ есть жизнь. Послѣдствія вѣры. Отпаденіе отъ церкви.

Глава XV. Вліяніе кризиса на отношеніе Л. Н-ча къ окружающей средѣ 314

Письма къ Страхову о вѣрѣ и Ренанѣ. Религіозныя чтенія. Изъ записной книжки о смыслѣ жизни и о матеріализмѣ. Письмо къ Страхову о книгѣ Бакунина и о соціалистахъ. Разсказъ В. И. Алексѣева. Поѣздка въ самарское имѣніе. Путешествіе въ Кіевъ. Письмо къ Фету о перемѣнѣ жизни. Шопенгауэръ и Соломонъ. Письмо Страхова о Л. Н—чѣ. Изъ записной книжки о церкви. Духовныя крылья. Правительство и вѣра. Начало критической работы.

Глава XVI. Критическая работа 337

Богословіе Макарія. Церковное ученіе порождаетъ безбожіе. Задача критики. Возмущеніе Л. Н—ча церковными софизмами въ ученіи о Троицѣ. Грѣхопаденіе Адама. Разрывъ съ церковью. Изученіе Евангелій. Предисловіе. Цѣль изученія. Источники. Бесѣда съ Никодимомъ. Притча о сѣятелѣ. Чудо Воскресенія. Отношеніе Л. Н—ча къ своей работѣ. Краткое изложеніе Евангелія. Отче нашъ. Обращеніе къ читателямъ. Французскій переводъ „Исповѣди“. Англійскій переводъ. Мнѣніе И. С. Аксакова.

ЧАСТЬ V.

Обновленная жизнь.

Глава XVII. Событіе 1-го марта 1881 г. 361

Прокламація Исполнительнаго комитета. Отношеніе Л. Н—ча къ смертной казни вообще. Отношеніе къ событію 1 марта и къ его послѣдствіямъ. Письмо къ Александру III. Попытка передать письмо черезъ Побѣдоносцева. Отказъ его. Отвѣтъ Побѣдоносцева Л. Н—чу. Передача письма черезъ Вел. Кн. Сергѣя Александровича. Безрезультатность письма. Аналогичное состояніе Россіи черезъ 25 лѣтъ.

Стр.

Глава XVIII. Личная и семейная жизнь Л. Н—ча начала 80-хъ годовъ 375

Отношеніе друзей Л. Н—ча къ перемѣнѣ, происшедшей въ немъ. Отзывъ Тургенева. Его заботы о распространеніи „Войны и мира“ на французскомъ языкѣ. Отзывъ Флобера. Мнѣніе Тургенева объ извѣстности Толстого во Франціи. Тургеневъ въ Россіи. Неудачная миссія. Неосуществившееся желаніе Достоевскаго посѣтить Толстого. Письмо Страхова объ Ясной Полянѣ. Серьезность въ настроеніи Л. Н—ча. Замѣтки изъ записной книжки о богомольцахъ и посѣтителяхъ. Путешествіе въ Оптину пустынь пѣшкомъ въ 1881 году. Письма съ дороги. Пребываніе въ пустыни по разсказу С. П. Арбузова. Возвращеніе въ Ясную Поляну. Изъ записной книжки. Приглашеніе Тургенева. Посѣщеніе Л. Н—чемъ Тургенева въ Спасскомъ. Замѣтка объ этомъ въ дневникѣ Л. Н—ча. Поѣздка въ самарское имѣніе. Переписка съ С. Андр. Молокане. Пругавинъ. Посѣтитель Ясной Поляны въ отсутствіе Л. Н—ча. Возвращеніе Л. Н—ча въ Ясную Поляну. Разочарованіе. Переѣздъ въ Москву. Нравственныя страданія. Письмо Л. Н—ча къ В. И. Алексѣеву.

Глава XIX. Жизнь Л. Н—ча въ Москвѣ въ началѣ 80-хъ годовъ 404

Посѣщеніе Л. Н—чемъ Сютаева. Ник. Ѳед. Ѳедоровъ. Влад. Ѳед. Орловъ. Письмо Л. Н—ча къ В. И. Алексѣеву о новыхъ единомышленникахъ. Письмо Страхова къ Л. Н—чу. Перепись. Попытки Л. Н—ча воспользоваться переписью съ благотворительною цѣлью. Неудача. Сютаевъ въ Москвѣ. Разсказъ о немъ Л. Н—ча. Отъѣздъ Л. Н—ча въ Ясную Поляну. Переписка Л. Н—ча съ С. Андр. Занятія Л. Н—ча въ Ясной Полянѣ. Воспоминанія Н. К. Михайловскаго о знакомствѣ съ Л. Н—чемъ. Письмо Страхова. Л. Н—чъ въ Ясной Полянѣ. Письма его оттуда. Письма Страхова. Печатаніе „Исповѣди“ и конфискація ея. Отзывъ Тургенева. Почтовый ящикъ. Произведеніе Л. Н—ча. Переѣздъ въ Москву осенью 1882 года. Покупка и устройство дома въ Москвѣ въ Хамовническомъ переулкѣ. Письмо Л. Н—ча къ В. И. Алексѣеву. Изученіе еврейскаго языка. Разсказъ Минора. Отзывъ гр. С. А. Переписка Л. Н—ча съ Энгельгардомъ. Письмо къ NN. Душевныя страданія Л. Н—ча отъ переѣзда въ Москву. Успокоеніе.

Глава XX. „Въ чемъ моя вѣра?“ 447

Л. Н. весной 1883 г. въ Ясной Полянѣ. Радость отъ общенія съ природой. Пожаръ въ Ясной Полянѣ. Помощь Л. Н—ча.

Стр.

Поѣздка въ самарское имѣніе. Новое отношеніе къ хозяйству. Молокане. Кумысники. Переписка Л. Н—ча съ С. Андр. Кончина Тургенева. Его предсмертное письмо Л. Н—чу. Отказъ Л. Н—ча отъ званія присяжнаго засѣдателя. Чтеніе сочиненій Тургенева. Предполагавшееся публичное чтеніе о Тургеневѣ. Запрещеніе его. Окончаніе „Въ чемъ моя вѣра?“ и конфискація ея. Выдержки изъ „Въ чемъ моя вѣра“, резюмирующія ея содержаніе. Значеніе этого сочиненія.

Глава XXI. Заключительная 471

Знакомство съ В. Гр. Чертковымъ. Его воспоминаніе. Пріѣздъ въ Москву. Н. Н. Ге. Портретъ Л. Н—ча. Отъѣздъ Л. Н—ча въ Ясную Поляну. Поѣздка къ Н. Н. Ге на его хуторъ. Л. Н—чъ остается осенью 1884 года въ Ясной Полянѣ. Попытки вести хозяйство на новыхъ началахъ. Протестъ гр. С. Андр. Мое знакомство съ Л. Н—чемъ. Письмо Л. Н—ча изъ Ясной Поляны. Заключеніе.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Кромѣ книгъ и статей, поименованныхъ въ библіографическомъ указателѣ, приложенномъ къ первому тому, были использованы для второго тома еще слѣдующіе матеріалы:

1-й разрядъ.

1. Архивъ Л. Н—ча Толстого: дневники, письма, записныя книжки, воспоминанія.

2. Архивъ гр. С. А. Толстой: переписка съ Л. Н. Толстымъ и воспоминанія.

3. Архивъ Т. А. Кузминской: письма къ ней гр. С. А. Толстой и воспоминанія.

4. Архивъ В. Гр. Черткова: письма Л. Н—ча къ Н. Н. Страхову и другіе матеріалы.

5. Полное собраніе соч. Л. Н. Толстого. Изд. 10. Москва, 1897 г.

6. Полное собр. соч. Л. Н. Толстого, запрещенныхъ русской цензурой. Изд. „Свободнаго Слова".

7. Соч. Л. Н. Толстого, изд. Эльпидина. Женева. „Соединеніе и переводъ 4-хъ Евангелій".

8. Азбука Л. Н—ча Толстого. Изд. 1872 г. С.-Петербургъ.

9. „Новая азбука" Л. Н. Толстого. Изд. 1-е. 1875 г. Москва.

10. Рѣчь Л. Н. Толстого на военно-полевомъ судѣ. Журн. „Право" 1903 г., стр. 2016.

11. Письмо Л. Н. Толстого о самарскомъ голодѣ. „Моск. Вѣд." 17 авг. 1873 г.

12. Письмо Л. Н. Толстого о народн. журналѣ. „Тобольскія Вѣдомости" 1893 г.

13. Письмо Л. Н. Толстого къ Фету (не вошедшее въ воспоминанія). „Русское Обозр." 1896 г.

14. Письмо Л. Н. Толстого къ Шатилову объ опытѣ преподаванія по двумъ методамъ. „Отеч. Зап.“ 1874 г.

15. Личныя воспоминанія.

2-й разрядъ.

16. Арбузовъ, С. П. „Гр. Л. Н. Толстой“. Воспом. бывшаго слуги. Москва, 1904 г.

17. Е. М. „Воспоминанія объ И. С. Тургеневѣ въ Ясной Полянѣ“. „Тобольскія Губ. Вѣд.“ 1893 г. 28.

18. Захарьинъ (Якунинъ), Ив. „Гр. А. А. Толстая“. „Вѣстн. Европы“. Апрѣль 1905.

19. Михайловскій, Н. К. „Литературныя воспоминанія и соврем. смута“.

20. „Моск. Епарх. Вѣдом.“ 1874 г., 10. Стеногр. отч. о засѣданіи моск. комит. грам. 15 дек. 1874 г.

21. Овсянниковъ, Н. В. „Эпизодъ изъ жизни Л. Н. Толстого“. „Русское Обозрѣніе“ 1896 г.

22. Пругавинъ, А. С. „Гр. Л. Н. Толстой въ голодовку 1873—74 г.“ „Образованіе“. Ноябрь 1902 г.

23. Сергѣенко, П. А. „Тургеневъ и Толстой“. Лит. прил. къ „Нивѣ“ 1906 г.

24. Стасовъ, В. В. „Ник. Ник. Ге. Его жизнь, произв. и переписка“. Изд. „Посредника“. Москва, 1904 г.

25. Страховъ, Н. Н. Письма къ Н. Я. Данилевскому. „Русскій Вѣстникъ“ 1901 г., 1.

26. Сухотина, Т. Л. „Гости Ясной Поляны“.

27. Чайковскій, М. И. „Жизнь П. И. Чайковскаго“. Т. I и II. Изд. Юргенсона. Москва, 1896 г.

3-й разрядъ.

28. Богословскій, Евг. „Тургеневъ о Л. Н. Толстомъ“. Тифлисъ, 1894 г.

29. Достоевскій, Ѳ. М. „Дневникъ писателя 1877 г.“

30. Драгомировъ, М. „Война и миръ“ съ военной точки зрѣнія. „Оруж. Сборникъ“ 1868, 69.

31. Карѣевъ. „Философія исторіи въ романѣ „Война и миръ“.

32. Мережковскій. „Достоевскій и Толстой“.

33. Михайловскій, Н. К. „Записки Профана“.

34. Овсянико-Куликовскій. „Л. Н. Толстой, какъ художникъ“.

35. Объ опытѣ преподаванія въ моск. школахъ по способу Л. Н. Толстого и по звуковому. „Отеч. Записки“ 1874 г. 9.

36. „Русскій Инвалидъ“ 1902 г. (Военные типы „Войны и мира“).
37. „Русскія Вѣдомости“ 1874 г., 31. Отчетъ о засѣданіи моск. ком. грамотн.
38. Соловьевъ, В. „Гр. Л. Н. Толстой“. Очеркъ. „Нива“ 1879 г.
39. Станкевичъ (объ „Аннѣ Кар.“). „В. Евр.“ 1878 г. 4, 5.
40. Страховъ, Н. Н. „Критич. ст. о Тургеневѣ и Толстомъ“. Изд. 3-е. Спб. 1895 г.
41. Чуйко, В. 8-я часть „Анны Карениной“ „Отеч. Зап.“ 1877 г. Кн. 8-я.
42. Мелкія газетныя замѣтки и статьи.

Списокъ рисунковъ ко 2-му тому біографіи Л. Н. Толстого.

---

1. Автографъ изъ „Войны и мира“. Варіантъ конца третьей главы 4-й части четвертаго тома.
2. Портретъ Л. Н. Толстого въ 1868 г.
3. Домъ Л. Н. Толстого въ Ясной Полянѣ въ томъ видѣ, какой онъ принялъ послѣ пристройки залы въ началѣ 70-хъ годовъ.
4. Старинная липовая аллея, насаженная дѣдомъ Л. Н—ча, кн. Волконскимъ, въ яснополянскомъ паркѣ.
5. Автографъ изъ „Анны Карениной“. Снято съ корректурнаго экземпляра, хранящагося въ Имп. Публ. библ. въ Спб. (Отрывокъ изъ 30-й главы 3-й части.)
6. Снимокъ съ портрета Л. Н. Толстого, писаннаго Крамскимъ въ 1873 г.
7. Портретъ Л. Н. Толстого въ 1881 г.
8. Портретъ графини С. А. Толстой въ 1881 г.
9. Портретъ Вас. Кирил. Сютаева.
10. Видъ сада и дома Л. Н. Толстого въ Хамовническомъ переулкѣ, въ Москвѣ, пріобрѣтеннаго въ 1881 г.
11. Видъ того же дома вблизи.
12. Снимокъ съ портрета Л. Н. Толстого, писаннаго Н. Н. Ге въ 1884 г.

ЧАСТЬ I.

Періодъ „Войны и мира“.

ГЛАВА I.

До „Войны и мира“.

Мы оставили Льва Николаевича и Софью Андреевну въ Ясной Полянѣ, куда они удалились послѣ свадьбы, веселыхъ, бодрыхъ, жизнерадостныхъ. Судя по письму Льва Николаевича къ Фету, уже приведенному нами [1]), онъ чувствовалъ дѣйствительное возрожденіе и полной грудью вдыхалъ новую, охватившую его, атмосферу семейной жизни.

Эта перемѣна условій жизни самого Льва Николаевича ведетъ за собой нѣкоторыя перемѣны въ окружающей его средѣ. Такъ, 15 октября онъ прекращаетъ школьныя занятія. Изданіе журнала „Ясная Поляна“ тяготитъ его, журналъ опаздываетъ, и онъ рѣшается его прекратить. 18 октября 1862 года онъ пишетъ брату Сергѣю:

„На журналъ чуть-чуть тянется подписка, но по общему счету, который я сдѣлалъ на-дняхъ, журналъ принесетъ мнѣ 3000 убытку. Къ несчастью, получилъ я на-дняхъ двѣ статьи недурныя, которыя можно напечатать, такъ что съ небольшимъ трудомъ я дотяну до 63 года, но подписки на будущій годъ не дѣлаю и продолжать не буду журнала, а ежели будутъ набираться матеріалы, то буду издавать сборникомъ, просто книжками, безъ всякаго обязательства“... [2])

19 декабря онъ кончаетъ 1-ую часть „Казаковъ“ и сдаетъ ее по уговору Каткову, который и помѣщаетъ эту чудную

---

[1]) См. Первый томъ біографіи, стр. 472.

[2]) Архивъ Льва Николаевича Толстого.

повѣсть въ январской книжкѣ „Русскаго Вѣстника“ за 1863 годъ.

5-го января Левъ Николаевичъ записываетъ въ своемъ дневникѣ: „Счастье семейное поглощаетъ меня“.

Одного этого выраженія достаточно, чтобы охарактеризовать все тогдашнее состояніе Льва Николаевича.

Софья Андреевна также была вполнѣ счастлива и такъ выражала это въ письмѣ своему другу молодости, А. М. Кузминскому, будущему мужу ея сестры. Ей казалось почему-то удобнѣе высказать это по-французски, хотя все письмо написано по-русски:

„...Mariez vous, rendez votre èpouse heureuse, et demandez lui ce qu'elle pense et ce qu'elle sent, alors vous comprendrez ma vie et mon bonheur...“ [1])

Но это „поглощеніе счастіемъ“ не могло продолжаться долго именно въ силу той интенсивности, съ которой Л. Н. отдавался всякому чувству. Вскорѣ счастье омрачается нѣсколькими, правда, мимолетными, несогласіями, и гармонія снова возстанавливается.

15 января Л. Н—чъ записываетъ въ своемъ дневникѣ:

„...Мы дружны. Послѣдній раздоръ оставилъ маленькіе слѣды (незамѣтные) или можетъ быть время. Каждый такой раздоръ, какъ ни ничтоженъ,—есть надрывъ любви. Минутное чувство увлеченія, досады, самолюбія, гордости—пройдетъ, а хоть маленькій надрѣзъ останется навсегда и въ лучшемъ, что есть на свѣтѣ,—въ любви“.

8 февраля: „...Мнѣ такъ хорошо, такъ хорошо, такъ ее люблю!“ [2])

Мы видимъ изъ этихъ бѣглыхъ замѣтокъ, какъ бережно, какъ сознательно относился Л. Н—чъ къ своему новому чувству, какъ будто онъ боялся потерять его, стать недо-

---

[1]) (Женитесь, сдѣлайте счастливой вашу жену и спросите у ней, что она думаетъ и чувствуетъ, тогда вы поймете мою жизнь и мое счастіе). Архивъ Т. А. Кузминской.

[2]) Архивъ Льва Николаевича Толстого.

стойнымъ этого священнаго огня, загорѣвшагося въ немъ и освѣтившаго своимъ свѣтомъ всю его внутреннюю жизнь и окружающую обстановку.

И все-таки во всемъ этомъ увлеченіи постоянно слышится нотка анализа, сомнѣнія, не дающая ему испытать полнаго счастья — самозабвенія, котораго ему такъ хотѣлось, и въ обладаніи которымъ онъ такъ старался увѣрить себя.

И это сомнѣніе, это неудовлетвореніе, помимо его воли, быть-можетъ, выразилось въ его художественныхъ твореніяхъ.

Вскорѣ послѣ женитьбы Л. Н—чъ началъ писать „Войну и миръ".

Въ 6-ой главѣ 1-ой части, написанной въ концѣ 63 г. или началѣ 64 года, т.-е. черезъ годъ съ небольшимъ послѣ свадьбы, князь Андрей такъ говоритъ Пьеру:

— „Никогда, никогда не женись, мой другъ! Вотъ тебѣ мой совѣтъ: не женись до тѣхъ поръ, пока ты не скажешь себѣ, что ты сдѣлалъ все, что могъ, и до тѣхъ поръ, пока ты не перестанешь любить ту женщину, какую ты выбралъ, пока ты не увидишь ее ясно, а то ты ошибешься жестоко и непоправимо. Женись старикомъ, никуда негоднымъ... А то пропадетъ все, что въ тебѣ есть хорошаго и высокаго. Все истратится по мелочамъ. Да, да, да! Не смотри на меня съ такимъ удивленіемъ. Ежели ты ждешь отъ себя чего-нибудь впереди, то на каждомъ шагу ты будешь чувствовать, что для тебя все кончено, все закрыто, кромѣ гостиной, гдѣ ты будешь стоять на одной доскѣ съ придворнымъ лакеемъ и идіотомъ... Да что...

„Онъ энергически махнулъ рукой.

„Пьеръ снялъ очки, отъ чего лицо его измѣнилось, еще болѣе выказывая доброту, и удивленно глядѣлъ на друга.

„— Моя жена, — прибавилъ князь Андрей, — прекрасная женщина. Это одна изъ тѣхъ рѣдкихъ женщинъ, съ которою можно быть покойнымъ за свою честь. Но, Боже мой, чего

бы я не далъ теперь, чтобы не быть женатымъ! Это я тебѣ одному и первому говорю, потому что я люблю тебя“ [1]).

Чувство органической зависимости отъ жены, отъ семьи, Л. Н—чъ прекрасно выражаетъ въ „Аннѣ Карениной“, описывая первое время женитьбы Левина и Кити.

Когда Кити сдѣлала ему сцену ревности, потому что онъ опоздалъ на полчаса домой, Левинъ, говоритъ Л. Н—чъ, „тутъ только въ первый разъ ясно понялъ то, чего онъ не понималъ, когда послѣ вѣнца повелъ ее изъ церкви. Онъ понялъ, что она не только близка ему, но что онъ теперь не знаетъ, гдѣ кончается она и начинается онъ. Онъ понялъ это по тому мучительному чувству раздвоенія, которое онъ испытывалъ въ эту минуту. Онъ оскорбился въ первую минуту, но въ ту же секунду онъ почувствовалъ, что онъ не можетъ быть оскорбленъ ею, что она была онъ самъ. Онъ испыталъ въ первую минуту чувство подобное тому, какое испытываетъ человѣкъ, когда, получивъ вдругъ сильный ударъ сзади, съ досадой и желаніемъ мести оборачивается, чтобы найти виновнаго, и убѣждается, что это онъ самъ нечаянно ударилъ себя, что сердиться не на кого и надо перенести и утишить боль“ [2]).

Въ другой разъ Левинъ, раздосадованный тѣмъ, что Кити увязалась за нимъ въ его поѣздкѣ къ умирающему брату, въ ужасѣ восклицаетъ:

„— Нѣтъ, это ужасно. Быть рабомъ какимъ-то!

„...Но въ ту же минуту онъ почувствовалъ, что онъ бьетъ самъ себя“ [3]).

Такимъ образомъ минуты счастья перемежались съ минутами сознанія и сожалѣнія объ утраченной свободѣ.

---

[1]) Полн. собр. соч. Льва Николаевича Толстого. Изд. 10-е, т. 5-й, стр. 48.

[2]) Тамъ же, т. 10-й, стр. 372.

[3]) Тамъ же, стр. 383.

Въ то же время Л. Н—ча не оставляютъ и литературные планы и мечты. Онъ въ своемъ дневникѣ записываетъ сюжетъ новаго романа. Вотъ два намѣченные типа: „профессоръ-западникъ, взявшій себѣ усидчивой работой въ молодости дипломъ на умственную праздность и глупость—въ противоположность человѣку, до зрѣлости удержавшему въ себѣ смѣлость мысли и нераздѣльность мысли, чувства и дѣла“.

Эти типы отчасти были изображены въ „Аннѣ Карениной“.

Попадаются въ дневникѣ того времени и мысли общаго критическаго, философскаго характера:

„...Открытіе новыхъ законовъ въ наукѣ есть только открытіе новаго способа воззрѣнія, при которомъ то, что прежде было неправильнымъ, кажется правильнымъ и послѣдовательнымъ, вслѣдствіе котораго (новаго воззрѣнія) другія стороны становятся темнѣе“ [1]).

Въ половинѣ декабря Л. Н—чъ съ молодой женой ѣдетъ не надолго въ Москву.

Пребываніе Л. Н—ча съ женой въ Москвѣ, конечно, обратило на себя вниманіе ихъ друга Фета, и онъ дѣлаетъ замѣтку объ этомъ въ своихъ воспоминаніяхъ:

„Въ скоромъ времени я съ восторгомъ узналъ,—пишетъ Фетъ,—что Левъ Николаевичъ съ женой въ Москвѣ и остановились въ гостиницѣ Шевріе, бывшей Шевалье. Отъ насъ не ускользнула эта перемѣна, столь идущая въ данномъ случаѣ къ прелестной идилліи молодыхъ Толстыхъ. Нѣсколько разъ мнѣ при проѣздахъ верхомъ по Газетному переулку удавалось посылать въ окно поклоны дорогой мнѣ четѣ“.

Но это продолжалось не долго. Вскорѣ молодые супруги снова въ Ясной Полянѣ, гдѣ Л. Н—чъ отдается опять семейно-хозяйственной жизни.

„Вѣроятно, молодымъ—Толстымъ,—продолжаетъ Фетъ,—

---

[1]) Архивъ Льва Николаевича Толстого.

невзирая на очарованіе перваго московскаго сезона недавнихъ супруговъ, не долго пожилось у Шевріе, и мы на пути изъ Москвы направились въ давно знакомую намъ Ясную Поляну, гдѣ намъ предстояло увидать новую ея хозяйку.

„Часовъ въ 8 вечера, въ морозную мѣсячную ночь почтовая тройка, свернувъ съ шоссе, повезла насъ по проселку, ведущему къ воротищу между двумя башнями, отъ которыхъ старая березовая аллея ведетъ къ ясно-полянскому дому. Когда мы стали подыматься рысцой на изволокъ къ этому воротищу, то замѣтили бойко выѣзжающую изъ воротъ навстрѣчу намъ тройку. „Вотъ, подумалъ я, какъ кстати. Тульскіе незнакомые намъ гости со двора, а мы какъ разъ подъѣдемъ“. Но вотъ бойкая тройка, наѣхавъ на насъ, вынуждена, подобно намъ, шагомъ сворачивать въ субой съ дороги, на которой двумъ тройкамъ нѣтъ мѣста рядомъ.

„— Возьми поправѣе-то,—кричитъ своему кучеру сѣдокъ, лица котораго я не могу разсмотрѣть въ тѣни отъ высокой спинки саней.

„— Это вы, графъ?—крикнулъ я, узнавъ голосъ Льва Николаевича.—Куда вы?

„— Боже мой, Аѳанасій Аѳанасьевичъ... мы съ женой выѣхали прокатиться. А Марья Петровна здѣсь?

„— Здѣсь.

„— Ахъ, какъ я рада!—воскликнулъ молодой и серебристый голосъ.

„— Выбирайтесь на дорогу!—воскликнулъ графъ, а мы сейчасъ же завернемъ за вами слѣдомъ.

„Не буду описывать отрадной встрѣчи нашей въ Ясной Полянѣ,—встрѣчи, которой много разъ суждено было повториться съ тою же отрадой. Но на этотъ разъ я невольно вспомнилъ дорогого Николая Николаевича Толстого, прослушавшаго въ Новоселкахъ всю ночь прелестную птичку. Такая птичка оживляла яснополянскій домъ своимъ присутствіемъ“ [1]).

---

[1]) А. Фетъ. «Мои воспоминанія» т. II-й, стр. 412.

Выходъ въ свѣтъ „Казаковъ“ и затѣмъ „Поликушки“ снова обращаетъ вниманіе литературныхъ друзей Л. Н—ча, но онъ, увлеченный инымъ, практическимъ дѣломъ, смотритъ какъ-то издали на свою прежнюю литературную дѣятельность и такъ выражаетъ это въ своемъ письмѣ къ Фету весной 1863 года:

„...Ваши оба письма одинаково были мнѣ важны, значительны и пріятны, дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ... Я живу въ мірѣ, столь далекомъ отъ литературы и критики, что, получая такое письмо, какъ ваше, первое чувство мое—удивленіе. Да кто же такой написалъ „Казаки“ и „Поликушку“? Да и что разсуждать о нихъ? Бумага все терпитъ, а редакторъ за все платитъ и печатаетъ. Но это только первое впечатлѣніе, а потомъ вникнешь въ смыслъ рѣчей, покопаешься въ головѣ и найдешь тамъ гдѣ-нибудь въ углу, между старымъ забытымъ хламомъ, найдешь что-то такое неопредѣленное, подъ названіемъ художественное. И, сличая съ тѣмъ, что вы говорите, согласишься, что вы правы, и даже удовольствіе найдешь покопаться въ этомъ старомъ хламѣ и въ этомъ когда-то любимомъ запахѣ. И даже писать захочется. Вы правы, разумѣется. Да вѣдь такихъ читателей, какъ вы, мало. „Поликушка“—болтовня на первую попавшуюся тему человѣку, который „и владѣетъ перомъ“, а „Казаки“ „съ сукровицей“, хотя и плохо. Теперь я пишу исторію пѣгаго мерина, къ осени, я думаю, напечатаю. Впрочемъ, теперь какъ писать? Теперь незримыя усилія даже зримыя, и притомъ я въ юхванствѣ по уши. И Соня со мной, управляющаго у насъ нѣтъ. Есть помощникъ по полевому хозяйству и постройкамъ, а она одна ведетъ контору и кассу. У меня и пчелы, и овцы, и новый садъ, и винокурня. И все идетъ понемножку, хотя, разумѣется, плохо сравнительно съ идеаломъ. Что вы думаете о польскихъ дѣлахъ? Вѣдь дѣло-то плохо, не придется ли намъ съ вами и съ Борисовымъ снимать опять мечъ съ заржавленнаго гвоздя?.. [1])

[1]) Тамъ же, стр. 417.

А вотъ мнѣнія Тургенева о тѣхъ же литературныхъ произведеніяхъ, выраженное въ его письмахъ къ Фету того же времени:

„Казаковъ“ я читалъ и пришелъ отъ нихъ въ восторгъ (и Боткинъ также). Одно лицо Оленина портитъ общее великолѣпное впечатлѣніе. Для контраста цивилизаціи съ первобытною, нетронутою природой не было никакой нужды снова выводить это возящееся съ самимъ собою скучное и болѣзненное существо. Какъ это Толстой не сброситъ съ себя этотъ кошмаръ“.

И далѣе въ другомъ письмѣ:

„Прочелъ я „Поликушку“ Толстого и удивлялся силѣ этого крупнаго таланта. Только матеріалу ужъ больно много потрачено, да и сынишку онъ напрасно утопилъ. Ужъ очень страшно выходитъ. Но есть страницы поистинѣ удивительныя. Даже до холода въ спинной кости пробираетъ, а вѣдь она у насъ и толстая и грубая. Мастеръ, мастеръ“ [1]).

Какъ рѣзко выражается въ этихъ отзывахъ объ однихъ и тѣхъ же литературныхъ произведеніяхъ—самого Л. Н—ча и его друга Тургенева—разность ихъ характеровъ и взглядовъ на литературное искусство.

„Поликушку“ Л. Н. считаетъ „болтовней“, а Тургеневъ не находитъ словъ для похвалы и только упрекаетъ въ излишней силѣ впечатлѣнія. „Казаковъ“ Толстой считаетъ „съ сукровицей“, т.-е. съ идеей, составляющей силу этого разсказа, Тургеневъ хотя и приходитъ въ восторгъ отъ „Казаковъ“, но самую эту сукровицу, т.-е. идею, выражаемую типомъ Оленина, считаетъ скучнымъ, болѣзненнымъ кошмаромъ.

Но возвратимся къ яснополянской идилліи.

Порой Левъ Николаевичъ, какъ бы отрываясь отъ своей кипучей дѣятельности, закрывая на все глаза, снова уходитъ

---

[1]) Тамъ же, т. 3-й, стр. 7.

въ самого себя и хотя издали, но уже замѣчаетъ своего страшнаго, тогда еще рѣдко посѣщавшаго его, призрака—дракона смерти.

1-го марта въ дневникѣ его кратко, но ясно выражено это состояніе: „мысль о смерти“.

Въ своемъ неутомимомъ стремленіи анализа и раскапыванія жизни до ея основанія, Толстой не даетъ себѣ покоя даже при полномъ благополучіи. При отсутствіи препятствія онъ воображаетъ его и нападаетъ на него, какъ Донъ-Кихотъ на вѣтряныя мельницы. Такъ, на него находятъ припадки ревности. Онъ записываетъ въ дневникѣ, что онъ чувствуетъ „ревность къ человѣку, который бы вполнѣ стоилъ ея“.

Но зато дальше онъ пишетъ:

„...А малѣйшій проблескъ пониманія и чувства, и я опять весь счастливъ и вѣрю, что она понимаетъ вещи какъ и я“.

При его страстности, способности увлекаться и вмѣстѣ съ тѣмъ подозрительности, неизбѣжны были огорченія и семейныя бури, но зато неизбѣжны и порывы счастья, любви, съ такою же силою чувствуемыхъ, какъ и предшествующія страданія.

Запись дневника 6-го октября 1863 года кратко, но ясно отражаетъ намъ эти періоды борьбы съ самимъ собою.

„...Все это прошло и все неправда. Я ею счастливъ, но я собою недоволенъ страшно. Я качусь, качусь подъ гору смерти и едва чувствую въ себѣ силы остановиться. А я не хочу смерти, я хочу и люблю безсмертіе. Выбирать незачѣмъ. Выборъ давно сдѣланъ—литература, искусство, педагогика, семья. Непослѣдовательность, робость, лѣнь, слабость—вотъ мои враги“ [1]).

Юный возрастъ супруги Льва Николаевича возбуждалъ иногда шутки его друзей, отъ которыхъ приходилось отби-

---

[1]) Архивъ Льва Николаевича Толстого.

ваться Льву Николаевичу. Такъ отъ 15 мая 1863 года онъ пишетъ Фету:

„Чуть-чуть мы съ вами не увидались, и такъ мнѣ грустно, что чуть-чуть, столько хотѣлось бы съ вами переговорить. Нѣтъ дня, чтобы мы о васъ нѣсколько разъ не вспоминали. Жена моя совсѣмъ не играетъ въ куклы. Вы не обижайте. Она мнѣ серьезный помощникъ. Да еще съ тяжестью, отъ которой надѣется освободиться въ началѣ іюля. Что же будетъ послѣ? Мы ухванствуемъ понемножку. Я сдѣлалъ важное открытіе, которое спѣшу вамъ сообщить. Приказчики и управляющіе и старосты есть только помѣха въ хозяйствѣ. Попробуйте прогнать все начальство и спать до десяти часовъ, и все пойдетъ навѣрно не хуже. Я сдѣлалъ этотъ опытъ и остался имъ доволенъ вполнѣ. Какъ бы, какъ бы намъ съ вами свидѣться? Ежели вы поѣдете въ Москву и не заѣдете къ намъ съ Марьей Петровной, то это будетъ даже обидно. Эту фразу подсказала мнѣ жена, читавшая письмо. Некогда. Хотѣлъ много писать. Обнимаю васъ отъ всей души, жена очень кланяется, и я очень кланяюсь вашей женѣ.

„Дѣло: когда будете въ Орлѣ, купите мнѣ пудовъ 20 разныхъ веревокъ, вожжей, тяжей и пришлите мнѣ съ извозчиками, ежели съ провозомъ обойдется дешевле двухъ рублей тридцати копеекъ за пудъ. Деньги немедленно вышлю“ [1]).

А вотъ еще одна лишняя картинка яснополянской жизни, принадлежащая перу того же друга-поэта Фета, восторженнаго поклонника молодой четы:

„Несмотря на самое серьезное и нетерпѣливое расположеніе духа, я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи заѣхать въ Ясную Поляну. Едва только я повернулъ между башнями по березовой аллеѣ, какъ наѣхалъ на Льва Николаевича, распоряжающагося вытягиваніемъ невода во всю ширину пруда и, очевидно, принимающаго всевозможныя мѣры, чтобы караси не ускользнули, прячась въ илъ, и про-

---

[1]) А. Фетъ. „Мои воспоминанія“, т. I, стр. 424.

бѣгая мимо крыльевъ невода, невзирая на яростное щелканье веревками и даже оглоблями.

„— Ахъ, какъ я радъ!—воскликнулъ онъ, очевидно, дѣля свое вниманіе между мною и карасями.—Мы вотъ сію минуту. Иванъ, Иванъ! круче заходи лѣвымъ крыломъ. Соня, ты видѣла Аѳанасія Аѳанасьевича?

„Но замѣчаніе это явно опоздало, такъ какъ, вся въ бѣломъ, графиня давно уже подбѣжала ко мнѣ по аллеѣ и тѣмъ же бѣгомъ съ огромной связкой тяжелыхъ амбарныхъ ключей на поясѣ, невзирая на крайне интересное положеніе, бросилась тоже къ пруду, перескакивая черезъ слеги невысокой загороди.

„— Что вы дѣлаете, графиня!—воскликнулъ я въ ужасѣ.—Какъ же вы неосторожны!

„— Ничего,—отвѣтила она, весело улыбаясь,—я привыкла.

„— Соня, вели Нестеркѣ принести мѣшокъ изъ амбара, и пойдемте домой.

„Графиня тотчасъ же отцѣпила отъ пояса огромный ключъ и передала его мальчику, который бросился бѣгомъ исполнять порученіе.

„— Вотъ,—сказалъ графъ,—вы видите полное примѣненіе нашей методы держать ключи при себѣ, а исполнять всѣ хозяйственныя операціи при посредствѣ мальчишекъ.

„Вечеръ этого дня можно бы по справедливости назвать исполненнымъ надеждъ. Стоило посмотрѣть, съ какою гордостью и свѣтлою надеждою глаза добрѣйшей тетушки Татьяны Александровны озирали дорогихъ племянниковъ и, обращаясь ко мнѣ, ясно говорили: „вы видите? у mon cher Léon [1]), конечно, не можетъ быть иначе“.

„Что касается до молодой графини, то, конечно, у прыгающей въ ея положеніи черезъ слеги, жизнь не можетъ не быть озарена самыми радостными надеждами. Самъ графъ, проведшій всю жизнь въ усиленныхъ поискахъ новизны, въ этотъ періодъ видимо вступилъ въ невѣдомый дотолѣ міръ,

[1]) У моего милаго Льва.

въ могучую будущность котораго вѣрилъ со всѣмъ увлеченіемъ молодого художника“ [1]).

Краткую, но характерную замѣтку объ этомъ времени мы находимъ въ воспоминаніяхъ свояченицы Л. Н—ча, тогда еще молодой дѣвушки, младшей сестры графини, Т. А. Берсъ:

„Весной я поѣхала къ нимъ въ Ясную. Онъ увлекался тогда двумя вещами: тягой вальдшнеповъ и пчельникомъ. На тягу я почти каждый день ходила съ нимъ, т.-е. онъ шелъ, а я верхомъ. Мы становились въ Засѣкѣ около пчельника; я помню, какъ онъ восхищался весной, пролетомъ птицъ, закатомъ солнца, а словъ его не помню. Съ нимъ всегда бѣжалъ желтый сетеръ Дора. Не разъ, возвращаясь домой, онъ заставалъ у себя пріѣхавшаго или своего друга молодости Дм. Алекс. Дьякова, или Фета, или П. Ф. Самарина. За чаемъ или за ужиномъ происходили бесѣды самыя оживленныя, но я содержанія ихъ не помню. Пчельникомъ онъ много занимался. У него жилъ тамъ сѣдой дѣдъ. Л. Н—чъ надѣвалъ сѣтку на голову и по цѣлымъ часамъ изучалъ жизнь пчелъ“ [2]).

Въ іюнѣ Л. Н—чъ записываетъ въ дневникѣ: „Читаю Гёте, и роятся мысли“.

28-го іюня послѣдовало рожденіе перваго сына Сергѣя. А вмѣстѣ съ этимъ начался цѣлый рядъ новыхъ семейныхъ заботъ, горестей и радостей.

Объ этомъ первомъ годѣ семейной жизни у насъ, къ сожалѣнію, нѣтъ никакихъ свѣдѣній, за исключеніемъ нѣсколькихъ бѣглыхъ замѣтокъ дневника. Въ это время онъ, вѣроятно, уже занимался собираніемъ и разработкой матеріала для будущаго большого романа.

Изъ литературныхъ опытовъ этого года слѣдуетъ упомянуть о двухъ мало извѣстныхъ неизданныхъ произведеніяхъ Льва Николаевича.

---

[1]) Тамъ же, стр. 425.

[2]). Изъ частнаго письма

Онъ написалъ шуточную комедію, подъ заглавіемъ „Нигилистъ“. Содержаніе такое: мужъ и жена, у нихъ учитель „нигилистъ“. Мужъ ревнуетъ жену, и выходятъ разные qui pro quo. Кончается благополучно. Они мирятся, и жена поетъ мужу куплетъ, послѣднія строчки котораго такія:

„Я консерваторъ совершенно
„И занята одними вами.

Эта комедія была поставлена на домашнемъ спектаклѣ и прошла съ блестящимъ успѣхомъ. Мужа играла графиня С. А., жену—ея сестра Т. А. На сценѣ является богомолка-странница, которую играла сестра Л. Н—ча, гр. Марья Николаевна, такъ вошедшая въ свою роль, что на сценѣ импровизировала цѣлыя тирады.

Кромѣ того, Л. Н—чъ тогда же написалъ комедію „Зараженное семейство“ и въ январѣ 1864 года повезъ ее въ Москву, желая поставить на казенномъ театрѣ. Но такъ какъ сезонъ уже подходилъ къ концу, то ему это не удалось. Л. Н—чъ читалъ эту комедію Островскому и выразилъ ему сожалѣніе, что ему придется отложить постановку, тогда какъ сюжетъ комедіи современный, на что Островскій отвѣчалъ ему: „Развѣ ты думаешь, что люди скоро поумнѣютъ?“

Комедія эта до сихъ поръ лежитъ неизданной, въ рукописи.

Перескакивая цѣлый годъ, мы находимъ Л. Н—ча уже погруженнымъ въ семейныя тяготы и заботы. Такъ, онъ писалъ Фету 15-го іюля 1864 года:

„Милый другъ Аѳанасій Аѳанасьевичъ! Только два слова. Жена диктуетъ: весь домъ боленъ. А я отъ себя прибавлю: и начинаетъ выздоравливать. Ваше приглашеніе всѣхъ порадовало. Мы переглянулись съ женой и Таней свояченицей, улыбнулись всѣ: а вотъ бы славно, поѣдемъ къ Фетушкѣ, ей-Богу! И поѣхали бы, кабы не горловая болѣзнь Тани, отъ которой она была въ опасности и теперь лежитъ, и не болѣзнь Сережи, и не восьмой мѣсяцъ беременности

Сони, при чемъ, обдумавъ здраво, не слѣдуетъ предпринимать такія поѣздки. Я же желаю и надѣюсь быть“ [1]).

Несмотря на сильное, страстное увлеченіе семьей и хозяйствомъ, Л. Н—чъ испытывалъ въ то же время еще одну страсть, иногда затмевавшую первыя двѣ. Страсть эта была охота. Онъ самъ признается въ этомъ женѣ своей, вѣроятно, получивъ отъ нея упрекъ за долгую отлучку, и пишетъ ей между прочимъ въ августѣ 1864 года, т.-е. на 2-й годъ женитьбы:

„...Ты говоришь, я забуду. Ни минуты, особенно съ людьми. На охотѣ я забываю, помню объ одномъ дупелѣ, но съ людьми, при всякомъ столкновеніи, словѣ, я вспоминаю о тебѣ, и все мнѣ хочется сказать тебѣ то, что я никому, кромѣ тебя, не могу сказать“ [2]).

Въ одну изъ такихъ поѣздокъ, тоже въ августѣ того же года, Л. Н—чу пришлось быть свидѣтелемъ страшнаго и страннаго несчастія. Онъ пишетъ женѣ:

„...Страшный тамъ случай, поразившій меня ужасно. Баба скотница упустила бадью въ колодецъ на конномъ дворѣ. Колодецъ всего 12 аршинъ. Сѣла на палку и велѣла себя спустить мужику. Мужикъ, староста-пчеловодъ, единственный мнѣ знакомый и милый въ Никольскомъ; баба слѣзла внизъ и упала съ палки. Мужикъ староста велѣлъ себя спустить, долѣзъ до половины, упалъ съ палки внизъ. Побѣжали за народомъ, вытащили черезъ полчаса, оба мертвые. Въ колодцѣ было всего три четверти воды, вчера хоронили“ [3]).

Этотъ случай послужилъ для Л. Н—ча темой разсказа „Вредный воздухъ“, помѣщеннаго въ 4-й книгѣ для чтенія.

Но вотъ его увлекаетъ новая страсть творчества, и онъ начинаетъ писать „Войну и миръ“.

Къ исторіи этого великаго произведенія мы и приступимъ въ слѣдующей главѣ.

---

[1]) А. Фетъ. „Мои воспоминанія“.

[2]) и [3]) Арх. гр. С. А. Толстой.

ГЛАВА II.

Исторія „Войны и мира“.

Само собой разумѣется, что мы будемъ говорить о „Войнѣ и мирѣ“ не въ смыслѣ критическомъ, литературномъ, а какъ о важномъ жизненномъ фактѣ, дающемъ намъ цѣнный біографическій матеріалъ. И потому, если мы и будемъ касаться критики, то опять-таки только какъ характерныхъ чертъ описываемой эпохи, какъ данныхъ для изображенія среды, окружавшей Л. Н—ча, его отношенія къ ней и ихъ взаимнаго вліянія. Наконецъ, мы считаемъ своимъ долгомъ высказать и наше собственное отношеніе къ „Войнѣ и миру“, какъ факту художественному, историческому, моральному и философскому, считая болѣе подробную критическую оцѣнку этого произведенія неумѣстной для біографіи и требующей спеціальнаго обширнаго труда, который отлагаемъ до болѣе благопріятнаго времени.

Какъ ни странно это сказать, это великое произведеніе явилось на свѣтъ какъ бы случайно или, выражаясь юридически, „безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія“.

Многимъ читателямъ, вѣроятно, извѣстно, что раньше „Войны и мира“ Л. Н—чъ задумывалъ написать романъ „Декабристы“. Отрывки этого романа, напечатанные въ 3-мъ томѣ полнаго собранія сочиненій, снабжены слѣдующимъ примѣчаніемъ:

„Печатаемыя здѣсь три главы романа подъ заглавіемъ „Декабристы“ были написаны еще прежде, чѣмъ авторъ

принялся за „Войну и миръ“. Въ то время онъ задумывалъ романъ, котораго главными дѣйствующими лицами должны быть декабристы, но не написалъ его, потому что, стараясь создать его, онъ невольно переходилъ мыслью къ предыдущему времени, къ прошлому своихъ героевъ. Постепенно передъ авторомъ раскрывались все глубже и глубже источники тѣхъ явленій, которыя онъ задумывалъ описывать: семья, воспитаніе, общественныя условія и проч. избранныхъ имъ лицъ; наконецъ, онъ остановился на времени войнъ съ Наполеономъ, которое и изобразилъ въ „Войнѣ и мирѣ“. Въ концѣ этого романа видны уже признаки того возбужденія, которое отразилось въ событіяхъ 14-го декабря 1825 года“ [1]).

Время наполеоновскихъ войнъ недаромъ привлекло вниманіе Л. Н—ча. Историческій и психологическій анализъ этихъ событій привелъ его къ созданію особаго философскаго взгляда на исторію, и весь романъ является какъ бы дивной иллюстраціей къ этому взгляду. Для детальной разработки этой картины послужили, съ одной стороны, семейныя и историческія преданія; съ другой стороны, особое отношеніе автора въ жизни и духу русскаго народа, явившагося главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ этой эпопеѣ.

Вотъ тѣ данныя, которыя, по нашему мнѣнію, легли въ основу „Войны и мира“. Въ концѣ 64-го года въ письмахъ Л. Н—ча появляются уже сообщенія о томъ, что романъ пишется.

Такъ, 17-го ноября 1864 года онъ пишетъ Фету:

„Я тоскую и ничего не пишу, а работаю мучительно. Вы не можете себѣ представить, какъ мнѣ трудна эта предварительная работа глубокой пахоты того поля, на которомъ я принужденъ сѣять. Обдумать и передумать все, что можетъ случиться со всѣми будущими людьми предстоящаго сочиненія, очень большого, и обдумать милліоны возмож-

---

[1]) Полное собр. соч. Т. III, стр. 535. Изд. 10-е. Москва.

ныхъ сочетаній для того, чтобы выбрать изъ нихъ 1/1000000, ужасно трудно. И этимъ я занятъ".

Вскорѣ затѣмъ онъ писалъ еще:

„Я довольно много написалъ нынѣшнюю осень своего романа. Ars longa, vita brevis est [1]), думаю я всякій день. Коли можно бы было успѣть 1/100 долю исполнить того, что понимаешь, но выходитъ только 1/10000000 часть. Все-таки это сознаніе, что могу, составляетъ счастье нашего брата. Вы знаете это чувство. Я нынѣшній годъ съ особенной силой его испытываю" [2]).

Писаніе „Войны и мира" было прервано самымъ неожиданнымъ трагическимъ образомъ. Въ сентябрѣ 1864 года со Львомъ Николаевичемъ на охотѣ произошелъ случай, едва не стоившій ему жизни. Вотъ какъ сообщаетъ объ этомъ несчастіи гр. С. А. своей сестрѣ:

1-го октября 1864 года.

„...Лева поѣхалъ въ ненавистные тебѣ Телятники съ борзыми и на Машкѣ, которая давно уже стояла. Вдругъ выскочилъ русакъ. Лева кричитъ: ату его! и пускается во весь духъ его травить. Машка, не привычная къ охотѣ, ужасно быстрая въ скаку, натыкается на очень узкую, но глубокую рытвину, перепрыгнуть не въ состояніи, спотыкается и падаетъ. Лева падаетъ съ нея, ушибается, и рука его вывихнулась. Конечно, лошадь убѣжала, а Лева почти безъ памяти, съ ужасной болью въ рукѣ, остается на мѣстѣ. Кое-какъ собрался онъ съ силами, всталъ и поплелся; до шоссе было съ версту; какъ онъ дошелъ, одному Богу извѣстно; говоритъ, что ему все казалось очень давно. Что „когда-то" онъ ѣхалъ, „когда-то давно" травилъ зайца, и точно какъ будто давно, давно онъ упалъ. Въ такомъ состояніи дошелъ до шоссе, тамъ и легъ. Ѣхали мужики, онъ кричалъ, они не обратили вниманія, наконецъ, пѣшеходъ

---

[1]) Искусство длинно, а жизнь коротка.

[2]) А. Фетъ „Мои воспоминанія", т. II, стр. 48 и 52.

остановилъ телѣгу, мужики его подняли, положили и привезли не домой, а онъ велѣлъ на деревню, въ избу, чтобы не испугать меня. А я между тѣмъ сижу съ Сережей и мамашей и ворчу, что никто не ѣдетъ къ обѣду. Вдругъ Машенька является, закутанная и съ страннымъ лицомъ. Они переглядываются и начинаютъ меня приготовлять, и какъ надо быть разсудительной, не пугаться... Я кричу: „что съ Левой, говорите скорѣй!“ Мнѣ говорятъ, что онъ въ избѣ; я бѣгу туда и вижу его раздѣтымъ, въ страшныхъ страданіяхъ, стонетъ, и руку держитъ мужикъ, баба-старуха растираетъ. Агаѳья Михайловна дѣлаетъ чай, и тетенька тамъ, и дѣти кричатъ. Послали за Шмигеро, онъ 8 разъ принимался ломать руку, т.-е. править, ничего не сдѣлалъ, а только измучилъ Леву. Мама одна все время присутствовала. Онъ провелъ страшную ночь, я его не покидала ни минуты, и на другой день пріѣхалъ ловкій молодой докторъ Преображенскій, который съ хлороформомъ отлично вправилъ ему руку“ [1]).

Дополняемъ описаніе этого случая по воспоминаніямъ его слуги Сергѣя Петровича Арбузова:

„Графа тѣмъ временемъ перевезли съ деревни въ свой домъ. Въ домѣ никто не спалъ. Докторъ раздѣлся, пошелъ на верхъ въ кабинетъ, куда я подалъ и лѣкарства. Софья Андреевна сейчасъ же послала меня за двумя работниками, чтобы держать графа, когда докторъ будетъ править руку. Я позвалъ работниковъ Семена и Владиміра, которыхъ графъ очень любилъ; по приказанію графини они были введены въ кабинетъ и по указанію доктора стали сзади графа. Докторъ далъ что-то понюхать, и Левъ Николаевичъ заснулъ, а докторъ началъ править руку. Но графъ скоро очнулся и сказалъ:

„— Не стыдно ли вамъ такъ со мной поступать?

„Тогда докторъ далъ графу понюхать еще больше, и графъ

---

[1]) Архивъ Т. А. Кузминской.

такъ лишился сознанія, что докторъ даже испугался. Работники тянули руку по указаніямъ доктора, а самъ онъ только правилъ плечо. Графъ все не приходилъ въ себя, такъ что докторъ поспѣшилъ положить ему на голову холодный компрессъ, послѣ чего Левъ Николаевичъ очнулся.

„— Какъ вы себя чувствуете?—спросилъ докторъ.

„— Чувствую очень хорошо.

„Все время старая няня, Агаѳья Михайловна, которую очень любятъ и графъ и графиня, не отходила отъ нихъ и утѣшала ихъ.

„— Вы, матушка Софья Андреевна, не очень огорчайтесь; съ живымъ человѣкомъ все можетъ случиться. Богъ дастъ, все пройдетъ.

„Въ это время пріѣхалъ другой докторъ, Кнерцеръ, за которымъ посылали. Оба доктора о чемъ-то между собой поговорили и рѣшили, что рука вправлена хорошо, но только графу шесть недѣль придется пролежать въ постели. Доктора послѣ обѣда уѣхали въ Тулу.

„Добрая няня Агаѳья Михайловна всѣ шесть недѣль не отходила отъ графа и тутъ же спала, сидя въ креслѣ. Послѣ шести недѣль графъ попробовалъ выстрѣлить, чтобы удостовѣриться, укрѣпилась ли рука или нѣтъ, но тотчасъ же послѣ выстрѣла почувствовалъ ужасную боль. Графъ тотчасъ же послалъ письмо въ Москву своему тестю, придворному доктору, Андрею Астафьевичу Берсъ; тотъ немедленно отвѣтилъ, чтобы графъ пріѣзжалъ въ Москву больше чѣмъ на мѣсяцъ, такъ какъ ему надо дѣлать ванны, растирать руку и снова ее поправлять“ [1]).

Пріѣхавъ въ Москву, Л. Н—чъ остановился у родныхъ своей жены и сталъ совѣтоваться съ московскими знаменитостями о томъ, что дѣлать ему съ худо вправленной

---

[1]) Гр. Л. Н. Толстой. Воспоминанія С. П. Арбузова. Москва, 1904 г., стр. 40.

рукой, которой онъ не могъ какъ слѣдуетъ владѣть и при движеніи которой чувствовалъ сильную боль.

Совѣты докторовъ были разнообразны, и это разнорѣчіе усиливало нерѣшительность Л. Н — ча дѣлать трудную операцію.

Одни совѣтовали переправить руку; другіе совѣтовали лѣчить массажемъ. Одни обнадеживали, что операція легкая, и обѣщали полное выздоровленіе; другіе, наоборотъ, предупреждали, что операція трудна, что рука можетъ остаться одна короче другой и что на полное владѣніе нѣтъ никакой надежды. Въ этой нерѣшительности Л. Н—чъ провелъ цѣлую недѣлю. Это была первая продолжительная отлучка Л. Н—ча отъ своей молодой семьи, конечно, вызвавшая не мало огорченій и въ то же время послужившая поводомъ обмѣна самыхъ дружескихъ писемъ. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ, наиболѣе характерныя и рисующія отношенія молодыхъ супруговъ:

25-го ноября 1864 г.

„...Разстались-таки мы съ тобой,—пишетъ Софья Андреевна,—пришлось и горя испытать, не все же радоваться. А это настоящее горе, серьезное, которое тоже надо умѣть перенесть. Какъ-то вы всѣ тамъ поживаете? Хорошо ли тебѣ? Ты обо мнѣ не думай, ты все дѣлай, что тебѣ весело. Въ клубъ ѣзди и къ знакомымъ, къ кому хочешь, я теперь насчетъ всего такъ покойна, такъ счастлива тобой и такъ въ тебѣ увѣрена, что ничего въ мірѣ не боюсь. Это я тебѣ говорю искренно, и самой пріятно въ себѣ это чувствовать. У насъ все по-старому, безъ малѣйшихъ перемѣнъ. Я все сижу внизу, тутъ мое царство, мои дѣти, мои занятія и жизнь. Когда приду наверхъ, мнѣ кажется, что я пришла въ гости. Сережа, когда я приду, встаетъ, безъ меня шутитъ и вретъ, а при мнѣ все церемоніи и натянутость, хотя онъ и любезенъ и хорошъ со мной. Чувствуется мнѣ, что я имъ всѣмъ чужая; странно, чужая твоимъ роднымъ, что всѣ они любятъ и дороги другъ другу, а на меня смотрятъ снисходительно и

ласково, какъ на воспитанницу въ домѣ. Всѣ очень добры, участіе большое принимаютъ во мнѣ, но все это какъ-то не то. Безъ тебя я тутъ не при чемъ,—такія ужъ у меня дикія мысли; при тебѣ я чувствую себя царицей, безъ тебя—лишней. Всѣ, кто меня любитъ, теперь въ Кремлѣ, и я постоянно съ вами живу, вся моя жизнь—исключая дѣтей—вся тамъ. Тетенька самая родственная и самая добрая. Она никогда не мѣняется, все та же".

Конечно, и Л. Н—чъ отвѣчалъ ей тѣмъ же. Вотъ, какое впечатлѣніе произвело на него предыдущее письмо; описывая свое времяпрепровожденіе въ Москвѣ, онъ между прочимъ пишетъ:

„...За обѣдомъ позвонили—газеты, Таня все бѣгала; позвонили другой разъ — твое письмо. Просили всѣ у меня читать, но мнѣ жалко было давать его. Оно слишкомъ хорошо, и они не поймутъ и не поняли. На меня же оно подѣйствовало какъ хорошая музыка: и весело, и грустно, и пріятно—плакать хочется" [1]).

Но вотъ изъ Ясной стали приходить болѣе тревожныя извѣстія. Гр. С. А. въ это время кормила второго ребенка—Таню, а старшій—Сережа, заболѣлъ оспой и сильнымъ поносомъ, который онъ едва перенесъ. Сообщая Л. Н — чу эти печальныя вѣсти, Софья Андреевна тѣмъ не менѣе прибавляетъ:

„...А ты, душенька, напротивъ, живи въ Москвѣ, не пріѣзжай, покуда у насъ все опять не будетъ совершенно хорошо и исправно. Теперь все равно ты для меня не существовалъ бы. Я все въ дѣтской со своими безпокойными дѣтьми. И на ночь, и на день мнѣ ихъ оставить никакъ нельзя".

Можно думать, что безпокойство о домѣ заставило Л. Н—ча рѣшиться на операцію, чтобы жертвы, принесенныя имъ, не пропадали даромъ.

23-го ноября докторъ Поповъ и Гаакъ сдѣлали ему опера-

---

[1]) Архивъ гр. С. А. Толстой.

цію подъ хлороформомъ; они сломали прежнее сращеніе, вправили снова и наложили повязку. Л. Н — чъ долго не поддавался хлороформу. Вскакивалъ, бредилъ. Операція кончилась благополучно, и выздоровленіе пошло обычнымъ путемъ.

На другой день Л. Н — чъ, не владѣя правой забинтованной рукой, диктовалъ письмо своей женѣ, которое писала подъ его диктовку его свояченица, меньшая сестра графини, Татьяна Андреевна Берсъ. Въ этомъ письмѣ, описывая въ комическомъ видѣ приготовленіе дома къ операціи, онъ говоритъ въ заключеніе, что не чувствовалъ никакого страха передъ операціей и чувствовалъ боль послѣ операціи, которая скоро прошла отъ холодныхъ компрессовъ.

С. А. писала ему почти каждый день: сообщая о здоровьѣ дѣтей, она старалась успокоить его, чтобы облегчить ему дни разлуки.

Такъ, 2-го декабря она между прочимъ пишетъ:

„Чѣмъ же ты теперь занимаешься, милый Левочка? Вѣрно, нашелъ писаря и диктуешь ему, если только рука не очень болитъ и если ты самъ весь здоровъ. А у меня-то нѣтъ работы, сижу и себя обшиваю теперь, чтобы къ твоему пріѣзду быть опять свободной и переписывать для тебя“.

3-го декабря.

„...Все про именины вы хорошо описали, и въ день операціи суматохи было не мало. Я, читая, совсѣмъ перенеслась въ вашъ міръ. А мнѣ теперь мой яснополянскій милѣе. Видно, гнѣздо, которое сама совьешь, лучше того, изъ котораго вылетишь“.

Порой ее охватываетъ грусть, и въ письмѣ слышится меланхолическая нотка. Такъ, въ письмѣ отъ 7-го декабря она пишетъ:

„...Музыка, которую я такъ давно не слыхала, разомъ вывела меня изъ моей сферы, — дѣтской, пеленокъ, дѣтей, изъ которой я давно не выходила ни на одинъ шагъ, и перенесла куда-то далеко, гдѣ все другое. Мнѣ даже

страшно стало, я въ себѣ давно заглушила всѣ эти струнки, которыя болѣли и чувствовались при звукахъ музыки, при видѣ природы и при всемъ, чего ты не видѣлъ во мнѣ, за что иногда тебѣ бывало досадно. А въ эту минуту я все чувствую, и мнѣ больно и хорошо. Лучше не надо всего этого намъ, матерямъ и хозяйкамъ".

„...Оглядываю твой кабинетъ и все припоминаю, какъ ты у ружейнаго шкапа одѣвался на охоту, какъ Дора прыгала и радовалась около тебя, какъ сидѣлъ у стола и писалъ, и я приду, со страхомъ отворю дверь, взгляну, не мѣшаю ли я тебѣ, и ты видишь, что я робѣю, и скажешь: войди. А мнѣ только этого и хотѣлось. Вспоминаю, какъ ты больной лежалъ на диванѣ; вспоминаю тяжелыя ночи, проведенныя тобой послѣ вывиха, и Аг. Мих. на полу, дремлющую въ полусвѣтѣ, и такъ мнѣ грустно, что и сказать тебѣ не могу" [1]).

Какъ только Л. Н—чъ немного оправился отъ операціи, онъ снова взялся за свой романъ. Но не будучи въ состояніи владѣть рукой, онъ диктовалъ его Татьянѣ Андреевнѣ. Вскорѣ онъ заключилъ условіе съ Катковымъ о напечатаніи его романа въ „Русскомъ Вѣстникѣ"; Катковъ платилъ ему по 300 руб. за печатный листъ.

Въ декабрѣ Л. Н—чъ вернулся домой.

Въ январѣ 1865 года Л. Н—чъ пишетъ Фету въ шутливомъ тонѣ о двухъ важныхъ событіяхъ своей жизни: о сломанной рукѣ и о скоромъ появленіи начала своего романа.

„Какъ вамъ не совѣстно, милый мой другъ Фетъ, такъ жить со мной, какъ будто вы меня не любите или какъ будто всѣ мы проживемъ Маѳусаиловы годы. Зачѣмъ вы никогда не заѣзжаете ко мнѣ? И не заѣзжаете такъ, чтобы прожить два-три дня, спокойно прожить. Такъ хорошо по-

---

[1]) Архивъ гр. С. А. Толстой.

ступать съ другими. Ну, не увидѣлись въ Ясной, встрѣтимся гдѣ-нибудь на Подновинскомъ; а со мной не встрѣтитесь на Подновинскомъ. Я тѣмъ счастливъ, что прикованъ къ Ясной Полянѣ; а вы человѣкъ свободный. А глядишь, умретъ кто-нибудь изъ насъ, вотъ какъ умеръ на-дняхъ сестринъ мужъ Вал. Петровичъ, тогда и скажете: „что это я за дуракъ, все о мельницѣ хлопоталъ, а къ Толстому не заѣхалъ. Мы бы съ нимъ поговорили". Право, это не шутка.

„...А знаете, какой я вамъ про себя скажу сюрпризъ: какъ меня стукнула объ землю лошадь и сломала руку, когда я послѣ дурмана очнулся и сказалъ себѣ, что я литераторъ. И я литераторъ, но уединенный, потихонечку литераторъ. На-дняхъ выйдетъ первая половина первой части 1805 года. Пожалуйста, подробнѣе напишите свое мнѣніе. Ваше мнѣніе да еще мнѣніе человѣка, котораго я люблю тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе я вырастаю большой, мнѣ дорого, — Тургенева. Онъ пойметъ. Печатанное мною прежде я считаю только пробой пера; печатанное теперь мнѣ хотя и нравится болѣе прежняго, но слабо кажется, безъ чего не можетъ быть вступленія. Но что дальше будетъ — бѣда... Напишите, что будутъ говорить въ знакомыхъ вамъ мѣстахъ, и главное, какъ на массу. Вѣрно пройдетъ незамѣчено. Я жду этого и желаю; только бы не ругали, а то ругательства разстраиваютъ... Я радъ, что вы любите мою жену: хотя я ее меньше люблю моего романа, а все-таки, вы знаете, жена. Пріѣзжайте же ко мнѣ" [1]).

Сдавъ начало своего романа въ печать, Л. Н—чъ продолжалъ усиленно работать надъ его продолженіемъ, читая и разбирая историческіе матеріалы, бесѣдуя со многими людьми, у которыхъ были или личныя воспоминанія того времени или были живы въ памяти разсказы современниковъ. Въ дневникѣ того времени записано имъ интересное впечатлѣніе отъ чтенія матеріаловъ, впечатлѣніе, которое впослѣдствіи легло въ основаніе его романа:

---

[1]) А. Фетъ. „Мои воспоминанія" томъ II, стр. 59.

19 марта 1865 года.

„Я зачитался исторіей Наполеона и Александра. Сейчасъ меня облакомъ радости сознанія возможности сдѣлать великую вещь охватила мысль написать психологическую исторію: романъ Александра и Наполеона. Всю подлость, всю фразу, все безуміе, все противорѣчіе людей ихъ окружавшихъ и ихъ самихъ. Наполеонъ, какъ человѣкъ — путается и готовъ отречься 18 брюмера передъ собраніемъ.

„De nos jours les peuples sont trop éclairés pour produir quelque chose de grand [1]).

„Александръ Македонскій называетъ себя сыномъ Юпитера, ему вѣрили. Вся египетская экспедиція—французское тщеславное злодѣйство. Ложь всѣхъ bulletins — сознательная. Пресбургскій міръ—escamoté. На Аркольскомъ мосту упалъ въ лужу, вмѣсто знамя. Плохой ѣздокъ. Въ итальянской войнѣ увозитъ картины, статуи. Любитъ ѣздить по полю битвы. Трупы и раненые—радость. Бракъ съ Жозефиной—успѣхъ въ свѣтѣ. Три раза поправлялъ реляцію сраженія Риволи—все лгалъ. Еще человѣкъ первое время сильный своей односторонностью, потомъ нерѣшителенъ — чтобъ было! какъ? Вы, простые люди, а я вижу въ небесахъ мою звѣзду. Онъ не интересенъ, а толпы, окружающія его и на которыя онъ дѣйствуетъ. Сначала односторонность и beau jeu въ сравненіи съ Мюратами и Барасами, потомъ ощупью—самонадѣянность и счастье и потомъ сумасшествіе — faire entrer dans son lit la fille des Césars [2]). Полное сумасшествіе, разслабленіе и ничтожество на Св. Еленѣ. Ложь и величіе потому только, что великъ объемъ, а мало стало поприще и стало ничтожество. И позорная смерть.

„Александръ, умный, милый, чувствительный, ищущій съ высоты величія объема, ищущій высоты человѣческой. Отрекающійся отъ престола и дающій одобреніе (не мѣшаю-

---

[1]) Въ наши дни народы слишкомъ просвѣщенны, чтобы создать что-либо великое.

[2]) Принять въ свое ложе дочь кесарей.

щій) убійству Павла (не можетъ быть). Планы возрожденія Европы. Аустерлицкія слезы, раненый. Нарышкина измѣняетъ. Сперанскій, освобожденіе крестьянъ. Тильзитъ — одурманеніе величіемъ. Эрфуртъ. Промежутокъ до 12 года — не знаю. Величіе человѣка, колебанія. Побѣда, торжество, величіе, grandeur, пугающіе его самого, и отыскиванія величія человѣка—души. Путаница во внѣшнемъ, а въ душѣ ясность. А солдатская косточка—маневры, строгости. Путаница наружная, проясненіе въ душѣ. Смерть. Ежели убійство, то лучше всего" [1]).

Кромѣ историческихъ документовъ и бесѣдъ съ людьми, помнящими описываемую эпоху, Л. Н—чу приходилось изучать и тѣ мѣста, гдѣ происходили великія событія.

Такъ, онъ осмотрѣлъ мѣстность Бородинскаго сраженія и самъ составилъ планъ его, который приложенъ къ роману.

Шуринъ Л. Н—ча С. А. Берсъ, ѣздившій съ нимъ въ эту поѣздку на Бородинское поле, такъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ объ этомъ путешествіи:

„Въ 1865 году осенью Левъ Николаевичъ пріѣхалъ въ Москву съ цѣлью съѣздить и осмотрѣть Бородинское поле, на которомъ происходило знаменитое сраженіе въ 1812 году. Онъ пріѣхалъ одинъ и остановился у насъ. Онъ просилъ отпустить меня съ нимъ. Родители отпустили меня, и восторгъ мой былъ неописанный. Мнѣ было тогда одиннадцать лѣтъ. Мой отецъ предоставилъ Льву Николаевичу свою охотничью коляску и погребецъ. Дорога, не считая десяти верстъ по шоссе отъ города, была по гати, и Левъ Николаевичъ очень безпокоился за экипажъ. Отъѣхавши нѣсколько станцій, мы намѣревались закусить и тутъ увидѣли, что погребецъ и провизія были забыты, а сохранилась только маленькая корзинка съ виноградомъ, которая была поручена мнѣ. Левъ Николаевичъ говорилъ: „мнѣ жаль не то, что мы забыли погребецъ и провизію, а то, что твой отецъ будетъ волноваться и сердиться за это на своего человѣка".

---

[1]) Архивъ Л. Н. Толстого.

„На почтовыхъ лошадяхъ мы доѣхали въ одинъ день и остановились около поля сраженія, въ монастырѣ, основанномъ въ память войны.

„Два дня Левъ Николаевичъ ходилъ и ѣздилъ по той мѣстности, гдѣ за полстолѣтія до того пало болѣе ста тысячъ человѣкъ, а теперь красуется великолѣпный памятникъ съ золотыми надписями. Онъ дѣлалъ свои замѣтки и рисовалъ планъ сраженія, напечатанный впослѣдствіи въ романѣ „Война и миръ"... Хотя онъ и разсказывалъ мнѣ кое-что и объяснялъ, гдѣ стоялъ во время сраженія Наполеонъ, а гдѣ Кутузовъ, я не сознавалъ тогда всей важности его работы и съ увлеченіемъ предавался игрѣ съ собачкой, хозяинъ которой былъ сторожъ памятника. Я помню, что на мѣстѣ и въ пути мы разыскивали стариковъ, еще жившихъ въ эпоху отечественной войны и бывшихъ свидѣтелями сраженія. По дорогѣ въ Бородино намъ сообщили, что сторожъ памятника на Бородинскомъ полѣ былъ участникомъ Бородинской битвы и, какъ заслуженный солдатъ, получилъ это мѣсто. Оказалось, что старикъ скончался за нѣсколько мѣсяцевъ до нашего пріѣзда. Левъ Николаевичъ досадовалъ. Вообще наши поиски были неудачны. На обратномъ пути на послѣдней станціи намъ попался веселый и старый ямщикъ съ лошадьми громаднаго роста. Когда мы выѣхали на шоссе, онъ мчалъ насъ въ карьеръ, между тѣмъ былъ очень лунный вечеръ, а туманъ былъ такъ силенъ, что такая ѣзда была довольно рискованна. Я былъ въ возбужденномъ состояніи, вѣроятно, отъ этой ѣзды, и Левъ Николаевичъ, замѣтивъ это, спросилъ меня, чего бы я хотѣлъ въ моей жизни. Я отвѣтилъ: „мнѣ очень жаль, что я не сынъ его". Онъ этому нисколько не удивился, вѣроятно, потому, что привыкъ къ этому, такъ какъ всѣ дѣти любили его, и сказалъ: „а мнѣ хочется"... И дальше я смутно припоминаю, что желаніе его—быть понятымъ другими, потому что онъ осуждалъ всѣхъ историковъ за невѣрное и внѣшнее описаніе фактовъ и доказывалъ, что онъ описываетъ эти факты

справедливо, потому что угадываетъ внутреннюю ихъ сторону“ [1]).

Самъ Левъ Николаевичъ былъ очень доволенъ поѣздкой; вѣроятно, въ это время его творческая фантазія, освѣженная созерцаніемъ самаго мѣста великаго событія, работала усиленно и создавала одинъ за другимъ чудные образы, проникнутые новыми глубокими идеями.

„Только бы Богъ далъ здоровья и спокойствія,—пишетъ онъ своей супругѣ,—а я напишу такое Бородинское сраженіе, какого еще не было“.

Онъ цѣлые дни проводилъ въ библіотекѣ Румянцевскаго музея, роясь въ цѣнныхъ архивахъ того времени, изучая масонскія книги, акты и рукописи.

Трудно себѣ представить всю ту гигантскую работу, которую пришлось выполнить Л. Н—чу при собираніи и разработкѣ и облеченіи въ художественную форму всего этого матеріала.

Многіе типы, кажущіеся намъ чуднымъ произведеніемъ художественной фантазіи, являются портретами, списанными съ натуры, послѣ глубокаго и серьезнаго изученія источниковъ.

Приведемъ для примѣра характеристику двухъ военныхъ типовъ, послужившихъ оригиналами для художественнаго воспроизведенія въ романѣ. Такъ, основаніемъ разсказа о партизанскомъ набѣгѣ Долохова послужили Л. Н—чу разсказы о подвигахъ извѣстнаго Фигнера во время отечественной войны, припомнимъ здѣсь нѣкоторые изъ нихъ, чтобы показать, изъ какого матеріала авторъ создалъ свой типъ партизана.

„Извѣстный впослѣдствіи партизанъ, артиллеріи капитанъ Фигнеръ, съ самаго начала отечественной войны отличался фанатической ненавистью къ Наполеону, имѣвшею даже мистическій оттѣнокъ, что было тогда въ модѣ; онъ еже-

---

[1]) С. А. Берсъ. „Воспоминанія о гр. Л. Н. Толстомъ“. Стр. 49.

дневно ходилъ по церквамъ и со слезами молился Богу объ избавленіи Россіи отъ чудовища. По занятіи непріятелемъ Москвы Фигнеръ, съ разрѣшенія главнокомандующаго, отправился въ оставленную столицу и, переодѣваясь въ различные костюмы, днемъ вывѣдывалъ, что ему было нужно, а ночью, собравъ жителей, нападалъ на французовъ и производилъ безпорядокъ и суматоху въ мѣстахъ ихъ расположенія. По открытіи партизанскихъ дѣйствій Фигнеръ получилъ небольшой отрядъ, съ которымъ онъ и дѣйствовалъ въ тылу французской арміи, отличаясь необычайной смѣлостью нападенія, доходившею до дерзости, и жестокостью, съ которой онъ обращался съ французами. О его подвигахъ было много разсказовъ послѣ компаніи 12-го года" [1]).

А вотъ, что извѣстно о прототипѣ безсмертнаго капитана Тушина, героя Шенграбенскаго сраженія. Одинъ военный историкъ даетъ о немъ такія свѣдѣнія:

„Каждый, кто читалъ описаніе этого сраженія, сдѣланное великимъ романистомъ, навѣрное, съ большимъ интересомъ остановился на симпатичномъ типѣ артиллериста, изображенномъ въ лицѣ штабсъ-капитана Тушина.

„Простота, безыскусственность, доброта и величайшая скромность, доходящая до застѣнчивости, на ряду съ чрезвычайной мощью духа,—всѣ эти качества штабсъ-капитана Тушина представляютъ собою отличительную черту не только прежняго типа артиллериста, но и вообще русскаго человѣка. Эта національность типа Тушина вызываетъ особенную къ нему симпатію. Но если Тушинъ представляетъ интересъ для каждаго читателя, то для военнаго, и особенно артиллериста, интересъ этотъ достигаетъ крайнихъ предѣловъ. И здѣсь самъ собою рождается вопросъ: былъ ли въ дѣйствительности такой артиллеристъ, который изображенъ гр. Толстымъ въ лицѣ Тушина, и какая батарея счастлива тѣмъ, что можетъ считать въ своихъ рядахъ такого богатыря?

---

[1]) В. Зелинскій. „Критич. литер. о Толстомъ". Ч. V, стр. 225.

„Въ отвѣтъ на это, на основаніи неоспоримыхъ архивныхъ документовъ, можемъ сказать, что артиллеристъ такой дѣйствительно былъ. Это—штабсъ-капитанъ Яковъ Ивановичъ Судаковъ, состоящій въ спискахъ 5-й батареи 10-й артиллерійской бригады, именовавшейся въ 1805 году „легкой ротой вакантной“ 4-го артиллерійскаго полка“ [1]).

Самъ Л. Н—чъ говоритъ о своей исторической работѣ такъ:

„Вездѣ, гдѣ въ моемъ романѣ говорятъ и дѣйствуютъ историческія лица, я не выдумывалъ, а пользовался матеріалами, изъ которыхъ у меня во время моей работы образовалась цѣлая библіотека книгъ, заглавія которыхъ я не нахожу надобности выписывать здѣсь, но на которыя всегда могу сослаться“.

Мы уже упоминали въ 1-мъ томѣ біографіи, что двѣ главныя семьи романа представляютъ много общаго съ предками Л. Н—ча какъ со стороны матери, такъ и со стороны отца.

„Наташа“ и та почти списана Л. Н. съ натуры. Много чертъ въ нее вошло изъ типа его свояченицы, меньшой сестры графини, теперь Татьяны Андреевны Кузминской; вошли также въ нее и черты графини С. А. По ея словамъ, Л. Н—чъ такъ выражался про Наташу: „Я взялъ Таню, перетолокъ ее съ Соней, и вышла Наташа“.

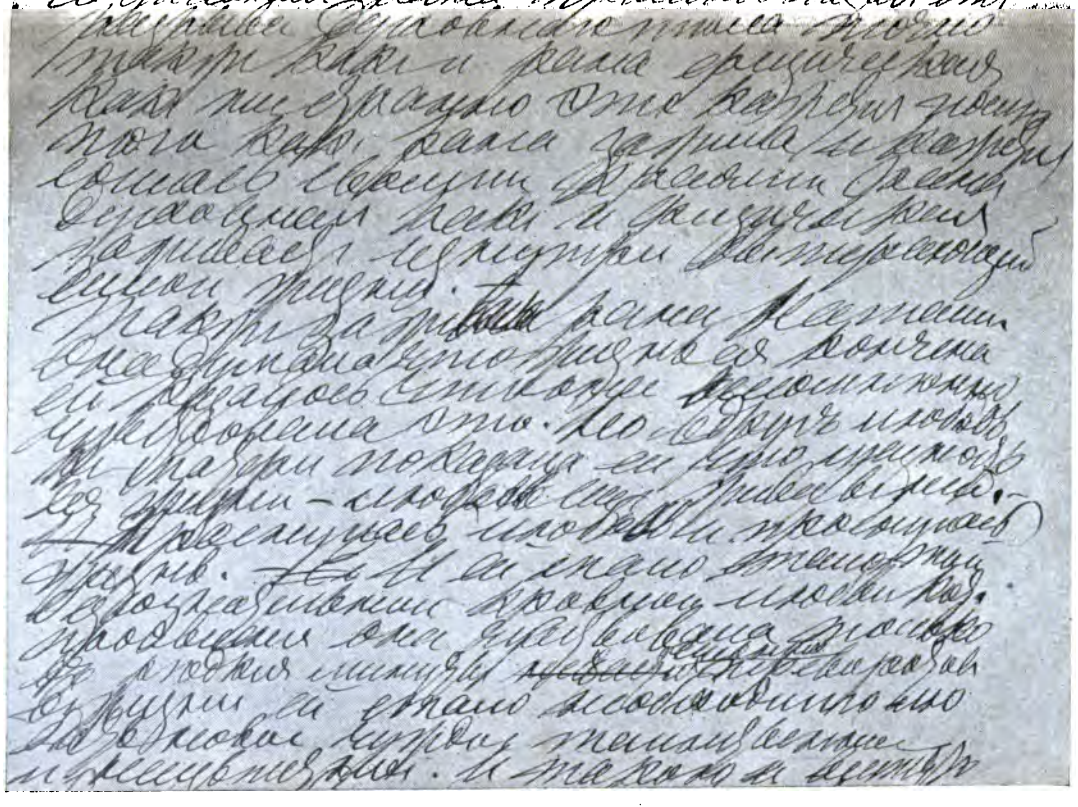
Эта самая „Таня“ писала намъ въ одномъ изъ недавнихъ писемъ:

„...Какъ я хорошо ихъ обоихъ помню, когда онъ писалъ „Войну и миръ“! У него было вѣчное поднятіе духа, „high spirit“, какъ называютъ англичане. Бодръ, здоровъ, веселъ. Въ тѣ дни, когда онъ не писалъ, онъ ѣздилъ на охоту со мной и часто съ сосѣдомъ Бибиковымъ, съ борзыми...

„...Помню, какъ всегда по его расположенію духа видно было, насколько удачно шло его писаніе; онъ былъ ожи-

---

[1]) „Руск. Инвалидъ“, № 91, 1902 г.



АВТОГРАФЪ ИЗЪ „ВОЙНЫ И МИРА“.
ВАРІАНТЪ КОНЦА ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЫ 4-Й ЧАСТИ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

вленъ и веселъ и говорилъ, что онъ кусочекъ жизни своей оставилъ въ чернильницѣ, когда шло удачно. Вечеромъ раскладывалъ пасьянсъ у тетеньки въ комнатѣ: онъ загадывалъ всегда почти что-нибудь о своемъ писаніи".

Вѣрной сотрудницей его была графиня Софья Андреевна, переписывавшая ему его черновики. Работа Л. Н—ча требовала постоянныхъ поправокъ и новой переписки. Такъ что работа, сдѣланная Софьей Андреевной, громадна,—подсчитать всѣ эти поправки и переписки невозможно.

И на нее самое эта переписка дѣйствовала возвышающимъ душу образомъ. Вотъ что она пишетъ между прочимъ объ этомъ своему мужу:

„...А нравственно меня съ нѣкотораго времени очень поднимаетъ твой романъ. Какъ только сяду переписывать, унесусь въ какой-то поэтическій міръ, и даже мнѣ покажется, что это не романъ твой такъ хорошъ (конечно, инстинктивно покажется), а я такъ умна".

Черновая рукопись, писанная рукой Л. Н—ча, хранится въ московскомъ Историческомъ музеѣ. Мы здѣсь прилагаемъ снимокъ съ небольшого автографическаго отрывка этой рукописи.

Набросавъ этотъ краткій очеркъ происхожденія и писанія „Войны и мира", мы перейдемъ теперь къ краткому обзору критической литературы, что и составитъ предметъ слѣдующей главы.

ГЛАВА III.

„Война и миръ“.

(Обзоръ критической литературы.)

Наша біографическая точка зрѣнія заставляетъ насъ держаться особой системы при обозрѣніи критическихъ статей, посвященныхъ этому великому произведенію. Для насъ „Война и миръ“ есть событіе въ жизни Л. Н—ча. Мы хотимъ оцѣнить, описать это событіе и вотъ послѣ сдѣланнаго нами въ предыдущей главѣ историческаго очерка этого произведенія мы считаемъ своимъ долгомъ изобразить то впечатлѣніе, которое произвело это событіе на читающую публику вообще и въ частности на представителей и руководителей этой публики, литературныхъ критиковъ.

Во-первыхъ, взглянемъ на впечатлѣніе, произведенное „Войной и миромъ“ на литературныхъ друзей Л. Н—ча. Мы выдѣляемъ эти критическіе отзывы въ особое мѣсто, такъ какъ мы беремъ ихъ изъ частныхъ писемъ самого Л. Н—ча и его друзей, а не изъ спеціальныхъ критическихъ статей, и потому эти отзывы носятъ особый интимный, непринужденный и несистематическій характеръ.

Романъ, какъ извѣстно, сталъ появляться въ книжкахъ „Русскаго Вѣстника“ съ января 1865 г. Первыя двѣ части, напечатанныя въ 1865 и 1866 г. и потомъ вышедшія отдѣльною книжкой, первоначально были названы авторомъ „Тысяча восемьсотъ пятый годъ“. Критическія статьи стали появляться послѣ выхода отдѣльной книжки, но отзывы дру-

зей начались еще во время печатанія его въ журналѣ; такъ, В. П. Боткинъ писалъ Фету уже 14 февраля 1865 года:

„Началъ читать романъ Толстого. Какъ тонко подмѣчаетъ онъ разныя внутреннія движенія,—просто поразительно! Но несмотря на то, что я прочелъ больше половины, нить романа нисколько не начинаетъ уясняться, такъ что до сихъ поръ подробности однѣ преобладаютъ. Кромѣ того, къ чему это обиліе французскаго разговора? Довольно сказать, что разговоръ шелъ на французскомъ языкѣ. Это совершенно лишнее и дѣйствуетъ непріятно. Вообще въ русскомъ языкѣ большая небрежность. Это, очевидно, вступленіе, фонъ будущей картины. Какъ ни превосходна обработка малѣйшихъ подробностей, а нельзя не сказать, что этотъ фонъ занимаетъ слишкомъ большое мѣсто“ [1]).

Тургенева не сразу покорило это неожиданное, непривычное его организованному уму произведеніе. 25 марта 1866 года онъ пишетъ Фету:

„Вторая часть „1805 года“ слаба: какъ это все мелко и хитро, и неужели не надоѣли Толстому эти вѣчныя разсужденія о томъ, трусъ, молъ, я или нѣтъ? Вся эта патологія сраженія? Гдѣ тутъ черты эпохи? Гдѣ краски историческія? Фигура Денисова бойко начерчена; она была бы хороша, какъ узоръ на фонѣ, а фона-то и нѣтъ“ [2]).

Читатели замѣчаютъ, что Боткинъ упрекаетъ Толстого въ обиліи фона, а Тургеневъ—въ отсутствіи его.

Позднѣе, въ письмѣ къ Фету отъ 8 іюня 1866 года Тургеневъ выражается еще болѣе рѣзко:

„Романъ Толстого плохъ не потому, что онъ также заразился „разсудительствомъ“, этой бѣды ему бояться нечего: плохъ онъ потому, что авторъ ничего не изучилъ, ничего не знаетъ и подъ именемъ Кутузова и Багратіона выводитъ

---

[1]) А. Фетъ. „Мои воспоминанія“, т. II, стр. 60.

[2]) Тамъ же, стр. 88.

намъ какихъ-то рабски списанныхъ современныхъ генеральчиковъ“ [1]).

Самъ Толстой сознавалъ нѣкоторые недостатки своего произведенія и писалъ объ этомъ своему другу Фету, мнѣніе котораго онъ цѣнилъ болѣе другихъ. Въ письмѣ отъ 7 ноября 1866 года онъ говоритъ слѣдующее:

„Милый другъ Аѳанасій Аѳанасьевичъ, я не отвѣчалъ на ваше послѣднее письмо сто лѣтъ тому назадъ и виноватъ за это тѣмъ болѣе, что, помню, въ этомъ письмѣ вы мнѣ пишете irritabilis poetarum gens [2]). Но ужъ не я. Я помню, что порадовался, напротивъ, вашему сужденію объ одномъ изъ моихъ героевъ—князѣ Андреѣ—и вывелъ для себя поучительное изъ вашего сужденія. Онъ однообразенъ, скученъ и только un homme comme il faut во всей первой части. Это правда, но виноватъ въ этомъ не онъ, а я. Кромѣ замысла характеровъ и движенія ихъ, кромѣ замысла столкновеній характеровъ, есть у меня еще замыселъ историческій, который чрезвычайно усложняетъ мою работу, съ которою я не справлюсь, какъ кажется. И отъ этого въ первой части я занялся исторической стороной, а характеръ стоитъ и не движется. И это недостатокъ, который я ясно понялъ вслѣдствіе вашего письма и надѣюсь, что исправилъ. Пожалуйста, пишите мнѣ, милый другъ, все, что вы думаете обо мнѣ, т.-е. о моемъ писаніи, дурного. Мнѣ всегда это въ великую пользу, а кромѣ васъ, у меня никого нѣтъ“.

Но по мѣрѣ выхода слѣдующихъ частей романа, онъ побѣждалъ все болѣе и болѣе своихъ читателей и отзывы друзей Л. Н—ча мѣняются. Тургеневъ пишетъ Фету 12 апрѣля 1868 года:

„Я только-что кончилъ 4-й томъ „Войны и мира“. Есть вещи невыносимыя и есть вещи удивительныя, и удивительныя эти вещи, которыя, въ сущности, преобладаютъ, такъ великолѣпно хороши, что ничего лучшаго у насъ никогда

---

[1]) Тамъ же, стр. 88.

[2]) Поэтамъ свойственно сердиться.

не было написано никѣмъ, да врядъ ли и было написано что-нибудь столь хорошее. 4-й и 1-й томы слабѣе 2-го и особенно 3-го. 3-й томъ почти весь chef d'oeuvre" [1]).

Боткинъ въ письмѣ Фету отъ 26 марта 1868 г. изъ Петербурга говоритъ слѣдующее:

„Между тѣмъ успѣхъ романа Толстого дѣйствительно необыкновенный. Здѣсь всѣ читаютъ его, и не только читаютъ, но и приходятъ въ восторгъ. Какъ я радъ за Толстого! Но отъ литературныхъ людей и военныхъ спеціалистовъ слышатся критики. Послѣдніе говорятъ, что, напримѣръ, Бородинская битва описана совсѣмъ невѣрно, и приложенный Толстымъ планъ ея произволенъ и не согласенъ съ дѣйствительностью. Первые находятъ, что умозрительный элементъ романа очень слабъ, что философія исторіи мелка и поверхностна, что отрицаніе преобладающаго вліянія личности въ событіяхъ есть не болѣе какъ мистическое хитроуміе, но помимо всего художественный талантъ автора внѣ всякаго спора. Вчера у меня обѣдали и былъ Тютчевъ, и я сообщаю отзывъ компаніи" [2]).

По поводу критической статьи Анненкова о „Войнѣ и мирѣ" Тургеневъ пишетъ самому Анненкову слѣдующее:

„Баденъ-Баденъ, 1868 г. 2 февраля.

„. . . Я прочелъ романъ Толстого и вашу статью о немъ. Скажу вамъ безъ комплиментовъ, что вы давно ничего умнѣе и дѣльнѣе не писали; вся статья свидѣтельствуетъ о вѣрномъ и тонкомъ критическомъ чутьѣ автора, и только въ двухъ - трехъ фразахъ замѣтна неясность и какъ бы спутанность выраженій. Самъ романъ возбудилъ во мнѣ весьма живой интересъ: есть цѣлые десятки страницъ сплошь удивительныхъ, первоклассныхъ,—все бытовое, описательное—охота, катанье ночью и т. д.; но историческая прибавка, отъ которой, собственно, читатели въ восторгѣ,—ку-

---

[1]) Тамъ же, стр. 95.

[2]) А. Фетъ. „Мои Воспоминанія", ч. II, стр. 174.

кольная комедія и шарлатанство. Какъ Ворошиловъ въ „Дымѣ“ бросаетъ пыль въ глаза тѣмъ, что цитируетъ послѣднія слова науки, не зная ни первыхъ, ни вторыхъ, чего, напримѣръ, добросовѣстные нѣмцы и предполагать не могутъ, такъ и Толстой поражаетъ читателя носкомъ сапога Александра, смѣхомъ Сперанскаго, заставляя думать, что онъ все объ этомъ знаетъ, коли даже до этихъ мелочей дошелъ, а онъ и знаетъ только эти мелочи. Фокусъ и больше ничего, но публика на него-то и попалась. И насчетъ такъ называемой „психологіи“ Толстого можно многое сказать: настоящаго развитія нѣтъ ни въ одномъ характерѣ (что, впрочемъ, вы отлично замѣтили), а есть старая замашка передавать колебанія, вибраціи одного и того же чувства, положенія, то, что онъ столь безпощадно вкладываетъ въ уста и сознаніе каждаго изъ своихъ героевъ: люблю, молъ, я, а въ сущности ненавижу и т. д. Ужъ какъ пріѣлись и надоѣли эти quasi-тонкія рефлексіи и размышленія и наблюденія за собственными чувствами! Другой психологіи Толстой словно не знаетъ или съ намѣреніемъ ее игнорируетъ. И какъ мучительны эти преднамѣренныя, упорныя повторенія одного и того же штриха—усики на верхней губѣ княжны Волконской и т. д. Со всѣмъ тѣмъ есть въ этомъ романѣ вещи, которыхъ, кромѣ Толстого, никому въ цѣлой Европѣ не написать, и которыя возбудили во мнѣ ознобъ и жаръ восторга“ [1]).

Тургенева захватывала и восторгала внѣшняя художественная сторона „Войны и мира“, самая же идея, которой это произведеніе служило воплощеніемъ, была ему настолько чужда, что онъ не переставалъ осуждать ее. Тому же Анненкову онъ, напримѣръ, пишетъ:

„Изъ Баденъ-Бадена, 1878 года 13 апрѣля.

„Доставили мнѣ 4-й томъ Толстого... Много тамъ пре-

---

[1]) Евг. Богословскій. „Тургеневъ о Л. Толстомъ“. Тифлисъ, 1894 г., стр. 41.

краснаго, но и уродства не оберешься. Бѣда, коли автодиктатъ, да еще во вкусѣ Толстого, возьмется философствовать: непремѣнно осѣдлаетъ какую-нибудь палочку, придумаетъ какую-нибудь систему, которая, повидимому, все разрѣшаетъ очень просто, какъ, напримѣръ, историческій фатализмъ, да и пошелъ писать. Тамъ, гдѣ онъ касается земли, онъ, какъ Антей, снова получаетъ свои силы: смерть стараго князя, Алпатычъ, бунтъ въ деревнѣ,—все это удивительно...“ [1]).

Наконецъ по окончаніи 5-го тома Боткинъ пишетъ Фету въ іюнѣ 1869 г.:

„Мы только на-дняхъ кончили „Войну и миръ“. Исключая страницъ о масонствѣ, которыя мало интересны и какъ-то скучно изложены, этотъ романъ во всѣхъ отношеніяхъ превосходенъ. Но неужели Толстой остановится на 5-й части? Мнѣ кажется, это невозможно. Какая яркость и вмѣстѣ глубина характеристики! Какой характеръ Наташи и какъ выдержанъ! Да, все въ этомъ превосходномъ произведеніи возбуждаетъ глубочайшій интересъ. Даже его военныя соображенія полны интереса, и мнѣ въ большей части случаевъ кажется, что онъ совершенно правъ. И потомъ, какое это глубоко русское произведеніе!“ [2]).

Какъ всякое значительное событіе, появленіе „Войны и мира“ вызвало нѣкоторую полярность въ общественномъ мнѣніи и въ представителяхъ его въ критической литературѣ. Критики раздѣлились на два лагеря—восторженныхъ хвалителей и озлобленныхъ ругателей этого произведенія. Этому способствовало извѣстное удаленіе Л. Н—ча отъ такъ называемыхъ прогрессивныхъ современныхъ общественныхъ теченій. Руководители этихъ теченій не могли простить

---

[1]) Тамъ же.

[2]) А. Фетъ. „Воспоминанія“, II, 196.

Льву Николаевичу его равнодушія къ тѣмъ вопросамъ, которые волновали ихъ, и уже одно печатаніе „Войны и мира“ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ (съ которымъ по своимъ убѣжденіямъ Л. Н—чъ ничего не имѣлъ общаго) въ глазахъ ихъ накладывало клеймо позора на это произведеніе и лишало ихъ той проницательности, съ которой они относились къ другимъ явленіямъ жизни.

Такъ, Н. В. Шелгуновъ писалъ объ этомъ романѣ между прочимъ слѣдующее:

„... Еще счастье, что гр. Толстой не обладаетъ могучимъ талантомъ, что онъ живописецъ военныхъ пейзажей и солдатскихъ сценъ. Если бы къ слабой опытной мудрости гр. Толстого придать силу таланта Шекспира или даже Байрона, то, конечно, на землѣ не нашлось бы такого сильнаго проклятія, которое бы слѣдовало на него обратить“ [1]).

Въ его полемическомъ увлеченіи Шелгунову казалось, что это произведеніе будетъ скоро забыто, что оно уже забывается. Въ той же статьѣ онъ пишетъ:

„Когда явился въ свѣтъ послѣдній томъ романа „Война и миръ“, то первые томы были почти забыты; по крайней мѣрѣ, интересъ, возбужденный произведеніемъ графа Л. Толстого въ самомъ началѣ, подъ конецъ упалъ. Что это значитъ? Чѣмъ это объясняется? Это объясняется отсутствіемъ глубоко-жизненнаго содержанія, которое одно можетъ дать литературному произведенію долговѣчность и постоянно возрастающій интересъ во мнѣніи критики и публики. Такого содержанія нѣтъ у гр. Толстого. А между тѣмъ гр. Толстой претендуетъ въ своемъ послѣднемъ романѣ на философскія воззрѣнія“ [2]).

Конечно, это была ошибка. „Война и миръ“ съ тѣхъ поръ выдержала около 15 изданій (при чемъ нѣсколько послѣднихъ изданій печаталось по 15.000 экз.). Съ конца 70-хъ годовъ

---

[1]) Сочин. Н. В. Шелгунова. Т. II, стр. 392, изд. 2, Спб., 1895.

[2]) Тамъ же, стр. 367.

романъ этотъ сталъ появляться на европейскихъ языкахъ и сразу занялъ передовое, если не первенствующее положеніе въ общеевропейской литературѣ.

Рядомъ съ этимъ крайнимъ приниженіемъ „Войны и мира“ мы ради контраста можемъ поставить и его крайнее превознесеніе.

Заключая одну изъ своихъ критическихъ статей, Н. Н. Страховъ говоритъ такъ:

„Полная картина человѣческой жизни.

„Полная картина тогдашней Россіи.

„Полная картина того, что называется исторіей и борьбой народовъ.

„Полная картина всего, въ чемъ люди полагаютъ свое счастье и величіе, свое горе и униженіе.

„Вотъ что такое „Война и миръ“ [1]).

Нѣкоторые критики до того были увлечены помимо своей воли жизненной правдой произведенія, что неблагопріятный оборотъ въ жизни его героевъ принимали за личное оскорбленіе и обрушивались на Толстого бурными потоками осужденій и обличеній за то, что онъ смѣлъ, напримѣръ, не женить Ростова на Сонѣ и т. д. Или что Ростовъ не такъ совсѣмъ долженъ былъ сдѣлать предложеніе княжнѣ Марьѣ. Въ той страсти, съ которою эти критики нападаютъ на автора „Войны и мира“, я вижу наивысшую похвалу ему [2]).

Приведемъ еще нѣсколько образцовъ озлобленной критики, характеризующей настроеніе извѣстной части тогдашняго общества.

Такъ, А. П. Пятковскій въ газетѣ „Недѣля“, еще не дождавшись конца романа, уже объявляетъ его слишкомъ длиннымъ и скучнымъ и такъ заканчиваетъ свою статью о „Войнѣ и мирѣ“:

„Не поймавъ главной характеристической черты алексан-

---

[1]) Н. Страховъ. „Крит. статьи“. Изд. 3-е, Спб., 1895. Стр. 348.

[2]) Зелинскій, ч. V, стр. 196, 197, 198.

дровскаго времени, не оцѣнивъ значенія важнѣйшихъ историческихъ лицъ, гр. Толстой, естественно, не могъ сконцентрировать своего романа и разбросался въ мелочахъ и деталяхъ, не связанныхъ никакою общею идеей. Онъ принялся описывать баталіи, московскія сплетни, салонныя интриги и любовныя приключенія. Эпоха 12-го года заняла уже цѣлый томъ, а читатель все-таки не понимаетъ въ чемъ дѣло. Только одна сценка, невзначай разсказанная гр. Толстымъ (она приведена въ началѣ статьи), бросаетъ лучъ свѣта на закулисную исторію народной войны. Остальное все какъ въ реляціяхъ: Кутузовъ, Багратіонъ, Шевардянскій редутъ и проч. Благодаря отсутствію всякаго плана и всякой логической концепціи между разсказываемыми событіями, романъ Толстого можно разогнать не на четыре, а на двадцать четыре тома. Хватитъ ли только у публики терпѣнія дождаться конца? А гр. Толстой, кажется, не намѣренъ церемониться и, какъ слышно, написалъ уже пятый томъ. Конца же все нѣтъ и нѣтъ" [1]).

Нѣкій Навалихинъ въ журналѣ „Дѣло" (1868, 6) въ статьѣ съ язвительнымъ заглавіемъ: „Изящный романистъ и его изящные критики", даетъ такіе отзывы о „Войнѣ и мирѣ":

„Въ томъ же видѣ, какъ романъ написанъ, онъ представляетъ рядъ возмутительныхъ грязныхъ сценъ, которыхъ смыслъ и значеніе явно не понимаются авторомъ и которыя поэтому равносильны ряду фальшивыхъ нотъ. Онъ въ такомъ умиленіи отъ своихъ героевъ, что ему кажется каждый ихъ поступокъ, каждое ихъ слово интереснымъ: на этихъ страницахъ видишь ужъ не героевъ, а умиленіе самого автора, восхищающагося людьми, которыхъ видъ заставляетъ содрогаться отъ ужаса и негодованія".

Далѣе онъ говоритъ:

„Съ начала до конца у гр. Толстого восхваляются буйства, грубость и глупость. Читая военныя сцены романа,

---

[1]) Зелинскій, ч. III, стр. 142.

постоянно кажется, что ограниченный, но рѣчистый унтеръ-офицеръ разсказываетъ о своихъ впечатлѣніяхъ въ глухой и наивной деревнѣ. Невозможно не чувствовать однакоже, что тутъ и разсказчикъ и слушатели совсѣмъ другіе, поэтому разсказъ безпрерывно больно и неловко задѣваетъ, какъ тѣ фальшивыя ноты, которыя заставляютъ судорожно искажать лица и скрежетать зубами" [1]).

Конечно, подобныя дикія выходки не имѣютъ критическаго значенія, а лишь психологическое. Читая ихъ, мы невольно вспоминаемъ слова Н. Н. Страхова въ одной изъ его критическихъ статей:

„И такіе люди судили, судятъ и будутъ судить о „Войнѣ и мирѣ!" [2]).

Въ другомъ мѣстѣ по поводу этихъ критиковъ Н. Н. Страховъ говоритъ слѣдующее:

„Критиковъ же наша литература не столько занимаетъ, сколько безпокоитъ своимъ существованіемъ: они вовсе не желаютъ о ней помнить и думать, а только досадуютъ, когда она напоминаетъ имъ о себѣ новыми произведеніями.

„Таково дѣйствительно было впечатлѣніе, произведенное появленіемъ „Войны и мира". Для многихъ, съ наслажденіемъ занимавшихся чтеніемъ послѣднихъ книжекъ журналовъ и въ нихъ своихъ собственныхъ статей, было чрезвычайно непріятно убѣдиться, что есть какая-то другая область, о которой они не думали и думать не хотѣли и въ которой однакоже созидаются явленія огромныхъ размѣровъ и блистательной красоты. Каждому дорого свое спокойствіе, самолюбивая увѣренность въ своемъ умѣ, въ значеніи своей дѣятельности, и отсюда объясняются тѣ озлобленные вопли, которые у насъ поднимаются въ частности на поэтовъ и художниковъ, а вообще на все, что уличаетъ насъ въ невѣжествѣ, забвеніи и непониманіи" [3]).

---

[1]) Зелинскій, ч. III, стр. 208 и 211.

[2]) Н. Страховъ. „Критич. статьи", стр. 35.

[3]) Тамъ же, стр. 232.

Но обратимся къ тѣмъ серьезнымъ цѣнителямъ, которые своими мыслями, изложенными ими по поводу „Войны и мира“, что-нибудь прибавляютъ къ содержанію этого произведенія и могутъ до нѣкоторой степени разъяснить недосказанное въ немъ. Чтобы вывести нѣкоторыя общія заключенія изъ множества критическихъ статей, до сихъ поръ, т.-е. въ теченіе сорока лѣтъ, не перестающихъ появляться въ печати по поводу „Войны и мира“, мы должны принять нѣкоторую систему.

При самомъ бѣгломъ обозрѣніи этого произведенія мы замѣчаемъ въ немъ три части: художественную, историческую и философскую.

Художественная часть представляетъ намъ разнаго рода характеры, типы, движеніе чувствъ и событій.

Историческая часть распадается на общую историческую и военно-историческую.

Философская часть изображаетъ намъ общую основную идею произведеній, которую иллюстрируютъ и подтверждаютъ первыя двѣ части.

Эти три части переплетаются между собой, почти совмѣщаются въ нѣкоторыхъ яркихъ чертахъ и изображеніяхъ— иногда же онѣ распадаются и идутъ одна за другой, независимо и параллельно.

Постараемся дать лучшіе образцы критическихъ сужденій по каждой изъ этихъ трехъ частей „Войны и мира“.

Чтобы лучше оріентироваться въ этомъ обширномъ и сложномъ матеріалѣ, мы сдѣлаемъ еще очень важное ограниченіе. Мы разсмотримъ только современные самому произведенію критическіе отзывы 60-годовъ, т.-е. такіе, которые вызваны самымъ романомъ, а не общею литературною дѣятельностью Л. Н—ча. Есть много прекрасныхъ критическихъ статей, написанныхъ въ позднѣйшее время и трактующихъ о „Войнѣ и мирѣ“ съ точки зрѣнія теперешняго міровоззрѣнія Толстого. Хотя подобныя критическія статьи представляютъ сами собою большой интересъ для насъ, съ біографической

точки зрѣнія онѣ имѣютъ иное значеніе и будутъ нами разсмотрѣны въ своемъ мѣстѣ. Намъ нужно изобразить жизненное событіе въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ оно дѣйствительно совершилось.

Въ художественной области мы дадимъ образцы сужденій двухъ крайнихъ литературныхъ партій.

Д. И. Писаревъ въ „Отечественныхъ Запискахъ" въ статьѣ „Старое барство" (1868 г., 2) говоритъ слѣдующее:

„Новый, еще не оконченный романъ гр. Толстого можно назвать образцовымъ произведеніемъ по части патологіи русскаго общества. Въ этомъ романѣ цѣлый рядъ яркихъ и разнообразныхъ картинъ, написанныхъ съ самымъ величественнымъ и невозмутимымъ эпическимъ спокойствіемъ, ставитъ и рѣшаетъ вопросъ о томъ, что дѣлается съ человѣческими умами и характерами при такихъ условіяхъ, которыя даютъ людямъ возможность обходиться безъ знаній, безъ энергіи и безъ труда.

„Очень можетъ быть, и даже очень вѣроятно, что гр. Толстой не имѣетъ въ виду постановки и рѣшенія такого вопроса. Очень вѣроятно, что онъ просто хочетъ нарисовать рядъ картинъ изъ жизни русскаго барства во времена Александра I. Онъ видитъ самъ, старается показать другимъ, отчетливо, до мельчайшихъ подробностей и оттѣнковъ, всѣ особенности, характеризующія тогдашнія времена и тогдашнихъ людей, людей того круга, который всего болѣе ему интересенъ или доступенъ его изученію. Онъ старается только быть правдивымъ и точнымъ: его усилія не клонятся къ тому, чтобы поддержать или опровергнуть создаваемыми образами какую бы то ни было теоретическую идею: онъ, по всей вѣроятности, относится къ предмету своихъ продолжительныхъ и тщательныхъ изслѣдованій съ тою невольною и естественною нѣжностью, которую обыкновенно чувствуетъ даровитый историкъ къ далекому или близкому прошедшему, воскресающему подъ его руками; онъ, быть-можетъ, находитъ даже въ особенностяхъ этого прошед-

шаго, въ фигурахъ и характерахъ выведенныхъ личностей, въ понятіяхъ и привычкахъ изображеннаго общества, многія черты, достойныя любви и уваженія. Все это можетъ быть, все это даже очень вѣроятно. Но именно оттого, что авторъ потратилъ много времени, труда и любви на изученіе и изображеніе эпохи и ея представителей, именно поэтому созданные имъ образы живутъ своею собственною жизнью, независимо отъ намѣренія автора, вступаютъ сами въ непосредственныя отношенія съ читателями, говорятъ сами за себя и неудержимо ведутъ читателя къ такимъ мыслямъ и заключеніямъ, которыхъ авторъ не имѣлъ въ виду, и которыхъ онъ, быть-можетъ, даже не одобрилъ бы".

Понявъ съ такою серьезностью художественный характеръ „Войны и мира", Писаревъ прекрасно резюмируетъ черты двухъ героевъ, представляющихъ два противоположные психологическіе типа—Бориса Друбецкого и Николая Ростова. Съ одной стороны холодный расчетъ, съ другой - непосредственное чувство.

„Николай Ростовъ—это совершенная противоположность Борису. Друбецкой — разсчетливъ, сдержанъ, остороженъ, все размѣряетъ и взвѣшиваетъ и во всемъ дѣйствуетъ по заранѣе обдуманному плану. Ростовъ, напротивъ того, смѣлъ, пылокъ, не способенъ и не любитъ соображать, всегда поступаетъ очертя голову, всегда весь отдается первому влеченію и даже чувствуетъ нѣкоторое презрѣніе къ тѣмъ людямъ, которые умѣютъ сопротивляться воспринимаемымъ впечатлѣніямъ и перерабатывать ихъ въ себѣ.

„Борисъ, безъ всякаго сомнѣнія, умнѣе и глубже Ростова. Ростовъ, въ свою очередь, гораздо даровитѣе, отзывчивѣе и многостороннѣе Бориса. Въ Борисѣ гораздо больше способности внимательно наблюдать и осторожно обобщать окружающіе факты. Въ Ростовѣ преобладаетъ способность откликаться всѣмъ своимъ существомъ на все, что проситъ, и даже на то, что не имѣетъ права просить у сердца отвѣта. Борисъ, при правильномъ развитіи своихъ способностей,

могъ бы сдѣлаться хорошимъ изслѣдователемъ. Ростовъ, при такомъ же правильномъ развитіи, сдѣлался бы, по всей вѣроятности, недюжиннымъ художникомъ, поэтомъ, музыкантомъ или живописцемъ.

„Существенное различіе между обоими молодыми людьми обозначается съ перваго ихъ шага на жизненномъ поприщѣ. Борисъ, которому нечѣмъ жить, протискивается по милости своей пресмыкающейся матери въ гвардію и живетъ тамъ на чужой счетъ, чтобы только быть на виду и почаще приходить въ соприкосновеніе съ высокопоставленными особами. Ростовъ, получающій отъ отца по 10.000 рублей въ годъ и имѣющій полную возможность жить въ гвардіи не хуже другихъ офицеровъ, идетъ, пылая воинственнымъ и патріотическимъ жаромъ, въ армейскую кавалерію, чтобы поскорѣе побывать въ дѣлѣ, погарцовать на ретивой лошади и удивить себя и другихъ подвигами лихого наѣздничества. Борисъ ищетъ прочной и осязательной выгоды. Ростовъ желаетъ прежде всего и во что бы то ни стало шуму, блеску, сильныхъ ощущеній, эффектныхъ сценъ и яркихъ картинъ. Образъ гусара, какъ онъ летитъ въ атаку, машетъ саблей, сверкаетъ очами, топчетъ трепещущаго врага стальными копытами неукротимаго коня, образъ гусара, какъ онъ размашисто и шумно пируетъ въ кругу лихихъ товарищей, прокопченныхъ пороховымъ дымомъ, образъ гусара, какъ онъ, закручивая длинные усы, звеня шпорами, блистая золотыми снурками венгерки, своимъ орлинымъ взоромъ посѣваетъ тревогу и смятеніе въ сердцахъ молодыхъ красавицъ,—всѣ эти образы, сливаясь въ одно смутное, обаятельное впечатлѣніе, рѣшаютъ судьбу юнаго и пылкаго графа Ростова и побуждаютъ его, бросивъ университетъ, въ которомъ онъ, безъ сомнѣнія, находилъ мало для себя привлекательнаго, кинуться стремглавъ и окунуться съ головою въ жизнь армейскаго гусара.

„Борисъ вступаетъ въ свой полкъ спокойно и хладнокровно, держитъ себя со всѣми прилично и кротко, но ни съ

полкомъ вообще ни съ кѣмъ-либо изъ офицеровъ въ особенности не завязываетъ никакихъ тѣсныхъ и задушевныхъ отношеній. Ростовъ буквально бросается въ объятія павлоградскаго полка, пристращается къ нему, какъ къ своей новой семьѣ, сразу начинаетъ дорожить его честью, какъ своею собственною, изъ восторженной любви къ этой чести дѣлаетъ опрометчивые поступки, ставитъ себя въ неловкія положенія, ссорится съ полковымъ командиромъ, кается въ своей неосторожности передъ синдикатомъ старыхъ офицеровъ и при всей своей юношеской обидчивости и вспыльчивости покорно выслушиваетъ дружескія замѣчанія стариковъ, поучающихъ его уму-разуму и преподающихъ ему основныя начала павлоградской гусарской нравственности.

„Борисъ норовитъ улизнуть какъ можно скорѣе изъ полка куда-нибудь въ адъютанты. Ростовъ считаетъ переходъ въ адъютанты какою-то измѣною милому и родному павлоградскому полку. Для него это почти все равно, что бросить любимую женщину, чтобы по расчету жениться на богатой невѣстѣ. Всѣ адъютанты, всѣ „штабные молодчики", какъ онъ ихъ презрительно называетъ, въ его глазахъ какіе-то бездушные и недостойные отступники, продавшіе своихъ братьевъ по оружію за блюдо чечевицы. Подъ вліяніемъ этого презрѣнія онъ безъ всякой уважительной причины, къ ужасу и досадѣ Бориса, въ квартирѣ послѣдняго заводитъ ссору съ адъютантомъ Болконскимъ, ссору, которая остается безъ кровопролитныхъ послѣдствій только благодаря спокойной твердости и самообладанію Болконскаго" [1]).

У насъ нѣтъ возможности дѣлать болѣе длинныя выписки, но, намъ кажется, этого достаточно для указанія на характеръ критики.

Совсѣмъ съ другого конца берется за ту же работу литературный антиподъ Писарева, Н. Н. Страховъ.

Сначала критикъ выставляетъ на видъ общія художествен-

---

[1]) В. Зелинскій, ч. IV, стр. 146 и 147.

ныя достоинства „Войны и мира“ и говоритъ о силѣ психологическаго анализа и о способности автора въ живыхъ образахъ передавать результаты этого анализа. Вотъ нѣсколько характерныхъ выписокъ, говорящихъ объ этомъ:

„Художникъ ищетъ слѣдовъ красоты души человѣческой, ищетъ въ каждомъ изображаемомъ лицѣ той искры Божіей, въ которой заключается человѣческое достоинство личности,—словомъ, старается найти и опредѣлить со всею точностью, какимъ образомъ и въ какой мѣрѣ идеальныя стремленія человѣка осуществляются въ дѣйствительной жизни.

„Въ каждомъ лицѣ авторъ изображаетъ всѣ стороны душевной жизни—отъ животныхъ поползновеній до той искры героизма, которая часто таится въ самыхъ малыхъ и извращенныхъ душахъ.

„Какое бы чувство ни владѣло человѣкомъ, это изображается у Л. Н. Толстого со всѣми его измѣненіями и колебаніями,—не въ видѣ какой-то постоянной величины, а въ видѣ только способности къ извѣстному чувству,—въ видѣ искры, постоянно тлѣющей, готовой вспыхнуть яркимъ пламенемъ, но часто заглушаемой другими чувствами. Вспомните, напримѣръ, чувство злобы, которое князь Андрей питаетъ къ Куракину, доходящія до странности противорѣчія и перемѣны въ чувствахъ княжны Марьи, религіозной, влюбчивой, безгранично любящей отца и т. д.

„Видѣть то, что таится въ душѣ человѣка подъ игрою страстей, подъ всѣми формами себялюбія, своекорыстія, животныхъ влеченій,—вотъ на что великій мастеръ гр. Л. Н. Толстой“ [1]).

Отъ этой частной психологіи критикъ переходитъ къ психологіи національной. Опираясь на мысль, высказанную современнымъ критикомъ Аполлономъ Григорьевымъ, о пре-

---

[1]) Н. Страховъ. „Критическія статьи о И. С. Тургеневѣ и Л. Н. Толстомъ“. Изд. 3-е. Спб. 1895. Стр. 246, 253, 261, 265.

обладаніи въ нарождающейся русской литературѣ особаго національнаго типа—смирнаго, простого, берущаго верхъ надъ типомъ блестящимъ и хищнымъ, мысль, высказанную А. Григорьевымъ до появленія „Войны и мира“, Н. Н. Страховъ усматриваетъ въ „Войнѣ и мирѣ“ именно это торжество національнаго типа и подтверждаетъ это слѣдующими указаніями:

„Война и миръ“, эта огромная и пестрая эпопея—что она такое, какъ не апоѳеозъ смирнаго русскаго типа? Не тутъ ли разсказано, какъ, наоборотъ, хищный типъ спасовалъ передъ смирнымъ, какъ на Бородинскомъ полѣ простые русскіе люди побѣдили все, что только можно представить себѣ самаго героическаго, самаго блестящаго, страстнаго, сильнаго, хищнаго, т.-е. Наполеона I и его армію?

„Все фальшивое, блестящее только по внѣшности,—безпощадно разоблачается художникомъ. Подъ искусственными, наружно-изящными отношеніями высшаго общества онъ открываетъ намъ цѣлую бездну пустоты, низкихъ страстей и чисто-животныхъ влеченій. Напротивъ, все простое и истинное, въ какихъ бы низменныхъ и грубыхъ формахъ оно ни проявлялось, находитъ въ художникѣ глубокое сочувствіе. Какъ ничтожны и пошлы салоны Анны Павловны Шереръ и Эленъ Безухой, и какой поэзіей облеченъ смиренный бытъ дядюшки!

„Художникъ изобразилъ со всей ясностью, въ чемъ русскіе люди полагаютъ человѣческое достоинство, въ чемъ тотъ идеалъ величія, который присутствуетъ даже въ слабыхъ душахъ и не оставляетъ сильныхъ даже въ минуты ихъ заблужденій и всякихъ нравственныхъ паденій. Идеалъ этотъ состоитъ, по формулѣ, данной самимъ авторомъ: въ простотѣ, добрѣ и правдѣ. Простота, добро и правда побѣдили въ 1812 году силу, не соблюдавшую простоты, исполненную зла и фальши. Вотъ смыслъ „Войны и мира“.

Наконецъ, критикъ такими словами заключаетъ свою оцѣнку „Войны и мира“:

„Кто умѣетъ цѣнить высокія и строгія радости духа, кто благоговѣетъ передъ геніальностью и любитъ освѣжать и укрѣплять свою душу созерцаніемъ ея произведеній, тотъ пусть порадуется, что живетъ въ настоящее время“ [1]).

Въ срединѣ между этими двумя крайними критиками можно поставить Скабичевскаго, который въ своихъ критическихъ очеркахъ даетъ основательное и добросовѣстное обозрѣніе художественной части „Войны и мира“. При этомъ впадаетъ въ ту ошибку, что преждевременно уподобляетъ Л. Н—ча Гоголю, „свихнувшемуся“ на 2-й части „Мертвыхъ Душъ“. Скабичевскому кажется, что 2-я часть „Войны и мира“ напоминаетъ своимъ уклоненіемъ въ философію печальный конецъ Гоголя. Если въ послѣдовавшемъ за большими романами религіозномъ кризисѣ Толстого и можно найти нѣкоторую аналогію съ кризисомъ Гоголя, то уподобленіе Толстого Гоголю со стороны художественнаго творчества уже не выдерживаетъ ни малѣйшей критики. Всѣ мы, пережившіе періодъ кризиса Толстого, можемъ засвидѣтельствовать то, что творчество Толстого не ослабло ни въ количественномъ, ни въ качественномъ отношеніи, оно пріобрѣло лишь новую непоколебимую силу, ясность и твердость убѣжденія.

Историческая критика распадается на два отдѣла, соотвѣтственно содержанію романа, дающаго эпизоды общеисторическіе и собственно событія, касающіяся военной исторіи. „Война и миръ“ съ исторической точки зрѣнія вызвала также весьма разнорѣчивые толки. Начиная съ Тургенева, видѣвшаго въ исторической части „Войны и мира“ лишь „фокусъ и больше ничего“ и до Пятковскаго, употребляющаго въ своей статьѣ „Историческая эпоха въ романѣ Л. Н. Толстого“ такія выраженія: „Чтобы выдержать свою теорію историческаго безсмыслія и примѣнить ее къ цѣло-

---

[1]) Тамъ же, стр. 312, 328, 353, 339.

му ряду фактовъ, гр. Толстой нарочно старается напутать и нагородить какъ можно больше въ своемъ романѣ“ [1]) мы можемъ найти цѣлый рядъ критическихъ статей того времени, не видящихъ никакого историческаго значенія за романомъ „Война и миръ“.

Но рядомъ съ этимъ мы видимъ другой рядъ критиковъ, во главѣ съ Овсянико-Куликовскимъ, который въ одной изъ своихъ позднѣйшихъ статей возвеличиваетъ историческое значеніе „Войны и мира“ до степени народнаго эпоса называетъ „Войну и миръ“ русскими „Иліадой и Одиссеей“

Хотя „Исторія“ затронута въ романѣ во всей ея широтѣ, но, собственно, „исторической“ критики было мало. Такъ какъ наиболѣе яркія картины надо отнести къ „Военной исторіи“ или, по крайней мѣрѣ, къ той части исторіи, въ которой фигурируютъ военныя событія и военные люди, то и наиболѣе интересные критики можно найти въ военной средѣ.

Изъ нихъ мы опять приведемъ какъ наиболѣе яркіе отрицательные отзывы, такъ и наиболѣе серьезныя изъ положительныхъ оцѣнокъ.

А. Н. Поповъ, авторъ замѣчательной, но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще не появившейся въ печати „Исторіи отечественной войны 1812 года“, сказалъ однажды въ разговорѣ съ В. Скабичевскимъ:

„Въ числѣ очень важныхъ историческихъ матеріаловъ, найденныхъ мною, заключается и „Война и миръ“ Толстого. Конечно, я не пишу исторію по роману, но очень часто, при освѣщеніи извѣстнаго событія, совѣтуюсь съ „Войной и миромъ“. Въ моихъ рукахъ много совершенно никому неизвѣстныхъ, новыхъ документовъ, о которыхъ, очевидно, не имѣлъ понятія и Толстой. Документы эти проливаютъ новый свѣтъ на очень важныя минуты, на основаніи ихъ я объясняю событія совершенно иначе, чѣмъ объясняли ихъ

---

[1]) Зелинскій, ч. III, стр. 119.

мои предшественники, военные историки. И въ „Войнѣ и мирѣ“ нахожу описаніе этого событія и объясненія его совершенно тождественными съ моими описаніями и объясненіями. Очень часто я разсказываю на основаніи непреложныхъ историческихъ данныхъ; гр. Толстой, незнакомый съ этими данными, разсказывалъ на основаніи своего творческаго прозрѣнія, а выводы наши выходятъ одни и тѣ же— такъ какъ же мнѣ не совѣтоваться съ „Войной и миромъ“? [1]).

Но далеко не всѣ военные были довольны тѣмъ, какъ Л. Н. Толстой изобразилъ войну 1805—1812 года.

Были такіе критики „Войны и мира“, которые считали себя лично оскорбленными тѣмъ правдивымъ тономъ, которымъ написаны Л. Н—чемъ картины военныхъ событій. Таковы были старые генералы, участники и очевидцы событій. Такъ, А. С. Норовъ написалъ большую критическую статью въ этомъ оскорбленномъ тонѣ и помѣстилъ ее въ „Военномъ Сборникѣ“, подъ заглавіемъ: „Война и миръ“ съ исторической точки зрѣнія и по воспоминаніямъ современниковъ“ [2]).

---

[1]) Гр. Л. Н. Толстой. Очеркъ В. Соловьева. „Нива“. 1879 г. Н. 43, стр. 854.

[2]) Г. П. Данилевскій разсказываетъ одинъ эпизодъ, позволяющій сдѣлать оцѣнку критики А. С. Норова. Данилевскій, увлеченный красотами произведенія Толстого, былъ очень удивленъ, встрѣтивъ въ бесѣдѣ съ Норовымъ его оскорбленное отрицательное отношеніе къ роману.

„Болѣе всего,—говоритъ Данилевскій,—Норовъ нападаетъ на одно мѣсто въ романѣ.

— Графъ Толстой,—говорилъ онъ мнѣ,—разсказываетъ, какъ князь Кутузовъ, принимая въ Царевѣ-Займищѣ армію, былъ болѣе занятъ чтеніемъ романа Жанлисъ—„Les chevalièr du Cygne“, чѣмъ докладомъ дежурнаго генерала. И есть ли какое вѣроятіе, что Кутузовъ, видя передъ собою всѣ арміи Наполеона и готовясь принять рѣшительный, ужасный съ нимъ бой, имѣлъ время не только читать романъ Жанлисъ, но и думать о немъ.

На возраженіе Данилевскаго о возможности такого развлеченія хотя бы для виду Норовъ между прочимъ отвѣчалъ: „До Бородина, подъ Бородиномъ и послѣ него, мы всѣ, отъ Кутузова до послѣдняго под-

Однимъ изъ серьезныхъ военныхъ критиковъ Толстого является генералъ Драгоміровъ, написавшій рядъ очерковъ подъ названіемъ: „Война и миръ“ съ военной точки зрѣнія“. Общій характеръ критики Драгомірова выясняется изъ первыхъ словъ его очерка:

„Романъ Толстого интересенъ для военнаго въ двоякомъ смыслѣ: по описанію военныхъ и войскового быта и по стремленію сдѣлать нѣкоторые выводы относительно теоріи военнаго дѣла. Первыя, т.-е. сцены, неподражаемыя и по нашему крайнему убѣжденію могутъ составить одно изъ самыхъ полезнѣйшихъ прибавленій къ любому курсу теоріи военнаго искусства, вторые, т.-е. выводы, не выдерживаютъ самой снисходительной критики по своей односторонности, хотя они интересны какъ переходная ступень въ развитіи воззрѣній автора на военное дѣло“ [1]).

поручика артиллеріи, какимъ былъ я, горѣли однимъ высокимъ и священнымъ огнемъ любви къ отечеству и, вопреки графу Толстому, смотрѣли на свое призваніе, какъ на нѣкое священнодѣйствіе. И я не знаю, какъ посмотрѣли бы товарищи на того изъ насъ, кто бы въ числѣ своихъ вещей дерзнулъ тогда имѣть книгу для легкаго чтенія, да еще французскую, въ родѣ романовъ Жанлисъ“.

„А. С. Норовъ черезъ два мѣсяца послѣ напечатанія своего отзыва о романѣ гр. Толстого, скончался. Въ январѣ 1869 года послѣ его похоронъ мнѣ было поручено составить—говоритъ далѣе Данилевскій,—для одной изъ газетъ его некрологъ. Каково же было мое удивленіе, когда, собирая источники для некролога, я, въ семействѣ В. П. Поливанова, родного племянника покойнаго, случайно увидѣлъ крошечную французскую книжку изъ библіотеки Норова: „Похожденія Родерика Рандома“ и на ея внутренней оберткѣ прочелъ слѣдующую, собственноручную надпись А. С. Норова на французскомъ языкѣ: „Читалъ въ Москвѣ, раненый и взятый въ плѣнъ французами, въ сентябрѣ, 1812 года“.

„То, что было съ подпоручикомъ артиллеріи въ сентябрѣ 1812 года, забылось черезъ пятьдесятъ семь лѣтъ престарѣлымъ сановникомъ въ сентябрѣ 1869 года, такъ какъ не подходило подъ понятіе, невольно составленное имъ, въ теченіе времени, о временахъ двѣнадцатаго года“.

(Поѣздка въ Ясную Поляну Г. П. Данилевскаго. „Историч. Вѣстникъ“, т. XXIII.

[1]) Драгомировъ. „Война и миръ“, съ военной точки зрѣнія. Оруж. Сб. 1868 № 4.

Мы не считаемъ возможнымъ слѣдовать за авторомъ въ его восхищеніяхъ отъ описаній военнаго быта, такъ какъ считаемъ, что чувства эти общи всѣмъ читателямъ „Войны и мира“ за самыми малыми исключеніями. Не считаемъ себя также компетентными становиться судьей между критикомъ и авторомъ для опредѣленія, кто изъ нихъ правъ во взглядахъ на „военную науку“. Мы можемъ только сказать, что возраженія Драгомірова грѣшатъ тѣмъ, что они разбираютъ военные взгляды Л. Н—ча, какъ таковыя, безъ ихъ соотношенія къ основнымъ взглядамъ автора и къ основной идеѣ всего произведенія, откуда „военные взгляды“ являются неизбѣжнымъ послѣдствіемъ.

Большинство военныхъ критиковъ сходятся на томъ убѣжденіи, что изъ художественныхъ очерковъ Л. Н. Толстого военные историки могутъ многому научиться.

Философская, идейная часть „Войны и мира“ встрѣтила мало сочувствія въ публикѣ, еще меньше пониманія.

Даже Н. Н. Страховъ, больше комментировавшій, чѣмъ критиковавшій „Войну и миръ“, и тотъ, отнесясь сочувственно къ выраженнымъ въ романѣ идеямъ, говоритъ, что было бы лучше, если бы философія исторіи была выдѣлена въ отдѣльный трактатъ, отчего выиграла бы ясность выраженныхъ мыслей.

Только одинъ проф. Овсянико-Куликовскій въ своихъ недавнихъ очеркахъ призналъ единство всѣхъ элементовъ (художественнаго, историческаго и философскаго) „Войны и мира“, ихъ взаимно дополняющее значеніе и съ этой точки зрѣнія написалъ прекрасный анализъ національныхъ и великосвѣтскихъ типовъ „Войны и мира“.

Проф. Карѣевъ въ своей публичной лекціи въ 80-хъ годахъ сдѣлалъ большую ошибку при разборѣ философіи исторіи въ „Войнѣ и мирѣ“, выдѣливъ этотъ элементъ и подвергнувъ его критикѣ независимо отъ связи его со

всѣмъ произведеніемъ. Результатъ его изслѣдованія, конечно, получился отрицательный; отдавая дань художественному реализму автора, онъ упрекаетъ его въ соціальномъ индифферентизмѣ [1]).

То отношеніе автора къ извѣстнымъ общественнымъ явленіямъ, которое Карѣевъ окрестилъ именемъ „Соціальнаго индифферентизма", есть одно изъ проявленій тѣхъ общихъ идей, которыя проходятъ черезъ весь романъ, отражаются въ каждомъ событіи, и упрекать автора за это, не подвергнувъ критикѣ основныя его положенія, все равно, что упрекать строителя, зачѣмъ онъ сдѣлалъ на зданіи квадратную крышу, не сказавъ, почему не слѣдовало закладывать квадратнаго фундамента.

Да послужатъ всѣ эти взаимно уничтожающіеся въ своихъ противорѣчіяхъ критическіе курьезы поученіемъ послѣдующимъ авторамъ и да предохранятъ они ихъ отъ слишкомъ большой чувствительности къ этимъ нападкамъ и похваламъ.

Самъ Л. Н—чъ не читалъ критики на свои произведенія. Только немногіе отзывы его личныхъ друзей, какъ мы видѣли, интересовали его. Къ числу этихъ друзей можно отнести и Страхова, хотя Л. Н—чъ познакомился съ нимъ уже гораздо позже окончанія „Войны и мира" и, стало-быть, послѣ его критическихъ статей. Изъ личныхъ сношеній со Страховымъ Л. Н—чъ могъ знать его отношеніе къ своему произведенію и выражалъ это отношеніе такъ: „Н. Н. Страховъ поставилъ „Войну и миръ" на высоту, на которой она и удержалась".

Нѣкоторые иностранные критики касаются идейной стороны „Войны и мира", но критики эти большею частью стали появляться лишь въ 80-хъ годахъ, когда за границей уже были распространены „Исповѣдь", „Въ чемъ моя вѣра" и др. религіозно-философскія произведенія Л. Н. Толстого,

---

[1]) Карѣевъ. Сочиненія.

и потому иностранные критики рѣдко касаются отдѣльныхъ произведеній Л. Н. Толстого, а говорятъ о его общихъ идеяхъ, смѣшивая различныя стадіи его міровоззрѣнія. Принимая во вниманіе скудность этой идейной критики, мы съ помощью всего имѣющагося у насъ матеріала, постараемся въ краткихъ словахъ выяснить идейное значеніе „Войны и мира“ съ интересующей насъ біографической точки зрѣнія. Другими словами, мы постараемся вкратцѣ описать тотъ моментъ идейной жизни Л. Н—ча, который соотвѣтствуетъ времени написанія „Войны и мира“, и посмотримъ, какъ выразилось его тогдашнее міровоззрѣніе въ созданныхъ имъ типахъ, въ описанныхъ имъ событіяхъ и въ изложенныхъ имъ идеяхъ.

Кипящая страстями бурная природа Л. Н—ча рѣдко когда находила покой. А между тѣмъ, творческая работа возможна была только при нѣкоторомъ успокоеніи. И вотъ мы можемъ замѣтить эти періоды покоя по проявлявшейся силѣ творчества. Послѣ бурнаго періода яснополянской жизни въ концѣ 40-хъ годовъ Л. Н—чъ ѣдетъ на Кавказъ съ братомъ и его захватываютъ впечатлѣнія отъ чудной, новой кавказской природы, дикой кавказской военной жизни. Большая часть душевныхъ силъ фиксируется такимъ образомъ, утоляется ненасытимая жажда впечатлѣній и наступаетъ періодъ успокоенія и творчества, появляется: „Дѣтство, отрочество, юность“, Кавказскіе, Севастопольскіе разсказы. Но вотъ обстоятельства мѣняются, мѣняются люди, и снова бушуютъ страсти и не находятъ себѣ удовлетворенія, и въ творчествѣ наступаетъ затишье.

Петербургская литературная жизнь, хозяйство, заграничныя поѣздки—все это развлекаетъ, но не успокаиваетъ его. Но вотъ онъ возвращается изъ второго путешествія и отдается педагогической дѣятельности. Снова фиксируется большая часть его душевныхъ силъ, и педагогическое творчество выливается изъ него обильнымъ потокомъ. Онъ со-

здаетъ цѣлую систему, даетъ массу образцовъ; пишетъ рядъ статей, издаетъ журналъ.

Конечно, душевная жизнь его шла болѣе сложнымъ, глубокимъ путемъ, трудно изобразимымъ. Мы набрасываемъ только схему ея.

Страдая отъ мучившихъ его страстей, онъ еще болѣе страдаетъ отъ мучившихъ его сомнѣній. Однимъ изъ сильныхъ душевныхъ свойствъ его былъ неумолимый анализъ всѣхъ окружавшихъ его явленій. И этотъ самый анализъ, сжигавшій душу его, вызывалъ неутолимую жажду синтеза, общаго вывода, смысла жизни, который далъ бы ему равновѣсіе душевныхъ силъ. И онъ не могъ найти его.

Припомнимъ его отчаянныя слова въ „Исповѣди", относящіяся до начала 60-хъ годовъ:

„Въ продолженіе года я занимался посредничествомъ, школами и журналомъ и такъ измучился, отъ того особенно, что запутался... что заболѣлъ болѣе духовно, чѣмъ физически,— бросилъ все и поѣхалъ въ степь къ башкирамъ — дышать воздухомъ, пить кумысъ и жить животною жизнью. Вернувшись оттуда, я женился".

Потребность женитьбы, семейной жизни давно безпокоила Л. Н. — ча, и, наконецъ, онъ у тихой пристани. Семейная жизнь захватываетъ его съ необычайною силою, снова фиксируетъ его страсти и освобождаетъ его творческія силы. И въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ онъ создаетъ небывалое по силѣ и могуществу произведеніе—„Войну и миръ".

Какому же моменту его душевнаго развитія соотвѣтствовало это произведеніе?

Посредничество, педагогическія занятія, хозяйство — все это съ той или другой стороны сближало Л. Н—ча съ народомъ. Онъ приходилъ съ нимъ въ самыя разнообразныя столкновенія, изучалъ его внѣшній бытъ и съ особымъ увлеченіемъ и умиленіемъ проникалъ въ народную душу; нѣтъ и не было и не скоро будетъ еще человѣка, который бы съ такой силой художественнаго анализа и синтеза, т.-е.

творчества, возсоздалъ типъ русской народной души во всемъ его разнообразіи и во всемъ его величественномъ единствѣ.

Вотъ это созерцаніе души народа и неудержимое стремленіе изобразить ее, было, по нашему мнѣнію, одною изъ силъ, создавшихъ „Войну и миръ". Но надъ этимъ народомъ, къ которому всегда тянулась душа Л. Н—ча, стоялъ другой классъ, такъ называемый высшій, правящій, привилегированный, къ которому принадлежалъ самъ Л. Н—чъ, носившій въ себѣ наслѣдіе многихъ поколѣній. Онъ зналъ и любилъ его, какъ свою родную стихію, какъ любятъ семью, домъ, родной уголъ. И къ изображенію этой части русскихъ людей также влекла душа его. Онъ искалъ такое явленіе русской жизни, въ которомъ бы проявились наиболѣе ярко характерныя черты того и другого класса. Онъ нашелъ это явленіе въ Наполеоновскихъ войнахъ начала прошлаго столѣтія.

Къ интересу характерныхъ положеній русскаго народа и русскаго высшаго общества присоединился еще интересъ историческій, и работа эта увлекла всѣ его творческія силы.

Жизнь народа изображена имъ, какъ могучая стихія, какъ океанъ, то отражающій небо, то съ всесокрушающей силой смывающій все на своемъ пути.

Она выразилась и въ массовыхъ народныхъ движеніяхъ и трогательныхъ отдѣльныхъ типахъ, изъ которыхъ одинъ Платонъ Каратаевъ уже составляетъ эпоху въ пониманіи и изображеніи русскаго народа, и въ удивительномъ типѣ Кутузова, какимъ-то особеннымъ инстинктомъ чуявшемъ направленіе этой стихійности и умѣвшемъ отдавать свои силы не на помѣху, а во благо ей.

Жизнь высшаго общества изображена имъ съ необычайной психологической глубиной, такъ сказать съ анатомическимъ или химическимъ анализомъ его элементовъ. Безпощадно обличая пустоту, тщеславіе, всякаго рода преступность этого класса, онъ въ то же время даетъ типы съ проявленіемъ высшаго моральнаго сознанія, до котораго только

могъ онъ самъ подняться въ лучшія сильнѣйшія минуты своей духовной жизни.

Князь Андрей и Пьеръ Безуховъ, эти психологическія антитезы холоднаго скептика и наивнаго мечтателя, съ двухъ противоположныхъ сторонъ приходятъ или вѣрнѣе приводятся жизнью къ Богу. Съ необычайной правдивостью и искренностью изображаетъ въ нихъ авторъ разныя стороны, разные моменты своей души. Всегда стремившійся къ самой высокой религіозной правдѣ, Л. Н — чъ въ то время еще не сознавалъ ея ясно, не сознаютъ ея и его герои. Одинъ страданіемъ, смертью, другой прикосновеніемъ къ всегда правдивой и потому божественной стихійной народной жизни — приводятся къ радостному ощущенію, къ близости божества, но оно остается для нихъ все же подернутымъ какою-то неразгаданною тайной.

Къ этимъ внутреннимъ идеямъ, выраженнымъ въ „Войнѣ и мирѣ", надо присоединить еще идеи болѣе внѣшняго, объективнаго, историческаго характера.

Въ своей статьѣ: „Нѣсколько словъ по поводу книги „Война и миръ", онъ говоритъ между прочимъ, перечисляя различные пункты, по которымъ онъ даетъ объясненія:

„Наконецъ, шестое и важнѣйшее для меня соображеніе касается того малаго значенія, которое, по моимъ понятіямъ, имѣютъ такъ называемые великіе люди въ историческихъ событіяхъ. Изучая эпоху столь трагическую, столь богатую громадностью событій и столь близкую къ намъ, о которой живо столько разнороднѣйшихъ преданій, я пришелъ къ очевидности того, что нашему уму недоступны причины совершающихся историческихъ событій".

„Такое событіе, гдѣ милліоны людей убивали другъ друга и убили половину милліона, не можетъ имѣть причиной волю одного человѣка: какъ одинъ человѣкъ не можетъ подкопать гору, такъ не можетъ одинъ человѣкъ заставить умирать 500 тысячъ" [1]).

---

[1]) В. Зелинскій. Крит. лит. о Толстомъ. Ч. III, стр. 51.

Развивая такія мысли болѣе подробно въ особыхъ „философскихъ главахъ“, Л. Н—чъ подвергаетъ критикѣ прежнія и новыя историческія методы, отъ Гиббона до Бокля. Давая новыя опредѣленія свободѣ воли и закону необходимости, онъ ставитъ исторической наукѣ требованія изученія и опредѣленія законовъ, по которымъ совершается движеніе человѣчества.

Если же всему этому придать художественность изображенія всѣхъ явленій человѣческой жизни, отъ едва уловимаго внутренняго движенія души человѣческой до изображенія стотысячныхъ армій, смѣшавшихся въ адской битвѣ на Бородинскомъ полѣ, то получится впечатлѣніе необъятности этого произведенія, которое, думаемъ мы, составляетъ одно изъ крупнѣйшихъ событій въ жизни Л. Н—ча Толстого.

Но жизнь эта была такъ полна, такъ разнообразна и всеобъемлюща, что, несмотря на большую трату ея, ушедшую на созданіе этого произведенія, она проявлялась въ то же время еще и во многихъ менѣе значительныхъ фактахъ, къ описанію которыхъ мы теперь и приступимъ.

ГЛАВА IV.

Изъ частной жизни Льва Николаевича 60-хъ годовъ.

Въ нашемъ краткомъ историческимъ очеркѣ „Войны и мира“ мы оставили личную жизнь Л. Н—ча на томъ моментѣ, когда онъ, вылѣчивъ свою вывихнутую руку, вернулся домой, т.-е. въ декабрѣ 1864 года.

Въ 1865 году онъ еще продолжаетъ вести свой дневникъ. 7-го марта онъ кратко записываетъ: „Начинаю любить сына“.

Въ сентября 1864 г. со своею всегдашнею искренностью онъ записалъ: „Сынъ мало близокъ“. Очевидно, что чувства Левина къ новорожденному сыну, описанныя въ „Аннѣ Карениной“, списаны Л. Н — чемъ съ натуры, съ самого себя. Но малѣйшій проблескъ человѣческаго образа — и Л. Н—чъ уже чувствуетъ въ себѣ зарожденіе отеческой любви.

Весной 65 года, независимо отъ работъ по писанію „Войны и мира“, Л. Н—чъ опять читалъ Гёте. Въ его дневникѣ того времени есть замѣтка о „Фаустѣ“, Гёте: „Поэзія мысли и поэзія, имѣющая предметомъ то, что не можетъ выразить никакое другое искусство“.

Осенью того же года мы находимъ такую интересную замѣтку о чтеніи:

„Читалъ Троллопа—хорошо. Есть поэзія романиста: 1) въ интересѣ сочетанія событій — Бреддонъ, мои Казаки (буду-

щіе [1]); въ картинѣ нравовъ, построенныхъ на историческомъ событіи—Одиссея, Иліада, 1805 годъ; 3) въ красотѣ и веселости положенія—Пиквикъ, „Отъѣзжее поле“ [2]); 4) въ характерахъ людей—Гамлетъ—мои будущіе... А. Г. — распущенность, Ч.—тупой умъ, С.—ограниченность успѣха, Н.—лѣнь, С. Л.—строгость, честность тупоумія“ [3]).

Такимъ образомъ Л. Н—чъ самъ поставилъ свои произведенія въ подобающія имъ мѣста рядомъ съ извѣстными произведеніями всемірной литературы.

Порой Л. Н—ча охватывала жажда любви къ себѣ и другимъ. Очевидно, благополучная семейная жизнь не могла удовлетворить его. Она отвлекала его своей суетой отъ его внутренней работы, но не могла подавить въ немъ жившаго въ немъ строгаго судьи, который нѣтъ-нѣтъ, да и дастъ знать о себѣ:

Такъ, въ февралѣ 1865 года Л. Н—чъ писалъ Т. А. Берсъ:

„Да, вотъ я разсуждаю ужъ 2-ой день, что очень грустно оттого, что на свѣтѣ всѣ эгоисты, изъ которыхъ первый я самъ. Я не упрекаю никого, но думаю, что это очень скверно и что нѣтъ эгоизма только между мужемъ и женой, когда они любятъ другъ друга. Мы живемъ теперь 2 мѣсяца одни одинешеньки съ дѣтьми, которыя первые эгоисты, и никому до насъ дѣла нѣтъ. Въ Пироговѣ насъ забыли и въ Москвѣ, думаемъ, тоже. И самъ понемножку забываешь. Я не могу разсказать, что я хочу, но ты очень молода и потому, можетъ-быть, поймешь, а мнѣ два дня все это одно въ головѣ. И особенно Феты навели меня на эту мысль. Какъ хорошо тому жить и съ тѣмъ жить, кто умѣетъ любить! Ты, пожалуйста, напиши (все равно, правда или неправда ли), что ты насъ любишь — для насъ. Я Дорку (собачку) полюбилъ

---

[1]) Напечатанная часть „Казаковъ“ есть только начало большого романа, задуманнаго Л. Н—чемъ, но никогда не написаннаго.

[2]) „Отъѣзжее Поле“, неоконченная повѣсть Л. Н — ча, хранится въ рукописи въ Историческомъ музеѣ.

[3]) Арх. Л. Н. Толстого.

за то, что она не эгоистка. Какъ бы это выучиться такъ жить, чтобы всегда радоваться другому счастью. Ты никому не читай, что я пишу, а то подумаютъ, что я съ ума сошелъ. Я только проснулся и въ головѣ сумбуръ и раздраженіе, какъ будто мнѣ 15 лѣтъ и все хочется понять, чего нельзя понять, и ко всѣмъ чувствуешь нѣжность и раздраженіе" [1]).

Февраль и часть марта они проводили въ Москвѣ. Л. Н—чъ въ заботахъ о хозяйствѣ пишетъ своей тетушкѣ Татьянѣ Александровнѣ, жившей въ Ясной:

„Мы живемъ по-старому. Соня и дѣти, славу Богу, здоровы. У Берсовъ тоже все хорошо. Мы видаемся съ ними каждый день и каждый день кто-нибудь у насъ или мы у кого-нибудь бываемъ—Перфильевы, Горчаковы, Оболенскій маленькій съ женою. Нынче у меня будетъ Чичеринъ, котораго вы такъ любите и который все такой же. Я думаю, Соня вамъ припишетъ еще, я же, признаюсь, тороплюсь и пишу съ тѣмъ, чтобы попросить васъ о милости. Я послалъ вчера на ваше имя сѣмянъ. Будьте такъ добры, отдайте ихъ садовнику и скажите, чтобы сѣмена оранжерейныхъ растеній, какъ-то: азалій, камелій, акацій и т. п., не сѣялъ до моего пріѣзда, ежели онъ не знаетъ вѣрно, въ какой землѣ и какъ ихъ надо сѣять. Мы еще не получили отъ васъ ничего; пожалуйста, напишите намъ два слова, чтобы только мы знали, что вы здоровы. Что Сережа и Машенька съ дѣтьми?"

При первой возможности они возвращаются въ Ясную. Тамъ снова идетъ семейная суета, родные, гости, хозяйство, охота.

Въ маѣ Л. Н—чъ пишетъ интересное письмо Фету, выражая въ немъ свое настроеніе:

„Простите меня, любезный Аѳанасій Аѳанасьевичъ, за то, что долго не отвѣчалъ вамъ. Не знаю, какъ это случилось.

1. Арх. Т. А. Кузминской.

Правда, въ это время былъ боленъ одинъ изъ дѣтей, и я самъ едва удержался отъ сильной горячки и лежалъ три дня въ постели. Теперь у насъ все хорошо и даже очень весело.

„У насъ Таня, потомъ сестра со своими дѣтьми, и наши дѣти здоровы и цѣлый день на воздухѣ. Я все пишу понемножку и доволенъ своею работою. Вальдшнепы все еще тянутъ, и я каждый вечеръ стрѣляю по нимъ, т.-е. преимущественно мимо. Хозяйство мое идетъ хорошо, т.-е. мало тревожитъ меня, — все, что я отъ него требую. Вотъ все про меня. На вашъ вопросъ упомянуть о Ясной Полянѣ— школѣ, я отвѣчаю отрицательно. Хотя ваши доводы и справедливы, но про нее журналы забыли, и мнѣ не хочется напоминать, не потому, чтобы я отрекался отъ выраженнаго тамъ, но, напротивъ, потому, что не перестаю думать объ этомъ, и ежели Богъ дастъ жизни, надѣюсь еще изъ всего этого составить книгу съ тѣмъ заключеніемъ, которое вышло для меня изъ моего трехлѣтняго страстнаго увлеченія этимъ дѣломъ. Я не понялъ вполнѣ то, что вы хотите сказать въ статьѣ, которую вы пишете, тѣмъ интереснѣе будетъ услышать отъ васъ, когда свидимся. Наше дѣло земледѣльческое теперь подобно дѣламъ акціонера, который бы имѣлъ акціи, потерявшія цѣну и не имѣющія хода на биржѣ. Дѣло очень плохо. Я для себя рѣшаю его только такъ, чтобы оно не требовало отъ меня столько вниманія и участія, чтобы это участіе лишало меня моего спокойствія. Послѣднее время я своими дѣлами доволенъ, но общій ходъ дѣлъ, т.-е. предстоящее народное бѣдствіе голода, съ каждымъ днемъ мучаетъ меня больше и больше. Такъ странно и даже хорошо и страшно. У насъ за столомъ редиска розовая, желтое масло, подрумяненный мягкій хлѣбъ на чистой скатерти, въ саду зелень, молодыя наши дамы въ кисейныхъ платьяхъ рады, что жарко и тѣнь, а тамъ этотъ злой чортъ, голодъ, дѣлаетъ уже свое дѣло, покрываетъ поля лебедой, разводитъ трещины по высохнувшей землѣ и обдираетъ мозольныя

пятки мужиковъ и бабъ и трескаетъ копыта у скотины. Право, страшные у насъ погода, хлѣба и луга. Какъ у васъ? Напишите повѣрнѣе и поподробнѣе. Боткинъ у васъ. Пожмите ему отъ меня руку. Зачѣмъ онъ ко мнѣ не заѣзжаетъ. Я на-дняхъ ѣду въ Никольское еще одинъ безъ семьи и потому не надолго и къ вамъ пріѣду. Но то-то хорошо было бы, коли бы въ это же время судьба принесла васъ къ Борисову. Кланяюсь отъ себя и жены Марьѣ Петровнѣ. Мы въ іюнѣ намѣрены со всею семьей переѣхать въ Никольское, тогда увидимся, и я ужъ навѣрное буду у васъ. Что за злая судьба на васъ? Изъ вашихъ разговоровъ я всегда видѣлъ, что одна только въ хозяйствѣ была сторона, которую вы сильно любили и которая радовала васъ,—это коннозаводство, и на него-то и обрушилась бѣда. Приходится вамъ опять перепрягать свою колесницу, а „юхванство" перепрячь изъ оглобель на пристяжку, а мысль и художество ужъ давно у васъ переѣзжены въ корень. Я ужъ перепрягъ и гораздо покойнѣе поѣхалъ. „Довольно", мнѣ не нравится. Личное, субъективное хорошо только тогда, когда оно полно жизни и страсти, а тутъ субъективность, полная безжизненнаго страданія" [1]).

Въ концѣ мая Л. Н—чъ ѣдетъ въ Никольское, свое второе имѣніе (бывшее имѣніе брата Николая) и дѣлаетъ распоряженіе о ремонтѣ, чтобы можно было переѣхать туда съ семьей. Они, дѣйствительно, переѣзжаютъ туда въ іюнѣ.

Въ Никольскомъ Л. Н—чъ продолжаетъ писать „Войну и миръ". Они жили тихо. Посѣтителей было очень мало, лишь сосѣдями за 15 верстъ были Дьяковы, и они довольно часто видѣлись съ ними.

Въ Никольскомъ же навѣстили Толстыхъ супруги Феты. Съ присущимъ ему юморомъ Фетъ разсказываетъ объ этомъ посѣщеніи:

„Невзирая на нѣкоторую тѣсноту помѣщенія, мы были

---

[1]) А. Фетъ, „Мои воспоминанія", т. II, стр. 67.

приняты семействомъ графа съ давно испытанною нами любезностью и радушіемъ. Съ пріѣзжими хозяевами былъ двухлѣтній сынокъ, требовавшій постояннаго надзора, и дѣвочка у груди. Кромѣ того, у нихъ гостила прелестная сестра хозяйки. Къ пріятнымъ воспоминаніямъ этого посѣщенія у меня присоединяется и непріятное. Я вообще терпѣть не могу кислаго вкуса или запаха, а тутъ какъ нарочно Л. Н. задавался мыслію о цѣлебности кумыса и въ просторныхъ сѣняхъ за дверью стояла большая кадка съ этимъ продуктомъ, покрытая рядиной, и распространяла самый ѣдкій кислый запахъ. Какъ бы недовольствуясь самобытной кислотой кумыса, Левъ Николаевичъ восторженно объяснялъ простоту его приготовленія, при которомъ въ прокислое кобылье молоко слѣдуетъ только подливать свѣжаго и неистощимый цѣлебный источникъ готовъ.

„При этомъ графъ бралъ въ руки торчавшее изъ кадки весло и собственноручно мѣшалъ содержимое, прибавляя „Попробуйте, какъ это хорошо!“ Конечно, распространявшійся нестерпимый запахъ говорилъ гораздо сильнѣе приглашенія.

„Когда вечеромъ дѣтей уложили, я по намекамъ дамъ упросилъ графа прочесть что-либо изъ „Войны и мира“. Черезъ двѣ минуты мы были унесены въ волшебный міръ поэзіи и поздно разошлись, унося въ душѣ чудные образы романа.

„На другой день мы заранѣе просили графиню поторопить съ обѣдомъ, чтобы не запоздать въ дорогу.

„— Ахъ, какъ это будетъ хорошо!—сказалъ графъ.—Мы всѣ васъ проводимъ въ большой линейкѣ. Обвеземъ васъ вокругъ фатальнаго лѣса и возвратимся домой съ увѣренностью вашего благополучнаго прибытія въ Новоселки.

„Но вотъ обѣдъ кончился, и я попросилъ слугу приказать запрягать.

„— Да, да, всѣмъ запрягать!—восклицалъ графъ:—тройкой долгушу, и мы всѣ пятеро поѣдемъ впередъ, а вашъ тарантасъ за нами.

„Прошло болѣе часа, а экипажъ не подаютъ. Я выбѣжалъ въ сѣни и, услыхавъ отъ слуги обычное: „сейчасъ“,— на нѣкоторое время успокоился. Однако черезъ полчаса я снова вышелъ въ сѣни съ вопросомъ: „что же лошади?“ На новое „сейчасъ“ я воскликнулъ: „Помилуй, братъ, я уже два часа жду! Узнай, пожалуйста, что тамъ такое?“

„— Дьякона дома нѣтъ,— горестно отвѣтилъ слуга. Я не безъ робости посмотрѣлъ на него.

„— Извольте видѣть, ихъ сіятельство пріѣхали сюда четверней, а тутъ, когда нуженъ коренной хомутъ, то берутъ его на время у дьякона, а сегодня, какъ на грѣхъ, дьякона дома нѣтъ.—Неразыскавшійся дьяконъ положилъ предѣлъ всѣмъ нашимъ веселымъ затѣямъ, и мы, простившись съ радушными хозяевами, еще заблаговременно оказались въ Новоселкахъ, откуда на другой же день уѣхали въ Степановку“ [1]).

Домъ Л. Н—ча, несмотря на всѣ претерпѣнныя имъ пертурбаціи за 40 слишкомъ лѣтъ, до сихъ поръ сохранилъ этотъ характеръ наивной простоты и отсутствія дорогого комфорта и роскоши.

Среди лѣта Л. Н—чъ былъ приглашенъ на большую, роскошно обставленную охоту къ сосѣднему помѣщику Кирѣевскому. Не желая оставить свою молодую семью безъ присмотра, онъ на это время перевезъ ее къ своей сестрѣ Марьѣ Николаевнѣ. Такъ какъ у сестры въ домѣ было тѣсно, то графиню съ дѣтьми и прислугой помѣстили въ банѣ, гдѣ они и прожили благополучно во время двухнедѣльнаго отсутствія Л. Н—ча.

Отъ Кирѣевскихъ Л. Н—чъ писалъ графинѣ, что обстановка охоты была чрезвычайно роскошная, выѣзжали на нѣсколько дней цѣлымъ домомъ, дѣлали привалы въ лѣсу съ обѣдами, шампанскимъ и т. д. Всѣ охотники были въ особой формѣ и составляли нѣчто въ родѣ конныхъ отрядовъ.

---

[1]) А. Фетъ. „Мои воспоминанія“, т. 2, стр. 75.

Вообще, писалъ онъ, его интересуетъ не столько охота сколько типы стараго, отживающаго и новаго нарождающагося барства.

Поздно осенью вся семья вернулась въ Ясную Поляну. Вѣроятно, Л. Н—чъ заѣзжалъ въ Ясную въ теченіе лѣта, такъ какъ мы находимъ въ его записной книжкѣ того времени слѣдующую замѣчательную запись:

„1865 г. августа 18-го. Ясная Поляна. Всемірно-историческая задача Россіи состоитъ въ томъ, чтобы внести въ міръ идею общественнаго устройства поземельной собственности.

„La propriété—c'est le vol“ *) останется больше истиной, чѣмъ истина англійской конституціи, до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать родъ людской. Эта истина абсолютная, но есть и вытекающія изъ нея истины относительныя—приложенія. Первая изъ этихъ относительныхъ истинъ есть воззрѣніе русскаго народа на собственность. Русскій народъ отрицаетъ собственность самую прочную, самую независимую отъ труда и собственность, болѣе всякой другой стѣсняющую право пріобрѣтенія собственности другими людьми, собственность поземельную. Это не есть мечта—она фактъ, выразившійся въ общинахъ крестьянъ, въ общинахъ казаковъ. Эту истину понимаетъ одинаково ученый русскій и мужикъ, который говоритъ: пусть запишутъ насъ въ казаки и земля будетъ вольная. Эта идея имѣетъ будущность. Русская революція только на ней можетъ быть основана. Революція не будетъ противъ царя и деспотизма, а противъ поземельной собственности. Она скажетъ: съ меня, съ человѣка бери и дери, что хочешь, а землю оставь всю намъ. Самодержавіе не мѣшаетъ, а способствуетъ этому порядку вещей.

„Все это видѣлъ во снѣ 13-го августа“ [1]).

Мы видимъ такимъ образомъ, что великая идея уничто-

---

*) Собственность есть воровство.

[1]) Архивъ Л. Н—ча Толстого.

женія земельной собственности, распространяемая Л. Н—чемъ въ настоящее время и вызвавшая его симпатіи къ проекту Джорджа, зародилась еще сорокъ лѣтъ тому назадъ. Сонъ есть несомнѣнно отраженіе дѣйствительности. И если Л. Н—чъ могъ видѣть или, вѣрнѣе, думать во снѣ съ такою ясностью, то это служитъ намъ доказательствомъ того, какъ напряженно занимала его эта мысль наяву.

Затѣмъ попадается снова замѣтка о чтеніи:

„23-го сентября читалъ Consuelo (Жоржъ-Зандъ). Что за превратная дичь съ фразами науки, философіи, искусства и морали—пирогъ съ затхлымъ тѣстомъ и на гниломъ маслѣ съ трюфелями, стерлядями и ананасами!“

Въ этомъ году онъ также читалъ Мольера.

1-го ноября 1865 года Л. Н—чъ прекращаетъ писать дневникъ и дѣлаетъ перерывъ на 13 лѣтъ. Мы полагаемъ, что причиной тому отчасти семейно-хозяйственныя заботы, отчасти его увлеченіе литературнымъ творчествомъ, поглощавшимъ все его духовное существо.

Мы уже упомянули, что въ это время однимъ изъ любимыхъ занятій Л. Н—ча была охота. Вотъ одинъ изъ эпизодовъ охоты, записанный Т. А. Кузминской, частой спутницей Л. Н—ча въ его охотничьихъ поѣздкахъ:

„...Онъ былъ неутомимъ, и его увлеченіе на охотѣ было такъ сильно, что, помню, разъ я заѣхала немного впередъ его и чувствую, что сѣдло подо мною ползетъ понемногу въ бокъ, и, боясь упасть и запутаться въ стремени, я остановила лошадь въ ожиданіи Бибикова или Л. Н—ча; вдругъ слышу топотъ и вижу, летитъ заяцъ, за нимъ всѣ борзыя, и мои двѣ туда же присоединяются, за ними Л. Н—чъ. Я кричу ему: „Левочка, падаю, сѣдло свернулось“. Онъ мнѣ кричитъ на скаку: „Душенька, сейчасъ, подожди“. Я, конечно, поняла его вполнѣ, что онъ не остановился, и съ нетерпѣніемъ ожидала его, вися на боку. Къ счастью, лошадь Бѣлогубка, на которой я всегда ѣздила, остановилась какъ врытая въ землю, и Л. Н—чъ черезъ нѣ-

сколько секундъ вернулся, но безъ зайца. Заяцъ же ушелъ въ кусты.

„...Въ первые года я помню, какъ мы ходили съ нимъ ловить щукъ. Выбирали узкія мѣста въ Воронкѣ, онъ вставлялъ сѣть на палкѣ, а мы съ сестрою, и кто еще бывалъ, болтали воду, и такимъ образомъ рыба шла въ сѣть, которую онъ держалъ, и этимъ онъ увлекался“ [1]).

Въ тихой яснополянской жизни были особыя, мѣстныя увеселенія. Съѣзжались родные, сосѣди и праздникъ Рождества проводили особенно весело.

Порой эти увеселенія принимали буйный, неудержимый характеръ, особенно когда въ нихъ принималъ участіе Сергѣй Николаевичъ Толстой, со своей страстной, веселой артистической натурой.

Вотъ что пишетъ объ одномъ изъ такихъ веселій гр. С. А. своей сестрѣ въ январѣ 1865 года:

„...Рѣшили, что будетъ великолѣпный балъ и маскарадъ въ Крещенье, съ пирогомъ съ бобомъ, съ ряжеными, и Сережа взялся самъ одѣть своихъ и привезти. Такая пошла суета, весь домъ пошелъ вверхъ дномъ. Лева и я устраивали тронъ. На большомъ столѣ изъ столовой поставили два кресла съ золотыми двухглавыми орлами, все—и стѣны и столы, и ступеньки на столѣ обтянули зеленымъ сукномъ, сверху сдѣлали въ родѣ крыши изъ бѣлаго одѣяла съ красными цвѣтами, положили короны, ордена. Поставили цвѣты, лавровыя и померанцевыя деревья—просто великолѣпно! Это устроили въ гостиной, передъ стеклянной дверью, лишнюю мебель вынесли, сдѣлали просторно. Варю одѣли пажемъ, въ букляхъ, черная бархатная шапочка съ малиновымъ перомъ и золотымъ околышкомъ, бѣлая куртка, малиновый жилетъ, бѣлыя панталоны и сапожки съ малиновыми отворотами. Она была чудо какъ хороша! Лиза была одѣта, какъ одѣваются въ Алжирѣ: на ней было столько напутано,

---

[1]) Изъ частнаго письма.

что я уже и не припомню всего. Душку Лева одѣлъ старымъ отставнымъ майоромъ. Чудо какъ хорошо! Сережу—его женой. Работника—кормилицей; Ваську Бѣлку, сына повара, спеленали и дали ему на руки. Потомъ устроили лошадь изъ двухъ людей, а на лошади Душка. Уже наши всѣ были одѣты, 7-ой часъ, а Сережи нѣтъ. Мы уже стали отчаиваться, какъ вдругъ колокольчики—и ввалился Сережа съ огромной компаніей, сундукомъ и разными штуками. Ихъ повели въ мою спальню, они тамъ одѣвались, Лева одѣвалъ своихъ въ кабинетѣ. Машенька своихъ у тетеньки въ комнатѣ. Я заботилась объ освѣщеніи, угощеніи и, главное, о дѣтяхъ. Потомъ пріѣхали музыканты, скрипка и бандура, въ родѣ огромной, очень звучной круглой гитары. Музыканты заиграли, двери отворились, вышли наши пары, впереди карликъ, одѣтый чортомъ, потомъ пары Сережины. Гриша съ мѣдными тарелками, одѣтый арлекиномъ, весь въ бубенчикахъ, потомъ два мальчика Пьеро, два брата Бабуринскіе, потомъ его горничная и кучерова жена—баринъ съ барыней, потомъ мальчикъ пастушкой. Все это съ бубнами, шумомъ, хлопушками и тарелками, и сзади всѣхъ огромный почти до потолка великанъ, отлично сдѣланный. Подъ великаномъ былъ Келлеръ, который и заставлялъ его плясать. Эффектъ былъ такой, что и сказать тебѣ не могу. Пришло пропасть дворовыхъ, Арина, одѣтая нѣмцемъ, начали ѣсть пирогъ. Бобъ попался Брандту, и онъ выбралъ Вареньку, и ихъ посадили на тронъ, а потомъ ужъ пошелъ такой хаосъ, что и описать нельзя. Пѣсни, пляски, игры, драки пузырями, хлопушки, жгуты, хороводы, угощенія и наконецъ бенгальскій огонь, отъ котораго у всѣхъ была головная боль и рвота. Я все больше сидѣла внизу, съ дѣтьми, меня, признаюсь, не радовала вся эта суета. Цѣлые дни заботы объ обѣдахъ, ужинахъ, постеляхъ, угощеніи и проч. Только ужасно я радовалась за дѣвочекъ, которыя были на верху блаженства. Пропировали до третьяго часу. На другой день всѣ остались у насъ, мы ѣздили на двухъ тройкахъ катать-

ся и все перегоняли другъ друга, тоже съ большимъ азартомъ“ [1]).

Вообще это время въ срединѣ 60-хъ годовъ было одно изъ безмятежныхъ и веселыхъ періодовъ семейной жизни Толстыхъ. Супруги были соединены самою тѣсной привязанностью. Л. Н—чъ въ письмахъ къ друзьямъ называлъ шутя это время „медовымъ мѣсяцемъ“, игралъ на гитарѣ и пѣлъ нѣжныя пѣсни: „Скажите ей, что пламенной любовью“. Послѣ рожденія второго ребенка, Тани (въ сентябрѣ 1864 г.), когда С. А. оправилась отъ болѣзни, въ ней, по ея собственнымъ словамъ, явилась потребность интеллигентной, эстетической жизни. Она отдалась изученію англійскаго языка, много читала, увлекалась стихами Фета, рисованіемъ; Л. Н—чъ нашелъ въ ней способность къ рисованію и хотѣлъ взять учителя, но это не удалось, и художественный талантъ С. А. такъ и остался безъ развитія. Но среди всего этого веселья, идилліи и эстетики, у С. А. проявлялись минуты грусти. Такъ, разсказывала она, что среди бурнаго веселья, вызваннаго маскарадомъ, ей стало грустно, веселье это показалось дикимъ, непривычнымъ для ея, воспитанной въ скромной городской обстановкѣ, души. Она ушла отъ этого веселья внизъ къ дѣтямъ и отпустила наверхъ свою няню.

Зимой, въ январѣ 1866 г., со всей семьей Л. Н—чъ отправился въ Москву, гдѣ они и прожили около шести недѣль на Б. Дмитровкѣ. Въ это время Л. Н—чъ печаталъ въ Русскомъ Вѣстникѣ 2-ую часть 1805 года. Онъ читалъ ее въ корректурѣ своимъ пріятелямъ: Перфильеву, Оболенскому, Аксакову и др. Въ эту же зиму Л. Н—чъ сталъ заниматься скульптурой и посѣщалъ рисовальную школу, но это увлеченіе продолжалось не долго. Къ Пасхѣ Толстые снова вернулись въ Ясную Поляну.

Тамъ Л. Н—чъ продолжалъ заниматься скульптурой и

---

[1]) Архивъ Т. А. Кузминской.

лѣпилъ бюстъ своей жены. Вѣроятно, онъ не кончилъ этой работы, такъ какъ она въ Ясной Полянѣ не сохранилась.

Изъ Москвы Л. Н—чъ писалъ своей теткѣ Татьянѣ Александровнѣ:

„Мы вчера переѣхали на квартиру, гдѣ намѣрены прожить до 23-го. До сихъ поръ нашъ переѣздъ и наше пребываніе въ Москвѣ совершенно удачны и пріятны. Мы и дѣти здоровы, наши родные тоже. Квартиру мы нашли на Дмитровкѣ, въ домѣ Хлудова, бельэтажъ въ 6 комнатъ, прекрасно меблированныхъ, съ дровами, самоваромъ, водой, всей посудой, серебромъ и бѣльемъ столовымъ за 155 руб. въ мѣсяцъ, наняли повара за 10 р. въ мѣсяцъ, такъ что мы проживемъ это время какъ дома, со всѣми удобствами.

„Мы отъ васъ не получили еще ни одного письма. Напишите намъ, пожалуйста. Мы разберемъ, какъ бы вы ни написали. Соня вамъ, вѣрно, напишетъ въ этомъ письмѣ и отпишетъ все о Сереженькѣ, что васъ, мы знаемъ, больше всего интересуетъ. Онъ дня три тому назадъ было закашлялся и надо было видѣть испугъ дѣдушки и бабушки. Они не меньше насъ любятъ нашихъ дѣтей. Для больной Тани призывали спеціалиста доктора, и онъ утѣшилъ насъ, увѣряя, что у ней нѣтъ еще грудной болѣзни. Но онъ сказалъ, что ее надо беречь. Она было очень ослабѣла отъ лихорадки, которая у нея продолжалась и здѣсь, но теперь уже третій день, какъ ея нѣтъ“ [1]).

Въ маѣ 1866 г. родился сынъ Илья. Увеличеніе семейства заставляетъ ихъ взять, кромѣ няни, къ старшимъ дѣтямъ бонну—англичанку, и это незначительное обстоятельство какъ-то сразу мѣняетъ весь домашній режимъ.

Л. Н—чъ въ это время усердно занимался хозяйствомъ, выписывалъ породистыхъ производителей, улучшая породу скота, свиней, птицъ.

Товарищемъ и совѣтчикомъ его въ этомъ дѣлѣ былъ его

---

[1]) Архивъ Л. Н—ча Толстого.

другъ и сосѣдъ Дм. Алекс. Дьяковъ. Л. Н—чъ очень любилъ его и считалъ хорошимъ хозяиномъ. Дьяковъ часто пріѣзжалъ въ Ясную и всегда оживлялъ всѣхъ своими разсказами. У него было много юмору, онъ былъ добродушенъ, веселъ и пріятенъ. Въ 1866 г. Л. Н—чъ между прочимъ занимался посадкой березовой рощи, представляющей теперь прекрасный березовый лѣсъ.

Въ ноябрѣ Л. Н—чъ ѣздилъ въ Москву и работалъ тамъ въ Румянцевскомъ музеѣ, разбирая масонскія рукописи.

С. А. скучаетъ одна въ Ясной, какъ это видно изъ ея писемъ, но радуется на дѣтей и поглощена заботами о нихъ.

Въ это время въ 1866 году осенью была уже открыта Московско-Курская жел. дорога и сношенія съ Москвой стали легче и потому чаще.

Первые годы семейной жизни Толстыхъ, при всемъ ихъ благополучіи и взаимномъ счастіи, были омрачены нравственными страданіями двухъ близкихъ имъ людей—гр. Сергѣя Николаевича Толстого, старшаго брата Л. Н—ча, и Татьяны Андреевны Берсъ, младшей сестры гр. С. А. Толстой. И онъ и она, тѣсно привязанные къ новой семьѣ Л. Н—ча, не замедлили сблизиться въ ихъ домѣ, и между ними зародилось сильное чувство любви. Трагизмъ этого чувства заключался, съ одной стороны, въ томъ, что между ними было болѣе 20 лѣтъ разницы. Для 17-лѣтней дѣвушки это было первое сильное чувство, а для почти 40-лѣтняго Серг. Ник., уже сильно и страстно пожившаго, это было послѣднее увлеченіе его пылкой натуры. Съ другой стороны, трагизмъ былъ въ томъ, что Т. А. отдавалась своему чувству вполнѣ свободно, а Сергѣй Никол. уже былъ давно женатъ, хотя и не вѣнчанъ, имѣлъ дѣтей и былъ привязанъ къ своей семьѣ. Но эта такъ называемая „незаконная связь“ не признавалась свѣтскимъ кругомъ его знакомыхъ, а роднымъ Татьяны Андреевны казалось весьма естествен-

но порвать съ этой „незаконной связью“ и заключить новый, прочный и законный союзъ.

Но Сергѣй Ник. Толстой, человѣкъ съ рыцарски-благородной душой, глубоко страдалъ отъ этого положенія, долго колебался, и нравственное чувство заставило его остаться вѣрнымъ своей первой и потому самой законной семьѣ.

Но увлеченіе его было сильно, и потому страданія отъ разрыванія его существа на двѣ части были очень велики. Новое чувство охватило его съ необычайной силой. Когда гр. Толстая сообщила ему изъ письма своей сестры, что она его любитъ, онъ воскликнулъ: „Она нищему подарила милліонъ!“

Разумѣется, и со стороны дѣвушки были страданія отъ той нерѣшительности и колебаній, которыя она замѣчала въ предметѣ своей любви.

Года два тянулось это нерѣшительное и напряженное состояніе. Но Серг. Ник. удержалъ за собою свою нравственную позицію, а Татьяна Андреевна, поддерживаемая всевозможной лаской и самой нѣжной любовью С. А. и Л. Н—ча Толстыхъ, сумѣла стойко пережить и залѣчить эту первую рану и затѣмъ избрать себѣ уже съ болѣе серьезнымъ чувствомъ достойнаго спутника на всю жизнь.

Серг. Ник. Толстой для устройства гражданскихъ правъ своихъ дѣтей рѣшилъ повѣнчаться съ своей женой, и, по странной игрѣ судьбы, обѣ четы встрѣтились лѣтомъ 1867 года на перекресткѣ близъ Тулы, когда они ѣхали въ подгородныя села назначать священникамъ дни ихъ вѣнчаній.

Всѣ эти передряги семейной, родственной жизни вызвали цѣлый рядъ самыхъ задушевныхъ писемъ между участниками событій и особенно со стороны Л. Н—ча, который со своимъ обычнымъ тактомъ и мудростью, не насилуя ничьей совѣсти, сумѣлъ направить эти чувства въ ихъ нормальныя русла. Интимный характеръ этой переписки не даетъ намъ права на ея опубликованіе.

Но мирная, устойчивая яснополянская жизнь не могла быть нарушена этими прошедшими надъ ея горизонтомъ грозовыми тучами, и она шла все тѣмъ же порядкомъ.

Въ іюнѣ 1867 года Л. Н. писалъ своему другу Фету интересное письмо:

„Ежели бы я вамъ писалъ, милый Аѳанасій Аѳанасьевичъ, всякій разъ, какъ я о васъ думаю, то вы бы получали отъ меня по два письма въ день. А всего не выскажешь и, кромѣ того, то лѣнь, то слишкомъ занятъ, какъ теперь. На-дняхъ я пріѣхалъ изъ Москвы и предпринялъ строгое лѣченіе подъ руководствомъ Захарьина, и, главное, печатаю романъ въ типографіи Риса и готовлю и посылаю рукопись и корректуры, и долженъ дѣлать такъ день за днемъ подъ страхомъ штрафа и несвоевременнаго выхода. Это и пріятно и тяжело, какъ вы знаете. О „Дымѣ“ я вамъ хотѣлъ писать давно и разумѣется то самое, что вы мнѣ пишите. Отъ этого-то мы и любимъ другъ друга, что одинаково думаемъ умомъ сердца, какъ вы называете. (Еще за это письмо спасибо вамъ большое: умъ ума и умъ сердца,—это многое мнѣ объяснило.) Я про „Дымъ“ думаю то, что сила поэзіи лежитъ въ любви; направленіе этой силы зависитъ отъ характера. Безъ силы любви нѣтъ поэзіи, ложно направленная сила, непріятный слабый характеръ поэта претитъ. Въ „Дымѣ“ нѣтъ ни къ чему почти любви и нѣтъ почти поэзіи. Есть любовь только къ прелюбодѣянію легкому и игривому, и потому поэзія этой повѣсти противна. Я боюсь только высказывать это мнѣніе, потому что я не могу трезво смотрѣть на автора, личность котораго не люблю, но кажется, мое впечатлѣніе общее всѣмъ. Еще одинъ кончилъ. Желаю и надѣюсь, что никогда не придетъ мой чередъ. И о васъ тоже думаю. Я отъ васъ все жду, какъ отъ двадцатилѣтняго поэта, и не вѣрю, чтобы вы кончили. Я свѣжѣе и сильнѣе васъ не знаю человѣка. Потокъ вашъ все течетъ, давая то же извѣстное

количество ведеръ воды—силы. Колесо, на которое онъ падалъ, сломалось, разстроилось, принято прочь, но потокъ все течетъ, и ежели онъ ушелъ въ землю, онъ гдѣ-нибудь опять выйдетъ и завертитъ другія колеса. Ради Бога не думайте, чтобы я вамъ говорилъ потому, что долгъ платежомъ красенъ, и что вы мнѣ всегда говорите подбадривающія вещи, нѣтъ, я всегда и объ одномъ васъ такъ думаю“ [1]).

Послѣдующіе годы протекаютъ безъ особо выдающихся событій.

Зимой 1868 г. (январь—февраль) Л. Н—чъ проводитъ со всей семьей въ Москвѣ на Кисловкѣ.

Въ этомъ году его посѣщаетъ и гоститъ у него Скайлеръ, американскій консулъ, о которомъ мы уже упоминали въ первомъ томѣ и о которомъ будемъ еще упоминать во второмъ при изложеніи педагогическаго періода.

Въ 1869 г., 20-го мая, рождается третій сынъ Левъ. Въ этомъ 69-мъ году, 30-го августа, Л. Н—чъ писалъ Фету:

„Получилъ ваше письмо и отвѣчаю не столько на него, сколько на свои мысли о васъ. Ужъ вѣрно я не менѣе вашего тужу о томъ, что мы такъ мало видимся. Я сдѣлалъ планы пріѣхать къ вамъ и дѣлаю еще. Но до сихъ поръ вотъ не готовъ шестой томъ, который я думалъ кончить мѣсяцъ тому назадъ,—до сихъ поръ, хотя весь давно набранъ,—не конченъ.

„Знаете ли, что́ было для меня нынѣшнее лѣто?—Неперестающій восторгъ предъ Шопенгауэромъ и рядъ духовныхъ наслажденій, которыхъ я никогда не испытывалъ. Я выписалъ всѣ его сочиненія и читалъ и читаю (прочелъ и Канта). И вѣрно ни одинъ студентъ въ свой курсъ не учился такъ много и столь многаго не узналъ, какъ я въ нынѣшнее лѣ-

---

[1]) А. Фетъ. „Мои воспоминанія“, т. II, стр. 120.

то. Не знаю, перемѣню ли я когда мнѣніе, но теперь я увѣренъ, что Шопенгауэръ—геніальнѣйшій изъ людей. Вы говорили, что онъ такъ себѣ кое-что писалъ о философскихъ предметахъ. Какъ кое-что? Это весь міръ въ невѣроятно ясномъ и красивомъ отраженіи. Я началъ переводить его... Не возьметесь ли и вы за переводъ его? Мы бы издали вмѣстѣ. Читая его, мнѣ непостижимо, какимъ образомъ можетъ оставаться имя его неизвѣстнымъ. Объясненіе только одно, то самое, которое онъ такъ часто повторяетъ, что, кромѣ идіотовъ, на свѣтѣ почти никого нѣтъ. Жду васъ съ нетерпѣніемъ къ себѣ. Иногда душитъ неудовлетворенная потребность въ родственной натурѣ какъ ваша, чтобы высказать все накопившееся.

„Уже написавъ это письмо, рѣшилъ окончательно свою поѣздку въ Пензенскую губернію для осмотра имѣнія, которое я намѣренъ купить въ тамошней глуши. Я ѣду завтра, 31-го, и вернусь около 13-го. Васъ же жду къ себѣ и прошу вмѣстѣ съ женой къ ея именинамъ, т.-е. пріѣхать 15-го и пробыть у насъ, по крайней мѣрѣ, дня три“.

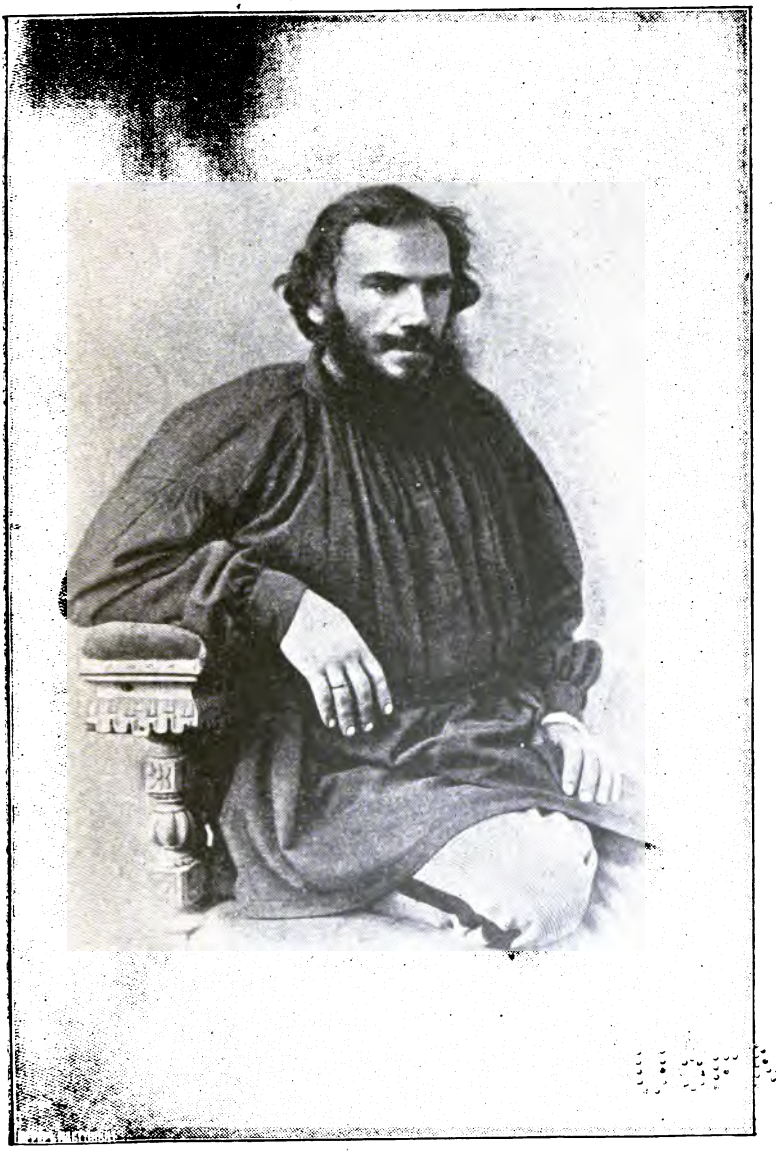
Въ эту поѣздку для осмотра пензенскаго имѣнія, наивно описанную въ воспоминаніяхъ его слуги С. П. Арбузова, со Л. Н—чемъ произошелъ слѣдующій эпизодъ, описанный имъ самимъ въ письмѣ къ графинѣ С. А.:

„Что съ тобой и дѣтьми? Не случилось ли что? Я второй день мучаюсь безпокойствомъ. Третьягодня въ ночь я ночевалъ въ Арзамасѣ и со мной было что-то необыкновенное. Было два часа ночи, я усталъ страшно, хотѣлось спать и ничего не болѣло. Но вдругъ на меня напала тоска, страхъ, ужасъ, такіе, какихъ я никогда не испытывалъ. Подробности этого чувства я тебѣ разскажу впослѣдствіи, но подобнаго мучительнаго чувства я никогда не испытывалъ и никому не дай Богъ испытать. Я вскочилъ, велѣлъ закладывать. Пока закладывали, я заснулъ и проснулся здоровымъ. Вчера это чувство въ гораздо меньшей степени возвратилось во время ѣзды, но я былъ приготовленъ и не подда-

вался ему, тѣмъ болѣе, что оно и было слабѣе. Нынче чувствую себя здоровымъ и веселымъ, насколько могу быть безъ семьи. Въ эту поѣздку я въ первый разъ почувствовалъ, до какой степени я сросся съ тобой и съ дѣтьми. Я могу оставаться одинъ въ постоянныхъ занятіяхъ, какъ я бываю въ Москвѣ, но какъ теперь, безъ дѣла, я рѣшительно чувствую, что не могу быть одинъ“ [1]).

---

[1]) Арх. гр. С. А. Толстой.



Л. Н. ТОЛСТОЙ
ВЪ 1868 Г.

ГЛАВА V.

Казнь рядового Шибунина.

Лѣтомъ 1866 г. произошло событіе, въ которомъ и Л. Н—чу пришлось принимать участіе и на которомъ слѣдуетъ подольше остановиться. Это событіе была казнь солдата пѣхотнаго полка, расположеннаго близъ Ясной Поляны.

Конечно, Л. Н—чъ участвовалъ въ этомъ дѣлѣ, какъ защитникъ подсудимаго.

Вотъ краткая характеристика этого несчастнаго, по описанію одного изъ свидѣтелей совершоннаго злодѣянія:

„Ротнымъ писаремъ во 2-й ротѣ числился только-что переведенный туда, находившійся въ разрядѣ штрафованныхъ, рядовой Василій Шибунинъ, поступившій въ военную службу „охотникомъ", т.-е. нанявшійся за другого рекрута. Ему было 24 года. Роста онъ былъ небольшого, коренастый, съ толстой красной шеей и нѣсколько рыжеватыми волосами,—вообще, фигура его не производила особенно пріятнаго впечатлѣнія. Незаконнорожденный сынъ, по слухамъ, какого-то довольно значительнаго барина, Шибунинъ началъ помнить себя въ деревнѣ въ одной изъ центральныхъ губерній, куда онъ былъ отданъ двухлѣтнимъ ребенкомъ на воспитаніе. Въ ноябрѣ 1862 года онъ появился въ Н—скомъ рекрутскомъ присутствіи въ качествѣ „охотника". Если выдавалась свободная минута, любимымъ времяпровожденіемъ Шибунина было лечь въ постель и, потягивая изъ горлышка деревенскую сивуху, помечтать объ „отцѣ", на

ночь почитать требникъ или евангеліе, которые онъ давно зналъ наизусть. Ротный командиръ, академистъ, полякъ, за какую-то неисправность по службѣ и за пьянство, посадилъ Шибунина въ карцеръ. По выходѣ оттуда Шибунинъ получилъ приказаніе ротнаго командира составить очень нужную бумагу для командира батальона. Для храбрости онъ выпилъ еще изрядное количество водки, и когда пришедшій за рапортомъ ротный командиръ спросилъ его: „Ты приготовилъ рапортъ батальонному командиру?“ Шибунинъ, не отвѣчая, блѣдный, трясущимися руками подалъ требуемую начисто переписанную бумагу. Ротный командиръ посмотрѣлъ на него, но, очевидно, не замѣтивъ ничего особеннаго, принялся читать приготовленный рапортъ. Шибунинъ воспользовался этой минутой и, выскользнувъ изъ избы, въ сѣняхъ прямо изъ горлышка влилъ въ себя еще новую бутылку водки и вернулся въ канцелярію. Рапортъ не понравился ротному командиру, онъ его смялъ и швырнулъ въ писаря. Возбужденный виномъ, озлобленный, Шибунинъ наговорилъ своему начальнику дерзостей, на что тотъ, обращаясь къ фельдфебелю сказалъ:

„— Фельдфебель, онъ опять пьянъ... Отправь его сейчасъ въ карцеръ, а послѣ ученья приготовь розогъ.

„И командиръ, спокойно, надѣвая на ходу свою бѣлую замшевую перчатку, круто повернулся и вышелъ изъ избы. Его догналъ Шибунинъ и съ искаженнымъ злобою лицомъ проговорилъ:—За что, за что вы меня мучаете?

„Командиръ, конечно, не удостоилъ его отвѣтомъ.

„— Молчите! — хрипло крикнулъ ему Шибунинъ.—Меня розгами? Такъ вотъ же тебѣ, поляцкая харя!..—и звонкая пощечина громко раздалась по улицѣ.

Капитанъ Н. подалъ въ этотъ же день два рапорта: одинъ о преступленіи Шибунина, другой о своей болѣзни, а командиръ полка донесъ по начальству, и черезъ пять дней было получено предписаніе командующаго войсками Московскаго военнаго округа генералъ-адъютанта Гильден-

штубе на основаніи 604 ст. военно-полевыхъ законовъ, предать Шибунина военно-полевому суду. Одинъ изъ офицеровъ, нѣкто Стасюлевичъ, принялъ къ сердцу интересы обвиняемаго и немедленно отправился вмѣстѣ съ подпоручикомъ Колокольцовымъ въ Ясную Поляну ко Льву Николаевичу Толстому.

Разсказавъ Льву Николаевичу всю суть этого происшествія, оба молодыхъ офицера обратились къ нему съ просьбою принять на себя защиту несчастнаго Шибунина.

Л. Н—чъ выслушалъ ихъ очень внимательно и съ полной готовностью изъявилъ свое согласіе принять всѣ зависящія отъ человѣка мѣры если не къ оправданію, то хотя бы къ облегченію участи подсудимаго.

Военно-полевой судъ, какъ извѣстно, не ожидаетъ сроковъ, и дѣло ведется быстро, а потому, когда на другой день графъ поѣхалъ къ командиру полка, обвинительный актъ Шибунина былъ уже готовъ, но еще не врученъ обвиняемому. Нечего и говорить, что полковникъ Юноша съ величайшимъ удовольствіемъ изъявилъ свое согласіе на предложеніе графа принять на себя защиту Шибунина.

Л. Н—чъ Толстой отлично сознавалъ отчаянное положеніе дѣла Шибунина, какъ солдата, но онъ вѣрилъ въ возможность его защиты, какъ человѣка, и если не оправданія, то значительнаго смягченія наказанія. Засѣданіе суда было назначено въ 11 часовъ утра, но Л. Н—чъ прибылъ туда цѣлымъ часомъ раньше. Часъ этотъ былъ нуженъ ему. Онъ желалъ ободрить и подкрѣпить духъ подсудимаго. Небольшой залъ маленькаго помѣщичьяго дома квартиры полкового командира наскоро превратили въ залъ судебныхъ засѣданій, и вотъ здѣсь-то было назначено разбирательство дѣла Шибунина. Предсѣдателемъ военно-полевого суда былъ назначенъ командиръ полка, полковникъ Юноша, а прочіе судьи были мѣстные полковые офицеры. Прокуроръ прибылъ изъ Москвы. Немногіе изъ окружающихъ помѣщиковъ знали о днѣ засѣданія полевого суда, объ участіи въ процессѣ въ ка-

чествѣ защитника подсудимаго гр. Л. Н. Толстого да и время было жаркое для земледѣльца—разгаръ рабочей поры, но кто зналъ—воспользовался случаемъ и пріѣхалъ въ судъ. Было нѣсколько пріѣхавшихъ изъ Тулы, но въ общемъ „публики“ было немного. Предсѣдатель объявилъ о предстоящемъ разборѣ дѣла и приказалъ ввести подсудимаго. Прочитали опредѣленіе о преданіи Шибунина военно-полевому суду, замѣнявшее собою обычный обвинительный актъ, удостовѣрявшее, что подсудимый, питая злобу къ ротному командиру, давно задумалъ свое намѣреніе и осуществилъ только въ тотъ злополучный день 6-го іюня, для чего умышленно натощакъ выпилъ полтора штофа водки.

Судебное слѣдствіе скоро окончилось. Слово было предоставлено представителю обвиненія. Прокуроръ сказалъ сухую, совершенно формальную рѣчь, всю пересыпанную статьями закона, ссылкой на нихъ и пр.

Прошло нѣсколько мгновеній общаго напряженнаго вниманія, и графъ Л. Н—чъ поднялся.

Рѣчь его, увѣренная, спокойная, ясная, сразу настолько овладѣла общимъ вниманіемъ, что задніе ряды привстали и придвинулись къ переднимъ.

Л. Н—чъ сказалъ слѣдующее:

„Рядовой Василій Шибунинъ, обвиняемый въ умышленномъ и сознательномъ нанесеніи удара въ лицо своему ротному командиру, избралъ меня своимъ защитникомъ, и я принялъ на себя эту обязанность, несмотря на то, что преступленіе, въ которомъ обвиняется Шибунинъ, есть одно изъ тѣхъ, которыя, нарушая связь военной дисциплины, не могутъ быть разсматриваемы съ точки зрѣнія соразмѣрности вины съ наказаніемъ и всегда должны быть наказываемы. Я принялъ на себя эту обязанность, несмотря на то, что самъ обвиняемый написалъ свое сознаніе, и потому фактъ, установляющій его виновность, не можетъ быть опровергнутъ, и несмотря на то, что онъ подвергается 604 ст. воен.

угол. закон., которая опредѣляетъ только одно наказаніе за преступленіе, совершонное Шибунинымъ.

„Наказаніе это—смерть, и потому казалось бы, что участь его не можетъ быть облегчена. Но я принялъ на себя его защиту потому, что нашъ законъ, написанный въ духѣ предпочтительнаго помилованія десяти виновныхъ предъ наказаніемъ одного невиннаго, предусматриваетъ все въ пользу милосердія, и не для одной формальности опредѣляетъ, что ни одинъ подсудимый не входитъ въ судъ безъ защитника, слѣдовательно, безъ возможности ежели не оправданія, то смягченія наказанія. Въ этой увѣренности на формальность и я приступаю къ своей защитѣ. По моему убѣжденію, обвиняемый подлежитъ дѣйствію ст. 109 и 116, опредѣляющихъ уменьшеніе наказанія по доказанности тупости и глупости преступника и невмѣняемости по доказанному умопомѣшательству.

„Шибунинъ не подверженъ постоянному безумію, очевидномъ при докторскомъ освидѣтельствованіи, но душевное состояніе его находится въ ненормальномъ положеніи: онъ душевно-больной, лишенный одной изъ главныхъ способностей человѣка, способности соображать послѣдствія своихъ поступковъ. Ежели наука о душевныхъ болѣзняхъ не признала этого душевнаго состоянія болѣзнью, то, я полагаю, прежде чѣмъ произносить смертный приговоръ, мы обязаны взглянуть пристальнѣе на это явленіе и убѣдиться, есть ли то, что я говорю, пустая отговорка или дѣйствительный, несомнѣнный фактъ. Состояніе обвиняемаго есть, съ одной стороны, крайняя глупость, простота и тупость, предвидѣнныя въ ст. 109 и служащія къ уменьшенію наказанія. Съ другой стороны, въ извѣстныя минуты, подъ вліяніемъ вина, возбуждающаго къ дѣятельности,—состояніе умопомѣшательства, предвидѣнное 116 ст. Вотъ онъ стоитъ передъ вами съ опущенными зрачками глазъ, съ равнодушнымъ, спокойнымъ и тупымъ лицомъ, ожидая приговора смерти, ни одна черта не дрогнетъ на его лицѣ ни во время

допросовъ, ни во время моей защиты, какъ не дрогнетъ онъ и во время объявленія смертнаго приговора и даже въ минуту исполненія казни. Лицо его неподвижно не вслѣдствіе усилія надъ собою, но вслѣдствіе полнаго отсутствія духовной жизни въ этомъ несчастномъ человѣкѣ. Онъ душевно спитъ теперь, какъ онъ и спалъ всю свою жизнь, онъ не понимаетъ значенія совершоннаго имъ преступленія, такъ же какъ и послѣдствій, ожидающихъ его.

„Шибунинъ мѣщанинъ, сынъ богатыхъ, по его состоянію, родителей; онъ былъ отданъ учиться сначала, какъ онъ говоритъ, къ нѣмцу, потомъ въ рисовальное училище. Выучился ли онъ чему-нибудь, намъ неизвѣстно, но надо предполагать, что учился онъ плохо, потому что ученье его не помогло ему дать средства откупиться отъ военной службы. Въ 1855 г. онъ поступилъ на службу и вскорѣ, какъ видно изъ послужнаго списка, бѣжитъ, самъ не зная куда и для чего, и вскорѣ такъ же безсознательно возвращается изъ бѣговъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ Шибунинъ производится въ унтеръ-офицеры, какъ надо предполагать, единственно за свое умѣнье писать, и въ продолженіе всей своей службы занимается только по канцеляріямъ. Вскорѣ послѣ своего производства въ унтеръ-офицеры Шибунинъ вдругъ безъ всякой причины теряетъ всѣ выгоды своего положенія на службѣ вслѣдствіе своего ничѣмъ необъяснимаго поступка: онъ тайно уноситъ у своего товарища— не деньги, не какую-либо цѣнную вещь, даже не такую вещь, которая можетъ быть скрыта, но казенный мундиръ и тесакъ и пропиваетъ ихъ. Не полагаю, чтобы эти поступки, о которыхъ мы узнаемъ изъ послужного списка Шибунина, могли служить признаками нормальнаго душевнаго состоянія подсудимаго. Подсудимый не имѣетъ никакихъ вкусовъ и пристрастій, ничто не интересуетъ его. Какъ только онъ имѣетъ деньги и время, онъ пьетъ вино и не въ компаніи товарищей, а одинъ, какъ мы видимъ это изъ самаго обвинительнаго акта. Онъ дѣлаетъ привычку

къ пьянству со второго года своей службы и пьетъ такъ, что, выпивая по два штофа водки въ день, не дѣлается оживленнѣе и веселѣе обыкновеннаго, а остается такимъ же, какимъ вы его теперь видите, только съ потребностью большей рѣшительности и предпріимчивости и еще съ меньшей способностью сообразительности. Два мѣсяца тому назадъ Шибунинъ переводится въ Московскій полкъ и опредѣленъ писаремъ во вторую роту. Болѣзненное душевное состояніе его съ каждымъ днемъ ухудшается и доводитъ его до теперешняго состоянія. Онъ доходитъ до совершеннаго идіотизма, онъ носитъ на себѣ только обликъ человѣка, не имѣя никакихъ свойствъ и интересовъ человѣчества. Цѣлые дни въ 30-градусные жары эта физически здоровая сангвиническая натура сидитъ безвыходно въ душной избѣ и пишетъ безостановочно цѣлые дни какіе-нибудь одинъ, два рапорта и вновь переписываетъ ихъ. Всѣ интересы Шибунина сосредоточиваются на словахъ рапортовъ и на требованіяхъ ротныхъ командировъ. Безсмысленно для него тянущіеся цѣлые дни не даютъ ему иногда времени пообѣдать и выспаться, работа не тяготитъ его, но только приводитъ въ большее и большее состояніе отупѣнія. Но онъ доволенъ своимъ положеніемъ и говоритъ своимъ товарищамъ, что ему значительно легче и лучше служить здѣсь, чѣмъ въ Лейбъ-Екатеринославскомъ гренадерскомъ полку, изъ котораго онъ переведенъ. Онъ тоже не имѣетъ причины жаловаться на своего ротнаго командира, который говорилъ ему не разъ (такъ передалъ мнѣ самъ Шибунинъ): „коли не успѣваешь, такъ возьми еще одного, двухъ писарей“. Дни его проходятъ въ канцеляріи или въ сѣняхъ у ротнаго командира, гдѣ онъ подолгу дожидается, или въ одинокомъ пьянствѣ. Онъ пишетъ и пьетъ, и душевное состояніе его доходитъ до крайняго разстройства. Въ это-то время въ его отуманенной головѣ возникаетъ одинокая мысль, относящаяся до той узкой сферы дѣятельности, въ которой онъ вращается, и получаетъ силу

и упорство пункта помѣшательства. Ему вдругъ приходитъ мысль, что ротный командиръ ничего не понимаетъ въ дѣлахъ, въ искусствѣ написать рапортъ, которымъ гордится каждый писарь, что онъ знаетъ лучше, какъ написать, что онъ пишетъ хорошо, отлично напишетъ, а ротный командиръ, не зная дѣла, заставляетъ переправлять и переписывать и, портя само дѣло, прибавляетъ ему работы, не дающей иногда времени и заснуть и пообѣдать. И эта одинокая мысль, запавшая въ разстроенную виномъ, отупѣвшую голову, подъ вліяніемъ раздраженія оскорбленнаго самолюбія, безпрестанныхъ повтореній тѣхъ же требованій со стороны ротнаго командира и постояннаго сближенія съ нимъ,—эта мысль и вытекающее изъ нея озлобленіе, получаетъ въ больной душѣ подсудимаго силу страстнаго пункта помѣшательства.

„Спросите у него, почему и для чего онъ сдѣлалъ свой поступокъ. Онъ скажетъ вамъ (и это единственный пунктъ, о которомъ онъ, приговаривающійся къ смерти человѣкъ, говоритъ съ одушевленіемъ и жаромъ), онъ скажетъ вамъ, какъ написалъ въ своемъ показаніи, что побудительными причинами къ его поступку были частыя требованія ротнаго командира передѣлывать бумаги, въ которыхъ будто бы онъ, ротный командиръ, менѣе понималъ толку, чѣмъ самъ Шибунинъ, или скажетъ, какъ онъ сказалъ мнѣ на вопросъ, почему онъ совершилъ свое преступленіе,—онъ скажетъ: „по здравому разсудку я рѣшилъ, потому что они дѣловъ не знаютъ, а требуютъ, мнѣ и обидно показалось“.

„Итакъ, мм. гг.! единственная причина совершоннаго преступленія, наказываемаго смертью, была та, что подсудимому казалось обидно и оскорбительно передѣлывать писанныя имъ бумаги по приказаніямъ начальства, понимавшаго въ дѣлахъ менѣе, чѣмъ онъ. Ни слѣдствіе, ни судъ, ни наивное показаніе Ш. не могли открыть другихъ побудительныхъ причинъ. А потому возможно ли предположить, чтобы человѣкъ, находящійся въ обладаніи своихъ душевныхъ спо-

собностей, изъ-за того, что ему обидно показалось переписывать рапорты, рѣшился на тотъ страшный поступокъ какъ по существу своему, такъ и по послѣдствіямъ. Такой поступокъ и вслѣдствіе такихъ причинъ могъ совершить человѣкъ, только одержимый душевной болѣзнью, и таковъ обвиняемый. Ежели медицинское свидѣтельство не признаетъ его таковымъ, то только потому, что медицина не опредѣлила этого состоянія отупѣнія въ соединеніи съ раздраженіемъ, производимымъ виномъ. Развѣ въ здравомъ умѣ находится человѣкъ, который, передъ судомъ, ожидая смертнаго приговора, съ увлеченіемъ говоритъ только о томъ, что его писарское самолюбіе оскорблено ротнымъ командиромъ, что онъ не знаетъ, а велитъ переписывать? Развѣ въ здравомъ умѣ находится тотъ человѣкъ, который, зная грамоту и зная законъ, пишетъ на себя то сознаніе отъ 6 и 7 числа, которое мы сейчасъ слышали,—сознаніе, въ которомъ какъ бы умышленно онъ безвыходно отдается смерти? Сознаніе это, очевидно, безсмысленно списано его рукой съ тѣхъ словъ, которыя за него говорили слѣдователи и которыя онъ подтверждалъ словами: точно такъ, ваше благородіе, которыми онъ и теперь готовъ безсмысленно и безсознательно подтвердить все то, что ему будетъ предложено. Во всей Россійской Имперіи не найдется, вѣрно, ни одного не только писаря, но безграмотнаго мужика, который бы на другой день преступленія далъ такое показаніе.

„И что могло побудить грамотнаго человѣка дать это показаніе? Ежели бы онъ былъ не идіотъ, онъ бы понималъ, что сознаніе его не можетъ уменьшить его наказанія. Раскаяніе тоже не могло вызвать это сознаніе, такъ какъ преступленіе его такого рода, что оно не могло произвести въ немъ тяжелыхъ мученій совѣсти и потребности облегченія чистосердечнымъ признаніемъ. Подобное сознаніе могъ сдѣлать только человѣкъ, вполнѣ лишенный способности соображенія послѣдствій своихъ поступковъ, т.-е. душевнобольной. Сознаніе Ш. служитъ лучшимъ доказательствомъ

болѣзненности его душевнаго состоянія. Наконецъ, развѣ въ здравомъ умѣ тотъ человѣкъ, который совершаетъ свое преступленіе при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ совершилъ его Ш.? Онъ писарь, онъ знаетъ законъ, казнящій смертью за поднятіе руки противъ начальства, тѣмъ болѣе долженъ бы знать этотъ законъ, что за нѣсколько дней передъ совершеніемъ преступленія онъ собственноручно переписываетъ приказъ по корпусу о разстрѣляніи рядового за поднятіе руки противъ офицера, и, несмотря на то, онъ въ присутствіи фельдфебеля, солдатъ и постороннихъ лицъ совершаетъ свое преступленіе. Въ поступкѣ подсудимаго не видно не только умышленности, не только сознательности, но очевидно, что поступокъ совершонъ при отсутствіи душевныхъ способностей, въ припадкѣ бѣшенства или безумія. Постоянно занятый однимъ дѣломъ переписки и связанной съ нимъ мыслью о сильной обидѣ и незнаніи порядковъ ротнымъ командиромъ, онъ послѣ безсонной ночи и выпитаго вина сидитъ одинъ въ канцеляріи надъ бумагами и дремлетъ съ тою же неотступною мыслью, равняющейся пункту помѣшательства, объ оскорбительной требовательности и незнаніи дѣла ротнымъ командиромъ, какъ вдругъ входитъ самъ ротный командиръ, лицо, съ которымъ связанъ ближе всего его пунктъ помѣшательства, лицо, противъ котораго направлено его озлобленіе, усиленное въ одиночествѣ выпитымъ виномъ, и лицо это дѣлаетъ ему вновь упреки и подвергаетъ его наказанію. Шибунинъ встаетъ, еще не очнувшись отъ дремоты, не зная, гдѣ онъ и что онъ, и совершаетъ поступокъ, въ которомъ онъ отдаетъ себѣ отчетъ уже гораздо позже его совершенія.

„Прошедшее Шибунина, его видъ и разговоръ доказываютъ въ немъ высшую степень тупоумія, еще усиленнаго постояннымъ употребленіемъ вина; показаніе же его, какъ бы умышленно увеличивающее его вину, а главное, самое преступленіе, совершонное при свидѣтеляхъ и въ сопровожденіи безсмысленности, доказываетъ, что въ послѣднее

время къ общему состоянію идіотизма присоединилось еще состояніе душевнаго разстройства, которое, ежели не подлежитъ докторскому освидѣтельствованію, какъ безуміе, тѣмъ не менѣе не можетъ не быть принято, какъ обстоятельство, уменьшающее виновность.

„По ст. 109 Шибунинъ подлежитъ уменьшенію наказанія вслѣдствіе своего очевиднаго идіотизма.

„Сверхъ того, по исключительному состоянію душевнаго разстройства, хотя въ строгомъ смыслѣ и не подходящаго подъ статью 126, Шибунинъ по общему смыслу этой статьи подлежитъ облегченію наказанія. Но ст. 604 опредѣляетъ за преступленіе, совершонное Шибунинымъ, только одно наказаніе—смерть. Итакъ, судъ поставленъ въ необходимость, либо безусловно примѣнивъ къ настоящему случаю ст. 604, тѣмъ самымъ отступить отъ смысла ст. 109 и 116, полагающихъ облегченіе наказанія при нахожденіи преступника въ тѣхъ ненормальныхъ душевныхъ условіяхъ, въ которыхъ находится Шибунинъ, либо, примѣнивъ ст. 109 и 116, уменьшающія наказанія, тѣмъ самымъ измѣнить смыслъ ст. 604. Послѣдній выходъ изъ этого затрудненія я полагаю болѣе справедливымъ и законнымъ, на томъ основаніи, что уменьшеніе наказанія въ случаяхъ, опредѣленныхъ ст. 109, относится ко всѣмъ послѣдующимъ статьямъ и потому и къ ст. 604, объ исключеніи которой ничего не сказано.

„Судъ въ настоящемъ случаѣ противорѣчія между статьями 109, уменьшающей наказаніе, и 604, полагающей только одно наказаніе, имѣетъ только два выбора—отступить отъ буквы ст. 109 или отъ буквы ст. 604.

„Для рѣшенія въ этомъ выборѣ судъ можетъ руководствоваться только духомъ всего нашего законодательства, заставляющимъ всегда вѣсы правосудія склоняться на сторону милосердія, и смысломъ ст. 81, которая говоритъ, что судъ долженъ оказывать себя болѣе милосерднымъ, нежели жестокимъ, памятуя, что и судьи—человѣки.

„Съ этимъ высокимъ и строгимъ напоминаніемъ закона подсудимый предоставляетъ свою участь рѣшенію правосудія“ [1]).

Несмотря на всю силу этихъ аргументовъ, рядовой Шибунинъ былъ приговоренъ къ смертной казни.

Окрестное населеніе селъ и деревень съ быстротою телеграфа разнесло вѣсть о приговоренномъ къ разстрѣлу.

Къ узнику начали собираться цѣлыя толпы, слезно умолявшія караульнаго унтера „хоть однимъ глазкомъ взглянуть на несчастненькаго“.

Но просьбы ихъ были напрасны, и „несчастненькаго“ не показывали имъ. Но они не огорчались этой неудачей и оставляли у караульнаго для Шибунина кто что могъ, по силѣ своихъ средствъ и достатковъ. Кто горшокъ молока, кто яичекъ, кто ржаныхъ сдобныхъ лепешекъ. Были и такіе, которые приносили большіе куски домашняго деревенскаго холста. Казнь была совершена 9-го августа. Шибунинъ все время стоялъ съ потупленными глазами, ни одинъ мускулъ на лицѣ его не дрогнулъ; онъ шелъ твердымъ шагомъ, не говоря ни одного слова. Собралась около столба, къ которому былъ привязанъ Шибунинъ, масса народа. Женщины рыдали и падали въ обморокъ.

По совершеніи казни народъ неудержимою волной бросился къ свѣжей могилѣ. Черезъ часъ явился кѣмъ-то приглашенный деревенскій священникъ, и началось почти непрерывное служеніе заказныхъ панихидъ. Къ вечеру на могилу были накиданы восковыя свѣчи, куски холста и мѣдные гроши. На-завтра исторія съ панихидами повторилась. Даже изъ дальнихъ деревень сталъ собираться на эти панихиды народъ и несъ свою лепту. Дошла вѣсть и до мѣстнаго станового пристава. Онъ пріѣхалъ лично и приказалъ сравнять могилу казненнаго. Около опушки лѣса поставили деревенскій караулъ съ приказомъ „отнюдь не допускать

---

[1]) „Право“ 1903 г., стр. 2016.

любопытныхъ", а служеніе панихидъ было „наистрожайше" воспрещено.

Можно себѣ представить, что дѣлалось въ душѣ Л. Н—ча при видѣ этого совершившагося передъ его глазами звѣрства.

Онъ употребилъ свое вліяніе въ высшихъ сферахъ, чтобы остановить совершеніе приговора, телеграфировалъ своей теткѣ гр. А. А. Толстой, придворной дамѣ, прося доложить военному министру. Она говорила съ министромъ, но тотъ отвѣтилъ какимъ-то формальнымъ доводомъ и, очевидно, не расположенъ былъ къ отмѣнѣ приговора.

По словамъ Л. Н—ча, у него осталось впечатлѣніе, что высшее начальство хотѣло во что бы то ни стало привести въ исполненіе этотъ приговоръ, какъ мѣру устрашенія, такъ какъ въ это время въ войскахъ стали довольно часто повторяться случаи нарушенія дисциплины.

Этимъ эпизодомъ, выдѣленнымъ нами въ виду его важности въ особую главу, мы и заканчиваемъ первый періодъ семейной жизни Л. Н—ча.

У читателя, прочитавшаго эту главу, знающаго и понимающаго Л. Н—ча Толстого, должно остаться чувство неудовлетворенія отъ той блѣдной роли, которую пришлось играть въ этомъ дѣлѣ Льву Николаевичу. Такое чувство неудовлетворенія испыталъ и я, когда описывалъ этотъ фактъ по имѣвшимся у меня документамъ. Зная отношеніе Л. Н—ча къ такому ужасному явленію, какъ смертная казнь, я попросилъ его высказать его теперешнее отношеніе къ своему участію въ дѣлѣ защиты казненнаго солдата. И Л. Н—чъ, со всею присущею ему искренностью, возстановилъ въ своей памяти это дѣло, вновь пережилъ всѣ чувства, волновавшія его и волнующія его всегда при мысли объ этомъ злодѣяніи, и записалъ ихъ въ формѣ письма ко мнѣ, которымъ я съ радостью и пополняю разсказанное мною въ этой главѣ:

Милый другъ Павелъ Ивановичъ!

Очень радъ исполнить ваше желаніе и сообщить вамъ болѣе подробно то, что было передумано и перечувствовано мною въ связи съ тѣмъ случаемъ моей защиты солдата, о которомъ вы пишете въ своей книгѣ. Случай этотъ имѣлъ на всю мою жизнь гораздо болѣе вліянія, чѣмъ всѣ кажущіяся болѣе важными событія жизни: потеря или поправленіе состоянія, успѣхи или неуспѣхи въ литературѣ, даже потеря близкихъ людей.

Разскажу, какъ все это было, а потомъ уже постараюсь высказать тѣ мысли и чувства, которыя тогда вызвало во мнѣ это событіе и теперь воспоминаніе о немъ.

Чѣмъ особенно я занимался и увлекался въ это время, я не помню,—вы это лучше меня знаете; знаю только, что жилъ я въ это время спокойной, самодовольной и вполнѣ эгоистичной жизнью. Лѣтомъ 1866 года насъ посѣтилъ совершенно неожиданно Гриша Колокольцовъ, кадетомъ еще ходившій въ домъ Берсовъ и знакомый моей жены. Оказалось, что онъ служилъ въ пѣхотномъ полку, расположенномъ въ нашемъ сосѣдствѣ. Это былъ веселый, добродушный мальчикъ, особенно занятый въ это время своей верховой казачьей лошадкой, на которой онъ любилъ гарцовать и часто пріѣзжалъ къ намъ.

Благодаря ему, мы познакомились и съ его полковымъ командиромъ, полковникомъ Ю., и съ разжалованнымъ или отданнымъ въ солдаты по политическимъ дѣламъ (не помню) А. М. Стасюлевичемъ, роднымъ братомъ извѣстнаго редактора, служившимъ въ этомъ же полку. Стасюлевичъ былъ уже немолодой человѣкъ. Онъ только недавно изъ солдатъ былъ произведенъ въ прапорщики и поступилъ въ полкъ къ бывшему своему товарищу Ю., теперь его главному начальнику. И тотъ и другой, Ю. и Стасюлевичъ, тоже изрѣдка ѣзжали къ намъ. Ю. былъ толстый, румяный, добродушный, холостой еще человѣкъ. Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ, такъ часто встрѣчающихся людей, въ которыхъ человѣче-

скаго совсѣмъ не видно изъ-за тѣхъ условныхъ положеній, въ которыхъ они находятся и сохраненіе которыхъ они ставятъ высшею цѣлью своей жизни. Для полковника Ю. условное положеніе это было положеніе полкового командира. Про такихъ людей, судя по-человѣчески, нельзя сказать, добрый ли, разумный ли онъ человѣкъ, такъ какъ неизвѣстно еще, какимъ бы онъ былъ, если бы пересталъ быть полковникомъ, профессоромъ, министромъ, судьей, журналистомъ, а сталъ бы человѣкомъ. Такъ это было и съ полковникомъ Ю. Онъ былъ исполнительный полковой командиръ, приличный посѣтитель; но какимъ онъ былъ человѣкомъ, нельзя было знать. Я думаю, не зналъ и онъ самъ, да и не интересовался этимъ. Стасюлевичъ же былъ живой человѣкъ, хотя и изуродованный съ разныхъ сторонъ, болѣе же всего тѣми несчастьями и униженіями, которыя онъ, какъ честолюбивый и самолюбивый человѣкъ, тяжело переживалъ. Такъ мнѣ казалось, но я недостаточно зналъ его, чтобы поглубже вникнуть въ его душевное состояніе. Одно знаю, что общеніе съ нимъ было пріятно и вызывало смѣшанное чувство состраданія и уваженія. Стасюлевича я потомъ потерялъ изъ виду, но не долго послѣ этого, когда полкъ ихъ стоялъ уже въ другомъ мѣстѣ, я узналъ, что онъ безъ всякихъ, какъ говорили, личныхъ причинъ лишилъ себя жизни и сдѣлалъ это самымъ страннымъ образомъ. Онъ рано утромъ надѣлъ въ рукава ваточную тяжелую шинель и въ этой шинели вошелъ въ рѣку и утонулъ, когда дошелъ до глубокаго мѣста, такъ какъ не умѣлъ плавать.

Не помню, кто изъ двухъ, Колокольцовъ или Стасюлевичъ, въ одинъ день лѣтомъ, пріѣхавъ къ намъ, разсказалъ про случившееся у нихъ—для военныхъ людей самое ужасное и необыкновенное—событіе: солдатъ ударилъ по лицу ротнаго командира, капитана, академика. Стасюлевичъ особенно горячо, съ сочувствіемъ къ участи солдата, котораго ожидала, по словамъ Стасюлевича, смертная казнь, разсказывалъ

про это и предложилъ мнѣ быть защитникомъ на военномъ судѣ солдата.

Долженъ сказать, что приговоры одними людьми другихъ къ смерти и еще другихъ къ совершенію этого поступка—смертная казнь—всегда не только возмущала меня, но представлялась мнѣ чѣмъ-то невозможнымъ, выдуманнымъ, однимъ изъ тѣхъ поступковъ, въ совершеніе которыхъ отказываешься вѣрить, несмотря на то, что знаешь, что поступки эти совершались и совершаются людьми. Смертная казнь какъ была, такъ и осталась для меня однимъ изъ тѣхъ людскихъ поступковъ, свѣдѣнія о совершеніи которыхъ въ дѣйствительности не нарушаютъ во мнѣ сознанія невозможности ихъ совершенія.

Я понимаю, что подъ вліяніемъ минуты раздраженія, злобы, мести, потери сознанія своей человѣчности человѣкъ можетъ убить, защищая близкаго человѣка, даже себя, можетъ, подъ вліяніемъ патріотическаго, стаднаго внушенія, подвергая себя смерти, участвовать въ совокупномъ убійствѣ на войнѣ. Но то, чтобы люди спокойно, въ полномъ обладаніи своихъ человѣческихъ свойствъ могли обдуманно признавать необходимость убійства такого же, какъ они, человѣка и могли бы заставлять совершать это противное человѣческой природѣ дѣло другихъ людей,—этого я никогда не понималъ. Не понималъ и тогда, когда въ 1866 году жилъ своей ограниченной, эгоистической жизнью, и потому я, какъ это ни было странно, съ надеждой на успѣхъ взялся за это дѣло.

Помню, что, пріѣхавъ въ деревню Озерки, гдѣ содержался подсудимый (не помню хорошенько, было ли это въ особомъ помѣщеніи или въ томъ самомъ, въ которомъ и совершился поступокъ) и войдя въ кирпичную низкую избу, я былъ встрѣченъ маленькимъ, скуластымъ, скорѣе толстымъ, чѣмъ худымъ, что очень рѣдко въ солдатѣ, человѣкомъ съ самымъ простымъ, не перемѣняющимся выраженіемъ лица. Не помню, съ кѣмъ я былъ, кажется, что съ Колокольцовымъ. Когда мы вошли, онъ всталъ по-солдатски. Я объяснилъ

ему, что хочу быть его защитникомъ, и просилъ разсказать, какъ было дѣло. Онъ отъ себя мало говорилъ и только на мои вопросы неохотно отвѣчалъ: „такъ точно". Смыслъ его отвѣтовъ былъ тотъ, что ему очень скучно было и что ротный былъ требователенъ къ нему. „Ужъ очень на меня налегалъ", сказалъ онъ.

Дѣло было такъ, какъ описано у васъ, но то, что онъ тутъ же выпилъ, чтобы придать себѣ храбрости, едва ли справедливо.

Какъ я понялъ причину его поступка, она была въ томъ, что ротный командиръ, человѣкъ всегда внѣшне спокойный, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ своимъ тихимъ, ровнымъ голосомъ, требующимъ безпрекословнаго повиновенія и повторенія тѣхъ работъ, которыя писарь считалъ правильно исполненными, довелъ его до послѣдней степени раздраженія. Сущность дѣла, какъ я понялъ его тогда, была въ томъ, что, кромѣ служебныхъ отношеній, между этими людьми установились очень тяжелыя отношенія человѣка къ человѣку—отношенія взаимной ненависти. Ротный командиръ, какъ это часто бываетъ, испытывалъ антипатію къ подсудимому, усиленную еще догадкой о ненависти къ себѣ этого человѣка за то, что офицеръ былъ полякъ, ненавидѣлъ своего подчиненнаго и, пользуясь своимъ положеніемъ, находилъ удовольствіе быть всегда недовольнымъ всѣмъ, что бы ни сдѣлалъ писарь, и заставлять его передѣлывать по нѣскольку разъ то, что писарь считалъ безукоризненно хорошо сдѣланнымъ. Писарь же, съ своей стороны, ненавидѣлъ ротнаго и за то, что онъ полякъ, и за то, что онъ оскорбляетъ его, не признавая за нимъ знанія его писарскаго дѣла, и, главное, за его спокойствіе, и за неприступность его положенія. И ненависть эта, не находя себѣ исхода, все больше и больше съ каждымъ новымъ упрекомъ разгоралась. И когда она дошла до высокой степени, она разразилась самымъ для него же самого неожиданнымъ образомъ. У васъ сказано, что взрывъ былъ вызванъ тѣмъ,

что ротный командиръ сказалъ, что накажетъ его розгами. Это невѣрно. Ротный просто вернулъ ему бумагу и приказалъ, исправивъ, опять переписать.

Судъ скоро состоялся. Предсѣдателемъ былъ Ю., двумя членами были Колокольцовъ и Стасюлевичъ. Привели подсудимаго. Послѣ не помню какихъ-то формальностей я прочелъ свою рѣчь, которую мнѣ не скажу странно, но просто стыдно читать теперь. Судьи, съ очевидно скрываемой только приличіемъ скукой, слушали всѣ тѣ пошлости, которыя я говорилъ, ссылаясь на такія-то статьи такого-то тома, и когда все было выслушано, ушли совѣщаться. На совѣщаніи, какъ я послѣ узналъ, одинъ Стасюлевичъ стоялъ за примѣненіе той глупой статьи, которую я приводилъ, т.-е. за оправданіе подсудимаго вслѣдствіе признанія его невмѣняемымъ. Колокольцовъ же, добрый, хорошій мальчикъ, хотя и навѣрное желалъ сдѣлать мнѣ пріятное, все-таки подчинился Ю., и его голосъ рѣшилъ вопросъ. И былъ прочтенъ приговоръ смертной казни черезъ разстрѣляніе. Тотчасъ же послѣ суда я написалъ, какъ это у васъ и написано, письмо близкой мнѣ и близкой ко двору фрейлинѣ Александрѣ Андреевнѣ Толстой, прося ее ходатайствовать передъ государемъ—государемъ тогда былъ Александръ II—о помилованіи Шибунина. Я написалъ Толстой, но по разсѣянности не написалъ имени полка, въ которомъ происходило дѣло. Толстая обратилась къ военному министру Милютину, но онъ сказалъ, что нельзя просить государя, не указавъ, какого полка былъ подсудимый. Она написала это мнѣ, я поторопился отвѣтить, но полковое начальство тоже поторопилось, и когда не было уже препятствій для подачи прошенія государю, казнь была уже совершена.

Всѣ остальныя подробности въ вашей книгѣ и христіанское отношеніе народа къ казненному совершенно вѣрны.

Да, ужасно возмутительно мнѣ было перечесть теперь эту напечатанную у васъ мою жалкую, отвратительную защитительную рѣчь. Говоря о самомъ явномъ преступленіи

всѣхъ законовъ божескихъ и человѣческихъ, которое одни люди готовились совершить надъ своимъ братомъ, я ничего не нашелъ лучшаго, какъ ссылаться на такія-то, кѣмъ-то написанныя, глупыя слова, называемыя законами.

Да, стыдно мнѣ теперь читать эту жалкую, глупую защиту. Вѣдь, если только человѣкъ понимаетъ то, что собираются дѣлать люди, сѣвшіе въ своихъ мундирахъ съ трехъ сторонъ стола, воображая себѣ, что вслѣдствіе того, что они такъ сѣли и что на нихъ мундиры, и что въ разныхъ книгахъ напечатаны и на разныхъ листахъ бумаги съ печатнымъ заголовкомъ написаны извѣстныя слова, что вслѣдствіе всего этого они могутъ нарушить вѣчный, общій законъ, записанный не въ книгахъ, а во всѣхъ сердцахъ человѣческихъ, то вѣдь одно, что можно и должно сказать такимъ людямъ, это—то, чтобы умолять ихъ вспомнить о томъ, кто они и что они хотятъ дѣлать. А никакъ не доказывать разными хитростями, основанными на тѣхъ лживыхъ и глупыхъ словахъ, называемыхъ законами, что можно и не убивать этого человѣка. Вѣдь доказывать то, что жизнь каждаго человѣка священна, что не можетъ быть права одного человѣка лишить жизни другого,—это знаютъ всѣ люди и этого доказывать нельзя, потому что не нужно. А можно, и нужно, и должно только одно: постараться освободить людей-судей отъ того одурѣнія, которое могло привести ихъ къ такому дикому, нечеловѣческому намѣренію. Вѣдь доказывать это—все равно, что доказывать человѣку, что ему не надо дѣлать то, что противно, несвойственно его природѣ: не надо зимою ходить голому, не надо питаться содержимымъ помойной ямы, не надо ходить на четверенькахъ. То, что это несвойственно, противно природѣ человѣческой, давно уже показано людямъ въ разсказѣ о женщинѣ, подлежащей побіенію камнями.

Неужели съ тѣхъ поръ появились люди настолько праведные: полковникъ Ю. и Гриша Колокольцовъ съ своей лошадкой, что уже имъ не страшно бросить первый камень?

Я не понималъ этого тогда. Не понималъ я этого и тогда, когда черезъ Толстую ходатайствовалъ у государя о помилованіи Шибунина. Не могу не удивляться теперь на то заблужденіе, въ которомъ я былъ, о томъ, что все, что совершалось надъ Шибунинымъ, было вполнѣ нормально.

. . . . . .

Тогда я еще ничего не понималъ этого. Я только смутно чувствовалъ, что совершилось что-то такое, чего не должно быть, не можетъ быть, и что это дѣло—не случайное явленіе, а въ глубокой связи со всѣми другими заблужденіями и бѣдствіями человѣчества, и что оно-то и лежитъ въ основѣ всѣхъ заблужденій и бѣдствій человѣчества.

Я смутно чувствовалъ еще тогда, что смертная казнь, сознательно разсчитанное, преднамѣренное убійство, есть дѣло прямо противоположное тому закону христіанскому, который мы будто бы исповѣдуемъ, и дѣло, явно нарушающее возможность и разумной жизни и какой бы то ни было нравственности, потому что ясно, что если одинъ человѣкъ или собраніе людей можетъ рѣшить, что необходимо убить одного или многихъ людей, то нѣтъ никакой причины, по какой другой человѣкъ или другіе люди не найдутъ той же необходимости для убійства другихъ людей. А какая же можетъ быть разумная жизнь и нравственность среди людей,

которые могутъ по своимъ рѣшеніямъ убивать другъ друга. Я смутно чувствовалъ тогда уже, что оправданіе убійства церковью и наукой, вмѣсто достиженія своей цѣли—оправданія насилія, напротивъ того, показываетъ лживость церкви и лживость науки. Въ первый разъ я смутно почувствовалъ это въ Парижѣ, когда видѣлъ издалека смертную казнь; яснѣе, гораздо яснѣе почувствовалъ это теперь, когда принималъ участіе въ этомъ дѣлѣ; но мнѣ все еще было страшно вѣрить себѣ и разойтись съ сужденіями всего міра. Только гораздо позднѣе я былъ приведенъ къ необходимости вѣры себѣ и къ отрицанію тѣхъ двухъ страшныхъ обмановъ, держащихъ людей нашего времени въ своей власти и производящихъ всѣ тѣ бѣдствія, отъ которыхъ страдаетъ человѣчество: обманъ церковный и обманъ научный.

Только гораздо позднѣе, когда я сталъ внимательно изслѣдовать тѣ доводы, которыми церковь и наука стараются поддерживать и оправдывать существованіе государства, я увидѣлъ всѣ явные и грубые обманы, которыми и церковь и наука скрываютъ отъ людей злодѣянія, совершаемыя государствомъ. Я увидѣлъ тѣ разсужденія въ катехизисахъ и научныхъ книгахъ, распространяемыхъ милліонами, въ которыхъ объясняется необходимость, законность убійства однихъ людей по волѣ другихъ.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Въ научныхъ же сочиненіяхъ двухъ сортовъ—въ сочиненіяхъ, называемыхъ юриспруденціей, съ своимъ уголовнымъ правомъ, и въ сочиненіяхъ, называемыхъ чисто научными—доказывается то же самое еще съ большею ограниченностью и смѣлостью. Объ уголовномъ правѣ нечего и говорить: оно все есть рядъ самыхъ очевидныхъ софизмовъ, имѣющихъ цѣлью оправдать всякое насиліе человѣка надъ человѣкомъ и самое убійство. Въ научныхъ же сочиненіяхъ, начиная съ Дарвина, ставящаго законъ борьбы за существованіе въ основу прогресса жизни, это самое подразумѣвается. Нѣкоторые же enfants terribles этого ученія, какъ знаменитый профессоръ Іенскаго университета Эрнестъ Геккель, въ своемъ знаменитомъ сочиненіи „Естественная исторія міротворенія“, евангеліи для невѣрующихъ, прямо высказываетъ это:

„Искусственный подборъ оказывалъ весьма благотворное вліяніе на культурную жизнь человѣчества. Какъ велико, въ сложномъ ходѣ цивилизаціи, напримѣръ, вліяніе хорошаго школьнаго образованія и воспитанія! Какъ искусственный подборъ, и смертная казнь оказываетъ такое же благодѣтельное вліяніе, хотя въ настоящее время многими горячо защищается, какъ „либеральная мѣра“, отмѣна смертной казни, и во имя ложной гуманности приводится рядъ вздорныхъ аргументовъ.

„Однако на самомъ дѣлѣ смертная казнь для громаднаго большинства неисправимыхъ преступниковъ и негодяевъ является не только справедливымъ возмездіемъ для нихъ, но и великимъ благодѣяніемъ для лучшей части человѣчества подобно тому, какъ для успѣшнаго разведенія хорошо культивированнаго сада требуется истребить вредныя сорныя травы. И точно такъ же, какъ тщательное удаленіе зарослей принесетъ полевымъ растеніямъ больше свѣта, воздуха и

мѣста, неослабное истребленіе всѣхъ закоренѣлыхъ преступниковъ не только облегчитъ лучшей части человѣчества „борьбу за существованіе“, но и произведетъ выгодный для него искусственный подборъ, такъ какъ такимъ образомъ будетъ отнята у этихъ выродившихся отбросовъ человѣчества возможность наслѣдственно передать человѣчеству ихъ дурныя качества“.

И люди читаютъ это, учатъ, называя это наукой, и никому въ голову не приходитъ сдѣлать естественно представляющійся вопросъ о томъ, что если убивать дурныхъ полезно, то кто рѣшитъ: кто вредный. Я, напримѣръ, считаю, что хуже и вреднѣе г-на Геккеля я не знаю никого. Неужели мнѣ и людямъ однихъ со мною убѣжденій приговорить г-на Геккеля къ повѣшенію? Напротивъ, чѣмъ грубѣе заблужденія г-на Геккеля, тѣмъ больше я желалъ бы ему образумиться и ни въ какомъ случаѣ не желалъ бы его лишить этой возможности.

Вотъ эти-то лжи церкви и науки и довели насъ теперь до того положенія, въ которомъ мы находимся. Уже не мѣсяцы, а годы проходятъ, во время которыхъ нѣтъ ни одного дня безъ казней и убійствъ, и одни люди радуются, когда убійствъ правительственныхъ больше, чѣмъ убійствъ революціонныхъ, другіе же люди радуются, когда больше убито генераловъ, помѣщиковъ, купцовъ, полицейскихъ; съ одной стороны раздаются награды за убійства по 10 и по 25 р., съ другой стороны революціонеры чествуютъ убійцъ, экспропріаторовъ и восхваляютъ ихъ какъ великихъ подвижниковъ.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Да, не бойтесь тѣхъ, кто губитъ тѣло, а тѣхъ, кто губитъ и тѣло и душу...

Все это я понялъ гораздо позже, но смутно чувствовалъ и тогда, когда такъ глупо и постыдно защищалъ этого несчастнаго солдата. Отъ этого-то я и сказалъ, что случай этотъ имѣлъ на меня очень сильное и важное для моей жизни вліяніе.

Да, случай этотъ имѣлъ на меня огромное, благодѣтельное вліяніе. На этомъ случаѣ я въ первый разъ почувствовалъ, первое, то, что каждое насиліе для своего исполненія предполагаетъ убійство или угрозу его, и что поэтому всякое насиліе неизбѣжно связано съ убійствомъ; второе—то, что государственное устройство, немыслимое безъ убійствъ, несовмѣстимо съ христіанствомъ, и третье, что то, что у насъ называется наукой, есть только такое же лживое оправданіе существующаго зла, какимъ было прежде церковное ученіе.

Теперь это для меня ясно, тогда же это было только смутное сознаніе той неправды, среди которой шла моя жизнь.

Ясная Поляна,
24 мая 1908 года.

Левъ Толстой.

ЧАСТЬ II.

Второй педагогическій періодъ. Самарское имѣніе. Голодъ.

ГЛАВА VI.

Второй педагогическій періодъ. Азбука.

Осенью 69 года Левъ Николаевичъ закончилъ и сдалъ въ печать 6-й томъ „Войны и мира“ и почувствовалъ себя снова свободнымъ для новой дѣятельности.

На этотъ разъ онъ обратился снова къ педагогикѣ и со всей своей энергіей отдался этому дѣлу и снова создалъ „великое“. Второй періодъ его педагогической дѣятельности имѣлъ характеръ вывода и приложенія тѣхъ данныхъ, которыя онъ добылъ въ первомъ періодѣ этой дѣятельности.

Занимаясь въ началѣ 60-хъ годовъ народными школами, Л. Н—чъ долженъ былъ прекратить эту дѣятельность по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, его оригинальная и свободолюбивая дѣятельность вызвала подозрѣніе полиціи и мѣстныхъ властей, и у него въ Ясной Полянѣ и въ другихъ подвѣдомственныхъ ему школахъ были сдѣланы жандармами обыски. Это произвело такой разгромъ, отъ котораго Левъ Н—чъ и близкіе ему люди долго не могли опомниться. Во-вторыхъ, переутомленный усиленной дѣятельностью Л. Н—чъ заболѣлъ и долженъ былъ уѣхать лѣчиться, и, наконецъ, по возвращеніи изъ мѣстъ лѣченія онъ женился, и новыя условія жизни не позволили ему отдавать столько времени школьнымъ дѣламъ, и вся его организація распалась. Школы продолжали существовать, но великій духъ, оживлявшій ихъ, отошелъ отъ нихъ и направилъ свою дѣятельность на другую область.

Такъ продолжалось до конца 60-хъ годовъ. За это время Л. Н—чъ, занятый другими дѣлами, хотя и не проявлялъ активнаго участія въ школьномъ дѣлѣ, тѣмъ не менѣе внимательно слѣдилъ за всѣмъ, что дѣлалось въ области народнаго образованія, и былъ далеко не удовлетворенъ всѣмъ происходившимъ. Это обстоятельство вызвало его къ новой критической переоцѣнкѣ практиковавшихся методовъ преподаванія, а также возбудило въ немъ желаніе дать свое руководство къ преподаванію, основанное на его личныхъ опытахъ.

Первымъ дѣломъ его было составленіе азбуки и хрестоматіи, т.-е. полнаго учебника русскаго языка для дѣтей и народа. Въ его записной книжкѣ 68-го года мы уже находимъ первые наброски плана азбуки въ слѣдующемъ видѣ:

ПЕРВАЯ КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

Азбука

(для семьи и школы).

Съ наставленіемъ учителю.

Графа Л. Н. Толстого.

1868 г.

Затѣмъ въ той же записной книжкѣ набросанъ весь планъ азбуки перваго изданія, составленный по буквослагательному способу, съ ариѳметикой, и даже приведенъ одинъ разсказъ, не вошедшій ни въ какое изданіе, а между тѣмъ представляющій несомнѣнный педагогическій интересъ по легкости слога и примѣнимости его къ дѣтскому пониманію и указывающій также на характеръ литературно-педагогической работы Л. Н—ча того времени, почему мы его здѣсь и приводимъ цѣликомъ.

„Когда ученикъ будетъ свободно соединять двухсложныя слова,—пишетъ Л. Н—чъ,—онъ можетъ читать слѣдующее:

„Былъ одинъ мальчикъ, его звали Ваня. У него была мать и отецъ и маленькая сестра. Одинъ разъ Ваня вышелъ на дворъ и слышитъ, что въ саду что-то пищитъ. Ваня пошелъ

въ садъ посмотрѣть и видитъ—въ канавѣ лежатъ три маленькихъ щенка. Два бѣлыхъ и одинъ бѣлый съ черными пятнами. Бѣлые щенки уже были мертвые, а пестрый еще былъ живъ. Онъ пищалъ. Ваня взялъ этого щенка и понесъ домой. А у Вани былъ отецъ. Отецъ увидалъ щенка и говоритъ: „Зачѣмъ ты принесъ щенка?“ А Ваня говоритъ отцу: „Позволь мнѣ, пожалуйста, этого щенка держать въ этомъ домѣ. Мнѣ его жалко. Его братья умерли, и онъ умретъ, если его бросить. Я его буду кормить“. И отецъ сказалъ: „Ну, хорошо“. Ваня сталъ щенка кормить и назвалъ его Буянъ. Щенокъ скоро выросъ и сталъ большая собака, сильная и добрая.

„Одинъ разъ всѣ пошли спать, а Буянъ былъ на дворѣ. А воры пришли во дворъ и хотѣли украсть лошадей. Никто не видалъ воровъ, и они вошли въ конюшню. Вдругъ Буянъ залаялъ страшнымъ голосомъ и бросился въ конюшню. Въ домѣ всѣ проснулись, воры испугались и убѣжали.

„Отецъ позвалъ Ваню и говоритъ ему: „Я радъ, что ты взялъ Буяна. Безъ него лошади бы наши пропали. Я теперь ему позволю жить дома“.

„И Ваня былъ очень радъ.

„Потомъ пошли одинъ разъ всѣ въ лѣсъ и взяли съ собой маленькую сестрицу Ванину и положили ее въ лѣсу спать. Вдругъ пришелъ волкъ и хотѣлъ схватить дѣвочку изъ люльки. А Буянъ услыхалъ, что идетъ волкъ, и спрятался за кустъ. Онъ не испугался, онъ хотѣлъ волка поймать. Волкъ думалъ, что его никто не видитъ. Вдругъ Буянъ выскочилъ изъ куста и сталъ грызть волка. Всѣ прибѣжали и избили волка. А волкъ укусилъ Буяна. Отецъ посмотрѣлъ и говоритъ: „Онъ укушенъ“. И Ваня сталъ плакать. Отецъ позвалъ Ваню и говоритъ: „Я прежде любилъ Буяна за то, что онъ воровъ прогналъ, а теперь еще больше люблю: волкъ бы заѣлъ нашу дѣвочку, если бы Буянъ его не загрызъ“. И всѣ стали Буяна ласкать. И Ваня очень былъ радъ.

„Потомъ пришла зима, и поѣхали всѣ на саняхъ въ городъ. Вдругъ пошелъ снѣгъ, сдѣлался вѣтеръ и морозъ, и они всѣ заблудились и не знали, что имъ дѣлать. Стало темно, и они искали дорогу и не могли отыскать. Отецъ и говоритъ: „Мы всѣ замерзнемъ. Надо Богу молиться“. Ваня сталъ плакать. А Буянъ пришелъ къ Ванѣ и сталъ ему руки лизать. „Буянъ, надо намъ дорогу, а то мы пропадемъ“. Буянъ замахалъ хвостомъ и побѣжалъ впередъ по снѣгу. Они поѣхали за нимъ и ѣхали-ѣхали, и Буянъ нашелъ дорогу и прямо привелъ ихъ въ городъ. И отецъ позвалъ Ваню и говоритъ: „Если бы Буянъ намъ не показалъ дорогу, мы бы пропали. Вотъ твой Буянъ какая добрая, хорошая собака“. И Ваня былъ очень радъ. „Теперь мы его будемъ кормить самымъ лучшимъ и класть Буяна спать...“

Затѣмъ опять въ записной книжкѣ Л. Н—ча слѣдуютъ указанія на постепенное усваиваніе учениками различныхъ грамматическихъ формъ, правилъ правописанія и т. д.

Первое изданіе „Азбуки“ въ 1872 г. представляетъ собою не что иное, какъ подробное развитіе плана, набросаннаго еще въ 1868 году, со включеніемъ въ него славянскаго чтенія и ариѳметики.

Мы останавливаемся нѣсколько дольше на исторіи этого труда, такъ какъ самъ Л. Н—чъ придавалъ ему большое значеніе.

Въ 1868 году у Л. Н—ча гостилъ американскій консулъ Скайлеръ, написавшій интересныя воспоминанія о знакомствѣ своемъ съ Толстымъ. Мы уже приводили нѣкоторыя выдержки изъ этихъ воспоминаній въ первомъ томѣ біографіи.

Въ этихъ воспоминаніяхъ Скайлеръ говоритъ про Льва Николаевича:

„Онъ много разспрашивалъ меня о новыхъ методахъ, употребляемыхъ въ Америкѣ, и, по его просьбѣ, я могъ доставить ему — я думаю, благодаря любезности г. Гаррисона — изъ „Nation“ хорошій выборъ американскихъ

начальныхъ и элементарныхъ способовъ обученія чтенію. Въ одномъ изъ нихъ я помню, что произношеніе различныхъ гласныхъ и нѣкоторыхъ согласныхъ было представлено наглядно буквами, въ общемъ видѣ похожими на обыкновенныя буквы, но съ особенными отличительными перемѣнами, которыя тотчасъ бросались въ глаза. Эти книги Толстой пробовалъ примѣнять при изготовленіи своей азбуки, на что онъ употребилъ много времени" [1]).

Послѣ вышеприведеннаго конспекта „Азбуки", записаннаго въ 1868 г., мы ни въ записныхъ книжкахъ, ни въ письмахъ не находимъ никакихъ слѣдовъ работы до осени 1871 года.

Въ 70 году онъ принялся за изученіе драмы, читаетъ Шекспира, Гёте, Мольера и собирается читать Софокла и Эврипида. Кромѣ того, онъ начинаетъ изучать греческій языкъ, въ нѣсколько мѣсяцевъ одолѣваетъ его настолько, что читаетъ à livre ouvert Ксенофонта и наконецъ переутомляется и заболѣваетъ. Лѣтомъ совершаетъ поѣздку на кумысъ, въ Самарскую губернію, и только вернувшись оттуда, осенью принимается за выполненіе задуманнаго плана азбуки и книгъ для чтенія.

Графиня Софья Андреевна пишетъ своей сестрѣ 20 сентября 1871 года:

„Мы теперь опять занялись дѣтскими книжками. Левочка пишетъ, а я съ Варей переписываю, идетъ очень хорошо".

Съ этихъ поръ онъ уже не прекращаетъ напряженнаго труда надъ азбукой въ теченіе цѣлаго года. Работа предстояла огромная. Кромѣ чисто литературной части, переводовъ, передѣлокъ и оригинальныхъ разсказовъ, Л. Н—чъ задумалъ дать цѣлый рядъ научно-популярныхъ разсказовъ изъ естественныхъ наукъ и для этого просматривалъ массу учебниковъ, совѣтовался съ спеціалистами по каждому отдѣлу, самъ продѣлывалъ большую часть опытовъ, которые описывалъ.

---

[1]) Евг. Скайлеръ. Воспоминанія о Толстомъ. „Русская Старина", октябрь 1890 г.

Особенно увлекался онъ ариѳметикой, придумывая новыя упрощенныя объясненія разныхъ дѣйствій.

Предполагая помѣстить въ книгахъ для дѣтей астрономическія свѣдѣнія, онъ занялся астрономіей, увлекся ею и проводилъ цѣлыя ночи, наблюдая звѣздное небо.

Онъ изучалъ различные варіанты былинъ, и результатомъ этого изученія явились прекрасныя переложенія наиболѣе извѣстныхъ былинъ, помѣщенныхъ въ книжкахъ для чтенія. Л. Н—чъ особенно цѣнилъ сочиненіе о былинахъ Голохвастова.

Чтобы дать образцы славянскаго чтенія, онъ дѣлалъ выборки изъ лѣтописей и Четьи-Миней.

Всѣ эти образцы, объясненія и новые пріемы провѣрялись, кромѣ того, на практикѣ, такъ какъ онъ съ этою цѣлью завелъ снова школу, на этотъ разъ уже у себя дома. Въ этой школѣ обучались до 30 дѣтей, а учителями были онъ самъ и почти всѣ члены его семьи, даже старшія дѣти, которымъ было тогда 7 и 8 лѣтъ.

Вотъ что пишетъ объ этой школѣ Софья Андреевна своей сестрѣ Т. А.:

2-го февраля 1872 г.

„Мы вздумали послѣ праздниковъ устроить школу, и теперь каждое послѣ обѣда приходитъ человѣкъ 35 дѣтей, и мы ихъ учимъ. Учитъ и Сережа, и Таня, и дядя Костя, и Левочка, и я. Это очень трудно учить человѣкъ 10 вмѣстѣ; но за то довольно весело и пріятно. Мы учениковъ раздѣлили, я взяла себѣ 8 дѣвочекъ и 2 мальчика. Таня и Сережа учатъ довольно порядочно, въ недѣлю всѣ знаютъ уже буквы и склады на слухъ. Учимъ мы ихъ внизу, въ передней, которая огромная, въ маленькой столовой подъ лѣстницей и въ новомъ кабинетѣ. Главное то побуждаетъ учить грамотѣ, что это такая потребность и съ такимъ удовольствіемъ и охотой они учатся всѣ“.

10 марта 1872 г.

„У насъ все продолжается школа, идетъ хорошо, ребята

ДОМЪ Л. Н. ТОЛСТОГО ВЪ ЯСНОЙ ПОЛЯНѢ ВЪ ТОМЪ ВИДѢ, КАКОЙ ОНЪ ПРИНЯЛЪ ПОСЛѢ ПРИСТРОЙКИ ЗАЛЫ ВЪ НАЧАЛѢ 70-ХЪ ГОДОВЪ.

дѣтямъ носятъ разныя деревенскія штучки: то деревяжки какія-то правильно нарѣзанныя, то жаворонки, сдѣланные изъ чернаго тѣста; послѣ классовъ таскаютъ Таню на рукахъ, иногда шалятъ, но почти всѣ выучились читать довольно бойко по складамъ".

6 апрѣля 1872 г.

„Каждое утро своихъ дѣтей учу, каждое послѣ обѣда школа собирается. Учить трудно, а бросить теперь уже жалко: такъ хорошо шло ученье и всѣ читаютъ и пишутъ, хотя не совсѣмъ хорошо, но порядочно. Еще поучить немного, и на всю жизнь не забудутъ" [1]).

Наконецъ съ такимъ трудомъ и увлеченіемъ составленная Азбука была готова, по крайней мѣрѣ вчернѣ, и Л. Н—чъ началъ ее печатать. Ему хотѣлось самаго широкаго публичнаго обсужденія предлагаемаго имъ метода, и онъ намѣревался представить свою Азбуку на предстоящей педагогической выставкѣ въ Москвѣ, которая должна была открыться 30-го мая 1872 года.

Но этотъ планъ не удался. Типографія задерживала печатаніе, въ немъ приходилось преодолѣвать множество техническихъ трудностей, какъ, напр., надстрочныя буквы, смѣшанные шрифты въ одномъ и томъ же словѣ, ариѳметическія таблицы и т. п. Такъ что за два мѣсяца работы, къ началу выставки было набрано лишь 7 листовъ вмѣсто предполагавшихся 25—30.

Л. Н—чъ былъ въ большомъ горѣ. Трудность работы увеличивалась, а между тѣмъ онъ снова сталъ чувствовать переутомленіе, ему необходимъ былъ отдыхъ, и никто не могъ замѣнить его въ этомъ дѣлѣ.

Изъ этой бѣды его выручилъ Ник. Ник. Страховъ, взявшійся продолжать печатаніе Азбуки въ Петербургѣ и держать ея корректуру, руководясь совѣтами и инструкціями Льва Николаевича.

---

[1]) Архивъ Т. А. Кузминской.

По этому дѣлу между ними возникла обширная переписка, изъ которой мы приводимъ наиболѣе интересныя выдержки.

3-го марта 1872, Ясная.

„Какъ мнѣ жалко, многоуважаемый Николай Николаевичъ, что мы такъ давно съ вами замолчали. Я, кажется, виною этого. Получивъ ваше письмо, мнѣ такъ захотѣлось побесѣдовать съ вами. И статей вашихъ не было до нынѣшней прекрасной о Дарвинѣ. Что вы дѣлаете? О себѣ не могу написать, что я дѣлаю,—слишкомъ длинно. Азбука занимала и занимаетъ меня, но не всего. Вотъ этотъ остатокъ-то и есть то, о чемъ я не могу написать, а хотѣлось бы побесѣдовать. Азбука моя кончена и печатается очень медленно и скверно у Риса, но я по своей привычкѣ все мараю и переписываю по 20 разъ“ [1]).

Этотъ „остатокъ“, какъ мы увидимъ ниже, былъ посвященъ разработкѣ матеріаловъ для задуманнаго имъ, но, къ сожалѣнію, не напечатаннаго романа изъ временъ Петра Великаго.

О томъ же Л. Н—чъ сообщаетъ и Фету:

„Азбука моя не даетъ мнѣ покою для другого занятія. Печатаніе идетъ черепашьими шагами, и чортъ знаетъ, когда кончится, а я все еще прибавляю и измѣняю. Что изъ этого выйдетъ—не знаю, а положилъ я въ него всю душу“.

При составленіи книгъ для чтенія Л. Н—чу захотѣлось дать образцы содержательныхъ, простыхъ, художественныхъ и доступныхъ дѣтямъ разсказовъ, и онъ исполнилъ это блестящимъ образомъ; объ этомъ прослышали редакторы журналовъ и стали одолѣвать Л. Н—ча, выпрашивая дать что-нибудь напечатать. Л. Н—чъ обѣщалъ нѣкоторымъ и сейчасъ же почувствовалъ на себѣ тяжесть этого обязательства. Одинъ разсказъ онъ обѣщалъ „Зарѣ“, сотрудникомъ которой былъ Страховъ, и онъ въ томъ же письмѣ выражаетъ ему свои сомнѣнія насчетъ этого:

---

[1]) Архивъ В. Г. Черткова.

„Между нами будь сказано, это обѣщаніе меня стѣсняетъ, а пользы для „Зари“ не будетъ. Это такъ ничтожно и оговорка, что изъ Азбуки уничтожитъ все, что даже могло бы значить нуль. Если можно выхлопотать мнѣ свободу—очень одолжите. Если будетъ какое-нибудь достоинство въ статьяхъ Азбуки, то оно будетъ заключаться въ простотѣ и ясности рисунка и штриха, т.-е. языка; а въ журналѣ это странно и непріятно будетъ, точно не доконченное, какъ въ картинной галлереѣ какой бы ни было рисунки карандашомъ безъ тѣней“ [1]).

Конечно, получивъ для „Зари“ разсказъ Л. Н—ча, Страховъ не замедлилъ выразить ему свой восторгъ, на что Л. Н—чъ отвѣчалъ ему:

15-го апрѣля 1872 года, Ясная.

„Письмо ваше очень порадовало меня, многоуважаемый Николай Николаевичъ. Будетъ съ меня и того, что вы меня такъ понимаете. А отъ публики я не только не жду сужденій, но боюсь, какъ бы не раскусили. Я нахожусь въ положеніи лѣкаря, старательно скрывшаго въ сладенькихъ пилюляхъ пользительное, по его мнѣнію, касторовое масло и только желающаго, чтобы никто не разболталъ, что это лѣкарство, чтобы проглотилъ, не думая о томъ, что́ тамъ есть. А оно ужъ подѣйствуетъ“ [2]).

Разсказы изъ Азбуки, которые Л. Н—чъ далъ напечатать, были: „Кавказскій плѣнникъ“ въ „Зарѣ“ (2, 1872) и „Богъ правду видитъ“ въ „Бесѣдѣ“ (3, 1872).

На новое предложеніе Страхова помѣстить одинъ изъ разсказовъ въ „Семейныхъ вечерахъ“ Кашперовой, Л. Н—чъ отвѣчаетъ уже съ раздраженіемъ:

„Что касается до Кашперовой, то я не только давать что-нибудь въ „Вечера“ не намѣренъ, чтобы выручить свои деньги по 400 руб. за листъ, но только радуюсь уроку ни-

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Тамъ же.

когда не отвѣчать на редакторскія письма и прятать бумажникъ и серебряныя ложки въ присутствіи редакторовъ. Не обвиняйте меня за раздраженіе. Я раздраженъ на себя за то, что измѣнилъ своему правилу—не имѣть дѣла съ журналами и литературой. Я жду и желаю для полнаго своего пристыженія, чтобы оба разсказа, которыми я далъ поводъ разсуждать о себѣ умникамъ журналистамъ и за которые я ничего не получилъ, были бы напечатаны въ хрестоматіяхъ, а моя бы Азбука не вышла. Такъ и будетъ“ [1]).

Наконецъ въ маѣ Л. Н—чъ обращается къ Страхову съ просьбой избавить его отъ тяготѣвшей надъ нимъ издательской работы, принять на себя его дѣло; вотъ что онъ пишетъ:

19-го мая 1872 г.

Любезный Николай Николаевичъ!

„Великая къ вамъ просьба. Хочется сдѣлать кучу предисловій о томъ, какъ мнѣ совѣстно и т. д., но дѣло само за себя скажетъ. Если вамъ возможно и вы хотите мнѣ сдѣлать большое добро, вы сдѣлаете. Вотъ въ чемъ дѣло. Я давно кончилъ свою Азбуку, отдалъ печатать, и въ 4 мѣсяца печатаніе не только не кончилось, не началось и, видно, никогда не начнется и не кончится. Зимою я всегда зарабатываюсь и лѣтомъ кое-какъ оправляюсь, если не работаю. Теперь же корректуры, ожиданіе, вранье, поправки типографскія и свои измучили меня и обѣщаютъ мучить все лѣто. Я вздумалъ теперь взять это отъ Риса и печатать въ Петербургѣ, гдѣ, говорятъ, больше типографій и онѣ лучше. Возьметесь ли вы наблюдать за этой работой, т.-е. пріискать человѣка, который держалъ бы черновыя корректуры (тоже за вознагражденіе). Только вамъ я бы могъ поручить эту работу такъ, чтобы самому уже не видать ее. Вознагражденіе вы опредѣлите сами такое, которое бы равнялось тому,

---

[1]) Тамъ же.

что зарабатываете въ хорошее время. Время, когда печатать, вы опредѣлите сами. Для меня чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Листовъ печатныхъ будетъ около 50-ти. Если вы согласитесь, то сдѣлаете для меня такое одолженіе, значенія котораго не могу вамъ описать. Умственная и душевная работа моя по дѣлу этому кончилась, но пока это не напечатано, я не могу спокойно взяться за другое дѣло, и оттого это мучаетъ, томитъ меня. Благодарю васъ очень за корректуру статьи. Она мнѣ не понравилась въ печати, и я жалѣю, что напечаталъ и ту и другую. И забавно то, что ни тотъ, ни другой журналы не платятъ мнѣ денегъ. Выгода та, что ужъ впередъ навѣрно никогда не отвѣчу ни на одно редакторское письмо. Не будете ли проѣзжать опять мимо Ясной? И нѣтъ ли надежды опять увидѣть васъ, хорошо бы было" [1]).

Послѣ нѣсколькихъ колебаній, разъяснительныхъ и дополнительныхъ писемъ Страховъ согласился наблюдать за изданіемъ. На что Л. Н—чъ отвѣчалъ ему радостнымъ письмомъ:

„...Письмо ваше, дорогой Ник. Ник., такъ обрадовало меня, что жена увѣряла, что я вдругъ сдѣлался совсѣмъ другой и веселый. Мнѣ теперь вѣрится въ возможность окончанія этого дѣла" [2]).

Затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ писемъ съ подробными описаніями, инструкціями, поправками, посредствомъ которыхъ Л. Н—чъ издали руководилъ въ высшей степени добросовѣстной работой Н. Н. Страхова.

Въ одномъ изъ этихъ писемъ (7-го августа 1872 г.) Л. Н—чъ пишетъ:

„Я до одурѣнія занимаюсь эти дни окончаніемъ ариѳметики. Умноженіе и дѣленіе кончены и кончаю дроби. Вы будете смѣяться надо мною, что я взялся не за свое дѣло, но мнѣ кажется, что ариѳметика будетъ лучшее въ книгѣ" [3])

---

[1]) Тамъ же.
[2]) Тамъ же.
[3]) Тамъ же.

Въ своихъ письмахъ къ Страхову Л. Н—чъ не скрывалъ отъ него, что, кромѣ особой любви и интереса къ этому дѣлу, онъ преслѣдуетъ и чисто матеріальныя цѣли, надѣясь, что Азбука эта принесетъ ему доходъ, въ которомъ онъ нуждался, такъ какъ заботился о доставленіи средствъ все увеличивающейся семьи.

Впрочемъ, большихъ иллюзій на этотъ счетъ онъ не питалъ; такъ въ одномъ изъ писемъ, когда дѣло шло о продажѣ и назначеніи цѣны, онъ писалъ:

„Огромныхъ денегъ я не жду за книгу и даже увѣренъ, что, хотя и слѣдовало бы, ихъ не будетъ; первое изданіе разойдется сейчасъ же, а потомъ особенности книги разсердятъ педагоговъ, всю книгу растащутъ по хрестоматіямъ, и книга не пойдетъ. Имѣютъ свои судьбы книги, и авторы чувствуютъ эти судьбы. Такъ и вы знаете, что ваша книга хороша, и я это знаю, но вы чувствуете, что она не пойдетъ. Издавая „Войну и миръ“, я знаю, что она исполнена недостатковъ, но знаю, что она будетъ имѣть тотъ самый успѣхъ, какой она имѣла, а теперь вижу очень мало недостатковъ въ Азбукѣ, знаю ея огромное преимущество надъ всѣми такими книгами и не жду успѣха, именно того, который должна имѣть учебная книга“ [1]).

Сдавъ послѣдніе листы Азбуки въ печать, Л. Н—чъ чувствуетъ себя снова свободнымъ и пишетъ Страхову благодарственное письмо:

30-го сентября 1872 г. Ясная.

„Вы не можете себѣ представить, какъ я счастливъ теперь, спихнувъ съ себя эту работу, казавшуюся мнѣ столь важною. Боюсь, что покажется вамъ длинно. Какъ мнѣ ни жалко, даю вамъ carte blanche сократить въ отдѣлѣ примѣровъ сложенія и вычитанія. Напишите, какъ и когда теперь кончится все и вы будете свободны, меня не будетъ мучить совѣсть за васъ, и я—главное—васъ увижу. Дня не прохо-

---

[1]) Тамъ же.

дитъ, чтобы я по нѣскольку разъ не благословлялъ васъ за то, что вы для меня дѣлаете. Особенно теперь, когда я всѣ эти послѣдніе дни насилу удерживалъ потребность начать свою настоящую работу. Теперь, благодаря вамъ, я могу начать и забыть про Азбуку" [1]).

Приводимъ здѣсь интересный проектъ объявленія объ Азбукѣ, составленный самимъ Л. Н—чемъ, и который вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ намъ представленіе о ея содержаніи:

„1-го ноября выйдетъ Азбука гр. Л. Н. Толстого въ 4-хъ отдѣльныхъ книгахъ въ 160—180 страницъ каждая, содержащія: 1) Азбуку и руководство для обученія чтенію и письму. 2) Статьи для русскаго чтенія: басни, описанія, сказки, повѣсти и статьи научнаго содержанія (за исключеніемъ новыхъ переводовъ Эзопа и Геродота и нѣкоторыхъ басенъ, разсказовъ и сказокъ, содержаніе которыхъ заимствовано съ индійскаго, арабскаго, нѣмецкаго, англійскаго и народнаго, всѣ статьи русскаго чтенія написаны авторомъ для настоящей книги); 3) Руководство къ правописанію и грамматикѣ посредствомъ напечатанія особымъ шрифтомъ различныхъ грамматическихъ формъ. 4) Нѣкоторыя былины, изложенныя правильнымъ, по мнѣнію автора, русскимъ стихомъ. 5) Руководство для обученія славянскому языку съ объясненіями главныхъ грамматическихъ формъ. 6) Статьи для славянскаго чтенія съ русскимъ переводомъ: выбранныя мѣста изъ лѣтописи, Житіи изъ Четьи-Миней Макарія и Дмитрія Ростовскаго и изъ Священнаго Писанія. 7) Ариѳметика, отъ счисленія до дробей включительно, и 8) Руководство для учителя" [2]).

Наконецъ Азбука вышла, и вотъ отзывъ самого Л. Н—ча о ней въ письмѣ къ Страхову отъ 12-го ноября 1872 г.:

„Азбука не идетъ и ее разбранили въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ", это меня почти не интересуетъ. Я такъ увѣ-

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Тамъ же.

ренъ, что я воздвигъ памятникъ этой азбукой. Отъ Буняковскаго получилъ на 20 страницахъ письмо объ ариѳметикѣ. Онъ хвалитъ и критикуетъ, дѣльно въ томъ отношеніи, что я напрасно въ дробяхъ исключилъ всѣ прежніе пріемы" [1]).

То значеніе, которое придаетъ самъ Л. Н—чъ своему труду, что съ нимъ случается очень рѣдко, побуждаетъ насъ дать краткое описаніе этого оригинальнаго произведенія, представляющаго къ тому же теперь библіографическую рѣдкость.

Азбука и хрестоматія 1-го изданія состоитъ изъ 4-хъ книгъ.

Каждая книга раздѣлена на части и каждая часть—на отдѣлы.

1-я книга состоитъ изъ четырехъ частей. 1-ю часть составляетъ „Азбука" въ собственномъ смыслѣ слова, т.-е. алфавитъ, съ таблицей картинокъ на каждую букву, склады, фразы, составленныя изъ словъ, разложенныхъ на склады, и наконецъ коротенькіе разсказы, загадки, пословицы и поговорки, служащіе упражненіемъ той или другой буквы, которая произносится не такъ, какъ пишется.

Особенность алфавита, предложеннаго Толстымъ, заключается въ томъ, что онъ даетъ особый, упрощенный рисунокъ буквъ, безъ утолщеній и тонкихъ штриховъ, для того, чтобы сложность рисунка не затрудняла запоминаніе главной фигуры.

2-я часть книги состоитъ изъ цѣлаго ряда разсказовъ, раздѣленныхъ на четыре параграфа: разсказы перваго параграфа служатъ упражненіемъ въ произношеніи нѣкоторыхъ буквъ и слоговъ. Разсказы второго параграфа подобраны такъ, что даютъ упражненіе отдѣльно на каждый изъ знаковъ препинанія. Въ третьемъ параграфѣ помѣщены упражненія въ чтеніи стиховъ. Содержаніе всѣхъ этихъ разсказовъ очень разнообразно. Тамъ есть и пересказы басенъ

---

[1]) Тамъ же.

Эзопа, разсказы изъ индійской, еврейской и арабской мудрости, разсказы историческіе, русскія народныя легенды, бытовыя картины и т. д.

3-я часть книги содержитъ въ себѣ упражненія въ церковно-славянскомъ языкѣ, обязательномъ для учениковъ русской школы, какъ языкѣ богослужебномъ, и состоитъ изъ образцовъ, заимствованныхъ изъ древнихъ лѣтописей, изъ Четьи-Миней, изъ Библіи, Ветхаго и Новаго Завѣта, и, наконецъ, нѣсколько употребительнѣйшихъ молитвъ.

4-я часть первой книги посвящена началамъ ариѳметики и знакомитъ учениковъ съ различными способами изображеній чиселъ: съ названіемъ цифръ и чиселъ по древнеславянской системѣ, по римскому, арабскому и по русскому способу счета, помощью „счетовъ".

Затѣмъ слѣдуютъ упражненія въ сложеніи, въ умѣ и на счетахъ.

Наконецъ, въ концѣ 1-й части помѣщены нѣсколько указаній для учителя, изъ которыхъ мы приводимъ здѣсь статью: „Общія замѣчанія".

Общія замѣчанія для учителя.

„Для того, чтобы ученикъ учился хорошо, нужно, чтобы онъ учился охотно; для того, чтобы онъ учился охотно, нужно:

1) чтобы то, чему учатъ ученика, было понятно и занимательно и

2) чтобы душевныя силы его были въ самыхъ выгодныхъ условіяхъ.

Чтобы ученику было понятно и занимательно то, чему его учатъ, избѣгайте двухъ крайностей: не говорите ученику о томъ, чего онъ не можетъ знать и понять, и не говорите о томъ, что онъ знаетъ не хуже, а иногда и лучше учителя. Для того, чтобы не говорить того, чего ученикъ не можетъ понять, избѣгайте всякихъ опредѣленій, подраз-

дѣленій и общихъ правилъ. Всѣ учебники состоятъ только изъ опредѣленій, подраздѣленій и правилъ, а ихъ-то именно и нельзя сообщать ученику.

Избѣгайте грамматическихъ и синтаксическихъ опредѣленій и подраздѣленій частей и формъ рѣчи и общихъ правилъ. А заставляйте ученика видоизмѣнять формы словъ, не называя этихъ формъ и—главное—больше читать, понимая то, что онъ читаетъ, и больше писать изъ головы, и поправляйте его не на томъ основаніи, что то или другое противно правилу, опредѣленію или подраздѣленію, а на томъ основаніи, что не понятно, не складно и не ясно.

По естественнымъ наукамъ избѣгайте классификаціи, предположеній о развитіи организмовъ, объясненій строенія ихъ, а давайте ученику какъ можно болѣе самыхъ подробныхъ свѣдѣній о жизни различныхъ животныхъ и растеній.

По исторіи и географіи избѣгайте общихъ обзоровъ земель и историческихъ событій и подраздѣленій тѣхъ и другихъ. Ученику не могутъ быть занимательны историческіе и географическіе обзоры тогда, когда онъ не вѣритъ еще хорошенько въ существованіе чего-нибудь за видимымъ горизонтомъ, а о государствѣ, власти, войнѣ и законѣ, составляющихъ предметъ исторіи, не можетъ составить себѣ ни малѣйшаго понятія. Для того, чтобы онъ повѣрилъ въ географію и исторію, давайте ему географическія и историческія впечатлѣнія. Разсказывайте ученику съ величайшей подробностью про тѣ страны, которыя вы знаете, и про тѣ событія историческія, которыя вамъ хорошо извѣстны.

По космографіи избѣгайте сообщенія ученику объясненія (столь любимаго въ педагогіи) солнечной системы и вращенія и обращенія земли. Для ученика, ничего не знающаго о видимомъ движеніи небеснаго свода, солнца, луны, планетъ, о затменіяхъ, о наблюденіяхъ тѣхъ же явленій съ различныхъ точекъ земли, толкованіе о томъ, что земля вертится и бѣгаетъ, не есть разъясненіе вопроса и объясненіе, а есть безъ всякой необходимости доказываемая безсмыслица.

Ученикъ, полагающій, что земля стоитъ на водѣ и рыбахъ, судитъ гораздо здравѣе, чѣмъ тотъ, который вѣритъ, что земля вертится, и не умѣетъ этого понять и объяснить. Сообщайте какъ можно больше свѣдѣній о видимыхъ явленіяхъ неба, о путешествіяхъ и давайте ученику только такія объясненія, которыя онъ самъ можетъ провѣрить на видимыхъ явленіяхъ.

Въ ариѳметикѣ избѣгайте сообщенія опредѣленій и общихъ правилъ, упрощающихъ счетъ. Не на чемъ такъ не замѣтенъ вредъ сообщенія общихъ правилъ, какъ на математикѣ. Чѣмъ короче тотъ путь, посредствомъ котораго вы научите ученика дѣлать дѣйствіе, тѣмъ хуже онъ будетъ понимать и знать дѣйствіе.

Самое короткое счисленіе есть десятичное—оно и самое трудное. Самый короткій пріемъ сложенія—начинать съ меньшихъ разрядовъ и приписывать одну изъ полученныхъ цифръ къ слѣдующему разряду—есть вмѣстѣ и самый непонятный пріемъ; нѣтъ ничего легче, какъ научить ученика при вычитаніи считать за 9 всякій 0, черезъ который онъ перескочитъ занимая, или научить приведенію къ одному знаменателю посредствомъ помноженія крестъ-на-крестъ, но ученикъ, выучившій эти правила, уже долго не пойметъ, почему это такъ дѣлается.

Избѣгайте всѣхъ ариѳметическихъ опредѣленій и правилъ, а заставляйте производить какъ можно больше дѣйствій и поправляйте не потому, что сдѣлано не по правилу, а потому, что сдѣланное не имѣетъ смысла.

Избѣгайте весьма любимаго (особенно въ иностранныхъ книгахъ для школъ) сообщенія необычайныхъ результатовъ, до которыхъ дошла наука—въ родѣ того: сколько вѣситъ земля, солнце, изъ какихъ тѣлъ состоитъ солнце, какъ изъ ячеекъ строится дерево и человѣкъ и какія необыкновенныя машины выдумали люди. Не говоря уже о томъ, что, сообщая такія свѣдѣнія, учитель внушаетъ ученику мысль, что наука можетъ открыть человѣку много тайнъ,—въ чемъ

умному ученику слишкомъ скоро придется разочароваться, не говоря объ этомъ, голые результаты вредно дѣйствуютъ на ученика и пріучаютъ его вѣрить на слово.

Избѣгайте непонятныхъ русскихъ словъ, не соотвѣтствующихъ понятію или имѣющихъ два значенія, и особенно иностранныхъ. Старайтесь замѣнять ихъ словами, хотя и длиннѣйшими, хотя даже и не столь точными, но такими, которыя въ умѣ ученика возбуждали бы соотвѣтствующія понятія.

Вообще избѣгайте такихъ оборотовъ: это такъ-то называется, это такъ-то, а старайтесь называть каждую вещь, какъ ей слѣдуетъ называться.

Вообще давайте ученику какъ можно больше свѣдѣній и вызывайте его на наибольшее число наблюденій по всѣмъ отраслямъ знанія, но какъ можно меньше сообщайте ему общихъ выводовъ, опредѣленій, подраздѣленій и всякой терминологіи.

Сообщайте опредѣленіе, подраздѣленіе, правило, названіе только тогда, когда ученикъ имѣетъ столько свѣдѣній, что самъ въ состояніи провѣрить общій выводъ,—когда общій выводъ не затрудняетъ, а облегчаетъ его.

Другая причина, по которой урокъ бываетъ непріятенъ и незанимателенъ, заключается въ томъ, что учитель объясняетъ слишкомъ длинно и сложно то, что давно уже понялъ ученикъ. Ученику такъ просто, что ему сказали, что онъ ищетъ особеннаго, другого значенія, и понимаетъ ошибочно или ужъ вовсе не понимаетъ.

Такого рода толкованія обыкновенны, въ особенности когда предметы уроковъ взяты изъ жизни. Напримѣръ, когда учитель начнетъ толковать ученику, что такое столъ, или какое животное лошадь, или чѣмъ отличается книга отъ руки, или: одно перо и одно перо—сколько будетъ перьевъ?

Вообще толкуйте ученику то, чего онъ не знаетъ, и то, что вамъ самимъ было бы занимательно узнать, если бы вы не знали. При соблюденіи всѣхъ этихъ правилъ часто случится, что ученикъ все-таки не будетъ понимать. На это

будутъ двѣ причины. Или ученикъ уже думалъ о томъ предметѣ, о которомъ вы толкуете, и объяснилъ его себѣ посвоему. Тогда старайтесь вызвать ученика на объясненіе его взгляда и, если онъ не вѣренъ, опровергните его, а если вѣренъ, то покажите ему, что вы и онъ видите предметъ одинаково, но съ различныхъ сторонъ.

Или же ученикъ не понимаетъ оттого, что ему еще не пришло время. Это особенно замѣтно въ ариѳметикѣ. То, надъ чѣмъ вы тщетно бились по цѣлымъ часамъ, становится вдругъ ясно въ минуту черезъ нѣсколько времени. Никогда не торопитесь, переждите, возвращайтесь къ тѣмъ же толкованіямъ.

Для того, чтобы душевныя силы ученика были въ наивыгоднѣйшихъ условіяхъ, нужно:

1) Чтобы не было новыхъ, непривычныхъ предметовъ и лицъ тамъ, гдѣ онъ учится.

2) Чтобы ученикъ не стыдился учителя или товарищей.

3) (Очень важное). Чтобы ученикъ не боялся наказанія за дурное ученіе, т.-е. за непониманіе. Умъ человѣка можетъ дѣйствовать только тогда, когда онъ не подавляется внѣшними вліяніями.

4) Чтобы умъ не утомлялся. Опредѣлить число часовъ или минутъ, послѣ котораго умъ ученика утомляется—невозможно ни для какого возраста. Но для внимательнаго учителя всегда есть вѣрные признаки утомленія; какъ скоро умъ утомленъ, заставьте ученика дѣлать физическое движеніе. Лучше ошибиться и отпустить ученика, когда онъ еще не утомленъ, чѣмъ ошибиться въ обратномъ смыслѣ и задержать ученика, когда онъ утомленъ.

Тупикъ, столбнякъ, упрямство происходятъ только отъ этого.

5) Чтобы урокъ былъ соразмѣренъ силамъ ученика, не слишкомъ легокъ, не слишкомъ труденъ.

Если урокъ будетъ слишкомъ труденъ, ученикъ потеряетъ надежду исполнить заданное, займется другимъ и не будетъ

дѣлать никакихъ усилій; если урокъ слишкомъ легокъ, будетъ то же самое. Нужно стараться, чтобы все вниманіе ученика могло быть поглощено заданнымъ урокомъ. Для этого давайте ученику такую работу, чтобы каждый урокъ чувствовался ему шагомъ впередъ въ ученіи.

Чѣмъ легче учителю учить, тѣмъ труднѣе ученикамъ учиться. Чѣмъ труднѣе учителю, тѣмъ легче ученику. Чѣмъ больше будетъ учитель самъ учиться, обдумывать каждый урокъ и соразмѣрять съ силами ученика, чѣмъ больше будетъ слѣдить за ходомъ мысли ученика, чѣмъ больше вызывать на отвѣты и вопросы, тѣмъ легче будетъ учиться ученикъ.

Чѣмъ больше будетъ ученикъ предоставленъ самому себѣ и занятіямъ, не требующимъ вниманія учителя: переписыванію, диктованію, чтенію вслухъ безъ пониманія, заучиванію стиховъ, тѣмъ труднѣе будетъ ученику.

Но если учитель положитъ и всѣ силы на свое дѣло, то все-таки онъ не только со многими учениками, но и съ однимъ ученикомъ будетъ постоянно чувствовать, что онъ далеко не исполняетъ того, что нужно.

Для того, чтобы, несмотря на это всегдашнее недовольство собою, имѣть сознаніе приносимой пользы, нужно имѣть одно качество. Это же качество восполняетъ и всякое искусство учительское и всякое приготовленіе, ибо съ этимъ качествомъ учитель легко пріобрѣтетъ недостающее знаніе.

Если учитель во время трехчасового урока не чувствовалъ ни минуты скуки, онъ имѣетъ это качество.

Качество это есть любовь. Если учитель имѣетъ только любовь къ дѣлу, онъ будетъ хорошій учитель. Если учитель имѣетъ только любовь къ ученику, какъ отецъ, мать, онъ будетъ лучше того учителя, который прочелъ всѣ книги, но не имѣетъ любви ни къ дѣлу, ни къ ученикамъ.

Если учитель соединяетъ въ себѣ любовь къ дѣлу и къ ученикамъ, онъ—совершенный учитель“ [1]).

---

[1]) „Азбука“ гр. Л. Н. Толстого. Спб., 1872 г. Кн. I, стр. 180.

2-я, 3-я и 4-я книги расположены по тому же плану, какъ и первая, за исключеніемъ азбуки, составляющей 1-ю часть перваго тома, и состоятъ поэтому каждая изъ трехъ частей. 1-я часть заключаетъ въ себѣ статьи для постепеннаго чтенія, 2-я—упражненія въ чтеніи на церковно-славянскомъ языкѣ и 3-я—ариѳметику. Каждая книга заключается наставленіями для учителей; наиболѣе интересны наставленія по преподаванію ариѳметики.

Мы считаемъ своимъ долгомъ остановить вниманіе читателя на ариѳметическомъ методѣ Л. Н—ча, такъ какъ въ немъ есть много оригинальнаго.

Главная цѣль преподаванія ариѳметики, преслѣдуемая Л. Н—чемъ,—это сознательное отношеніе ученика къ числу во всѣхъ его комбинаціяхъ, въ разложеніи и составленіи его всевозможными способами, какъ наглядными, такъ и умственными. Для нагляднаго обученія Л. Н—чъ широко пользуется русскими счетами, производя на нихъ всевозможные примѣры счисленія, сложенія и вычитанія. Для умственнаго упражненія и для полнаго сознательнаго усвоенія состава числа Л. Н—чъ вводитъ въ преподаваніе начальной ариѳметики различныя системы счисленія, кромѣ десятичной, производя всѣ четыре дѣйствія съ помощью этихъ различныхъ системъ. Такъ, напримѣръ:

Сложить: 35_{204} и 45_{120} по 6-тиричной системѣ, т.-е. когда единица каждаго разряда не въ 10, а въ 6 разъ больше единицы низшаго разряда.

$$\begin{array}{r} 6 \\ + \quad 35_{204} \\ 45_{120} \\ \hline 124_{324} \end{array}$$ [1])

Давъ понятіе о десятичныхъ дробяхъ, какъ о продолженіи десятичнаго счисленія послѣ запятой, и пройдя затѣмъ

[1]) Тамъ же, кн. 4, стр. 186 и слѣд.

цѣлый рядъ упражненій въ различныхъ системахъ счисленія, Л. Н—чъ подходитъ къ простымъ дробямъ, разсматривая ихъ какъ частные случаи различныхъ системъ счисленія, подходя такимъ образомъ къ нимъ съ совершенно новой, неожиданной стороны и давая новое обобщеніе цѣлыхъ и дробныхъ чиселъ.

Вотъ этотъ замѣчательный переходъ:

„Цѣлыя числа всегда считаются въ десятичномъ счисленіи, и рѣдко въ другомъ счисленіи, а дроби рѣдко считаются въ десятичномъ счисленіи, и почти всегда въ разныхъ счисленіяхъ.

Дроби въ десятичномъ счисленіи пишутъ такъ:

0,35 (35 сотыхъ), 1,017 (одна цѣлая и 17 тысячныхъ) и т. д.

А дроби въ разныхъ счисленіяхъ пишутъ такъ: наверху пишутъ число, а внизу то, въ какомъ оно счисленіи, и это нижнее число зовется знаменателемъ.

А самое число, что пишется наверху, зовется числителемъ“ [1]).

Тотъ же методъ различныхъ системъ счисленія проведенъ Л. Н—чемъ съ большой послѣдовательностью и въ дѣйствіяхъ надъ дробями, и въ приведеніи дробей къ одному знаменателю. Способы эти, даваемые Л. Н—чемъ, заслуживаютъ, по нашему мнѣнію, большого вниманія.

Азбука Л. Н—ча, конечно, вызвала немало критическихъ статей; какъ всегда, въ этихъ статьяхъ было много противорѣчивыхъ сужденій, часто взаимно уничтожающихъ, но почти всѣ они сходились на одномъ осужденіи предложеннаго Львомъ Николаевичемъ способа обученія чтенію, который они считали допотопнымъ, способомъ азовъ и т. д. и негодовали за отверженіе новаго звукового метода, который въ то время уже началъ распространяться въ русскихъ школахъ.

---

[1]) Тамъ же, стр. 189.

Эти нападки заставили Л. Н—ча обратиться съ открытымъ письмомъ къ издателямъ „Московскихъ Вѣдомостей“, въ которомъ онъ разъясняетъ свое отношеніе къ этому вопросу. Приводимъ это письмо цѣликомъ:

„Прошу васъ дать мѣсто въ уважаемой вашей газетѣ моему заявленію, относящемуся до изданныхъ мною четырехъ книгъ подъ заглавіемъ „Азбука“.

„Я прочелъ и слышалъ съ разныхъ сторонъ упреки моей Азбукѣ за то, что я, будто бы не зная или не хотя знать вводимаго нынче повсемѣстно звукового способа, предлагаю въ своей книгѣ старый и трудный способъ азовъ и складовъ. Въ этомъ упрекѣ есть очевидное недоразумѣніе. Звуковой способъ мнѣ не только хорошо извѣстенъ, но едва ли не я первый привезъ его и испыталъ въ Россіи 12 лѣтъ тому назадъ, послѣ своей поѣздки по Европѣ съ цѣлью педагогическаго изученія. Испытывая тогда и нѣсколько разъ потомъ обученіе грамотѣ по звуковому методу, я всякій разъ приходилъ къ одному выводу—что этотъ методъ, кромѣ того, что противенъ духу русскаго языка и привычкамъ народа, и кромѣ того, что требуетъ особо составленныхъ для него книгъ, и кромѣ огромной трудности его примѣненія и многихъ другихъ неудобствъ, о которыхъ говорить здѣсь не мѣсто, неудобенъ для русскихъ школъ, что обученіе по нимъ трудно и продолжительно, и что методъ этотъ легко можетъ быть замѣненъ другимъ. Этотъ-то другой методъ, состоящій въ томъ, чтобы называть всѣ согласныя съ гласной буквой и складывать на слухъ безъ книги, и былъ мною придуманъ еще 12 лѣтъ тому назадъ, употребляемъ мною лично во всѣхъ моихъ школахъ и по собственному ихъ выбору, всѣми учителями школъ, находившимися подъ моимъ руководствомъ, и всегда съ одинаковымъ успѣхомъ. Этотъ-то пріемъ я и предлагаю въ своей Азбукѣ. Онъ имѣетъ только внѣшнее сходство со способомъ азовъ и складовъ, въ чемъ легко убѣдится всякій, кто дастъ себѣ трудъ прочесть руководство для учителя въ моей Азбукѣ. Способъ

этотъ отличается отъ всѣхъ другихъ извѣстныхъ мнѣ пріемовъ обученія грамотѣ особенно тѣмъ, что по немъ ученики выучиваются грамотѣ гораздо скорѣе, чѣмъ по всякому другому: способный ученикъ выучивается въ 3—4 урока хотя медленно, но правильно читать, а неспособный—не болѣе какъ въ 10 уроковъ. Поэтому всѣхъ тѣхъ, которые утверждаютъ, что звуковой способъ есть самый лучшій, быстрый и разумный, я прошу сдѣлать только то, что я сдѣлалъ неоднократно, что я такъ же предложилъ Московскому Комитету Грамотности сдѣлать публично, т.-е. сдѣлать опытъ обученія нѣсколькихъ учениковъ по тому и другому способу.

„Дѣло обученія грамотѣ есть дѣло практическое, и показать лучшій и удобнѣйшій пріемъ обученія грамотѣ можетъ только опытъ, а не разсужденія, а потому всѣхъ тѣхъ, кого должно интересовать и интересуетъ дѣло грамотности, я прошу, до произнесенія рѣшенія, сдѣлать опытъ.

„Самый процессъ обученія грамотѣ есть одно изъ ничтожнѣйшихъ дѣлъ во всей области народнаго образованія, какъ я это уже высказалъ и въ издаваемомъ мною журналѣ 12 лѣтъ тому назадъ и въ наставленіи для учителя въ изданной недавно Азбукѣ, но и въ этомъ ничтожномъ относительно дѣлѣ для чего итти хитрымъ и труднымъ путемъ звукового способа, когда того же самаго можно достигнуть проще и скорѣе“ [1]).

Закончивъ этотъ краткій историческій очеркъ „Азбуки“ Л. Н—ча и описаніе ея содержанія, мы переходимъ къ другимъ отдѣламъ его педагогической дѣятельности 70-хъ годовъ, къ опытамъ и проектамъ большею частью не осуществленнымъ, но тѣмъ не менѣе цѣннымъ по своей оригинальности и серьезности, съ которой Л. Н—чъ затрогиваетъ въ нихъ самыя существенныя черты народной жизни.

---

[1]) Зелинскій. „Русская критическая литература о Толстомъ“, стр. 66, часть 7.

ГЛАВА VII.

Другіе педагогическіе опыты.

Въ своихъ педагогическихъ занятіяхъ второго періода Левъ Николаевичъ не ограничился изданіемъ Азбуки; создавъ свою систему обученія, онъ рѣшилъ проводить ее въ практику, и, кромѣ домашней школы, гдѣ, какъ мы видѣли, эта система практиковалась успѣшно, ему хотѣлось распространить ее и на сосѣднія школы. Для этого онъ собиралъ учителей къ себѣ въ усадьбу, и въ томъ самомъ флигелѣ, гдѣ помѣщалась первая Яснополянская школа, осенью 1873 года происходили засѣданія кружка созванныхъ Львомъ Н—чемъ учителей, которымъ онъ объяснялъ свою систему и тутъ же провѣрялъ ее на собранныхъ изъ сосѣднихъ деревень неграмотныхъ дѣтяхъ.

Вотъ что пишетъ по этому поводу гр. Софья Андреевна своей сестрѣ отъ 16 октября 1872 г.:

„Въ томъ домѣ у насъ цѣлая толпа учителей народныхъ школъ, человѣкъ 12, пріѣхали на недѣлю. Левочка имъ показываетъ свою методу учить грамотѣ ребятъ, и что-то они тамъ обсуждаютъ; навезли ребятъ изъ Телятинокъ и Грумонта, такихъ, которые еще не начинали, и теперь вопросъ о томъ, какъ скоро они выучиваются по Левочкиной методѣ. Романъ совсѣмъ заброшенъ, и это меня огорчаетъ“.

Мы полагаемъ, что изъ всего вышеизложеннаго читателю должна быть ясна сущность системы Л. Н—ча. Мы отмѣтимъ еще одну характерную особенность ея. Во всемъ, что Л. Н—чъ

дѣлалъ для народа, онъ ставилъ себѣ одинъ важный и неопровержимый критерій—это понятность этого дѣла для народа. Эту мысль онъ особенно ярко высказалъ въ письмѣ къ г-жѣ П., обратившейся къ Л. Н—чу въ 1873 году за совѣтомъ и помощью въ дѣлѣ изданія задуманнаго ею журнала „Русскій рабочій".

Вотъ что отвѣтилъ ей Левъ Николаевичъ:

„Я потому только мало сочувствую народному журналу, что я слишкомъ ему сочувствую: я убѣжденъ, что тѣ, которые за него возьмутся, будутъ à cent lieues отъ того, что нужно для народа. Мои требованія, льщу себя надеждою, одинаковыя съ требованіемъ народа, это—чтобы журналъ былъ понятенъ. А этого-то и не будетъ. Понятливость, доступность есть не столько необходимое условіе для того, чтобы народъ читалъ охотно, но есть, по моему убѣжденію, узда для того, чтобы не было въ журналѣ глупаго, неумѣстнаго, бездарнаго. Если бы я былъ издатель народнаго журнала, я бы сказалъ своимъ сотрудникамъ: пишите, что хотите. Проповѣдуйте коммунизмъ, хлыстовскую вѣру, протестантизмъ, — что хотите, но только такъ, чтобы каждое слово было понятно тому ломовому извозчику, который будетъ везти экземпляры изъ типографіи, и я увѣренъ, что, кромѣ честнаго, здраваго и хорошаго, ничего не будетъ въ журналѣ. Я не шучу и не желаю говорить парадоксовъ, а твердо знаю это изъ опыта. *Совершенно понятнымъ и простымъ языкомъ ничего дурного нельзя будетъ написать.* Все безнравственное представится столь безобразнымъ, что сейчасъ будетъ отброшено, все сектаторское—протестантское ли, хлыстовское ли явится столь ложнымъ, если будетъ высказано безъ непонятныхъ фразъ, все сколько-нибудь поучительное, популярно-научное, но не серьезное и, большею частью, ложное, чѣмъ всегда переполняются народные журналы, тоже безъ фразъ, а выраженное понятнымъ языкомъ, покажется столь глупо и бѣдно, что тоже откинется. Если народный журналъ серьезно хочетъ быть народнымъ жур-

наломъ, то ему надо только стараться быть понятнымъ, и достигнуть этого не трудно. Съ одной стороны, стоитъ только пропускать всѣ статьи черезъ цензуру дворниковъ, извозчиковъ, черныхъ кухарокъ. Если ни на одномъ словѣ чтецъ не остановится, не понявъ, то статья прекрасна. Если же, прочтя статью, никто изъ нихъ не можетъ разсказать, про что прочелъ, статья никуда не годится.

„Я истинно сочувствую народному журналу и надѣюсь, что вы отчасти согласитесь со мною, и потому говорю все это. Но знаю тоже, что 0,999 сочтутъ мои слова или просто глупостью, или желаніемъ оригинальничать, тогда какъ я, напротивъ, въ изданіи дамами журнала для народа—дамами, и думающими и говорящими не по-русски и безъ желанія справиться съ тѣмъ, понимаетъ ли ихъ народъ—вижу самую странную и забавную шутку.

„Я сказалъ: понятности достигнуть очень легко, съ одной стороны—стоитъ только въ рукописяхъ читать и давать читать народу, но, съ другой стороны, издавать журналъ понятный—очень трудно. Трудно, потому что окажется очень мало матеріала. Будетъ безпрестанно оказываться то, что статья, признанная charmant въ кругу редакціи, какъ скоро прочтется въ кухнѣ, будетъ признана никуда негодной, или что изъ 10-ти листовъ словъ окажется дѣла 10 строкъ“ [1]).

Редакція „Тобольскихъ Вѣдомостей“, печатая это письмо, прибавляетъ отъ себя, что Л. Н—чъ оказался совершенно правъ: журналъ вышелъ ниже всякой критики, въ немъ большею частью печатались статейки, переведенныя съ англійскаго, на безграмотномъ русскомъ языкѣ, и журналъ просуществовалъ не долго.

Слѣдующій документъ показываетъ намъ, что Л. Н—чъ въ то время серьезно задумывался о реформѣ русскаго языка въ смыслѣ народности.

Въ мартѣ 1872 г. онъ пишетъ Н. Н. Страхову:

---

[1]) „Тобольскія Губ. Вѣдомости“ 1893 года, № 26.

„Вы меня задѣли за живое, любезный Николай Николаевичъ. Мнѣ стало грустно послѣ того, какъ я прочелъ. Какъ и всегда, вы попали прямо на узелъ вопроса и указали его. Вы правы, что у насъ нѣтъ свободы для науки и литературы, но вы видите въ этомъ бѣду, а я не вижу. Правда, что ни одному французу, нѣмцу, англичанину не придетъ въ голову, если онъ не сумасшедшій, остановиться на моемъ мѣстѣ и задуматься о томъ—не ложный ли пріемъ, не ложный ли языкъ тотъ, которымъ мы пишемъ и я писалъ, а русскій, если онъ не безумный, долженъ задуматься и спросить себя: продолжать ли писать поскорѣе свои драгоцѣнныя мысли, стенографировать или вспомнить, что и „Бѣдная Лиза“ читалась съ увлеченіемъ кѣмъ-то и хвалилась, и поискать другихъ пріемовъ языка. И не потому, что такъ разсудилъ, а потому что противенъ этотъ нашъ теперешній языкъ и пріемы, а къ другому языку и пріемамъ (онъ же получился народный) влекутъ мечты невольныя. Замѣчаніе Данилевскаго очень вѣрно особенно въ отношеніи науки и литературы такъ называемой, но поэтъ, если онъ поэтъ, не можетъ быть несвободенъ, находится ли онъ подъ выстрѣлами или нѣтъ. Всякій человѣкъ также свободенъ встать или не встать съ постели въ безопасности въ своей комнатѣ, какъ и подъ выстрѣлами. Можно оставаться подъ выстрѣлами, можно уйти, можно защищаться, нападать. Подъ выстрѣлами нельзя строить, надо уйти туда, гдѣ можно строить. Вы замѣтьте одно. Мы подъ выстрѣлами, но всѣ ли? Если бы всѣ, то и жизнь была бы также нерѣшительна, дрянна, какъ и науки и литература, а жизнь тверда и величава, и идетъ своимъ путемъ, и знать не хочетъ никого. Значитъ, выстрѣлы-то попадаютъ только въ одну башню нашей дурацкой литературы. А надо слѣзть и пойти туда ниже, тамъ будетъ свободно. И опять случайно это „туда, ниже“ есть народность. „Бѣдная Лиза“ выжимала слезы, и ее хвалили, а вѣдь никто никогда уже ее не прочтетъ, а пѣсни, сказки, былины, сказки, весьма простыя, будутъ читать, пока будетъ

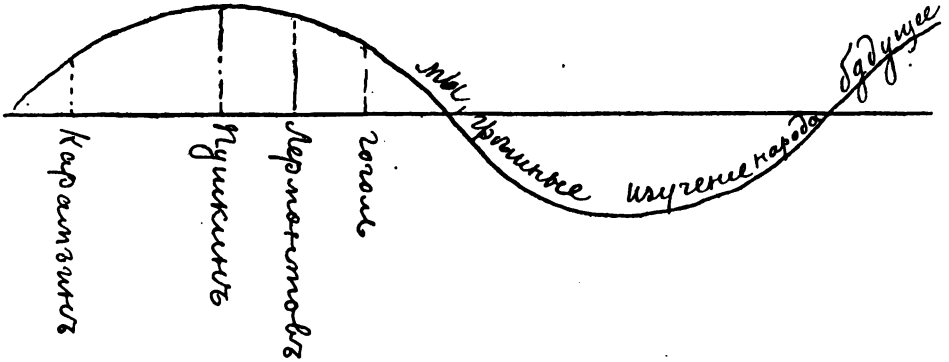
русскій языкъ. Я измѣнилъ пріемы своего писанія и языка, но, повторяю, не потому, что разсуждаю, что такъ надобно, а потому что даже Пушкинъ мнѣ смѣшонъ, не говоря уже о нашихъ....., а языкъ, которымъ говоритъ народъ и въ которомъ есть звуки для выраженія всего, что только можетъ сказать поэтъ, мнѣ милъ. Языкъ этотъ, кромѣ того—и это главное—есть лучшій поэтическій регуляторъ. Захоти сказать лишнее, напыщенное, болѣзненное—языкъ не повторитъ, а нашъ литературный языкъ безъ костей, такъ на немъ что хочешь мели—все похоже на литературу. Народность славянофиловъ и народность настоящая—двѣ вещи столь же разныя, какъ эѳиръ сѣрный и эѳиръ всемірный, источникъ тепла и свѣта. Я ненавижу всѣ эти хоровыя начала и строи жизни, и общины, и братьевъ славянскихъ, кѣмъ-то выдуманныхъ, а просто люблю опредѣленное ясное и красивое и умѣренное и все это нахожу въ народной поэзіи и языкѣ и жизни и обратное въ нашемъ“ [1]).

Другое письмо къ Страхову того же времени снова поднимаетъ этотъ важный вопросъ о народности, который Л. Н—чъ разрѣшаетъ совершенно оригинальнымъ, ему одному свойственнымъ, путемъ.

„Замѣтили ли вы въ наше время въ мірѣ русской поэзіи связь между двумя явленіями, находящимися между собой въ обратномъ отношеніи: упадокъ поэтическаго творчества всякаго рода—музыки, живописи, поэзіи и стремленіе къ изученію русской народной поэзіи всякаго рода,—музыки, живописи и украшенія и поэзіи. Мнѣ кажется, что это даже не упадокъ, а смерть съ залогомъ возрожденія въ народности. Послѣдняя волна, поэтическая порабола, была при Пушкинѣ на высшей точкѣ, потомъ Лермонтовъ, Гоголь, мы грѣшные и ушла подъ землю, другая линія пошла въ изученіе народа и выплыветъ Богъ дастъ, а Пушкина періодъ умеръ, совсѣмъ сошелъ на нѣтъ.

---

[1]) Архивъ В. Г. Черткова.



„Вы понимаете, вѣроятно, что я хочу сказать. Счастливы тѣ, кто будетъ участвовать въ выплываніи. Я надѣюсь“ [1]).

Народное образованіе, умственная и духовная пища, даваемая народу, всегда самымъ глубокимъ и серьезнымъ образомъ занимала Льва Николаевича. Доводя до извѣстной практической цѣли свою систему начальнаго образованія, Л. Н—чъ рѣшилъ итти дальше, чтобы дать возможность тѣмъ людямъ изъ народа, которые имѣли къ тому способности, охоту и матеріальную возможность, продолжать пріобрѣтеніе полезныхъ знаній.

Занимаясь преподаваніемъ, Л. Н—чъ замѣтилъ въ нѣкоторыхъ своихъ ученикахъ жажду знанія и стремленіе продолжать ученье. Ему помогалъ въ преподаваніи его шуринъ Степанъ Андреевичъ Берсъ. Они начинали съ нѣкоторыми, изъ крестьянъ учениковъ, окончившихъ начальную школу, изученіе алгебры, и дѣло шло очень успѣшно. И вотъ у Л. Н—ча возникла мысль основанія высшаго училища для народа, но такого, чтобы поступленіе въ него и обученіе въ немъ нисколько не требовало измѣненія въ условіяхъ жизни учениковъ. „Пускай это будетъ *университетъ въ лаптяхъ*“, говорилъ Л. Н—чъ. Главными предметами предполага-

---

[1]) Архивъ В. Г. Черткова.

лось сдѣлать математику и одинъ изъ иностранныхъ языковъ. Была выработана программа и главнѣйшіе пункты устава. Оставалось найти средства для осуществленія этого дѣла. Тогда былъ предводителемъ дворянства въ губерніи пріятель Л. Н—ча Дм. Фед. Самаринъ. Онъ, узнавъ о проектѣ Л. Н—ча и отнесясь къ нему весьма сочувственно разсказалъ, что въ земствѣ имѣется капиталъ въ 30,000 р., предназначенный на народное образованіе и которому еще не дано назначенія. Онъ предложилъ Л. Н—чу сдѣлать на земскомъ собраніи докладъ съ просьбой дать эту сумму на учрежденіе высшаго народнаго училища, нѣчто въ родѣ учительской семинаріи, и обѣщалъ поддержку.

Всегда отказываясь прежде отъ участія въ выборахъ и выборной службѣ, на этотъ разъ Л. Н—чъ баллотировался въ гласные и былъ единодушно выбранъ въ члены училищнаго совѣта.

Степ. Андр. Берсъ говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ по поводу этого проекта слѣдующее:

„Въ педагогическихъ статьяхъ Л. Н—ча неоднократно высказывалось, что нашъ образованный классъ не въ состояніи образовать простого народа такъ, какъ это нужно народу, потому что видитъ благо народа въ прогрессѣ и цивилизаціи. Поэтому онъ полагалъ создать учителей для народныхъ школъ изъ среды того же народа“.

И далѣе тамъ же:

„Я помню, что главная цѣль Л. Н—ча въ этомъ дѣлѣ заключалась въ томъ, чтобы будущаго учителя-крестьянина удержать въ той обстановкѣ, въ которой живутъ всѣ крестьяне, и чтобы образованіе не развило въ немъ новыхъ внѣшнихъ потребностей, кромѣ душевныхъ“ [1]).

Можно назвать эту цѣль болѣе общимъ именемъ—созданіе народной деревенской интеллигенціи.

Но проекту этому не было суждено осуществиться.

---

[1]) С. А. Берсъ. „Воспоминанія о Толстомъ“.

Докладъ былъ сдѣланъ, и во время преній по этому вопросу, вначалѣ весьма сочувственныхъ, всталъ одинъ старикъ и заявилъ, что въ этотъ годъ Тула празднуетъ столѣтіе учрежденій губерніи Екатериной II и что такъ какъ въ то же время по всей Россіи шла подписка на памятникъ Екатеринѣ II, то не лучше ли въ знакъ памяти и благодарности за оказанное Тульской губ. благодѣяніе, пожертвовать этотъ капиталъ на памятникъ Великой Императрицѣ благодѣтельницѣ.

Собраніе присоединилось къ его просьбѣ, а Толстому постановили отказать.

Неудача этой попытки не остановила Л. Н—ча въ его дальнѣйшей педагогической дѣятельности.

Онъ былъ такъ поглощенъ этой дѣятельностью, что забросилъ всѣ остальныя дѣла.

Въ это время онъ писалъ своей родственницѣ графинѣ А. А. Толстой:

„Дѣло воспитанія очень важное. Я только о немъ и думаю. Я опять въ педагогикѣ, какъ 14 лѣтъ тому назадъ; пишу романъ, но часто не могу оторваться отъ живыхъ людей для воображаемыхъ“.

Это увлеченіе давало ему такое удовлетвореніе, что онъ чувствовалъ себя счастливымъ и между прочимъ писалъ гр. А. А. Толстой, что ему нечего писать о себѣ, потому что les peuples heureux n'ont pas d'histoire.

Льву Николаевичу хотѣлось заинтересовать въ этомъ дѣлѣ широкій кругъ педагоговъ, и вотъ онъ рѣшилъ выступить съ защитой своей методы въ Московскомъ Комитетѣ Грамотности.

„Засѣданіе Комитета Грамотности 15 января 1874 года,—пишетъ одинъ рецензентъ,—въ которомъ графъ Л. Толстой защищалъ буквослагательный методъ обученія грамотѣ и опровергалъ звуковой, поистинѣ можетъ быть названъ

необычайнымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, очень большой залъ, въ которомъ происходятъ засѣданія комитета, былъ буквально биткомъ набитъ публикой, такъ что многимъ пришлось сидѣть на окнахъ, а нѣкоторые принуждены были даже стоять—явленіе весьма рѣдкое" [1]).

На засѣданіе былъ приглашенъ стенографъ, и всѣ пренія были дословно записаны.

Льву Николаевичу предложено было предсѣдателемъ изложить свой методъ преподаванія; но онъ отказался, прося предлагать ему вопросы, на которые онъ будетъ отвѣчать.

Предсѣдательствовалъ Шатиловъ, говорили Н. П. Малининъ, Д. И. Тихоміровъ, М. А. Протопоповъ, Мазингъ, Бронзовъ—всѣ приводя доводы въ пользу звукового способа; въ пользу буквослагательнаго говорили учителя: Королевъ, Егоровъ и предсѣдатель Шатиловъ.

Л. Н—чъ отвѣчалъ на возраженія ораторовъ, при чемъ споръ перешелъ съ узкаго вопроса о способѣ обученія грамотѣ на болѣе широкій вопросъ о направленіи начальнаго образованія вообще. Л. Н—чъ, оставаясь на почвѣ своихъ взглядовъ на свободу образованія, порицалъ современную систему начальнаго образованія за навязываніе народу особаго развитія „съ направленіемъ" и признавалъ въ начальномъ обученіи цѣлесообразнымъ лишь преподаваніе русскаго языка и ариѳметики, находя, что преподаваніе естественныхъ наукъ и исторіи извращаетъ здравыя народныя понятія [2]).

Споры были горячіе, какъ всегда не приведшіе ни къ какому осязательному результату.

Въ подтвержденіе своихъ доводовъ Л. Н—чъ предложилъ лично демонстрировать свой способъ на одной изъ московскихъ фабричныхъ школъ. Опытъ былъ назначенъ на фабрикѣ Ганешина, на Дѣвичьемъ Полѣ, 16 и 17 января

---

[1]) „Русскія Вѣдомости". 1874 г. № 31.

[2]) См. стеногр. отч. объ этомъ засѣд., помѣщ. въ Моск. Епарх. Вѣд. 1874 г. №. 10.

вечеромъ. 16-го января Л. Н—чъ чувствовалъ себя нездоровымъ и не могъ явиться, и демонстрація состоялась только вечеромъ 17-го января въ присутствіи членовъ комитета грамотности и посторонней публики.

Послѣ этой демонстраціи было рѣшено произвести опытъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ.

„По предложенію І. Н. Шатилова были учреждены въ Москвѣ при Комитетѣ Грамотности двѣ первоначальныя школы. Въ одной изъ нихъ ученіе ведено было по звуковому способу г. Протопоповымъ, учителемъ, избраннымъ сторонниками звукового способа, въ другой училъ учитель Петръ Васильевичъ Морозовъ по способу гр. Л. Н. Толстого. Ученики были раздѣлены въ обѣ школы по равенству лѣтъ и способностей. Ученіе продолжалось равное время въ той и другой школѣ, и обѣ школы были открыты для посѣтителей. Послѣ семи недѣль была назначена экзаменаціонная комиссія для произведенія экзамена и засѣданіе комитета для заключенія о преимуществахъ того и другого способа. Но члены экзаменаціонной комиссіи раздѣлились во мнѣніяхъ, каждый почти подалъ отдѣльное мнѣніе, и засѣданіе Комитета Грамотности не пришло ни къ какому заключенію, и вопросъ оставленъ открытымъ“ [1]).

Пренія по этому вопросу происходили на засѣданіи Моск. Комит. Грамотности 13 апрѣля 1874 г.

Вслѣдствіе большого разногласія присутствовавшихъ на засѣданіи и невозможности ясно изложить свои взгляды, Л. Н—чъ рѣшилъ сдѣлать это въ печати и, по просьбѣ предсѣдателя Моск. Ком. Грамотн. Іосифа Ник. Шатилова обратился съ открытымъ письмомъ къ нему, которое и было напечатано въ „Отечественныхъ Запискахъ“ въ № 9 за 1874 годъ.

Вотъ какъ разсказываетъ исторію этой статьи Н. К. Михайловскій въ своихъ воспоминаніяхъ:

„Въ 1874 г. гр. Толстой обратился къ Некрасову съ пись-

---

[1]) „Отечествен. Записки“ 1874 г. №. 9, стр. 147.

момъ (оно у меня сохранилось), въ которомъ просилъ „Отечественныя Записки“ обратить вниманіе на его, гр. Толстого, пререканія съ профессіональными педагогами въ Моск. Комитетѣ Грамотности. Графъ выражалъ, лестную для нашего журнала, увѣренность, что мы внесемъ надлежащій свѣтъ въ эту педагогическую распрю. Письмо это, совершенно неожиданное, возбудило въ редакціи большой интересъ. Собственно Некрасовъ не особенно высоко цѣнилъ споръ о пріемахъ преподаванія грамоты въ народныхъ школахъ, но гр. Толстой обѣщалъ отплатить за услугу услугой, разумѣя свое сотрудничество по беллетристическому отдѣлу, и Некрасовъ, какъ опытный журналистъ, хорошо понималъ значеніе сотрудничества автора „Войны и мира“. Впечатлѣніе, произведенное этимъ гигантскимъ твореніемъ, было еще тогда очень свѣжо, и ему нисколько не мѣшали нѣкоторыя рискованныя подробности философско-исторической части романа. Извѣстно, что философско-историческіе взгляды гр. Толстого были первоначально вплетены въ самый текстъ „Войны и мира“, а затѣмъ выдѣлены въ прибавленіе или въ особую часть. Читатели мысленно совершили эту операцію гораздо раньше самого автора: наслаждались несравненными красотами художественной части и пропускали, такъ сказать, сквозь пальцы часть философско-историческую. Въ связи съ разсказами о гр. Толстомъ Некрасова, который его давно и хорошо зналъ, какъ-то сама собой установившаяся плохая репутація философско-исторической части „Войны и мира“ заставляла опасаться, что въ педагогической распрѣ мы окажемся, пожалуй, не на сторонѣ графа (за самой распрей никто изъ насъ не слѣдилъ). Въ концѣ концовъ порѣшили на томъ, чтобы предложить самому гр. Толстому честь и мѣсто въ „Отечественныхъ Запискахъ“: онъ, дескать, достаточно крупная и притомъ внѣ литературныхъ партій стоящая фигура, чтобы отвѣчать самому за себя, а редакція оставляетъ за собой свободу дѣйствія. Но гр. Толстому этого было мало. Въ новомъ

письмѣ къ Некрасову онъ повторялъ увѣренность, что у него съ „Отечественными Записками“ никакого разногласія быть не можетъ, и, выражая готовность прислать статью по предмету спора, настаивалъ на томъ, чтобы нашъ журналъ предварительно самъ высказался. Я взялъ на себя трудъ познакомиться съ дѣломъ, отнюдь не обязываясь писать о немъ, и взялся не потому, чтобы очень интересовался вопросомъ о методахъ преподаванія грамоты, а просто въ качествѣ горячаго почитателя гр. Толстого какъ художника, который вдобавокъ завоевалъ себѣ новое право на общую симпатію напечатаннымъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ письмомъ о самарскомъ голодѣ. Но ни красоты „Войны и мира“, ни прочувствованныя строки о голодномъ мужикѣ не могли, конечно, служить ручательствомъ за правильность педагогическихъ взглядовъ гр. Толстого. Притомъ же и мнѣ самому приходилось еще только знакомиться съ педагогическими вопросами. Я откровенно изложилъ гр. Толстому свое положеніе: такъ и такъ, преподавательскимъ дѣломъ никогда не занимался, съ литературой предмета совершенно не знакомъ, но постараюсь изучить ее, а для этого нужно время. Дѣйствительно, я добросовѣстно принялся за разные учебники, методики, статьи, посвященныя вопросамъ о методѣ звуковомъ, буквослагательномъ и пр., въ томъ числѣ и за старыя педагогическія статьи гр. Толстого, составляющія четвертый томъ его сочиненій. На все это при обиліи другихъ занятій потребовалось столько времени, что графъ Толстой меня не дождался: статья его о „Народномъ образованіи“ была напечатана въ сентябрьской книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“ за 1874 г. и вызвала цѣлую бурю какъ въ общей, такъ и въ спеціально-педагогической литературѣ. Я же могъ утилизировать плоды своего педагогическаго изученія только въ январѣ 1875 г. Да и то я рѣшился говорить только отъ лица и имени „профана“ [1]).

---

[1]) Н. К. Михайловскій. „Литерат. воспомин. и современная смута“ стр. 199—200.

Первая часть этой замѣчательной статьи „О народномъ образованіи“ касается произведеннаго опыта съ двумя школами, и такъ какъ эта часть письма не вошла въ полное собраніе сочиненій, а между тѣмъ она имѣетъ, по нашему мнѣнію, важное значеніе, какъ для исторіи педагогики, такъ и для характеристики самого Л. Н—ча, то мы и приводимъ ее здѣсь цѣликомъ.

Эта статья изложена въ формѣ письма на имя предсѣдателя Московскаго Комитета Грамотности, Іосифа Николаевича Шатилова.

„Милостивый государь Іосифъ Николаевичъ!

Постараюсь исполнить ваше желаніе, т.-е. написать то, или приблизительно то, что было высказано мною въ послѣднемъ засѣданіи комитета. Исполняю это съ особеннымъ удовольствіемъ еще и потому, что въ прежнемъ протоколѣ засѣданія, въ которомъ напечатаны мои слова (я только-что прочелъ его), я нашелъ много не имѣющихъ яснаго смысла фразъ, которыхъ я, помнится, не говорилъ. Если то, что было говорено мною въ послѣднемъ засѣданіи, должно быть напечатано, то настоящее письмо или можетъ быть напечатано вмѣсто стенографическаго отчета, или можетъ служить ему повѣркою.

„Опытъ испытанія преимущества того или другого метода посредствомъ учрежденія двухъ школъ и экзамена былъ столь неудаченъ, что послѣ испытанія оказались возможными самыя противоположныя сужденія. Были сдѣланы ошибки въ самомъ устройствѣ школъ. Первая ошибка состояла въ томъ, что взяты въ школы дѣти слишкомъ малыя, ниже того возраста и зрѣлости, при которомъ дѣти бываютъ способны къ ученію. Очевидно, что на дѣтяхъ, неспособныхъ еще учиться, нельзя дѣлать опыта, какимъ образомъ легче и труднѣе учиться. Трехлѣтній ребенокъ одинаково не выучится ничему ни по какому способу, пяти, шестилѣтній почти ничему не выучится; только на дѣтяхъ 10, 11 лѣтъ можно видѣть, по какому способу они выучатся

скорѣе. Большинство же учениковъ обѣихъ школъ были дѣти 6, 7 и 8 лѣтъ, не достигшія еще возраста школьной зрѣлости, и потому только на старшихъ ученикахъ могло выказаться преимущество того или другого способа. Въ обѣихъ школахъ было только по трое такихъ, и потому, сравнивая успѣхи той и другой школы, я буду говорить преимущественно о трехъ старшихъ ученикахъ.

„Вторая ошибка состояла въ томъ, что допущены были въ школу посѣтители. Въ напечатанномъ въ моей „Азбукѣ" краткомъ руководствѣ для учителя сказано, что одно изъ главныхъ условій для успѣха ученія состоитъ въ томъ, чтобы тамъ, гдѣ учатся, не было предметовъ и лицъ, развлекающихъ вниманіе учениковъ. Казалось бы, что условіе это должно быть одинаково не выгодно какъ для той, такъ и для другой школы, но оно было невыгодно только для моей школы, потому что главное основаніе обученія по моему способу состоитъ въ отсутствіи принужденія и въ свободномъ интересѣ ученика къ тому, что ему предлагаетъ учитель; тогда какъ обученіе въ звуковой школѣ основано на принужденіи и весьма строгой дисциплинѣ. Понятно, что учителю легче заинтересовать ученика тамъ, гдѣ нѣтъ ничего развлекающаго вниманіе учениковъ, а тамъ, гдѣ постоянно входятъ и выходятъ новыя лица, привлечь вниманіе ученика будетъ очень трудно, и что, напротивъ, въ принудительной школѣ вліяніе развлеченія будетъ менѣе ощутительно.

„Третья ошибка состоитъ въ томъ, что г. Протопоповъ отступилъ при обученіи въ своей школѣ отъ пріемовъ, которые я считаю вредными, но которые считаются необходимымъ условіемъ обученія при звуковомъ методѣ. Отступленіе это, безъ сомнѣнія, было очень выгодно для обучавшихся дѣтей, и если бы сторонники звукового метода признали, что это отступленіе не случайно, то одна изъ главныхъ сторонъ моего разногласія съ ними не существовала бы. Отступленіе г. Протопопова отъ своего метода состо-

яло, во-первыхъ, въ томъ, что онъ не исполнялъ требованія такъ называемаго нагляднаго обученія, которое, по мнѣнію педагоговъ, должно быть нераздѣльно связано съ обученіемъ грамотѣ и предшествовать ему. Бунаковъ и всѣ столпы новой педагогики совѣтуютъ большую часть времени употреблять на наглядное обученіе.

„На извѣстныхъ педагогическихъ курсахъ прошлаго года, какъ я слышалъ, всѣ ученые педагоги, учителя учителей, показывали на ученикахъ, что надо три четверти времени проводить въ описаніи комнаты, стола и т. д. Это не было дѣлаемо г. Протопоповымъ въ тѣхъ размѣрахъ, въ которыхъ предписывается педагогами. Правда, я видѣлъ одинъ разъ, что, прочтя слово дроздъ, г. Протопоповъ хотѣлъ показать ученикамъ въ лицахъ дрозда, но въ картинахъ дрозда не оказалось, и г. Протопоповъ, попросивъ ихъ повѣрить на слово, что дроздъ птица (что они очень хорошо знали), поспѣшилъ перейти къ занятію чтеніемъ. Я повторяю, что отступленіе это очень выгодно для учениковъ и для дѣла, но надо признать его. И тогда, повторяю, я почти не спорю.

„Другое отступленіе, сдѣланное г. Протопоповымъ отъ своего метода, состояло въ томъ, что, противно общему правилу педагоговъ, что книги надо читать только въ школѣ съ объясненіемъ каждаго слова, г. Протопоповъ давалъ своимъ ученикамъ книги читать и на домъ. Я считаю главною цѣлью школы доводить учениковъ до того, чтобы они, интересуясь книгой, брали ее читать на домъ и понимали бы ее, какъ они хотятъ, и потому г. Морозовъ давалъ ученикамъ книги на домъ; но сколько мнѣ извѣстно по руководствамъ педагоговъ звукового метода, такъ какъ при немъ дѣти считаются дикарями, которыхъ надо мѣсяца два учить правой и лѣвой сторонѣ и тому, что вверхъ, что внизъ, то книгъ имъ давать не надо, и всякое слово должно быть объяснено. Опять, если мы и въ этомъ согласны, убавляется еще одна важная часть спора.

Третье отступленіе состоитъ въ томъ, что г. Протопоповъ

давалъ читать своимъ ученикамъ не исключительно руководства педагоговъ звуковой школы, которыя я считаю дурными. Для самаго важнаго отдѣла чтенія, того, которое производилось учениками дома для личнаго интереса, онъ употреблялъ именно мои книги — „Азбуку“ и „Ясную Поляну“. Эти двѣ книги были имъ постоянно даваемы ученикамъ на домъ. Опять повторяю, что и на это я совершенно согласенъ, но надо признать это.

„Четвертая и самая главная ошибка въ устройствѣ школы было ихъ сосѣдство изъ двери въ дверь и то, что дѣти вмѣстѣ ходили въ школу и уходили изъ нея. Многіе ученики даже жили вмѣстѣ на однѣхъ квартирахъ. Невыгодное вліяніе сосѣдства и сближенія учениковъ состояло въ томъ, что ученики г. Протопопова научились отъ учениковъ г. Морозова моему способу складыванія и, по моему убѣжденію, благодаря этому знанію выучились читать у г. Протопопова. Всѣ мальчики школы г. Протопопова умѣютъ складывать на слухъ и умѣли это дѣлать съ первыхъ же дней, научившись этому отъ учениковъ Морозова. На экзаменѣ мы видѣли, какъ они называли буквы — бе, ре и т. д. Способъ складыванія на слухъ такъ легокъ, что въ моихъ прежнихъ школахъ меньшой братъ ученика всегда приходилъ въ школу уже съ знаніемъ складовъ, которому онъ научился на слухъ отъ брата. Въ нынѣшнемъ году въ Яснополянской школѣ хозяйскій мальчикъ 6-ти лѣтъ, считавшійся слишкомъ молодымъ для ученія, лежалъ на палатяхъ во время ученія и послѣ нѣсколькихъ уроковъ слѣзъ и сталъ хвастаться, что онъ все знаетъ, — и дѣйствительно зналъ. Такъ и ученики г. Протопопова, перебѣгая черезъ школу, возвращаясь вмѣстѣ домой, научились складывать, и въ классѣ г. Протопопова складывали собственно по моему способу, и, только удовлетворяя требованіямъ г. Протопопова, называли бе — бъ, въ сущности же читали по буквослагательному способу. Долженъ сказать, что г. Протопоповъ съ чрезвычайной добросовѣстностью требовалъ отъ учениковъ, чтобы они

забывали бе и называли бъ, и ученики старались дѣлать то, что велитъ учитель. Я самъ видѣлъ въ классѣ г. Протопопова, какъ мальчикъ, давно прочтя слово „груша“ и зная, что оно состоитъ изъ ге-ре-у-ше-а, бился и не могъ выговорить гъ, ръ, чего требовалъ учитель. Итакъ, вслѣдствіе сосѣдства школъ, по моему мнѣнію, ученики г. Протопопова выучились не благодаря звуковому методу, но скорѣе несмотря на него. Этотъ взаимный невольный обманъ, состоящій въ томъ, что ученики выучиваются, въ сущности, по буквослагательному болѣе естественному и легкому способу, а въ угоду учителю притворяются, что они учатся по звуковому, былъ замѣчаемъ мною не разъ во многихъ школахъ, въ которыхъ предписывается звуковой способъ. Всѣ опытные люди, наблюдавшіе самый ходъ дѣла обученія грамотѣ въ народныхъ школахъ, какъ-то: инспектора, члены училищныхъ совѣтовъ, подтверждаютъ, что въ большинствѣ школъ, гдѣ введенъ звуковой способъ, онъ ведется только номинально, въ сущности же, дѣти обучаются по буквослагательному, называя согласныя бы, вы, гы и т. д. Только этому взаимному обману можно приписать и то, что въ обществахъ городскихъ, гдѣ грамотность распространена, звуковой способъ даетъ лучшіе результаты, чѣмъ въ деревняхъ.

„Въ городахъ, гдѣ знаютъ дѣти буквы и склады, переучиваясь по звуковому, они учатся, собственно, по буквослагательному, но пріучаются откидывать ненужное при складахъ уки, ѣди или е.

„Въ послѣднемъ засѣданіи комитета, на которомъ я былъ, у меня спрашивали, что я разумѣю подъ словами, что мой способъ народенъ? Вотъ это самое. Я разумѣю то, что учитель съ добросовѣстнымъ усиліемъ старается выучить дѣтей русской грамотѣ по нѣмецкому способу и противъ своей воли учитъ ихъ по народному способу, и что ученики выучиваются ему безсознательно.

„Таковы были ошибки въ учрежденіи школъ для испыта-

нія. Но, несмотря на самыя противорѣчивыя сужденія, выраженныя членами экзаменаціонной комиссіи о результатахъ испытанія, мнѣ кажется, что результатъ испытанія совершенно ясенъ, если разсматривать только тѣхъ учениковъ, которые могли учиться, т.-е. 3 старшихъ въ той и другой школѣ. Опредѣляя по знанію, я вижу, что старшіе ученики г. Протопопова умѣютъ читать и писать по-русски и больше ничего. Ученики школы Морозова умѣютъ также читать по русски (по-моему лучше) но, кромѣ того, знаютъ нумерацію, сложеніе, вычитаніе и отчасти умноженіе и дѣленіе, и еще читаютъ по-славянски. Слѣдовательно, знаютъ гораздо больше. Опредѣляя же по времени, я вижу, что ученики г. Морозова знали то, что знаютъ теперь ученики г. Протопопова (я говорю про трехъ), чрезъ двѣ недѣли послѣ начатія ученія, и справедливость этого могутъ подтвердить всѣ посѣщавшіе школу и видѣвшіе, что 3 старшіе ученика Морозова уже послѣ двухъ недѣль читали такъ же, какъ теперь читаютъ ученики г. Протопопова. Остальное время было употреблено г. Морозовымъ на славянскій языкъ, ариѳметику и на тѣ медленные шаги въ улучшеніи чтенія и письма, которые не могли быть замѣтны на экзаменѣ.

„Итакъ, ученики г. Морозова знаютъ гораздо болѣе того, что знаютъ ученики г-на Протопопова, и менѣе чѣмъ въ половину того времени, которое было употреблено г. Протопоповымъ, знали то, что знаютъ ученики г. Протопопова. Вотъ, по моему мнѣнію, ясный и очевидный результатъ испытанія, доказывающій, что способъ, по которому училъ г. Морозовъ, несмотря на тѣ ошибки, которыя я указалъ,— что способъ этотъ вдвое легче и быстрѣе, чѣмъ звуковой способъ.

„Если же разсматривать и меньшихъ учениковъ, то и относительно ихъ общій результатъ испытанія будетъ тотъ, что всѣ безъ исключенія ученики г. Морозова умѣютъ читать по складамъ, писать и знаютъ цифры и нумерацію, ученики же г. Протопопова знаютъ читать и писать, и

больше ничего. И то изъ меньшихъ учениковъ г. Протопопова надо исключить двоихъ, которые не знаютъ даже и читать.

„Но мы слышали въ прошломъ засѣданіи и услышимъ отъ всякаго педагога звукового метода и прочтемъ во всякомъ руководствѣ педагоговъ этой школы, что обученіе грамотѣ ничего не значитъ, что главное дѣло—развитіе“ [1]).

Перейдемъ теперь къ краткому изложенію второй части статьи, вошедшей въ полное собраніе сочиненій.

Л. Н—чъ полагаетъ, что однимъ изъ главныхъ тормазовъ къ истинному образованію служитъ изобрѣтенное интеллигенціей и навязываемое народу понятіе „развитіе“. Развитіе есть движеніе, и его главное условіе, цѣль, направленіе, конечный результатъ, котораго должно достичь движеніе, должно быть ясно извѣстно и опредѣленно, чтобы движеніе или развитіе было осмысленно, а между тѣмъ этого-то и нѣтъ; цѣли развитія ставятся неясныя, произвольныя и часто противорѣчащія одна другой.

Л. Н—чъ приводитъ выдержки изъ методики Бунакова и Евтушевскаго и критикуетъ ихъ изложеніе. Главный мотивъ этой критики заключается въ томъ, что эти системы основаны на заимствованныхъ западныхъ теоріяхъ и принципахъ и примѣняются къ народному образованію безъ соображенія о томъ, соотвѣтствуетъ ли это міровоззрѣнію народа, обычаю, экономическимъ условіямъ и степени развитія той или другой мѣстности, слоя населенія или деревни.

Отъ этого незнанія народа, пренебреженія къ его потребностямъ, отъ этого желанія навязать ему свою науку, происходитъ, по мнѣнію Л. Н—ча, большая часть ошибокъ новѣйшихъ педагогическихъ системъ. То они толкуютъ о томъ, что должно быть извѣстно всякому деревенскому маль-

---

[1]) „Отеч. Записки“, 1874 г. № 9.

чику съ двухлѣтняго возраста, какъ, напр., что потолокъ вверху, а полъ внизу, то о самыхъ простыхъ вещахъ они говорятъ такимъ языкомъ, который не понятенъ дѣтямъ, и только запутываютъ ихъ понятія вмѣсто развиванія ихъ. То же можно сказать и о преподаваніи ариѳметики; сидѣніе въ продолженіе цѣлаго года на числахъ отъ 1 до 10, годное развѣ только для идіотовъ, рѣшеніе задачъ, имѣющихъ претензію на бытовое содержаніе и которое въ то же время совершенно недоступно, по своей искусственности, пониманію ученика, дѣлаетъ изъ интереснаго предмета нѣчто среднее между каторжной работой и толченіемъ воды.

„По захолустьямъ уже можно найти учителей, — говоритъ Л. Н—чъ, — въ особенности учительницъ, которые, разложивъ предъ собой руководство Евтушевскаго и Бунакова, прямо по нимъ спрашиваютъ, сколько будетъ одно перо и одно перо и чѣмъ покрыта курица. Да, все это было бы смѣшно, если бы это былъ только вымыселъ историка, а не указаніе для практическаго дѣла и указаніе, которому уже слѣдуютъ нѣкоторые, и если бы это дѣло не касалось одного изъ самыхъ важныхъ людскихъ дѣлъ въ жизни — воспитанія дѣтей. Мнѣ было смѣшно, когда я читалъ это, какъ теоретическія фантазіи; но когда я узналъ и увидалъ, что это дѣлается надъ дѣтьми, мнѣ стало и жалко и стыдно“ [1]).

Протестуя противъ этой постоянной опеки надъ народомъ, противъ этого насилія надъ душой ребенка, Л. Н—чъ говоритъ далѣе:

„Педагогика находится въ томъ же положеніи, въ какомъ бы находилась наука о томъ, какъ должно ходить человѣку; и люди стали бы искать правилъ, какъ учить дѣтей предписывать имъ сокращать тотъ мускулъ, вытянуть другой и т. д., и т. д. Такое положеніе новой педагогіи прямо вытекаетъ изъ двухъ ея основныхъ поло-

---

[1]) „О народномъ образованіи“, 1874 г. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 316.

женій: 1) что цѣль школы есть развитіе, а не наука, и 2) что развитіе и средства достиженія его могутъ быть опредѣлены теоретически. Изъ этого послѣдовательно вытекло то жалкое и часто смѣшное положеніе, въ которомъ находится школьное дѣло. Силы тратятся напрасно, народъ, въ настоящую минуту жаждущій образованія, какъ изсохшая трава жаждетъ воды, готовый принять его, просящій его, вмѣсто хлѣба получаетъ камень и находится въ недоумѣніи: онъ ли ошибался, ожидая образованія, какъ блага, или что-нибудь не такъ въ томъ, что ему предлагаютъ? Что дѣло стоитъ такъ, не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія для всякаго человѣка, который узнаетъ нынѣшнюю теорію школьнаго дѣла и знаетъ дѣйствительное состояніе его среди народа. Но невольно представляется вопросъ: какимъ образомъ люди честные, образованные, искренно любящіе свое дѣло и желающіе добра, каковыми я считаю огромное большинство моихъ оппонентовъ, могли стать въ такое странное положеніе и такъ глубоко заблудиться“ [1]).

Немного дальше Л. Н—чъ говоритъ:

„Педагоги нѣмецкой школы и не подозрѣваютъ той смѣтливости, того настоящаго жизненнаго развитія, того отвращенія отъ всякой фальши, той готовой насмѣшки надъ всѣмъ фальшивымъ, которыя такъ присущи русскому крестьянскому мальчику,—и только потому такъ смѣло (какъ я самъ видѣлъ), подъ огнемъ 40 паръ умныхъ дѣтскихъ глазъ, на посмѣшище имъ выдѣлываютъ свои штуки. Только отъ этого настоящій учитель, знающій народъ, какъ бы строго ему ни предписывали учить крестьянскихъ дѣтей тому, что низъ, что верхъ и что два и три будетъ пять,—ни одинъ настоящій учитель, знающій тѣхъ учениковъ, съ которыми онъ имѣетъ дѣло, не будетъ въ состояніи этого дѣлать“ [2]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 320.
[2]) Тамъ же, стр. 328.

Одной изъ главныхъ ошибокъ новой педагогики Л. Н—чъ считаетъ также то, что ея главная исходная точка есть критика старыхъ пріемовъ и придумываніе новыхъ, сколь возможно больше противоположныхъ старымъ, но отнюдь не постановка новыхъ основаній педагогіи, изъ которыхъ могли бы вытекать новые пріемы.

Окончивъ критику заимствованныхъ отъ нѣмцевъ педагогическихъ системъ, Л. Н—чъ приступаетъ снова къ изложенію своей системы; при этомъ онъ оговаривается, что ему придется повторять тѣ же доводы, которые онъ высказалъ уже въ 1862 г. въ своемъ журналѣ „Ясная Поляна".

Первымъ въ его системѣ какъ тогда, такъ и теперь, являются вопросы: 1) чему нужно учить? и 2) какъ нужно учить?—и какъ тогда, такъ и теперь, вопросы эти остаются въ ученомъ педагогическомъ мірѣ безъ опредѣленнаго отвѣта.

„А между тѣмъ,—продолжаетъ Л. Н—чъ,—вопросъ этотъ совсѣмъ не такъ труденъ, если мы только совершенно отрѣшимся отъ предвзятыхъ теорій. Я пытался разъяснить и разрѣшить этотъ вопросъ, и, не повторяя тѣхъ доводовъ, которые желающій можетъ прочесть въ статьѣ, я выскажу результаты, къ которымъ я былъ приведенъ. Единственный критеріумъ педагогіи есть свобода, единственный методъ есть опытъ" [1]).

При условіи свободы въ дѣлѣ образованія мы несомнѣнно дадимъ возможность самому народу высказаться, что ему нужно, и сдѣлать выборъ изъ предлагаемыхъ ему нами знаній. Опытный же методъ дастъ намъ возможность найти наилучшій способъ передачи этихъ знаній.

„Всякое движеніе впередъ педагогики,—говоритъ Л. Н—чъ,—если мы внимательно разсмотримъ исторію этого дѣла, состоитъ только въ бо́льшемъ и бо́льшемъ приближеніи къ естественности отношеній между учителемъ и учениками,

---

[1]) Тамъ же, стр. 333.

въ меньшей принудительности и въ большей облегченности ученія“ [1]).

И далѣе, развивая эту мысль, онъ говоритъ:

„Та школа, въ которой меньше принужденія, лучше той, въ которой больше принужденія. Тотъ пріемъ, который при своемъ введеніи въ школу не требуетъ усиленія дисциплины, хорошъ; тотъ же, который требуетъ большей строгости, навѣрное дуренъ. Возьмите, напримѣръ, болѣе или менѣе свободную школу, такую, каковы мои школы, и попробуйте начать въ ней бесѣды о столѣ и потолкѣ или переставлять кубики, — посмотрите, какая каша сдѣлается въ школѣ и какъ почувствуется необходимость строгостью привести учениковъ въ порядокъ; попробуйте разсказать имъ занимательную исторію, или задавать задачи, или заставьте одного писать на доскѣ, а другихъ поправлять за нимъ ошибки, и спустите всѣхъ съ лавокъ — увидите, что всѣ будутъ заняты, шалостей не будетъ, и не нужно будетъ усиливать строгость, — и смѣло можно сказать, что пріемъ хорошъ“ [2]).

Разсматривая положеніе школьнаго дѣла за 10-тилѣтнее существованіе земской школьной дѣятельности (1864—1874 гг.), Л. Н—чъ замѣчаетъ регрессъ самостоятельнаго народнаго обученія, начавшагося развиваться послѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Въ административномъ и экономическомъ отношеніи земско-министерская опека оказывается такъ же вредящей, а не способствующей развитію народнаго образованія. Слишкомъ высокія требованія въ устройствѣ школы и наймѣ учителей не позволяютъ увеличивать числа школъ, которыя вслѣдствіе этого, по своей разбросанности и дальности разстояній, перестаютъ обслуживать данный районъ, и тяжелая школьная подать обращается въ прямое и без-

---

[1]) Тамъ же, стр. 339.

[2]) Тамъ же, стр. 339.

смысленное насиліе для той части населенія, которая не пользуется школой.

Вотъ главныя отличія взглядовъ народа и земства на веденіе школьнаго дѣла:

„1) Земство обращаетъ большое вниманіе на помѣщеніе и тратитъ на него большія деньги,—народъ обходитъ эти затрудненія домашними экономическими средствами и смотритъ на школы грамотности, какъ на преходящія временныя учрежденія; 2) земско-министерское вѣдомство требуетъ ученья круглый годъ за исключеніемъ іюля и августа, и нигдѣ не вводитъ вечернихъ классовъ,—народъ требуетъ ученья только зимою и любитъ вечерніе классы; 3) земско-министерское вѣдомство имѣетъ опредѣленный типъ учителей, ниже которыхъ оно не признаетъ школы, и имѣетъ отвращеніе къ церковникамъ и вообще мѣстнымъ грамотеямъ; народъ никакой нормы не принимаетъ и избираетъ учителей преимущественно изъ мѣстныхъ жителей; 4) земско-министерское вѣдомство распредѣляетъ школы случайно, т.-е. руководствуясь тѣмъ только, чтобы могло составиться нормальное училище, и не заботится о той большой половинѣ населенія, которая при этомъ распредѣленіи остается внѣ школьнаго образованія,—народъ не признаетъ не только опредѣленной внѣшней формы школы, а самыми разнообразными путями пріобрѣтаетъ себѣ на всякія средства учителей, устраиваетъ школы худшія и дешевыя на маленькія средства, хорошія и дорогія на большія средства, и при этомъ преимущественно обращаетъ вниманіе на то, чтобы всѣ мѣстности пользовались на свои деньги ученьемъ; 5) земско-министерское вѣдомство опредѣляетъ одну мѣру вознагражденія, довольно высокую, и произвольно увеличиваетъ прибавку отъ земства,—народъ требуетъ наивозможнѣйшей экономіи и распредѣляетъ вознагражденіе такъ, чтобы оно платилось прямо тѣми, чьи дѣти учатся“ [1]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 350—351.

Изложивъ планъ цѣлой сѣти мелкихъ школъ грамотности съ учителями, нанятыми самимъ народомъ, Л. Н—чъ задаетъ себѣ вопросъ:

„Но какъ же контролировать ихъ, слѣдить за ними, учить ихъ, если ихъ расплодится сотни по уѣзду? И отвѣчаетъ такъ:

„Въ каждомъ земствѣ, если оно взяло на себя обязанность распространенія или содѣйствія народному образованію, должно быть одно лицо,—будетъ ли то безплатный членъ училищнаго совѣта или человѣкъ на жалованьи не менѣе 1.000 руб., нанятый земствомъ,—одно лицо, завѣдывающее педагогической стороной дѣла въ уѣздѣ. Лицо это должно имѣть общее свѣжее образованіе въ предѣлахъ гимназическаго курса, т.-е. основательно знать ариѳметику и алгебру, и быть учителемъ, т.-е. знать практику педагогическаго дѣла. Лицо это должно быть свѣже-образованное, потому что я замѣчалъ, что очень часто свѣдѣнія человѣка, давно кончившаго курсъ даже въ университетѣ, не освѣжавшаго свое образованіе, бываютъ недостаточны не только для руководства учителей, но даже и для экзамена въ сельской школѣ. Лицо это должно быть учителемъ въ той же самой мѣстности,—для того, чтобы въ требованіяхъ своихъ и наставленіяхъ оно постоянно имѣло въ виду тотъ педагогическій матеріалъ, съ которымъ имѣютъ дѣло другіе учителя, и поддерживало въ себѣ то живое отношеніе къ дѣйствительности, которое есть главное средство противъ заблужденій и ошибокъ. Если какое земство не имѣетъ такого человѣка и не хочетъ нанять такого, то, по моимъ понятіямъ, такому земству дѣлать рѣшительно нечего относительно народнаго образованія, кромѣ какъ давать деньги, потому что всякое вмѣшательство въ административную часть дѣла (что теперь дѣлается) только вредно“ [1]).

Потомъ, изложивъ подробно, какъ при предлагаемой имъ

Тамъ же, стр. 357.

системѣ, при той же денежной затратѣ, можно содержать до 400 пригодныхъ для народа училищъ, вмѣсто 20, устроенныхъ теперь по плану земства, Л. Н—чъ такъ заключаетъ свою статью:

„Если высказанное мною теперь не убѣдитъ никого, значитъ, я не умѣлъ выразить то, что хотѣлъ, и переспоривать никого не желаю. Я знаю, что нѣтъ безнадежнѣе глухихъ, какъ тѣ, которые не хотятъ слышать. Я знаю, какъ это бываетъ съ хозяевами. Новая молотилка куплена дорого, поставлена, пустили молотить. Молотитъ дурно, какъ ни подвинчивай доску, нечисто молотитъ, и зерно идетъ въ солому. Но хоть и убытокъ, хоть и ясный расчетъ бросить молотилку и молотить иначе, но деньги потрачены, молотилка налажена, „пускай молотитъ", говоритъ хозяинъ. То же будетъ и съ этимъ дѣломъ. Я знаю, еще долго будутъ процвѣтать наглядныя обученія, и кубики, и пуговки вмѣсто ариѳметики, и шипѣніе и сиканье для обученія буквъ, и 20 школъ нѣмецкихъ дорогихъ вмѣсто нужныхъ 400 дешевыхъ народныхъ. Но я тоже твердо знаю, что здравый смыслъ русскаго народа не позволитъ ему принять эту навязываемую ему ложную и искусственную систему обученія.

„Народъ, главное заинтересованное лицо и судья, и ухомъ не ведетъ теперь, слушая наши болѣе или менѣе остроумныя предположенія о томъ, какими манерами лучше приготовить для него духовное кушанье образованія; ему все равно, потому что онъ твердо знаетъ, что въ великомъ дѣлѣ своего умственнаго развитія онъ не сдѣлаетъ ложнаго шага и не приметъ того, что дурно,—и какъ стѣнѣ горохъ будутъ попытки по-нѣмецки образовывать, направлять и учить его" [1]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 363.

Переходимъ теперь къ краткому обзору главнѣйшихъ критическихъ отзывовъ объ этой статьѣ.

Н. А. Некрасовъ, бывшій тогда редакторомъ „Отечественныхъ Записокъ", писалъ Л. Н—чу по поводу этой статьи 12 окт. 1874 г. изъ Петербурга:

„Милостивый государь
Левъ Николаевичъ!

„Статью вашу я напечаталъ и, выждавъ нѣсколько времени, пишу вамъ, что всѣ сотрудники отзываются о ней съ сочувствіемъ и единодушными похвалами. Публика петербургская не читаетъ, а если читаетъ, то молчитъ. Мнѣ ваша статья очень по душѣ, и я думаю, что дѣло народнаго образованія, которымъ вы занимаетесь, есть главное русское дѣло настоящаго времени.

„Н. К. Михайловскій еще не покинулъ желанія выступить въ „О. З." по вопросамъ педагогическимъ и сдѣлаетъ это, какъ только представится случай.

„Я очень доволенъ, что украсилъ журналъ и хорошею статьею и вашимъ именемъ.

Душевно васъ уважающій
Н. Некрасовъ" [1]).

Вслѣдъ за появленіемъ статьи Л. Н—ча стали появляться во всѣхъ журналахъ и газетахъ критическіе отзывы о ней. Какъ всегда, эти отзывы были чрезвычайно разнорѣчивы. Вотъ наиболѣе типичные изъ нихъ:

Однимъ изъ первыхъ появился отвѣтъ Бунакова въ „Семьѣ и Школѣ" (№ 10, 1874), въ которомъ онъ прямо и откровенно упрекаетъ Л. Н—ча во лжи, невѣжествѣ, себялюбіи и др. порокахъ. Во всѣхъ его упрекахъ и обличеніяхъ слышится тонъ оскорбленнаго самолюбія.

Въ критической статьѣ В. Авсѣенко въ „Русскомъ Мірѣ" (№ 227, 1874) авторъ съ большимъ одобреніемъ относится

---

[1]) Архивъ гр. С. А. Толстой.

ко взглядамъ Л. Н—ча относительно нѣмецкой школы, опасаясь за слишкомъ большую свободу и безконтрольность народнаго образованія, которую тотъ допускаетъ.

Критикъ „Недѣли“ (№ 42, 1874 г.) одобряетъ Л. Н—ча за его протестъ противъ Бунакова, Евтушевскаго и К°, но упрекаетъ его за то, что Л. Н—чъ смѣшиваетъ этихъ неудачныхъ представителей нѣмецкой педагогики съ самой наукой. Критикъ съ большимъ сочувствіемъ относится къ требуемой Л. Н—чемъ свободѣ въ образованіи народа.

Критикъ „Одесскаго Вѣстника“, Семенюта, констатируетъ съ удивленіемъ и негодованіемъ тотъ единодушный восторженный пріемъ, который былъ оказанъ газетными рецензентами статьѣ Л. Н—ча и съ своей стороны заявляетъ, что лучше бы Л. Н—чъ совсѣмъ молчалъ, чѣмъ говорить такія безсмысленныя вещи.

Г-нъ Ч. М. К. въ „Семьѣ и Школѣ“ (№ 12, 1874) высмѣиваетъ статью Льва Николаевича, его опыты въ Москвѣ и рѣчи въ Комитетѣ Грамотности, но констатируетъ большое вліяніе его статьи и приводитъ фактъ изгнанія учебника Евтушевскаго изъ Московской учительской семинаріи.

Въ „Гражданинѣ“ (№ 48 и 50, 1874), появился обстоятельный, и какъ всегда, сочувственный разборъ статьи Страховымъ, въ которой онъ развиваетъ и дополняетъ главныя положенія Л. Н—ча.

Очень серьезная статья и замѣчательная по искренности и правдивости была напечатана въ „Новомъ Времени“ за подписью „Народный Учитель“. Въ этой статьѣ авторъ, не дѣлая никакихъ выводовъ, только сообщаетъ впечатлѣніе, произведенное на него и на его товарищей, сельскихъ учителей, этой статьей. „Лица второй категоріи (къ первой категоріи онъ относитъ ученыхъ педагоговъ),—говоритъ этотъ народный учитель,—прочитавъ статью гр. Толстого, свободнѣе вздохнули. Они какъ будто освободились отъ тяжелаго гнета, давившаго ихъ нѣкоторое время“ [1]).

---

[1]) В. Зелинскій. „Крит. литер. о Толстомъ“, ч. 7, стр. 143.

Скабичевскій въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ", относясь съ большимъ сочувствіемъ къ статьѣ Л. Н—ча, проводитъ параллель между его взглядами и взглядами Ушинскаго, находя въ нихъ то общее, что оба они признаютъ педагогику искусствомъ, а не наукой.

Во второй своей статьѣ Скабичевскій возражаетъ Маркову, защищая Толстого отъ его нападокъ, и выражаетъ свое сочувствіе основному критерію Толстого—свободѣ.

Въ „Педагогическомъ Листкѣ" (1875) въ статьѣ, написанной въ ироническомъ, несочувственномъ Л. Н—чу тонѣ, есть интересная замѣтка. Авторъ такъ начинаетъ свою статью:

„Самымъ животрепещущимъ вопросомъ педагогики послѣднихъ дней была статья гр. Толстого. Трудно было показаться куда-нибудь, не рискуя въ сотый разъ наткнуться на порядочно надоѣвшій уже вопросъ: а вы за кого,—за Толстого или за Евтушевскаго? Безпрестанно приходилось натыкаться на людей, которыхъ привыкъ считать безопасными относительно писательскихъ поползновеній и которые съ таинственнымъ шопотомъ говорили: „А я, батюшка, хочу статеечку тиснуть.—Насчетъ чего?—спрашивалъ я обыкновенно съ самой невинной физіономіей,—вѣроятно, на счетъ дороговизны..."—Нѣтъ-съ насчетъ гр. Толстого"!

„Да,—прибавляетъ авторъ,—много бумаги исписано по этому поводу и, вѣроятно, еще не мало испишется ее въ будущемъ" [1]).

Наконецъ, на защиту взглядовъ Л. Н—ча Толстого противъ нѣмецкой педагогики выступилъ въ „Отечественныхъ Запискахъ" Н. К. Михайловскій, заявившій себя горячимъ сторонникомъ педагогическихъ воззрѣній Толстого. Вотъ какъ онъ говоритъ о впечатлѣніи, произведенномъ статьей „О народномъ образованіи" 1874 г. по сравненію съ впечатлѣніемъ, вызваннымъ статьями Л. Н—ча въ 1862 г.:

---

[1]) Тамъ же, стр. 184.

„Пятнадцать лѣтъ тому назадъ графъ Л. Н—чъ Толстой издавалъ спеціально-педагогическій журналъ. Этого журнала и въ обществѣ, и въ литературѣ не замѣчали или трунили надъ нимъ. Были (помнится, въ журналѣ „Время", а можетъ и еще гдѣ-нибудь) отзывы, сочувственные какъ положительной, такъ и отрицательной сторонѣ педагогической дѣятельности гр. Толстого. Но въ концѣ концовъ его педагогическія воззрѣнія оказались все-таки „явленіемъ, пропущеннымъ нашей критикой". Вліянія, я полагаю, они не имѣли никакого и ни въ какомъ смыслѣ. И во всякомъ случаѣ это вліяніе не можетъ итти ни на какое сравненіе съ впечатлѣніемъ, произведеннымъ статьей гр. Толстого „О народномъ образованіи", напечатанной въ № 9 „Отечественныхъ Записокъ" за прошлый годъ. Въ этой статьѣ, какъ говоритъ самъ авторъ, какъ говорятъ всѣ его противники (его сторонники этого не говорятъ), какъ оно въ дѣйствительности и есть, выражаются, въ сущности, тѣ же мысли, что выражались пятнадцать лѣтъ тому назадъ въ журналѣ „Ясная Поляна". Но „Ясная Поляна", выражаясь языкомъ школьниковъ, „провалилась", а на долю статьи „Отечественныхъ Записокъ" выпалъ такой громадный успѣхъ, какимъ едва ли можетъ похвалиться какое бы то ни было литературное явленіе прошлаго года: силы нашихъ извѣстнѣйшихъ педагоговъ напряженнѣйшимъ образомъ сосредоточились на опроверженіи или защитѣ положеній и отрицаній гр. Толстого; засѣданія педагогическаго общества никогда не привлекали такого огромнаго числа посѣтителей, какъ въ дни пререканій гг. Страннолюбскаго и Евтушевскаго объ „Азбукѣ" гр. Толстого и статьѣ „Отечественныхъ Записокъ"; въ обществѣ подъ вліяніемъ этой статьи появилось, по свидѣтельству г. Евтушевскаго, „рѣзкое порицаніе всего новаго направленія педагогики", наконецъ газеты всѣхъ партій, всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ съ небывалымъ единодушіемъ стали на сторону педагогической ереси гр. Толстого. И надо еще замѣтить, что гр. Тол-

СТАРИННАЯ ЛИПОВАЯ АЛЛЕЯ, НАСАЖЕННАЯ ДѢДОМЪ Л. Н—ЧА, КН. ВОЛКОНСКИМЪ, ВЪ ЯСНОПОЛЯНСКОМЪ ПАРКѢ.

стой не принадлежитъ отнюдь къ числу баловней нашей критики“ [1]).

Въ одной изъ слѣдующихъ статей Михайловскій говоритъ: „Много лѣтъ тому назадъ гр. Толстой занялся педагогіею и занялся такъ, какъ у насъ очень рѣдко кто занимается своимъ дѣломъ. Онъ не только не принималъ на вѣру какой бы то ни было готовой теоріи образованія и воспитанія, но, такъ сказать, взрылъ всю область педагогики вопросами: это зачѣмъ? какія основанія такого-то явленія? какая цѣль такого-то?—вотъ съ чѣмъ подходилъ гр. Толстой и къ самой сути педагогіи, и къ разнымъ ея подробностямъ. Дѣлалъ онъ это съ истинно замѣчательной смѣлостью. Смѣлость бываетъ разнаго рода. Есть смѣлость дикарей, подбѣгающихъ къ самымъ жерламъ направленныхъ на нихъ пушекъ, чтобы заткнуть ихъ своими шляпами; это—смѣлость невѣждъ, не имѣющихъ понятія о трудностяхъ предпринимаемаго ими дѣла. Есть смѣлость Угрюмъ-Бурчеевыхъ, смѣлость мраколюбцевъ, почерпаемая изъ беззавѣтной ненависти къ свѣту. Есть смѣлость нравственно пустопорожнихъ людей, готовыхъ итти въ любой походъ безъ всякаго умственнаго и нравственнаго багажа, безъ знаній и убѣжденій и не разсчитывающихъ на побѣду, но и въ пораженіи не видящихъ чего-нибудь печальнаго или позорнаго. Есть смѣлость отчаянія, когда человѣкъ сознаетъ, что дѣло его проиграно, и бросается въ самый пылъ битвы, чтобы погибнуть. Есть смѣлость бреттеровъ, жаждущихъ борьбы для процесса борьбы. Есть, наконецъ, смѣлость людей, глубоко преданныхъ своему дѣлу и вѣрящихъ, что оно не сегодня—завтра восторжествуетъ, что оно должно восторжествовать. Въ виду идеала, который имъ такъ ясенъ и близокъ, имъ не приходится гнуться передъ господствующими мнѣніями, не приходится въ оставленномъ ими храмѣ видѣть все-таки храмъ и въ низверженномъ ими внутри себя кумирѣ все-

[1]) Соч. Н. К. Михайловскаго, т. III, „Записки профана“, стр. 298.

таки бога. Педагогическія воззрѣнія гр. Толстого налицо (они собраны въ 4-мъ томѣ его сочиненій), и всякій непредубѣжденный человѣкъ долженъ признать, что смѣлость его была послѣдняго рода“ [1]).

И вотъ Михайловскій задаетъ себѣ вопросъ: почему такъ долго не обращали вниманія на педагогическія воззрѣнія Толстого, почему онъ самъ не замѣтилъ ихъ, и ставитъ гипотезу, объясняющую ему это явленіе. Онъ замѣчаетъ во Львѣ Н—чѣ десницу и шуйцу. Педагогическія воззрѣнія его онъ цѣликомъ относитъ къ „десницѣ“, равно какъ и многія другія идеи Л. Н—ча, выраженныя въ его художественныхъ произведеніяхъ и даже нѣкоторыя основныя положенія его философіи исторіи въ „Войнѣ и мирѣ“. Но рядомъ съ этими идеями онъ замѣчаетъ и „шуйцу“, къ которой онъ относитъ проявляющееся въ нѣкоторыхъ его произведеніяхъ пристрастіе къ его сословію, къ привилегированному классу, къ консервативнымъ основамъ существующаго строя. Реакціонная печать ухватывается за эту именно часть, раздуваетъ ее, объявляетъ Л. Н—ча своимъ сторонникомъ и отпугиваетъ отъ Л. Н—ча прогрессивный общественный элементъ.

Вотъ какъ выражаетъ эту мысль Михайловскій:

„Эти несчастные не понимаютъ, что то, что имъ нравится въ Толстомъ, есть только его шуйца, печальное уклоненіе, „невольная дань“ культурному обществу, къ которому онъ принадлежитъ. Они бы были рады изъ него лѣвшу сдѣлать, тогда какъ онъ, я думаю, былъ бы радъ, если бы родился безъ шуйцы. Повторяю, я только предполагаю, что графу Толстому должно быть обидно слышать похвалы пещерныхъ людей, которыя (похвалы) относятся только къ его шуйцѣ. Но мнѣ лично всегда бываетъ обидно за гр. Толстого, когда я вижу усилія, и не безуспѣшныя, пещерныхъ людей замарать его своимъ нравственнымъ сосѣдствомъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 425.

Обидно не потому, что я самъ желалъ бы стоять рядомъ съ гр. Толстымъ, хотя, разумѣется, и это привлекательно, но потому, что, марая его своимъ нечистымъ прикосновеніемъ, они отняли у общества чуть не всю его десницу. Почему читающей публикѣ рѣшительно неизвѣстны воззрѣнія гр. Толстого? Отчего они не коснулись общественнаго сознанія? Много есть тому причинъ, но одна изъ нихъ, несомнѣнно, есть нравственное сосѣдство пещерныхъ людей, холопски, т.-е. съ разными привираніями и умолчаніями, лобызающихъ шуйцу гр. Толстого. Я на себѣ испыталъ это. Я поздно познакомился съ идеями гр. Толстого, потому что меня отгоняли пещерные люди, и былъ пораженъ, увидавъ, что у него нѣтъ съ ними ничего общаго. Полагаю, что это не исключеніе, а общее правило.

„Драма, совершающаяся въ душѣ гр. Толстого, есть тоже моя гипотеза, но гипотеза законная, потому что безъ нея нѣтъ никакой возможности свести концы его литературной дѣятельности съ концами. Гипотеза же эта объясняетъ мнѣ все“ [1]).

Въ краткихъ, но мѣткихъ словахъ Михайловскій выражаетъ разницу между педагогами и Л. Н—чемъ Толстымъ:

„Педагоги вполнѣ увѣрены въ безусловныхъ достоинствахъ своихъ идеаловъ и вмѣстѣ съ тѣмъ смотрятъ на народъ какъ на грубую, глупую и невѣжественную толпу. Примѣняясь къ этой грубости, глупости и невѣжеству, они дѣлаютъ извѣстныя урѣзки въ своихъ идеалахъ и, напримѣръ, вмѣсто ряда наукъ въ извѣстной послѣдовательности, предлагаютъ народу какую-то педагогическую окрошку, составленную изъ безсвязныхъ обрывковъ разнообразнѣйшихъ знаній, или низводятъ наглядное обученіе, представляющееся имъ послѣднимъ словомъ науки, до уровня вопросовъ о полетѣ лошади и количествѣ ногъ у ученика. Выходятъ и волки сыты, и овцы цѣлы, и идеалы наилуч-

[1]) Тамъ же, стр. 495.

шаго образованія сохранены, и сдѣлано снисхожденіе къ глупости мужика. Гр. Толстой находится въ иномъ положеніи. Не идеализируя мужика, не отрицая ни его грубости, ни его невѣжества, онъ видитъ въ немъ задатки громадной духовной силы, которой нужно только дать толчокъ“ [1]).

Намъ нѣтъ возможности, конечно, дѣлать много выписокъ изъ этихъ интересныхъ статей. Мы закончимъ нашъ очеркъ слѣдующими словами Н. К. Михайловскаго:

„Хотя я и профанъ въ философіи и въ педагогикѣ и пишу, собственно говоря, фельетонъ, но рекомендую читать этотъ фельетонъ съ усиленнымъ вниманіемъ. Не ради меня, а ради Толстого, ради тѣхъ тонкихъ оттѣнковъ мысли, которыя я только комментирую“ [2]).

Система Л. Н—ча, конечно, до сихъ поръ не принята въ нашихъ школахъ. Но мы твердо убѣждены, что если въ нихъ есть что живое, самобытное, то многимъ изъ этого живого онѣ обязаны Толстому.

Эта усиленная педагогическая дѣятельность не встрѣчала большого сочувствія въ семьѣ Л. Н—ча. Графинѣ Толстой, хотя и съ охотой занимавшейся въ домашней школѣ съ крестьянскими ребятами, была, очевидно, симпатичнѣе художественная дѣятельность Л. Н—ча. Это видно изъ слѣдующаго письма ея къ своему брату С. А. Берсу отъ 20 ноября 1874 года:

„Наша серьезная зимняя жизнь наладилась. Левочка весь ушелъ въ народное образованіе, школы, учительскія училища, т.-е. гдѣ будутъ образовывать учителей для народныхъ школъ, и все это занимаетъ его съ утра до вечера. Я съ недоумѣніемъ смотрю на все это, мнѣ жаль его силъ, которыя тратятся на эти занятія, а не на писаніе романа,

---

[1]) Тамъ же, стр. 511.

[2]) Тамъ же, стр. 533.

и я не понимаю, до какой степени полезно это, такъ какъ вся эта дѣятельность распространится на маленькій уголокъ Россіи—на Крапивинскій уѣздъ" [1]).

Немного позднѣе, 12 декабря того же года, Соф. Андр. писала своей сестрѣ Т. А. Кузминской:

„Левочка выдумалъ писать еще Азбуку для дѣтей, по примѣру американскихъ first, second and third reader. Ты, вѣрно, видѣла у насъ, гдѣ first reader начинается съ очень короткихъ словъ и такъ идетъ постепенно; и будетъ продаваться по 8 или 10 копеекъ. Романъ не пишется, а изъ всѣхъ редакцій такъ и сыпятся письма; 10 тысячъ впередъ, и по 500 р. за листъ. Левочка объ этомъ и не говоритъ, и какъ будто дѣло не до него касается. А мнѣ Богъ съ ними—съ деньгами, а главное, просто то его дѣло, т.-е. писаніе романовъ, я люблю и цѣню, и даже волнуюсь имъ всегда ужасно; а эти азбуки, ариѳметики, грамматики я презираю, и притворяться не могу, что сочувствую. И теперь мнѣ въ жизни чего-то недостаетъ, чего-то, что я любила, и это именно недостаетъ Левочкиной работы, которая мнѣ всегда доставляла наслажденіе и внушала уваженіе. Вотъ, Таня, я настоящая писательская жена, какъ къ сердцу принимаю наше авторское дѣло" [2]).

Скажемъ нѣсколько словъ объ этой „Новой Азбукѣ". Сознавая нѣкоторые недостатки своей первой Азбуки, Л. Н—чъ подвергнулъ ее сильной переработкѣ и ввелъ особый отдѣлъ постепеннаго чтенія. Въ 1875 году была выпущена имъ „Новая Азбука".

Въ предисловіи къ этому изданію авторъ такъ опредѣлилъ его цѣль:

„Задача Азбуки состоитъ въ томъ, чтобы за наименьшую цѣну дать учащимся наибольшее количество понятнаго матеріала, расположеннаго въ такой правильной постепенно-

---

[1]) С. А. Берсъ. „Воспом. о Толстомъ".

[2]) Архивъ Т. А. Кузминской.

сти, отъ простого и легкаго къ сложному, чтобы постепенность эта служила главнымъ средствомъ обученія чтенію и письму, по какому бы то ни было способу. Съ этой цѣлью сначала подобраны слова всѣ понятныя, всѣ произносящіяся такъ, какъ пишутся, и всѣ расположенныя по удареніямъ для того, чтобы ученикъ узнавалъ значеніе каждаго прочитаннаго слова и могъ бы писать подъ диктовку, потомъ болѣе сложныя слова и болѣе сложныя соединенія изъ нихъ, переходящія въ басни, сказки и разсказы. Разсказы, басни и сказки составлены такъ, чтобы ученикъ могъ безъ наводящихъ вопросовъ разсказать прочитанное, и потому статьи эти могли бы быть употребляемы для упражненія учениковъ въ самостоятельномъ чтеніи и для диктовки.

Такъ какъ главная трудность въ сознательномъ чтеніи состоитъ въ длинѣ самыхъ словъ, то вся первая часть Азбуки составлена изъ словъ, не выходящихъ изъ двухъ слоговъ и шести буквъ. Во второй части употребляются слова, не выходящія изъ трехъ слоговъ, и только въ послѣдней—третьей—части поставлены слова четырехъ-и пятисложныя“ [1]).

Этотъ отдѣлъ постепеннаго чтенія и составляетъ главное отличіе Новой Азбуки отъ старой. Кромѣ того, въ ней сдѣланы и нѣкоторыя значительныя сокращенія; такъ, ариѳметическаго отдѣла въ новой азбукѣ уже нѣтъ.

Матеріалъ же для чтенія, бывшій въ азбукѣ перваго изданія, отдѣленъ въ 4 книги для чтенія на русскомъ языкѣ и въ 4 книги для чтенія на славянскомъ языкѣ.

Задача, поставленная себѣ авторомъ, очевидно, была имъ достигнута съ большимъ успѣхомъ, такъ какъ эта „Новая Азбука“ выдержала уже 25 изданій. При чемъ послѣднія пять изданій печатались въ количествѣ 100,000 каждое. Считая каждое изданіе въ среднемъ около 60,000, мы получимъ почтенную цифру 1.500,000, представляющую намъ количество экземпляровъ азбуки, разошедшейся по Россіи. А такъ

---

[1]) „Новая Азбука“ Л. Н. Толстого. Москва, изд. 25-е, 1903 г., стр. 1.

какъ каждымъ экземпляромъ пользуются нѣсколько учениковъ, то мы должны притти къ заключенію, что съ этой азбукой знакомы многіе милліоны русскихъ людей.

Принимая еще во вниманіе сравнительно небольшое распространеніе грамотности въ Россіи, мы должны допустить, что ее знаетъ вся грамотная Россія.

Еще одно обстоятельство усиливаетъ ея значеніе: какъ извѣстно, въ начальныхъ училищахъ до послѣдняго времени можно было употреблять только тѣ учебники, которые одобрены Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія. „Новая Азбука“ Л. Н—ча Толстого не заслужила этого одобренія, и стало-быть, она не имѣетъ офиціальнаго распространенія.

Тотъ, кто ее покупаетъ и распространяетъ, тотъ дѣлаетъ это не по приказанію начальства, а по собственному убѣжденію въ ея неотъемлемыхъ достоинствахъ.

Подобнымъ же успѣхомъ и распространеніемъ пользуются и его 4 книги для чтенія, служащія продолженіемъ „Азбуки“.

Передъ такимъ успѣхомъ „Новой Азбуки“ какіе бы то ни были критическіе отзывы теряютъ всякое значеніе, и потому мы не приводимъ ихъ.

Издавъ „Новую Азбуку“, Л. Н—чъ снова принимается за осуществленіе своей завѣтной мечты—народной учительской семинаріи, т.-е. такого заведенія, которое доставляло бы народу дешевыхъ своихъ учителей.

Вотъ что пишетъ графиня С. А. въ октябрѣ 1876 года своей сестрѣ:

„Впрочемъ, Левочка за писанье свое еще не взялся, и меня это очень огорчаетъ. Музыку онъ тоже бросилъ и много читаетъ и гуляетъ и думаетъ, собирается писать. Свою учительскую семинарію тоже онъ собирается устроить и уже нанялъ для этого кончившаго курсъ въ университетѣ. Сегодня этотъ молодой человѣкъ пріѣдетъ, и онъ будетъ учителемъ у Сережи. Въ томъ домѣ воздвигнуты лавки, столы, чинятъ и вставляютъ рамы, и, вмѣсто милыхъ васъ, бу-

дутъ какія-то чуждыя лица мужиковъ, семинаристовъ и проч.“ [1]).

И до слѣдующаго 1877 года Л. Н—чъ все еще не оставляетъ своей мысли. Въ письмѣ къ Страхову отъ 6-го марта 1877 г. Л. Н—чъ справляется объ одномъ лицѣ, кандидатѣ на мѣсто директора проектированной имъ семинаріи. Онъ пишетъ такъ:

„Еще маленькая просьба: Николай Александровичъ Соколовъ, кончившій курсъ въ Педагогическомъ Институтѣ и имѣвшій частную гимназію въ Петербургѣ, теперь поступилъ въ Тульскую семинарію профессоромъ физики и математики и предлагаетъ себя въ директоры моей предполагаемой семинаріи. Что онъ за человѣкъ? какъ характеръ? Если его знаютъ ваши знакомые, то разузнайте, пожалуйста, и напишите мнѣ“ [2]).

Но намѣреніе это, очевидно, не осуществилось, и послѣ этого документа мы, къ сожалѣнію, уже не встрѣчаемъ нигдѣ упоминанія объ этомъ замыслѣ.

Переходимъ теперь къ описанію фактовъ и событій за тотъ же періодъ, но происходившихъ въ другихъ областяхъ частной и общественной жизни Льва Николаевича.

Это составитъ предметъ слѣдующей главы.

---

[1]) Архивъ Т. А. Кузминской.

[2]) Архивъ В. Г. Черткова.

ГЛАВА VIII.

Поѣздка на кумысъ и въ самарское имѣніе.— Письмо о голодѣ.

Тяготѣніе Льва Николаевича къ народу, къ природѣ, къ неиспорченной первобытной жизни выразилось отчасти въ той симпатіи, которую онъ почувствовалъ къ обитателямъ заволжскихъ степей, къ кочующимъ башкирамъ и русскимъ степнымъ колонистамъ. Попавъ случайно, по совѣту врачей, для здоровья въ 1862 году на кумысъ въ Самарскую губернію, онъ былъ радъ прикоснуться къ этому нетронутому еще уголку природы, и съ тѣхъ поръ его завѣтной мечтой стало вернуться туда и основаться тамъ болѣе или менѣе прочно.

Ему удалось это сдѣлать только въ 1871 году.

Такъ какъ снова мотивомъ поѣздки его въ Самарскую губ. было его нездоровье, причиненное, по мнѣнію его жены и многихъ близкихъ ему людей, его усиленными занятіями греческимъ языкомъ, то мы и скажемъ нѣсколько словъ объ этомъ увлеченіи.

Какъ кажется, поводомъ къ этому увлеченію были его занятія съ его старшимъ сыномъ, котораго онъ самъ хотѣлъ готовить къ гимназическому экзамену.

Такъ или иначе, но въ декабрѣ 70-го года Л. Н—чъ взялся за классиковъ, сталъ быстро успѣвать и такъ увлекся этимъ дѣломъ, что забросилъ всѣ остальныя свои работы.

Вотъ что онъ пишетъ по этому поводу своему другу Фету:

„Получилъ ваше письмо уже съ недѣлю, но не отвѣчалъ, потому что съ утра до ночи учусь по-гречески. Я ничего не пишу, а только учусь. И судя по свѣдѣніямъ, дошедшимъ до меня отъ Борисова, ваша кожа, отдаваемая на пергаментъ для моего диплома греческаго, находится въ опасности. Невѣроятно и ни на что не похоже. Но я прочелъ Ксенофонта и теперь à livre ouvert читаю его. Для Гомера же нуженъ лексиконъ и немного напряженія. Жду съ нетерпѣніемъ случая показать кому-нибудь этотъ фокусъ. Но какъ я счастливъ, что на меня Богъ наслалъ эту дурь. Во-первыхъ, я наслаждаюсь, во-вторыхъ, убѣдился, что изъ всего истинно прекраснаго и простого прекраснаго, что произвело слово человѣческое, я до сихъ поръ ничего не зналъ, какъ и всѣ, и знаютъ, но не понимаютъ; въ-третьихъ, тому, что я не пишу и писать дребедени многословной никогда не стану. И виноватъ и ей-Богу никогда не буду. Ради Бога объясните мнѣ, почему никто не знаетъ басенъ Эзопа, ни даже прелестнаго Ксенофонта, не говорю уже о Платонѣ, Гомерѣ, которые мнѣ предстоятъ. Сколько я теперь ужъ могу судить, Гомеръ только изгаженъ нашими съ нѣмецкаго образца переводами. Пошлое, но невольное сравненіе: отварная и дистилированная вода и вода изъ ключа, ломящая зубы, съ блескомъ и солнцемъ и даже соринками, отъ которыхъ она еще чище и свѣжѣе. Всѣ эти Фоссы и Жуковскіе поютъ какимъ-то медово-паточнымъ, горловымъ и подлизывающимъ голосомъ. А тотъ чортъ и поетъ, и оретъ во всю грудь, и никогда ему въ голову не приходило, что кто-нибудь его можетъ слушать. Можете торжествовать: безъ знанія греческаго языка нѣтъ образованія. Но какое знаніе? Какъ его пріобрѣтать? Для чего оно нужно? На это у меня есть ясные, какъ день, доводы“ [1]).

---

[1]) А. Фетъ. „Мои воспом.“, т. II, стр. 255.

Левъ Николаевичъ осуществилъ свое намѣреніе и показалъ свой „фокусъ“ компетентному человѣку. С. А. Берсъ разсказываетъ объ этомъ такъ:

„Послѣ окончанія романа „Война и миръ“ Льву Николаевичу вздумалось изучить древне-греческій языкъ и познакомиться съ классиками. Я достовѣрно знаю, что онъ изучилъ языкъ и познакомился съ произведеніями Геродота въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, тогда какъ прежде греческаго языка совсѣмъ не зналъ. Побывавъ тогда въ Москвѣ, онъ посѣтилъ покойнаго профессора Катковскаго лицея, П. М. Леонтьева, чтобы передать ему свои впечатлѣнія о древне-греческой литературѣ. Леонтьевъ не хотѣлъ вѣрить возможности такого быстраго изученія древняго языка и предложилъ почитать вмѣстѣ съ нимъ à livre ouvert. Въ трехъ случаяхъ между ними произошло разногласіе въ переводѣ. Послѣ уясненія дѣла профессоръ призналъ мнѣніе Л. Н—ча правильнымъ“ [1]).

Эти усиленныя занятія не замедлили отозваться на здоровьи Л. Н—ча. Конечно, къ разстройству его были и другія причины. Въ началѣ іюня 1871 года онъ писалъ Фету:

„Любезный другъ, не писалъ вамъ давно и не былъ у васъ оттого, что былъ и есть боленъ, самъ не знаю чѣмъ, но похоже что-то на дурное или хорошее, смотря по тому, какъ называть конецъ. Упадокъ силъ и ничего не нужно и не хочется, кромѣ спокойствія, котораго нѣтъ. Жена посылаетъ меня на кумысъ въ Самару или Саратовъ на два мѣсяца. Нынче ѣду въ Москву и тамъ узнаю куда“.

Въ Москвѣ онъ рѣшилъ ѣхать на прежнее мѣсто, въ Самарскія степи. До Нижняго пришлось ѣхать по желѣзной дорогѣ, а отъ Нижняго на пароходѣ до Самары. Выѣхавъ изъ Москвы, съ дороги Л. Н—чъ писалъ С. А.:

„...Обѣжалъ выставку и немного опоздалъ. Я подъѣзжалъ къ дебаркадеру, былъ второй звонокъ, и билетовъ не вы-

---

[1]) С. Берсъ. „Воспоминанія о Толстомъ“, стр. 51.

даютъ. Первое лицо я встрѣчаю растрепаннаго барина съ барыней, который мнѣ кричитъ: хотите взять билетъ? Я взялъ, но вещи мои не пріѣхали, и билетъ пропадаетъ. Я говорю: мнѣ до Нижняго, онъ говоритъ: и я до Нижняго. Я говорю: мнѣ нельзя одинъ билетъ, мнѣ два. Онъ говоритъ: у меня два. Я заплатилъ барину двадцать рублей, вскочилъ въ вагонъ, третій звонокъ, и поѣхалъ.

„Къ чему это? Не знаю. Но необыкновенно“ [1]).

Л. Н—чъ поѣхалъ этотъ разъ въ сопровожденіи своего шурина С. А. Берса. О путешествіи на пароходѣ С. А. Берсъ вспоминаетъ такъ:

„На пароходѣ Л. Н—чъ интересовался бытомъ поволжскихъ народностей. Левъ Николаевичъ обладаетъ замѣчательною способностью сходиться съ незнакомыми пассажирами во всѣхъ классахъ. Когда онъ попадалъ на угрюмыхъ и необщительныхъ незнакомцевъ, онъ все-таки не затруднялся подойти къ нимъ и, послѣ нѣсколькихъ попытокъ, удачно вызывалъ ихъ на разговоръ. Его талантъ психолога и сердце подсказывали ему пріемы, и онъ умѣлъ купить незнакомцевъ своимъ участіемъ. Въ двое сутокъ на пароходѣ онъ перезнакомился со всею палубою, не исключая и добродушныхъ матросовъ, у которыхъ на носу парохода мы проспали всѣ ночи...“

Дальше Берсъ описываетъ ихъ поселеніе:

„На Каралыкѣ его встрѣтили какъ стараго знакомаго. Мы поселились въ отдѣльной кочевкѣ, нанятой у муллы, который жилъ съ семьей въ другой кочевкѣ рядомъ. Не всякому въ жизни случалось видѣть кочевку. Она представляетъ собою деревянную клѣтку, имѣющую форму приплюснутаго полушарія. Клѣтка эта покрывается большими войлоками и имѣетъ деревянную расписную дверцу. Полъ замѣняетъ ковыль. Кочевка легко раскладывается и перевозится. Лѣтомъ въ степи это жилище весьма пріятно.

---

[1]) Архивъ гр. С. А. Толстой.

„Чтобы лѣчиться кумысомъ, надо, подобно башкирамъ, употреблять его, какъ исключительную пищу, и при этомъ оставить все мучное, овощи и соль, а ѣсть только мясо.

„Само собой разумѣется, что Левъ Николаевичъ приноровился къ этому образу жизни, и оттого кумысъ принесъ ему желанную пользу“ [1]).

Но сначала, по пріѣздѣ, Левъ Н—чъ чувствовалъ себя нехорошо и такъ писалъ объ этомъ Софьѣ Андреевнѣ:

1871 года, 18 іюня.

„...Съ тѣхъ поръ какъ пріѣхалъ сюда, каждый день въ шесть часовъ вечера начинается тоска, какъ лихорадка, тоска физическая, ощущеніе которой я не могу лучше передать, какъ то, что душа съ тѣломъ разстается. Душевной тоски о тебѣ я не позволяю подниматься. И никогда не думаю о тебѣ и дѣтяхъ, и оттого не позволяю себѣ думать, что всякую минуту готовъ думать, а стоитъ раздуматься, то сейчасъ уѣду. Состоянія я своего не понимаю: или я простудился въ кибиткѣ въ первыя холодныя ночи, или кумысъ мнѣ вреденъ, но въ три дня, которые я здѣсь, мнѣ хуже. Главное, слабость, тоска, хочется играть въ милашку и плакать, а ни съ башкирами, ни со Степой это неудобно.

„...Больнѣе мнѣ всего за себя то, что я отъ нездоровья своего чувствую себя одной десятой того, что есть. Нѣтъ умственныхъ и, главное, поэтическихъ наслажденій. На все смотрю какъ мертвый, то самое, за что я не любилъ многихъ людей. А теперь самъ только вижу, что есть, понимаю, соображаю, но не вижу насквозь съ любовью, какъ прежде. Если и бываетъ поэтическое расположеніе, то самое кислое, плаксивое, хочется плакать.

„...Ново и интересно многое: и башкирцы, отъ которыхъ Геродотомъ пахнетъ, и русскіе мужики, и деревни, особенно прелестныя по простотѣ и добротѣ народа“.

---

[1]) С. А. Берсъ. „Воспоминанія“, стр. 52.

Какъ интересно для психологіи художника это опредѣленіе поэтическаго взгляда на міръ: смотрѣть и видѣть не только то, что есть, а смотрѣть съ любовью и видѣть насквозь.

Обезпокоенная нездоровьемъ Л. Н—ча, Соф. Андр. дѣлаетъ ему выговоръ и отвѣчаетъ такъ:

„...Если ты все сидишь надъ греками, ты не вылѣчишься. Они на тебя нагнали эту тоску и равнодушіе къ жизни настоящей. Не даромъ это мертвый языкъ, онъ наводитъ на человѣка и мертвое расположеніе духа. Ты не думай, что я не знаю, почему называются эти языки мертвыми, но я сама имъ придаю это другое значеніе“ [1]).

Но вотъ силы Л. Н—ча понемногу возстановляются, онъ начинаетъ входить въ интересы окружающей его жизни и, по обыкновенію, наблюдать. Въ письмѣ къ С. А. отъ 27 іюня онъ даетъ такую бытовую картинку:

„...Башкирская деревня, зимовка, въ двухъ верстахъ. На кочевкѣ въ полѣ у рѣки только три семейства башкиръ. У нашего хозяина (онъ мулла) четыре кибитки: въ одной живутъ онъ съ женой и сынъ съ женой (сынъ Нагимъ, котораго я оставилъ мальчикомъ тотъ разъ), въ другой—гости. Гости безпрестанно пріѣзжаютъ—муллы, и съ утра до ночи дуютъ кумысъ. Въ третьей кибиткѣ два кумысника: таможенный чиновникъ, Петръ Станиславовичъ, котораго очень уважаетъ Иванъ, и болѣзненный богатый донской казакъ. Въ четвертой огромной кибиткѣ, которая была мечеть прежде и которая протекаетъ вся (что мы испытали вчера ночью), живемъ мы. Я сплю на кровати, на сѣнѣ и войлокѣ. Степа—на перинѣ на полу. Иванъ—на кожанѣ въ другомъ углу. Есть столъ и одинъ стулъ, кругомъ висятъ вещи, въ одномъ углу буфетъ и продукты, какъ, по выраженію Ивана, называется провизія; въ другомъ платья, уборная, въ третьемъ библіотека и кабинетъ. Впрочемъ, такъ было сначала, теперь все смѣшалось. Въ особенности куры,

---

[1]) Архивъ С. А. Толстой.

которыхъ мы купили и которыя мнѣ ни съ того ни съ сего подарилъ одинъ попъ, портятъ порядокъ. За то тутъ же при насъ несутся, по три яйца. Еще лежитъ овесъ для лошади и собака, прекрасный черный сеттеръ, называется Вѣрнымъ. Лошадь буланая и служитъ мнѣ хорошо. Я встаю очень рано, часовъ въ пять съ половиной (Степа спитъ до десяти), пью чай съ молокомъ—три чашки, гуляю около кибитокъ, смотрю на возвращающіеся съ горъ табуны, что очень красиво, лошадей тысячи, все разными кучками съ жеребятами. Потомъ пью кумысъ, и самая обыкновенная прогулка, зимовка, т.-е. деревня, тамъ остальные кумысники, всѣ, разумѣется, знакомые. Первый управляющій гр. Уварова, въ очкахъ, съ бородой, старый, степенный; московскій студентъ самый обыкновенный и потому скучный. Товарищъ прокурора, маленькій, въ блузѣ, опредѣлительно говоритъ, оживляется, когда объ судѣ рѣчь, не непріятный. Его жена знаетъ Томашевскаго и студентовъ, куритъ, и волосы короткіе, но неглупая. Помѣщикъ Муромскій, молодой, красивый, не окончившій курсъ въ Москвѣ. Всѣ, даже Степа, зовутъ его Костей. Очень симпатичный. Всѣ эти составляютъ компанію. Потомъ другая компанія. Попъ, почти умирающій (очень жалокъ), профессоръ семинаріи греческаго,—Степа его возненавидѣлъ, говоритъ, что онъ вѣрно ставитъ единицы всѣмъ,—и буфетчикъ изъ Перми, все наши друзья. Потомъ братъ съ сестрой, кажется, купцы, смирные и, какъ купцы, все равно, что ихъ нѣтъ. Я со Степой правильно два раза въ день отправляюсь ко всѣмъ и къ башкирцамъ знакомымъ, не забывая буфетчика, и кромѣ того, одну большую дѣлаю поѣздку или прогулку. Обѣдаемъ мы каждый день баранину, которую мы ѣдимъ изъ деревянной чашки руками. Для утѣшенія Степы я купилъ въ Самарѣ пастилы и мармеладу, и онъ продукты эти употребляетъ въ десертъ“ [1]).

---

[1]) Архивъ С. А. Толстой.

„Тотчасъ по пріѣздѣ Левъ Николаевичъ перезнакомился со всѣми кумысниками и разогналъ ихъ уныніе, говоритъ С. А. Берсъ. Старикъ, учитель семинаріи, сталъ прыгать съ нимъ черезъ веревочку, товарищъ прокурора искалъ случая съ нимъ побесѣдовать, а молодой помѣщикъ и охотникъ изъ Владимірской губерніи вполнѣ поддался его вліянію.

Вскорѣ была предпринята вчетверомъ поѣздка по башкирскимъ деревнямъ. Мы запаслись подарками и ружьями. Въ дорогѣ мы охотились по озерамъ на утокъ и останавливались у башкиръ въ кочевкахъ, гдѣ отдыхали и пили кумысъ. За наши посѣщенія мы отплачивали подарками при удобномъ случаѣ“ [1]).

Л. Н—чъ пишетъ С. А. объ этой поѣздкѣ слѣдующее:

„...Поѣздка наша продолжалась 4 дня и удалась прекрасно. Дичи пропасть, дѣвать некуда, утокъ пропасть и ѣсть некому. И башкиры, и мѣста, гдѣ мы были, и товарищи наши прекрасны. Принимали насъ вездѣ съ гостепріимствомъ, которое трудно описать. Куда пріѣзжаешь, хозяинъ закалываетъ жирнаго курдютскаго барана, становитъ огромную кадку кумыса, стелетъ ковры и подушки на полу, сажаетъ на нихъ гостей и не выпускаетъ, пока не съѣдятъ его барана и не выпьютъ его кумыса. Изъ рукъ поитъ гостей и руками (безъ вилки въ ротъ) кладетъ гостямъ баранину и жиръ, и нельзя его обидѣть. Много было смѣшного. Мы съ Костенькой пили и ѣли съ удовольствіемъ, и это намъ, очевидно, было въ пользу, но Степа и баронъ были смѣшны и жалки, особенно баронъ. Ему хотѣлось не отставать, и онъ пилъ, но подъ конецъ его вырвало на ковры, и потомъ, когда мы на обратномъ пути намекнули, не заѣхать ли опять къ гостепріимному башкиру, то онъ чуть не со слезами сталъ просить, чтобы не ѣздили“ [2]).

Берсъ добавляетъ еще одинъ характерный эпизодъ:

---

[1]) С. Берсъ. „Воспомин. о Толстомъ“, стр. 54.

[2]) Архивъ С. А. Толстой.

„Въ гостяхъ у башкиръ Левъ Николаевичъ какъ-то вышелъ въ степь изъ кочевки, заглядѣлся на лошадь, отдѣлившуюся отъ табуна, и сказалъ мнѣ: „Посмотри, какой прекрасный типъ дойной кобылы". Когда черезъ часъ мы уѣзжали, хозяинъ привязалъ похваленную лошадь къ нашей бричкѣ въ подарокъ графу. На обратномъ пути пришлось отдарить за похвалу" [1]).

По свидѣтельству Берса, Левъ Николаевичъ находилъ много поэтическаго въ кочевой и беззаботной жизни башкиръ. Онъ зналъ ихъ бытъ и обычаи, а они давно знали и любили „графа" и такъ называли его. На Каралыкѣ Льва Николаевича больше всѣхъ развлекалъ шутникъ, худощавый, вертлявый и зажиточный башкирецъ, Хаджи-Муратъ, а русскіе его звали Михайломъ Ивановичемъ. Онъ удивительно игралъ въ шашки и обладалъ несомнѣннымъ юморомъ. Отъ плохого произношенія русскаго языка шутки его дѣлались еще смѣшнѣе. Когда въ игрѣ въ шашки требовалось обдумать нѣсколько ходовъ впередъ, онъ значительно поднималъ указательный палецъ ко лбу и приговаривалъ: „большой думить надо". Это выраженіе заставляло смѣяться всѣхъ окружающихъ, не исключая и башкиръ, а мы долго потомъ вспоминали его еще въ Ясной Полянѣ" [2]).

Особенно ярко выражается отношеніе Л. Н—ча къ этому краю въ его письмѣ къ Фету отъ 18-го іюля 1871 г.:

„Благодарю васъ за ваше письмо, любезный другъ. Кажется, что жена сдѣлала фальшивую тревогу, отославъ меня на кумысъ и убѣдивъ меня, что я боленъ. Какъ бы то ни было, но теперь, послѣ четырехъ недѣль, я, кажется, совсѣмъ оправился. И какъ слѣдуетъ при кумысномъ лѣченіи,—съ утра до вечера пьянъ, потѣю и нахожу въ этомъ удовольствіе. Здѣсь очень хорошо, и если бы не тоска по семьѣ, я былъ бы совершенно счастливъ здѣсь. Если бы начать опи-

---

[1]) С. А. Берсъ „Воспоминанія о Толстомъ", стр. 54.
[2]) Тамъ же.

сывать, то я исписалъ бы сто листовъ, описывая здѣшній край и мои занятія. Читаю и Геродота, который съ подробностью и большой вѣрностью описываетъ тѣхъ самыхъ галакто-фаговъ-скиѳовъ, среди которыхъ я живу.

„Вчера началъ писать это письмо, и писалъ, что я здоровъ. Нынче опять болитъ бокъ. Самъ не знаю, сколько я нездоровъ, но не хорошо уже то, что принужденъ и не могу не думать о моемъ бокѣ и груди. Жара третій день стоитъ страшная. Въ кибиткѣ накалено, какъ на полкѣ, но мнѣ это пріятно. Край здѣсь прекрасный, по своему возрасту только-что выходящій изъ дѣвственности, по богатству, здоровью и въ особенности по простотѣ и неиспорченности народа. Я, какъ и вездѣ, примѣриваюсь, не купить ли имѣніе. Это мнѣ занятіе и лучшій предлогъ для узнанія настоящаго положенія края. Теперь остается десять дней до шести недѣль, тогда напишу вамъ и устроимся, чтобы увидѣться“ [1]).

„Въ степи мы прожили, — продолжаетъ разсказывать Берсъ,—шесть недѣль. Въ это время мы сдѣлали еще одну поѣздку вдвоемъ на Петровскую ярмарку въ г. Бузулукъ за 70 верстъ. Поѣхали мы на одной лошади въ небольшихъ дрогахъ и взяли съ собой запасъ кумыса въ небольшомъ турсукѣ. Ярмарка отличалась пестротой и разнообразіемъ племенъ: русскіе мужики, уральскіе казаки, башкиры и киргизы. И въ этой толпѣ Левъ Николаевичъ расхаживалъ со свойственной ему любознательностью и со всѣми заговаривалъ. Даже съ пьяными онъ не боялся вступать въ разговоръ. Какой-то пьяный мужикъ вздумалъ обнять его отъ избытка добродушія, но строгій и внушительный взглядъ Л. Н—ча остановилъ его. Мужикъ самъ опустилъ свои руки и сказалъ: „нѣтъ, ничаво, нябось“ [2]).

Намѣреніе Л. Н—ча осуществилось. Онъ успѣлъ убѣдить гр. С. А. въ пользѣ покупки имѣнія въ Самарской губ., и

---

[1]) А. Фетъ. „Воспомин.“, стр. 236, т. II.

[2]) С. Берсъ. „Воспоминанія о Толстомъ“, стр. 54.

эта покупка состоялась уже въ Москвѣ, по возвращеніи его съ кумыса.

Разумѣется, эта покупка установила болѣе прочную связь Л. Н—ча съ Самарскимъ краемъ, и почти каждый годъ съ тѣхъ поръ онъ посѣщаетъ его. Болѣе интересныя изъ этихъ посѣщеній мы теперь и опишемъ.

Въ 1872 году Л. Н—чъ снова заработался, на этотъ разъ надъ своей Азбукой и снова разстроилъ свое здоровье. Вся семья собиралась ѣхать на кумысъ, но эта поѣздка разстроилась, и Л. Н—чъ поѣхалъ одинъ. Озабоченный ходомъ изданія Азбуки и трудностью почтовыхъ сношеній съ Самарскимъ хуторомъ, онъ пробылъ тамъ не долго, и къ концу іюля былъ уже въ Ясной. За эту поѣздку онъ успѣлъ сдѣлать распоряженіе о необходимыхъ постройкахъ на вновь купленной землѣ и о первой запашкѣ.

На другое лѣто вся семья поднялась изъ Ясной „на новыя мѣста".

11-го мая 1873 года Л. Н—чъ писалъ Фету:

„Стихотвореніе ваше прекрасно. Это новое, никогда не уловленное прежде чувство боли отъ красоты выражено прелестно. У васъ весной поднимаются поэтическія дрожжи, а у меня воспріимчивость къ поэзіи. Я былъ въ Москвѣ, купилъ 43 нумера покупокъ на 450 руб., и ужъ не ѣхать послѣ этого въ Самару нельзя. Какъ уживается на новомъ гнѣздѣ ваша пташка? Не забывайте насъ. До двадцатаго мы не уѣдемъ, а послѣ двадцатаго адресъ—Самара" [1]).

С. А. Берсъ снова сопровождаетъ Толстыхъ и рисуетъ такую картину кумысной жизни этого лѣта:

„На это лѣто въ имѣніе былъ приглашенъ за плату башкиръ изъ той же деревни Каралыка съ табуномъ дойныхъ матокъ. Онъ привезъ свою жену и кочевку въ небольшой

---

[1]) А. Фетъ. „Воспомин.", т. II, стр. 269.

телѣжкѣ, а работникъ его пригналъ табунъ нашихъ кормилицъ съ ихъ жеребятами, которыхъ на цѣлый день обыкновенно привязывали такъ, чтобы они не могли сосать, и только на ночь отвязывали ихъ на свободу.

„Старикъ-башкирецъ, Мухамедъ-Шахъ, а по отчеству и по-русски—Романовичъ, отличался степенностью, вѣжливостью въ обращеніи и аккуратностью, а потому выборъ Льва Николаевича палъ на него между всѣми башкирами деревни Каралыка. Кочевка его внутри отличалась чистотой и изяществомъ, и всѣ мы ходили къ нему не только пить кумысъ, но посидѣть и побесѣдовать. Посерединѣ кочевки на землѣ лежалъ коверъ, а на немъ подушки; съ боку стоялъ небольшой столъ съ двумя стульями. Все это предназначалось для насъ. На рѣшетчатой стѣнѣ висѣло разукрашенное сѣдло. Одинъ бокъ кочевки былъ занавѣшенъ яркимъ ситцемъ со сборчатой оторочкой, и за этой занавѣской скрывалась его жена, когда появлялись мужчины. Оттуда она подсовывала турсучокъ съ кумысомъ и деревянную посуду. Левъ Николаевичъ шуткой называлъ кочевку нашимъ салономъ. Романовичъ, какъ мы его звали, былъ всегда радъ нашимъ посѣщеніямъ, потому что, подобно всѣмъ зажиточнымъ башкирамъ, никогда ничѣмъ не занимался. Кумысъ мы пили всѣ, кому онъ нравился“ [1]).

Жизнь Толстыхъ на новомъ хуторѣ ознаменовалась на этотъ разъ важными послѣдствіями для мѣстнаго населенія.

Нѣсколько неурожайныхъ годовъ значительно понизили благосостояніе самарскихъ крестьянъ, а сильный неурожай 73 года грозилъ настоящимъ бѣдствіемъ. На помощь этому бѣдствію и пришелъ Левъ Николаевичъ со своимъ могучимъ словомъ.

А. С. Пругавинъ, писавшій о дѣятельности Л. Н—ча во время самарскаго голода 1873 года, въ примѣчаніи къ своей статьѣ говоритъ слѣдующее:

---

[1]) С. А. Берсъ. „Воспоминанія“.

„Вообще нельзя не выразить удивленія по поводу того, что корреспонденція графа Толстого, о которой идетъ рѣчь въ настоящей статьѣ, до сихъ поръ не вошла, сколько намъ извѣстно, ни въ одно изъ изданій его произведеній. Не говоря уже о томъ, что для русскаго общества имѣетъ свое значеніе каждая замѣтка, вышедшая изъ-подъ пера великаго писателя,—въ данномъ же случаѣ мы, безъ сомнѣнія, имѣемъ дѣло съ однимъ изъ его писемъ, представляющимъ значительный интересъ не только біографическаго, но и общественнаго характера“ [1]).

Соглашаясь вполнѣ съ мнѣніемъ А. С. Пругавина, мы приводимъ здѣсь существенную часть этого мало извѣстнаго или, вѣрнѣе, забытаго произведенія Л. Н—ча:

„Письмо къ издателямъ“.

„Проживъ часть нынѣшняго лѣта въ деревенской глуши Самарской губерніи и будучи свидѣтелемъ страшнаго бѣдствія, постигшаго народъ вслѣдствіе трехъ неурожайныхъ годовъ, въ особенности нынѣшняго, я считаю своимъ долгомъ описать, насколько сумѣю правдиво, бѣдственное положеніе сельскаго населенія здѣшняго края и вызвать всѣхъ русскихъ къ поданію помощи пострадавшему народу.

„Надѣюсь, что вы не откажетесь дать мѣсто моему письму въ вашей газетѣ.

„О томъ, какъ собирать подписку и кому поручить распредѣленіе ея и выдачу, вы знаете лучше меня, и я увѣренъ, что вы не откажете помочь этому дѣлу своимъ содѣйствіемъ.

„1871 годъ былъ въ Самарской губерніи неурожайный. Богатые крестьяне, дѣлавшіе большіе посѣвы, стали только достаточными людьми. Достаточные крестьяне, также уменьшившіе свои посѣвы, стали только нуждающимися. Прежде ненуждавшіеся крестьяне стали нуждаться и продали часть

---

[1]) „Образованіе“, ноябрь 1902 г., стр. 2.

скотины. Нуждавшіеся прежде крестьяне вошли въ долги, и явились нищіе, которыхъ прежде не было.

„Второй неурожайный годъ, 1872, заставилъ достаточныхъ крестьянъ еще уменьшить посѣвъ и продать излишнюю скотину, такъ что цѣна на лошадей и рогатый скотъ упала вдвое. Ненуждавшіеся крестьяне стали продавать уже необходимую скотину и вошли въ долги. Прежде нуждавшіеся крестьяне стали бобылями и кормиться только заработками и пособіемъ, которое имъ выдавали. Количество нищихъ увеличилось.

„Нынѣшній, уже не просто неурожайный, но голодный годъ долженъ довести до нужды прежде бывшихъ богатыми крестьянъ и до нищеты и голода почти $^{9}/_{10}$ всего населенія.

„Едва ли есть въ Россіи мѣстность, гдѣ бы благосостояніе или бѣдствіе народа непосредственнѣе зависѣло отъ урожая или неурожая, какъ въ Самарской губерніи.

„Заработки крестьянъ заключаются только въ земледѣльческомъ трудѣ: пахотѣ, покосахъ, жнитвѣ, молотьбѣ и извозѣ.

„Въ нынѣшній же годъ, вслѣдствіе трехлѣтняго неурожая, посѣвы уменьшились и, уменьшаясь, дошли до половины прежнихъ, и на этой половинѣ ничего не родилось, такъ что у крестьянина своего хлѣба нѣтъ и заработковъ почти нѣтъ, а за тѣ, какіе есть, ему платятъ $^{1}/_{10}$ прежней цѣны, какъ, напр., за жнитво, котораго средняя цѣна была 10 рублей за десятину, нынѣшній годъ платится 1 р. 20 к., такъ что крестьянинъ зарабатываетъ въ день отъ 7-ми до 10 копеекъ.

„Вотъ причина, почему въ этотъ третій неурожайный годъ бѣдствіе народа должно дойти до крайней степени.

„Бѣдствіе это уже началось, и безъ ужаса нельзя видѣть народъ даже въ настоящее время, лѣтомъ, когда только начинается самый бѣдственный годъ и впереди еще 12 мѣсяцевъ до новаго урожая, и когда еще есть кое-гдѣ заработки, хотя на время спасающіе отъ голода.

„Проѣхавъ по деревнямъ, я, всегда жившій въ деревнѣ и знающій близко условія сельской жизни, былъ приведенъ въ ужасъ тѣмъ, что я видѣлъ: поля голыя тамъ, гдѣ сѣяна пшеница, овесъ, просо, ячмень, ленъ, такъ что нельзя узнать, что посѣяно, и это въ половинѣ іюля! Тамъ, гдѣ рожь, поле убрано или убираютъ пустую солому, которая не возвращаетъ сѣмянъ; гдѣ покосы, тамъ стоятъ рѣдкіе стога, давно убранные, такъ какъ сѣна было въ десять разъ меньше противъ обычныхъ урожаевъ, и желтыя выгорѣвшія мѣста. Такой видъ имѣли поля. По дорогамъ вездѣ народъ, который ѣдетъ или въ Уфимскую губернію на новыя мѣста, или отыскиваетъ работу, которой или вовсе нѣтъ, или плата за которую такъ мала, что работникъ не успѣваетъ выработать на то, что у него съѣдаютъ дома.

„По деревнямъ, во дворахъ, куда я заѣзжалъ, вездѣ одно и то же: не совершенный голодъ, но положеніе близкое къ нему, всѣ признаки приближающагося голода. Крестьянъ нигдѣ нѣтъ, всѣ уѣхали искать работы, дома—худыя бабы, съ худыми и больными дѣтьми, и старики. Хлѣбъ еще есть, но въ обрѣзъ; собаки, кошки, телята, куры худые и голодные, и нищіе не переставая подходятъ къ окнамъ, и имъ подаютъ крошечными ломтиками или отказываютъ.

„Но это общее впечатлѣніе, на которомъ нельзя основываться. Вотъ расчеты села Гавриловки, ближайшаго ко мнѣ. Я очень хорошо знаю, что можно, подобравъ факты, составить жалостливое описаніе положенія крестьянскихъ семей, изъ котораго будетъ казаться, что всѣ онѣ на волоскѣ отъ голодной смерти, и можно, съ другой стороны, подобрать факты такъ, что будетъ поводъ говорить то, что, къ несчастью и стыду своему, такъ любятъ говорить многіе изъ насъ,—что бѣдствія никакого нѣтъ, что все происходитъ только оттого, что крестьяне не работаютъ, а пьянствуютъ и т. д., и потому я сдѣлалъ опись каждаго десятаго двора въ ближайшемъ ко мнѣ селѣ Гавриловкѣ, и вѣрность этой описи подтверждается подписями старшинъ и священниковъ.

„Въ числѣ попавшихся подъ десятый нумеръ есть и менѣе бѣдные крестьяне, какъ вы увидите, но большинство въ самомъ бѣдственномъ положеніи“.

Затѣмъ слѣдуетъ подворное описаніе экономическаго положенія каждаго десятаго двора села Гавриловки. Такихъ дворовъ Л. Н—чъ обошелъ 23. Списокъ провѣренъ и подписанъ священникомъ села Гавриловки, сельскимъ старостой и сельскимъ писаремъ.

„Для каждаго, кто потрудился вникнуть въ эту вполнѣ точную опись крестьянскихъ семей и ихъ средствъ,—продолжаетъ Л. Н—чъ,—должно быть ясно, что большая половина этихъ семей никакъ не можетъ нынѣшній годъ прокормиться своими средствами, другая же половина, хотя, какъ мнѣ кажется, и можетъ прокормиться, отдавъ своихъ крестьянъ въ работники, въ сущности, находится точно въ такомъ же плохомъ положеніи, какъ и первая половина, такъ какъ $^{9}/_{10}$ всѣхъ деревень должны итти въ работники, а хозяева по неурожаю отпускаютъ и тѣхъ работниковъ, которыхъ прежде держали.

„Положеніе народа ужасно, когда вглядишься и подумаешь о предстоящей веснѣ, но народъ какъ бы не чувствуетъ и не понимаетъ этого.

„Только какъ разговоришься съ крестьяниномъ и заставишь его учесть себя и подумать о будущемъ, онъ скажетъ: „и сами не знаемъ, какъ свои головы обдумаемъ“, но вообще, кажется, онъ спокоенъ, какъ и обыкновенно: такъ что для человѣка, который бы поверхностно взглянулъ теперь на народъ, разсыпанный по степи дощипывать по колоску чуть видную отъ земли, кое-гдѣ взошедшую пшеницу, увидѣлъ бы здоровый, всегда веселый рабочій народъ, услыхалъ бы пѣсни и кое-гдѣ смѣхъ, тому бы даже странно показалось, что въ средѣ этого народа совершается одно изъ ужаснѣйшихъ бѣдствій. Но бѣдствіе это существуетъ и признаки его слишкомъ явны.

„Крестьянинъ, несмотря на то, что сѣетъ и жнетъ болѣе

всѣхъ другихъ христіанъ, живетъ по евангельскому слову: „птицы небесныя не сѣютъ, не жнутъ и Отецъ небесный питаетъ ихъ“, крестьянинъ вѣритъ твердо въ то, что при его вѣчномъ тяжкомъ трудѣ и самыхъ малыхъ потребностяхъ Отецъ его небесный пропитаетъ его, и потому не учитываетъ себя, и когда придетъ такой, какъ нынѣшній, бѣдственный годъ, онъ только покорно нагибаетъ голову и говоритъ: „прогнѣвали Бога, видно, за грѣхи наши“.

„Изъ приложеннаго отчета видно, что въ $^{9}/_{10}$ семей не достанетъ хлѣба. „Что же дѣлаютъ крестьяне?“ Во-первыхъ, они будутъ мѣшать въ хлѣбъ дешевую и потому не питательную и вредную лебеду, мякину (какъ мнѣ говорили, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уже начинаютъ дѣлать); во-вторыхъ, сильные члены семьи, крестьяне, уйдутъ осенью или зимой на заработки, и отъ голоду будутъ страдать старики, женщины, изнуренныя родами и кормленіемъ, и дѣти. Они будутъ умирать не прямо отъ голода, а отъ болѣзней, причиною которыхъ будетъ дурная, недостаточно питательная пища; и особенно потому, что самарское населеніе нѣсколькими поколѣніями пріучено къ хорошему пшеничному хлѣбу.

„Прошлый годъ еще встрѣчался кое-гдѣ у крестьянъ пшеничный хлѣбъ, матери берегли его для малыхъ дѣтей; нынѣшній годъ его ужъ нѣтъ, и дѣти болѣютъ и мрутъ. Что же будетъ, когда не достанетъ и чистаго чернаго хлѣба, что уже и теперь начинается?

„Страшно подумать о томъ бѣдствіи, которое ожидаетъ населеніе большей части Самарской губерніи, если не будетъ подана ему государственная помощь. Подписка, по моему мнѣнію, можетъ быть открыта всякая: 1) подписка на пожертвованія и 2) подписка на выдачу денегъ для продовольствія заимообразно безъ процентовъ на 2 года. Подписка второго рода, т.-е. выдача денегъ заимообразно, я полагаю, можетъ составить ту сумму, которая обезпечитъ пострадавшее населеніе Самарской губерніи, и, вѣроятно,

земство Самарской губерніи возьметъ на себя трудъ раздачи хлѣба на эти деньги и сбора долга въ первый урожайный годъ“ [1]).

Графъ Левъ Толстой.

28 іюня. Хуторъ на Тананыкѣ.

„На этотъ разъ,—говоритъ Пругавинъ въ своей статьѣ,—Левъ Николаевичъ не ошибся въ своей надеждѣ на редактора „Московскихъ Вѣдомостей“: послѣдній не только напечаталъ его корреспонденцію, но и открылъ при газетѣ подписку въ пользу голодающихъ крестьянъ Самарской губерніи.

„Значеніе этой корреспонденціи, — продолжаетъ Пругавинъ,—и впечатлѣніе, произведенное ею на общество, было огромно. До корреспонденціи графа Л. Н. Толстого, никому и ничего внѣ Самарской губерніи не было извѣстно, что въ ней происходитъ. Даже есть основаніе предполагать и больше: что и въ самой-то Самарской губерніи ничего не знали, или не хотѣли знать, что въ ней дѣлается и что ожидаетъ ея населеніе. Корреспонденція графа Толстого была громомъ, заставившимъ всѣхъ перекреститься“.

Кромѣ того, Л. Н—чъ написалъ частное письмо своей родственницѣ А. А Толстой, прося ее заинтересовать этимъ дѣломъ императрицу. Пожертвованіе государыни было однимъ изъ первыхъ и открыло путь многимъ другимъ.

„Яркая картина положенія самарскаго населенія, говоритъ А. С. Пругавинъ,—нарисованная рукою геніальнаго художника, обратившагося на этотъ разъ въ статистика, произвела сильное и глубокое впечатлѣніе на русское общество. Возникла мысль возможно скорѣе притти на помощь голодающимъ.

Особенно горячо отнеслись къ этому дѣлу русскія интеллигентныя женщины. Такъ называемые „дамскіе комитеты“ Об-

---

[1]) „Моск. Вѣдом.“ 17 авг. 1873 г.

щества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ съ необыкновенной ревностью принялись за сборъ пожертвованій. Въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ, напримѣръ, въ Петербургѣ, Казани, Ригѣ и др., образовались временные комитеты съ спеціальной цѣлью сбора пожертвованій для Самарской губерніи. Особенно много сдѣлалъ петербургскій временный комитетъ, состоявшій подъ предсѣдательствомъ извѣстной общественной дѣятельницы того времени Ан. Павл. Философовой.

18 сентября въ Самарскую губернскую земскую управу поступило первое пожертвованіе въ 2,300 рублей отъ Московской университетской типографіи, находившейся въ то время, какъ извѣстно, въ арендномъ содержаніи редактора „Московскихъ Вѣдомостей". Затѣмъ пожертвованія полились со всѣхъ сторонъ, возрастая съ каждымъ мѣсяцемъ,

Такъ, въ сентябрѣ было получено 4,980 руб., въ октябрѣ—7,505 руб., въ ноябрѣ—94,949, въ декабрѣ—384,430 руб. Съ января мѣсяца 1874 года сумма ежемѣсячныхъ пожертвованій начинаетъ постепенно и мало-по-малу убывать, а именно: въ январѣ было получено 236,956 руб., въ февралѣ—116,705 руб., въ мартѣ—70,373 руб., апрѣлѣ—46,004 руб., маѣ—33,814 руб., іюнѣ—24,374 руб., іюлѣ—18,480 руб. и въ августѣ мѣсяцѣ—3,612 руб.

Пожертвованія продолжали поступать и послѣ, до 1876 года. Всего такимъ образомъ поступило въ губернскую земскую управу свыше 1 милліона рублей.

Всего же частныхъ пожертвованій въ пользу населенія Самарской губерніи въ голодовку 1873—1874 года было получено до 1,887,000 рублей деньгами и хлѣбомъ до 21 тыс. пудовъ.

Такимъ образомъ графу Толстому пришлось сыграть въ высшей степени важную роль въ голодовку 1873—1874 года. Стоя всегда очень близко къ народной массѣ, легко сходясь съ народомъ, онъ не могъ не замѣтить тяжелаго, крити-

ческаго положенія крестьянъ той округи, въ которой ему пришлось побывать лѣтомъ 1873 года (Патровская волость, Бузулукскаго уѣзда).

Поразительная наблюдательность, которой всегда отличался талантъ графа Толстого въ его художественныхъ произведеніяхъ, его способность схватить своимъ перомъ наиболѣе существенныя, хотя нерѣдко скрытыя и замаскированныя черты и особенности того или другого жизненнаго явленія—ярко сказались и въ его корреспонденціи, посвященной описанію экономическаго положенія самарскихъ крестьянъ. Благодаря этому въ сравнительно небольшой корреспонденціи передъ нами наглядно рисуется положеніе разныхъ слоевъ крестьянскаго населенія, картинно и отчетливо изображается вліяніе, которое оказали трехлѣтніе неурожаи на хозяйство каждаго изъ этихъ слоевъ.

Но всѣмъ этимъ не ограничивается дѣятельность Толстого на пользу населенія, пострадавшаго отъ неурожая, такъ какъ во время своего пребыванія въ Бузулукскомъ уѣздѣ въ 1873 году Левъ Николаевичъ принималъ личное, непосредственное участіе въ оказаніи помощи голодающимъ.

Когда въ 1881 году намъ пришлось посѣтить Бузулукскій уѣздъ, то отъ крестьянъ Патровской волости мы слышали много разсказовъ о сердечной заботливости, которую проявлялъ графъ Толстой, живя среди нихъ во время голодовки 1873 года, какъ онъ лично обходилъ наиболѣе нуждающіеся крестьянскіе дворы, съ какимъ вниманіемъ входилъ онъ въ ихъ интересы и нужды, какъ онъ помогалъ бѣднякамъ, снабжая ихъ хлѣбомъ и деньгами, какъ онъ давалъ средства на покупку лошадей и т. д. Воспоминаніе объ этой дѣятельности знаменитаго писателя и до сихъ поръ еще сохраняется въ средѣ крестьянскаго населенія Патровки, Гавриловки, Землянокъ и другихъ селъ того района“ [1]).

---

[1]) А. Пругавинъ. Гр. Л. Н. Толстой въ голодовку 1873—74 года „Образованіе“. Ноябрь 1902 г.

Мы не можемъ не упомянуть объ участіи въ этомъ дѣлѣ графини С. А. Толстой и приведемъ ея собственное свидѣтельство объ этомъ, какъ его передаетъ г. Левенфельдъ:

„Вамъ извѣстно „письмо“ о самарскомъ голодѣ,—сказала графиня.—Эту заслугу я сполна приписываю себѣ. Мы жили тогда, можно сказать, вдали отъ всякаго человѣческаго жилья и вели совершенно замкнутый образъ жизни, посвященный исключительно поправленію здоровья моего мужа. У насъ было время наблюдать жизнь народа, и мы пришли къ убѣжденію, что неурожай и сравнительно многочисленное населеніе этой мѣстности должны были привести къ ужасному бѣдствію. Я убѣдила мужа основательно заняться этимъ вопросомъ. Онъ предпринялъ статистическое изслѣдованіе всей мѣстности, записывалъ число крестьянскихъ хатъ, число ѣдоковъ въ каждой хатѣ и количество имѣющагося хлѣба. Это изслѣдованіе показало, что на каждую душу его приходилось такъ мало, что голодъ былъ неизбѣженъ. Тогда-то онъ и опубликовалъ свое „письмо“. Императрица дала первыя деньги, хотя въ правительственныхъ кружкахъ и очень недоброжелательно смотрѣли на это опубликованіе, потому что оно говорило не въ пользу мѣстнаго управленія, но послѣ того, какъ первая женщина въ странѣ внесла свою лепту, пожертвованія полились тысячами“ [1]).

25 августа 1873 года, возвратясь уже въ Ясную Поляну, Л. Н—чъ писалъ Фету: „23-го мы благополучно пріѣхали изъ Самары и сгораемъ желаніемъ васъ видѣть.

„Спасибо, что не забываете насъ. По-настоящему, нѣтъ времени нынче писать вамъ, но такъ боюсь, чтобы вы не проѣхали мимо насъ, что пишу хоть два слова. Несмотря на засуху, убытки, неудобства, мы всѣ, даже жена, довольны поѣздкой и еще больше довольны старой рамкой жизни и принимаемся за труды респективные“ [2]).

---

[1]) Р. Левенфельдъ. „Разговоры съ Толстымъ о Толстомъ“.

[2]) А. Фетъ. „Воспоминанія“. Т. II, стр. 280.

Въ 74-мъ году Л. Н—чъ снова отправился на кумысъ, со своимъ старшимъ сыномъ, Сергѣемъ, уже не столько для поправленія здоровья, сколько для присмотра за хозяйствомъ. Урожай былъ порядочный, и народъ отдыхалъ отъ прошлогодняго бѣдствія.

На слѣдующее лѣто, въ 1875 году въ Самарскій хуторъ отправилась снова вся семья Толстыхъ. Выдающимся событіемъ за это лѣто были скачки, устроенныя Л. Н—чемъ для мѣстнаго населенія.

Заимствуемъ разсказъ объ этомъ изъ воспоминаній Берса.

„Черезъ Мухамедъ-Шаха Романовича было разглашено, что графъ Толстой устраиваетъ у себя въ имѣніи скачку. Всѣ мѣстныя и окрестныя національности: башкиры, киргизы, уральскіе казаки и русскіе мужики—всѣ чрезвычайно любятъ скаковой спортъ.

„Мы сами выбрали ровную мѣстность, опахали и измѣрили огромный кругъ въ пять верстъ длиною и на немъ разставили знаки. Для угощенія были заготовлены бараны и даже одна лошадь. Къ назначенному дню съѣхалось нѣсколько тысячъ народу. Башкиры и киргизы пріѣхали съ своими кочевками, кумысомъ, котлами и даже баранами. Дикая степь, покрытая ковылемъ, уставилась рядомъ кочевокъ и оживилась пестрой толпой. На коническомъ возвышеніи, называемомъ по-мѣстному шишка, были разостланы ковры и войлокъ, и на немъ кружкомъ разсѣлись башкиры съ поджатыми подъ себя ногами. Въ серединѣ кружка изъ большого турсука молодой башкиръ разливалъ кумысъ и подавалъ чашку по очереди сидѣвшимъ. Это шла круговая. Пѣсни, игра на дудкѣ и на горлѣ звучали грустно и заунывно для слуха европейца. Тутъ же любители состязались въ борьбѣ. Башкиры особенно искусные борцы. Глядя на все это, я представилъ себѣ татарское иго, тяготѣвшее въ Россіи“ [1]).

---

[1]) С. А. Берсъ. „Воспоминанія“.

Продолжаемъ описаніе скачекъ по письму гр. С. А. къ ея сестрѣ:

„6-го у насъ были скачки. Скакали 25 верстъ и проскакали въ 39 минутъ, что очень быстро. Изъ 22-хъ лошадей пришли 4, остальныя стали, не могли скакать. Первый призъ былъ заграничное ружье и халатъ. Второй призъ глухіе серебряные часы съ портретомъ Государя и халатъ, потомъ халаты, платки. Въ скачки съѣли въ два дня 15 барановъ и выпили страшное количество кумысу. Башкирцы плясали, пѣли свои національныя пѣсни, играли на дудкахъ и на горлѣ, боролись и очень веселились. Все это было красиво и интересно; 4-хъ женщинъ, почетныхъ башкирокъ, привезли въ моей каретѣ и крытомъ тарантасѣ, такъ какъ ихъ мужчинамъ не показываютъ“ [1]).

„Пиръ длился два дня,— заключаетъ свой разсказъ Берсъ,— и отличался замѣчательной чинностью, порядкомъ и оживленіемъ. Къ удовольствію Льва Николаевича, не было никого изъ полиціи. Всѣ гости учтиво поблагодарили хозяина-графа и разъѣхались очень довольные. Даже въ толпѣ, мнѣ кажется, Левъ Николаевичъ умѣлъ поселить entrain—и уваженіе къ благопристойности“.

„По обыкновенію, Л. Н—чъ, на этотъ разъ съ семьей, посѣтилъ Петровскую ярмарку въ Бузулукѣ и побывалъ въ тамошнемъ монастырѣ, гдѣ спасался почитаемый народомъ отшельникъ. Онъ жилъ въ подземной пещерѣ. Выходя оттуда, онъ гулялъ по саду, посѣтителямъ показывали яблоню, посаженную имъ 40 лѣтъ тому назадъ, подъ которой онъ любилъ сидѣть, принимая богомольцевъ. Онъ самъ показывалъ Л. Н—чу и его семьѣ свое пещерное жилище, гробъ, въ которомъ онъ спалъ, и большое распятіе, передъ которымъ онъ молился [2]).

---

[1]) Архивъ Т. А. Кузминской.
[2]) С. А. Берсъ. „Воспоминанія“.

По свидѣтельству Л. Н—ча, уваженіе, которое народъ питалъ къ этому человѣку, было проявленіемъ серьезнаго религіознаго чувства и показывало, что этотъ отшельникъ удовлетворялъ насущной потребности народа, служа примѣромъ чистой жизни, „не отъ міра сего“.

По возвращеніи изъ Самары Л. Н. писалъ Фету:

„26-го августа 1875 года.

„Вотъ третій день, что мы пріѣхали благополучно, и я только-что опоминаюсь и спѣшу писать вамъ, дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ, и благодарить васъ за ваши два письма, которыя больше чѣмъ всегда были цѣнны въ нашей глуши. Надѣюсь, что здоровье ваше лучше. Это было замѣтно по второму вашему письму, и надѣюсь, что вы преувеличивали. Дайте мнѣ еще опомниться, тогда подумаю, какъ бы побывать у васъ. Вы же, по старой, хорошей привычкѣ, пожалуйста, какъ это вамъ ни трудно, не проѣзжайте въ Москву, не заѣхавъ. Урожай у насъ былъ средній, но цѣны на работу огромныя, такъ что въ концѣ только сойдутся концы. Я два мѣсяца не пачкалъ рукъ чернилами и сердца мыслями; Какъ о многомъ и многомъ хочется съ вами переговорить, но писать не умѣю! Надо пожить, какъ мы жили въ Самарской здоровой глуши, видѣть эту совершающуюся на глазахъ борьбу кочевого быта (милліоновъ на громадныхъ пространствахъ) съ земледѣльческимъ первобытнымъ, чувствовать всю значительность этой борьбы, чтобы убѣдиться въ томъ, что разрушителей общественнаго порядка, если не одинъ, то не болѣе трехъ скоро бѣгающихъ и громко кричащихъ, что это болѣзнь паразита живого дуба, и что дубу до нихъ нѣтъ дѣла. Что это не дымъ, а тѣнь, бѣгущая отъ дыма.

„Къ чему занесла меня судьба туда (въ Самару)—не знаю, я слушалъ рѣчи въ англійскомъ парламентѣ (вѣдь это считается очень важнымъ), и мнѣ скучно и ничтожно было; но что тамъ — мухи, нечистота, мужики, башкирцы, а я съ напряженнымъ уваженіемъ, страхомъ, вслу-

шиваюсь, вглядываюсь и чувствую, что все это очень важно“ [1]).

Дальнѣйшія поѣздки въ Самарскую губернію мы относимъ уже къ слѣдующему періоду жизни Л. Н—ча, когда душа его уже была тронута начинающимся религіознымъ кризисомъ, клавшимъ на всѣ его дѣйствія особый серьезный отпечатокъ.

---

[1]) А. Фетъ. „Мои воспоминанія“, т. II, стр. 309.

ЧАСТЬ III.

Періодъ „Анны Карениной“.

ГЛАВА IX.

Происхожденіе „Анны Карениной“ и предшествовавшіе литературные опыты.

Увлеченный жизненнымъ дѣломъ народной школы, системами обученія, азбукой, семинаріями и другими педагогическими опытами въ 70-хъ годахъ, послѣ окончанія „Войны и мира“, Л. Н—чъ часто ощущалъ потребность художественнаго творчества. Нравственная отвѣтственность передъ народомъ, всегда стоявшая передъ Л. Н—чемъ, стремленіе облегчить ему путь истиннаго самобытнаго прогресса, всѣ эти чувства заглушали въ немъ творческую потребность, отдаляли ея удовлетвореніе и накопляли творческую энергію, которая то тамъ, то сямъ просачивалась черезъ эту нравственную плотину.

И въ его современныхъ письмахъ мы встрѣчаемъ указанія на это. Такъ, въ письмѣ къ Фету осенью 1870 года Л. Н—чъ между прочимъ пишетъ:

„Я охочусь, но уже сокъ начинаетъ капать, и я подставляю сосуды. Скверный ли, хорошій ли сокъ, все равно, а весело выпускать его по длиннымъ, чудеснымъ осеннимъ вечерамъ“.

Сперва онъ пробуетъ драматическую форму. Еще весной того же года онъ писалъ Фету:

„Многое, очень многое хочется вамъ сообщить. Я очень много читалъ Шекспира, Гёте, Пушкина, Гоголя, Мольера, и обо всемъ этомъ многое хочется вамъ сказать“.

Подробнѣе и яснѣе онъ выражаетъ свое намѣреніе въ слѣдующемъ письмѣ:

„Вы мнѣ хотите прочесть повѣсть изъ кавалерійскаго быта. Я жду отъ этого добра, если только просто, безъ замысла положеній и характеровъ. А я ничего прочесть вамъ не хочу и ничего не пишу. Но поговорить о Шекспирѣ, о Гёте и вообще о драмѣ очень хочется. Цѣлую нынѣшнюю зиму я занятъ только драмой вообще. И какъ это всегда случается съ людьми, которые до сорока лѣтъ никогда не думали о какомъ-нибудь предметѣ, не составили себѣ о немъ никакого понятія, вдругъ съ сорокалѣтнею ясностью обратятъ вниманіе на новый ненанюханный предметъ, имъ всегда кажется, что они видятъ въ немъ много новаго. Всю зиму наслаждаюсь тѣмъ, что лежу, засыпаю, играю въ безикъ, хожу на лыжахъ, на конькахъ бѣгаю и больше всего лежу въ постели (больной), и лица драмы или комедіи начинаютъ дѣйствовать. И очень хорошо представляютъ. Вотъ про это-то мнѣ съ вами и хочется поговорить. Вы въ этомъ, какъ и во всемъ, классикъ и понимаете сущность дѣла очень глубоко. Хотѣлось бы мнѣ тоже почитать Софокла и Эврипида“ [1]).

Льву Николаевичу хотѣлось создать историческое произведеніе, и, приступая къ осуществленію этого намѣренія, онъ остановился на петровской эпохѣ. Имъ написано было нѣсколько началъ,—одно изъ нихъ изображало собраніе стрѣльцовъ. Къ сожалѣнію, этимъ и ограничился его драматическій опытъ. Одной изъ причинъ прекращенія этого дѣла былъ недостатокъ въ источникахъ.

Но петровская эпоха все болѣе и болѣе заинтересовывала его. И въ 72 году, освободившись отъ Азбуки, онъ принимается за большой романъ. По многимъ письмамъ къ роднымъ и друзьямъ мы видимъ, съ какимъ увлеченіемъ онъ работалъ.

Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ писемъ:

---

[1]) А. Фетъ. „Мои воспоминанія“, т. II, стр. 213.

Въ февралѣ 1872 г. онъ между прочимъ пишетъ Фету:

„Я кончилъ свои азбуки, печатаю и принимаюсь за задушевное сочиненіе, которое не только въ письмѣ, но и на словахъ едва ли разскажу, несмотря на то, что вы—тотъ, кому можно разсказать“ [1]).

Съ осени онъ принимается за это дѣло серьезно.

19 ноября 1872 года графиня С. А. пишетъ своему брату:

„...А теперь у насъ очень, очень серьезная жизнь. Весь день въ занятіяхъ, Левочка сидитъ обложенный кучею книгъ, портретовъ, картинъ и нахмуренный читаетъ, дѣлаетъ отмѣтки, записываетъ. По вечерамъ, когда дѣти ложатся спать, разсказываетъ мнѣ свои планы и то, что хочетъ писать, иногда разочаровывается, приходитъ въ грустное отчаяніе и думаетъ, что ничего не выйдетъ, иногда совсѣмъ близокъ къ тому, чтобы работать съ большимъ увлеченіемъ, но до сихъ поръ еще нельзя сказать, что бы онъ написалъ, а только готовится. Выбралъ онъ время Петра Великаго“...

Въ слѣдующемъ письмѣ къ брату въ декабрѣ графиня пишетъ:

„Левочка все читаетъ историческія книги изъ временъ Петра Великаго и очень интересуется. Записываетъ разные характера, черты, бытъ народа и бояръ, дѣятельность Петра и пр. Самъ онъ не знаетъ, что будетъ изъ его работы, но мнѣ кажется, что онъ напишетъ опять подобную „Войнѣ и миру“ поэму въ прозѣ, но изъ временъ Петра Великаго“ [2]).

Самъ Л. Н—чъ около этого времени пишетъ Страхову:

12 декабря. „До сихъ поръ не работаю. Обложился книгами о Петрѣ I и его времени, читаю, отмѣчаю, порываюсь писать и не могу. Но что за эпоха для художника! На что ни взглянешь, все задача, загадка, разгадка которой только и возможна поэзіей. Весь узелъ русской жизни сидитъ тутъ. Мнѣ даже кажется, что ничего не выйдетъ изъ моихъ приготовленій. Слишкомъ ужъ долго я примѣриваюсь

---

[1]) А. Фетъ. „Мои воспоминанія“, т. II, стр. 247.

[2]) С. Берсъ. „Воспоминанія“.

и слишкомъ волнуюсь. Я не огорчусь, если ничего не выйдетъ“ [1]).

Въ этой эпохѣ Л. Н—ча особенно интересовалъ типъ Меньшикова, выходца изъ народа. Онъ долженъ былъ стать однимъ изъ героевъ романа.

Всю зиму Левъ Николаевичъ проработалъ надъ этой эпохой. Изъ письма графини С. А. мы видимъ, что много этой подготовительной работы уже было закончено.

Въ мартѣ 1893 года С. А. пишетъ сестрѣ о работѣ Льва Николаевича:

„...А всѣ лица изъ временъ Петра Великаго у него готовы, одѣты, наряжены, посажены на своихъ мѣстахъ, но еще не дышатъ. Я это ему вчера сказала, и онъ согласился, что правда. Можетъ-быть, и они задвигаются и начнутъ жить, но еще не теперь“ [2]).

Записная книжка Л. Н—ча того времени заполнена всевозможными замѣтками, касающимися этой эпохи, набросками, планами. Мы приводимъ нѣкоторые изъ нихъ, представляющіе цѣнный матеріалъ для исторіи и психологіи творчества.

Вотъ набросокъ весенней картинки природы:

„*Весна.* Вечеръ. Низкія, темныя, сплошныя, разорванныя на зарѣ тучи. Тихо, глухо, сыро, темно, пахуче, лиловатый оттѣнокъ... Скотина лохматая, изъ-подъ зимнихъ лохмотьевъ свѣтятся полянки перелинявшихъ мѣстъ...

„Листъ на березѣ во весь ростъ, какъ платочекъ мягкій. Голубые пригорки незабудокъ, желтыя поля свербигуса... Пчела сѣро-черная гудитъ и вьется и впивается. Лопухи, крапива, рожь въ трубкѣ, лѣзетъ по часамъ. Примрозы желтые. На острыхъ травкахъ, на кончикахъ, радуги въ росѣ. Пашутъ подъ гречу. Черно, странно. Бабы тренькаютъ пеньку и стелютъ сѣрые холсты. Пѣсни соловьевъ, кукушки и бабъ по вечерамъ. Дороги не накатаны еще...

„...Дорогъ нѣтъ—травы на низахъ шелкомъ. Чибисы. Шумъ

---

[1]) Архивъ В. Г. Черткова.

[2]) Архивъ Т. А. Кузминской.

ручьевъ. Птицы. Бабы, мальчишки босикомъ—ноги бѣлыя. Заходитъ Оріонъ и Сиріусъ".

Начало лѣта (іюнь).

„Синева—паритъ—грозы. Побѣги на деревьяхъ, росы. Цвѣты—вездѣ. Желтыя поля свербигуса, голубыя—незабудокъ. Птица—соловьи. Народъ, пѣсни. Волнуется рожь, начала только. Ягоды—грибы. Сѣно прѣетъ. Гречиха лопается. Навозъ пахнетъ. Дороги накатаны въ поля. Въ лѣсу тѣснота. Гулъ пчелъ. Рои бѣгутъ. Липа отяжелѣла отъ цвѣта. Шиповникъ. Нивы, луга стоятъ, сѣрые отъ метелки, нескошенные".

Конецъ лѣта (августъ).

„Дороги накатаны хлѣбомъ. Позднее сѣно на рядахъ, духи болотные. Синева вдали. Ночи темныя, звѣздныя. Птицъ нѣтъ — тишина. Бѣлые грибы. На репьяхъ пчелы. Плодъ на липѣ. Запахъ яблока. Дымъ густой, пахучій. Густота и тяжесть въ немъ. Скирды не докладенные на гумнахъ. Вода стальная и тихая, густая. Запахъ льна, конопли, огородовъ. Красные клоки въ листвѣ. Объѣдки огурцовъ. Женщины въ пышныхъ рубахахъ, черно-загорѣлыя, безъ паневъ. Жизни въ избѣ нѣтъ. Поужинали и въ ночное..."

А вотъ интересная замѣтка психологическая, черновая работа по изображенію характеровъ:

15 января 1872 года.

Главные характеры.

1. *Большой умъ*—хорошая машина.

2. *Глупъ*—дурная машина.

3. *Большая энергія*, влекущая къ открытію тайнъ и къ наслажденію.

4. *Апатія*—ничего не нужно.

Затѣмъ слѣдуютъ сложные типы, комбинирующіе въ себѣ четыре первые элемента.

5. При равенствѣ перваго и третьяго (1=3) совершенство—Сократъ.

6. При равенствѣ второго и четвертаго (2=4)—тоже со-

вершенство (т.-е. гармонія, удовлетвореніе) — типъ *юродивый.*

7. Преобладаніе перваго надъ третьимъ (1>3), но присутствіе обоихъ—типы: *Меньшиковъ*, *Наполеонъ.*

8. Преобладаніе третьяго надъ первымъ (1<3)—типы: *Апол. Григорьевъ* (критикъ), *Ѳ. Толстой* (художникъ).

9. Присутствіе перваго и четвертаго съ преобладаніемъ перваго надъ четвертымъ (1>4), т.-е. умъ безъ энергіи, типъ: *Дмитрій Ростовскій.*

А вотъ интересная выписка изъ свидѣтельства современниковъ иностранцевъ, характеристика Петра I-го.

C'est un homme, d'un tempérament violent, qui prend aisèment feu et qui est brutal dans sa colère. Il augmente son ardeur naturelle en buvant beaucoup l'eau de vie. Il est sujet à des mouvements convulsifs par tout son corps et sa tête paraît en être affectèe. Il ne manque pas de capacité et il a plus de connaissance, qu'on ne pourrait en attendre. Il paraît être destiné plutôt à être charpantier, que grand Prince. Il travaillait beaucoup lui même et obligeait les autres. Il me dit, qu'il voulait établir une grande flotte à Azoff et s'en servir contre les Turcs. Mais il ne me paraît pas capable d'une telle entreprise, quoique plus tard...

Il entend peu ce qui concerne la guerre et a peu de curiosité à ce sujet [1]).

---

[1]) (Это человѣкъ буйнаго темперамента, легко горячится и бываетъ грубъ въ своемъ гнѣвѣ. Свою естественную горячность онъ усиливаетъ еще большимъ количествомъ водки. Онъ подверженъ судорогамъ по всему тѣлу и даже въ головѣ. Онъ не лишенъ способностей и большимъ количествомъ знаній, чѣмъ это можно предположить. Кажется, онъ болѣе предназначенъ быть плотникомъ, нежели правителемъ. Онъ много работалъ и заставлялъ другихъ. Онъ сказалъ мнѣ, что онъ хотѣлъ основать большой флотъ въ Азовѣ, чтобы имъ дѣйствовать противъ турокъ. Но мнѣ кажется, онъ не способенъ на такое предпріятіе, хотя впослѣдствіи...

Онъ мало понимаетъ въ военномъ дѣлѣ и мало любопытенъ въ этомъ).

Арх. Л. Н. Толстого.

Приводимъ здѣсь также для болѣе полной характеристики работъ Л. Н—ча списокъ источниковъ, которыми онъ пользовался для этого романа:

Голиковъ, Гордонъ, Устряловъ, Пекарскій, Посошковъ, Бантышъ-Каменскій, Олеаръ, Кабсонъ, Ровинскій, Бюрнетъ, Гопсенъ, Крейчъ, Адлерфельдъ, Забѣлинъ, Долгоруковъ, Поповъ, Склабовскій, Ушаковъ, Ямовскій. Эти имена попадаются нерѣдко въ замѣткахъ его записныхъ книжекъ.

Всѣ эти матеріалы показываютъ намъ, какъ широка глубока была задуманная имъ работа.

Тѣмъ съ бо́льшимъ сожалѣніемъ узнаемъ мы, что этому произведенію не суждено было увидѣть свѣтъ.

Л. Н—чъ написалъ нѣсколько началъ, но всѣми былъ недоволенъ и принужденъ былъ наконецъ оставить эту работу.

Онъ говорилъ: „Никакъ не могу живо возстановить въ своемъ воображеніи эту эпоху, встрѣчаю затрудненія въ незнаніи быта мелочей, въ обстановкѣ, и это тормозитъ мою работу“.

С. А. Берсъ, гостившій въ это время въ Ясной Полянѣ, такъ разсказываетъ о причинахъ оставленія Л. Н—чемъ этой работы:

„Лѣтомъ 1873 года Левъ Николаевичъ прекратилъ изученіе этой эпохи. Онъ говорилъ, что мнѣніе его о личности Петра діаметрально противоположно общему, и вся эта эпоха сдѣлалась ему несимпатична. Онъ утверждалъ, что личность и дѣятельность Петра I не только не заключаетъ въ себѣ ничего великаго, а напротивъ того, всѣ качества его были дурныя. Всѣ такъ называемыя реформы его отнюдь не преслѣдовали государственной пользы, а клонились къ личнымъ его выгодамъ. Вслѣдствіе нерасположенія къ нему сословія бояръ за его нововведенія онъ основалъ городъ Петербургъ только для того, чтобы удалиться и быть свободнѣе въ своей безнравственной жизни. Сословіе бояръ имѣло тогда большое значеніе и, слѣдовательно, было для него опасно. Нововведенія и реформы почерпались изъ Са-

ксоніи, гдѣ законы были самые жестокіе того времени, а свобода нравовъ процвѣтала въ высшей степени, что особенно нравилось Петру I. Этимъ объяснялъ Левъ Николаевичъ и дружбу Петра I съ курфирстомъ саксонскимъ, принадлежавшимъ къ самымъ безнравственнымъ личностямъ изъ числа коронованныхъ особъ того времени. Близость съ пирожникомъ Меньшиковымъ и бѣглымъ швейцарцемъ Лефортомъ онъ объяснялъ презрительнымъ отвращеніемъ къ Петру I всѣхъ бояръ, среди которыхъ онъ не могъ найти себѣ друзей и товарищей для разгульной жизни. Но болѣе всего онъ возмущался гибелью царевича Алексѣя" [1]).

Изученіе петровской эпохи невольно перенесло вниманіе Л. Н—ча и на послѣдующія событія правленія разныхъ императрицъ и ихъ временщиковъ, и Л. Н—чъ задумалъ было писать романъ „Мировичъ". Но намѣреніе это осталось безъ исполненія. Неудовлетвореніе въ изученіи матеріаловъ петровской эпохи вызвало въ Л. Н—чѣ потребность иного приложенія своихъ творческихъ силъ. Вѣроятно, одновременно съ планомъ художественно-исторической работы въ немъ возникалъ и сюжетъ бытовой. Легкаго повода было достаточно, чтобы новая работа увлекла его. Вотъ какъ разсказываютъ объ этомъ близкіе Л. Н—чу люди:

Въ 73-мъ году, тихо слабѣя, кончала свой вѣкъ любимая тетушка Л. Н—ча, Татьяна Александровна Ергольская. Она лежала въ своей комнатѣ на диванѣ, и старшій сынъ Л. Н—ча, 10-тилѣтній Сергѣй, читалъ ей вслухъ повѣсти Пушкина. Софья Андреевна сидѣла тутъ же съ работой. Старушка задремала, и чтеніе остановилось. Книга Пушкина лежала на столѣ, открытая на той страницѣ, гдѣ начинается разсказъ „Отрывокъ". Въ это время вошелъ въ комнату Левъ Николаевичъ. Увидавъ книгу, онъ взялъ ее и прочелъ начало „Отрывка": *Гости съѣхались на дачу.*

---

[1]) С. А. Берсъ „Воспоминанія".

„Вотъ какъ надо начинать, сказалъ вслухъ Л. Н—чъ. Пушкинъ нашъ учитель. Это сразу вводитъ читателя въ интересъ самаго дѣйствія. Другой бы сталъ описывать гостей, комнаты, а Пушкинъ прямо приступаетъ къ дѣлу“.

Кто-то изъ присутствующихъ шутя предложилъ Льву Николаевичу воспользоваться этимъ началомъ и написать романъ.

Л. Н—чъ удалился въ свою комнату и тутъ же набросалъ начало романа „Анны Карениной“, которая въ первомъ варіантѣ начиналась такъ: „Все смѣшалось въ домѣ Облонскихъ“, и потомъ уже Л. Н—чъ приставилъ дѣйствительное начало романа, фразу, выражающую подмѣченный имъ психологическій законъ: „Всѣ счастливыя семьи похожи другъ на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему“.

Это произошло 19 марта 1873 года.

На другой день гр. С. А. писала своей сестрѣ:

„Вчера Левочка вдругъ началъ неожиданно писать романъ изъ современной жизни. Сюжетъ романа—невѣрная жена и вся драма, происшедшая отъ этого. Я этому рада“.

Трагическая развязка романа, самоубійство Анны имѣло своимъ прототипомъ истинное происшествіе.

Гр. С. А. въ письмѣ къ сестрѣ отъ 18-го января 1872 года такъ описываетъ его:

„...Еще у насъ тутъ въ Ясенкахъ случилась драматическая исторія. Ты помнишь у Бибикова Анну Степановну? Ну, вотъ эта А. Ст. ревновала къ Бибикову всѣхъ гувернантокъ. Наконецъ, къ послѣдней она такъ ревновала, что Алекс. Никол. разсердился и поссорился съ ней, слѣдствіемъ чего было то, что Анна Степановна уѣхала отъ него въ Тулу совсѣмъ. Три дня она пропадала; наконецъ въ Ясенкахъ, на третій день, въ 5 часовъ вечера, она явилась на станцію съ узелочкомъ. Тутъ она дала ямщику письмо къ Бибикову, просила его свезть и дала ему 1 руб. Письма Бибиковъ не принялъ, а когда ямщикъ вернулся опять на станцію,

онъ узналъ, что Анна Степановна бросилась подъ вагоны, и ее раздавилъ поѣздъ до смерти. Конечно, она это сдѣлала нарочно. Пріѣзжали слѣдователи и проч. и письмо это читали. Въ письмѣ было написано: „Вы—мой убійца; будьте счастливы съ ней, если убійцы могутъ быть счастливы. Если хотите меня видѣть, вы можете увидать мое тѣло на рельсахъ въ Ясенкахъ"... Левочка съ дядей К. ѣздили смотрѣть, какъ ее анатомировали. Случилось это около Крещенья" [1]).

Рядомъ съ романомъ Анны и Вронскаго, идущимъ по закону „Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ", контрастомъ ему служитъ идиллическій романъ Китти и Левина, въ который Л. Н—чъ вложилъ много автобіографическаго, и многія лица списаны съ натуры, начиная съ Агаѳьи Михайловны, дѣйствительно существовавшей подъ этимъ именемъ и только нѣсколько лѣтъ тому назадъ умершей въ Ясной Полянѣ, и кончая самимъ Левинымъ, психологическій типъ котораго изображаетъ намъ самого автора, со всею его оригинальностью въ мысляхъ, чувствахъ и дѣйствіяхъ, а главное, съ его душевной борьбой и исканіемъ правды въ народной вѣрѣ.

Типъ Анны по внѣшности напоминаетъ госпожу Гартунгъ, дочь Пушкина; въ больной баронессѣ и Варенькѣ можно узнать одну княгиню Голицыну съ ея воспитанницей Катенькой. Также и другія лица, какъ Облонскій, Кознышевъ и т. д., заключаютъ въ себѣ много чертъ, присущихъ родственникамъ и знакомымъ Л. Н—ча.

Въ описаніи брата Левина, Николая, особенно въ описаніи его смерти, можно легко узнать брата Л. Н—ча Дмитрія [2]).

Многіе мелкіе эпизоды, какъ, напр., разсказъ Вронскаго въ театрѣ о шалостяхъ гвардейскихъ офицеровъ, гнавшихся за одной дамой, также списаны съ натуры.

Наконецъ, весной 1874 года Л. Н—чъ повезъ начало сво-

---

[1]) Архивъ Т. А. Кузминской.

[2]) См. „Біографія. Л. Н. Толстого", томъ I, стр. 290.

его романа печатать въ Москву, въ редакцію „Русскаго Вѣстника“.

Вѣроятно, Л. Н—чъ еще много поправлялъ въ корректурѣ, такъ какъ романъ началъ печататься только съ января 1875 года. Онъ печатался въ четыре пріема, въ началѣ 75, 76 и 77 годовъ (въ первыхъ четырехъ книжкахъ каждаго года), и затѣмъ 8-я часть съ эпилогомъ вышла прямо отдѣльнымъ изданіемъ.

Такіе большіе перерывы происходили отъ многихъ причинъ. Во-первыхъ, Л. Н—чъ очень рѣдко могъ работать лѣтомъ, а то, что онъ заготовлялъ за рабочую пору осени, только и хватало на четыре книги журнала. Во-вторыхъ, какъ разъ во время печатанія „Анны Карениной“ въ 1874-мъ и 1875 годахъ, семью Толстыхъ постигъ цѣлый рядъ тяжелыхъ страданій, смерть близкихъ людей, какъ мы это увидимъ ниже; и наконецъ, въ-третьихъ, потому, что отъ писанія романа Л. Н—ча отвлекали педагогическія занятія, какъ мы видѣли выше.

Съ конца 76 года писанье пошло быстрѣе. Графиня пишетъ сестрѣ въ началѣ декабря 1876 года:

„Анну Каренину“ мы пишемъ наконецъ-то по настоящему, т.-е. не прерываясь. Левочка, оживленный и сосредоточенный, всякій день прибавляетъ по цѣлой главѣ, я усиленно переписываю, и теперь даже подъ этимъ письмомъ лежатъ листки новой главы, которую онъ вчера написалъ. Катковъ телеграфировалъ третьягодня, умоляя прислать нѣсколько главъ для декабрьской книжки, и Левочка самъ на-дняхъ повезетъ въ Москву свой романъ. Я думаю, что теперь въ декабрѣ напечатаютъ, и потомъ пойдетъ такъ далѣе, пока кончится все“ [1]).

При печатаніи же эпилога вышло печальное, или, вѣрнѣе, счастливое недоразумѣніе между Л. Н—чемъ и Катковымъ, которое и завершилось ихъ разрывомъ.

---

[1]) Архивъ Т. А. Кузминской.

Въ послѣдней части, какъ извѣстно, Толстой, кромѣ изображенія внутренняго переворота, совершившагося въ Левинѣ, разсказываетъ еще о дальнѣйшей судьбѣ несчастнаго Вронскаго, въ отчаяніи отправившагося добровольцемъ въ Сербію съ цѣлымъ отрядомъ кавалеріи, сформированнымъ на его счетъ. Въ глазахъ тогдашняго общества это былъ геройскій, благородный поступокъ. Но въ романѣ Л. Н—ча Левинъ, главный герой, относится съ осужденіемъ къ этому добровольческому движенію и даже съ нѣкоторой насмѣшкой, въ которой выражается взглядъ Толстого на добровольческое движеніе какъ на одно изъ постоянно смѣняющихся модныхъ увлеченій празднаго, такъ называемаго, высшаго общества.

Катковъ, редакторъ „Русскаго Вѣстника“ и „Московскихъ Вѣдомостей“, напротивъ, всѣми имѣвшимися въ его рукахъ средствами раздувалъ это движеніе и старался втянуть Россію въ войну съ Турціей.

На этой почвѣ у Толстого произошло столкновеніе съ Катковымъ, и они окончательно разошлись.

22 мая 1877 г. Л. Н—чъ писалъ Страхову:

„Нынче получилъ ваше второе неотвѣченное письмо и устыдился. Я мѣшкалъ писать вамъ и потому, что былъ занятъ писаньемъ, и главное потому, что не хотѣлось ничего говорить вамъ, пока вы не прочитаете послѣднюю часть. Она набрана давно и два раза уже была мною поправлена и на-дняхъ мнѣ ее пришлютъ для окончательнаго просмотра. Но я боюсь, что она все-таки не выйдетъ скоро. И объ этомъ хочу съ вами посовѣтоваться и просить вашей помощи. Оказывается, что Катковъ не раздѣляетъ моихъ взглядовъ, что и не можетъ быть иначе, такъ какъ я осуждаю именно такихъ людей, какъ онъ, и, мямля, учтиво прося смягчить то, выпустить это, ужасно мнѣ надоѣлъ, и я имъ уже заявилъ, что если они не напечатаютъ въ такомъ видѣ, какъ я хочу, то вовсе не напечатаю у нихъ, и такъ и сдѣлаю; но хотя и удобнѣе всего было бы напечатать брошю-

рой и продавать отдѣльно, неудобство въ томъ, что надо пропустить сквозь цензуру. Какъ вы посовѣтуете, отдѣльно съ цензурой или въ какой-нибудь безцензурный журналъ—„Вѣстникъ Европы“, „Нива“, „Странникъ“, мнѣ все равно, только бы хотѣлось напечатать какъ можно скорѣе и не разговаривать про смягченія и выпущенія. Но, пожалуйста, посовѣтуйте и помогите. Можетъ-быть, я еще улажусь съ Катковымъ, но очень бы хотѣлось узнать, что дѣлать въ случаѣ несогласія“ [1]).

Слѣдуя совѣту Н. Н. Страхова, Л. Н—чъ рѣшилъ выпустить 8-ю часть отдѣльной брошюрой, такъ какъ съ Катковымъ у него дѣло окончательно разладилось.

Редакція же „Русскаго Вѣстника“ вмѣсто откровеннаго заявленія о томъ, что вслѣдствіе разницы ея взглядовъ и взглядовъ автора, выраженныхъ въ 8-й части романа, эта часть не можетъ появиться въ журналѣ, напечатала слѣдующую краткую замѣтку, воспользовавшись тѣмъ, что рукопись побывала въ редакціи, и этою замѣткою постаралась удовлетворить своихъ недоумѣвавшихъ подписчиковъ.

Вотъ эта замѣтка, появившаяся въ майской книжкѣ 1877 г. „Русскаго Вѣстника“:

Отъ редакціи. „Въ предыдущей книжкѣ, подъ романомъ „Анна Каренина“ выставлено: „окончаніе слѣдуетъ“. Но со смертью героини, собственно, романъ кончился. По плану автора слѣдовалъ бы еще небольшой эпилогъ, листа въ два, изъ коего читатели могли бы узнать, что Вронскій, въ смущеніи и горѣ послѣ смерти Анны, отправляется добровольцемъ въ Сербію и что всѣ прочіе живы и здоровы, а Левинъ остается въ своей деревнѣ и сердится на славянскіе комитеты и на добровольцевъ. Авторъ, быть-можетъ, разовьетъ эти главы къ особому изданію своего романа“.

Принимая во вниманіе издательскіе нравы, этотъ поступокъ, конечно, нельзя назвать корректнымъ, почему онъ и

---

[1]) Архивъ В. Г. Черткова.

вызвалъ справедливое возмущеніе какъ самого Л. Н—ча, такъ и близкихъ ему людей.

Появленіе „Анны Карениной“ можно считать крупнымъ литературно-общественнымъ событіемъ, и мы надѣемся показать его значеніе и отношеніе къ нему общества, сдѣлавъ краткій обзоръ болѣе выдающихся критическихъ отзывовъ, что и составляетъ предметъ слѣдующей главы.

ГЛАВА X.

Обзоръ критической литературы объ „Аннѣ Карениной“.

Слѣдуя порядку, принятому нами при обозрѣніи критической литературы о „Войнѣ и мирѣ“, мы] разсмотримъ сначала отзывы друзей Л. Н—ча, которымъ, собственно говоря, онъ только и придавалъ значеніе. Такими литературными друзьями его въ это время были Фетъ и Страховъ. Хотя самыхъ отзывовъ друзей мы не можемъ привести за неимѣніемъ ихъ, но характеръ ихъ виденъ изъ отвѣтныхъ писемъ Л. Н—ча, находящихся въ нашемъ распоряженіи.

Фетъ, вѣроятно, еще въ корректурѣ въ редакціи „Русскаго Вѣстника“ прочелъ начало „Анны Карениной“ и сообщилъ свое мнѣніе Л. Н—чу, который отвѣчалъ ему такъ въ мартѣ 1874 года:

„Вы хвалите „Каренину“, мнѣ это очень пріятно, да и какъ я слышу, ее хвалятъ; но навѣрно никогда не было писателя, столь равнодушнаго къ своему успѣху, какъ я. Съ одной стороны, школьныя дѣла, съ другой—странное дѣло—сюжетъ новаго писанья, овладѣвшій мною именно въ самое тяжелое время болѣзни ребенка, и самая эта болѣзнь и смерть...“ [1])

---

[1]) А. Фетъ. „Мои воспоминанія“. II томъ, стр. 289.

Мы полагаемъ, что Л. Н—чъ совершенно искренно писалъ эти слова, т.-е. что онъ, дѣйствительно, мало придавалъ значенія этому произведенію, и мы вернемся еще къ этому вопросу при общей оцѣнкѣ „Анны Карениной“.

По выходѣ всей „Анны Карениной“, въ 1877 году, Фетъ написалъ критическую статью подъ псевдонимомъ Болгова и послалъ ее Л. Н—чу, которому она очень понравилась. Вотъ что пишетъ Л. Н—чъ Фету объ этой статьѣ 2-го сентября того же года:

„Какъ мало на свѣтѣ настоящихъ умныхъ людей, дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ! Появился было г-нъ Болговъ, и какъ я обрадовался ему, но и тотъ тотчасъ же обратился въ васъ. Можно не узнать произведеніе ума, къ которому равнодушенъ, но произведеніе ума любимаго, выдающее себя за чужое, такъ же смѣшно и странно видѣть, какъ если бы я пріѣхалъ къ вамъ судиться и, глядя на васъ во всѣ глаза, увѣрялъ бы, что я адвокатъ Петровъ. Не могу хвалить вашей статьи, потому что она хвалитъ меня, но я вполнѣ согласенъ съ нею, и мнѣ радостно было читать анализъ своихъ мыслей, при которомъ всѣ мои мысли, взгляды, сочувствія, затаенныя стремленія поняты вѣрно и поставлены всѣ на настоящее мѣсто. Мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы она была напечатана, хотя я, обращая къ вамъ то, что вы говорили мнѣ, знаю, что почти никто не пойметъ ея“ [1]).

Н. Н. Страховъ послѣ каждаго выхода частей „Анны Карениной“, прочитавъ ихъ, писалъ Л. Н—чу свое впечатлѣніе, которое Л. Н—чъ очень цѣнилъ. По этому поводу возникла между ними цѣлая переписка. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ писемъ Страхова, но изъ писемъ Л. Н—ча мы можемъ привести нѣкоторыя, наиболѣе интересныя.

Въ письмѣ отъ 9-го апрѣля 1876 г. Л. Н—чъ высказываетъ свое отношеніе къ критикѣ вообще.

---

[1]) Тамъ же, стр. 332.

„Благодарю васъ, дорогой Николай Николаевичъ, за присылку Григорьева. Я прочелъ предисловіе Григорьева, но— не разсердитесь на меня — чувствую, что, посаженный въ темницу, никогда не прочту всего. Не потому, что не цѣню Григорьева, напротивъ, но критика для меня скучнѣе всего, что только есть скучнаго на свѣтѣ. Въ критикѣ искусства все правда, а искусство потому только искусство, что оно все. Я со страхомъ чувствую, что перехожу на лѣтнее состояніе: мнѣ противно то, что я написалъ, и теперь у меня лежатъ корректуры на апрѣльскую книжку и боюсь, что не буду въ силахъ поправить ихъ. Все въ нихъ скверно и все надо передѣлать, все, что напечатано, и все перемарать и бросить, и отречься, и сказать: виноватъ, впередъ не буду, и постараться написать что-нибудь новое и ужъ не такое нескладное и ни то ни семное. Вотъ, въ какое я прихожу состояніе, и это очень непріятно... И не хвалите мой романъ. Паскаль завелъ себѣ поясъ съ гвоздями, который онъ пожималъ всякій разъ, какъ чувствовалъ, что похвала его радуетъ. Мнѣ надо завести такой поясъ. — Покажите мнѣ искреннюю дружбу: или ничего не пишите про мой романъ, или напишите мнѣ только все, что въ немъ дурно. И если правда то, что я подозрѣваю, что я слабѣю, то, пожалуйста, напишите мнѣ. Мерзкая наша писательская должность—развращающая. У каждаго писателя есть своя атмосфера хвалителей, которую онъ осторожно носитъ вокругъ себя и не можетъ имѣть понятія о своемъ значеніи и о времени упадка. Мнѣ бы хотѣлось не заблуждаться и не развращаться дальше. Пожалуйста, помогите мнѣ въ этомъ. И не стѣсняйтесь только, что вы строгимъ осужденіемъ можете помѣшать дѣятельности человѣка, имѣвшаго талантъ. Гораздо лучше будетъ остановиться на „Войнѣ и мирѣ“, чѣмъ писать „Часы“ или т. п. [1])“.

Въ слѣдующемъ письмѣ Л. Н—чъ даетъ свое новое опредѣленіе искусства:

---

[1]) Архивъ В. Г. Черткова.

26-го апрѣля 1876 года. Ясная.

„У насъ съ вами раздвоилась переписка, дорогой Николай Николаевичъ, я только-что отвѣтилъ на ваше философское письмо, какъ получилъ радостный отвѣтъ на мое.— Вы пишете: такъ ли вы понимаете мой романъ и что я думаю о вашихъ сужденіяхъ; разумѣется, такъ. Разумѣется, мнѣ невыразимо радостно ваше пониманіе, но не всѣ обязаны понимать такъ, какъ вы. Можетъ-быть, вы только охотникъ до этихъ дѣловъ, какъ и я, какъ и наши тульскіе голубятники. Онъ турмана цѣнитъ очень дорого, но есть ли настоящія достоинства въ этомъ турманѣ—вопросъ. Кромѣ того, вы знаете—нашъ братъ безпрестанно безъ переходовъ прыгаетъ отъ унынія и самоуничиженія къ непомѣрной гордости. Это я къ тому говорю, что ваше сужденіе о моемъ романѣ вѣрно, но не на все, т.-е. все вѣрно, но то, что вы сказали, выражаетъ не все, что я хотѣлъ сказать. Напримѣръ, вы говорите о двухъ сортахъ людей. Это я чувствую — знаю, но этого я не имѣлъ въ виду; но когда вы говорите, я знаю, что это одна изъ правдъ, которую можно сказать. Если же бы я хотѣлъ сказать словами все то, что имѣлъ въ виду выразить романомъ, то я долженъ бы былъ написать романъ тотъ самый, который я написалъ сначала. И если критики теперь уже понимаютъ и въ фельетонѣ могутъ выразить то, что я хочу сказать, то я ихъ поздравляю и смѣло могу увѣрить qu'il en savent plus long, que moi. Очень, очень благодарю васъ. Когда я прочелъ свое унылое и смиренное письмо, я понялъ, что я, въ сущности, прошу похвалы, и вы мнѣ ее прислали. Хотя ваша похвала, я знаю, искренняя, хотя признаюсь—охотницкая—мнѣ очень дорога. То, что я сдѣлалъ ошибки въ вѣнчаніи, мнѣ очень обидно, тѣмъ болѣе, что я люблю эту главу. Боюсь, не будетъ ли тоже ошибокъ по спеціальности, которой я касаюсь въ томъ, что выйдетъ теперь, въ апрѣлѣ. Пожалуйста, напишите, если найдете или другіе найдутъ. Вы правы, что „Война и миръ“ растетъ въ моихъ глазахъ. Мнѣ странно и радостно, когда

мнѣ кто-нибудь напомнитъ изъ нея, какъ это сдѣлалъ недавно Истоминъ (онъ будетъ у васъ); но странно, я помню изъ нея очень немного мѣстъ, остальное забываю.

„И если близорукіе критики думаютъ, что я хотѣлъ описывать только то, что мнѣ нравится, какъ обѣдаетъ Облонскій и какія плечи у Карениной, то они ошибаются. Во всемъ, почти во всемъ, что я писалъ, мною руководила потребность собранія мыслей, сцѣпленныхъ между собой для выраженія себя; но каждая мысль, выраженная словами особо, теряетъ свой смыслъ, страшно понижается, когда берется одна и безъ того сцѣпленія, въ которомъ она находится. Само же сцѣпленіе составлено не мыслью (я думаю), а чѣмъ-то другимъ, и выразить основу этого сцѣпленія непосредственно словами нельзя, а можно только посредственно — словами, описывая образы, дѣйствія, положенія. Вы все это знаете лучше меня, но меня занимало это послѣднее время. Одно изъ очевиднѣйшихъ доказательствъ это было для меня самоубійство Вронскаго, которое вамъ понравилось. Этого никогда со мной такъ ясно не бывало. Глава о томъ, какъ Вронскій принялъ свою роль послѣ свиданія съ мужемъ, была у меня давно написана. Я сталъ поправлять, и совершенно для меня неожиданно, но несомнѣнно Вронскій сталъ стрѣляться. Теперь же для дальнѣйшаго оказывается, что это было органически необходимо. Такъ вотъ почему такая милая умница, какъ Григорьевъ, для меня мало интересенъ; правда, что если бы не было совсѣмъ критики, то тогда бы Григорьевъ и вы, понимающіе искусство, были бы излишни. Теперь же, правда, что когда $^{9}/_{10}$ всего печатнаго есть критика искусства, нужны люди, которые бы показывали безсмыслицу отыскиванія отдѣльныхъ мыслей въ художественномъ произведеніи и постоянно руководили бы читателей въ томъ безконечномъ лабиринтѣ сцѣпленій, въ которомъ и состоитъ сущность искусства, и по тѣмъ законамъ, которые служатъ основаніемъ этихъ сцѣпленій. Написалъ вамъ это письмо уже нѣсколько дней тому назадъ и

хотѣлъ не посылать—такъ въ немъ и выпираетъ польщенное авторское тщеславіе. Но написалъ 7 писемъ сейчасъ и надо писать вамъ новое, и рѣшился послать это. Шила въ мѣшкѣ не утаишь, и вы меня знаете насквозь.

Левъ Толстой".

Столь же интересныя мысли высказываетъ Л. Н—чъ и еще въ одномъ письмѣ и попутно жалѣетъ Тургенева, объ ослаблѣніи художественной дѣятельности котораго до него доходили слухи.

„Успѣхъ послѣдняго отрывка „Анны Карениной", признаюсь, порадовалъ меня. Я никакакъ этого не ожидалъ и, право, удивляюсь и тому, что такое обыкновенное и ничтожное нравится, и еще больше тому, что, убѣдившись, что такое ничтожное нравится, я не начинаю писать съ плеча, что попало, а дѣлаю какой-то, мнѣ самому почти непонятный, выборъ. Это я пишу искренно потому, что вамъ, и тѣмъ болѣе, что, пославъ на январскую книжку корректуры, я запнулся на февральской книжкѣ и мысленно только выбираюсь изъ этого запнутія. Тургенева я не читалъ, но искренно жалѣю, судя по всему, что слышалъ, что этотъ ключъ чистой и прекрасной воды засорился такой дрянью. Если бы онъ просто вспомнилъ какой-нибудь свой день подробно и описалъ бы его, всѣ бы пришли въ восхищеніе. Какъ ни пошло это говорить, но во всемъ въ жизни, въ особенности въ искусствѣ, нужно только одно отрицательное качество—не лгать. Въ жизни ложь гадка, но не уничтожаетъ ее гадостью, но подъ ней все-таки правда жизни потому, что чего-нибудь всегда кому-нибудь хочется, отъ чего-нибудь больно и радостно, но въ искусствѣ ложь уничтожаетъ всю связь между явленіями, порошкомъ все разсыпается [1]).

Приведемъ отзывы И. С. Тургенева. Они не вполнѣ благопріятны. Мы не можемъ причислить Тургенева къ числу

---

[1]) Архивъ В. Г. Черткова.

литературныхъ друзей Л. Н—ча, такъ какъ именно въ періодъ писанія Л. Н—чемъ „Анны Карениной“ они были очень далеки другъ отъ друга. Но тѣмъ не менѣе этотъ отзывъ носитъ интимный характеръ, мы заимствуемъ его изъ частныхъ писемъ и потому выдѣляемъ изъ общаго обзора критической литературы.

Въ письмѣ къ Суворину отъ 14-го марта 1875 года Тургеневъ между прочимъ пишетъ:

„Съ нетерпѣніемъ жду перваго выпуска вашихъ очерковъ. Портретъ Л. Н. Толстого (литературный) выйдетъ у васъ навѣрно хорошо. Талантъ изъ ряду вонъ, но въ „Аннѣ Карениной“ онъ, какъ здѣсь говорятъ, a fait fausse route, вліяніе Москвы, славянофильскаго дворянства, старыхъ православныхъ дѣвъ, собственнаго уединенія и отстутствія настоящей художественной свободы“ [1]).

Подобнымъ же образомъ онъ выражается въ письмѣ къ поэту Полонскому:

„Анна Каренина“ мнѣ не нравится, хотя попадаются истинно великолѣпныя страницы (скачка, косьба, охота). Но все это кисло, пахнетъ Москвой, ладаномъ, старой дѣвой, славянщиной, дворянщиной и т. д.“ [2]).

Въ этомъ отзывѣ сказывается недоброжелательное отношеніе Тургенева, какъ „западника“, ко всему, что имѣло связь съ „Москвой“ и въ чемъ онъ заподозрѣвалъ славянофильскія тенденціи. На самомъ дѣлѣ, Л. Н—чъ никогда не былъ славянофиломъ и часто очень отрицательно высказывался противъ славянофильства, что мы и увидимъ ниже.

Переходимъ теперь къ краткому обзору профессіональныхъ критическихъ отзывовъ объ „Аннѣ Карениной“, составляющихъ уже многотомную литературу, которую мы должны разбить на группы, чтобы быть въ состояніи оріен-

[1]) Собраніе писемъ И. С. Тургенева, стр. 257.
[2]) Тамъ же, стр. 260.

тироваться въ ней, при чемъ мы постараемся дать нѣкоторые образцы крайнихъ, характерныхъ отзывовъ, чтобы возможно было составить себѣ сужденіе о томъ впечатлѣніи, которое произвела „Анна Каренина“ на различные круги русскаго общества. Мы напомнимъ здѣсь то, что говорили про обзоръ критической литературы о „Войнѣ и мирѣ“, что цѣль наша—не критика „Анны Карениной“ и не отвѣтъ критикамъ этого произведенія, наша частная цѣль, вытекающая изъ общей біографической, — это изображеніе отношенія общества къ Л. Н—чу, сужденіе о томъ, какъ реагировало общество на фактъ такого большого значенія въ жизни Л. Н—ча, какъ написаніе имъ второго большого романа. Какъ и слѣдовало ожидать, общество отвѣтило подчеркиваніемъ тѣхъ партійныхъ, сословныхъ отношеній, которыя ничего не имѣютъ общаго какъ съ критикой вообще, такъ и съ романомъ въ особенности. Такъ, дворянская аристократическая партія обрадовалась и стала восхищаться романомъ, потому что въ немъ по преимуществу изображены лица высшаго общества. Славянофилы обрадовались тому, что, какъ говорилъ Тургеневъ, романъ „пахнетъ славянофильствомъ“. Либерально-радикальная партія именно за это и озлобилась на романъ и забросала его грязью или едва удостоила насмѣшливаго, презрительнаго отзыва. Но истинное произведеніе искусства, какимъ было и останется это замѣчательное произведеніе, конечно, отъ этого не пострадало. Однимъ изъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ для серьезной критики было то, что романъ печатался очень долго, съ большими перерывами. Критика и публика были утомлены. Критическія статьи писались послѣ выхода каждой порціи романа, дѣлались всевозможныя догадки и большею частью невѣрныя предположенія; читатели и критики иногда теряли терпѣніе и выражали это самымъ страннымъ образомъ.

Такъ, критикъ Скабичевскій („заурядный читатель“) заподозрѣлъ Л. Н—ча въ стачкѣ съ издателемъ „Русскаго Вѣст-

ника“ и пишущимъ для того, чтобы заполнить чѣмъ-нибудь его журналъ и получить побольше гонорара [1]).

Тѣмъ не менѣе интересъ, возбужденный въ обществѣ этимъ романомъ, былъ огромный. Говорятъ, что московскія дамы засылали своихъ агентовъ въ университетскую типографію, гдѣ печатался романъ, чтобы вывѣдать у наборщиковъ о дальнѣйшей судьбѣ героевъ романа.

Какъ и въ главѣ о „Войнѣ и мирѣ“, мы ограничимся современными роману критиками.

Къ числу положительныхъ критиковъ „Анны Карениной“ мы относимъ, во-первыхъ, Соловьева, писавшаго въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ того времени фельетоны за подпосью „Sine ira“, котораго поражаетъ художественная простота этого произведенія.

Затѣмъ В. В. Чуйко въ „Голосѣ“ дѣлаетъ удачное сравненіе таланта Л. Н. Толстого съ талантомъ Стендаля (Бейля). Вотъ это сравненіе:

„Въ этомъ отношеніи онъ можетъ быть сравниваемъ только съ другимъ великимъ психолого-беллетристомъ—Генрихомъ Бейлемъ (Стендалемъ). Предметъ ихъ изслѣдованія одинъ и тотъ же, оба они одинаково глубоко заглядываютъ въ тайники души, оба одинаково оригинальны, до такой степени оригинальны, что кажутся эксцентричны и парадоксальны, оба не любятъ протоптанныхъ дорожекъ въ искусствѣ, оба открываютъ новыя области художественнаго анализа, у обоихъ, кромѣ таланта, громадная теоретическая подкладка систематическаго знанія, и потому-то оба они такъ мало похожи на большинство беллетристовъ нашего времени, которые до сихъ поръ не могутъ порѣшить съ рутинными пріемами и рутинными взглядами. У Бейля теорія и точное знаніе перевѣшивали надъ творчествомъ, у графа же Толстого, наоборотъ, и что бы тамъ ни говорили, онъ не столько мыслитель, сколько художникъ, у него на первомъ планѣ творчество,

---

[1]) Зелинскій, ч. 8-я, стр. 225.

какъ и у Достоевскаго, но творчество сдержанное въ предѣлахъ всегда присутствующею строго мыслью, нерасплывающееся въ неясныхъ образахъ и болѣзненныхъ влеченіяхъ. Творчество Бейля—чисто теоретическое, искусственное; изъ одного первичнаго психологическаго предрасположенія онъ строитъ весь характеръ, и если этотъ характеръ кажется живымъ, то только благодаря необыкновенной логикѣ, съ которою Бейль развиваетъ послѣдовательно изъ этого одного общаго предрасположенія всѣ неизбѣжности, опредѣляемыя жизнью и положеніемъ. У гр. Л. Толстого на первомъ планѣ жизнь и люди, онъ любитъ эту жизнь и этихъ людей со всею страстью и впечатлительностью художника, его творчество—не теоретическій процессъ, а сама жизнь, какъ она отражается въ его мысли. Но никогда мысль не дремлетъ, и потому, нѣтъ-нѣтъ и вдругъ встрѣчается коротенькая, кажется, пустая фраза, которая освѣщаетъ характеръ съ совершенно новой стороны, указываетъ на такую психологическую особенность, которая могла бы быть подмѣчена только теоретическою мыслью. Въ этомъ графъ Л. Толстой — неподражаемый мастеръ, и даже европейскіе литераторы мало могутъ представить дѣйствительно великихъ художниковъ, которые равнялись бы ему въ этомъ отношеніи“ [1]).

Этотъ критическій отзывъ интересенъ тѣмъ, что критикъ призналъ родственность таланта Стендаля и Толстого. Какъ мы увидимъ ниже, Стендаль очень нравился Толстому и, вѣроятно, имѣлъ нѣкоторое вліяніе на его творчество.

Первый изъ упоминаемыхъ нами критиковъ, В. С. Соловьевъ, разочаровывается въ романѣ послѣ слѣдующихъ главъ и ставитъ въ упрекъ Л. Н—чу пошлость изображаемыхъ имъ типовъ.

Что касается до В. Чуйко, то онъ и при дальнѣйшихъ выпускахъ романа остается вѣренъ себѣ и защищаетъ Л. Н—ча.

---

1) В. Зелинскій. „Критическ. литерат. о Толстомъ“, ч. 8-я, стр. 117.

отъ нападокъ другихъ критиковъ, ставя имъ на видъ, что они не достаточно оцѣнили реализмъ изображенія, и недостатки, присущіе типамъ, приписали самому Толстому. Только по выходѣ 8-й части В. Чуйко не выдержалъ своей роли и нападаетъ на Л. Н—ча за низменность идеаловъ Левина [1]).

Мы не приводимъ здѣсь слишкомъ восторженныхъ отзывовъ Авсѣенко, подчеркивающаго аристократическую тенденцію романа, которой, по нашему мнѣнію, вовсе не существуетъ. По этому поводу интересно припомнить слова Н. К. Михайловскаго, защищавшаго Л. Н—ча отъ такъ называемыхъ имъ „пещерныхъ людей", т.-е. консервативныхъ критиковъ, старавшихся изъ всѣхъ силъ сопричислить Л. Н—ча къ числу „своихъ".

„Эти несчастные не подозрѣваютъ, что то, что имъ нравится въ гр. Толстомъ, есть только его шуйца, печальное уклоненіе, невольная дань культурному обществу, къ которому онъ принадлежитъ. Они бы рады были изъ него лѣвшу сдѣлать, тогда какъ онъ, я думаю, былъ бы счастливъ, если бы родился безъ шуйцы. Повторяю, я только предполагаю, что и гр. Толстому должно быть обидно слышать похвалы пещерныхъ людей, которые (похвалы) относятся только къ его шуйцѣ. Но мнѣ лично всегда бываетъ обидно за гр. Толстого, когда я вижу усилія, и не безуспѣшныя, пещерныхъ людей замарать его своимъ нравственнымъ сосѣдствомъ. Обидно не потому, что я самъ желалъ бы стоять рядомъ съ гр. Толстымъ, хотя, разумѣется, и это привлекательно, но потому, что, марая его своимъ нечистымъ прикосновеніемъ, они отняли у общества чуть не всю его десницу. Почему читающей публикѣ рѣшительно неизвѣстны истинныя воззрѣнія гр. Толстого? Отчего они не коснулись общественнаго сознанія? Много есть тому причинъ, но одна изъ нихъ, несомнѣнно, есть нравственное сосѣдство пещерныхъ людей, холопски, т.-е. съ разными привираніями и умолчаніями, ло-

---

[1]) „Отечеств. Записки", 1877 г., кн. 8-я.

бызающихъ шуйцу гр. Толстого. Я на себѣ испыталъ это. Я поздно познакомился съ идеями гр. Толстого, потому что меня отгоняли пещерные люди, и былъ пораженъ, увидавъ, что у него нѣтъ съ ними ничего общаго" [1]).

Страннымъ кажется переходить отъ этихъ если не восторженныхъ, то вполнѣ уважительныхъ критикъ къ тѣмъ дикимъ выходкамъ, отъ которыхъ не могла удержаться партія озлобленныхъ. Приведемъ нѣкоторыя выдержки хотя для курьеза.

Одинъ изъ критиковъ насмѣшливо замѣчаетъ, что „Анна Каренина" имѣетъ претензію на званіе бытового романа, но претензіи эти болѣе чѣмъ смѣшны. Какая изъ выведенныхъ личностей можетъ быть названа живой, типичной, имѣющей своего представителя въ дѣйствительной жизни?" [2]).

И на всѣ эти вопросы насмѣшливый критикъ отвѣчаетъ отрицательно, какъ будто онъ живетъ на лунѣ и никогда не видалъ живыхъ людей.

Ужасно сердится на Л. Н—ча Скабичевскій. Онъ утверждаетъ, что весь романъ пропитанъ „идиллическимъ запахомъ дѣтскихъ пеленокъ". Сцену паденія Анны называетъ „мелодраматическою дребеденью въ духѣ старыхъ французскихъ романовъ, расточаемой по поводу заурядныхъ амуровъ великосвѣтскаго хлыща и петербургской чиновницы, любительницы аксельбантовъ" [3]).

Въ дальнѣйшихъ статьяхъ своихъ тотъ же критикъ, возмущающійся скабрезностью и пошлостью описываемыхъ сценъ, иронически упрекаетъ Л. Н—ча Толстого въ томъ, что онъ не далъ описанія того, какъ Анна беретъ ванну, а Вронскій моется въ банѣ [4]).

И все это читатели должны были проглотить подъ видомъ критики.

---

[1]) „Записки профана".

[2]) Зелинскій. „Критическ. литерт. о Толстомъ" ч. 8-я, стр. 32.

[3]) Тамъ же, стр. 70.

[4]) Зелинскій. „Критич. литерат. о Толстомъ" ч. 8-я, стр. 228.

Но критикъ „радикальнаго журнала „Дѣло“ П. Ткачевъ идетъ еще далѣе. Разбирая и уничтожая цѣлый рядъ произведеній Л. Н—ча, онъ находитъ, что основная идея „Войны и мира“ такова: цѣль жизни и значеніе жизни каждаго человѣка должны заключаться... въ узкомъ эгоистическомъ услажденіи себя половыми отношеніями и въ ихъ вѣнцѣ—семейномъ счастіи, понимаемомъ притомъ въ самомъ грубомъ и почти циническомъ смыслѣ“ [1]).

Затѣмъ этотъ скромный критикъ, какъ бы пародируя стиль Л. Н—ча, предлагаетъ ему написать новый романъ, изображающій любовь Левина къ его коровѣ Павѣ, ревность Кити и т. д. [2]).

Кажется, этого довольно.

Изъ болѣе серьезныхъ отрицательныхъ критиковъ мы назовемъ Станкевича, помѣстившаго обстоятельный критическій этюдъ въ „Вѣстникѣ Европы“. Главный недостатокъ этого этюда—это его почти сплошной насмѣшливый издѣвательскій тонъ, особенно по отношенію къ Левину, такъ мѣшающій видѣть, быть-можетъ, и заключающіяся въ этомъ этюдѣ серьезныя мысли [3]).

Приведемъ теперь мнѣніе объ „Аннѣ Карениной“ единственнаго, по нашему мнѣнію, русскаго человѣка, котораго можно поставить рядомъ со Л. Н—чемъ Толстымъ. Мнѣніе его по этому самому уже пріобрѣтаетъ огромную цѣнность. Мы говоримъ о Ѳедорѣ Михайловичѣ Достоевскомъ. Эти люди не знали лично другъ друга, но всегда высказывали взаимное уваженіе. Здѣсь мы не считаемъ удобнымъ дѣлать какое-либо сближеніе или сравненіе ихъ. Это вопросъ слишкомъ важный, требующій спеціальнаго времени и мѣста для его изученія и изложенія. Скажемъ только, что, по нашему глубокому убѣжденію, несмотря на внѣшнюю бросающуюся въ глаза разницу таланта, характера, среды,

---

[1]) Тамъ же, стр. 129.

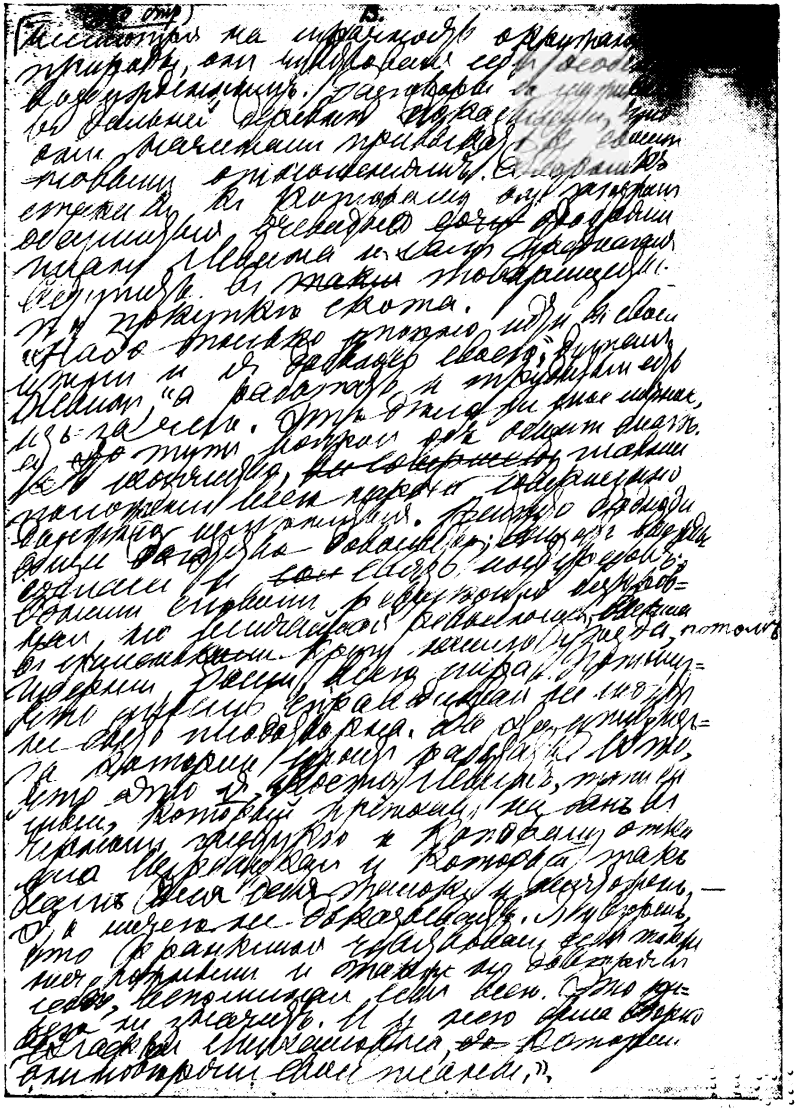
[2]) Тамъ же, стр. 146.

[3]) „Вѣстникъ Европы“, 1878 г., 4, 5.

карьеры и прочихъ условій жизни, эти два русскихъ человѣка во многихъ самыхъ главныхъ жизненныхъ пунктахъ, безконечно близки другъ къ другу.

Эта близость ихъ выразилась и въ пониманіи Достоевскимъ „Анны Карениной“. По какой-то странной психической аберраціи, этотъ великій умъ и великое сердце, этотъ служитель Вѣчнаго, былъ увлеченъ временными политическими событіями конца 70-хъ годовъ и защищалъ необходимость и благодѣтельность восточной войны. И вотъ только съ этой точки зрѣнія, которой касается и Л. Н—чъ въ концѣ романа, Достоевскій не соглашается съ нимъ. Но относясь критически къ тому, что Левинъ осуждаетъ добровольческое движеніе, Достоевскій, по своей высшей добросовѣстности, предпосылаетъ этой критикѣ такую замѣчательную оцѣнку романа:

„Анна Каренина“ есть совершенство какъ художественное произведеніе, подвернувшееся какъ разъ кстати, и такое, съ которымъ ничто подобное изъ европейскихъ литературъ въ настоящую эпоху не можетъ сравниться, а во-вторыхъ, и по идеѣ своей это уже нѣчто наше, свое, родное, и именно то самое, что составляетъ нашу особенность передъ европейскимъ міромъ, что составляетъ уже наше національное „новое слово“ или, по крайней мѣрѣ, начало его,—такое слово, котораго именно не слыхать въ Европѣ и которое однако столь необходимо ей, несмотря на всю ея гордость. Я не могу пуститься здѣсь въ литературную критику и скажу лишь небольшое слово. Въ „Аннѣ Карениной“ проведенъ взглядъ на виновность и преступность человѣческую. Взяты люди въ ненормальныхъ условіяхъ. Зло существуетъ прежде нихъ. Захваченные въ круговоротъ лжи, люди совершаютъ преступленіе и гибнутъ неотразимо: какъ видно, мысль на любимѣйшую и стариннѣйшую изъ европейскихъ темъ. Но какъ однакоже рѣшается такой вопросъ въ Европѣ? Рѣшается онъ тамъ повсемѣстно двоякимъ образомъ. Первое рѣшеніе: законъ данъ, написанъ,



АВТОГРАФЪ ИЗЪ „АННЫ КАРЕНИНОЙ“. (ОТРЫВОКЪ ИЗЪ 30 ГЛАВЫ 3-Й ЧАСТИ).

формулированъ, составлялся тысячелѣтіями. Зло и добро опредѣлено, взвѣшено, размѣры и степени опредѣлялись исторически мудрецами человѣчества, неустанной работой надъ душой человѣка и высшей научной разработкой надъ степенью единительной силы человѣчества въ общежитіи. Этому выработанному кодексу повелѣвается слѣдовать слѣпо. Кто не послѣдуетъ, кто преступитъ его, тотъ платитъ свободою, имуществомъ, жизнью, платитъ буквально и безчеловѣчно. „Я знаю, говоритъ сама ихъ цивилизація, что это и слѣпо и безчеловѣчно и невозможно, такъ какъ нельзя выработать окончательную форму человѣчества въ серединѣ пути его, но такъ какъ другого исхода нѣтъ, то и слѣдуетъ держаться того, что написано, и держаться буквально и безчеловѣчно, не будь этого, будетъ хуже". Съ тѣмъ вмѣстѣ, несмотря на всю ненормальность и нелѣпость устройства того, что называемъ мы нашей великой европейской цивилизаціей, тѣмъ не менѣе пусть силы человѣческаго духа пребываютъ здравы и невредимы, пусть общество не колеблется въ вѣрѣ, что оно идетъ къ совершенству, пусть не смѣетъ думать, что затемнился идеалъ прекраснаго и высокаго и что извращается и коверкается понятіе о добрѣ и злѣ, что нормальность безпрерывно смѣняется условностью, что простота и естественность гибнутъ, подавляемыя безпрерывно накопляющейся ложью. Другое рѣшеніе обратное: такъ какъ общество устроено ненормально, то и нельзя спрашивать отвѣта съ единицъ людскихъ за послѣдствія. Стало-быть, преступникъ безотвѣтственъ, и преступленія пока не существуетъ. Чтобы покончить съ преступленіями и людскою виновностью, надо покончить съ ненормальностью общества и склада его. Такъ какъ лѣчить существующій порядокъ вещей долго и безнадежно, да и лѣкарствъ не оказалось, то слѣдуетъ разрушить все общество и смести старый порядокъ какъ бы метлой. Затѣмъ начать все новое, на иныхъ началахъ, еще неизвѣстныхъ, но которыя все же не могутъ быть хуже теперешн-

няго порядка, напротивъ, заключаютъ въ себѣ много шансовъ успѣха. Главная надежда на науку. Итакъ, вотъ это второе рѣшеніе: ждутъ будущаго муравейника, а пока зальютъ міръ кровью. Другихъ рѣшеній о виновности и преступности людской западно-европейскій міръ не представляетъ.

Во взглядѣ же русскаго автора на виновность и преступность людей ясно усматривается, что никакой муравейникъ, никакое торжество „четвертаго сословія", никакое уничтоженіе бѣдности, никакая организація труда не спасутъ человѣчество отъ ненормальности, а слѣдовательно, и отъ виновности и преступности. Выражено это въ огромной психологической разработкѣ души человѣческой съ страшной глубиной и силой, съ небывалымъ доселѣ у насъ реализмомъ художественнаго изображенія. Ясно и понятно до очевидности, что таится зло въ человѣчествѣ глубже, чѣмъ предполагаютъ лѣкаря соціалисты, что ни въ какомъ устройствѣ общества не избѣгнете зла, что душа человѣческая останется та же, что ненормальность и грѣхъ исходятъ изъ нея самой и что, наконецъ, законы духа человѣческаго столь еще неизвѣстны, столь невѣдомы наукѣ, столь неопредѣленны и столь таинственны, что нѣтъ и не можетъ быть еще ни лѣкарей, ни даже судей окончательныхъ, а есть Тотъ, который говоритъ: „Мнѣ отмщеніе, и Азъ воздамъ". Ему одному лишь извѣстна вся тайна міра сего и окончательная судьба человѣка. Человѣкъ же пока не можетъ браться рѣшать ничего съ гордостью своей непогрѣшимости, не пришли еще времена и сроки. Самъ судья человѣческій долженъ знать о себѣ, что онъ грѣшенъ самъ, что вѣсы и мѣра въ рукахъ его будутъ нелѣпостью, если самъ онъ, держа въ рукахъ мѣру и вѣсы, не преклонится передъ закономъ неразрѣшимой еще тайны и не прибѣгнетъ къ единственному выходу—къ Милосердію и Любви. А чтобы не погибнуть въ отчаяніи отъ непониманія путей и судебъ своихъ, отъ убѣжденія въ таинственной и роковой неизбѣжности зла, человѣку именно указанъ выходъ. Онъ геніально намѣченъ поэтому въ ге-

ніальной сценѣ романа, въ предпослѣдней части его, въ сценѣ смертельной болѣзни героини романа, когда преступники и враги преображаются въ существа высшія, въ братьевъ, все простившихъ другъ другу, въ существа, которыя сами взаимнымъ всепрощеніемъ сняли съ себя ложь, вину и преступность и тѣмъ разомъ сами оправдали себя съ полнымъ сознаніемъ, что получили право на то. Но потомъ въ концѣ романа въ мрачной и страшной картинѣ паденія человѣческаго духа, прослѣженнаго шагъ за шагомъ, въ изображеніи того неотразимаго состоянія, когда зло, овладѣвъ существомъ человѣка, связываетъ каждое движеніе его, парализуетъ всякую силу сопротивленія, всякую мысль, всякую охоту борьбы съ мракомъ, падающимъ на душу вмѣсто свѣта,—въ этой картинѣ столько назиданія для судьи человѣческаго и для держащаго мѣру и вѣсъ, что, конечно, онъ воскликнетъ въ страхѣ и недоумѣніи: „нѣтъ, не всегда мнѣ отмщеніе и не всегда азъ воздамъ", и не поставитъ безчеловѣчно въ вину мрачно павшему преступнику того, что онъ пренебрегъ указаннымъ вѣковѣчно свѣтомъ исхода и уже сознательно отвергъ его" [1]).

Изъ болѣе позднихъ критикъ упомянемъ о прекрасномъ этюдѣ Громеки и наконецъ о недавнихъ статьяхъ Овсянико-Куликовскаго, основательность которыхъ портитъ узкая, партійная точка зрѣнія—классовой борьбы.

Въ своемъ интересномъ разборѣ „Анны Карениной" Овсянико-Куликовскій попрежнему разсматриваетъ Л. Н—ча какъ изобразителя великосвѣтскаго типа и типы „Анны Карениной" считаетъ продолженіемъ типовъ „Войны и мира" и даже героевъ предшествующихъ повѣстей. Вотъ какъ выражаетъ онъ эту мысль:

„Вспомнимъ, что въ отношеніи къ великосвѣтской средѣ Толстой (приблизительно до 80-хъ годовъ) не былъ постороннимъ наблюдателемъ, онъ принадлежалъ къ ней по ро-

---

[1]) Полн. собр. соч. Ѳ. М. Достоевскаго, стр. 236, томъ II.

жденію и воспитанію, онъ ее изучилъ не столько какъ наблюдатель, сколько какъ самонаблюдатель, и, начиная съ повѣстей „Дѣтство“, „Отрочество“ и „Юность“, его изображенія этой среды были какъ бы родъ исповѣди, попыткою вытравить изъ своей души извѣстныя черты великосвѣтской психологіи, отдѣлаться отъ нихъ помощью ихъ претворенія въ художественные образы, наподобіе того какъ Лермонтовъ отъ своего „Демона“ отдѣлался стихами. Послѣ созданія „Войны и мира“ Толстой еще чувствовалъ или сознавалъ, что еще не вполнѣ отдѣлался отъ „великосвѣтскаго человѣка“. Эта задача и была довершена романомъ „Анна Каренина“. Вотъ, въ какомъ смыслѣ это произведеніе примыкаетъ ко всей предшествующей дѣятельности Толстого и завершаетъ цѣлую эпоху въ ней“.

И болѣе спеціально о Левинѣ онъ говоритъ въ томъ же очеркѣ:

„...Левинъ блистательно заканчиваетъ эту художественную автобіографію, эту исторію внутренняго развитія Толстого, исторію его стремленій выйти изъ тисковъ великосвѣтской жизни и создать себѣ независимую отъ нея душевную жизнь на основахъ широкихъ общечеловѣческихъ идеаловъ“ [1]).

Въ общемъ, прочитавъ цѣлый рядъ критическихъ статей объ „Аннѣ Карениной“, мы приходимъ къ заключенію, что романъ этотъ не понятъ, не оцѣненъ во всемъ его объемѣ, во всей его глубинѣ тѣхъ основныхъ вопросовъ человѣческой жизни, которыхъ касается авторъ (за исключеніемъ Достоевскаго). Критика занялась болѣе внѣшней стороной его—фабулой, а не идеей. Постараемся, насколько это возможно по имѣющимся у насъ даннымъ, указать на основную идею этого произведенія и опредѣлить ея мѣсто въ общемъ развитіи духовной личности Л. Н—ча.

---

[1]) „Жизнь“, 1900, 4. Овсянико-Куликовскій. Л. Н. Толстой, какъ художникъ. „Анна Каренина“, стр. 149.

Если въ „Войнѣ и мирѣ“ Л. Н—чъ изображаетъ намъ картину европейскаго человѣчества въ его стихійныхъ движеніяхъ, и затѣмъ даетъ типы того времени въ детальной разработкѣ, изъ которыхъ каждый является какъ бы родовымъ понятіемъ, то въ „Аннѣ Карениной“ художникъ даетъ намъ уже картину частной группы людей какъ бы случайныхъ, со всѣми ихъ семейными дрязгами. Если, читая „Войну и миръ“, вы чувствуете себя какъ бы на возвышенности, созерцающимъ величественную панораму, на которой искусной рукой художника передъ вами въ дивной пропорціи проходятъ и несмѣтныя полчища, и отдѣльныя лица, дорогія для васъ, съ глубокой психической жизнью, но тѣмъ не менѣе какъ бы подернутыя облакомъ прошедшаго, то въ „Аннѣ Карениной“ вы чувствуете передъ собой семейный очагъ, великосвѣтскій салонъ, крестьянскую избу со всѣми ея мельчайшими подробностями прямо передъ глазами, и люди, изображенные на этой картинѣ,—люди, сейчасъ съ вами живущіе (событія въ романѣ доведены до самаго послѣдняго дня текущей эпохи). И поэтому вся сила автора ушла, такъ сказать, въ глубину, въ разработку тѣхъ душевныхъ движеній человѣческихъ, изъ которыхъ слагается жизнь каждаго человѣка, а стало-быть, и всего человѣчества.

Вотъ, что касается внѣшней стороны романа. Изъ краткаго историческаго очерка написанія романа, который мы предпослали настоящему обзору, читатели знаютъ, что „Анна Каренина“ начата Л. Н—чемъ какъ бы неожиданно, по какому-то незначительному внѣшнему поводу. Разумѣется, причины лежали гораздо глубже. Изъ того же очерка мы знаемъ, что Л. Н—чъ долго работалъ надъ историческими матеріалами, имѣя намѣреніе написать историческій романъ изъ эпохи Петра I. Если бы это случилось, мы опять увидали бы себя на возвышенномъ мѣстѣ, созерцающими, быть-можетъ, еще болѣе грандіозную панораму, такъ какъ самый пейзажъ былъ бы еще отдаленнѣе и поле зрѣнія захватывало бы еще большее пространство. Но изученіе эпохи не

удовлетворило Л. Н—ча. И мы полагаемъ, что усиліе, которое нужно было сдѣлать Л. Н—чу для воспроизведенія въ своемъ воображеніи эпохи того времени съ его добросовѣстностью, утомило его, и „Анна Каренина“ явилась реакціей, отдыхомъ на современномъ и близкомъ ему сюжетѣ. Случайно подхваченная фабула—трагическая смерть женщины, бросившейся подъ поѣздъ, пустота и низменность интересовъ хорошо знакомой ему свѣтской среды и наконецъ идиллическія картины своей собственной семейной жизни и жизни людей его круга съ вплетающейся въ нее жизнью народа—вотъ тотъ матеріалъ, та глина, изъ которой лѣпилъ Л. Н—чъ свои образы.

Но кромѣ всего этого, онъ жилъ, какъ всегда, всей своей сильной животной и духовной природой, и вотъ моментъ этой жизни наложилъ особый отпечатокъ и далъ особое направленіе всему его произведенію.

Онъ почувствовалъ потребность вложить въ это произведеніе кусочекъ исторіи своей души и для этого взялъ типъ Левина и заставилъ его передъ читателями пережить всѣ свои душевныя муки и выбраться на путь свѣта, куда онъ и самъ пришелъ еще съ бо̀льшей въ дѣйствительности работой, съ бо̀льшими страданіями и съ болѣе широкимъ сознаніемъ ослѣпившаго его свѣта истины.

Въ изображеніи типа Левина поразительно много автобіографическихъ чертъ. Прочтите ту главу, гдѣ появляется Левинъ въ Москвѣ. Характеристика, даваемая ему авторомъ, есть характеристика Л. Н—ча, и въ дальнѣйшемъ романѣ разбросана масса автобіографическихъ чертъ. Читатели 1-го тома біографіи могутъ узнать въ Агаѳьѣ Михайловнѣ живое лицо, горничную Гашу бабушки Л. Н—ча. Ясная Поляна со многими подробностями изображена въ романѣ. Женитьба и первое время семейной жизни, конечно, также во многомъ списаны съ натуры.

Но не слѣдуетъ все-таки смѣшивать художественнаго вымысла съ реальными фактами, и потому нельзя до конца

проводить эти параллели. И Левинъ все-таки не есть Толстой. Это типъ сродный, симпатичный ему. Обращеніе Левина, написанное въ концѣ 76-го и началѣ 77-го года, не есть обращеніе Л. Н—ча.

Но здѣсь пророкъ-художникъ предсказалъ самъ себѣ свое будущее и нѣсколькими яркими штрихами набросалъ тѣ пути, по которымъ повелъ его дальше пытливый, непримиримый, но всепримиряющій разумъ.

Въ „Аннѣ Карениной“ мы видимъ двѣ преобладающія идеи. Одна, общая, такъ хорошо понятая Достоевскимъ, выражена эпиграфомъ романа: „Мнѣ отмщеніе, и Азъ воздамъ“, и выражаетъ мысль о непреложности высшаго нравственнаго закона, преступленіе противъ котораго неминуемо ведетъ къ гибели, но судьей этого преступленія и преступника не можетъ быть человѣкъ.

И вотъ эта отрицательная, общая идея незамѣтно, художественнымъ путемъ сцѣпляется и переходитъ въ идею положительную, хотя столь общую по существу, но выраженную болѣе частнымъ, субъективнымъ образомъ, идею о томъ, что человѣкъ, сознательно живущій, долженъ поставить себѣ цѣль жизни внѣ своего личнаго я, въ служеніи Богу, въ жизни для души. Иначе ему предстоитъ неизбѣжная гибель самоуничиженія, какъ логической нелѣпости, не имѣющей для своего существованія никакой разумной причины и потому уничтожающейся.

Не трудно видѣть, что въ этой идеѣ изображенъ, такъ сказать, одинъ изъ эпизодовъ той великой драмы, которую пережилъ авторъ и изъ которой, какъ мы знаемъ, вышелъ торжествующимъ, просвѣтленнымъ.

Подробный анализъ этой драмы составитъ предметъ слѣдующей части второго тома, а въ послѣднихъ главахъ этой части мы постараемся въ бѣгломъ очеркѣ дать картину личной и семейной жизни Л. Н—ча въ 70-хъ годахъ съ тѣми мелкими эпизодами ея, которые неудобно было излагать въ одно время съ разсказомъ о главныхъ родахъ его дѣятельности.

ГЛАВА XI.

Частная и семейная жизнь Л. Н—ча въ началѣ 70-хъ годовъ.

Въ четвертый разъ мы возвращаемся къ этому богатому по дѣятельности и напряженной энергіи періоду жизни Л. Н—ча въ 70-хъ годахъ, чтобы дополнить ее описаніемъ различныхъ мелкихъ фактовъ личной и семейной жизни Л. Н—ча. Мы выдѣляемъ ихъ въ особую главу, такъ какъ эти факты могли бы нарушить изложеніе тѣхъ главныхъ событій въ жизни Л. Н—ча, которымъ посвящены предыдущія главы этого періода.

Передъ нами протекутъ сами по себѣ неважные, мало значительные факты изъ жизни Льва Н—ча, но которые мы не находимъ возможнымъ упустить, такъ какъ они создаютъ общую картину его семейной жизни, той среды, въ которой онъ жилъ, и подготовляютъ переходъ его къ жизни въ новой области его сознанія.

Семейная жизнь Л. Н—ча именно въ 70-хъ годахъ достигла своей опредѣленной формы. Въ 60-хъ годахъ она еще не успѣла установиться. Дѣтскій вопросъ еще только назрѣвалъ, а всѣ духовные интересы, оставшіеся свободными отъ удовлетворенія первыми семейными радостями, поглощались гигантской работой „Войны и мира“.

Къ началу же 70-хъ годовъ назрѣлъ вопросъ воспитанія дѣтей, литературныя работы уже не поглощали его такъ безъ остатка, какъ прежде, и семейно-хозяйственные инте-

ресы и связанныя съ ними заботы и хлопоты создали цѣлую новую область отношеній. Въ концѣ 70-хъ годовъ во Л. Н—чѣ снова подымаются прежніе вопросы, мучившіе его еще до женитьбы, его внутренняя жизнь приближается къ кризису, и семейная жизнь надламывается, и 80-ые годы уже не представятъ намъ той цѣлости и гармоніи въ жизни его семьи.

Вотъ почему мы дольше, подробнѣе останавливаемся на этой эпохѣ. Она дастъ намъ факты, которые больше не могутъ повториться.

Въ маѣ 1870 года Л. Н—чъ писалъ Фету:

„Я получилъ ваше письмо, любезный другъ Аѳанасій Аѳанасьевичъ, возвращаясь потный съ работы, съ топоромъ и заступомъ, слѣдовательно за тысячу верстъ отъ всего искусственнаго и въ особенности отъ нашего дѣла. Развернувъ письмо, я первое прочиталъ стихотвореніе, и у меня защипало въ носу; я пришелъ къ женѣ и хотѣлъ прочесть, но не могъ отъ слезъ умиленія. Стихотвореніе—одно изъ тѣхъ рѣдкихъ, отъ которыхъ ни слова прибавить, убавить или измѣнить нельзя, оно живое само и прелестно. Оно такъ хорошо, что мнѣ кажется, это не случайное стихотвореніе, а что это первая струя давно задержаннаго потока. Грустно подумать, что послѣ того впечатлѣнія, которое произвело на меня это стихотвореніе, оно будетъ напечатано на бумагѣ въ какомъ-нибудь „Вѣстникѣ“, и его будутъ судить С—ны и скажутъ: „А Фетъ все-таки мило пишетъ“.

„Ты нѣжная“ ...Да и все прелестно. Я не знаю у васъ лучшаго. Прелестно все.

„Я только-что отслужилъ недѣлю присяжнымъ, и было очень, очень для меня интересно и поучительно.

„Вы спрашиваете моего мнѣнія о стихотвореніи, но вѣдь я знаю то счастье, которое оно вамъ дало сознаніемъ того, что оно прекрасно, и что оно вылѣзло все-таки изъ васъ, что оно—вы. Прощайте, до свиданья“.

Лѣтомъ 70-го года началась франко-прусская бойня. Мы знаемъ, что Л. Н—чъ живо интересовался событіями войны, сочувствовалъ французамъ и былъ убѣжденъ въ ихъ побѣдѣ. Ненависть къ прусскому милитаризму давала и тутъ себя знать.

Мы упоминали уже, что зимой 70—71-го года онъ съ увлеченіемъ занимался изученіемъ греческаго языка и, разстроивъ свое здоровье, долженъ былъ предпринять поѣздку на кумысъ.

Увеличеніе семьи потребовало, наконецъ, расширенія дома. Въ концѣ 71 года была сдѣлана къ дому пристройка, которая составляетъ теперь наверху яснополянскаго дома, залу, а внизу—прихожую и библіотеку. Окончаніе этой пристройки было отпраздновано на рождественскихъ праздникахъ съѣздомъ родныхъ и гостей и ознаменовалось маскарадомъ, въ которомъ принималъ участіе и самъ Л. Н—чъ. Въ общество гостей явились внезапно ряженые: вожатый съ двумя медвѣдями и козой. Вожатымъ былъ Дм. Ал. Дьяковъ, медвѣдями—Иславинъ и родственникъ Толстой, а козой, къ общему удивленію и восторгу,—самъ Левъ Николаевичъ.

Начало 1872-го года застаетъ Л. Н—ча въ грустномъ, но глубоко серьезномъ настроеніи. Вотъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ его писемъ къ Фету, выражающихъ съ необыкновенною ясностью его психологическій моментъ, его ищущую, но еще не просвѣтленную душу, сильную своей правдивостью, не боящеюся называть вещи своими именами:

„Ужъ нѣсколько дней, какъ получилъ ваше милое и грустное письмо и только нынче собрался отвѣтить“.

„Грустное потому, что вы пишете, Тютчевъ умираетъ, слухъ, что Тургеневъ умеръ, и про себя говорите, что машина стирается, и хотите спокойно думать о нирванѣ. Пожалуйста, извѣстите поскорѣе, фальшивая ли это была тревога. Надѣюсь, что да и что вы безъ Марьи Петровны маленькіе признаки приняли за возвращеніе вашей страшной болѣзни.

„О нирванѣ смѣяться нечего и тѣмъ болѣе сердиться. Всѣмъ намъ (мнѣ, по крайней мѣрѣ), я чувствую, она гораздо интереснѣе, чѣмъ жизнь, но я согласенъ, что, сколько бы я о ней ни думалъ, я ничего не придумаю другого, какъ то, что эта нирвана—ничто. Я стою только за одно—за религіозное уваженіе, ужасъ къ этой нирванѣ.

„Важнѣе этого все-таки ничего нѣтъ.

„Что я разумѣю подъ религіознымъ уваженіемъ? — Вотъ что. Я недавно пріѣхалъ къ брату, а у него умеръ ребенокъ и хоронятъ. Пришли попы, и розовый гробикъ, и все, что слѣдуетъ. Мы съ братомъ невольно выразили другъ другу почти отвращеніе къ обрядности. А потомъ я подумалъ: ну, а что бы братъ сдѣлалъ, чтобы вынести, наконецъ, изъ дома разлагающееся тѣло ребенка? Какъ вообще прилично кончить дѣло? Лучше нельзя (я, по крайней мѣрѣ, не придумалъ), какъ съ панихидой, ладаномъ и т. д. Какъ самому слабѣть и умирать? Мочиться подъ себя, п... и больше ничего? Не хорошо. Хочется вполнѣ выразить значительность и важность, торжественность и религіозный ужасъ передъ этимъ величайшимъ въ жизни каждаго человѣка событіемъ. И я тоже ничего не могу придумать болѣе приличнаго для всѣхъ возрастовъ, всѣхъ степеней развитія, какъ обстановка религіозная. Для меня, по крайней мѣрѣ, эти славянскія слова отзываются совершенно тѣмъ самымъ метафизическимъ восторгомъ, который ощущаешь, когда задумаешься о нирванѣ. Религія уже тѣмъ удивительна, что она столько вѣковъ, столькимъ милліонамъ людей оказывала ту услугу, наибольшую услугу, которую можетъ въ этомъ дѣлѣ оказать что-либо человѣческое. Съ такой задачей какъ же ей быть логической? Но что-то въ ней есть. Только вамъ я позволяю себѣ писать такія письма. А написать хотѣлось и что-то грустно особенно отъ вашего письма.

„Напишите, пожалуйста, поскорѣе о вашемъ здоровьи.

Вашъ Левъ Толстой“.

30-го января 1872 года.

„Я ужасно не въ духѣ. Работа затѣянная страшно трудна, подготовки изученія нѣтъ конца, планъ все увеличивается, а силъ, чувствую, все меньше и меньше. День здоровъ, а три нѣтъ“ [1]).

Конецъ зимы и весну, какъ мы видѣли, Л. Н—чъ былъ занятъ школой и окончаніемъ своей „Азбуки“, которую онъ потомъ сдалъ для изданія Н. Н. Страхову.

Разстроивъ свое здоровье, онъ съѣздилъ подкрѣпиться на кумысъ, а по возвращеніи въ Ясную Поляну узналъ объ ужасномъ событіи, совершившемся безъ него. Быкъ забодалъ на смерть одного изъ его работниковъ. Было возбуждено судебное слѣдствіе, и Л. Н—чъ былъ привлеченъ къ отвѣтственности. Дѣло это, въ которомъ Л. Н—чъ юридически былъ только весьма отдаленной причиной, доставило Л. Н—чу много душевныхъ страданій.

И страданія эти были двоякаго рода. Кромѣ душевной тяжести, доставленной сознаніемъ, что въ его дѣлѣ пострадалъ и умеръ рабочій человѣкъ, кормилецъ семьи, мѣстныя судебно-полицейскія власти доставили ему еще много страданій своею безтактностью, привлеченіемъ его къ отвѣтственности, обязавъ подпискою о невыѣздѣ, и долгой проволочкой этого дѣла, кончившагося, какъ и слѣдовало ожидать, съ судебной стороны ничѣмъ.

Объ этомъ событіи мы узнаемъ, между прочимъ, изъ переписки Л. Н—ча съ своей теткой, гр. А. А. Толстой, воспоминанія о которой сообщаетъ Захаринъ-Якунинъ. Л. Н—чъ обращается къ графинѣ въ письмѣ съ описаніемъ своего горя и начинаетъ это письмо такъ:

„Любезный другъ Александринъ! Вы одна изъ тѣхъ людей, которые всѣмъ существомъ своимъ говорятъ: „Я хочу раздѣлить съ тобой твои горести, а ты со мной свои ра-

---

[1]) „Русское Обозрѣніе“, 1896 г.

дости", и я вотъ, всегда разсказывающій вамъ о своемъ счастьи, теперь ищу вашего сочувствія въ моемъ горѣ. Неждано, негадано на меня обрушилось событіе, измѣнившее всю мою жизнь".

Судебный слѣдователь изъ молодыхъ, явившійся производить дознаніе по этому дѣлу, обязалъ Л. Н—ча подпиской о невыѣздѣ. Въ это же время Л. Н—чъ былъ назначенъ присяжнымъ, и его оштрафовали за неявку. Все это, конечно, не могло не разстроить Л. Н—ча. Онъ такъ заканчиваетъ свое письмо къ гр. А. А. Толстой:

„...Страшно подумать, страшно вспомнить о всѣхъ мерзостяхъ, которыя мнѣ дѣлали, дѣлаютъ и будутъ дѣлать... Съ сѣдой бородой, шестью дѣтьми и съ сознаніемъ полезной и трудовой жизни, съ твердой увѣренностью, что я не виноватъ, съ презрѣніемъ, котораго я не могу не имѣть къ новымъ судамъ, сколько я ихъ видѣлъ, съ однимъ желаніемъ, чтобы меня оставили въ покоѣ, какъ я всѣхъ оставляю въ покоѣ... Невыносимо жить въ Россіи—со страхомъ, что каждый мальчикъ, которому лицо мое не понравилось, можетъ заставить меня сидѣть на лавкѣ передъ судомъ, а потомъ въ острогѣ..."

Вся эта непріятная исторія кончилась тѣмъ, что Л. Н—чъ былъ освобожденъ по этому дѣлу отъ суда и слѣдствія, а всю отвѣтственность взвалили на его управляющаго, котораго эти „мальчики" и привлекли къ дѣлу въ качествѣ обвиняемаго... Относительно же Л. Н—ча было признано, что слѣдователь привлекъ его къ дѣлу „по ошибкѣ", что подписка о невыѣздѣ была взята тоже „ошибочно", равно какъ и самый штрафъ былъ наложенъ „по ошибкѣ" же... Впослѣдствіи оказалось, что управляющій имѣніемъ былъ привлеченъ къ дѣлу зря, и оно было въ концѣ концовъ прекращено,—подъ большой шумъ, поднятый газетами того времени.

Объ этомъ событіи разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Л. Н—чѣ кн. Д. Д. Оболенскій, добавляя нѣкоторыя интересныя подробности:

„Однажды Л. Н. Толстой опоздалъ на сборный пунктъ охоты, который былъ у меня въ Шаховскомъ (имѣніе мое въ 35 верстахъ отъ Ясной Поляны), и пріѣхалъ крайне разстроенный: оказалось, что судебный слѣдователь въ это утро допрашивалъ его въ качествѣ обвиняемаго за неосторожное держаніе скота, такъ какъ его быкъ забодалъ пастуха, и слѣдователь обязалъ Толстого невыѣздомъ изъ Ясной Поляны, т.-е. отчасти лишилъ его свободы. Какъ человѣкъ горячій, Л. Н—чъ былъ крайне возмущенъ дѣйствіями слѣдователя, который всего нѣсколько дней передъ этимъ найденное мертвое тѣло какого-то неизвѣстнаго отвезъ въ ближайшую усадьбу какой-то помѣщицы и сталъ мертваго вскрывать у нея на террасѣ. Левъ Николаевичъ никакъ не могъ успокоиться, ибо считалъ себя страшно стѣсненнымъ подпискою, которую съ него требовали, о невыѣздѣ. „Одного яснополянскаго крестьянина полтора года слѣдователь продержалъ въ острогѣ по подозрѣнію въ кражѣ коровы, а послѣ оказалось, что укралъ не онъ, — разсказывалъ Л. Н—чъ. — Такъ и меня продержатъ теперь годъ. Это безсмысленно, это полнѣйшій произволъ этихъ господъ. Я все продамъ въ Россіи и уѣду въ Англію, гдѣ есть уваженіе къ личности всякаго человѣка, а у насъ всякій становой, если ему не кланяются въ ноги, можетъ сдѣлать величайшую пакость“. Самаринъ живо возражалъ Л. Н—чу, доказывая, что не только смерть человѣка, но и увѣчье, ему причиненное, настолько серьезный фактъ самъ по себѣ, что не можетъ остаться необслѣдованнымъ со стороны судебныхъ властей, какъ въ данномъ случаѣ. Спорили долго, и, кажется, Самаринъ переубѣдилъ Толстого, который, ложась спать, мнѣ сказалъ: „Удивительная способность П. Ф. Самарина успокаивать людей“ [1]).

Наконецъ, самъ Л. Н—чъ пишетъ объ этомъ Н. Страхову:

---

[1]) „Русскій Архивъ“, 1896 г. „Воспоминанія кн. Д. Оболенскаго“.

15 сентября 1872. Ясная.

„Вы, вѣрно, сердитесь и досадуете на меня, дорогой Николай Николаевичъ, и имѣете полное право, за то, что я не отвѣтилъ, не посылалъ денегъ и не посылаю ариѳметики 4-й книги. Я виноватъ, но вы не можете себѣ представить, до чего я разстроенъ и взволнованъ всѣ эти дни. Случилось во время моего отсутствія въ Самарѣ, что молодой быкъ убилъ на смерть пастуха. И я узналъ, что такое наши суды и подъ какимъ дамокловымъ мечомъ мы всѣ живемъ. Я подъ слѣдствіемъ, обязанъ подпиской не выѣзжать изъ дома. Тутъ же мнѣ привелось быть присяжнымъ, и вы не можете себѣ представить всѣхъ мелкихъ мерзостей, которыя мнѣ дѣлаетъ судъ, и признаюсь, какъ это ни стыдно, что я еще не дошелъ до положенія Аксенова. Можетъ-быть, дойду, когда меня посадятъ въ острогъ, что очень возможно, но теперь я раздраженъ такъ, что боленъ физически и нравственно, и не могу ни о чемъ думать, кромѣ какъ о томъ, за что мучаютъ человѣка, который всѣхъ оставляетъ въ покоѣ и только объ одномъ и проситъ, чтобы его оставили въ покоѣ. Теперь я такъ раздраженъ, что рѣшилъ уѣхать въ Англію и продать все, что имѣю въ Россіи. Не буду описывать вамъ всего. Это скучно и меня раздражаетъ“ [1]).

Какъ всякій вспыльчивый человѣкъ, Л. Н—чъ былъ отходчивъ. Черезъ недѣлю онъ пишетъ тому же Страхову уже болѣе спокойное письмо:

23 сентября 1872. Ясная.

„Тревога моя понемногу утихла. Я могу уже безъ злости любоваться на полноту того безобразія, которое называютъ самая жизнь. Можете себѣ представить, что меня промучили мѣсяцъ, и до сихъ поръ подписка о невыѣздѣ не снята, и нашли, что кто-то (слѣдователь) ошибся, что точно это дѣло до меня не касается и что если, вмѣсто того, чтобы по закону кончить всякое дѣло въ 7-дневный срокъ, идетъ дѣло

---

[1]) Архивъ В. Г. Черткова.

2-й мѣсяцъ и еще не кончилось, то это „маленькое несовершенство свойственно человѣчеству“. Точно какъ бы приставленный дворникъ убилъ бы своего хозяина и всѣ дворники побили бы тѣхъ, кого они приставлены беречь, и сказали бы: что же дѣлать, человѣческое несовершенство.

„Я было началъ писать статью, но бросилъ: совѣстно сердиться на такую очевидно сознательную и самодовольно глупую и смѣшную штуку, т.-е. все это правосудіе. Въ Англію тоже не ѣду, потому что дѣло не дошло до суда. А я рѣшилъ, что въ случаѣ суда уѣду, и уѣхалъ бы. Все разскажу вамъ—Богъ дастъ“ [1]).

Въ ноябрѣ Л. Н—чъ уже настолько успокоился, что могъ написать Фету такое шуточное стихотвореніе:

„Какъ стыдно луку передъ розой,
Хотя стыда причины нѣтъ,
Такъ стыдно мнѣ отвѣтить прозой
На вызовъ вашъ, любезный Фетъ.
Итакъ, пишу впервой стихами,
Но не безъ робости, отвѣтъ.
Когда? куда? рѣшайте сами,
Но заѣзжайте къ намъ, о Фетъ.
Сухимъ доволенъ буду лѣтомъ,
Пусть погибаютъ рожь, ячмень,
Коль побесѣдовать мнѣ съ Фетомъ
Удастся вволю цѣлый день.
Заботливы мы слишкомъ оба,
Пускай въ грядущемъ много бѣдъ,
Своя довлѣетъ дневи злоба—
Такъ лучше жить, любезный Фетъ.

„Безъ шутокъ, пишите поскорѣе, чтобы знать, когда выслать за вами лошадей. Ужасно хочется васъ видѣть“ [2]).

Въ ноябрѣ же вышла „Азбука“, и вскорѣ Н. Н. Страховъ, освободившись отъ этого огромнаго труда, могъ посѣтить

[1]) Тамъ же.

[2]) А. Фетъ. „Воспом. о Толстомъ“, т. II, стр. 257.

Льва Николаевича, который уже давно звалъ его и ждалъ къ себѣ.

Въ письмѣ гр. С. А. къ сестрѣ ея Т. А. Кузминской отъ 14 ноября есть короткая замѣтка: „Былъ у насъ Страховъ, прожилъ 5 дней; съ нимъ было пріятно, онъ такъ уменъ и образованъ".

Въ письмахъ Л. Н—ча замѣтно, что это посѣщеніе оставило глубокій слѣдъ.

Мы воспользуемся этимъ поводомъ, чтобы сказать нѣсколько словъ объ отношеніяхъ этихъ двухъ друзей, по характеру своему столь отличныхъ другъ отъ друга. Изъ приведенныхъ нами цитатъ въ обзорѣ критической литературы „Войны и мира" можно видѣть то безмѣрное уваженіе, которое питалъ Страховъ къ Л. Н—чу. Н. К. Михайловскій, говоря о Страховѣ, замѣчаетъ, что онъ не можетъ себѣ вообразить Страхова рядомъ съ Толстымъ иначе какъ колѣнопреклоненнымъ. И дѣйствительно, Страховъ безмѣрно уважалъ и искренно любилъ Л. Н—ча. Михайловскій, несмотря на эту шутку, отдаетъ дань уваженія Н. Н. Страхову, признаетъ въ немъ проницательный критическій умъ и даже называетъ его въ одномъ мѣстѣ „русскимъ Ренаномъ".

Изъ писемъ Л. Н—ча къ Страхову видно отношеніе Толстого къ этому, еще такъ мало оцѣненному мыслителю. Послѣ одного изъ посѣщеній Страховымъ Ясной Поляны Левъ Николаевичъ писалъ ему, между прочимъ, слѣдующее:

„Знаете ли, что меня въ васъ поразило болѣе всего? Это выраженіе вашего лица, когда вы разъ, не зная, что я въ кабинетѣ, вошли изъ сада въ балконную дверь. Это выраженіе, чуждое, сосредоточенное и строгое, объяснило мнѣ васъ (разумѣется, съ помощью того, что вы писали и говорили). Я увѣренъ, что вы предназначены къ чисто философской дѣятельности. Я говорю „чисто" въ смыслѣ отрѣшенія отъ поэтическаго, религіознаго объясненія вещей. Ибо философія чисто умственная есть уродливое западное произведеніе, и ни грекъ Платонъ, ни Шопенгауэръ, ни русскіе

мыслители не понимали ее такъ. У васъ есть одно качество, которое я не встрѣчалъ ни у кого изъ русскихъ: это—при ясности и краткости изложенія мягкость, соединенная съ силой: вы не зубами рвете, а мягкими сильными лапами. Я не знаю содержанія вашего предполагаемаго труда, но заглавіе мнѣ очень нравится, если оно опредѣляетъ содержаніе въ общемъ смыслѣ. Но да не будетъ это статья, но, пожалуйста, сочиненіе. Но бросьте развратную журнальную дѣятельность. Я вамъ про себя скажу: вы, вѣрно, испытываете то, что я испытывалъ тогда, когда жилъ, какъ вы (въ суетѣ), что изрѣдка выпадаютъ въ мѣсяцы часы досуга и тишины, все время которыхъ вокругъ тебя устанавливается понемногу ничѣмъ ненарушимая своя собственная атмосфера, и въ этой атмосферѣ всѣ жизненныя явленія начинаютъ размѣщаться такъ, какъ они должны быть и суть для тебя, и чувствуешь себя и свои силы какъ измученный человѣкъ послѣ бани. И въ эти-то минуты для себя (не для другихъ) истинно хочется работать и бываешь счастливъ однимъ сознаніемъ себя и своихъ силъ, иногда и работы. Это-то чувство вы, я думаю, испытываете, и нерѣдко и я прежде, теперь же это мое нормальное положеніе, и только изрѣдка я испытываю ту суету, въ которой и вы меня застали и которая только изрѣдка перерываетъ это состояніе. Вотъ этого-то я бы желалъ вамъ“ [1]).

Въ свое посѣщеніе въ ноябрѣ 1872 года Н. Н. Страховъ привезъ Л. Н—чу свою вновь вышедшую книгу „Міръ какъ цѣлое“ и оставилъ Льву Николаевичу для прочтенія. Л. Н—чъ внимательно прочелъ ее и написалъ автору слѣдующее критическое письмо:

12 ноября 1872 г.

„Дорогой и многоуважаемый Николай Николаевичъ!

„Все время послѣ вашего отъѣзда (4 дня) занимался исключительно вами, читалъ вашу книгу. И хоть, можетъ-быть,

---

[1]) Архивъ В. Г. Черткова.

вовсе вамъ не нужно мое мнѣніе, она произвела на меня такое сильное дѣйствіе, что я чувствую потребность написать вамъ о ней. Я читалъ ее и не могъ оторваться, и читалъ внимательно, съ карандашомъ—дѣлалъ отмѣтки тамъ, гдѣ былъ пораженъ, и перечитывалъ тѣ мѣста. Общее впечатлѣніе: 1) Я узналъ много новаго и не случайнаго, того самаго, что нужно знать. 2) Много вопросовъ, смутно представлявшихся мнѣ, поставлены и разрѣшены ясно, ново и сильно. (Мнѣ совѣстно вспомнить о томъ, какъ я попалъ на легкое мнѣніе объ этой книгѣ, только потому, что всѣ статьи уже напечатаны. Я сдѣлалъ ложнѣйшее заключеніе: было напечатано. Ничего не слышно было, стало-быть, ничего особеннаго. Какъ сильны привычки!) 3) Много, ужасно много вопросовъ неразрѣшенныхъ. Чувствуется, въ какомъ смыслѣ долженъ разрѣшить ихъ авторъ, и боишься за него. 4) Непріятное впечатлѣніе неровности тона и даже нѣкоторой непослѣдовательности предметовъ всей книги.—Поймите меня. Есть такая глубина и ясность во многихъ мѣстахъ, что она указываетъ на необходимую строгую послѣдовательность въ міросозерцаніи автора, а отъ этой послѣдовательности отступаетъ книга. Теперь частности—1, 2, 3, 4, 5 письма. Все прекрасно, но въ 5-мъ письмѣ, стр. 75 и 74, авторъ говоритъ о духѣ, о томъ, что постиженіе должно быть начато съ духа. Почему? Человѣкъ отличается отъ остального міра на мои глаза вовсе не духомъ, который я совершенно не понимаю, но тѣмъ, что онъ судитъ о самомъ себѣ, когда судитъ о человѣкѣ, и судитъ не о себѣ, когда судитъ о вещахъ. Судить о самомъ себѣ, вѣрнѣе—имѣть себя предметомъ своимъ, мы называемъ сознаніе. Поэтому разница должна быть рѣзкая, но она основана не на объективномъ чемъ-то—духѣ, но на томъ отношеніи, въ которомъ стоитъ человѣкъ къ предметамъ внѣ себя и въ себѣ. Съ выводомъ я согласенъ, что человѣкъ долженъ начинать постиженіе съ себя, а не съ внѣ себя, но не согласенъ съ объективнымъ духомъ, противополагаемымъ объективному міру какъ какой-

то духъ. И не согласенъ потому, что дальше различіе это становится существеннымъ. Далѣе, на 76-й стр., отличая круговоротъ отъ жизни, авторъ опровергаетъ смѣшеніе этихъ двухъ понятій не духомъ, а сознаніемъ жизни. И это мѣсто прекрасно. Вся эта глава прекрасна, но на 89 стр. и до конца опять являются понятія, вытекающія только изъ вѣры въ духъ—совершенствованіе. Для сознанія человѣка, т.-е. для мысли человѣка, устремленной на самого себя, можетъ быть совершенство только относительное, но не абсолютное. Это вопросъ ужасно сложный, о которомъ я жалѣю, что не поговорилъ съ вами. Въ письмѣ невозможно сказать. Попробую коротко сказать свои убѣжденія. Совершенство зоологическое, на которомъ вы настаиваете, даже умственное, которое вытекаетъ изъ зоологическаго, есть совершенство только относительное, вытекающее изъ того, что человѣкъ самъ на себя смотритъ. Муха—такой же центръ и апогей всего созданія. Но есть совершенство нравственное, религіозное (буддизмъ, христіанство), которое ничѣмъ не доказывается, которое несомнѣнно и которое даже не можетъ быть сравниваемо ни съ чѣмъ, почему не можетъ быть называемо совершенствомъ (понятіе совершенства вытекаетъ изъ понятія степеней), короче, это—понятіе добра. И понятіе это таково, что нельзя про него сказать, что оно есть больше или меньше, что оно есть у человѣка, но его нѣтъ у животныхъ.—Оно есть у человѣка, оно сущность всей жизни, и потому его не можетъ быть ни больше, ни меньше. Въ 4-мъ письмѣ, стр. 92, 93, вы прекрасно говорите о непогрѣшимости ума, убѣжденій. Я подставляю вмѣсто ума убѣжденія, сознаніе жизни, котораго сущность есть добро. Слѣдовательно, чѣмъ болѣе сознана эта сущность, тѣмъ она болѣе совершенна. Прекрасно объ инфузоріяхъ (98 стр.), прекрасно проведено понятіе организма изъ совершенствованія и о смерти, но посылка, что цѣль человѣческой жизни есть совершенствованіе, совпадающее съ совершенствованіемъ организма, умаляетъ значеніе че-

ловѣческой жизни. И фактъ недовольства жизнью, выражающійся не въ однихъ поэтахъ, но въ милліонахъ людей (христіанство, буддизмъ), есть фактъ, который нельзя объяснить заблужденіемъ. Онъ имѣетъ самый законный корень. Онъ имѣетъ основаніемъ сущность жизни. И какъ объясненіе и матеріалистовъ недостаточно (что и доказываетъ авторъ) именно потому, что они упускаютъ изъ расчета способность сознанія (духа), такъ и объясненіе автора недостаточно, потому что онъ упускаетъ изъ виду сущность жизни. Письмо 8-е прелестно, особенно кристаллы: это геніальное опредѣленіе основъ дѣленія на неорганическое, органическое и животное. Письмо 9-е мнѣ все не нравится и по формѣ и по содержанію, я бы его все выбросилъ. Жители планетъ и птицы не нравятся, несмотря на обиліе интересныхъ данныхъ, съ вашей ясностью и умѣлостью изложенныхъ, не нравятся жители планетъ и по содержанію, и обѣ главы—по совершенно другому и не строгому тону. Чѣмъ отличается человѣкъ отъ животнаго,—эти двѣ главы опять прежній тонъ и опять превосходны. Мысль о предѣлѣ поразительна. Опроверженіе мнимаго мѣста человѣка, даваемаго натуралистами, превосходна. Я только для своего удобства подставляю: натуралисты хотятъ найти мѣсто человѣку, не пользуясь сознаніемъ, т.-е. взглядомъ на самого себя. Точно такъ какъ (грубое сравненіе) я бы захотѣлъ узнать свое мѣсто въ комнатѣ, измѣривъ разстояніе между всѣми предметами въ комнатѣ, а не отъ себя до предметовъ. Вторая часть, насколько могу судить, вся превосходная. Я нашелъ въ ней въ первый разъ ясное изложеніе смысла физики и химіи. Я нашелъ съ ясностью, (будто бы) легкостью разрѣшенными часть тѣхъ сомнѣній и вопросовъ, которые занимали меня; но кромѣ того, я нашелъ ясное указаніе на точно существенное въ этихъ наукахъ. Эта вся часть исчерчена мною карандашомъ, и не знаю, что лучше. Поразительнѣе же всего для меня не только критика химіи, но и изложеніе возможно новаго взгляда. Прекрасно тоже объясненіе сущно-

сти матеріалистическаго взгляда, состоящаго въ представленіи. Два только пятна нашелъ я въ этомъ солнцѣ. И все это Гегель. На 380 стр. выписка изъ Гегеля, которая, можетъ-быть, прекрасна, но въ которой я не понимаю, прочтя нѣсколько разъ, ни единаго слова. Эта моя судьба съ Гегелемъ, и на стр. 451: „Чистая мысль эѳирна" и т. д. до точки. Я ничего не понимаю. Менѣе всего понимаю, какъ съ вашей ясностью можетъ уживаться этотъ сумбуръ. Не знаю, пошлю ли это письмо. Во всякомъ случаѣ скажу, что хотѣлъ сказать. Мое мнѣніе о васъ очень высоко, но я не совсѣмъ довѣрялъ ему (я боялся, что подкупленъ), но теперь, по прочтеніи вашей книги, я не имѣю болѣе недовѣрія, и мнѣніе о вашей силѣ еще увеличилось. Дай вамъ Богъ спокойствія и духовнаго досуга. Вы бы меня очень порадовали, если бы написали мнѣ такъ же искренно, какъ я вамъ, свое мнѣніе о моей критикѣ вашей книги" [1]).

Осенью 1873 года былъ сдѣланъ первый живописный портретъ со Льва Николаевича художникомъ Крамскимъ.

Еще въ 1869 году Фетъ написалъ Льву Николаевичу, прося позволить списать съ него портретъ. На это Л. Н—чъ отвѣчалъ ему:

„Насчетъ портрета я прямо говорилъ и говорю: нѣтъ. Если это вамъ непріятно, то прошу прощенья. Есть какое-то чувство сильнѣе разсужденія, которое мнѣ говоритъ, что это не годится".

Художнику Крамскому, которому Третьяковъ поручилъ сдѣлать портретъ Л. Н—ча въ 1873 году, предстояла трудная задача.

С. А. Берсъ разсказываетъ о томъ, какимъ путемъ Крамскому удалось это сдѣлать:

„Левъ Николаевичъ не любилъ фотографію и очень рѣдко снимался и самъ уничтожалъ потомъ негативъ. Онъ предпочиталъ самаго плохого художника самой лучшей фотографіи.

---

[1]) Архивъ В. Г. Черткова.

„Извѣстному портретисту Крамскому было поручено, если не ошибаюсь, г. Третьяковымъ написать портретъ Льва Николаевича. Знаменитый художникъ тщетно разыскивалъ его фотографію. По скромности онъ не рѣшался просить сеанса, потому что не былъ знакомъ и слышалъ о замкнутой жизни въ Ясной Полянѣ. Тогда онъ поселился въ пяти верстахъ отъ Ясной Поляны на дачѣ, мимо которой Левъ Николаевичъ иногда проѣзжалъ верхомъ. Тутъ онъ и возымѣлъ намѣреніе написать портретъ его въ кафтанѣ на лошади. Вскорѣ все это обнаружилось, и онъ былъ любезно приглашенъ въ Ясную Поляну".

Левъ Николаевичъ въ письмѣ къ Фету, которому онъ разъ уже отказалъ, какъ бы извиняется, что согласился на этотъ разъ.

25 сентября 1873 года онъ пишетъ:

„У меня каждый день, вотъ уже съ недѣлю, живописецъ Крамской дѣлаетъ мой портретъ въ Третьяковскую галлерею, и я сижу и болтаю съ нимъ и изъ петербургской стараюсь обращать въ крещеную вѣру. Я согласился на это, потому что самъ Крамской пріѣхалъ, согласился сдѣлать другой портретъ очень дешево для насъ и жена уговорила" [1]).

Гр. С. А. сообщаетъ объ этомъ въ письмѣ къ своей сестрѣ Т. А. слѣдующія подробности:

„У насъ теперь всякій день бываетъ художникъ, живописецъ Крамской, и пишетъ два Левочкиныхъ портрета масляными красками. Ты, вѣрно, прежде слышала, что Третьяковъ собираетъ галлерею портретовъ русскихъ замѣчательныхъ людей. Онъ давно присылалъ просить позволить списать съ Левочки портретъ, но онъ не соглашался. Теперь же самъ живописецъ уговорилъ, и Левочка согласился съ тѣмъ, чтобы онъ взялъ на себя заказъ портрета другого, который остается у насъ и будетъ стоить около 250

---

[1]) А. Фетъ. „Воспоминанія". Т. II, стр. 282.

руб. Теперь пишутся оба сразу и замѣчательно похожи, смотрѣть страшно даже".

Съ конца 1873 г. наступаетъ скорбный періодъ въ Ясной Полянѣ, продолжавшійся два года и принесшій семейству Толстыхъ пять смертей.

18 ноября умеръ маленькій мальчикъ Петя, полуторагодовой ребенокъ.

Л. Н—чъ писалъ объ этомъ Фету:

„У насъ горе: Петя меньшой заболѣлъ крупомъ и въ два дня умеръ. Это первая смерть за 11 лѣтъ въ нашей семьѣ, и для жены очень тяжелая. Утѣшаться можно, что если бы выбирать одного изъ насъ восьмерыхъ, эта смерть легче всѣхъ и для всѣхъ, но сердце и особенно материнское—это удивительное высшее проявленіе Божества на землѣ,—не разсуждаетъ, и жена очень горюетъ".

Мы не можемъ удержаться, чтобы не привести здѣсь и письма гр. С. А. къ ея сестрѣ Т. А. о томъ же событіи:

„9-го ноября умеръ у насъ маленькій Петя болѣзнью горла. Что это было, Богъ знаетъ! Болѣе всего похоже на крупъ. Началось хрипотой, которая усиливалась все болѣе, и черезъ двое сутокъ унесла его. Послѣдній часъ хрипота уменьшилась, и наконецъ, лежа въ постелькѣ, не просыпаясь, не метаясь даже, тихо, какъ будто заснулъ, умеръ этотъ веселый, толстенькій мальчикъ и остался такой же полный, кругленькій и улыбающійся, какимъ былъ прежде.

„Страдалъ онъ, кажется, мало, спалъ много во время болѣзни, и не было ничего страшнаго, ни судорогъ, ни мученій, и за то слава Богу. И даже и то я считаю милостью, что умеръ меньшой, а не одинъ изъ старшихъ. Нечего вамъ говорить, до чего все-таки тяжела эта потеря. Вы испытали хуже и знаете всю боль, какую испытываешь, когда отрывается отъ своей жизни частица, ничѣмъ незамѣнимая. Прошло уже десять дней, а я хожу все какъ потерянная, все

СНИМОКЪ СЪ ПОРТРЕТА Л. Н. ТОЛСТОГО,
ПИСАННАГО КРАМСКИМЪ ВЪ 1873 Г.

жду услыхать, какъ бѣгутъ быстрыя ножки и какъ кличетъ его голосокъ меня еще издалека. Ни одинъ ребенокъ не былъ ко мнѣ такъ привязанъ и ни одинъ не сіялъ такимъ весельемъ и такой добротой. Во всѣ грустные часы, во всѣ минуты отдыха послѣ ученья дѣтей я брала его къ себѣ и забавлялась имъ, какъ никѣмъ изъ другихъ дѣтей не забавлялась прежде. И теперь все осталось, но пропала вся радость, все веселье жизни... И пошла опять теперь наша жизнь по-старому, и только для меня одной потухъ радостный свѣтъ въ нашемъ домѣ,—свѣтъ, который давалъ мнѣ веселый, любящій добрякъ Петя и которымъ освѣщались всѣ мои самыя грустныя минуты" [1]).

И вотъ, только-что успѣла семья Толстыхъ оправиться отъ этого горя, какъ постигло ихъ новое горе, хотя и не столь острое. 20-го іюня 1874 г. тихо отошла въ вѣчность любимая всѣми и всѣхъ любившая тетушка Л. Н—ча, Татьяна Александровна Ергольская.

Мы уже приводили въ 1-мъ томѣ, въ воспоминаніяхъ Льва Николаевича, его описаніе послѣднихъ дней жизни, смерти и похоронъ ея.

Черезъ два дня послѣ похоронъ Л. Н—чъ писалъ объ этомъ Фету:

„Мы третьягодня похоронили тетушку Татьяну Александровну. Она медленно и равномѣрно умирала, и я привыкъ къ умиранію ея, но смерть ея была, какъ и всегда смерть близкаго и дорогого человѣка, совершенно новымъ, единственнымъ и неожиданно-поразительнымъ событіемъ. Остальные здоровы и домъ нашъ также полонъ" [2]).

И вотъ опять черезъ полгода, въ февралѣ 1875 года, умираетъ 10-тимѣсячный ребенокъ Николушка.

„У насъ горе за горемъ; вы съ Марьей Петровной вѣрно пожалѣете насъ, главное Соню. Меньшой сынъ, 10-ти мѣсяцевъ, заболѣлъ недѣли три тому назадъ той страшной бо-

[1]) Архивъ Т. А. Кузминской.

[2]) А. Фетъ. „Воспоминанія" ч. II, стр. 291.

лѣзнью, которую называютъ головною водянкой, и послѣ страшныхъ 3-хнедѣльныхъ мученій третьягодня умеръ, а нынче мы его схоронили. Мнѣ это тяжело черезъ жену, но ей, кормившей самой, было очень трудно“ [1]).

Да, ей дѣйствительно было трудно. Описывая въ письмѣ къ своей сестрѣ со всѣми подробностями, отъ чтенія которыхъ сжимается сердце, всю эту непонятную по своимъ мучительнымъ страданіямъ смерть и похороны съ зимней вьюгой, она заключаетъ свое описаніе словами:

„Теперь, Таня, я свободна, но какъ тяжела мнѣ эта свобода, какъ я чувствую себя потерянной, ненужной, ты себѣ представить не можешь. Этого мальчика я любила за двухъ: и за умершаго Петю и за него самого. Съ какою любовью и стараньемъ я выхаживала его и наряжала и радовалась на него, и все его воспитаніе я вела добросовѣстнѣе, чѣмъ всѣхъ другихъ. Но мнѣ часто казалось, что онъ живъ не будетъ—я всегда говорила: нѣтъ, и этотъ не настоящій“ [2]).

Большая часть 1875 года прошла благополучно; мы уже знаемъ, что лѣтомъ вся семья ѣздила въ самарское имѣніе, гдѣ были башкирскія скачки и вообще старыя горя стали понемногу сглаживаться. Но въ концѣ ноября Софья Андреевна, заразившись отъ дѣтей коклюшемъ, преждевременно родила дѣвочку, которая черезъ полчаса умерла. Конечно, эта маленькая смерть не произвела на окружающихъ большого впечатлѣнія. Но вотъ черезъ мѣсяцъ, 22 декабря, еще новая смерть,—тетушки Пелагеи Ильиничны Юшковой.

Хотя съ этой тетушкой и не было столь нѣжныхъ отношеній, но сила привычки, воспоминанія юности, проведенной въ ея домѣ, наконецъ ея постоянная жизнь послѣдніе два года въ семьѣ Толстыхъ,—все это заставило еще разъ перечувствовать все жало смерти и наложило новую тѣнь грусти на этотъ жизнерадостный въ обычное время яснополянскій семейный кружокъ.

---

[1]) Тамъ же, стр. 288.

[2]) Архивъ Т. А. Кузминской.

ГЛАВА XII.

Продолженіе.

1876 годъ начинается тоже не весело.

1-го марта Л. Н—чъ пишетъ Фету:

„...У насъ все не совсѣмъ хорошо. Жена не оправляется съ послѣдней болѣзни, кашляетъ, худѣетъ,—то лихорадка, то мигрень. А потому и нѣтъ у насъ въ домѣ благополучія и во мнѣ душевнаго спокойствія, которое мнѣ особенно нужно теперь для работы. Конецъ зимы и начало весны всегда мое самое рабочее время...“ [1])

Мы знаемъ, что въ этотъ періодъ начавшихся уже въ немъ религіозныхъ исканій Л. Н—чъ увлекался музыкой, вѣроятно, находя въ ней нѣкоторое успокоеніе.

Къ этому же году слѣдуетъ отнести знакомство Л. Н—ча съ однимъ замѣчательнымъ русскимъ человѣкомъ, извѣстнымъ композиторомъ, Петромъ Ильичемъ Чайковскимъ. Хотя знакомство это и было непродолжительно и не дало видимыхъ результатовъ, но мы полагаемъ, что невидимые результаты были и, кромѣ того, въ сношеніяхъ этихъ двухъ людей были характерныя для нихъ обоихъ черты, которыя мы и приведемъ здѣсь, заимствуя ихъ изъ дневника и писемъ П. И. Чайковскаго, изданныхъ его братомъ М. Чайковскимъ.

Вотъ какъ разсказываетъ П. И. о своемъ знакомствѣ со Л. Н—чемъ въ Москвѣ, въ своемъ письмѣ къ А. Давыдовой отъ 23 декабря 1876 г.:

---

[1]) А. Фетъ. „Мои воспоминанія“, т. II, стр. 313.

„На-дняхъ здѣсь провелъ нѣсколько времени графъ Л. Н. Толстой. Онъ у меня былъ нѣсколько разъ, провелъ два цѣлыхъ вечера. Я ужасно польщенъ и гордъ интересомъ, который ему внушаю, и съ своей стороны вполнѣ очарованъ его идеальной личностью“.

Братъ П. И. комментируетъ такъ эти свѣдѣнія:

„Еще молодымъ правовѣдомъ, съ перваго появленія въ печати произведеній Льва Николаевича Толстого, Петръ Ильичъ полюбилъ этого писателя больше всѣхъ остальныхъ. Любовь эта росла по мѣрѣ возрастанія значительности твореній великаго романиста и обратилась въ настоящій культъ этого имени. Впечатлительности и воображенію Петра Ильича свойственно было всему, что онъ любилъ, но чего, такъ сказать, не осязалъ, придавать фантастическіе размѣры, поэтому творецъ „Дѣтства и отрочества“, „Казаковъ“ и „Войны и мира“ ему представлялся не человѣкомъ, а, по его выраженію, „полубогомъ“. Въ то время личность Льва Николаевича, его біографія, частная жизнь, даже портреты почти не были извѣстны массѣ, и это обстоятельство еще больше способствовало представленію Петра Ильича о немъ какъ о существѣ почти волшебномъ. И вотъ, этотъ таинственный чародѣй вдругъ спустился съ недосягаемыхъ своихъ высотъ и первый пришелъ протянуть ему руку.

„Когда я познакомился,—говоритъ Петръ Ильичъ десять лѣтъ спустя въ дневникѣ 1886 г.,—съ Толстымъ, меня охватилъ страхъ и чувство неловкости передъ нимъ. Мнѣ казалось, что этотъ величайшій сердцевѣдецъ однимъ взглядомъ проникнетъ во всѣ тайники моей души. Передъ нимъ, казалось мнѣ, уже нельзя скрывать всю дрянь, имѣющуюся на днѣ души, и выставлять лишь казовую сторону.

Если онъ добръ (а такимъ онъ долженъ быть, конечно), думалъ я, то онъ деликатно, нѣжно, какъ врачъ, изучающій рану и знающій всѣ наболѣвшія мѣста, будетъ избѣгать задѣваній и раздражать ихъ, но тѣмъ самымъ и дастъ мнѣ почувствовать, что ничего для него не скрыто. Если онъ не

особенно жалостливъ, онъ прямо пальцемъ ткнетъ въ центръ боли. И того и другого я страшно боялся. Но ни того, ни другого не было. Глубочайшій сердцевѣдецъ въ писаніи, оказался въ своемъ обращеніи съ людьми простой, цѣльной, искренней натурой, весьма мало обнаруживающей то всевѣдѣніе, котораго я боялся; онъ не избѣгалъ задѣваній, но и не причинялъ намѣренной боли. Видно было, что онъ совсѣмъ не видѣлъ во мнѣ объекта для своихъ наблюденій, просто ему хотѣлось поболтать о музыкѣ, которою онъ въ то время интересовался. Между прочимъ онъ любилъ отрицать Бетховена и прямо выражалъ сомнѣніе въ его геніальности. Это уже черта совсѣмъ не свойственная великимъ людямъ. Низводить до своего непониманія всѣми признаннаго генія—свойство ограниченныхъ людей".

Но Левъ Толстой не только хотѣлъ „поболтать о музыкѣ" съ Петромъ Ильичомъ. Онъ также хотѣлъ высказать ему тотъ интересъ, который ему внушили его композиціи. Польщенный, по собственнымъ словамъ, „какъ никогда въ жизни", Петръ Ильичъ просилъ Н. Рубинштейна устроить въ консерваторіи музыкальный вечеръ исключительно для великаго писателя. На этомъ вечерѣ между прочимъ было исполнено анданте изъ Д-дурнаго квартета, и при звукахъ его Левъ Николаевичъ разрыдался при всѣхъ. „Можетъ-быть, никогда въ жизни я не былъ такъ польщенъ,—говоритъ Петръ Ильичъ въ томъ же дневникѣ,—и тронутъ въ моемъ авторскомъ самолюбіи, какъ когда Левъ Толстой, слушая анданте моего квартета и сидя рядомъ со мною, залился слезами" [1]).

Л. Н—чъ, всегда въ своемъ сердцѣ и мысляхъ носившій желаніе послужить развитію самобытныхъ народныхъ силъ, самъ много потрудившись для этого, искалъ и въ другихъ сильныхъ людяхъ сотрудниковъ себѣ въ этомъ дѣлѣ. И вотъ, познакомившись съ Чайковскимъ и оцѣнивъ силу его

---

[1]) „Жизнь П. И. Чайковскаго", т. I стр. 519.

таланта, онъ захотѣлъ и его притянуть къ дорогому для него дѣлу народнаго искусства.

Результатомъ этого желанія была посылка Чайковскому сборника записанныхъ народныхъ пѣсенъ при слѣдующемъ письмѣ:

„Посылаю вамъ, дорогой Петръ Ильичъ, пѣсни. Я ихъ еще пересмотрѣлъ. Это удивительное сокровище въ вашихъ рукахъ. Но ради Бога обработайте ихъ и пользуйтесь въ моцартовско-гайдновскомъ родѣ, а не бетховено-шумано-берліозо-искусственномъ, ищущемъ неожиданнаго, родѣ. Сколько я не договорилъ съ вами! Даже ничего не сказалъ изъ того, что хотѣлъ. И некогда было. Я наслаждался. И это мое послѣднее пребываніе въ Москвѣ останется для меня однимъ изъ лучшихъ воспоминаній. Я никогда не получалъ такой дорогой для меня награды за мои литературные труды, какъ этотъ чудный вечеръ. И какой милый Рубинштейнъ! Поблагодарите его еще разъ за меня. Онъ мнѣ очень понравился. Да и всѣ эти жрецы высшаго въ мірѣ искусства, засѣдавшіе за пирогомъ, оставили во мнѣ такое чистое и серьезное впечатлѣніе. А ужъ о томъ, что происходило для меня въ круглой залѣ, я не могу вспомнить безъ содроганія. Кому изъ нихъ можно послать мои сочиненія, т.-е. у кого нѣтъ ихъ и кто ихъ будетъ читать?

Вещи ваши не смотрѣлъ, но когда примусь, буду, нужно ли вамъ или не нужно, писать свои сужденія, потому что я полюбилъ вашъ талантъ. Прощайте, дружески жму вашу руку.

Вашъ Левъ Толстой.

Про какой портретъ мнѣ говорилъ Рубинштейнъ? Ему я радъ прислать, попросивъ его о томъ же, но для консерваторіи это что-то не то...“

На это письмо П. И. Чайковскій отвѣчалъ Л. Н—чу такъ:

„Графъ! Искренно благодаренъ вамъ за присылку пѣсенъ. Я долженъ вамъ сказать откровенно, что онѣ записаны рукой неумѣлой и носятъ на себѣ развѣ лишь одни слѣды

своей первобытной красоты. Самый главный недостатокъ— это, что онѣ втиснуты искусственно и насильственно въ правильный, размѣренный ритмъ. Только плясовыя русскія пѣсни имѣютъ ритмъ съ правильнымъ и равномѣрно акцентированнымъ тактомъ, а вѣдь былины съ плясовой пѣснью ничего общаго имѣть не могутъ. Кромѣ того, большинство этихъ пѣсенъ, и тоже, повидимому, насильственно, записано въ торжественномъ Д-дурѣ, что опять-таки не согласно съ строемъ настоящей русской пѣсни, почти всегда имѣющей неопредѣленную тональность, ближе всего подходящую къ древнимъ церковнымъ ладамъ. Вообще присланныя мнѣ вами пѣсни не могутъ подлежать правильной и систематической обработкѣ, т.-е. изъ нихъ нельзя сдѣлать сборника, такъ какъ для этого необходимо, чтобы пѣснь была записана насколько возможно согласно съ тѣмъ, какъ ее исполняетъ народъ. Это необычайно трудная вещь и требуетъ самаго тонкаго музыкальнаго чувства и большой музыкально-исторической эрудиціи. Кромѣ Балакирева и отчасти Прокунина, я не знаю ни одного человѣка, сумѣвшаго быть на высотѣ своей задачи. Но матеріаломъ для симфонической разработки ваши пѣсни служить могутъ и даже очень хорошимъ матеріаломъ, которымъ я непремѣнно воспользуюсь такъ или иначе.

Какъ я радъ, что вечеръ въ консерваторіи оставилъ въ васъ хорошее воспоминаніе! Наши квартетисты играли въ этотъ вечеръ какъ никогда. Вы можете изъ этого вывести заключеніе, что пара ушей такого великаго художника, какъ вы, способна воодушевить артиста въ сто разъ больше, чѣмъ десятки тысячъ ушей публики.

Вы—одинъ изъ тѣхъ писателей, которые заставляютъ любить не только свои сочиненія, но и самихъ себя. Видно было, что, играя такъ удивительно хорошо, они старались для очень любимаго и дорогого человѣка. Что касается меня, то я не могу выразить, до чего я былъ счастливъ и гордъ, что моя музыка могла васъ тронуть и увлечь.

Я передамъ ваше порученіе Рубинштейну, какъ только онъ пріѣдетъ изъ Петербурга. Кромѣ Фитценгагена, не читающаго по-русски, всѣ остальные, участвовавшіе въ квартетѣ, читали ваши сочиненія. Я полагаю, что они вамъ будутъ очень благодарны, если вы пришлете каждому изъ нихъ какое-нибудь сочиненіе.

Что касается до меня, то я бы просилъ васъ подарить мнѣ „Казаки", если не теперь, то въ другой разъ, когда вы опять побываете въ Москвѣ, чего я буду ожидать съ величайшимъ нетерпѣніемъ.

Если вы будете посылать портретъ Рубинштейну, то и меня не забудьте" [1]).

На этомъ прекратились навсегда отношенія Л. Толстого и П. Чайковскаго.

Странно сказать, но случилось это если не по иниціативѣ, то вполнѣ согласно съ желаніемъ самого Петра Ильича. Изъ конца вышеприведеннаго дневника внимательный читатель замѣтитъ, что сближеніе это привело къ нѣкотораго рода разочарованію со стороны послѣдняго. Ему было непріятно, что „властитель его думъ", существо, умѣвшее поднимать изъ глубочайшихъ нѣдръ его души самые чистые и пламенные восторги, говоритъ иногда „обыкновенныя вещи, и притомъ недостойныя генія". Не знать, не видѣть этихъ будничныхъ и мелкихъ чертъ въ образѣ, который онъ въ воображеніи своемъ украсилъ всѣми добродѣтелями и достоинствами, было отраднѣе. Петръ Ильичъ слишкомъ привыкъ поклоняться своему кумиру издали для того, чтобы сохранить нетронутымъ свой культъ, держа своего божка въ рукахъ и разсматривая, какъ и изъ чего онъ сдѣланъ, какіе имѣетъ недостатки. Петру Ильичу было больно при ближайшемъ знакомствѣ потерять вѣру въ него, разлюбить его творенія, доставлявшія столько свѣтлыхъ и радостныхъ минутъ высокаго настроенія. Онъ самъ говорилъ мнѣ, что,

---

[1]) Тамъ же, стр. 520.

несмотря на всю гордость и счастье, которое онъ испыталъ при этомъ знакомствѣ, любимѣйшія произведенія Толстого временно, утратили для него свое очарованіе.

„Анна Каренина“, которая вскорѣ послѣ стала появляться въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, сначала рѣшительно не нравилась ему, и въ сентябрѣ 1877 г. онъ писалъ мнѣ:

„Послѣ твоего отъѣзда я еще кое-что прочелъ изъ „Анны Карениной“. Какъ тебѣ не стыдно восхищаться этой возмутительно пошлой дребеденью, прикрытой претензіей на глубину психическаго анализа? Да чортъ его побери, этотъ психическій анализъ, когда въ результатѣ остается впечатлѣніе пустоты и ничтожества, точно будто присутствовалъ при разговорѣ Alexandrine Долгоруковой съ Ник. Дм. Кондратьевымъ о разныхъ Китти, Алинахъ и Лили... Что интереснаго въ этихъ барскихъ тонкостяхъ?“

Но само собою разумѣется, стоило Петру Ильичу перечесть романъ, когда онъ вышелъ цѣликомъ, чтобы эта бутада заставила его покраснѣть, и „Анна Каренина“ стала въ его мнѣніи на ряду со всѣмъ великимъ, что Л. Н. Толстой написалъ до этого.

Говорилъ Петръ Ильичъ также, что, кромѣ этого разочарованія въ личности, тяготило его еще и то, что, несмотря на простоту, ласковость и прелесть обращенія Льва Николаевича, онъ смущалъ его. Изъ желанія понравиться, угодить, изъ жажды и вмѣстѣ съ тѣмъ изъ страха выразить чувство поклоненія и восторга, Петръ Ильичъ сознавалъ, что становился „самъ не собою“ въ присутствіи своего собесѣдника, невольно то рисовался, то, наоборотъ, таилъ очень искренніе порывы, боясь покоробить „сердцевѣда“, показаться ему искусственнымъ. Словомъ, Петръ Ильичъ чувствовалъ, что все время играетъ какую-то роль, а это всегда было источникомъ самыхъ тяжелыхъ ощущеній для его правдивой натуры. Результатомъ всего этого было, что Петръ Ильичъ сталъ „бояться“ встрѣчъ со Львомъ Николаевичемъ и, вернувъ свое божество на подобающее ему

мѣсто священной таинственности и неприступности, остался поклонникомъ его до смерти [1]).

Религіознымъ взглядамъ Л. Н—ча Чайковскій не сочувствовалъ. Это можетъ показаться страннымъ, читая такое правдивое и серьезное выраженіе религіозныхъ взглядовъ Чайковскаго, которое мы находимъ въ его письмѣ изъ Кларана къ Н. Ф. фонъ-Меккъ отъ 30 октября 1877 г.:

„Нужно вамъ сказать, что относительно религіи натура моя раздвоилась, и я еще до сихъ поръ не могу найти примиренія. Съ одной стороны, мой разумъ упорно отказывается отъ признанія истины догматической стороны какъ православія, такъ и всѣхъ другихъ христіанскихъ исповѣданій. Напримѣръ, сколько я ни думалъ о догматѣ возмездія и награды, смотря по тому, хорошъ или дуренъ человѣкъ, я никогда не могъ найти въ этомъ вѣрованіи никакого смысла... Какъ провести рѣзкую границу между овцами и козлищами? за что награждать, да и за что казнить? Столь же недоступна моему разумѣнію и твердая вѣра въ вѣчную жизнь. Въ этомъ отношеніи я совершенно плѣненъ пантеистическимъ взглядомъ на будущую жизнь и на безсмертіе...

„Съ другой стороны, воспитаніе, привычка съ дѣтства, вложенныя поэтическія представленія о всемъ, касающемся Христа и Его ученія, — все это заставляетъ меня невольно обращаться къ Нему съ мольбою въ горѣ и съ благодарностью въ счастьѣ“ [2]).

Но вдумываясь въ эти выраженія, мы поймемъ, конечно, что именно эта нѣкоторая близость, но нерѣшительность и вмѣстѣ съ тѣмъ искренность П. И—ча и не позволяли ему дать себя привести къ вѣрѣ авторитетнымъ голосомъ Л. Н—ча. Онъ искалъ своего рѣшенія. Мы не знаемъ, нашелъ ли онъ его и съ какимъ чувствомъ перешелъ въ иную жизнь.

---

[1]) Тамъ же, стр. 522.

[2]) Тамъ же, т. II, стр. 28.

1877 годъ начался опять безпокойно для Л. Н—ча вслѣдствіе продолжавшейся болѣзни С. Андр. У ней появились признаки какой-то серьезной внутренней болѣзни, и она рѣшила поѣхать въ Петербургъ для совѣта съ Боткинымъ. Къ общей радости всей семьи Боткинъ не нашелъ ничего опаснаго, и графиня благополучно возвратилась домой.

13 апрѣля 1877 года была объявлена война Турціи. На этотъ разъ Л. Н—чъ остался стороннимъ зрителемъ, съ отрицательной критической оцѣнкой событій, которыя тѣмъ не менѣе сильно волновали его.

15 апрѣля гр. С. А. писала своей сестрѣ:

„Левочка странно относился къ сербской войнѣ; онъ почему-то смотрѣлъ не такъ, какъ всѣ, а съ своей личной, отчасти религіозной точки зрѣнія; теперь онъ говоритъ, что война настоящая и трогаетъ его“ [1]).

Мы знаемъ уже изъ эпилога „Анны Карениной“ отрицательное отношеніе Л. Н—ча къ добровольческому движенію.

Въ ноябрѣ 1876 года онъ пишетъ Фету:

„Ѣздилъ я въ Москву узнавать про войну. Все это волнуетъ меня очень. Хорошо тѣмъ, которымъ все это ясно, но мнѣ странно становится, когда я начинаю вдумываться во всю сложность тѣхъ условій, при которыхъ совершается исторія, какъ дама какая-нибудь А—ва, съ своимъ тщеславіемъ и фальшивымъ сочувствіемъ чему-то неопредѣленному, оказывается нужнымъ винтикомъ во всей машинѣ“ [2]).

Черезъ четыре мѣсяца русско-турецкой войны, въ августѣ, Л. Н—чъ писалъ Страхову:

„И въ дурномъ и въ хорошемъ расположеніи духа мысль о войнѣ застилаетъ для меня все. Не война самая, но вопросъ о нашей несостоятельности, который вотъ-вотъ долженъ рѣшиться, и о причинахъ этой несостоятельности, которыя мнѣ становятся все яснѣе и яснѣе. Нынче Степа

---

[1]) Арх. Т. А. Кузминской.

[2]) Фетъ. „Мои воспоминанія“, т. II, стр. 322.

разговаривалъ съ Сергѣемъ [1]) о войнѣ, и Сергѣй сказалъ: 1) что на войнѣ хорошо молодымъ солдатамъ попользоваться на счетъ турчанокъ, и когда Степа сказалъ, что это нехорошо, онъ сказалъ: да что, вѣдь ей ничего не убудетъ. Чортъ съ ней. — Это говоритъ тотъ Сергѣй, который сочувствовалъ сербамъ и котораго приводятъ въ доказательство народнаго сочувствія. А задушевная мысль о войнѣ только турчанка, т.-е. разнузданность животныхъ инстинктовъ. 2) Когда Степа разсказалъ, что дѣла идутъ плохо, онъ сказалъ, что жъ не возьмутъ Михаила Григорьевича Черняева (онъ знаетъ имя и отчество), онъ бы ихъ размайорилъ. Турчанка и слѣпое довѣріе къ имени новому народному. Мнѣ кажется, что мы находимся на краю большого переворота. Пишите мнѣ, пожалуйста, о томъ, что дѣлается и говорится въ Петербургѣ" [2]).

Въ Тулу, какъ и въ другіе города, стали приходить плѣнные турки. Л. Н—чъ ѣздилъ къ плѣннымъ, помѣщавшимся на окраинѣ Тулы, на бывшемъ сахарномъ заводѣ. Помѣщеніе и содержаніе ихъ было сносно, но Л. Н—ча интересовало больше всего ихъ душевное состояніе, и онъ спросилъ, есть ли у нихъ коранъ и кто мулла, и тогда они окружили его, завязалась бесѣда, и оказалось, что у всякаго есть коранъ въ сумочкѣ. Л. Н—ча это очень поразило.

Лѣтомъ 1877 года Л. Н—чъ совершилъ вмѣстѣ съ Н. Н. Страховымъ свое первое путешествіе въ Оптину пустынь.

Они поѣхали по желѣзной дорогѣ до Калуги, оттуда на лошадяхъ до Оптиной пустыни и остановились въ гостиницѣ. Утромъ они были очень удивлены посѣтителями, заставшими ихъ еще въ кроватяхъ. Это былъ князь Оболенскій, имѣніе котораго было по сосѣдству, и Н. Г. Рубин-

---

[1]) Прислуга въ домѣ Л. Н—ча.

[2]) Архивъ В. Г. Черткова.

штейнъ, гостившій въ то время у Оболенскаго. Они пригласили Л. Н—ча посѣтить ихъ на обратномъ пути, что Л. Н—чъ и исполнилъ. Конечно, Л. Н—чъ и Н. Н. Страховъ посѣтили старца Амвросія. Но свиданіе это, несмотря на то, что Л. Н—чъ въ это время былъ православнымъ, не удовлетворило ни того, ни другого. Со старцемъ у Л. Н—ча вышли пререканія по поводу одного евангельскаго текста, а Н. Н. Страхова о. Амвросій, слышавшій, что Страховъ писатель-философъ, сталъ разубѣждать насчетъ матеріализма, въ чемъ Н. Н. совсѣмъ не былъ грѣшенъ.

Затѣмъ Л. Н—чъ посѣтилъ архимандрита Ювеналія, бывшаго гвардейскаго офицера Половцева; онъ вспоминалъ, что на этомъ свиданіи произошелъ комичный эпизодъ. Во время обычныхъ въ такихъ случаяхъ разговоровъ, въ присутствіи свѣтскихъ гостей, отецъ Пименъ, одинъ изъ старцевъ пустыни, присутствовавшій на этомъ пріемѣ, преспокойно, сидя на стулѣ, уснулъ. Сознавая пустоту разговора, Л. Н—чъ позавидовалъ о. Пимену, избравшему „благую часть". Впослѣдствіи Л. Н—чъ не разъ вспоминалъ это обличительное равнодушіе о. Пимена и приводилъ его въ примѣръ кроткаго обличенія мірской суеты.

Наиболѣе чистое, пріятное впечатлѣніе оставилъ въ Л. Н—чѣ секретарь-келейникъ о. Амвросія, о. Климентъ, въ міру Зедерхольмъ, умный, образованный и искренно религіозный человѣкъ.

На обратномъ пути Л. Н—чъ вмѣстѣ со Страховымъ посѣтилъ князя Оболенскаго въ его имѣніи Березино, гдѣ наслаждался прекрасной игрой Н. Г. Рубинштейна.

На другой день онъ тѣмъ же путемъ возвратился черезъ Калугу и Тулу въ Ясную Поляну.

Интереснымъ фактомъ этого времени было появленіе въ домѣ Л. Н—ча извѣстнаго разсказчика былинъ, архангельскаго крестьянина Щеголенкова, привезеннаго Львомъ Николаевичемъ изъ Москвы отъ профессора Тихонравова.

Л. Н—чъ очень увлекался его стариннымъ поэтическимъ народнымъ языкомъ и, кромѣ того, записалъ съ его словъ нѣсколько старинныхъ легендъ, которыя потомъ послужили для него темой, переработанной имъ въ народныхъ разсказахъ. Таковы были легенды о сапожникѣ Михайлѣ—„Чѣмъ люди живы", о трехъ старцахъ, спасавшихся на островѣ, и др.

Приведемъ теперь нѣсколько свѣдѣній объ образѣ жизни самого Л. Н—ча, нѣсколько чертъ его характера, которыя дополняютъ общее очертаніе его фигуры.

Въ воспоминаніяхъ С. Берса о Львѣ Николаевичѣ находится много свѣдѣній о личной и семейной жизни Л. Н—ча. Мы беремъ только наиболѣе характерныя.

Вотъ что говоритъ, между прочимъ, С. Берсъ о распредѣленіи времени дня Л. Н—ча и объ его отношеніяхъ къ домашнимъ:

„Утромъ онъ приходилъ одѣваться въ свой кабинетъ, гдѣ я спалъ постоянно подъ гравированнымъ портретомъ извѣстнаго философа Шопенгауэра. Передъ кофе мы шли вдвоемъ на прогулку или ѣздили верхомъ купаться. Утренній кофе въ Ясной Полянѣ—едва ли не самый веселый періодъ дня. Тогда собирались всѣ. Оживленный разговоръ съ шуточками Льва Николаевича и планами на предстоящій день длился довольно долго, пока онъ не встанетъ со словами: „надо работать", и уходитъ въ особую комнату со стаканомъ крѣпкаго чая.

„Никто не долженъ былъ входить къ нему во время занятій. Даже жена никогда не дѣлала этого. Одно время такою привилегіей пользовалась старшая дочь его, когда была еще ребенкомъ.

„Откровенно говоря, я былъ всегда радъ тѣмъ днямъ, когда онъ не работалъ, потому что весь день находился въ его обществѣ.

„Нельзя передать съ достаточной полнотой того веселаго и привлекательнаго настроенія, которое постоянно царило въ Ясной Полянѣ. Источникомъ его былъ всегда Левъ Ни-

колаевичъ. Въ разговорѣ объ отвлеченныхъ вопросахъ, о воспитаніи дѣтей, о внѣшнихъ событіяхъ его сужденіе было всегда самое интересное. Въ игрѣ въ крокетъ, въ прогулкѣ онъ оживлялъ всѣхъ своимъ юморомъ и участіемъ, искренно интересуясь игрой и прогулкой. Не было такой простой мысли и самаго простого дѣйствія, которымъ бы Л. Н—чъ не умѣлъ придать интереса и вызвать къ нимъ хорошаго и веселаго отношенія въ окружающихъ.

„Дѣти дорожили его обществомъ, наперерывъ желали играть съ нимъ въ одной партіи, радовались, когда онъ затѣетъ для нихъ какое-нибудь упражненіе. Подчиняясь его вліянію и настроенію, они безъ затрудненія совершали съ нимъ длинныя прогулки, напр., пѣшкомъ въ Тулу, что составляетъ около 15 верстъ.

„Мальчики съ восторгомъ ѣздили съ нимъ на охоту съ борзыми собаками. Всѣ дѣти спѣшили на его зовъ, чтобы съ нимъ дѣлать шведскую гимнастику, бѣгать, прыгать, что самъ онъ дѣлалъ опять же искренно и весело, а потому и всѣ дѣлали такъ же. Зимою всѣ катались на конькахъ, но съ большимъ еще удовольствіемъ расчищали катокъ отъ снѣга, потому что эта иниціатива принадлежала Льву Николаевичу. Не участвуя самъ въ грибномъ спортѣ, очень развитомъ въ Ясной Полянѣ, онъ умѣлъ поощрять къ нему другихъ. Со мной онъ косилъ, вѣялъ, дѣлалъ гимнастику, бѣгалъ въ перегонки и изрѣдка игралъ въ чехарду, городки и т. д. Далеко уступая его большой физической силѣ, такъ какъ онъ поднималъ до пяти пудовъ одной рукой, я легко могъ состязаться съ нимъ въ быстротѣ бѣга, но рѣдко обгонялъ его, потому что я всегда въ это время смѣялся. Это настроеніе всегда сопровождало наши упражненія. Когда намъ случалось проходить тамъ, гдѣ косили, онъ непремѣнно подойдетъ и попроситъ косу у того, кто казался наиболѣе усталымъ. Я, конечно, слѣдовалъ его примѣру. При этомъ онъ всегда предлагалъ мнѣ вопросъ, отчего же мы, несмотря на хорошо развитую мускулатуру, не можемъ косить цѣлую

недѣлю подъ рядъ, а крестьянинъ при этомъ и спитъ на сырой землѣ и питается однимъ хлѣбомъ? „Попробуй-ка ты такъ", заключалъ онъ свой вопросъ. Уходя съ луга, онъ вытащитъ изъ копны клочокъ сѣна и, восхищаясь запахомъ, нюхаетъ его.

„Левъ Николаевичъ всегда любилъ музыку. Онъ игралъ только на роялѣ и преимущественно изъ серьезной музыки. Онъ часто садился за рояль передъ тѣмъ какъ работать, вѣроятно, для вдохновенія. Кромѣ того, онъ всегда аккомпанировалъ моей младшей сестрѣ и очень любилъ ея пѣніе. Я замѣчалъ, что ощущенія, вызываемыя въ немъ музыкой, сопровождались легкой блѣдностью лица и едва замѣтной гримасой, выражавшей нѣчто похожее на ужасъ. Почти не проходило дня лѣтомъ безъ пѣнія сестры и игры на роялѣ. Изрѣдка пѣли всѣ хоромъ и всегда аккомпанировалъ онъ же" [1]).

„Я видѣлъ гр. Л. Н—ча Толстого, — говоритъ кн. Д. Д. Оболенскій, въ своихъ воспоминаніяхъ,— во всѣхъ фазисахъ его дѣятельности, творчества и никогда не прощу себѣ, что не записывалъ бесѣдъ съ нимъ и бесѣдъ, бывшихъ въ моемъ присутствіи. Много поучительнаго вынесъ я. Чѣмъ бы ни увлекался Левъ Николаевичъ, все дѣлалъ онъ съ убѣжденіемъ, твердо вѣруя въ то, что дѣлаетъ, а увлекался онъ всегда во всю. Я помню гр. Л. Н—ча свѣтскимъ человѣкомъ, видалъ его на балахъ, и помню какъ-то его замѣчаніе: „Посмотрите, сколько поэзіи въ бальномъ туалетѣ женщины, сколько изящества, сколько мысли, сколько прелести хотя бы въ приколотыхъ къ платью цвѣтахъ". Я помню его страстнымъ охотникомъ, пчеловодомъ и садоводомъ, помню его увлеченіе сельскимъ хозяйствомъ, сажающаго лѣса и плодовые сады, занятаго коневодствомъ и многимъ другимъ" [2]).

[1]) С. А. Берсъ. „Воспоминанія".

[2]) Кн. Д. Д. Оболенскій. „Воспоминанія". „Русскій Арх.", 1896 г.

Къ семейной жизни, конечно, относится и воспитаніе дѣтей. Но въ этой области мы ничего не можемъ отмѣтить выдающагося. Конечно, педагогическіе принципы Л. Н—ча не остались безъ вліянія на первый дѣтскій періодъ воспитанія въ смыслѣ свободы, отсутствія наказаній, физическихъ упражненій и т. д. Самъ Левъ Николаевичъ принималъ участіе въ обученіи своихъ дѣтей, преподавая имъ ариѳметику, устраивая французскія чтенія по вечерамъ иллюстрированныхъ романовъ Жюль-Верна.

Но съ увеличеніемъ числа дѣтей, съ осложненіемъ семейной жизни постепенно воспитаніе и обученіе сбивалось на обычныя протоптанныя дорожки, и вліяніе Л. Н—ча ослабѣвало. Гувернеры, гувернантки, французы, нѣмцы, англичанки, потомъ гимназіи, лицеи и всѣ остальные атрибуты школьнаго и домашняго обученія достаточныхъ классовъ. Отсутствіе въ этомъ дальнѣйшемъ воспитаніи вліянія Л. Н—ча можно объяснить себѣ нѣсколькими соображеніями. Во-первыхъ, поглощенный литературной работой, онъ никогда не могъ поставить дѣло воспитанія дѣтей на первое мѣсто. Во-вторыхъ, какъ разъ къ этому времени, т.-е. ко времени подрастанія старшихъ дѣтей до школьнаго возраста, во Л. Н—чѣ стали возникать новые вопросы и сомнѣнія о правильности своего взгляда на міръ, которые не могли не отдалить его отъ рѣшенія текущихъ практическихъ вопросовъ. Въ-третьихъ, наконецъ, быть-можетъ, несогласіе въ этомъ важномъ дѣлѣ между мужемъ и женой, столь пагубно дѣйствующее на молодое поколѣніе, заставило уступить одну сторону, чтобы дать возможность примѣнить въ извѣстномъ порядкѣ взгляды другой стороны.

Читатель пойметъ то деликатное положеніе, какое мы занимаемъ, разсказывая факты изъ личной и семейной жизни еще, къ счастью, благополучно живущихъ супруговъ, и проститъ насъ, что мы не входимъ въ большія подробности ихъ внутренней жизни. Подробное изображеніе этого есть дѣло будущаго.

Чтобы покончить съ этими чертами личнаго характера Л. Н—ча, укажемъ на тѣ литературныя произведенія, которыя изъ многаго прочитаннаго Л. Н—чемъ за этотъ періодъ 60-хъ и 70-хъ годовъ произвели на него наиболѣе сильное впечатлѣніе:

Названіе произведеній:	*Сила впечатлѣнія:*
Одиссея и Иліада по-гречески.	Очень большое.
Былины.	Очень большое.
Ксенофонта Анабазисъ.	Очень большое.
Викторъ Гюго. Misérables.	Огромное.
Miss Wood. Романы.	Большое.

Замѣтимъ, что усиленное чтеніе древне-христіанскихъ подлинниковъ въ концѣ 70-хъ годовъ мы относимъ къ слѣдующему періоду его религіознаго кризиса.

Кончая „Анну Каренину", Л. Н—чъ часто въ письмахъ и разговорахъ съ своими друзьями жаловался на то, что онъ, такъ сказать, уже пережилъ свою прежнюю работу, что она тяготитъ его и ему хочется поскорѣе развязаться съ ней, „опростаться" для новой работы, все болѣе и болѣе захватывавшей его душевные интересы.

Въ январѣ 1876 года Софья Андреевна писала сестрѣ своей:

„Левочка собирается писать что-то историческое изъ временъ Ник. Павл. и теперь читаетъ много матеріаловъ".

Его записная книжка за 1877 годъ вся заполнена различными замѣтками подъ общимъ заглавіемъ: „Къ слѣдующему послѣ „А. Кар."

Замѣтки впечатлѣній картинъ природы, разныхъ работъ на деревнѣ и въ полѣ, черты характера будущихъ героевъ,— всѣ эти прелестные мимолетные наброски заставляютъ насъ искренно пожалѣть о неувидѣвшемъ свѣтъ произведеніи, которое должно было быть полно всяческими красотами. Интересъ Л. Н—ча къ эпохѣ царствованія Николая Павло-

вича снова вскорѣ сосредоточился на декабристахъ, и онъ скоро снова взялся за этотъ романъ и написалъ два послѣдніе варіанта первой главы, которые помѣщены въ полномъ собраніи его сочиненій.

Въ это время Л. Н—чъ снова углубился въ чтеніе историческихъ матеріаловъ того времени, знакомился съ людьми, помнящими то время, бесѣдовалъ съ участниками декабрьскаго дѣла.

Въ письмѣ своемъ къ Соф. Андр. изъ Петербурга въ мартѣ 1878 г. Л. Н—чъ пишетъ:

„... Нынче былъ у двухъ декабристовъ, обѣдалъ въ клубѣ, а вечеръ былъ у Бибикова, гдѣ Софья Никитична (рожд. Муравьева) мнѣ пропасть разсказывала и показывала. . . . . Потомъ поѣхалъ къ Свистунову, у котораго умерла дочь, и просидѣлъ у него 4 часа, слушая прелестные разсказы его и другого декабриста, Бѣляева.

...Потомъ поѣхалъ къ нотаріусу, въ библіотеку, къ Страхову и въ крѣпость“ [1]).

Л. Н—чъ получилъ разрѣшеніе на осмотръ Петропавловской крѣпости, видѣть которую ему нужно было для вѣрнаго описанія жизни заключенныхъ въ ней декабристовъ.

Разрабатывая матеріалы Николаевской эпохи, Л. Н—чъ наткнулся на видную фигуру графа В. А. Перовскаго, бывшаго въ царствованіе Николая Павловича оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ и пользовавшагося полнымъ довѣріемъ царя.

Л. Н—чъ обратился за свѣдѣніями объ этомъ человѣкѣ къ своей теткѣ и другу, гр. А. А. Толстой, бывшей въ перепискѣ съ Перовскимъ и хорошо знавшей его.

Въ первомъ письмѣ Л. Н—чъ пишетъ:

„У меня давно бродитъ въ головѣ планъ сочиненія, мѣстомъ котораго долженъ быть Оренбургскій край и время Перовскаго. Теперь я привезъ изъ Москвы цѣлую кучу матеріаловъ для этого. Все, что касается В. А. Перовскаго, мнѣ ужасно

---

[1]) Архивъ С. А. Толстой.

интересно, и долженъ вамъ сказать, что это лицо, какъ историческое лицо и характеръ, мнѣ очень симпатично. Что бы сказали вы и его родные? дадите ли вы и его родные мнѣ бумагъ и писемъ, съ увѣренностью, что никто, кромѣ меня, ихъ читать не будетъ?..“ и т. п.

Графиня А. А. поспѣшила отвѣтить Л. Н—чу въ желаемомъ для него смыслѣ, и вскорѣ получила отъ него письмо, въ которомъ онъ между прочимъ писалъ:

„Очень, очень вамъ благодаренъ за ваше обѣщаніе дать мнѣ всѣ свѣдѣнія о Перовскомъ... Личность его вы совершенно вѣрно опредѣляете à grands traits, такимъ и я его представляю себѣ, и такая фигура—одна, напоминающая картину. Біографія его была бы груба, но съ другими, противоположными ему, тонкими, мелкой работы, нѣжными характерами, какъ, напримѣръ, Жуковскій, котораго вы, кажется, хорошо знали, а главное,—съ декабристами,—эта крупная фигура, составляющая тѣнь (оттѣнокъ) къ Николаю Павловичу, самой крупной и à grands traits фигуры, выражаетъ вполнѣ то время... Я теперь весь погруженъ въ чтеніе изъ времени двадцатыхъ годовъ, и не могу вамъ выразить то наслажденіе, которое я испытываю, воображая себѣ это время. Странно и пріятно думать, что то время, которое я помню — тридцатые годы, — уже исторія... такъ и видишь, что колебаніе фигуръ на этой картинѣ прекращается и все останавливается въ торжественномъ покоѣ истины и красоты.

„Молюсь Богу, чтобы Онъ позволилъ мнѣ сдѣлать, хоть приблизительно, то, что я хочу. Дѣло это для меня такъ важно, что, какъ вы ни способны понимать все, вы не можете представить, до какой степени это важно: такъ важно, какъ важна для васъ ваша вѣра, и еще важнѣй, мнѣ бы хотѣлось сказать, но важнѣе ничего не можетъ быть. И оно—то самое и есть“ [1]).

---

[1]) Гр. А. А. Толстая. Воспоминанія М. Захарьина (Якунина) „Вѣст. Евр.“. Іюнь 1894 г.

Вѣроятно, многіе изъ друзей Л. Н—ча, въ томъ числѣ и Фетъ, задавали себѣ, а можетъ-быть, и ему, вопросъ: какимъ образомъ Л. Н—чъ, всегда относившійся отрицательно къ насильственной революціонной дѣятельности, могъ увлекаться декабристами и какимъ образомъ будетъ онъ со своей точки зрѣнія трактовать этотъ сюжетъ, къ которому онъ относился съ несомнѣнной любовью. Въ одномъ изъ писемъ къ Фету Л. Н—чъ отвѣчаетъ на эти вопросы. Хотя письмо это написано тогда, когда Л. Н—чъ уже оставилъ свой планъ, но оно живо передаетъ его отношеніе къ этому историческому событію.

Вотъ что онъ между прочимъ пишетъ Фету въ апрѣлѣ 1879 года:

„Декабристы мои Богъ знаетъ гдѣ теперь, я о нихъ и не думаю, а если бы и думалъ и писалъ, то льщу себя надеждой, что мой духъ одинъ, которымъ пахло бы, былъ бы невыносимъ для стрѣляющихъ въ людей для блага человѣчества“ [1]).

Причинъ тому, что романъ этотъ не былъ написанъ, нѣсколько. Упомянемъ главныя, извѣстныя намъ. Одною изъ внѣшнихъ причинъ было то, что Л. Н—чу не удалось добыть всѣхъ нужныхъ ему свѣдѣній изъ государственныхъ архивовъ, къ которымъ его не допустили. Другой причиной было то, что, углубляясь въ изученіе этого декабристскаго движенія, несмотря на всю его увлекательность, Л. Н—чъ пришелъ къ заключенію, что оно было не вполнѣ народное, русское, и это отчасти охладило его къ нему. Наконецъ, третьей и главной причиной, по нашему мнѣнію, было общее охлажденіе Л. Н—ча къ литературно-художественной работѣ вслѣдствіе начавшагося у него въ то время религіознаго кризиса.

---

[1]) А. Фетъ. „Мои воспоминанія“, т. II, стр. 364.

ГЛАВА XIII.

Примиреніе Тургенева съ Толстымъ.

Закончимъ эти главы важнымъ эпизодомъ, послужившимъ переходомъ самого Л. Н—ча въ новую эпоху смиренія, мягкости и терпимости ко всѣмъ людямъ, чего прежде ему часто недоставало.

Внутренняя работа надъ самимъ собою, надъ уясненіемъ важнѣйшихъ вопросовъ о смыслѣ человѣческой жизни, религіозное настроеніе, порою охватывавшее его, хотя еще и подъ видомъ старой, православной формы,— все это, какъ всегда, стояло для Л. Н—ча въ связи съ самосовершенствованіемъ, съ очищеніемъ души своей отъ всякой приставшей къ ней душевной грязи.

Холодныя, почти враждебныя отношенія, которыя, несмотря на обмѣнъ примирительныхъ писемъ, существовали между Тургеневымъ и Львомъ Николаевичемъ, давно тяготили его. И болѣе искреннее примиреніе съ нимъ было однимъ изъ первыхъ дѣлъ его души, жаждавшей обновленія. Весной 1878 года Л. Н—чъ написалъ Тургеневу въ Парижъ письмо, въ которомъ просилъ его забыть, если было что-либо враждебное въ ихъ отношеніяхъ, вспомнить только ихъ хорошія отношенія, которыя существовали между ними во время вступленія Л. Н—ча на литературное поприще, когда Л. Н—чъ любилъ его искренно. Л. Н—чъ писалъ ему:

„Простите меня, если въ чемъ я былъ виновенъ передъ вами“.

Тургеневъ отвѣтилъ такимъ же душевнымъ письмомъ. Вотъ оно:

„Любезный Левъ Николаевичъ, я только сегодня получилъ ваше письмо, которое вы отправили poste restante, оно меня очень обрадовало и тронуло. Съ величайшей охотой готовъ возобновить нашу прежнюю дружбу и крѣпко жму протянутую мнѣ вами руку. Вы совершенно правы, не предполагая во мнѣ враждебныхъ чувствъ къ вамъ; если они и были, то давнымъ-давно исчезли,—осталось одно воспоминаніе о васъ, какъ о человѣкѣ, къ которому я былъ искренно привязанъ, и о писателѣ, первые шаги котораго мнѣ удалось привѣтствовать раньше другихъ, каждое новое произведеніе котораго всегда возбуждало во мнѣ живѣйшій интересъ. Душевно радуюсь прекращенію возникшихъ между нами недоразумѣній.

„Я надѣюсь нынѣшнимъ лѣтомъ попасть въ Орловскую губернію,—тогда мы, конечно, увидимся. А до тѣхъ поръ желаю всего хорошаго—и еще разъ дружески жму вамъ руку“ [1]).

Слухъ объ этомъ примиреніи распространился между друзьями Л. Н—ча. Первый на него откликнулся Фетъ, отношенія котораго съ Тургеневымъ тоже были натянуты. И онъ поспѣшилъ послѣдовать за Л. Н—чемъ. Вотъ какъ онъ разсказывалъ объ этомъ въ своихъ воспоминаніяхъ:

„Въ іюнѣ, къ величайшей моей радости, къ намъ пріѣхалъ погостить Н. Н. Страховъ, захватившій Толстыхъ еще до отъѣзда ихъ въ Самарскую губ. Конечно, съ нашей стороны поднялись разспросы о дорогомъ для насъ семействѣ, и я, къ немалому изумленію, услыхалъ, что Толстой помирился съ Тургеневымъ.

„Какъ, по какому поводу? спросилъ я.

„Просто по своему теперешнему религіозному настроенію онъ признаетъ, что смиряющійся человѣкъ не долженъ имѣть враговъ, и въ этомъ смыслѣ написалъ Тургеневу.

---

[1]) Собраніе писемъ Тургенева, стр. 331.

„Событіе это не только изумило меня, но и заставило обернуться на самого себя. Между Толстымъ и Тургеневымъ, подумалъ я, была хоть формальная причина разрыва, но у насъ съ Тургеневымъ и этого не было. Его невѣжливыя выходки всегда казались мнѣ болѣе забавными, чѣмъ оскорбительными, хотя я не рѣшился бы отнестись къ нимъ такъ же, какъ покойный Кетчеръ, который въ подобномъ случаѣ расхохотался бы своимъ громовымъ хохотомъ и сказалъ бы дурака. Смѣшно же людямъ, интересующимся, въ сущности, другъ другомъ, расходиться только на томъ основаніи, что одинъ—западникъ безъ всякой подкладки, а другой—такой же западникъ, только на русской подкладкѣ изъ ярославской овчины, которую при нашихъ морозахъ покидать жутко. Всѣ эти соображенія я написалъ Тургеневу“ [1]).

Въ августѣ Тургеневъ пишетъ Льву Н—чу уже изъ Москвы:

„Любезнѣйшій Л. Н—чъ, я пріѣхалъ сюда вчера, выѣзжаю въ воскресенье вечеромъ, и понедѣльникъ пробуду въ Тулѣ, гдѣ у меня есть дѣла. Мнѣ самому хочется васъ видѣть и къ тому же у меня есть порученія до васъ,—то какъ хотите: пріѣдете ли вы въ Тулу, или я заѣду къ вамъ въ Ясную Поляну, откуда отправлюсь далѣе. Я не знаю, какая есть въ Тулѣ гостиница (я пріѣду въ ночь съ воскресенья на понедѣльникъ и займу номеръ), но вы можете прислать записочку или телеграмму либо на станцію, либо на домъ нашего общаго знакомаго, губернскаго предводителя Самарина, я такъ и распоряжусь“ [2]).

Л. Н—чъ только-что вернулся со всей семьей своей изъ самарскаго имѣнія. Черезъ нѣсколько дней была получена телеграмма о томъ, что Тургеневъ будетъ у Толстыхъ 3-го августа. Л. Н—чъ выѣхалъ встрѣчать его въ Тулу въ сопровожденіи своего шурина, С. А. Берса. Мы заимствуемъ

---

[1]) А. Фетъ. „Мои воспоминанія“, т. II, стр. 350.

[2]) Собраніе писемъ Тургенева, стр. 331.

описаніе этого свиданія отчасти изъ его воспоминаній, отчасти изъ записокъ С. А. Толстой, пополняя свѣдѣніями изъ другихъ источниковъ.

„Тургеневъ очень сѣдъ,—пишетъ Соф. Андр.,—очень смиренъ, всѣхъ насъ прельстилъ своимъ краснорѣчіемъ и картинностью изложенія самыхъ простыхъ и вмѣстѣ возвышенныхъ предметовъ. Такъ онъ описывалъ статую Христа Антокольскаго, точно мы всѣ видѣли его, а потомъ разсказывалъ о своей любимой собакѣ Жакѣ съ одинаковымъ мастерствомъ. Въ Тургеневѣ теперь стала видна слабость, даже дѣтски наивная слабость характера. Вмѣстѣ съ тѣмъ видна мягкость и доброта. Вся ссора его со Л. Н—чемъ мнѣ объяснилась этой слабостью. Напримѣръ, онъ наивно сознается, что боится страшно холеры. Потомъ насъ было 13 за столомъ, мы шутили о томъ, на кого падетъ жребій смерти и кто ее боится. Тургеневъ, смѣясь, поднялъ руку и говоритъ: „que celui, qui craint la mort, léve la main [1]). Никто не поднялъ, и только изъ учтивости Л. Н—чъ поднялъ и сказалъ: „et bien, moi aussi je ne veux pas mourir“ [2]).

С. А. Берсъ прибавляетъ:

„За обѣдомъ Ив. Серг. много разсказывалъ и мимически копировалъ не только людей, но и предметы съ необыкновеннымъ искусствомъ, такъ, напр., онъ дѣйствіями изображалъ курицу въ супѣ, подсовывая одну руку подъ другую, потомъ представлялъ охотничью собаку въ раздумьи и т. д. [3]).

„Тургеневъ пробылъ у насъ два дня,—продолжаетъ графиня С. А.—О прошломъ рѣчи не было, были отвлеченные споры и разговоры, и на мой взглядъ Л. Н. держалъ себя слегка почтительно и очень любезно, не переходя никакія границы. Тургеневъ, уѣзжая, сказалъ мнѣ: „До свиданья, мнѣ было очень пріятно у васъ“. Онъ сдержалъ слово „до свиданья“ и опять пріѣхалъ въ началѣ сентября“.

---

[1]) Пусть тотъ, кто боится смерти, подниметъ руку.

[2]) (Ну, и я тоже не хочу умереть). Архивъ С. А. Толстой.

[3]) С. Берсъ. „Воспоминанія о гр. Толстомъ“, стр. 22.

Вотъ какъ описываетъ пребываніе Тургенева въ Ясной Полянѣ г-жа Е. М., одна изъ немногихъ постороннихъ свидѣтельницъ этого свиданія.

„Въ 1878 году я видѣла въ послѣдній разъ Тургенева въ Ясной Полянѣ, у гр. Льва Николаевича Толстого; они лѣтъ 16 не видѣли другъ друга по случаю какого-то недоразумѣнія. Левъ Николаевичъ сдѣлалъ первый шагъ къ сближенію, и Тургеневъ поспѣшилъ отвѣтить на него: они съѣхались въ Тулѣ и поѣхали вмѣстѣ въ Ясную Поляну, имѣніе гр. Толстого, верстъ 12 отъ Тулы. Тургеневъ провелъ тамъ два дня. Большую часть времени они проводили въ философскихъ и религіозныхъ разговорахъ въ кабинетѣ Льва Николаевича: любопытно было бы послушать разсужденія этихъ двухъ самыхъ замѣчательныхъ нашихъ писателей, но тайна ихъ преній не проникла за дверь кабинета; когда они приходили въ гостиную, разговоръ дѣлался общимъ и принималъ другой оборотъ. Тургеневъ съ удовольствіемъ разсказывалъ про только-что купленную имъ виллу Буживаль около Парижа, про ея удобства и устройство, говоря: мы выстроили прелестную оранжерею, которая стоила десять тысячъ франковъ, мы отдѣлали то-то и то-то, разумѣя подъ словомъ мы семейство Віардо и самого себя.

„— Мы по вечерамъ часто въ винтъ играемъ, а вы?—спросилъ онъ Льва Николаевича.

„— Нѣтъ, мы никогда не играемъ въ карты,—отвѣчалъ графъ,—и жизнь наша совершенно иная, чѣмъ за границей. Это такая рѣзкая противоположность, что вамъ должно быть все очень страннымъ казаться, когда вы пріѣзжаете въ Россію и находитесь въ совершенно другой обстановкѣ?

„— Первые дни точно меня все поражаетъ и кажется страннымъ,—отвѣчалъ Иванъ Сергѣевичъ, — но эти впечатлѣнія скоро изглаживаются, и я привыкаю ко всему, вѣдь это все свое родное, я выросъ, провелъ дѣтство и часть молодости въ этой обстановкѣ.

„Зная, что онъ любитъ шахматы, гр. Толстая предложила

ему вечеромъ сыграть партію съ ея старшимъ сыномъ, пятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, говоря: онъ будетъ всю жизнь помнить, что игралъ съ Тургеневымъ.

„Иванъ Сергѣевичъ снисходительно согласился и началъ партію, продолжая разговаривать съ нами.

„— Я въ Парижѣ часто игралъ и считался хорошимъ игрокомъ: меня называли le chevalier du fou—это былъ мой любимый ходъ. А знаете ли вы новое слово въ ходу у французовъ vieux jeu! Что ни скажешь, французъ отвѣчаетъ: „vieux jeu!“ Э, да съ вами шутить нельзя!—воскликнулъ онъ, обращаясь къ своему молодому партнеру.—Вы чуть-чуть не погубили меня.

„И онъ сталъ со вниманіемъ играть и съ трудомъ выигралъ партію, потому что молодой Толстой точно прекрасно игралъ въ шахматы.

„— Отчего вы не курите?—спросилъ Левъ Николаевичъ.—Вы прежде курили.

„— Да,—отвѣчалъ Тургеневъ,—но въ Парижѣ есть двѣ хорошенькія барышни, которыя мнѣ объявили, что если отъ меня будетъ пахнуть табакомъ, онѣ мнѣ не позволятъ ихъ цѣловать, и я бросилъ курить.

„За вечернимъ чаемъ Иванъ Сергѣевичъ разсказывалъ, какъ онъ въ Баденъ-Баденѣ игралъ лѣшаго на домашнемъ спектаклѣ у m-me Віардо и какъ нѣкоторые изъ зрителей смотрѣли на него съ недоумѣніемъ. Мы знали, что онъ самъ написалъ пьесу, въ родѣ оперетки, для этого спектакля, знали, что русскіе за границей, да и въ Россіи, были недовольны, что онъ исполнялъ шутовскую роль для забавы m-me Віардо, и намъ всѣмъ сдѣлалось неловко. Въ своемъ разсказѣ онъ точно старался оправдаться, но онъ скоро перешелъ къ другой темѣ, и мы успокоились.

„Онъ имѣлъ даръ слова и говорилъ охотно, плавно, любилъ, кажется, больше разсказывать, чѣмъ разговаривать. Онъ разсказывалъ намъ, какъ сидѣлъ въ 1852 году на гауптвахтѣ въ Спасской части, въ Петербургѣ, за статью о смерти

Гоголя: „Ужасно скучно было, ко мнѣ никого не пускали, да и въ то время городъ былъ пустъ, друзей моихъ никого не было. Мнѣ позволили было разъ въ день прогуливаться по тѣсному двору, но и тамъ меня сторожилъ угрюмый унтеръ-офицеръ; я было пробовалъ заискать въ немъ, подходилъ съ улыбкой,—ну, ничего не беретъ,—ни отвѣта, ни привѣта. Это былъ старый, рослый, широкоплечій солдатина, лицо суровое, неподвижное,—видно было, что ни лаской, ни деньгами ничего не добьешься и подкупить невозможно".

„Гр. Толстой тоже разсказывалъ, и его разсказы мнѣ больше нравились: они сильнѣе очерчены, часто юмористичны, всегда оригинальны, въ нихъ много простоты, неожиданности и задушевности. На него Западъ не имѣлъ никакого вліянія, онъ чисто русскій человѣкъ, образованный и осмысленный. И. С. Аксаковъ сказалъ про него, что у него „медвѣжій талантъ" по исполинской силѣ, а я прибавлю, что душа его кроткая, какъ „голубица", восторженная, какъ у юноши, и соединеніе этихъ двухъ качествъ объясняетъ его новое направленіе, которое такъ огорчаетъ Тургенева.

„Въ одиннадцать часовъ Иванъ Сергѣевичъ всталъ.

„— Пора мнѣ на желѣзную дорогу,—сказалъ онъ.

„Мы всѣ поднялись. Станція желѣзной дороги была за двѣ версты, гр. Левъ Николаевичъ провожалъ Ивана Сергѣевича. Мнѣ надо было ѣхать въ Тулу. Мы выѣхали вмѣстѣ. Ив. Сергѣевичъ и гр. Толстой ѣхали впереди, я съ дочерью моею въ другомъ экипажѣ за ними.

„На большой дорогѣ мы простились съ нашими спутниками и повернули налѣво къ городу. Ночь была теплая, тихая, звѣздная, вдали слышался звукъ удаляющагося колокольчика; золотой рогъ мѣсяца поднимался изъ-за рощи.

„— Какой прелестный день мы провели!—сказала я дочери.

— Да, прелестный,—отвѣчала она.

„И обѣ мы не подозрѣвали, что въ послѣдній разъ видѣли Тургенева [1]).

---

[1]) „Тобольскія Губернскія Вѣдомости", 1893 годъ, № 28.

Однимъ изъ порученій ко Л. Н—чу, о которомъ ему писалъ Тургеневъ, была просьба А. Н. Пыпина, издававшаго тогда „Русскую Библіотеку“, т.-е. сборники, посвященные выдающимся русскимъ писателямъ и составленные изъ краткой біографіи писателя и лучшихъ образцовъ его произведеній.

Порученіе это Тургеневу удалось исполнить вполнѣ удачно, о чемъ онъ сообщилъ А. Н. Пыпину въ слѣдующемъ письмѣ:

„Любезнѣйшій Александръ Николаевичъ! Я заѣзжалъ къ гр. Л. Н. Толстому, въ его имѣніе около Тулы, и говорилъ съ нимъ о „Русской Библіотекѣ“. Онъ изъявилъ полное согласіе на помѣщеніе его сочиненій, предоставляетъ выборъ редакціи „Вѣстника Европы“,—пришлетъ краткій біографическій очеркъ. Принимаетъ тѣ условія денежныя, на которыхъ состоялось изданіе мое, Салтыковское и т. д. Что касается до портрета, то предлагаетъ снестись съ живописцемъ Крамскимъ, который живетъ въ Петербургѣ и который написалъ два превосходныхъ портрета Толстого. Можно бы съ одного изъ нихъ снять фотографію. Словомъ, Толстой показалъ самую предупредительную готовность. Я ему сказалъ, что вы спишитесь съ нимъ, что вы и сдѣлаете. Что же касается до большого его романа, то, по его словамъ, онъ даже не начатъ, но во всякомъ случаѣ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ не явится, такъ какъ Толстой уже не желаетъ болѣе имѣть дѣла съ этимъ журналомъ“ [1]).

Возвратившись въ Спасское, Тургеневъ писалъ Толстому:

„Любезнѣйшій Левъ Николаевичъ! Я благополучно прибылъ сюда въ прошлый четвергъ и не могу не повторить вамъ еще разъ, какое пріятное и хорошее впечатлѣніе оставило во мнѣ мое посѣщеніе „Ясной Поляны“ и какъ я радъ тому, что возникшія между нами недоразумѣнія исчезли такъ безслѣдно, какъ будто ихъ никогда и не было. Я почувствовалъ очень

---

[1]) Собраніе писемъ Тургенева, стр. 332.

ясно, что жизнь, состарившая насъ, прошла и для насъ не даромъ, и что и вы и я—мы оба стали лучше, чѣмъ 16 лѣтъ тому назадъ, и мнѣ было пріятно это почувствовать.

„Нечего и говорить, что на возвратномъ пути я снова всенепремѣнно заверну къ вамъ“ [1]).

Черезъ нѣсколько дней Тургеневъ снова пишетъ Л. Н—чу, отвѣчая на его письмо и извѣщая о своемъ обратномъ проѣздѣ въ Москву и о намѣреніи посѣтить снова Л. Н—ча:

„Итакъ, 1-го сентября я къ обѣду у васъ... если только вы въ тотъ день не отозваны куда-нибудь на охоту. (Я сегодня своими глазами видѣлъ жеребенка, пораненнаго волкомъ прошлою ночью. Ихъ у насъ много по лѣсамъ, да никто не ѣдетъ травить ихъ.)

„Мнѣ очень пріятно узнать, что всѣ въ „Ясной Полянѣ“ взглянули на меня дружелюбнымъ окомъ. А что между нами существуетъ та связь, о которой вы говорите, это несомнѣнно, и я очень этому радуюсь, хоть и не берусь разобрать всѣ нити, изъ которыхъ она составлена. Одной художественной—мало. Главное то, что она есть. Фетъ-Шеншинъ написалъ мнѣ очень милое, хоть и не совсѣмъ ясное письмо, съ цитатами изъ Канта; я немедленно отвѣчалъ ему. Вотъ, стало-быть, я и не даромъ пріѣхалъ въ Россію, хотя, собственно, то, что я и имѣлъ въ виду, окончилось, какъ и слѣдовало ожидать, fiasco'мъ“.

„Итакъ, до скораго свиданія, поклонитесь всѣмъ вашимъ. Крѣпко жму вамъ руку“ [2]).

Несмотря на этотъ дружескій обмѣнъ писемъ, на сердечность отношеній съ обѣихъ сторонъ, несмотря на искреннее желаніе также съ обѣихъ сторонъ сблизиться,—этого полнаго сближенія все-таки не произошло.

Послѣ второго свиданія, въ сентябрѣ того же года, Л. Н—чъ писалъ Фету:

---

[1]) Тамъ же, стр. 333.

[2]) Собраніе писемъ Тургенева, стр. 334.

„Тургеневъ на обратномъ пути былъ у насъ и радовался полученію отъ васъ письма. Онъ все такой же, и мы знаемъ ту степень сближенія, которая между нами возможна“ [1]).

Менѣе чуткій къ душевнымъ отношеніямъ, Тургеневъ продолжалъ писать Л. Н—чу, стараясь въ чемъ-то убѣдить его:

„Радуюсь тому, что вы всѣ физически здоровы, и надѣюсь, что и умственная ваша хворь, о которой вы пишете, прошла. Мнѣ и она была знакома: иногда она являлась въ видѣ внутренняго броженія передъ началомъ дѣла; полагаю, что такого рода броженіе совершилось и въ васъ. Хоть вы и просите не говорить о вашихъ писаніяхъ, однако не могу не замѣтить, что мнѣ никогда не приходилось „даже немножко“ смѣяться надъ вами; иныя ваши вещи мнѣ нравились очень, другія очень не нравились, иныя, какъ, напр., „Казаки“, доставляли мнѣ большое удовольствіе и возбуждали во мнѣ удивленіе. Но съ какой стати смѣхъ? Я полагалъ, что вы отъ подобныхъ „возвратныхъ“ ощущеній давно отдѣлались. Отчего они знакомы только литераторамъ, а не музыкантамъ, живописцамъ и прочимъ художникамъ? Вѣроятно, оттого, что въ литературное произведеніе все-таки входитъ больше той части души, которую не совсѣмъ удобно показывать. Да, но въ наши уже немолодые сочинительскіе годы пора къ этому привыкнуть“ [2]).

Это письмо вызвало еще болѣе рѣзкое сужденіе Л. Н—ча, которое онъ и сообщилъ Фету, въ письмѣ отъ 22 ноября того же года:

„Вчера получилъ отъ Тургенева письмо. И знаете, рѣшилъ лучше подальше отъ него и отъ грѣха. Какой-то задира непріятный“ [3]).

Но самъ Тургеневъ не замѣчалъ этихъ задираній и писалъ послѣ этого Фету въ томъ же восторженномъ тонѣ:

---

[1]) Фетъ. „Мои воспоминанія“, т. II, стр. 354.

[2]) Собраніе писемъ И. С. Тургенева, стр. 338.

[3]) А. Фетъ. „Мои воспоминанія“, т. II, стр. 358 и 355.

„Мнѣ было очень весело снова сойтись съ Толстымъ, и я у него провелъ три пріятныхъ дня; все семейство его очень симпатично, а жена его—прелесть. Онъ самъ очень утихъ и выросъ. Его имя начинаетъ пріобрѣтать европейскую извѣстность. Намъ, русскимъ, давно извѣстно, что у него соперника нѣтъ“.

Но несмотря на сознаніе невозможности полнаго сближенія, Л. Н—чъ старается и ищетъ случая выразить сочувствіе Тургеневу, чтобы смягчить эти отношенія и отдалить опасность новаго разрыва. Поводомъ къ такому сочувствію явился какой-то пасквиль „Московскихъ Вѣдомостей“ по адресу Тургенева.

На это выраженіе сочувствія Тургеневъ, какъ будто почувствовавшій нѣкоторое напряженіе связующихъ ихъ душевныхъ нитей, отвѣтилъ длиннымъ, благодарнымъ письмомъ, въ которомъ старается показать, какъ онъ, съ своей стороны, цѣнитъ произведенія Л. Н—ча и старается о ихъ распространеніи въ Европѣ.

28 декабря 1879 года онъ пишетъ:

„Черезъ недѣлю съ небольшимъ я выѣзжаю отсюда и навѣрное знаю, что мы скоро увидимся, хотя еще не знаю, гдѣ именно. Меня очень тронуло сочувствіе, выраженное вами по поводу статьи въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, и я, съ своей стороны, почти готовъ радоваться ея появленію, такъ какъ она побудила васъ сказать мнѣ такія хорошія, дружелюбныя слова. Когда я отошелъ отъ „Русскаго Вѣстника“, Катковъ велѣлъ меня предупредить, что я, дескать, не знаю, что значитъ имѣть его врагомъ; вотъ онъ и старается мнѣ доказать. Пускай его, моя душа не въ его власти.

„Княгиня Паскевичъ, переведшая вашу „Войну и миръ“, доставила, наконецъ, сюда 500 экземпляровъ, изъ которыхъ я получилъ 10. Я роздалъ ихъ здѣшнимъ вліятельнымъ критикамъ (между прочимъ Тэну, Абу и др.). Должно надѣяться, что они поймутъ всю силу и красоту вашей эпопеи. Переводъ нѣсколько слабоватъ, но сдѣланъ съ усер-

діемъ и любовью. Я на дняхъ въ 5 и 6 разъ съ новымъ наслажденіемъ перечелъ это ваше поистинѣ великое произведеніе. Весь его складъ далекъ отъ того, что французы любятъ и чего они ищутъ въ книгахъ, но правда въ концѣ концовъ беретъ свое. Я надѣюсь если не на блестящую побѣду, то на прочное, хотя медленное завоеваніе.

„Вы ничего мнѣ не говорите о новой вашей работѣ, а между тѣмъ ходятъ слухи, что вы прилежно трудитесь. Воображаю васъ за письменнымъ столомъ въ той уединенной избѣ, которую вы мнѣ показывали. Впрочемъ, обо всемъ этомъ я скоро буду имѣть извѣстіе изъ первыхъ рукъ. Радуюсь вашему домашнему благополучію и прошу передать всѣмъ вашимъ мой усердный привѣтъ и поклонъ. Точно тяжелыя и темныя времена переживаетъ теперь Россія, но именно теперь и совѣстно жить чужакомъ. Это чувство во мнѣ все становится сильнѣе и сильнѣе, и я въ первый разъ ѣду на родину, не размышляя вовсе о томъ, когда я сюда вернусь, да и не желая скоро вернуться.

„Крѣпко жму вашу руку, благодарю васъ за то, что вы приблизились ко мнѣ, и знаю, что я плачу вамъ тѣмъ же. Будьте здоровы и до свиданья“ [1]).

Разсказъ объ отношеніяхъ двухъ великихъ писателей привелъ насъ къ 1879 году,—году „Исповѣди“, которой и разрѣшился душевный кризисъ Л. Н—ча Толстого.

Описанію всѣхъ тяжелыхъ и радостныхъ перипетій его и будетъ посвящена 4-я часть второго тома біографіи.

---

[1]) Собраніе писемъ И. С. Тургенева, стр. 352.

ЧАСТЬ IV.

Критическій періодъ.

ГЛАВА XIV.

Кризисъ.

Мы сказали въ одной изъ предыдущихъ главъ, что 1876 г. мы считаемъ началомъ кризиса и что конецъ 70-хъ годовъ представляетъ самый острый періодъ его, завершившійся просвѣтлѣніемъ.

Конечно, можно считать 1876 годъ началомъ кризиса только въ узкомъ, эпизодическомъ смыслѣ. Можно сказать и иначе. Кризисъ начался со дня его сознательной жизни: и то и другое будетъ вѣрно. Разсмотримъ оба эти утвержденія. Въ одномъ изъ своихъ автобіографическихъ произведеній Левъ Николаевичъ самъ заявляетъ, что, собственно, кризиса, перелома въ его жизни и не было, что онъ всегда стремился къ отысканію смысла жизни, и только сложныя внѣшнія явленія и событія и его собственныя страсти и увлеченія отодвигали это рѣшеніе вопросовъ жизни и сконцентрировали таившіяся силы въ одинъ могущественный внутренній порывъ, который и опрокинулъ ветхое зданіе.

Въ этомъ смыслѣ и можно принять эти два объясненія: 1-ое, что Л. Н—чъ былъ всегда такимъ, каковъ онъ есть, и 2-ое, что въ концѣ 70-хъ годовъ съ нимъ произошелъ душевный переворотъ, круто измѣнившій его жизнь. Мы разсмотримъ хронологически и первое утвержденіе и остановимся съ большимъ вниманіемъ на этомъ поворотномъ пунктѣ.

Въ первомъ томѣ нашего труда мы уже старались приводить всѣ тѣ мѣста изъ его художественныхъ произведе-

ній, статей, писемъ и дневника, въ которыхъ выражается его внутренняя жизнь.

Мы намѣрены теперь сдѣлать бѣглый обзоръ этихъ проявленій внутренней жизни, чтобы, имѣя такимъ образомъ въ своемъ распоряженіи важнѣйшіе координаты, быть въ состояніи построить кривую его духовнаго развитія.

Въ періодъ безсознательнаго и полусознательнаго дѣтства Л. Н—ча мы видимъ только нѣкоторую повышенную чувствительность, нервность, неровность характера, часто эксцентричность—первые признаки, выдѣлявшіе его изъ среды, его окружавшей. Въ отрочествѣ его уже появляются первыя черты его нравственной душевной физіономіи. У него уже появляются первыя стремленія къ идеалу, первыя страстныя, восторженныя влеченія къ нему. Эти идеалы различны и часто мѣняются, потому что не одинъ не удовлетворяетъ пылкую душу ребенка. Этимъ идеаломъ становится то его старшій братъ Сергѣй, то благоговѣетъ онъ передъ братомъ Николаемъ, то мечтаетъ о какомъ-то смутномъ „счастьи" вообще, то старается графически выразить идею безсмертія, то мысли его принимаютъ скептическое направленіе,—онъ сомнѣвается въ реальности внѣшняго міра и ищетъ сущность, пустоту, небытіе. И къ концу отрочества эти идеалы уже начинаютъ очерчиваться болѣе опредѣленно и выражаются въ исканіи пути къ добродѣтели, къ моральному, общему благу.

Съ такими недѣтскими стремленіями онъ переходитъ въ юность, и сложный мыслительный процессъ уже вступаетъ въ свои права и оказываетъ поддержку его идеальнымъ стремленіямъ. Онъ начинаетъ философствовать.

Самъ Л. Н—чъ уже можетъ разобраться, классифицировать свои душевные порывы; герой его повѣсти „Юность", отражающій на себѣ душевный міръ Л. Н—ча, говоритъ, что въ это время общій характеръ его стремленій—было стремленіе къ нравственному совершенствованію. Но рядомъ съ этимъ шли болѣе частныя стремленія: „любовь къ ней",

„любовь любви“, жажда славы и, какъ реакція его, раскаяніе, самоуничиженіе, эти два послѣднія противорѣчивыя чувства, тщеславіе и смиреніе, часто переходили другъ въ друга.

„Раскаяніе,—говоритъ онъ,—было до такой степени слито съ надеждой на счастье, что оно не имѣло въ себѣ ничего печальнаго. Я даже наслаждался въ отвращеніи къ прошедшему и старался видѣть его мрачнѣе, чѣмъ оно было. Чѣмъ чернѣе былъ кругъ воспоминаній прошедшаго, тѣмъ чище и свѣтлѣе выдавалась изъ него свѣтлая, чистая точка настоящаго и разливались радужные цвѣты будущаго“.

Въ 18 лѣтъ онъ начинаетъ писать дневникъ. Въ немъ видна уже внутренняя работа надъ самимъ собою. Онъ пишетъ себѣ правила жизни, распредѣляетъ занятія, задается самыми широкими и благими цѣлями. Значеніе, которое онъ уже тогда придавалъ своему внутреннему, душевному міру, видно изъ слѣдующаго выраженія дневника:

„Перемѣна въ образѣ жизни должна произойти, но нужно, чтобы эта перемѣна не была произведеніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, но произведеніемъ души“.

Съ такими мыслями Л. Н—чъ выходитъ изъ университета, ѣдетъ въ Ясную Поляну и вступаетъ въ самостоятельную жизнь.

Взглянемъ теперь на тѣ источники, которые питали душу Толстого въ эти юные годы.

Уже въ первые дни своей жизни онъ испыталъ на себѣ могучее чувство материнской любви. Въ воспоминаніяхъ о своей матери Л. Н—чъ говоритъ: „четвертое сильное чувство, которое, можетъ-быть, было, какъ мнѣ говорили тетушки, и которое я такъ желалъ, чтобы было, была любовь ко мнѣ, замѣнившая ей любовь къ Коко, во время моего рожденія уже отлѣпившагося отъ матери и поступившаго въ мужскія руки“.

Съ полуторагодового возраста онъ остается на рукахъ своей тетушки Татьяны Александровны Ергольской.

„Тетенька Татьяна Александровна,—говоритъ Л. Н—чъ въ воспоминаніяхъ о ней,—имѣла самое большое вліяніе на мою жизнь. Вліяніе это было, во-первыхъ, въ томъ, что еще въ дѣтствѣ она научила меня духовному наслажденію любви. Она не словами учила меня этому, а всѣмъ своимъ существомъ заражала меня любовью“.

Въ дѣтствѣ онъ испыталъ еще одно доброе вліяніе нѣмца-гувернера Ѳедора Ивановича Рёсселя. По вѣрному изображенію его въ „Дѣтствѣ“, видно, что вліяніе это было хорошее; несчастная, одинокая, сиротская жизнь этого человѣка зародила въ немъ чувство состраданія къ людямъ. Вліяніе отца, постоянно занятаго разными дѣлами, не могло быть очень сильно, но мы видимъ по нѣсколькимъ характернымъ черточкамъ его воспоминаній, что авторитетъ отца былъ силенъ въ семьѣ и вліяніе его было доброе.

Когда отецъ похвалилъ его за прочтенное стихотвореніе, Л. Н—чъ говоритъ:

„Я понялъ, что онъ что-то хорошее видитъ въ моемъ чтеніи, и былъ очень счастливъ этимъ“.

Разсказывая, какъ отецъ добродушно отнесся къ тому, что старый камердинеръ таскаетъ у него табакъ, Л. Н—чъ прибавляетъ:

„Я восхищаюсь добротой отца и, прощаясь съ нимъ, съ особенной нѣжностью цѣлую его бѣлую, жилистую руку. Я очень любилъ отца, но не зналъ еще, какъ сильна была эта моя любовь къ нему до тѣхъ поръ, пока онъ не умеръ“.

Особенно сильно было вліяніе добраго, вдумчиваго брата Николая, затѣвавшаго съ младшими братьями особыя игры, въ которыхъ затрогивались самые важные вопросы людскихъ отношеній и разрѣшались всегда любовью и единеніемъ. Достаточно вспомнить игру въ Муравейныхъ братьевъ, Фанфаронову гору и зеленую палочку, о которыхъ Л. Н—чъ говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ, чтобы понять, какое важное вліяніе имѣлъ старшій братъ на Л. Н—ча.

„Идеалъ Муравейныхъ братьевъ, — заключаетъ такъ

Л. Н—чъ свои воспоминанія о братѣ Николаѣ,—льнущихъ любовью другъ къ другу, только не подъ двумя креслами, завѣшанными платками, а подъ всѣмъ небеснымъ сводомъ всѣхъ людей міра, остался для меня тотъ же. И какъ я тогда вѣрилъ, что есть та зеленая палочка, на которой написано то, что должно уничтожить все зло въ людяхъ и дать имъ великое благо, такъ я вѣрю и теперь, что есть эта истина и что будетъ она открыта людямъ и дастъ имъ то, что она обѣщаетъ".

Хотя братъ Дмитрій и возбуждалъ насмѣшки въ средѣ своихъ братьевъ и сверстниковъ своимъ религіознымъ настроеніемъ и набожностью, но мы увѣрены, что онъ безсознательно для Л. Н—ча сѣялъ въ его душѣ сѣмена религіозности.

Мать и тетушка Л. Н—ча любили принимать странниковъ, юродивыхъ и другихъ, такъ называемыхъ, „людей божьихъ", и они сдѣлали свое дѣло, заронили свои искорки простой, наивной, народной вѣры, которую душа будущаго великаго художника и мыслителя возвеличила, окрасила радужными цвѣтами поэзіи и дала ей разумный смыслъ.

„Много воды утекло съ тѣхъ поръ,—пишетъ Л. Н—чъ въ своемъ „Дѣтствѣ",—много воспоминаній о быломъ потеряли для меня значеніе и стали смутными мечтами, даже и странникъ Гриша давно окончилъ свое послѣднее странствованіе,—но впечатлѣніе, которое онъ произвелъ на меня, и чувство, которое онъ возбудилъ, никогда не умрутъ въ моей памяти".

Въ своихъ замѣткахъ при просмотрѣ рукописи перваго тома біографіи Л. Н—чъ прибавляетъ:

„Юродивыхъ много разныхъ бывало въ нашемъ домѣ, и я—за что глубоко благодаренъ моимъ воспитателямъ—привыкъ съ великимъ уваженіемъ смотрѣть на нихъ. Если и были среди нихъ неискренніе, самая задача ихъ жизни была, хотя и практически нелѣпая, такая высокая, что я радъ, что съ дѣтства безсознательно научился понимать высоту ихъ

подвига. Они дѣлали то, про что говоритъ Маркъ Аврелій: „Нѣтъ ничего выше того, какъ то, чтобы сносить презрѣніе за свою добрую жизнь". Такъ вреденъ, такъ неустранимъ соблазнъ славы людской, примѣшивающійся всегда къ добрымъ дѣламъ, что нельзя не сочувствовать попыткамъ не только избавиться отъ похвалы, но вызвать презрѣніе людей".

Вотъ, кажется намъ, главнѣйшія струи того добраго вліянія, которыя питали молодую душу Л. Н—ча и дѣлали ее чувствительной къ добру и возбуждали въ немъ идеальныя мечты и стремленія.

Но уже въ раннемъ дѣтствѣ онъ увидѣлъ и иную, темную сторону жизни. Онъ испыталъ препятствія, останавливался въ недоумѣніи при столкновеніи мечты и дѣйствительности міра идеальнаго и реальнаго. И это реальное больно кололо его и заставляло задуматься надъ разрѣшеніемъ жизненнаго противорѣчія.

Въ своихъ воспоминаніяхъ онъ приводитъ нѣсколько случаевъ нанесенной ему обиды. И въ его дѣтской головкѣ зарождалось сознаніе, что не всѣ и не всегда его любятъ, не все и не всегда удается ему, что въ жизни есть препятствія, съ которыми ему, съ его слабыми дѣтскими силами, нельзя бороться и приходится покоряться имъ, терпѣть лишенія, разочарованія.

Наиболѣе крупнымъ событіемъ такого рокового непобѣдимаго препятствія была смерть отца, потомъ бабушки, тетки. Эти смерти, кромѣ сознанія неизбѣжности въ жизни какихъ-то непоправимыхъ несчастій, оставляли еще впечатлѣніе торжественной таинственности, къ которому пылкое воображеніе присоединяетъ различные мистическіе образы.

Рано пришлось узнать Л. Н—чу чувство долга. Въ своихъ „первыхъ воспоминаніяхъ" онъ говоритъ такъ:

„При переводѣ меня внизъ, къ Ѳедору Ивановичу и мальчикамъ, я испыталъ въ первый разъ, и потому сильнѣе, чѣмъ

когда-либо послѣ, то чувство, которое называютъ чувствомъ долга, называютъ чувствомъ креста, который призванъ нести каждый человѣкъ".

„...Много разъ потомъ въ жизни мнѣ приходилось переживать такія минуты на распутьяхъ жизни, вступая на новыя дороги. Я испытывалъ тихое горе о безвозвратности утраченнаго".

Сильное и благодѣтельное впечатлѣніе оставило во Л. Н—чѣ его столкновеніе съ гувернеромъ-французомъ.

„Не помню уже за что,—говоритъ Л. Н—чъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—но за что-то самое незаслуживающее наказанія, St. Thomas, во-первыхъ, заперъ меня въ комнатѣ, а потомъ угрожалъ розгой. И я испыталъ ужасное чувство негодованія и возмущенія и отвращенія не только къ St. Thomas, но и къ тому насилію, которое онъ хотѣлъ употребить надо мной. Едва ли этотъ случай не былъ причиной того ужаса и отвращенія передъ всякаго рода насиліемъ, которое испытываю всю свою жизнь".

Вотъ въ бѣгломъ обзорѣ тѣ психологическія данныя, изъ которыхъ складывалась въ юные годы душа Льва Николаевича. Разумѣется, всѣ перечисленные факты и вліянія представляютъ только типическія явленія изъ цѣлаго ряда подобныхъ, оставшихся незамѣченными или незаписанными, и наконецъ вся жизнь заполнялась, кромѣ того, цѣлымъ рядомъ полусознательныхъ вліяній. Но такъ какъ большая часть приведенныхъ фактовъ записаны самимъ Львомъ Николаевичемъ, то мы видимъ, что онъ именно имъ придавалъ особое значеніе, и, стало-быть, его сознаніе было особенно чувствительно къ подобнаго рода явленіямъ, и именно изъ такого рода впечатлѣній слагался главнымъ образомъ его душевный міръ.

И вотъ со всѣмъ этимъ духовнымъ имуществомъ, со всѣми привычками воспитанія, руководившими внѣшними формами проявленія всѣхъ этихъ стремленій, онъ вступаетъ въ жизнь.

Онъ становится помѣщикомъ и берется самъ управлять доставшимся ему по раздѣлу имѣніемъ—„Ясная Поляна". Въ то время управленіе имѣніемъ было неразрывно связано съ управленіемъ и опекою надъ людьми-крестьянами. И вотъ мы видимъ, какъ сразу сталкиваются мечты и дѣйствительность и какъ мечты эти разбиваются вдребезги. Въ душѣ Л. Н—ча долженъ зародиться вопросъ: какъ согласовать мечты, стремленія, которыя онъ чувствуетъ добрыми, съ дѣйствительностью, которая какъ бы не хочетъ признавать право существованія за этими стремленіями. Но отъ своихъ стремленій онъ отказаться не можетъ, ими полна его молодая душа, онъ ими живетъ; остается одно—признать дѣйствительность ложною. И вотъ зарождается мысль о реформѣ. Но рѣшеніе этой задачи еще не подъ силу ему, и она остается въ какомъ-то уголкѣ души, ожидая, когда наступитъ ея часъ.

Затѣмъ идутъ годы безпорядочной, хаотической жизни съ борьбой и часто разнузданностью страстей, счастливымъ окончаніемъ которыхъ является отъѣздъ на Кавказъ.

Душа Л. Н—ча нашла тамъ успокоеніе на лонѣ дикой природы.

Отъ прикосновенія къ ней, этому вѣчному источнику силы, Л. Н—чъ воспрянулъ духомъ, и снова всѣ стремленія поднимаютъ свой голосъ и снова требуютъ приложенія.

Стремленіе къ истинѣ, исканіе ея, жажда найти общую основу жизни и руководство въ ней, послѣ скептическаго и распущеннаго душевнаго періода, уже въ то время достигли во Л. Н—чѣ сильнаго напряженія. И тогда уже онъ ухватился за самую сущность духовной жизни, за самоотверженную любовь. Но его молодое сознаніе не могло еще развить широко эту основу и свести къ ней всѣ явленія жизни. Можно только сказать, что тогда былъ положенъ первый камень фундамента его сознательнаго религіознаго храма.

Герой „Казаковъ" Оленинъ произноситъ такую формулу: „Счастье въ томъ, чтобы жить для другихъ. И это ясно.

Въ человѣкѣ вложена потребность счастья, стало-быть, она законна. Удовлетворяя ее эгоистически, т.-е. отыскивая для себя богатства, славу, удобства жизни, любви, можетъ случиться, что обстоятельства такъ сложатся, что невозможно будетъ удовлетворить этимъ желаніямъ. Слѣдовательно, эти желанія незаконны, а не потребность счастья незаконна. Какія же желанія всегда могутъ быть удовлетворены, несмотря на внѣшнія условія? Какія? Любовь, самоотверженіе...“

Здѣсь мы видимъ, какъ идеальныя стремленія сталкиваются уже не съ внѣшними общественными условіями, а съ личными страстями, эгоизмомъ, — очевидно, это былъ уже жизненный опытъ, и опять рѣшеніе въ томъ, что эгоизмъ, страсть должны быть побѣждены, они незаконны, они должны уступить, дать мѣсто, освободить къ дѣятельности любовь и самоотверженіе. Тамъ же на Кавказѣ пускаетъ ростокъ будущее могучее дерево—художественное творчество. Ощущеніе этой скрытой еще, но уже дающей знать о себѣ силы вызываетъ первое сознаніе своего призванія.

„Есть во мнѣ что-то,— записываетъ онъ въ своемъ дневникѣ того времени,—что заставляетъ меня вѣрить, что я рожденъ не для того, чтобы быть какъ всѣ“.

Могучій ростокъ творческой силы сталъ быстро расти, и первый плодъ его былъ оцѣненъ людьми, для которыхъ эксплоатація этой силы составляетъ профессію, — литераторами. И они позвали его къ себѣ. Но Л. Н—чъ никогда не могъ вступить въ ихъ профессіональный союзъ и остался навсегда свободнымъ художникомъ жизни въ самомъ широкомъ значеніи этого слова.

А событія вокругъ него шли своею чередою. Онъ попадаетъ въ Севастополь. Опять роковое столкновеніе самыхъ высокихъ стремленій съ самой ужасной дѣйствительностью.

Добрые, умные, героически-самоотверженные люди тратили громадныя духовныя и матеріальныя силы на взаимное истребленіе.

И на новый вопросъ: какъ быть? онъ отвѣчаетъ внутренно

уже не мыслью о реформѣ общественныхъ отношеній, не мыслью объ укрощеніи страстей—какія страсти, какой эгоизмъ у умирающихъ героевъ Севастополя?—у него зарождается мысль о реформѣ самой основы жизни, реформѣ христіанской религіи.

„Осуществленію этой великой, громадной мысли,—говоритъ онъ,—я чувствую себя способнымъ посвятить жизнь".

Такъ сама жизнь учила его, и онъ черпалъ силы изъ этой жизни, накоплялъ и перерабатывалъ ихъ въ своемъ сознаніи, чтобы потомъ ихъ же направить на реформу и управленіе жизнью.

Но какъ и прежнія рѣшенія, такъ и это осталось до поры, до времени лежать въ тайникахъ души его.

Онъ является въ общество, пожиная славу; соблазны міра увлекаютъ его, и онъ снова крутится въ вихрѣ страстей.

Вкусивши эти соблазны прогресса и цивилизаціи, онъ чувствуетъ неутолимую жажду знанія, новыхъ сильныхъ впечатлѣній, стремленіе допить до дна этотъ манящій къ себѣ напитокъ.

И это новое увлеченіе было сильнѣе прежнихъ, такъ какъ вмѣстѣ съ этими соблазнами онъ воспринялъ теорію, оправдывающую ихъ, теорію прогресса и учительства.

Онъ никогда не могъ цѣликомъ принять эти теоріи: „На второй и въ особенности на третій годъ такой жизни я сталъ сомнѣваться въ непогрѣшимости этой вѣры и сталъ ее изслѣдовать", говоритъ онъ въ „Исповѣди". Но вотъ онъ ѣдетъ въ Европу, въ Парижъ, въ тотъ центръ, откуда разливается на весь міръ этотъ страшный, привлекательный, сжигающій свѣтъ цивилизаціи, и попадаетъ на смертную казнь.

„Когда я увидалъ,—говоритъ онъ объ этомъ въ „Исповѣди", — какъ голова отдѣлилась отъ тѣла, и то и другое вразъ застучало въ ящикѣ, я понялъ — не умомъ, а всѣмъ существомъ,—что никакія теоріи разумности существующаго прогресса не могутъ оправдать этого поступка,

и что если бы всѣ люди въ мірѣ по какимъ бы то ни было теоріямъ съ сотворенія міра находили, что это нужно, — я знаю, что это не нужно, что это дурно, и что поэтому судья тому, что хорошо и что дурно, не то, что говорятъ и дѣлаютъ люди, и не прогрессъ, а я со своимъ сердцемъ".

Какимъ-то роковымъ образомъ шелъ онъ къ рѣшенію вопросовъ жизни.

Стоило ему на время забыться и увлечься какимъ-нибудь дѣломъ, какъ новый ударъ отрезвлялъ его и напоминалъ ему.

Такимъ отрезвляющимъ ударомъ, расчистившимъ ему путь къ воспріятію высшей истины, была для него смерть его брата Николая въ 1860 году.

Вліяніе этой смерти было благодѣтельно, но отрицательно. Она разрушила всѣ иллюзіи жизни и потому привела его прямо къ основѣ ея.

„Ничто въ жизни, — пишетъ онъ Фету, — не дѣлало на меня такого впечатлѣнія".

И дальше въ томъ же письмѣ:

„Нельзя уговаривать камень, чтобы онъ падалъ кверху, а не книзу, куда его тянетъ. Нельзя смѣяться шуткѣ, которая наскучила. Нельзя ѣсть, когда не хочется. Къ чему все, когда завтра начнутся муки смерти, со всею мерзостью лжи, самообмана, и кончится нулемъ для тебя".

Нуль „меня" еще не значитъ абсолютный нуль. Напротивъ, только послѣ устраненія моего „я" остается одна вѣчная правда. Въ тотъ моментъ Л. Н—чъ дошелъ только до отрицанія своего „я" и не видалъ дальше. Но путь былъ расчищенъ, и, отдохнувъ на перепутьи, онъ могъ продолжать свое движеніе впередъ.

Эта смерть дала ему еще нѣчто большее: она подтвердила ему его отрицительное отношеніе къ теоріи прогресса и цивилизаціи.

„Другой случай,—говоритъ онъ въ „Исповѣди",—сознанія недостаточности для жизни суевѣрія прогресса была смерть моего брата. Умный, добрый, серьезный человѣкъ, онъ за-

болѣлъ молодымъ, страдалъ болѣе года и мучительно умеръ, не понимая, зачѣмъ онъ жилъ, и еще менѣе понимая, зачѣмъ онъ помираетъ. Никакія теоріи ничего не могли отвѣтить на эти вопросы ни мнѣ, ни ему во время его медленнаго и мучительнаго умиранія".

„Но надо же,—говоритъ Л. Н—чъ въ письмѣ къ Фету,— куда-нибудь дѣвать силы, которыя еще есть... Покуда есть желаніе знать и говорить правду, стараешься знать и говорить. Это одно я и дѣлаю и буду дѣлать, только не въ формѣ вашего искусства. Искусство есть ложь, а я уже не могу любить ложь".

И онъ отдается со всею присущею ему страстностью педагогической дѣятельности — и теоріи и практикѣ, и эта дѣятельность на время отодвигаетъ отъ него кризисъ.

Параллельно съ этой душевной работой, иногда мѣшавшей ей, иногда направлявшей ее на иной путь, во Л. Н—чѣ жило еще неудовлетворенное стремленіе къ семейной жизни.

Нѣсколько разъ въ письмахъ къ роднымъ онъ жалуется на это неудовлетворенное чувство, съ грустью смотритъ на уходящіе годы и на все уменьшающіеся шансы такой семейной жизни, о которой онъ страстно мечталъ.

И вотъ онъ, наконецъ, женатъ, счастливо женатъ, и, порвавъ съ педагогическими занятіями, онъ снова весь уходитъ въ новое для него дѣло семейной жизни.

И рядомъ съ этимъ идетъ еще — одно поглощающее его силы дѣло—художественное творчество. 60-е годы и половина 70-хъ проходятъ въ этихъ двухъ раздѣляющихъ и поглощающихъ всѣ его душевныя силы занятіяхъ: семья съ хозяйствомъ и писательство.

„Такъ прошло еще пятнадцать лѣтъ,— пишетъ Л. Н—чъ въ своей „Исповѣди".— Несмотря на то, что я считалъ писательство пустяками, въ продолженіе этихъ пятнадцати лѣтъ я все-таки продолжалъ писать. Я вкусилъ уже соблазна писательства, соблазна огромнаго денежнаго вознагражденія и рукоплесканій за мой ничтожный трудъ, и предавался ему,

какъ средству къ улучшенію своего матеріальнаго положенія и заглушенію въ душѣ всякихъ вопросовъ о смыслѣ жизни моей и общей".

И все это не могло заглушить того ростка духовной жизни, который былъ зарожденъ еще материнской любовью, взлелѣянъ въ юные годы, который оберегала судьба, разрушая своими ударами соблазны, едва не задавившіе его, и ростокъ этотъ проросъ сквозь кучу наваленнаго на него мусора.

„Такъ я жилъ,—говоритъ Л. Н—чъ въ „Исповѣди",—но пять лѣтъ тому назадъ со мной стало случаться что-то странное: на меня стали находить минуты сначала недоумѣнія, остановки жизни, какъ будто я не зналъ, какъ мнѣ жить, что мнѣ дѣлать, и я терялся и впадалъ въ уныніе. Но это проходило, и я продолжалъ жить попрежнему. Потомъ эти минуты недоумѣнія стали повторяться чаще и чаще и все въ той же самой формѣ. Эти остановки жизни выражались всегда одинаковыми вопросами: зачѣмъ? ну, а потомъ?

„Я понялъ,—говоритъ онъ дальше, сравнивая себя съ больнымъ, — что это не случайное недомоганіе, а что-то очень важное, и что если повторяются все тѣ же вопросы, то надо отвѣтить на нихъ".

Это были первые серьезные признаки приближающагося такъ называемаго кризиса, но, въ сущности, это было прорастаніе все той же духовной жизни, ростъ которой во Львѣ Николаевичѣ никогда не останавливался и только временами замиралъ, чтобы потомъ возродиться съ новою силою, съ новою побѣдою надъ внѣшними обстоятельствами.

И вотъ въ концѣ 70-хъ годовъ мы видимъ этотъ новый расцвѣтъ ростка духовной жизни, съ такой силой пробившагося сквозь давившія его внѣшнія условія, что задавить его снова не смогли уже всѣ силы міра сего.

Этотъ важный моментъ своей жизни Л. Н—чъ самъ описалъ въ своей „Исповѣди".

Это значительно облегчаетъ нашу задачу. Но „Исповѣдь"— все-таки литературное произведеніе, обращенное ко всѣмъ

людямъ, и въ немъ, какъ во всякомъ литературномъ произведеніи, подвергшемся значительной переработкѣ, исчезли нѣкоторыя драгоцѣнныя черты сырого матеріала и прибавились тѣ мѣста, которыя написаны въ виду впечатлѣнія, которое они должны производить на публику.

Наша задача будетъ взять изъ этого произведенія ту сущность его, безъ которой не ясенъ ходъ этого процесса, и добавить то, что имѣется въ нашихъ рукахъ изъ сырого, частнаго матеріала, чтобы какъ можно сильнѣе оживить самый жизненный процессъ этого времени, показать его біографическую сторону.

Повидимому еще въ 74-мъ году Л. Н—чъ задумалъ писать нѣчто подобное „Исповѣди", т.-е. произведеніе, выражающее мысль о необходимости религіи, какъ основы жизни. Въ его записной книжкѣ 1874 года мы находимъ такой набросокъ предисловія къ задуманной книгѣ:

„Есть языкъ философіи, я имъ не буду говорить. Я буду говорить языкомъ простымъ. Интересъ философіи общій всѣмъ и судьи всѣ. Философскій языкъ выдуманъ для противодѣйствія возраженію. Возраженія я не боюсь, я ищу. Я не принадлежу ни къ какому лагерю. И прошу читателей не принадлежать. Это первое условіе для философіи. Матеріалистамъ я долженъ возразить въ предисловіи. Они говорятъ, что, кромѣ земной жизни, ничего нѣтъ. Я долженъ возразить потому, что если бы это было такъ, то мнѣ бы и не о чемъ писать. Проживя подъ 50, я убѣдился, что земная жизнь ничего не даетъ, и тотъ умный человѣкъ, который вглядится въ земную жизнь серьезно: труды, страхъ, упреки, борьба,—зачѣмъ? родъ сумасшествія, тотъ сейчасъ застрѣлится, и Гартманъ... Шопенгауэръ правъ. Но Шопенгауэръ давалъ чувствовать, что есть что-то, отчего онъ не застрѣлился. Вотъ это-то что-то есть задача той книги. Чѣмъ мы живемъ?—Религія" [1]).

---

[1]) Архивъ Л. Н—ча Толстого.

Можно думать, что именно на это произведеніе намекаетъ Л. Н—чъ въ письмѣ къ Фету въ мартѣ 1874 года по поводу смерти своего маленькаго сына; онъ говоритъ о сюжетѣ новаго писанія, овладѣвшемъ имъ именно въ самое тяжелое время болѣзни ребенка. Но это былъ лишь проблескъ сознанія. Съ тѣхъ поръ онъ становится чаще и чаще, и въ письмахъ Л. Н—ча къ своимъ друзьямъ все чаще и чаще попадаются слова, указывающія на начавшуюся уже въ немъ и все разгорающуюся душевную работу.

Изъ слѣдующаго письма къ Фету видно, какъ мысль о смерти начинаетъ овладѣвать Л. Н—чемъ:

30 апрѣля 1876 года.

„Получилъ ваше письмо, дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ, и изъ этого коротенькаго письма и изъ разговоровъ М. П., переданныхъ мнѣ женой, и изъ одного изъ послѣднихъ писемъ вашихъ, въ которомъ я пропустилъ фразу: „хотѣлъ звать васъ посмотрѣть, какъ я уйду“, написанную между соображеніями о кормѣ лошадямъ и которую я понялъ только теперь, я перенесся въ ваше состояніе, мнѣ очень понятное и близкое, и мнѣ стало жалко васъ. И по Шопенгауэру, и по нашему сознанію, состраданіе и любовь—одно и то же, и захотѣлось вамъ писать. Я благодаренъ вамъ за мысль позвать меня посмотрѣть, какъ вы будете уходить, когда вы думали, что близко. То же сдѣлаю я, когда соберусь туда, если буду въ силахъ думать. Мнѣ никого въ эту минуту такъ не нужно бы было, какъ васъ и моего брата. Передъ смертью дорого и радостно общеніе съ людьми, которые въ этой жизни смотрятъ за предѣлы ея, и вы и тѣ рѣдкіе настоящіе люди, съ которыми я сходился въ жизни, несмотря на здравое отношеніе къ жизни, всегда стоятъ на самомъ краешкѣ и ясно видятъ жизнь только оттого, что глядятъ то въ нирвану, въ безпредѣльность, въ неизвѣстность, то въ сансару, и этотъ взглядъ въ нирвану укрѣпляетъ зрѣніе. А люди житейскіе, сколько они ни говори о Богѣ, непріятны нашему брату и должны быть мучительны во время

смерти, потому что они не видятъ того, что мы видимъ, именно того Бога, болѣе неопредѣленнаго, болѣе далекаго, но болѣе высокаго и несомнѣннаго, какъ говорится въ этой статьѣ.

„Вы больны и думаете о смерти, а я здоровъ и не перестаю думать о томъ же и готовиться къ ней. Посмотримъ, кто прежде. Но мнѣ вдругъ изъ разныхъ незамѣтныхъ данныхъ ясна стала ваша глубоко родственная мнѣ натура-душа (особенно по отношенію къ смерти), что я вдругъ оцѣнилъ наши отношенія и сталъ гораздо больше, чѣмъ прежде, дорожить ими. Я многое, что я думалъ, старался выразить въ послѣдней главѣ апрѣльской книжки „Русскаго Вѣстника“ [1]).

Въ этой послѣдней главѣ апрѣльской книжки „Русскаго Вѣстника“ помѣщено описаніе смерти Николая Левина.

Вотъ заключительныя слова этой главы, очевидно выражавшія его тогдашнее настроеніе:

„Видъ брата и близость смерти возобновили въ душѣ Левина то чувство ужаса передъ неразгаданностью и вмѣстѣ близостью и неизбѣжностью смерти, которое охватило его въ тотъ осенній вечеръ, когда пріѣхалъ къ нему братъ. Чувство это теперь было еще сильнѣе, чѣмъ прежде: еще менѣе, чѣмъ прежде, онъ чувствовалъ себя способнымъ понять смыслъ смерти, и еще ужаснѣе представлялась ему ея неизбѣжность; но теперь, благодаря близости жены, чувство это не приводило его въ отчаяніе: онъ, несмотря на смерть, чувствовалъ необходимость жить и любить. Онъ чувствовалъ, что любовь спасла его отъ отчаянія и что любовь эта подъ угрозой отчаянія становилась еще сильнѣе и чище“ [2]).

Религіозные вопросы все чаще и чаще захватываютъ его интересъ.

---

[1]) Фетъ. „Мои воспоминанія“.

[2]) Полное собраніе сочиненій Л. Н. Толстого, т. 10, стр. 408.

Въ письмѣ къ Н. Н. Страхову въ маѣ 1876 года онъ пишетъ слѣдующее:

„На-дняхъ П. Самаринъ былъ у меня и читалъ мнѣ нѣмецкую статью брата своего Юрія о религіи. Вы прочтете ее въ „Православномъ Обозрѣніи"; пожалуйста, напишите мнѣ свое мнѣніе. Въ ней хорошо доказательство, основанное на воздѣйствіи Бога на человѣка (хотя гегельянское) и на важности, которую человѣкъ приписываетъ своей личности. Поразительна тоже въ томъ же родѣ важность и несомнѣнность, которую приписываетъ человѣкъ веществу, матеріи. Онъ про это не говоритъ. Но не правда ли, что нѣтъ болѣе важныхъ, простыхъ и несомнѣнныхъ знаній, какъ знаніе своей личности и вещества? И оба знанія одинаково отрицаются. И что значительность, которую имѣютъ эти два камня знанія, надо принимать въ соображеніе и объяснить" [1]).

Въ сентябрѣ того же года Л. Н—чъ не надолго съѣздилъ въ самарское имѣніе въ сопровожденіи своего племянника Николая Толстого. Оттуда онъ проѣхалъ въ Оренбургъ. Въ области сельскаго хозяйства Л. Н—чъ увлекался въ то время разведеніемъ лошадей, за ними онъ и поѣхалъ въ Оренбургъ. Тамъ онъ встрѣтилъ своего стараго пріятеля и севастопольскаго сослуживца генерала Крыжановскаго (бывшаго тогда оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ) и очень пріятно провелъ время въ воспоминаніяхъ давно пережитаго.

Въ сентябрѣ онъ писалъ женѣ своей, видимо съ трудомъ отпустившей его въ эту поѣздку:

„Я знаю, что тебѣ тяжело и страшно, но я видѣлъ то усиліе, которое ты сдѣлала надъ собой, чтобы не помѣшать мнѣ, и если можно, то еще больше люблю тебя за это. Если бы только Богъ далъ тебѣ хорошо, здорово и энергично, дѣятельно провести это время. Господь помилуй тебя и меня" [2]).

---

[1]) Архивъ В. Г. Черткова.

[2]) Архивъ С. А. Толстой.

Опять эта религіозная нотка, не попадавшаяся раньше въ его письмахъ.

Характерна также слѣдующая замѣтка въ письмѣ графини С. А. къ ея сестрѣ, писанномъ въ сентябрѣ того же года:

„Левочка постоянно говоритъ, что все кончено для него, скоро умирать, ничто не радуетъ, нечего больше ждать отъ жизни“ [1]).

То же настроеніе видно и изъ слѣдующаго письма Л. Н—ча къ Страхову, въ которомъ онъ, несмотря на это тяжелое настроеніе, высказываетъ глубокія философскія мысли.

13 ноября 1876 года, Ясная Поляна.

„Вы истинный другъ, дорогой Николай Николаевичъ. Несмотря на мое молчаніе и молчаніе на важное письмо ваше, вы все-таки радуете меня своими письмами. Не могу выразить, какъ я благодаренъ вамъ за послѣднее, не заслуженное мною, письмо ваше. Чтобы объяснить и оправдать мое молчаніе, долженъ говорить о себѣ. Пріѣхавъ изъ Самары и Оренбурга, вотъ скоро два мѣсяца (я сдѣлалъ чудесную поѣздку), я думалъ, что возьмусь за работу, окончу давящую меня работу, окончаніе романа, и возьмусь за новое, и вдругъ вмѣсто этого всего ничего не сдѣлалъ. Сплю духовно и не могу проснуться. Нездоровится, уныніе. Отчаяніе въ своихъ силахъ. Что мнѣ суждено судьбой, не знаю, но доживать жизнь безъ уваженія къ ней—а уваженіе къ ней дается только извѣстнаго рода трудомъ—мучительно. Думать даже—и къ тому нѣтъ энергіи. Или совсѣмъ худо или сонъ передъ хорошимъ періодомъ работы. Думать не могу самъ, но понимать могу, особенно васъ, и понялъ и оцѣнилъ ваше первое письмо и всей душой желаю, чтобы вы окончили этотъ трудъ. Я перечелъ его нѣсколько разъ и читалъ Фету, и мы съ нимъ поняли и одобрили ваши мысли, насколько мы ихъ поняли. Одно, вопросъ о томъ,

---

[1]) Архивъ Т. А. Кузминской.

что есть настоящее познаніе, требуетъ невольно отвѣта. Настоящее, по-моему—и я увѣренъ, по-вашему будетъ такъ же, но вы лучше меня это выразите—дается сердцемъ, т.-е. любовью. Мы знаемъ то, что любимъ только. Послѣдній вопросъ вашъ въ нашей философской перепискѣ былъ: что есть зло? Я могу отвѣтить на него для себя. Разъясненіе на этотъ отвѣтъ я вамъ дамъ въ другой разъ, и надѣюсь, на Рождествѣ. Мы съ женой мечтаемъ, что вы пріѣдете. Пожалуйста, пріѣжайте. Такъ отвѣтъ слѣдующій: зло есть то, что разумно съ мірской точки зрѣнія. Убійство, грабежъ, наказаніе, все разумно—основано на логическихъ выводахъ. Самопожертвованіе, любовь—безсмыслица. Былъ я на-дняхъ въ Москвѣ только затѣмъ, чтобы узнать новости о войнѣ. Все это очень волнуетъ меня. Теперь вся ерунда сербскаго движенія, ставши исторіей прошедшаго, получила значеніе. Та сила, которая производитъ войну, выразилась преждевременно и указала направленіе" [1]).

Признаніе мірской разумности зломъ и мірской нелѣпости добромъ—вотъ гдѣ начало критическаго отношенія ко всему окружающему и зарожденіе религіознаго сознанія.

Старая жизнь для него дѣйствительно кончалась. Онъ несъ ее только уже по инерціи, но нужна была большая встряска душевная, чтобы быть въ состояніи сбросить ее.

Это заглядыванье „за предѣлы жизни" стало скоро для Л. Н—ча почти постояннымъ настроеніемъ души.

Черезъ годъ онъ пишетъ Фету:

„Вы въ первый разъ говорите мнѣ о Божествѣ—Богѣ. А я давно уже не перестаю думать объ этой главной задачѣ. И не говорите, что намъ нельзя думать; не только можно, но должно. Во всѣ вѣка лучшіе, т.-е. настоящіе, люди думали объ этомъ. И если мы не можемъ такъ же, какъ они, думать объ этомъ, то мы обязаны найти какъ. Читали ли вы „Pensées de Pascal", т.-е. недавно на большую голову.

---

[1]) Архивъ В. Г. Черткова.

Когда Богъ дастъ, вы пріѣдете ко мнѣ, мы поговоримъ о многомъ, и я вамъ дамъ эту книгу“ [1])

Съ отрицательной стороны настроеніе Л. Н—ча въ это время отражается въ его письмѣ къ Страхову въ томъ же году:

„Мучительно и унизительно жить въ совершенной праздности и противно утѣшать себя тѣмъ, что я берегу себя и жду какого-то вдохновенія. Все это пошло и ничтожно. Если бы я былъ одинъ, я бы не былъ монахомъ, я бы былъ юродивымъ, т.-е. не дорожилъ бы ничѣмъ въ жизни и не дѣлалъ бы никому вреда. Пожалуйста, не утѣшайте меня и въ особенности тѣмъ, что я—писатель. Этимъ я уже давно и лучше васъ себя утѣшаю, но это не беретъ и только внемлетъ моимъ жалобамъ, и это уже меня не утѣшаетъ. На-дняхъ слушалъ урокъ священника дѣтямъ изъ катехизиса. Все это было такъ безобразно. Умныя дѣти такъ, очевидно, не только не вѣрятъ этимъ словамъ, но и не могутъ не презирать этихъ словъ, что мнѣ захотѣлось попробовать изложить въ катехизической формѣ то, во что я вѣрю, и я попытался. И попытка эта показала мнѣ, какъ это для меня трудно и—боюсь—невозможно. И отъ этого мнѣ грустно и тяжело“ [2]).

Въ это время Л. Н—чъ былъ еще православнымъ. Урокъ православнаго закона Божія уже вызываетъ въ немъ отвращеніе къ „такому“ православію, и онъ пытается изложить „свое православіе“. Но такъ какъ его вѣра была совсѣмъ не православіе, которое только случайно, временно прикрывало внѣшнимъ образомъ его вѣру, то онъ, конечно, и не могъ изложить его.

Какимъ же образомъ пришелъ Л. Н—чъ къ этой вѣрѣ, которую онъ называетъ православной потому только, что ему страстно хотѣлось быть въ духовномъ единеніи съ массой рабочаго народа, творящаго, какъ онъ выражался, жизнь?

---

[1]) А. Фетъ. „Мои воспоминанія“, стр. 237.

[2]) Архивъ В. Г. Черткова.

Онъ пришелъ къ ней мучительнымъ многолѣтнимъ путемъ, который описываетъ въ своей „Исповѣди“.

Внутренняя жизнь его и внѣшніе толчки, напоминавшіе ему о томъ, что есть что-то не разрѣшенное въ этой жизни, привели его къ остановкѣ жизни, къ желанію убить себя. Его жизнь стала казаться ему насмѣшкой кого-то злого надъ нимъ; состояніе его было подобно состоянію того человѣка, про котораго говорится въ восточной сказкѣ:

„Спасаясь отъ звѣря, путникъ вскакиваетъ въ безводный колодецъ, но на днѣ колодца видитъ дракона, разинувшаго пасть, чтобы пожрать его. И несчастный, не смѣя вылѣзть, чтобы не быть пожраннымъ дракономъ, ухватывается за вѣтки растущаго въ расщелинѣ колодца дикаго куста и держится на немъ. Руки его ослабѣваютъ, и онъ чувствуетъ, что скоро долженъ будетъ отдаться погибели, съ обѣихъ сторонъ ждущей его; но онъ держится, и видитъ, что двѣ мыши, одна черная, другая бѣлая, равномѣрно обходя стволину куста, на которомъ онъ виситъ, подтачиваютъ ее. Вотъ-вотъ самъ собой обрушится и оборвется кустъ, и онъ упадетъ въ пасть дракону. Путникъ видитъ это и знаетъ, что онъ неминуемо погибнетъ; но пока онъ виситъ, онъ ищетъ вокругъ себя и находитъ на листьяхъ куста капли меда, достаетъ ихъ языкомъ и лижетъ ихъ. Такъ и я держусь за вѣтви жизни, зная, что неминуемо ждетъ драконъ смерти, готовый растерзать меня, и я не могу понять, зачѣмъ я попалъ на это мученіе. И я пытаюсь сосать тотъ медъ, который прежде утѣшалъ меня, но этотъ медъ уже не радуетъ меня, а бѣлая и черная мыши, день и ночь подтачиваютъ вѣтку, за которую я держусь. Я ясно вижу дракона и мышей,—и не могу отвратить отъ нихъ взоръ. И это не басня, а это истинная, неоспоримая и всякому понятная правда“ [1]).

---

[1]) „Исповѣдь“. Изд. „Своб. Слово“, стр. 18.

Онъ метался отъ ужаса и, боясь конца, хотѣлъ приблизить его.

Жизнь его держалась на волоскѣ, но какая-то сила еще удерживала его, ему смутно казалось, что есть еще надежда найти разумный исходъ, и вотъ онъ обращается къ наукѣ опытной и наукѣ умозрительной, ища отвѣта на мучающіе его вопросы. Но ни въ той, ни въ другой наукѣ онъ отвѣта не находитъ.

Опытное знаніе игнорируетъ вопросы о конечныхъ цѣляхъ существованія міра и человѣка.

Добросовѣстныя же умозрительныя науки ставятъ эти вопросы, но отвѣта на нихъ не даютъ.

Тогда онъ обращается къ классической мудрости, вопрошаетъ Сократа, Шопенгауэра, Соломона и Будду, и отвѣты ихъ только подтверждаютъ безнадежность его положенія.

„Жизнь тѣла есть зло и ложь. И потому уничтоженіе этой жизни тѣла есть благо, и мы должны желать его“, говоритъ Сократъ.

„Жизнь есть то, чего не должно быть,—зло, и переходъ въ ничто есть единственное благо жизни“, говоритъ Шопенгауэръ.

„Все въ мірѣ—и глупость, и мудрость, и богатство, и нищета, и веселье, и горе — все суета и пустяки. Человѣкъ умретъ и ничего не останется. И это глупо“, говоритъ Соломонъ.

„Жить съ сознаніемъ неизбѣжности страданій, ослабленія, старости и смерти нельзя,—надо освободить себя отъ жизни, отъ всякой возможности жизни“, говоритъ Будда.

Итакъ, исканіе отвѣта въ знаніяхъ не дало ему удовлетворенія, и его мученія продолжались. Тогда онъ обращается къ жизни и смотритъ на жизнь окружающихъ. Какъ же живутъ они? И онъ видитъ четыре выхода, которые находятъ окружающіе его люди изъ этихъ неразрѣшимыхъ для него жизненныхъ вопросовъ:

Первый выходъ — это невѣдѣніе. Это люди, которые еще

не поняли тѣхъ ужасныхъ вопросовъ, которые мучатъ его, и потому у нихъ ему нечему было учиться.

Второй выходъ—эпикурейство. Это тѣ, кто не хотятъ сознательно видѣть опасности и лижутъ медъ, находящійся близко отъ нихъ. Но для того, чтобы стать въ это положеніе, нужно, во-первыхъ, нѣкоторыя благопріятныя обстоятельства, а во-вторыхъ, нѣкоторую нравственную тупость, позволяющую не видѣть какъ своей погибели, такъ и гибели тѣхъ, кто служитъ ихъ прихотямъ. И этотъ второй выходъ Л. Н—чъ не могъ принять.

Третій выходъ былъ самоубійство. Многіе сильные люди, понявъ неизбѣжность гибели, сознательно кончали съ собою. Л. Н—чъ часто былъ близокъ къ этому, но у него еще не было той полной безнадежности, которая можетъ привести къ этому.

Четвертый выходъ былъ выходъ слабости. Знать все и не имѣть силъ покончить съ собой, тянуть жизнь...

„Это,—говоритъ Л. Н—чъ,—было для меня отвратительно, мучительно, но я оставался въ этомъ положеніи“.

Нерѣшительность эта, какъ думаетъ Л. Н—чъ, происходила не только отъ слабости, трусости его. Причины ея лежали глубже. Ему смутно чувствовалось сомнѣніе въ истинности всѣхъ доводовъ, приводящихъ къ такой безнадежности, такому отчаянію. Къ сомнѣнію приводили такого рода разсужденія: „Если мой разумъ—творецъ жизни, то какъ же онъ приводитъ меня къ отрицанію ея? Если же разумъ есть сынъ жизни, послѣдствіе ея, то тѣмъ болѣе, какъ можетъ онъ отрицать то, что породило его?“

Наконецъ, жизнь милліоновъ живущихъ и знающихъ разсужденія о тщетѣ жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ видящихъ смыслъ въ ней, не даетъ права легко рѣшиться на послѣднее, отчаянное средство—самоубійство. Всѣ эти смутные доводы Л. Н—чъ объединяетъ подъ однимъ названіемъ: „сознанія жизни“. Эта сила спасла его. Она не дала ему убить себя и обратила его взоры на жизнь рабочаго народа.

И когда онъ вглядѣлся въ жизнь народа, онъ увидалъ, что смыслъ жизни ему давала вѣра.

„И я оглянулся, — говоритъ Л. Н—чъ въ „Исповѣди“, — на огромныя массы отжившихъ и живущихъ простыхъ, неученыхъ и небогатыхъ людей и увидалъ совершенно другое. Я увидалъ, что всѣ эти милліарды жившихъ и живущихъ людей, всѣ, за рѣдкими исключеніями, не подходятъ къ моему дѣленію, что признать ихъ непонимающими вопроса я не могу, потому что они сами ставятъ его и съ необыкновенною ясностью отвѣчаютъ на него. Признать ихъ эпикурейцами тоже не могу, потому что жизнь ихъ слагается больше изъ лишеній и страданій, чѣмъ наслажденій; признать же ихъ неразумно доживающими безсмысленную жизнь могу еще меньше, такъ какъ всякій актъ ихъ жизни и самая смерть объясняются ими. Убивать же себя они считаютъ величайшимъ зломъ. Оказывалось, что у всего человѣчества есть какое-то непризнаваемое и презираемое мною знаніе смысла жизни. Выходило то, что знаніе разумное не даетъ смысла жизни, исключаетъ жизнь: смыслъ же, придаваемый жизни милліардами людей, всѣмъ человѣчествомъ, зиждется на какомъ-то презрѣнномъ ложномъ знаніи“ [1]).

Изъ этого видимаго противорѣчія Л. Н—чу представлялось два выхода. Онъ предполагалъ, что онъ ошибся въ своихъ изысканіяхъ по одному изъ двухъ направленій и что ему нужно или признать, что то, что онъ считалъ разумнымъ, не столь разумно, или что то, что ему казалось неразумнымъ, не столь неразумно. И, провѣряя выводы своего разума, онъ нашелъ ошибку въ томъ, что въ его разсужденіяхъ понятія конечнаго и безконечнаго смѣшивались имъ и не ставились на свойственное имъ мѣсто.

Жизнь человѣка выражается въ отношеніи конечнаго къ безконечному и это отношеніе опредѣляется и объясняется вѣрою. Вѣра придаетъ конечному существованію смыслъ без-

---

[1]) Тамъ же, стр. 44.

конечнаго. Вѣра не основана на выводахъ разума, но она всеобща, гдѣ вѣра, тамъ жизнь. И потому она истинна. Вѣра есть знаніе смысла жизни. Вѣра есть сила жизни.

Если человѣкъ не видитъ призрачность конечнаго, онъ вѣритъ въ конечное. Если онъ видитъ призрачность конечнаго, онъ долженъ вѣрить въ безконечное, чтобы жить. Но Л. Н—чу нужно было вѣрить сознательно, избрать то вѣроученіе, которое соотвѣтствовало бы его сознанію. И онъ принимается за изученіе различныхъ вѣръ. Онъ читаетъ Ренана, Штрауса, Макса Мюллера, Бюрнуфа, онъ изучаетъ Талмудъ и исламъ, увлекается буддизмомъ, но все-таки душа его тянетъ къ христіанству, онъ особенно долго останавливается на немъ и знакомится съ различными школами теоретическаго и практическаго христіанства.

И онъ снова замѣчаетъ, что когда онъ знакомится съ вѣроученіемъ своего круга, онъ снова теряетъ надежду найти отвѣты на вопросъ о смыслѣ жизни. Онъ замѣтилъ, что для высшаго круга людей вѣра была однимъ изъ эпикурейскихъ утѣшеній. И снова онъ обращается къ народу, творящему жизнь, и видитъ, что для него вѣра есть основа жизни. Жизнь вѣрующихъ высшаго круга была противорѣчіемъ ихъ вѣрѣ; жизнь вѣрующихъ изъ народа была подтвержденіемъ ихъ вѣры, послѣдствіемъ ея. И среди нихъ онъ не видѣлъ боязни страданій и смерти, а напротивъ, спокойную и даже радостную покорность имъ.

„Я полюбилъ этихъ людей,—говоритъ Л. Н—чъ.— Чѣмъ больше я вникалъ въ ихъ жизнь, живыхъ людей, и въ жизнь умершихъ людей, про которыхъ я читалъ и слышалъ, тѣмъ больше я любилъ ихъ и тѣмъ легче мнѣ самому становилось жить. Я жилъ такъ года два, *и со мной случился переворотъ, который давно готовился во мнѣ и задатки котораго всегда были во мнѣ.* Со мной случилось то, что жизнь нашего круга—богатыхъ, ученыхъ—не только опротивѣла мнѣ, но потеряла всякій смыслъ. Всѣ наши дѣйствія, разсужденія, науки, искусства, — все это предстало мнѣ въ новомъ

значеніи. Я понялъ, что все это — одно баловство, что искать смысла въ этомъ нельзя. Жизнь же всего трудящагося народа, всего человѣчества, творящаго жизнь, представилась мнѣ въ ея настоящемъ значеніи. Я понялъ, что это — сама жизнь и что смыслъ, придаваемый этой жизни, есть истина, и я принялъ его" [1]).

Л. Н. понялъ, что онъ заблудился, что *его* жизнь была зло, а не жизнь вообще. Онъ полюбилъ хорошихъ людей, возненавидѣлъ себя и призналъ истину. Чтобы понять жизнь, надо творить ее.

Этотъ моментъ жизни Л. Н—ча слѣдуетъ отнести къ 1878 году. Миръ сошелъ въ его душу, но процессъ еще не былъ законченъ. Онъ присталъ къ народной вѣрѣ. Но главная основа вѣры—Богъ еще не былъ для него ясенъ, онъ искалъ Его.

„Въ это же время,—пишетъ Л. Н—чъ въ „Исповѣди",— со мной случилось слѣдующее. Во все время этого года, когда я почти всякую минуту спрашивалъ себя: не кончить ли петлей или пулей, — во все это время, рядомъ съ тѣми ходами мыслей и наблюденій, о которыхъ я говорилъ, сердце мое томилось мучительнымъ чувствомъ. Чувство это я не могу назвать иначе, какъ исканіемъ Бога".

Въ этихъ исканіяхъ онъ доходилъ до того, что начиналъ молиться Тому, котораго искалъ, о томъ, чтобы помогъ ему. Но молитву его никто не слышалъ, и отчаяніе продолжалось.

Во время этихъ исканій Л. Н—чъ замѣтилъ въ душѣ своей колебанія отъ полнаго отчаянія къ неизмѣримой радости бытія, и онъ замѣтилъ, кромѣ того, что эти колебанія совпадали съ рѣшеніемъ его разума и чувства объ отверженіи Бога или принятіи Его. И онъ сказалъ себѣ:

„Что же такое эти оживленія и умиранія? Вѣдь я не живу, когда теряю вѣру въ существованіе Бога; вѣдь я бы уже давно убилъ себя, если бы у меня не было смутной

---

[1]) Тамъ же, стр. 54.

надежды найти Его. Вѣдь я живу, истинно живу только тогда, когда чувствую Его и ищу Его. Такъ чего же я ищу еще? — воскликнулъ во мнѣ голосъ. Такъ вотъ Онъ. Онъ есть то, безъ чего нельзя жить. Знать Бога и жить — одно и то же. Богъ есть жизнь" [1]).

И онъ спасся отъ отчаянія, жизнь вернулась къ нему, та самая сила жизни, которая влекла его на первыхъ порахъ его жизни, только теперь она въ немъ стала сознательной.

Вѣра была найдена, оставалось очистить ее отъ наростовъ времени и невѣжества.

Мы видѣли выше, что Л. Н—чъ принялъ народную вѣру, нашелъ своего Бога. Мы видѣли также, что многое въ этой вѣрѣ не удовлетворяло его; были, собственно, не въ народной, но въ церковной вѣрѣ догматы, обряды, молитвы отталкивавшіе Л. Н—ча отъ себя. И онъ употреблялъ всѣ усилія ума и чувства, чтобы какъ-нибудь приспособиться къ нимъ, съ терпѣніемъ и смиреніемъ переносить ихъ. Дѣло было для него слишкомъ важно, чтобы позволить себѣ легкомысленное отношеніе къ нимъ.

Если человѣку, спасенному отъ смерти, дадутъ неудобную одежду, не совершенную пищу, плохое жилище, онъ будетъ радъ и имъ, потому что главное — жизнь — даровано ему, остальное можно потерпѣть, измѣнить, улучшить, лишь бы главная сила жизни была налицо. Такъ было и со Л. Н—чемъ. Это свое состояніе и свое отношеніе къ народной вѣрѣ онъ въ такихъ словахъ изображаетъ въ „Исповѣди":

„Я отрекся отъ жизни нашего круга, признавъ, что это не есть жизнь, а только подобіе жизни, что условія избытка, въ которыхъ мы живемъ, лишаютъ насъ возможности понимать жизнь, и что для того, чтобы понять жизнь, я долженъ понять жизнь не исключеній, не насъ, паразитовъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 62.

жизни, а жизнь простого трудового народа,—того, который дѣлаетъ жизнь и тотъ смыслъ, который онъ придаетъ ей. Простой трудовой народъ вокругъ меня, былъ русскій народъ, и я обратился къ нему и къ тому смыслу, который онъ придаетъ жизни. Смыслъ этотъ, если можно такъ выразиться, былъ слѣдующій. Всякій человѣкъ произошелъ на этотъ свѣтъ по волѣ Бога. И Богъ такъ сотворилъ человѣка, что всякій человѣкъ можетъ погубить свою душу или спасти ее. Задача человѣка въ жизни — спасти свою душу; чтобы спасти свою душу, нужно жить по-Божьи, а чтобы жить по-Божьи, нужно отрекаться отъ всѣхъ утѣхъ жизни, трудиться, смиряться, терпѣть и быть милостивымъ. Смыслъ этотъ народъ черпаетъ изъ всего вѣроученія, передаваемаго ему пастырями, и преданіями, живущими въ народѣ. Смыслъ этотъ мнѣ ясенъ и близокъ моему сердцу" [1]).

Отношеніе Л. Н—ча къ вѣрѣ совершенно измѣнилось.

Прежде онъ полагалъ, что жизнь сама по себѣ имѣетъ смыслъ и что вѣра является какимъ-то ненужнымъ придаткомъ, и онъ, не терпѣвшій ничего фальшиваго, бросилъ ее. Теперь же онъ увидалъ, что жизнь безъ вѣры не имѣетъ смысла. Онъ хотѣлъ бросить жизнь, но вѣра спасла его и онъ всѣмъ существомъ своимъ ухватился за нее. И онъ готовъ былъ на всякія жертвы, чтобы только имѣть возможность остаться въ той тихой пристани, къ которой онъ пришелъ послѣ столькихъ мученій,—въ народной вѣрѣ.

Но тотъ высшій разумъ, который привелъ его сюда, указывалъ ему, что и здѣсь оставаться нельзя. Сдѣлки съ разумомъ, смиреніе передъ величіемъ главныхъ основъ вѣры имѣло предѣлъ, и Л. Н—чъ вскорѣ почувствовалъ, что ему надо итти дальше.

Онъ говоритъ, что онъ бы скорѣе бросилъ ложь, но ему помогли нѣкоторое время держаться въ этомъ неустойчивомъ положеніи новыя богословскія сочиненія, такъ назы-

---

[1]) „Исповѣдь", изд. „Своб. Сл.", стр. 64.

ваемое новое православіе, опредѣляющее церковь какъ общество вѣрующихъ, соединенныхъ любовью. Но и это искусственное оживленіе умирающаго организма не могло долго дѣйствовать.

И для него скоро ясно раздвоилось его отношеніе къ православной вѣрѣ.

Сближеніе съ народомъ, странниками, сектантами, раскольниками, чтеніе житій святыхъ, прологовъ — давало смыслъ. Бесѣда же съ богословами вызывала только дурное чувство осужденія ихъ, отталкивала его отъ исповѣдуемой имъ вѣры, и жизнь снова начинала для него терять смыслъ.

Онъ понялъ, что тогда какъ для него и для народа вѣра есть смыслъ жизни, для богослововъ и вѣрующихъ высшаго круга вѣра есть исполненіе передъ людьми извѣстныхъ человѣческихъ обязанностей, не задѣвающихъ самой основы жизни.

Въ двухъ вопросахъ онъ кореннымъ образомъ разошелся съ представителями церкви:

1) Отношеніе къ людямъ другихъ вѣръ, въ которыхъ онъ видѣлъ своихъ братьевъ, лишь инымъ путемъ пришедшихъ къ исповѣдуемой ими истинѣ, тогда какъ представители церкви видѣли въ нихъ злѣйшихъ враговъ своихъ.

2) Отношеніе къ насилію, казнямъ и войнамъ. Для него это были преступленія. Церковь благословляла ихъ. И онъ отпалъ отъ церкви.

Но чтобы съ полнымъ сознаніемъ выйти изъ нея, отдѣлить въ христіанскомъ ученіи золото отъ песка, онъ подвергнулъ снова тщательному изслѣдованію и ученіе церкви и самый источникъ христіанскаго ученія—Евангеліе.

ГЛАВА XV.

Вліяніе кризиса на отношеніе Л. Н—ча къ окружающей средѣ.

Разсмотримъ теперь нѣсколько документовъ, дающихъ намъ понятіе о томъ, что думалъ, говорилъ и писалъ Л. Н—чъ въ это время въ своей средѣ, какъ вся эта внутренняя борьба отражалась на его отношеніяхъ къ окружающимъ людямъ.

Конечно, однимъ изъ первыхъ, кто зналъ всѣ перемѣны, происходившія во Л. Н—чѣ, былъ Н. Н. Страховъ. И письма Л. Н—ча къ нему за это время полны глубокаго интереса. Мы приводимъ нѣкоторыя изъ нихъ, наиболѣе существенныя.

Страховъ былъ скептикъ и не имѣлъ твердыхъ, ясныхъ религіозныхъ убѣжденій и откровенно сознавался въ этомъ Л. Н—чу.

Въ январѣ 1878 года Л. Н—чъ между прочимъ пишетъ ему слѣдующее:

„*Объ исканіи вѣры*... Вы пишете, что всякія сдѣлки съ мыслью вамъ противны, мнѣ тоже. Еще пишете, что для вѣрующихъ всякая безсмыслица хороша, лишь бы *пахло благочестіемъ* (я бы замѣтилъ: лишь бы проникнуто было вѣрою, надеждою и любовью). Они въ безсмыслицахъ, какъ рыба въ водѣ, имъ противно ясное и опредѣленное. И я тоже. Я объ этомъ началъ писать и написалъ довольно много, но теперь оставилъ, увлекшись другими занятіями,

но разсчитываю на вашу способность (необычайную) понимать другихъ, попытаюсь въ этомъ письмѣ сказать, почему я думаю, что то, что вамъ кажется страннымъ, вовсе не странно. Разумъ мнѣ ничего не говоритъ и не можетъ сказать на три вопроса, которые легко выразить однимъ: что я такое? Отвѣты на эти вопросы даетъ мнѣ въ глубинѣ сознанія какое-то чувство. Тѣ отвѣты, которые мнѣ даетъ это чувство, смутны, неясны, невыразимы словами, (орудіемъ мысли); но я не одинъ искалъ и ищу отвѣта на эти вопросы. Все жившее человѣчество въ каждой душѣ мучимо было тѣми же вопросами и получало тѣ же смутные отвѣты въ своей душѣ. Милліарды смутныхъ отвѣтовъ однозначащихъ дали опредѣленность отвѣтамъ. Отвѣты эти—религія. На взглядъ разума отвѣты безсмысленны. Безсмысленны даже по одному тому, что они выражены словами, но они все-таки одни отвѣчаютъ на вопросы сердца. Какъ выраженіе, какъ форма, они безсмысленны, но, какъ содержаніе, они одни истинны. Смотрю всѣми глазами на форму—содержаніе ускользаетъ; смотрю всѣми глазами на содержаніе—мнѣ дѣла нѣтъ до формы. Я ищу отвѣта на вопросы по существу своему во имя разума и требую, чтобы они выражены были словомъ, орудіемъ разума, и потому удивляюсь, что форма отвѣтовъ не удовлетворяетъ разуму. Но вы скажете: поэтому и отвѣтовъ не можетъ быть. Нѣтъ, вы не скажете этого, потому что вы знаете, что отвѣты есть, что этими отвѣтами только живутъ, жили всѣ люди и вы сами живете. Сказать, что этихъ отвѣтовъ не можетъ быть,—все равно, что сказать, ѣхавши по льду, что рѣки не могутъ замерзать потому, что отъ холода тѣла сжимаются, а не расширяются. Сказать, что эти отвѣты безсмысленны,—то же, что сказать, что я чего-то въ нихъ не умѣю понимать. И не умѣете вы понимать, какъ мнѣ кажется, вотъ чего: отвѣты спрашиваются не на вопросы разума, а на вопросы другіе. Я называю ихъ вопросами сердца. На эти вопросы съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ родъ человѣче-

скій, отвѣчаютъ люди не словами, орудіемъ разума, частью проявленія жизни, а всею жизнью, дѣйствіями, изъ которыхъ слово есть одна только часть. Всѣ тѣ вѣрованія, которыя я имѣю, и вы, и весь народъ, основаны не на словахъ и разсужденіяхъ, а на рядѣ дѣйствій, жизни людей, непосредственно (какъ зѣвота) вліявшихъ одни на другихъ, начиная съ жизней Авраамовъ, Моисеевъ, Христовъ, святыхъ отцовъ, ихъ жизнями и внѣшними даже дѣйствіями—колѣнопреклоненіями, постомъ, соблюденіями дней и т. д. Во всей массѣ безчисленныхъ дѣйствій этихъ людей почему-то извѣстныя дѣйствія выдѣлялись и составляли одно цѣлое преданіе, служащее единственнымъ отвѣтомъ на вопросы сердца. И потому для меня въ этомъ преданіи не только нѣтъ ничего безсмысленнаго, но я даже и не понимаю, какъ къ этимъ явленіямъ прилагать провѣрку смысленнаго и безсмысленнаго. Одна провѣрка, которой я подвергаю и всегда буду подвергать эти преданія, это то, согласны ли даваемые отвѣты съ смутнымъ одиночнымъ отвѣтомъ, начертаннымъ у меня въ глубинѣ сознанія (о которомъ я говорилъ раньше). И потому, когда мнѣ это преданіе говоритъ, что я долженъ хоть разъ въ годъ пить вино, которое называется кровью Бога, я, понимая по-своему или вовсе не понимая этого акта, исполняю его. Въ немъ нѣтъ ничего такого, что бы противорѣчило смутному сознанію. Также я въ извѣстные дни ѣмъ капусту, а въ другіе—мясо; но когда мнѣ преданіе (изуродованное борьбой разумѣній съ различными толкованіями) говоритъ: „будемте всѣ молиться, чтобы побить побольше турокъ“, или даже говоритъ, что тотъ, кто не вѣритъ, что это настоящая кровь и т. п., тогда, справляясь не съ разумѣніемъ, но хоть съ смутнымъ, но несомнѣннымъ голосомъ сердца, я говорю, это преданіе—ложное. Такъ что я вполнѣ плаваю какъ рыба въ водѣ въ безсмыслицахъ и только не покоряюсь тогда, когда преданіе мнѣ передаетъ осмысленныя имъ дѣйствія, не совпадающія съ основной безсмыслицей смутнаго сознанія, лежащаго

въ моемъ сердцѣ. Если вы поймете, несмотря на неточность моихъ выраженій, мою мысль, напишите, пожалуйста, согласны ли вы съ ней или нѣтъ, и тогда почему. Совѣстно мнѣ говорить, но говорю, что чувствую. Я такъ убѣжденъ въ томъ, что я говорю, и убѣжденіе это такъ для меня отрадно, что я не для себя желаю вашего сужденія, но для васъ. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы испытывали то же спокойствіе и ту же свободу духовную, которую испытываю я. Знаю, что пути постигновенія даже формальныхъ математическихъ истинъ для каждаго ума—свои, тѣмъ болѣе они должны быть свои особенныя для постигновенія метафизическихъ истинъ, но мнѣ такъ ясно (какъ фокусъ, который вамъ показанъ), что не могу понять, въ чемъ для другихъ можетъ быть еще непонятенъ этотъ фокусъ. Знаю тоже, что если мнѣ въ Москву надо ѣхать на сѣверъ и сѣсть на машину въ Тулѣ, то это никакъ не можетъ служить общимъ правиломъ для всѣхъ людей, находящихся на разныхъ концахъ свѣта и желающихъ пріѣхать въ Москву, тѣмъ болѣе для васъ, потому что знаю, что у васъ съ собой много поклажи (ваше знаніе и прошедшіе труды), а я налегкѣ, но я могу васъ увѣрить, что я въ Москвѣ, больше никуда не могу желать ѣхать и что въ Москвѣ очень хорошо" [1]).

Страховъ снабжалъ Л. Н—ча книгами, между прочимъ прислалъ ему Ренана: „Жизнь Іисуса Христа",—книгу, которой Страховъ, повидимому, сочувствовалъ. Во Л. Н—чѣ эта книга вызвала удивленіе, почти отвращеніе. Вотъ какъ онъ выражаетъ это чувство и эти мысли въ письмѣ къ Н. Н. Страхову въ апрѣлѣ того же 1878 года:

„Другое это то, что я нынче говѣлъ и сталъ читать Евангеліе и Ренана: „Жизнь Іисуса", всю прочелъ, и все время читалъ, и удивлялся на васъ. Могу объяснить ваше пристрастіе къ Ренану только тѣмъ, что вы были очень молоды, когда читали его. Если у Ренана есть какія-нибудь

---

[1]) Архивъ В. Г. Черткова.

свои мысли, то это двѣ слѣдующія: 1) что Христосъ не зналъ l'évolution et le progrès, и въ этомъ отношеніи Ренанъ старается поправлять его и съ высоты этой мысли критикуетъ его (стр. 314, 315, 316). Это ужасно, для меня по крайней мѣрѣ; прогрессъ, по мнѣ, есть логориѳмъ времени, т.-е. ничего, констатизмъ факта, что мы живемъ во времени, и вдругъ это-то становится судьей высшей степени, которую мы знаемъ. Легкомысленность или недобросовѣстность этого воззрѣнія удивительны. Христіанская истина, т.-е. наивысшее выраженіе абсолютнаго добра, есть выраженіе самой сущности внѣ формы, времени и др. Ренаны же смѣшиваютъ ея выраженіе абсолютное съ выраженіемъ ея въ исторіи и сводятъ ее на временное проявленіе, и тогда обсуждаютъ. Если христіанская истина высока и глубока, то только потому, что субъективно абсолютна. Если же разсматривать ея объективное проявленіе, то она наравнѣ съ Code Napoléon и т. п. Другая новая у Ренана мысль—это то, что если есть ученіе Христа, то былъ какой-нибудь человѣкъ, и этотъ человѣкъ непремѣнно потѣлъ и ходилъ на часъ. Для насъ изъ христіанства всѣ человѣческія унижающія реалистическія подробности исчезли потому же, почему исчезли всѣ подробности обо всѣхъ, жившихъ когда-нибудь жидахъ и др. потому, почему все исчезаетъ, что не вѣчно, т.-е. песокъ, который не нуженъ, промытъ, осталось золото, по неизмѣняемому закону; кажется, что же дѣлать людямъ, какъ не брать это золото? Нѣтъ, Ренанъ говоритъ, если есть золото, то былъ и песокъ, и онъ старается найти, какой былъ песокъ. И все это съ глубокомысленнымъ видомъ. Но что еще болѣе забавно бы было, если бы не было такъ ужасно глупо, это то, что и песку этого они не находятъ никакого и только утверждаютъ, что онъ долженъ былъ быть. Я прочелъ все и долго искалъ и спрашивалъ себя: ну, что же изъ этихъ историческихъ подробностей я узналъ новаго? И вспомните и признайтесь, что ничего, ровно ничего. Я предлагаю до-

полнить Ренана, сдѣлать соображенія о томъ, какія и какъ были физическія отправленія. Все прогрессъ, все évolution. Можетъ-быть, что для того, чтобы узнать растеніе, надо знать среду, и даже, чтобы узнать человѣка какъ государственное животное, надо узнать среду и движеніе, развитіе, но чтобы понять красоту, истину и добро, никакое изученіе среды не поможетъ, да и не имѣетъ ничего общаго съ разсматриваемымъ. Тамъ идетъ по плоскости, а тутъ совсѣмъ другое направленіе—вглубь и вверхъ. Нравственную истину можно и должно изучать и конца ея изученія нѣтъ, но это изученіе идетъ вглубь, какъ ведутъ его люди религіозные, а это дѣтская, пошлая и подлая шалость" [1]).

Въ томъ же 1878 году Л. Н—чъ начинаетъ снова писать дневникъ, послѣ 13-тилѣтняго перерыва. Вотъ первыя записи его:

„*22 мая.* Окончилъ Болотова. Читалъ Парѳенія. Расколъ наводитъ меня сильнѣе и сильнѣе на важность мысли о томъ, что признакъ истинности церкви есть единство ея (всеобщее единство), но что единство это не можетъ быть достигнуто тѣмъ, что я или В. обратитъ всѣхъ другихъ къ своему взгляду на вѣру (такъ дѣлалось до сихъ поръ, и всѣ расколы, папство, Лютеръ и др.—плодъ этого), но только тѣмъ, что каждый, встрѣчаясь съ несогласнымъ, отыскивая въ себѣ причины несогласія, отыскиваетъ въ другомъ тѣ основы, въ которыхъ они согласны. Осмиконечный и четвероконечный крестъ и пресуществленіе вина или воспоминаніе—развѣ не то же ли самое?

„Былъ у обѣдни въ воскресенье. Подъ все въ службѣ я могу подвести объясненіе, меня удовлетворяющее. Но „многія лѣта" и „одолѣніе на враговъ" есть кощунство. Христіанинъ долженъ молиться за враговъ, а не противъ ихъ.

„Читалъ Евангеліе. Вездѣ Христосъ говоритъ, что все временное ложно, одно вѣчное, т.-е. настоящее, „птицы не-

---

[1]) Архивъ В. Г. Черткова.

бесныя“ и др. И на религію смотрѣть исторически есть разрушеніе религіи“.

„*3 іюня.* Былъ Бобринскій. Измучилъ меня своими разговорами о религіи, о словѣ. Его страсть говорить. Самообольщеніе удивительное. Для меня онъ важенъ былъ тѣмъ, что на немъ съ ужасной очевидностью ясно заблужденіе основанія вѣры на словѣ, на одномъ словѣ. Вчера писалъ довольно много въ маленькую книжку—самъ не знаю зачѣмъ—о вѣрѣ“ [1]).

У насъ сохранилась эта удивительная запись въ „маленькую книжку“; приводимъ ее цѣликомъ:

„*1878 года 2 іюня.* Человѣкъ хочетъ и любитъ всѣ тѣлесныя блага пріобрѣсти для себя одного, а духовныя блага пріобрѣтать для другихъ, чтобы хвалили его. Человѣкъ долженъ всѣ тѣлесныя блага отбросить отъ себя и предоставить другимъ, а духовныя блага пріобрѣтать только для себя одного.

„Съ Богомъ нельзя имѣть дѣло, вмѣшивая посредника и зрителя; только съ глаза на глазъ начинаются настоящія отношенія, только когда никто другой не знаетъ и не слышитъ, Богъ слышитъ тебя.

„Не доказательство, но объясненіе формъ моей вѣры:

„1) Если я не удовлетворяюсь и, главное, не увлекаюсь изученіемъ частнымъ, а желаю узнать, понять хоть что-нибудь вполнѣ, я увижу, что я ничего не могу знать, что умъ мой для жизни временной, орудіе для настоящаго знанія—игрушка, обманъ (Паскаль). Если я попытаюсь объяснить себѣ значеніе моихъ чувствъ, я увижу, что умъ даже и не берется обмануть меня (Страховъ). Если я попытаюсь обобщить и назвать тѣ мѣста, гдѣ для меня открывается мое незнаніе и невозможность знанія, то я найду слѣдующіе безотвѣтные вопросы:

„а) Зачѣмъ я живу? б) какая причина моему и всякому су-

---

[1]) Архивъ Льва Николаевича Толстого.

ществованію? в) какая цѣль моего и всякаго существованія? г) что значитъ и зачѣмъ то раздвоеніе добра и зла, которыя чувствую въ себѣ? д) какъ мнѣ надо жить? е) что такое смерть? Самое же общее выраженіе этихъ вопросовъ и полное есть: какъ мнѣ спастись? Я чувствую, что погибаю. Живу и умираю, люблю жизнь и боюсь смерти—какъ мнѣ спастись?

„2) Разумная мысль не только моя, но всего человѣчества, не даетъ на этотъ вопросъ никакого отвѣта. Даже когда она трезва и хочетъ быть точна, она говоритъ, что не понимаетъ даже этого вопроса. А все-таки я и все человѣчество спрашиваетъ: какъ намъ спастись? Разумная мысль не даетъ отвѣта. Но плодъ дѣятельности человѣческой же, похожей по внѣшности на разумную мысль, похожей потому, что выражается (отчасти) такъ же, какъ и разумная мысль, словомъ, даетъ эти отвѣты. Отвѣтъ этотъ религія. И отвѣтъ этотъ не такой, который бы надо съ трудомъ искать, который бы былъ скрытъ отъ людей и который бы получался особеннымъ труднымъ, искусственнымъ путемъ. Если бы отвѣтъ этотъ былъ таковъ, что, имѣя въ виду ту соотвѣтственность, которую мы видимъ во всемъ, можно бы было усомниться въ немъ; но отвѣтъ таковъ, что онъ сопутствуетъ постоянно вопросу, что нѣтъ человѣка, который бы былъ лишенъ его. Лишены его только тѣ люди, которые или не дѣлаютъ вопроса, молодые, страстные, любящіе жизнь, или тѣ, которые, принимая отвѣты вѣры (словесные) за разумные отвѣты, требуютъ отъ нихъ разумной доказательности, забывая, что разумъ безсиленъ дать отвѣты и прямо отрицаетъ самый вопросъ. Но все человѣчество и теперь живетъ и всегда жило и умирало съ отвѣтами на эти вопросы.

„Но можетъ быть отвѣты эти—суевѣрія? Одно доказательство бы было, что можно и безъ нихъ жить,—жить полной жизнью. Исключенія мыслителей и испорченныхъ не доказываютъ. Другое доказательство, что въ нихъ нѣтъ единства. Един-

ство есть, оно-то и истина. Третье доказательство, что они неразумны, но отвѣты и не хотѣли быть разумны. Если предполагается, что они хотятъ быть разумны, то только оттого, что отвѣты отчасти выражены словомъ, орудіемъ разума. Всѣ же отвѣты выражены преданіемъ, дѣйствіемъ, жизнью.

„3) Какой же отвѣтъ или какіе отвѣты даетъ имъ религія? За исключеніемъ тѣхъ случайныхъ людей, которые на разумный вопросъ: „какъ спастись?“ ищутъ разумнаго отвѣта, всѣ остальные, т.-е. всѣ видятъ ясные и точные отвѣты въ религіяхъ: „приноси въ жертву людей для Бога“, „иди въ Мекку и Медину для Бога“, „ставь свѣчи и цѣлуй мощи для Бога“, „отрекись отъ себя, убей свою плоть, люби враговъ, отдай имѣніе нищимъ—для Бога, т.-е. дѣлай наилучшее изъ того, что ты понимаешь такимъ для Бога, т.-е. для непостижимаго“. Это общій отвѣтъ на то, что надо дѣлать, но раньше, кромѣ того, даютъ и отвѣты на то, *какъ* надо дѣлать, и даютъ отвѣты неразумные, но самые понятные и доступные для самыхъ низшихъ существъ (доступные для обезьянъ), отвѣты въ примѣрахъ, въ которыхъ выражено, какъ убивать жертву, какъ итти въ Мекку, въ какомъ платьѣ, что ѣсть.

„Во всякой религіи есть рядъ послѣдователей главнаго примѣра учителя, и нужно только подражать имъ.

„4) Таковы отвѣты вѣрованій, глядя на нихъ независимо отъ своего личнаго отношенія къ вѣрѣ. Человѣкъ чувствуетъ опасность и ищетъ спасенія, и вѣра примѣромъ дѣйствіемъ и словомъ даетъ ему средство спасенія. Для дикаго человѣческая жертва есть спасеніе отъ опасности этой жизни, грома, пожара, войны, для нѣкоторыхъ и спасеніе отъ гнѣвнаго Бога послѣ смерти. Для буддистовъ спасеніе въ отреченіи отъ жизни. Для магометанъ, христіанъ это тоже спасеніе отъ смерти.

Вотъ тутъ-то такъ естественно и разумно, кажется, сказать: если для дикаго убійство представляется истиной, для будди-

ста—аскетизмъ, для христіанина—самопожертвованіе, то такъ какъ истина одна, то очевидно, что вѣра не имѣетъ истины, а потому ложна. Но вѣра ищетъ не внѣшней истины, а спасенія, и различныя формы спасенія не исключаютъ единства содержанія.

Единство въ томъ, что каждый ищетъ спасенія и находитъ его только въ отреченіи отъ себя.

„5) Каждаго человѣка лично вѣра, какая бы она ни была, вполнѣ удовлетворяетъ, не проявляя никакого противорѣчія. Если она являетъ противорѣчіе, онъ измѣняетъ ее. Дикій, пока не знаетъ ничего противнаго идолу, отрицается своею волею, спасается идоломъ. Но если магометанинъ сказалъ ему о Богѣ, невидимомъ творцѣ, онъ оставляетъ его, и нѣтъ противорѣчія. Я христіанинъ и откинулъ противорѣчія иконъ, мощей, чудесъ и удовлетворяюсь средствомъ спасенія христіанскаго, такъ какъ не знаю и не могу себѣ представить другого высшаго начала, подобнаго началу отреченія себя и любви“.

И недовольный той случайной формой, въ которой вылились эти мысли, Л. Н—чъ приписываетъ въ концѣ: „все это очень плохо“.

Затѣмъ слѣдуютъ краткія замѣтки, конспекты будущихъ разсужденій:

„1) Страхъ Божій есть начало премудрости. Въ чемъ выражается этотъ страхъ? Громъ, смерть, пророки.

„2) Вѣра выражается и передается не словомъ, а дѣломъ, примѣромъ. То были патріархи, потомъ Христосъ.

„3) Что есть вѣра? Людское или божественное? Если людское, то неразумное. Людское, но жизнью всей и смертью по отношенію къ Богу. Такъ какъ же его назвать, какъ не божественнымъ, если не Божескимъ.

„4) Вѣра, включающая въ себя всѣ (извѣстныя) вѣры, безъ противорѣчія,—божественна, истинна, сколько можетъ быть что-либо истинно. Чувства личныя и вѣрованія не истинны, но одно вѣрованіе, включающее все, одно истинно.

Господи, даруй мнѣ его и дай мнѣ помочь другимъ познать его“ [1]).

На слѣдующій день Л. Н—чъ дѣлаетъ философскую запись, представляющую интересный критическій взглядъ на матеріализмъ.

„*3-го іюня.* Матеріалисты совершенно правы, говоря, что каждая моя мысль есть послѣдствіе воздѣйствія на меня матеріальныхъ частицъ. Такъ же они правы, говоря это о каждомъ моемъ чувствѣ, даже говоря то же о каждомъ моемъ желаніи—они правы. Пускай сознаніе свободы моей—заблужденіе. Но что же они говорятъ этимъ? То, что волосъ не спадаетъ съ головы и что ничто—ни мысли, ни чувства, ни желанія не могутъ возникнуть безъ воли Бога. Что все происходящее происходитъ въ предѣлахъ этой воли и что воля эта разумна и непостижима. Они говорятъ то самое, что говорятъ христіане. Они говорятъ, что мысль, чувство, желаніе не безпричинно, безсмысленно возникаетъ, но по строгому, мудрому закону. Законъ же самый только съ одной, ничтожнѣйшей стороны представляется смутно доступнымъ постигновенію, т.-е. въ самомъ высшемъ развитіи своемъ, наука дошла до догадки о томъ, что все совершается по мудрому закону.

„Всякій серьезный и мыслящій матеріалистъ долженъ признать: 1) что переходъ въ дѣйствіе матеріи, ощущенія—въ мысль, чувство и желаніе не только непонятно, но тѣмъ становится таинственнѣе, чѣмъ дальше идетъ изученіе по этому пути, что ясное знаніе этого перехода никогда не можетъ быть пріобрѣтено человѣкомъ, что все изученіе на этомъ пути приводитъ только къ убѣжденію, что мысли, чувства и желанія находятся въ зависимости отъ ощущенія, но что зависимость эта неизвѣстна, т.-е. что они не случайны, но непостижимы, т.-е. что они находятся въ премудрой власти Божіей;

---

[1]) Архивъ Л. Н—ча Толстого.

и 2) то, что если даже зависимость мыслей, чувствъ и желаній отъ ощущеній была бы ясно опредѣлена, если бы было доказано, что сознаніе есть только цвѣтъ организма (и доказано, что организмъ есть необходимая форма жизни) [1]). Однимъ словомъ, признавая все то, что признаютъ самые крайніе матеріалисты, всякій мыслящій матеріалистъ долженъ сознаться, что тѣ матеріальныя причины воздѣйствія на человѣка, производящія его мысли, чувства и желанія, взяты слишкомъ тѣсно, что всякая матеріальная причина имѣетъ по самому свойству своему въ основѣ другую причину, раздвояющуюся въ пространствѣ и времени. И всякая другая причина имѣетъ въ основѣ третью и т. д. до безконечности и что поэтому отыскивать зависимость или причины на этомъ пути не только ведетъ далеко, но по самому свойству своему, очевидно, невозможно. Чтобы объяснить то, что я пишу теперь, необходимо показать, что рядъ впечатлѣній и ощущеній произвелъ во мнѣ мысли, которыя я излагаю, то чувство волненія, которое испытываю, и то желаніе писать, которое я привожу въ исполненіе. Положимъ, что всѣ ощущенія были бы найдены и указаны. Но невольно слѣдуетъ другой рядъ вопросовъ, что произвело эти ощущенія?

„Что образовало мою личность, мои прирожденныя способности? И очевидно, что, восходя отъ причины къ причинѣ, я дохожу до вертящагося куска въ пространствѣ. Но вертящійся кусокъ точно такъ же, какъ и рефлексъ, требуетъ своего объясненія. И очевидно, что я тотчасъ же утыкаюсь въ безконечность безразличнаго пространства и времени и въ безпричинную причину, т.-е. прихожу къ признанію вездѣсущаго, вѣчнаго, безпричиннаго Бога.

„Заблужденіе матеріалистовъ въ первомъ случаѣ, когда они хотятъ и надѣются изученіемъ нервовъ и мозга показать

---

[1]) Я говорю для себя безсмысленныя слова, но говорю ихъ, зная, что матеріалисты связываютъ съ ними какое-то значеніе.

переходъ ощущенія въ мысль, чувство и волю, зиждется на введеніи величины безконечно малаго въ уравненіе. Они надѣются, что микроскопическое изученіе откроетъ имъ истину. То же, что не откроетъ, то предполагается безконечно малымъ.

„Во второмъ случаѣ, объясняя всѣ причины, они говорятъ о безконечно великихъ періодахъ времени. Искренній, мыслящій и не упрямый матеріалистъ долженъ признать, что онъ, расходясь съ ученіемъ идеалистовъ, утверждающихъ, что есть одинъ духъ, ни на волосъ не расходится съ ученіемъ религіи и только подтверждаетъ то, что говоритъ религія: что мы всѣ находимся во власти Божіей, что волосъ не спадетъ, и чувство не придетъ безъ воли Божіей, и что воля эта непостижимая и мудрая. Непостижимость ея очевиднѣе для ученаго, мыслящаго матеріалиста, чѣмъ для неученаго, ибо, изслѣдуя путь своего изысканія, матеріалистъ не можетъ не видѣть невозможность постигновенія всего, такъ какъ передъ нимъ всегда открыта безконечность. Мудрость этой воли онъ знаетъ не по догадкѣ и инстинкту, только какъ видитъ неученый; но по той разумной зависимости, которую онъ находитъ въ той, хотя и безконечно малой, но все-таки опредѣленной области, которую онъ могъ изслѣдовать.

„Самое же присутствіе этой воли онъ не можетъ не признавать, ибо она одна есть цѣль его изысканій—причина“ [1]).

Черезъ день въ той же книжечкѣ Л. Н—чъ набрасываетъ поэтическую картинку лѣтней природы:

„*5 іюня.* Жаркій полдень, 2-й часъ. Иду по высокому жирному лугу. Тихо, запахъ сладкій и душистый—звѣробой, кашка—стоитъ и дурманитъ. Къ лѣсу въ лощинѣ еще выше трава и тотъ же дурманъ; на дорожкахъ лѣсныхъ запахъ теплицы.

„Кленовые листья огромные. Пчела на срубленномъ лѣсѣ

---

[1]) Тамъ же.

обираетъ медъ по очереди съ куртины желтыхъ цвѣтовъ. Съ 13-го не задумавшись зажужжала и полетѣла—полна.

Жаръ на дорогѣ, пыль горячая и деготь“ [1]).

Въ томъ же году Л. Н—чъ пишетъ между прочимъ Страхову:

„Встрѣтился въ Москвѣ съ Бакунинымъ. Онъ пишетъ сочиненіе о знаніи и вѣрѣ. У меня живетъ учителемъ математики, кандидатъ петербургскаго университета, прожившій два года въ Канзасѣ, въ Америкѣ, въ русскихъ колоніяхъ коммунистовъ. Благодаря ему, я познакомился съ тремя лучшими представителями крайнихъ соціалистовъ, тѣхъ самыхъ, которыхъ теперь судятъ. Ну и эти люди пришли къ необходимости остановиться въ преобразовательной дѣятельности и прежде поискать религіозныя основы. Со всѣхъ сторонъ (не вспомню теперь, кто) всѣ умы обращаются на то самое, что мнѣ не даетъ покоя“ [2]).

Приводимъ здѣсь краткій разсказъ этого самаго учителя математики, Василія Ивановича Алексѣева, поступившаго въ 1877 году ко Л. Н—чу въ домъ въ качествѣ учителя къ его старшему сыну Сергѣю,—разсказъ, записанный нами съ его словъ.

„Я былъ въ кружкѣ Чайковскаго книгоношей, набиралъ умныхъ книжекъ, въ родѣ Спенсера, Льюиса, Милля, и распространялъ ихъ между студентами, рабочими, комментировалъ и вообще мирно просвѣщалъ свой кругъ знакомыхъ. Эта дѣятельность однако насъ не удовлетворяла; съ другой стороны, полиція не давала намъ дѣлать наше дѣло свободно, мы жаждали болѣе широкаго приложенія нашихъ силъ. Мы думали, что если мы освободимся отъ всякихъ внѣшнихъ препятствій, то тотчасъ и сотворимъ новую жизнь. Съ этими

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Архивъ В. Г. Черткова.

мыслями мы отправились въ Америку, въ Канзасъ, основали земледѣльческую интеллигентную общину и вскорѣ увидали, что препятствіемъ къ свободной жизни были не внѣшнія условія, а наши собственные недостатки. Колонія распалась, и мы вернулись въ Россію. Я буквально голодалъ. Черезъ какихъ-то знакомыхъ мнѣ предложили мѣсто учителя у графа Толстого. Я такъ испугался графскаго титула, что сначала наотрѣзъ отказался. Но меня уговорили. Я отправился въ Ясную Поляну и помѣстился на деревнѣ, въ избѣ одного изъ дворовыхъ, и приходилъ въ домъ Л. Н—ча для занятій. Потомъ я переѣхалъ уже во флигель, въ самую усадьбу. Съ первыхъ же дней привѣтливость Л. Н—ча побѣдила во мнѣ всякій страхъ, и между нами установились самыя дружескія отношенія. Я засталъ Л. Н—ча въ періодѣ искренняго православія. Я же былъ тогда атеистомъ, и тоже откровеннымъ и искреннимъ. Какъ мнѣ казалось, однимъ изъ главныхъ мотивовъ этого православія было народничество Л. Н—ча, желаніе участвовать въ народной жизни, изучать, понимать ее и помогать ей. Тѣмъ не менѣе въ бесѣдахъ со Л. Н—чемъ я нерѣдко выражалъ ему мое удивленіе, какъ онъ со своимъ развитіемъ, пониманіемъ и искренностью могъ посѣщать церковь, молиться, соблюдать обряды. Помню, какъ одинъ изъ такихъ разговоровъ происходилъ въ гостиной яснополянскаго дома въ одинъ ясный морозный день. Л. Н—чъ сидѣлъ противъ окна, замерзшаго и пропускавшаго сквозь узоры мороза косые лучи заходящаго солнца. Выслушавъ меня, Л. Н—чъ сказалъ: „Вотъ посмотрите на эти узоры, освѣщенные солнцемъ. Мы видимъ только изображеніе солнца на этихъ узорахъ, но знаемъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что за этими узорами есть гдѣ-то далекое, настоящее солнце, источникъ того свѣта, который и производитъ видимую нами картину. Народъ въ религіи видитъ только это изображеніе, а я смотрю дальше и вижу, или по крайней мѣрѣ знаю, что онъ есть самый источникъ свѣта. И эта разница нашего отношенія не мѣшаетъ на-

шему общенію; мы оба смотримъ на это изображеніе солнца, только разумъ нашъ до различной глубины проникаетъ его".

„Но я замѣчалъ, что время отъ времени въ его душу закрадывалось чувство неудовлетворенія. Разъ, возвратясь изъ церкви, онъ, обращаясь ко мнѣ, сказалъ: „Нѣтъ, не могу, тяжело; стою я между ними, слышу, какъ хлопаютъ ихъ пальцы по полушубку, когда они крестятся, и въ то же самое время сдержанный шопотъ бабъ и мужиковъ о самыхъ обыденныхъ предметахъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ службѣ. Разговоръ о хозяйствѣ мужиковъ, бабьи сплетни, передаваемыя шопотомъ другъ другу въ самыя торжественныя минуты богослуженія, показываютъ, что они совершенно безсознательно относятся къ нему". Я, конечно, относился къ совершавшемуся въ немъ процессу со всевозможнѣйшей деликатностью и только тогда, когда онъ спрашивалъ меня, откровенно выражалъ свое мнѣніе.

„Иногда у насъ заводились разговоры и на экономическія и соціальныя темы. У меня было евангеліе, сохранившееся отъ времени пропаганды соціализма въ народѣ. Въ немъ были подчеркнуты всѣ мѣста, касающіяся соціальныхъ вопросовъ, и я нерѣдко указывалъ Л. Н—чу на эти мѣста евангелія.

„Постоянная внутренняя работа не давала Л. Н—чу покоя и наконецъ довела его до кризиса.

„Помню одинъ эпизодъ, бывшій проявленіемъ этой внутренней душевной борьбы.

„Будучи православнымъ, Л. Н—чъ соблюдалъ посты. Графиня С. А. тоже соблюдала и заставляла ѣсть постное и своихъ дѣтей. Когда она стала замѣчать во Л. Н—чѣ колебаніе, она усилила строгость поста, такъ что всѣ въ домѣ ѣли постное, кромѣ меня и гувернера француза Mr. Nief'a. Я говорилъ графинѣ, что хотя я и не соблюдаю постовъ, но могу ѣсть все, что подаютъ, но она всегда приказывала готовить намъ, двумъ учителямъ, скоромное. И вотъ разъ всѣмъ подали постное, а намъ какія-то вкусныя скоромныя

котлеты. Мы взяли, и лакей отставилъ блюдо на окно. Л. Н—чъ, обращаясь къ сыну, сказалъ: „Ильюша, а дай-ка мнѣ котлетъ“. Сынъ подалъ, и Л. Н—чъ съ аппетитомъ съѣлъ скоромную котлету и съ этихъ поръ пересталъ поститься“.

По свидѣтельству самого Л. Н—ча, по приводимымъ ниже письмамъ его къ В. И. Алексѣеву, мы можемъ смѣло утверждать, что В. И. имѣлъ сильное благотворное вліяніе на Л. Н—ча и, конечно, взаимно испыталъ такое же вліяніе на себѣ.

Лѣтомъ 1878 года Л. Н—чъ совершилъ снова со всей семьей поѣздку въ самарское имѣніе.

Сначала онъ уѣхалъ со старшими дѣтьми, мальчиками и гувернеромъ, а потомъ туда поѣхала и Софья Андреевна съ младшими дѣтьми.

Съ дороги Л. Н—чъ писалъ С. А—нѣ:

„... Но не забывай однако, что, что бы ты ни рѣшила, оставаться или ѣхать, и что бы ни случилось независящаго отъ насъ, я никогда, ни даже въ мысляхъ, ни себя, ни тебя упрекать не буду. Во всемъ будетъ воля Божія, кромѣ нашихъ дурныхъ или хорошихъ поступковъ. Ты не сердись, какъ ты иногда досадуешь при моемъ упоминаніи о Богѣ, я не могу этого не сказать, потому что это самая основа моей мысли“.

„... Опять пишу вечеромъ съ того же парохода. Дѣти здоровы, спятъ и были милы. Десять часовъ вечера, и завтра въ четыре часа Богъ дастъ будемъ въ Самарѣ, а къ вечеру на хуторѣ. День прошелъ также тихо, спокойно и пріятно. Интересное было для меня бесѣда съ раскольниками безпоповцами Вятской губ., мужики, купцы очень простые, умные, приличные и серьезные люди. Прекрасный былъ разговоръ о вѣрѣ“ [1]).

---

[1]) Архивъ гр. С. А. Толстой.

Зимой 1878—79 года Л. Н—чъ, уже просвѣщенный вѣрою, писалъ свою „Исповѣдь“.

Вотъ какъ изображаетъ его настроеніе того времени графиня С. А. въ письмахъ къ своей сестрѣ:

8 ноября. „...Левочка же теперь совсѣмъ ушелъ въ свое писаніе. У него остановившіеся странные глаза, онъ почти ничего не разговариваетъ, совсѣмъ сталъ не отъ міра сего и о житейскихъ дѣлахъ рѣшительно неспособенъ думать“.

5 марта 1879 г. „...Левочка читаетъ, читаетъ, читаетъ... пишетъ очень мало, но иногда говоритъ: теперь уясняется, или: ахъ, если Богъ дастъ, то то, что я напишу, будетъ очень важно!“ [1])

Лѣтомъ 1879 года Л. Н—чъ ѣздилъ въ Кіевъ и посѣтилъ Кіево-Печерскую лавру.

Въ письмахъ къ С. А., писанныхъ съ дороги, попадаются такіе отзывы объ этой поѣздкѣ:

13-го іюня. „Кіевъ очень притягиваетъ меня“.

14-го. „Все утро до 3-хъ ходилъ по соборамъ, пещерамъ, монахамъ и очень недоволенъ поѣздкой. Не стоило того. Въ 7 час. пошелъ въ Лавру, къ схимнику Антонію, и нашелъ мало поучительнаго. Что дастъ Богъ завтра“ [2]).

Но и завтра повторилось то же разочарованіе. Очевидно, поѣздка эта не удовлетворила его и по всей вѣроятности способствовала скорѣйшему отпаденію его отъ православной церкви.

Какъ только Л. Н—чъ круто повернулъ свою жизнь, или, вѣрнѣе, сталъ по мѣрѣ своихъ силъ осуществлять тѣ основы жизни, которыя всегда жили въ его душѣ, такъ его болѣе слабые друзья стали отставать отъ него и смотрѣть на него уже издали. Однимъ изъ первыхъ отсталъ Фетъ.

Л. Н—чъ, не прерывая, конечно, дружескихъ сношеній съ нимъ, долженъ былъ уже объяснять ему значеніе своего

---

[1]) Архивъ Т. А. Кузминской.

[2]) Архивъ гр. С. А. Толстой.

поведенія, которое, очевидно, удивляло Фета и не соотвѣтствовало его умѣренной натурѣ.

Такъ, на одно изъ писемъ Фета въ іюлѣ 1879 года Л. Н—чъ отвѣчаетъ такъ: „Благодарю васъ за ваше послѣднее хорошее письмо, дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ, и за апологъ о соколѣ, который мнѣ нравится, но который я желалъ бы болѣе пояснить. Если я этотъ соколъ и если, какъ выходитъ изъ послѣдующаго, залетаніе мое слишкомъ далеко состоитъ въ томъ, что я отрицаю реальную жизнь, то я долженъ оправдаться. Я не отрицаю ни реальной жизни, ни труда, необходимаго для поддержанія этой жизни, но мнѣ кажется, что большая доля моей и вашей жизни наполнена удовлетвореніями не естественныхъ, а искусственно привитыхъ намъ воспитаніемъ и самими нами придуманныхъ и перешедшихъ въ привычку потребностей, и что девять десятыхъ труда, полагаемаго нами на удовлетвореніе этихъ потребностей, — праздный трудъ. Мнѣ бы очень хотѣлось быть твердо увѣреннымъ въ томъ, что я даю людямъ больше того, что получаю отъ нихъ; но такъ какъ я чувствую себя очень склоннымъ къ тому, чтобы высоко цѣнить свой трудъ и низко цѣнить чужой, то я не надѣюсь увѣриться въ безобидности для другихъ расчета со мной однимъ усиленіемъ труда и избраніемъ тяжелѣйшаго (я непремѣнно увѣрю себя, что любимый мною трудъ есть самый нужный и трудный); я желалъ бы какъ можно меньше брать отъ другихъ и какъ можно меньше трудиться для удовлетворенія своихъ потребностей, и я думаю, такъ легче не ошибиться“ [1]).

Въ слѣдующемъ письмѣ къ Фету Л. Н—чъ дѣлится съ нимъ впечатлѣніями отъ прочитанныхъ книгъ, выражая это впечатлѣніе своимъ оригинальнымъ, парадоксальнымъ языкомъ:

„Мнѣ удалось вамъ рекомендовать чтеніе 1001-й ночи и

---

[1]) А. Фетъ. „Мои воспоминанія“, т. II, стр. 366.

Паскаля: и то и другое вамъ не то что понравилось, а пришлось по васъ. Теперь имѣю предложить книгу, которую еще никто не читалъ, и я на-дняхъ прочелъ въ первый разъ и продолжаю читать и ахать отъ радости; надѣюсь, что и эта придется вамъ по сердцу, тѣмъ болѣе что имѣетъ много общаго съ Шопенгауэромъ: это Соломона Притчи, Екклезіастъ и книга Премудрости,—новѣе этого трудно что-нибудь прочесть; но если будете читать, то читайте по-славянски. У меня есть новый русскій переводъ, но очень дурной. Англійскій тоже дуренъ. Если бы у васъ былъ греческій, вы бы увидали, что это такое" [1]).

Лѣтомъ того же года Л. Н—ча снова посѣтилъ Страховъ; въ письмѣ къ своему другу Н. Я. Данилевскому Страховъ такъ изображаетъ Л. Н—ча того времени:

„Толстого я нашелъ на этотъ разъ въ отличномъ духѣ. Съ какою живостью онъ увлекается своими мыслями! Такъ горячо ищутъ истины только молодые люди, и могу положительно сказать, что онъ въ самомъ расцвѣтѣ своихъ силъ. Всякіе планы онъ оставилъ, ничего не пишетъ, но работаетъ ужасно много. Однажды онъ повелъ меня съ собою и показалъ, что онъ дѣлаетъ между прочимъ. Онъ выходитъ на шоссе (четверть версты отъ дома) и сейчасъ же находитъ на немъ богомолокъ и богомольцевъ. Съ ними начинаются разговоры, и если попадутся хорошіе экземпляры и самъ онъ въ духѣ, онъ выслушиваетъ удивительные разсказы. Верстахъ въ двухъ есть небольшіе поселки и тамъ есть два постоялые двора для богомольцевъ (содержатся не для выгоды, а для спасенія души). Мы зашли въ одинъ изъ нихъ. Человѣкъ восемь разнаго народа, старики, бабы, и дѣлаютъ, что кому нужно: кто ужинаетъ, кто Богу молится, кто отдыхаетъ. Кто-нибудь непремѣнно говоритъ, разсказываетъ, толкуетъ, и послушать очень любопытно. Толстого, кромѣ религіозности, которой онъ очень преданъ

[1]) Тамъ же, стр. 368.

(онъ и посты соблюдаетъ, и въ церковь ходитъ по воскресеньямъ), занимаетъ еще языкъ. Онъ сталъ удивительно чувствовать красоту народнаго языка, и каждый день дѣлаетъ открытія новыхъ словъ и оборотовъ, каждый день все больше бранитъ нашъ литературный языкъ, называя его не русскимъ, а испанскимъ. Все это, я увѣренъ, дастъ богатые плоды. Были мы съ нимъ также на волостномъ судѣ, часа три слушали, и я вынесъ оттуда величайшее уваженіе къ этому дѣлу, тогда какъ изъ суда надъ Засуличъ вынесъ глубокое омерзѣніе.

„Главная тема мыслей Толстого, если не ошибаюсь, противоположность между старою Русью и новою, европейскою. Онъ повторяетъ какъ новое много такого, что сказали славянофилы, но онъ это такъ проживетъ и пойметъ, какъ никто“ [1]).

Въ это время, несмотря на зародившееся уже сомнѣніе въ истинѣ православія, Л. Н—чъ до такой степени былъ преданъ ему, что даже въ личномъ поведеніи своемъ признавалъ авторитетъ церковныхъ лицъ, и когда почувствовавъ нездоровье, онъ хотѣлъ по совѣту врача перестать ѣсть постное, то не рѣшается этого сдѣлать безъ разрѣшенія церкви, и ѣдетъ къ Троицѣ и испрашиваетъ тамъ разрѣшеніе отъ поста у тамошняго старца Леонида.

Но это были уже послѣднія попытки слѣдованія церковному ученію.

30-го сентября въ записной книжкѣ онъ уже набрасываетъ планъ будущаго сочиненія:

„Церковь, начиная съ конца и до III вѣка, — рядъ лжи, жестокостей, обмановъ. Въ III вѣкѣ скрывается что-то высокое. Да что же такое есть? Посмотримъ Евангеліе. Какъ мнѣ быть? Вотъ вопросъ души—одинъ. Какъ были другіе? Какъ? Заповѣди“?

28-го октября онъ дѣлаетъ слѣдующую замѣчательную запись:

---

1) „Русск. Вѣстн.“, 1901 г., № 1, стр. 138.

„Есть люди міра, тяжелые, безъ крылъ. Они внизу возятся. Есть изъ нихъ сильные — Наполеонъ, пробиваютъ страшные слѣды между людьми, дѣлаютъ сумятицу въ людяхъ, но все по землѣ. Есть люди, равномѣрно отращивающіе себѣ крылья и медленно поднимающіеся и взлетающіе. Монахи. Есть легкіе люди, воскрыленные, поднимающіеся легко отъ тѣсноты и опять спускающіеся—хорошіе идеалисты. Есть съ большими сильными крыльями, для похоти спускающіеся въ толпу и ломающіе крылья. Таковъ я. Потомъ бьется съ сломаннымъ крыломъ, вспорхнетъ сильно и упадетъ. Заживутъ крылья, воспарю высоко. Помоги Богъ.

„Есть съ небесными крыльями, нарочно изъ любви къ людямъ спускающіеся на землю (сложивъ крылья), и учатъ людей летать. И когда не нужно больше, улетятъ. Христосъ“ [1]).

Черезъ день онъ пишетъ:

30-го октября.

„Проповѣдывать правительству, чтобы освободило вѣру,— все равно, что проповѣдывать мальчику, чтобы онъ не держалъ птицы, когда онъ будетъ посыпать ей соли на хвостъ.

„1) Вѣра, пока она вѣра, не можетъ быть подчинена власти по существу своему—птица живая та, которая летаетъ.

„2) Вѣра отрицаетъ власть и правительство . . . . . .

. . . . . .

И потому правительству нельзя не желать насиловать вѣру. Если не насиловать, птица улетитъ“ [2]).

Въ этомъ году Л. Н—чъ приходитъ къ невозможности совмѣстить требованія своего разума и совѣсти съ церковнымъ ученіемъ, а изученіе богословія подтверждаетъ ему это рѣшеніе теоретически.

Въ ноябрѣ 1879 года С. А. пишетъ своей сестрѣ:

„...Левочка все работаетъ, какъ онъ выражается; но—увы!—

---

[1]) Арх. Л. Н—ча Толстого.

[2]) Архивъ Л. Н—ча Толстого.

онъ пишетъ какія-то религіозныя разсужденія, читаетъ и думаетъ до головныхъ болей, и все это, чтобы показать, какъ церковь несообразна съ ученіемъ Евангелія. Едва ли въ Россіи найдется десятокъ людей, которые этимъ будутъ интересоваться. Но дѣлать нечего, я одно желаю, чтобы ужъ онъ поскорѣе это кончилъ и чтобъ прошло это, какъ болѣзнь.

„Имъ владѣть или предписывать ему умственную работу такую или другую никто въ мірѣ не можетъ, даже онъ самъ въ этомъ не властенъ“ [1]).

Жизнь разсудила иначе. Милліоны людей интересуются теперь тѣмъ, что тогда писалъ Л. Н—чъ.

И мы постараемся въ слѣдующей главѣ, въ сжатомъ очеркѣ, дать понятіе о самой сущности этой гигантской работы.

---

[1]) Архивъ Т. А. Кузминской.

Л. Н. ТОЛСТОЙ
ВЪ 1881 Г.

ГЛАВА XVI.

Критическая работа.

Л. Н—чъ взялъ наиболѣе распространенное изложеніе православнаго богословія, а именно Макарія, митрополита московскаго, выдержавшаго уже много изданій и принятаго за руководство въ духовныхъ училищахъ, даже переведеннаго на французскій языкъ.

Это авторитетное изложеніе православныхъ догматовъ Л. Н—чъ подвергъ не такъ называемой научной критикѣ, а критикѣ простого, нравственнаго, здраваго смысла и пришелъ къ совершенно неожиданному заключенію.

Вотъ какъ разсказываетъ онъ объ этомъ въ предисловіи къ своей книгѣ „Критика догматическаго богословія“:

„Я былъ приведенъ къ изслѣдованію ученія о вѣрѣ православной Церкви неизбѣжно. Въ единеніи съ православной Церковью я нашелъ спасеніе отъ отчаянія. Я былъ твердо убѣжденъ, что въ ученіи этомъ единая истина, но многія и многія проявленія этого ученія, противныя тѣмъ основнымъ понятіямъ, которыя я имѣлъ о Богѣ и Его законѣ, заставили меня обратиться къ изслѣдованію самаго ученія.

„Я не предполагалъ еще, чтобы ученіе было ложное, я боялся предполагать это, ибо одна ложь въ этомъ ученіи разрушала все ученіе. И тогда я терялъ ту главную точку опоры, которую я имѣлъ въ Церкви, какъ носительницѣ истины, какъ источникѣ того знанія смысла жизни, котораго я искалъ въ вѣрѣ. И я сталъ изучать книги, излагающія

православное вѣроученіе. Во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ, несмотря на различіе подробностей и нѣкоторое различіе въ послѣдовательности, ученіе одно и то же, одна и та же связь между частями, одна и та же основа.

„Я прочелъ и изучилъ эти книги, и вотъ то чувство, которое я вынесъ изъ этого изученія: если бы я не былъ приведенъ жизнью къ неизбѣжному признанію необходимости вѣры, если бы я не видѣлъ, что вѣра служитъ основой жизни всѣхъ людей, если бы въ моемъ сердцѣ это расшатанное жизнью чувство не укрѣпилось вновь и если бы основой моей вѣры было только довѣріе, если бы во мнѣ была только та самая вѣра, о которой говорится въ богословіи (научены вѣрить),—я бы, прочтя эти книги, не только сталъ бы безбожникомъ, но сдѣлался бы злѣйшимъ врагомъ всякой вѣры, потому что я нашелъ въ этихъ ученіяхъ не только безсмысленность, но сознательную ложь людей, избравшихъ вѣру средствомъ для достиженія какихъ-то своихъ цѣлей“ [1]).

Далѣе онъ тамъ же говоритъ:

„Я понялъ, и отчего это ученіе тамъ, гдѣ оно преподается,—въ семинаріяхъ,—производитъ навѣрное безбожниковъ, понялъ и то странное чувство, которое я испытывалъ, читая эти книги. Я читалъ такъ называемыя кощунственныя сочиненія Вольтера, Юма, но никогда я не испытывалъ того несомнѣннаго убѣжденія въ полномъ безвѣріи человѣка, какъ то, которое я испытывалъ относительно составителей катехизисовъ и богословія. Читая въ этихъ сочиненіяхъ приводимыя изъ апостоловъ и такъ называемыхъ отцовъ Церкви тѣ самыя выраженія, изъ которыхъ слагается богословіе, видишь, что это выраженія людей вѣрующихъ, слышишь голосъ сердца, несмотря на неловкость, грубость, иногда даже ложность выраженій; когда же читаешь слова составителя, то ясно видишь, что составителю и дѣла нѣтъ

---

[1]) „Критика правосл. догм. богословія“. Л. Н. Толстого. Изд. „Своб. Слова“, стр. 1.

до сердечнаго смысла приводимаго имъ выраженія, онъ не пытается даже понимать его. Ему нужно только случайно попавшееся слово, для того, чтобы прицѣпить къ этимъ словамъ мысль апостола къ выраженію Моисея или новаго отца Церкви. Ему нужно только составить сводъ такой, при которомъ бы казалось, что все, написанное въ такъ называемыхъ священныхъ книгахъ и у всѣхъ отцовъ Церкви, написано только затѣмъ, чтобы оправдать символъ вѣры. И я понялъ наконецъ, что все это не только ложь, но обманъ людей невѣрующихъ, сложившійся вѣками и имѣющій опредѣленную и низменную цѣль" [1]).

Мы приведемъ здѣсь нѣсколько цитатъ, указывающихъ, съ одной стороны, на характеръ критики, съ другой стороны, дающихъ легкій намекъ на ту драму, которая происходила въ душѣ Л. Н—ча во время этой работы.

Чтобы не быть заподозрѣннымъ въ предвзятомъ, отрицательномъ отношеніи къ Церкви, Л. Н—чъ, приступая къ разсмотрѣнію догматовъ, говоритъ такъ:

„Я не говорю того, что я не вѣрю въ святость и непогрѣшимость Церкви. Я даже въ то время, какъ началъ это изслѣдованіе, вполнѣ вѣрилъ въ нее, въ одну ее (казалось мнѣ) вѣрилъ" [2]).

Но онъ приступилъ къ ученію Церкви со слишкомъ чистыми требованіями. И она, торгующая въ храмѣ, конечно, не могла удовлетворить его.

Вотъ какую высокую задачу поставилъ онъ себѣ, начавъ изслѣдованіе догматовъ:

„Я человѣкъ; Богъ и меня имѣетъ въ виду. Я ищу спасенія: какъ же я не приму того единаго, чего ищу всѣми силами души. Я не могу не принять ихъ, навѣрно ихъ приму. Если единеніе мое съ Церковью закрѣпитъ ихъ, тѣмъ лучше. Скажите мнѣ истины такъ, какъ вы знаете

---

[1]) Тамъ же, стр. 4.
[2]) Тамъ же, стр. 9.

ихъ, скажите хоть такъ, какъ онѣ сказаны въ томъ Символѣ вѣры, который мы всѣ учили наизусть. Если вы боитесь, что по затемненности и слабости моего ума, по испорченности моего сердца я не пойму ихъ, помогите мнѣ (вы знаете эти истины Божіи, вы, Церковь, учите насъ), помогите моему слабому уму, но не забывайте, что, что бы вы ни говорили, вы будете говорить все-таки разуму. Вы будете говорить истины Божіи, выраженныя словами, а слова надо понимать опять-таки только умомъ. Разъясните эти истины моему уму, покажите мнѣ тщету моихъ возраженій, размягчите мое зачерствѣлое сердце неотразимымъ сочувствіемъ и стремленіемъ къ добру и истинѣ, которыя я найду въ васъ, а не ловите меня словами, умышленнымъ обманомъ, нарушающимъ святыню предмета, о которомъ вы говорите. Меня трогаетъ молитва трехъ пустынниковъ, про которыхъ говоритъ народная легенда, они молились Богу: „трое васъ, трое насъ, помилуй насъ". Я знаю, что ихъ понятіе о Богѣ невѣрно, но меня тянетъ къ нимъ, хочется подражать имъ, какъ хочется смѣяться, глядя на смѣющихся, и зѣвать,—на зѣвающихъ, потому что я чувствую всѣмъ сердцемъ, что они ищутъ Бога и не видятъ ложности своего выраженія. Но софизмы, умышленный обманъ, чтобы поймать въ свою ловушку неосторожныхъ и нетвердыхъ разумомъ людей, отталкиваютъ меня" [1]).

Углубляясь въ изслѣдованіе догматовъ, Л. Н—чъ наталкивается на догматъ о Троицѣ. Возмущенный массой нагроможденныхъ богословами софизмовъ и малопонятныхъ молитвенныхъ возгласовъ, приводимыхъ въ доказательство очевидной нелѣпости, что 1 = 3, Л. Н—чъ въ такихъ горячихъ словахъ изливаетъ свое протестующее чувство:

„Положимъ, утверждалось бы, что Богъ живетъ на Олимпѣ, что Богъ золотой, что Бога нѣтъ, что боговъ 14, что Богъ имѣетъ дѣтей или сына. Все это странныя, дикія утвержде-

---

[1]) Тамъ же, стр. 9.

нія, но съ каждымъ изъ нихъ связывается понятіе; съ тѣмъ же, что Богъ 1 и 3, никакого понятія не можетъ быть связано. И потому, какой бы авторитетъ ни утверждалъ этого, не только всѣ живые и мертвые патріархи александрійскіе и антіохійскіе, но если бы съ неба неперестающій голосъ взывалъ ко мнѣ: Я — одинъ и три, я бы остался въ томъ же положеніи не невѣрія (тутъ вѣрить не во что), а недоумѣнія, что значатъ эти слова и на какомъ языкѣ, по какимъ законамъ могутъ они получить какой-нибудь смыслъ.

„Для меня же, человѣка, воспитаннаго въ духѣ вѣры христіанской, удержавшаго послѣ всѣхъ заблужденій своей жизни смутное сознаніе того, что въ ней истина; мнѣ, ошибками жизни и увлеченіями ума дошедшему до отрицанія жизни и ужаснѣйшаго отчаянія; мнѣ, нашедшему спасеніе въ присоединеніи къ духу той вѣры, которую я чувствовалъ единственной движущей человѣчество божественной силой; мнѣ, отыскивающему наивысшее доступное мнѣ выраженіе этой вѣры; мнѣ, вѣрующему прежде всего въ Бога, Отца моего, того, по волѣ котораго я существую, страдаю и мучительно ищу Его откровенія,—мнѣ допустить, что эти безсмысленныя, кощунственныя слова суть единственный отвѣтъ, который я могу получить отъ моего Отца на мою мольбу о томъ, какъ понять и любить Его,—мнѣ это невозможно.

„Богъ, тотъ непостижимый, тотъ, по волѣ котораго я живу! Ты же вложилъ въ меня это стремленіе познать Себя и меня. Я заблуждался, я не тамъ искалъ истины, гдѣ надо было. Я зналъ, что я заблуждался. Я потворствовалъ своимъ дурнымъ страстямъ и зналъ, что онѣ дурны, но я никогда не забывалъ Тебя; я чувствовалъ Тебя всегда и въ минуты заблужденій моихъ. Я чуть было не погибъ, потерявъ Тебя, но Ты подалъ мнѣ руку, я схватился за нее, и жизнь освѣтилась для меня. Ты спасъ меня, и я ищу теперь одного: приблизиться къ Тебѣ, понять Тебя, насколько это возможно

мнѣ. Помоги мнѣ, научи меня. Я знаю, что я добръ, что я люблю, хочу любить всѣхъ, хочу любить правду. Ты Богъ любви и правды, приблизь меня еще къ Себѣ, открой мнѣ все, что я могу понять о Тебѣ.

„И Богъ благой, Богъ истины отвѣчаетъ мнѣ устами Церкви: „Божество единица и троица есть. О преславнаго обращенія“ [1]).

Продолжая дальше свое изслѣдованіе, Л. Н—чъ даетъ интересный пересказъ библейской исторіи грѣхопаденія Адама:

„Связный смыслъ всей этой исторіи по книгѣ Бытія,—говорилъ онъ,—прямо противоположный церковному разсказу, будетъ такой: Богъ сдѣлалъ человѣка, но хотѣлъ его оставить такимъ же, какъ животныя, не знающимъ отличія добраго отъ злого, и потому запретилъ ему ѣсть плоды древа познанія добра и зла. При этомъ, чтобы напугать человѣка, Богъ обманулъ его, сказавъ, что онъ умретъ, какъ скоро съѣстъ. Но человѣкъ съ помощью мудрости (змія) обличилъ обманъ Бога, позналъ добро и зло, и не умеръ. Но Богъ испугался этого и загородилъ отъ него доступъ къ дереву жизни, къ которому, по этому самому страху Бога, чтобы человѣкъ не вкусилъ этого плода, можно и должно предполагать, по смыслу исторіи, что человѣкъ найдетъ доступъ, какъ онъ нашелъ къ познанію добра и зла.

„Хороша ли, дурна ли эта исторія, но такъ она написана въ Библіи. Богъ по отношенію къ человѣку въ этой исторіи есть тотъ же Богъ, какъ и Зевесъ по отношенію къ Прометею. Прометей похищаетъ огонь, Адамъ—познаніе добра и зла. Богъ этихъ первыхъ главъ есть не Богъ христіанскій, не Богъ даже пророковъ и Моисея, Богъ, любящій людей, но это—Богъ, ревнующій свою власть къ людямъ, Богъ, боящійся людей. И вотъ эту-то исторію про этого Бога богословію понадобилось свести съ догматомъ

---

[1]) Тамъ же, стр 83.

искупленія, и потому Богъ, ревнивый и злой, сведенъ въ одно съ Богомъ-Отцомъ, которому училъ Христосъ. Только это соображеніе даетъ какой-нибудь ключъ къ кощунству этой главы“ [1]).

Затѣмъ онъ разбираетъ догматъ божественности Христа.

И такимъ образомъ, изслѣдуя одинъ догматъ за другимъ, онъ переходитъ къ ихъ полному отрицанію.

Заключеніе Л. Н—ча къ его критикѣ богословія резюмируетъ все ученіе православной Церкви, какъ его понялъ Л. Н—чъ, при его изслѣдованіи. Пересказавъ его вкратцѣ, онъ снова задаетъ тотъ вопросъ, который привелъ его къ изслѣдованію христіанской вѣры и въ частности церковно-православной: „Какой смыслъ имѣетъ жизнь въ этомъ мірѣ?“

Но церковное ученіе не дало ему отвѣта на этотъ вопросъ.

Такимъ образомъ разрывъ Л. Н—ча съ Церковью явился неизбѣжнымъ послѣдствіемъ произведеннаго имъ изслѣдованія церковнаго ученія. И въ противоположность этому, отрицаемому имъ церковному ученію, Л. Н—чъ въ небольшомъ дополненіи къ заключенію подъ вопросительнымъ заглавіемъ: „Православная Церковь?“ высказывая свое возмущенное чувство по отношенію къ церковному обману, въ такихъ краткихъ словахъ излагаетъ свое тогдашнее пониманіе ученія Христа:

„Для того, кто понялъ ученіе Іисуса, оно въ томъ состоитъ, что мнѣ, моему свѣту дано итти къ свѣту, мнѣ дана моя жизнь. И кромѣ нея и больше ея ничего нѣтъ, кромѣ источника всякой жизни—Бога.

„Все ученіе смиренія, отреченіе отъ богатства, любовь къ ближнему, имѣетъ только тотъ смыслъ, что я эту жизнь могу сдѣлать жизнью въ самой себѣ безконечной. Всякое мое отношеніе къ чужой жизни есть только вознесеніе моей, общеніе, единеніе съ нею въ мирѣ и въ Богѣ. Собою только

---

[1]) Тамъ же, стр. 108.

я могу постигнуть истину, и мои дѣла суть послѣдствія вознесенія моей жизни.

„Я могу самъ собою выразить эту истину. Какой же для меня, понимающаго такъ жизнь (а иначе я не понимаю ея), можетъ быть вопросъ о томъ, что другіе думаютъ, какъ другіе живутъ? Любя ихъ, я не могу не желать сообщить имъ мое счастье, но одно орудіе, данное мнѣ,—это сознаніе моей жизни и дѣла ея. Я не могу желать, думать, вѣрить за другого. Я возношу свою жизнь, и это одно можетъ вознести жизнь другого, да и другой—я же; такъ что, если я вознесу себя, я вознесу всѣхъ.

„Я въ нихъ, и они во мнѣ“ [1]).

„И что же будетъ, если не будетъ Церкви?“ восклицаетъ Л. Н—чъ, оканчивая свой трудъ. И самъ отвѣчаетъ такъ на этотъ вопросъ:

„Будетъ то, что есть и теперь, то, что сказалъ Іисусъ. Онъ сказалъ: сотворите добрыя дѣла, чтобы люди, видя ихъ, прославляли Бога. И только это одно ученіе было и будетъ съ тѣхъ поръ, какъ стоялъ и будетъ стоять міръ. Въ дѣлахъ нѣтъ разногласія, а въ исповѣданіи, въ пониманіи, во внѣшнемъ богопочитаніи если есть и будетъ разногласіе, то оно не касается вѣры и дѣлъ и никому не мѣшаетъ. Церковь хотѣла соединить эти исповѣданія и внѣшнія богопочитанія, а сама распалась на безчисленное количество толковъ, и одно отвергло другое и тѣмъ показало, что ни исповѣданіе, ни богопочитаніе не есть дѣло вѣры. Дѣло вѣры есть только жизнь по вѣрѣ. И жизнь одна выше всего и не можетъ быть подчинена ничему, кромѣ Бога, познаваемаго только жизнью“ [2]).

Итакъ, Л. Н—чъ разстался съ православною Церковью. Но вѣдь онъ былъ въ ней только потому, что считалъ ее хранительницей ученія Христа, въ которое повѣрилъ и кото-

[1]) Тамъ же, стр. 324.
[2]) Тамъ же, стр. 325.

рому сталъ слѣдовать въ жизни. Гдѣ же оно? Въ Церкви, при тщательномъ изслѣдованіи ея ученія, Л. Н—чъ нашелъ столько противорѣчій съ главной основой Христова ученія, что ему пришлось совсѣмъ откинуть церковное ученіе.

Но безъ ученія Христа онъ жить не могъ; мало того, ему хотѣлось подробнѣе, полнѣе изучить его, чтобы освѣтить имъ всю свою жизнь. Гдѣ искать его?

Все въ той же, отрицаемой имъ Церкви, пронесшей черезъ вѣка и сохранившей намъ какимъ-то непонятнымъ чудомъ Евангеліе, изложеніе ученіе Христа, сущность котораго разрушаетъ все церковное ученіе.

И Л. Н—чъ принимается за усердное чтеніе Евангелія.

Это чтеніе вызвало въ немъ снова напряженную работу мысли и чувства, и результатомъ этой работы явилось замѣчательное произведеніе, названное имъ такъ: „Соединеніе и переводъ 4-хъ Евангелій“.

Въ предисловіи къ этому труду Л. Н—чъ самъ разсказываетъ о тѣхъ обстоятельствахъ его жизни, которыя натолкнули его на этотъ трудъ. Мы приведемъ здѣсь существеннѣйшія мѣста изъ этого придисловія.

„Приведенный разумомъ безъ вѣры къ отчаянію и отрицанію жизни, я, оглянувшись на живущее человѣчество, убѣдился, что это отчаяніе не есть общій удѣлъ людей, но что люди жили и живутъ вѣрою. Я видѣлъ вокругъ себя людей, имѣющихъ эту вѣру и изъ нея выводящихъ такой смыслъ жизни, который давалъ имъ силы спокойно и радостно жить и такъ же умирать. Я не могъ разумомъ выяснить себѣ этого смысла. Я постарался устроить свою жизнь такъ, какъ жизнь вѣрующихъ, постарался слиться съ ними, исполнять все то же, что они исполняютъ въ жизни и во внѣшнемъ богопочитаніи, думая, что этимъ путемъ мнѣ откроется смыслъ жизни. Чѣмъ болѣе я сближался съ народомъ и жилъ такъ же, какъ онъ, и исполнялъ всѣ тѣ внѣшніе обряды богопочитанія, тѣмъ болѣе я чувствовалъ двѣ противоположно дѣйствовавшія на меня силы. Съ одной

стороны, мнѣ все болѣе и болѣе открывался удовлетворявшій меня смыслъ жизни, не разрушаемый смертью, съ другой стороны, я видѣлъ, что въ томъ внѣшнемъ исповѣданіи вѣры и богопочитаніи было много лжи. Я понималъ, что народъ можетъ не видѣть этой лжи по безграмотности, недосугу и неохотѣ думать и что мнѣ нельзя не видать этой лжи и, разъ увидавъ, нельзя закрыть на нее глаза, какъ это мнѣ совѣтовали вѣрующіе образованные люди. Чѣмъ дальше я продолжалъ жить, исполняя обязанности вѣрующаго, тѣмъ болѣе эта ложь рѣзала мнѣ глаза и требовала изслѣдованія того, гдѣ въ этомъ ученіи кончается ложь и начинается правда. То, что въ христіанскомъ ученіи была сама истина жизни, въ этомъ я уже не сомнѣвался. Внутренній разладъ мой дошелъ наконецъ до того, что я не могъ уже умышленно закрывать глаза, какъ я дѣлалъ это прежде, и долженъ былъ неизбѣжно разсмотрѣть то вѣроученіе, которое я хотѣлъ усвоить".

„Каждая христіанская церковь, — говоритъ онъ далѣе, — т.-е. вѣроученіе, несомнѣнно происходитъ изъ ученія самого Христа, но не оно одно происходитъ, отъ него происходятъ и всѣ другія ученія. Они всѣ выросли изъ одного сѣмени, и то, что соединяетъ ихъ, что обще всѣмъ имъ, это—то, изъ чего они вышли, т.-е. сѣмя. И потому, чтобы понять истинно Христово ученіе, не нужно изучать его, какъ это дѣлаетъ единое вѣроученіе, отъ вѣтвей къ стволу; не нужно также и такъ же безполезно, какъ это дѣлаетъ наука, исторія религій, изучать это ученіе, исходя отъ ствола къ вѣтвямъ. Ни то, ни другое не дастъ смысла ученія. Смыслъ дается только познаніемъ того сѣмени, того плода, изъ котораго всѣ они вышли и для котораго они всѣ живутъ. Всѣ вышли изъ жизни и дѣлъ Христа, и всѣ живутъ только для того, чтобы производить дѣла Христа, т.-е. дѣла добра. И только въ этихъ дѣлахъ они всѣ сойдутся.

„Меня самого къ вѣрѣ привело отыскиваніе смысла жизни, т.-е. исканіе пути жизни—какъ жить. И увидавъ дѣла жизни

людей, исповѣдывавшихъ ученіе Христа, я примѣнился къ нимъ. Такихъ людей, исповѣдующихъ дѣлами ученіе Христа, я одинаково и безразлично встрѣчаю и между православными, и между раскольниками всякихъ сектъ, и между католиками, и между лютеранами, такъ что, очевидно, общій смыслъ жизни, даваемый ученіемъ Христа, почерпается не изъ вѣроученій, но изъ чего-то другого, общаго всѣмъ вѣроученіямъ. Я наблюдалъ добрыхъ людей не одного всѣмъ вѣроученія, а разныхъ, и во всѣхъ видѣлъ одинъ и тотъ же смыслъ, основанный на ученіи Христа. Во всѣхъ тѣхъ разныхъ сектахъ христіанъ я видѣлъ полное согласіе въ воззрѣніи на то, что есть добро, что есть зло, и на то, какъ надо жить. И всѣ эти люди это воззрѣніе свое объявляли ученіемъ Христа. Вѣроученія раздѣлились, основа ихъ одна, сталобыть, въ томъ, что лежитъ въ основѣ всѣхъ вѣръ, есть одна истина. Вотъ эту-то истину я и хочу узнать теперь. Истина вѣры должна находиться не въ опредѣленныхъ толкованіяхъ откровеній Христа, тѣхъ самыхъ толкованіяхъ, которыя раздѣлили христіанъ на 1000 сектъ, а должна находиться въ самомъ первомъ откровеніи самого Христа. Откровеніе это самое первое—слова самого Христа—находится въ Евангеліяхъ. И потому я обратился къ изученію Евангелія" [1]).

„Для того, чтобы понять содержаніе писанія, принадлежащаго къ вѣрѣ христіанской, надо прежде всего рѣшить вопросъ: какія изъ 27 книгъ, выдаваемыхъ за Св. Писаніе, болѣе или менѣе существенны, важны, и начать именно съ болѣе важныхъ. Такія книги, несомнѣнно суть: четыре Евангелія. Все предшествующее имъ, можетъ-быть, по большей мѣрѣ только историческій матеріалъ для пониманія Евангелія, все послѣдующее — только объясненіе этихъ же книгъ. И потому не нужно, какъ это дѣлаютъ церкви, неизбѣжно соглашать всѣ книги (мы убѣдились, что это болѣе всего привело Церковь къ проповѣдыванію непонятныхъ вещей),

---

[1]) „Соединеніе и переводъ Евангелій". Изд. Эльпидина, т. I, стр. 1.

а отыскивать въ этихъ 4-хъ книгахъ, излагающихъ по ученію же Церкви, самое существенное откровеніе, отыскивать самыя главныя основы ученія, не сообразуясь ни съ какимъ ученіемъ другихъ книгъ, и это не потому, что я не хочу этого, а потому, что я боюсь заблужденія другихъ книгъ, которыя имѣютъ такой яркій и очевидный примѣръ.

Отыскивать я буду въ этихъ книгахъ: 1) то, что мнѣ понятно, потому что непонятному никто не можетъ вѣрить, и знаніе непонятнаго равно незнанію; 2) то, что отвѣчаетъ на мой вопросъ о томъ, что такое я, что такое Богъ, и 3) какая главная единая основа всего откровенія? И потому я буду читать непонятныя, ясныя и полупонятныя мѣста не такъ, какъ мнѣ хочется, а такъ, чтобы они были наиболѣе согласны съ мѣстами вполнѣ ясными и сводились бы къ одной основѣ. Читая такимъ образомъ не разъ, не два, а много разъ какъ самое писаніе, такъ и писанное о немъ, я пришелъ къ тому выводу, что все преданіе христіанское находится въ 4-хъ Евангеліяхъ, что книги Ветхаго Завѣта могутъ служить только объясненіемъ той формы, которую избрало ученіе Христа, могутъ лишь затемнить, но никакъ не объяснить смыслъ ученія Христа, что посланія Іоанна, Іакова суть вызванныя особенностью случая частныхъ разъясненій ученія, что въ нихъ можно иногда найти съ новой стороны выраженное ученіе Христа, но ничего нельзя найти новаго. Къ несчастью же, весьма часто можно найти, особенно въ посланіяхъ Павла, такое выраженіе ученія, которое можетъ вовлекать читающихъ въ недоразумѣнія, затемняющія самое ученіе. Дѣянія же апостольскія, какъ и многія посланія Павла, часто не только не имѣютъ ничего общаго съ Евангеліемъ и посланіями Іоанна, Петра и Іакова, но часто противорѣчатъ имъ. Апокалипсисъ прямо уже ничего не открываетъ. Главное же то, что какъ ни разновременно они написаны, Евангеліе составляетъ изложеніе всего ученія, все остальное же есть толкованіе ихъ. Читалъ я по-гречески, на томъ языкѣ, на которомъ оно есть у насъ,

и переводилъ такъ, какъ указывалъ смыслъ и лексиконы, изрѣдка отступая отъ переводовъ, на новыхъ языкахъ существующихъ, составленныхъ уже тогда, когда Церковь своеобразно поняла и опредѣлила значеніе преданія. Кромѣ перевода, я неизбѣжно былъ приведенъ къ необходимости свести 4 Евангелія въ одно, такъ какъ всѣ они излагаютъ, хотя и разнорѣчиво, одни и тѣ же событія и одно и то же ученіе" [1]).

Мы уже упоминали въ одной изъ предыдущихъ главъ о томъ, что Л. Н—чъ съ увлеченіемъ изучалъ въ началѣ 70-хъ годовъ греческій языкъ. Это знаніе какъ нельзя болѣе пригодилось ему. А его исключительныя филологическія способности дали ему особую проницательность при переводѣ греческихъ текстовъ.

Съ полною серьезностью и съ рѣдкимъ увлеченіемъ работалъ Л. Н—чъ надъ изученіемъ Евангелій. Онъ пользовался трудами лучшихъ экзегетовъ того времени—Рейса, Гризбаха, Тишендорфа, сопоставляя ихъ мнѣнія съ трудами православныхъ изслѣдователей, архимандрита Михаила, Грегулевича и др. Расположивъ евангельскую исторію въ хронологическомъ порядкѣ, соединяя въ одну связную систему всѣхъ четырехъ евангелистовъ, Л. Н—чъ текстъ за текстомъ переводитъ, сличаетъ, толкуетъ, обобщаетъ и находитъ связующій смыслъ. Все свое соединеніе Евангелій онъ раздѣляетъ на введеніе, двѣнадцать главъ и заключеніе.

Въ концѣ каждой главы въ свободномъ изложеніи онъ резюмируетъ содержаніе этой главы.

Центральнымъ мѣстомъ Евангелія въ объясненіи Л. Н—ча слѣдуетъ считать его изложеніе бесѣды съ Никодимомъ „о новомъ рожденіи" и толкованіе притчи о сѣятелѣ, гдѣ рѣшается вопросъ о томъ, что такое зло.

„Съ словами „кончено" кончено и Евангеліе",—такъ начи-

---

[1]) Тамъ же, стр. 11.

наетъ Л. Н—чъ свое заключеніе къ этой книгѣ, показывая тѣмъ, что все чудесное, а тѣмъ болѣе чудо изъ чудесъ—воскресеніе, имъ опускается.

„Истина евангельскаго ученія,—говоритъ Л. Н—чъ,—не нуждается въ доказательствахъ".

„Существованіе его 1800 лѣтъ среди милліардовъ людей достаточно показываетъ намъ его важность. Можетъ-быть, нужно было говорить, что лѣсъ посаженъ Богомъ и чудовище его стережетъ, а Богъ защищаетъ, можетъ-быть, это было нужно, когда лѣса не было, но теперь я живу въ этомъ 1800-лѣтнемъ лѣсу, когда онъ выросъ и во всѣ стороны окружаетъ меня. Доказательствъ того, что онъ есть, мнѣ не нужно: онъ есть. Такъ и оставимъ все то, что когда-то нужно было для произращенія этого лѣса—образованія ученія Христа" [1]).

Этотъ огромный трудъ былъ оконченъ около 1881 года.

Изслѣдованіе Евангелій Л. Н—ча, какъ и большая часть его религіозно-философскихъ произведеній, не предназначалось имъ самимъ для печати, онъ предоставлялъ это дѣлать друзьямъ. Онъ самъ говоритъ объ этомъ въ концѣ своей исповѣди, излагая планъ своихъ религіозныхъ сочиненій:

„Что я нашелъ въ этомъ ученіи ложнаго, что я нашелъ истиннаго и къ какимъ выводамъ я пришелъ, составляетъ слѣдующія части сочиненія, которое, если оно того стóитъ и нужно кому-нибудь, вѣроятно, будетъ когда-нибудь и гдѣ-нибудь напечатано" [2]).

Не встрѣчая въ семьѣ своей сочувствія этому новому роду своихъ произведеній, Л. Н—чъ отложилъ написанную съ большимъ трудомъ работу и принялся за дальнѣйшее изложеніе своихъ мыслей.

Но такъ какъ „не можетъ укрыться городъ, стоящій на верху горы", такъ не могло остаться въ безызвѣстности и его великое произведеніе, и оно вскорѣ увидѣло свѣтъ.

---

[1]) Тамъ же, т. III, стр. 321.

[2]) „Исповѣдь", изданіе „Своб. Слово".

Первое полное изданіе „Соединенія и перевода 4-хъ Евангелій“ было сдѣлано нами въ Женевѣ у Эльпидина на средства К. М. С.

Мы уже упоминали о присутствіи въ домѣ Л. Н—ча учителя В. И., со вниманіемъ и любовью слѣдившаго за религіознымъ процессомъ, совершавшимся во Л. Н—чѣ, отчасти кротко вліявшаго на него и самого воспринимавшаго на себя его могучее вліяніе.

В. И., прочитавъ работу надъ Евангеліемъ, былъ пораженъ новымъ, открывшимся ему смысломъ ученія Христа. Первымъ, непосредственнымъ желаніемъ В. И. было переписать себѣ это удивительное произведеніе и увезти его съ собой, чтобы подѣлиться этими новыми мыслями со своими друзьями, такъ какъ срокъ пребыванія его въ домѣ Л. Н—ча уже кончался. Но, сообразивъ размѣры этого труда и остающееся ему время, В. И. рѣшилъ, что онъ не можетъ успѣть переписать всего Евангелія, и тогда онъ рѣшилъ списать только переводъ самыхъ евангельскихъ текстовъ. Сдѣлавъ эту работу, В. И. далъ ее на просмотръ Л. Н—чу, который снова прочелъ и проредактировалъ эти тексты и написалъ новое предисловіе и заключеніе къ этому списку. Такимъ образомъ появилось новое произведеніе Л. Н—ча, подъ заглавіемъ „Краткое изложеніе Евангелія“, получившее едва ли не наибольшее распространеніе изъ всѣхъ его религіозныхъ произведеній и извѣстное въ читающей публикѣ и въ критикѣ подъ именемъ: „Евангелія Толстого“.

Въ предисловіи къ этому краткому изложенію Евангелія Л. Н—чъ такъ опредѣляетъ мѣсто этого произведенія въ ряду другихъ религіозныхъ сочиненій:

„Это краткое изложеніе Евангелія есть извлеченіе изъ большого сочиненія, которое лежитъ въ рукописи и не можетъ быть напечатано въ Россіи.

Сочиненіе состоитъ изъ 4-хъ частей:

1) Изложеніе того хода личной жизни и моихъ мыслей,

которыя привели меня къ убѣжденію о томъ, что въ христіанскомъ ученіи находится истина („Исповѣдь“).

2) Изложеніе христіанскаго ученія по толкованіямъ Церкви вообще, апостоловъ, соборовъ и такъ называемыхъ отцовъ Церкви и доказательства ложности этихъ толкованій („Критика догматическаго богословія“).

3) Изслѣдованіе христіанскаго ученія не по этимъ толкованіямъ, а только по тому, что дошло до насъ изъ ученія Христа, приписываемаго ему и записаннаго въ Евангеліяхъ, переводъ 4-хъ Евангелій и соединеніе ихъ въ одно („Соединеніе и переводъ 4-хъ Евангелій“).

4) Изложеніе настоящаго смысла христіанскаго ученія, причинъ, по которымъ оно было извращено, и послѣдствій, которыя должна имѣть его проповѣдь („Въ чемъ моя вѣра.“).

Это краткое изложеніе Евангелій есть сокращеніе третьей части“.

Все краткое изложеніе, подобно полному, разбито Л. Н—чемъ на 12 главъ, хотя названія главъ даны нѣсколько иныя, чѣмъ въ полномъ.

„Окончивъ свою работу,—говоритъ Л. Н—чъ въ предисловіи,—я, къ удивленію и радости своей, нашелъ, что такъ называемая молитва Господня (Отче нашъ) есть не что иное какъ въ самой сжатой формѣ выраженное все ученіе Іисуса въ томъ самомъ порядкѣ, въ которомъ были расположены мною главы, и что каждое выраженіе молитвы соотвѣтствуетъ смыслу и порядку главъ:

Слова молитвы:	*Названіе главъ:*
1) Отче нашъ,	Человѣкъ—сынъ Бога.
2) Иже еси на небесѣхъ!	Богъ есть безконечное духовное начало жизни.
3) Да святится имя Твое,	Да будетъ свято это начало жизни.
4) Да пріидетъ царствіе Твое,	Да осуществится Его власть во всѣхъ людяхъ.
5) Да будетъ воля Твоя яко на небеси	И да совершится воля этого безконечнаго начала, какъ въ самомъ себѣ,

Слова молитвы:	*Названіе главъ:*
6) И на земли.	Такъ и во плоти.
7) Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ	Жизнь временная есть пища жизни истинной.
8) Днесь,	Жизнь истинная въ настоящемъ.
9) И остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ;	И да не скрываютъ отъ насъ этой истинной жизни ошибки и заблужденія прошедшаго.
10) И не введи насъ во искушеніе,	И да не вводятъ насъ въ обманъ.
11) Но избави насъ отъ лукаваго.	И потому не будетъ зла.
12) Яко Твое есть царство и сила и слава.	А будетъ Твоя власть, и сила, и разумъ".

Въ этомъ предисловіи Л. Н—чъ снова вкратцѣ повторяетъ описаніе того пути, который его привелъ къ изученію Евангелія и къ признанію за нимъ полной истины.

И кончаетъ его словами, въ которыхъ, обращаясь къ читателю, съ новою силою поддерживаетъ и объясняетъ значеніе своего труда:

„Дѣло не въ томъ, чтобы доказать, что Іисусъ не былъ Богъ и что потому ученіе его не божественное, и не въ томъ, чтобы доказать, что Онъ не былъ католикомъ, а въ томъ, чтобы понять, въ чемъ состояло то ученіе, которое было такъ высоко и дорого людямъ, что проповѣдника этого ученія люди признали и признаютъ Богомъ. Вотъ это-то я пытался сдѣлать, и для себя, по крайней мѣрѣ, сдѣлалъ это. И вотъ это-то я и предлагаю моимъ братьямъ.

„Если читатель принадлежитъ къ огромному большинству образованныхъ, воспитанныхъ въ церковной вѣрѣ людей, не отрекшихся отъ нея, вслѣдствіе ея несообразностей съ здравымъ смысломъ и совѣстью (остались ли у такого человѣка любовь и уваженіе къ духу христіанскаго ученія или онъ, по пословицѣ: „осердясь на блохъ, и шубу въ печь", считаетъ все христіанство вреднымъ суевѣріемъ), я прошу такого читателя помнить, что то, что отталкиваетъ его, и то, что представляется ему суевѣріемъ, не есть ученіе Христа, что Христосъ не можетъ быть повиненъ въ томъ безобраз-

номъ преданіи, которое приплели къ его ученію и выдавали за христіанство; надо изучать только одно ученіе Христа, какъ оно дошло до насъ, т.-е. тѣ слова и дѣйствія, которыя приписываются Христу и которыя имѣютъ учительное значеніе. Читая мое изложеніе, такой читатель убѣдится, что христіанство не только не есть смѣшеніе высокаго съ низкимъ, не только не есть суевѣріе, но есть самое строгое, чистое и полное метафизическое и этическое ученіе, выше котораго не поднимался до сихъ поръ разумъ человѣческій и въ кругу котораго, не сознавая того, движется вся высшая человѣческая дѣятельность: политическая, научная, поэтическая, философская. Если читатель принадлежитъ къ тому ничтожному меньшинству образованныхъ людей, которые держатся церковной вѣры, исповѣдуя ее не для внѣшнихъ цѣлей, а для внутренняго спокойствія, я прошу такого читателя, прежде чѣмъ читать, рѣшить въ душѣ вопросъ о томъ, что ему дороже: душевное спокойствіе или истина? Если спокойствіе, то прошу его не читать, если же истина, то прошу его помнить, что ученіе Христа, изложенное здѣсь, несмотря на одинаковость названія, есть совершенно другое ученіе и что поэтому отношеніе его, исповѣдующаго церковную вѣру, къ этому изложенію есть то же, какъ отношеніе магометанина къ проповѣди христіанства, что вопросъ для него не въ томъ, согласно ли или не согласно предлагаемое ученіе съ его вѣрою, а только въ томъ, какое ученіе согласнѣе съ его разумомъ и сердцемъ: его ли, церковное, ученіе или одно ученіе Христа. Вопросъ для него только въ томъ—хочетъ ли онъ принять новое ученіе или оставаться въ своей вѣрѣ. Если же читатель принадлежитъ къ людямъ, внѣшне исповѣдующимъ церковную вѣру и дорожащимъ ею не потому, что они вѣрятъ въ истину ея, а по внѣшнимъ соображеніямъ, потому что они считаютъ исповѣданіе и проповѣданіе ея выгоднымъ для себя, то пусть такіе люди помнятъ, что сколько бы у нихъ ни было единомышленниковъ, какъ бы сильны они ни были, на какіе пре-

столы ни садились, какими бы ни называли себя высокими именами, они не обвинители, а обвиняемые—не мною, а Христомъ. Такіе читатели пусть помнятъ, что имъ доказывать нечего, что они уже давно сказали, что имѣли сказать, что если бы даже они и доказали то, что доказываютъ каждые для себя, всѣ сотни отрицающихъ другъ друга исповѣданій церковныхъ вѣръ, что имъ не доказывать нужно, а оправдываться. Оправдываться въ кощунствѣ, по которому они ученіе Іисуса-Бога приравняли къ ученіямъ Эздры, соборовъ, Ѳеофилактовъ и позволили себѣ слова Бога перетолковывать и измѣнять на основаніи словъ людей. Оправдываться въ клеветѣ на Бога, по которой они всѣ тѣ изувѣрства, которыя были въ ихъ сердцахъ, свалили на Бога-Іисуса и выдали ихъ за Его ученіе. Оправдываться въ мошенничествѣ, по которому они, скрывъ ученіе Бога, пришедшаго дать благо міру, подставили на его мѣсто свою „свято-духовскую“ вѣру и этою подстановкою лишили и лишаютъ милліарды людей того блага, которое принесъ людямъ Христосъ, и вмѣсто мира и любви, принесенныхъ имъ, внесли въ міръ секты, осужденія и всевозможныя злодѣйства, прикрывая ихъ именемъ Христа.

„Для этихъ читателей только два выхода: смиренное покаяніе и отреченіе отъ своей лжи, или гоненіе тѣхъ, которые обличаютъ ихъ за то, что они дѣлали и дѣлаютъ.

„Если они не отрекутся отъ лжи, имъ остается одно: гнать меня, на что я, оканчивая свое писаніе, готовлюсь съ радостью и со страхомъ за свою слабость“ [1]).

Н. Н. Страховъ, внимательно слѣдившій за всѣми работами Л. Н—ча, сообщаетъ Н. Я. Данилевскому объ этой работѣ слѣдующее:

„Этою зимою онъ составилъ еще новое изложеніе еван-

[1]) „Краткое изложеніе Евангелія“, Л. Н. Толстого. Изд. Эльпидина Женева.

гельскаго ученія (не самаго Евангелія). Если будете здѣсь, то всѣмъ этимъ я васъ угощу досыта, да и поспорю съ вами, если вы вздумаете, по вашему обычаю, упорствовать".

Въ томъ же письмѣ Страховъ говоритъ о первыхъ появившихся французскихъ переводахъ религіозныхъ произведеній Л. Н—ча:

„... О Л. Н—чѣ Толстомъ вотъ что знаю навѣрное. Его пріятель, князь Урусовъ, ѣздилъ въ Парижъ; онъ величайшій поклонникъ новыхъ мыслей Толстого и перевелъ для Revue Nouvelle „Исповѣдь" [1]), которая печаталась въ „Русской Мысли" и сожжена, и Вступленіе къ изложенію Евангелія. Это вступленіе тамъ напечатали, давши ему другое заглавіе, вовсе не подходящее, а „Исповѣдь" считаютъ ненужнымъ печатать, такъ какъ помѣстили статью Ціона „Un pessimiste russe", довольно не глупую. Вышелъ изъ всего неясный вздоръ. Все это сдѣлано безъ всякаго почина со стороны Толстого, но и препятствовать онъ не думаетъ" [2])

Свободное обращеніе Л. Н—ча съ евангельскими текстами, очевидно, не нравилось этимъ, расположеннымъ къ нему, но консервативнымъ людямъ. Въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ къ Данилевскому Н. Н. Страховъ пишетъ:

„... Я разсказалъ ему о нашемъ чтеніи его изложенія и что мы его бранили. Онъ согласился, что приведеніе стиховъ изъ Евангелія должно вводить въ недоумѣніе, и объяснилъ, что эта работа сдѣлана имъ для себя, которую въ этомъ видѣ не слѣдовало бы публиковать. Сказалъ онъ мнѣ при этомъ, что уже переведены по-англійски три его сочиненія: 1) „Исповѣдь", 2) „Въ чемъ моя вѣра", и 3) „Изложеніе", но въ „Изложеніи" оставлены только его введенія, а измѣненный евангельскій текстъ съ ссылками на стихи от-

---

[1]) Повидимому, Н. Н. здѣсь ошибается. Намъ извѣстно, что князь Урусовъ перевелъ не „Исповѣдь", а „Въ чемъ моя вѣра?" Этотъ трудъ его изданъ въ Парижѣ Фишбахеромъ.

[2]) „Русскій Вѣстникъ" 1901 г. „Письма Н. Страхова къ Н. Я. Данилевскому".

кинутъ, очень это правильно сдѣлано. По-нѣмецки и по-французски „Въ чемъ моя вѣра“ давно вышла“.

Это „Краткое изложеніе Евангелія“ служило камнемъ преткновенія для многихъ искреннихъ друзей Л. Н—ча. Вотъ какъ относился къ нему И. С. Аксаковъ.

Н. Н. Страховъ пишетъ объ этомъ Данилевскому 5-го іюля 1885 года:

„... Въ Москвѣ я видѣлъ Аксакова въ банкѣ, и мы говорили, то-есть онъ говорилъ все о томъ же, о „Краткомъ изложеніи Евангелія“. Увы! Ник. Як., только съ вами насладился я разговорами въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Впрочемъ, я все еще не готовъ для свободной рѣчи объ этомъ предметѣ, и часто самъ становился втупикъ, когда пытался говорить о немъ. Ну, словомъ, чѣмъ рѣчистѣе былъ Аксаковъ, тѣмъ меньше толку вышло изъ нашего разговора.

„... Главное, онъ выражаетъ большой восторгъ отъ тѣхъ двухъ разсказовъ Л. Н—ча Толстого, которые я вамъ привозилъ, и говоритъ, что за нихъ простилъ Толстому его изложеніе.

„Въ разсказахъ, — говорилъ Ив. Серг.,—обнаруживается, что Л. Н—чъ стоитъ къ святой Истинѣ въ такихъ чистосердечныхъ, любовныхъ отношеніяхъ, тайна которыхъ не подлежитъ нашему анализу и которыя ставятъ его, автора, внѣ суда нашего. Очевидно, у него свой конто-курантъ съ Богомъ“ [1]).

Окончивъ изслѣдованіе Евангелія, извлекши изъ него существенныя основы христіанства, Л. Н—чъ получилъ огромное удовлетвореніе своихъ стремленій, и его умственная и душевная дѣятельность направилась, съ одной стороны, на изложеніе въ положительномъ смыслѣ своего міросозерцанія и, съ другой стороны, на проведеніе этого міросозерцанія въ свою личную жизнь. Оглянувшись вокругъ себя, онъ ужаснулся передъ той пропастью, которая отдѣляла усвоен-

---

[1]) „Русскій Вѣстникъ“, кн. 3, стр. 137, письмо 23-е, 18 іюля 1885 г.

ныя имъ и его окружающими формы жизни отъ того идеала, который предсталъ передъ нимъ во всей своей ослѣпительной чистотѣ.

Общественная и политическая жизнь также поразила его рѣзкими контрастами съ тѣмъ ученіемъ, которое на словахъ исповѣдуется такъ называемымъ христіанскимъ обществомъ.

Въ Россіи наступало смутное время, и первый громъ грядулъ 1-го марта 1881 года. Отношеніе Л. Н—ча ко всѣмъ этимъ явленіямъ составитъ содержаніе слѣдующихъ главъ.

ЧАСТЬ V.

Обновленная жизнь.

ГЛАВА XVII.

Событіе 1-го марта 1881 г.

„Сегодня, 1-го марта 1881 года, согласно постановленію Исполнительнаго комитета отъ 26-го августа 1879 г., приведена въ исполненіе казнь Александра II двумя агентами Исполнительнаго комитета“ [1]).

Такими словами начиналась прокламація Исполнительнаго комитета 1-го марта 1881 года.

Смертная казнь, какъ высшее, жесточайшее проявленіе насилія человѣка надъ человѣкомъ, всегда была ненавистна Л. Н—чу. Одна мысль о ней возбуждала въ немъ отвращеніе и ужасъ. Вспомнимъ, какъ онъ описываетъ свое чувство при видѣ смертной казни въ Парижѣ, о которой нѣсколько разъ вспоминаетъ въ своихъ произведеніяхъ.

„Я не политическій человѣкъ“, записываетъ онъ знаменательную фразу въ своемъ дневникѣ 1857 года, послѣ безпокойно проведенной ночи, во время которой воспоминаніе о видѣнной имъ утромъ гильотинѣ не давало ему спать.

Онъ дѣйствительно никогда не былъ и до сихъ поръ не сталъ „политическимъ человѣкомъ“. Именно потому-то онъ и можетъ съ одинаковымъ безпристрастіемъ и одинаковымъ обличеніемъ говорить о казняхъ, производимыхъ обѣими сторонами.

---

[1]) „Былое“, номеръ 2-й. „Историко-революціонный сборникъ“, Лондонъ.

Но въ 1881 году Л. Н—чъ находился еще въ исключительныхъ обстоятельствахъ. Какъ видно изъ предыдущихъ главъ, въ немъ только-что закончился душевный кризисъ и была имъ окончена большая, радостная для него работа надъ изученіемъ Евангелія, въ которомъ ему удалось схватить самую сущность ученія Христа, ученіе о любви, смиреніи и прощеніи, и сознаніе этого открывшагося ему свѣта дѣлало его особенно чувствительнымъ къ страданіямъ людей и ко всѣмъ отступленіямъ людей отъ божескихъ законовъ. Онъ смотрѣлъ на весь окружающій его міръ съ высоты Нагорной проповѣди.

Находясь въ такомъ настроеніи, конечно, онъ не могъ сочувствовать казни, совершонной надъ Александромъ II. Но послѣдующая за ней казнь убійцъ Александра II произвела на него несравненно сильнѣйшее впечатлѣніе.

Вотъ что писалъ Л. Н—чъ въ отвѣтъ на нашъ запросъ по этому поводу:

„О томъ, какъ на меня подѣйствовало 1-ое марта, не могу ничего сказать опредѣленнаго, особеннаго. Но судъ надъ убійцами и готовящаяся казнь произвели на меня одно изъ самыхъ сильныхъ впечатлѣній моей жизни. Я не могъ перестать думать о нихъ, но не столько о нихъ, сколько о тѣхъ, кто готовился участвовать въ ихъ убійствѣ, и особенно объ Александрѣ III. Мнѣ такъ ясно было, какое радостное чувство онъ могъ бы испытать, простивъ ихъ. Я не могъ вѣрить, что ихъ казнятъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ боялся и мучился за ихъ убійцъ. Помню, съ этою мыслью я послѣ обѣда легъ внизу на кожаный диванъ и неожиданно задремалъ и во снѣ, въ полуснѣ, подумалъ о нихъ и о готовящемся убійствѣ и почувствовалъ такъ ясно, какъ будто это все было наяву, что не ихъ казнятъ, а меня, и казнитъ не . . . . . съ палачами и судьями, а я же и казню ихъ, и я съ кошмарнымъ ужасомъ проснулся. И тутъ написалъ письмо“ [1]).

---

[1]) Архивъ П. И. Бирюкова.

Письмо было адресовано Александру III. Оно дошло до насъ въ первоначальномъ видѣ, о которомъ самъ Л. Н—чъ отзывается, что въ этой редакціи „письмо было гораздо лучше, потомъ я сталъ передѣлывать, и оно стало холоднѣе“.

Мы приводимъ его цѣликомъ:

„Ваше Императорское Величество.

„Я, ничтожный, не призванный и слабый, плохой человѣкъ, пишу русскому Императору и совѣтую ему, что ему дѣлать въ самыхъ сложныхъ, трудныхъ обстоятельствахъ, которыя когда-либо бывали. Я чувствую, какъ это странно, неприлично, дерзко, и все-таки пишу. Я думаю себѣ: ты напишешь, письмо твое будетъ не нужно, его не прочтутъ, или прочтутъ и найдутъ, что это вредно, и накажутъ тебя за это. Вотъ и все, что можетъ быть. И дурного въ этомъ для тебя не будетъ ничего такого, въ чемъ бы ты раскаялся. Но если ты не напишешь и потомъ узнаешь, что никто не сказалъ царю то, что ты хотѣлъ сказать, и что царь потомъ, когда уже ничего нельзя будетъ перемѣнить, подумаетъ и скажетъ: „если бы тогда кто-нибудь сказалъ мнѣ это“,—если это случится такъ, то ты вѣчно будешь раскаиваться, что не написалъ того, что думалъ. И потому я пишу Вашему Величеству то, что я думаю.

„Я пишу изъ деревенской глуши, ничего вѣрнаго не знаю. То, что знаю, знаю по газетамъ и слухамъ, и потому, можетъ-быть, пишу ненужные пустяки о томъ, чего вовсе нѣтъ, тогда ради Бога простите мою самонадѣянность и вѣрьте, что я пишу не потому, что я высоко о себѣ думаю, а потому только, что, уже столь много виноватый передъ всѣми, боюсь быть еще виноватымъ, не сдѣлавъ того, что могъ и долженъ былъ сдѣлать.

„Я буду писать не въ томъ тонѣ, въ которомъ обыкновенно пишутъ письма Государю—съ цвѣтами подобострастнаго и фальшиваго краснорѣчія, которые только затем-

няютъ и чувства и мысли. Я буду писать просто, какъ человѣкъ къ человѣку.

„Настоящія чувства моего уваженія къ Вамъ, какъ къ человѣку и къ царю, виднѣе будутъ безъ этихъ украшеній.

„Отца Вашего, царя русскаго, сдѣлавшаго много добра и всегда желавшаго добра людямъ, стараго, добраго человѣка, безчеловѣчно изувѣчили и убили не личные враги его, но враги существующаго порядка вещей: убили во имя какого-то блага всего человѣчества.

„Вы стали на его мѣсто, и передъ Вами тѣ враги, которые отравляли жизнь Вашего отца и погубили его. Они враги Ваши потому, что Вы занимаете мѣсто Вашего отца, и для того мнимаго общаго блага, котораго они ищутъ, они должны желать убить и Васъ.

„Къ этимъ людямъ въ душѣ Вашей должно быть чувство мести, какъ къ убійцамъ отца, и чувство ужаса передъ тою обязанностью, которую Вы должны были взять на себя. Болѣе ужаснаго положенія нельзя себѣ представить, болѣе ужаснаго потому, что нельзя себѣ представить болѣе сильнаго искушенія зла. „Враги отечества, народа, презрѣнные мальчишки, безбожныя твари, нарушающія спокойствіе и жизнь ввѣренныхъ милліоновъ, и убійцы отца. Что другое можно сдѣлать съ ними, какъ не очистить отъ этой заразы русскую землю, какъ не раздавить ихъ, какъ мерзкихъ гадовъ? Этого требуетъ не мое личное чувство, даже не возмездіе за смерть отца, этого требуетъ отъ меня мой долгъ, этого ожидаетъ отъ меня вся Россія“.

„Въ этомъ-то искушеніи и состоитъ весь ужасъ Вашего положенія. Кто бы мы ни были, цари или пастухи, мы люди, просвѣщенные ученіемъ Христа.

„Я не говорю о Вашихъ обязанностяхъ царя. Прежде обязанностей царя есть обязанности человѣка, и онѣ должны быть основой обязанности царя и должны сойтись съ ними.

„Богъ не спроситъ Васъ объ исполненіи обязанности царя, не спроситъ объ исполненіи царской обязанности, а спро-

ситъ объ исполненіи человѣческихъ обязанностей. Положеніе Ваше ужасно, но только затѣмъ и нужно ученіе Христа, чтобы руководить насъ въ тѣхъ страшныхъ минутахъ искушенія, которыя выпадаютъ на долю людей. На Вашу долю выпало ужаснѣйшее изъ искушеній. Но какъ ни ужасно оно, ученіе Христа разрушаетъ его: всѣ сѣти искушеній, обставленныя вокругъ Васъ, какъ прахъ разлетятся передъ человѣкомъ, исполняющимъ волю Бога.

Мѳ. 5, 43. „Вы слышали, что сказано: люби ближняго и возненавидь врага твоего; а Я говорю вамъ: любите враговъ вашихъ... благотворите ненавидящихъ васъ... да будете сынами Отца вашего небеснаго".

Мѳ. 5, 38. Вамъ сказано: „Око за око, зубъ за зубъ, а Я говорю: не противься злому".

Мѳ. 18, 22. „Не говорю тебѣ до семи, но до седмижды семидесяти разъ".

„Не ненавидь врага, а благотвори ему, не противься злу, не уставай прощать". Это сказано человѣку, и всякій человѣкъ можетъ исполнить это. И никакія царскія, государственныя соображенія не могутъ нарушить заповѣдей этихъ.

Мѳ. 5. 19. „И кто нарушитъ одну изъ сихъ малѣйшихъ заповѣдей, малѣйшимъ наречется въ Царствіи Небесномъ, а кто сотворитъ и научитъ, тотъ великимъ наречется въ Царствіи Небесномъ".

Мѳ. 7, 24. „Итакъ, всякаго, кто слушаетъ слова мои сіи, уподоблю мужу благоразумному, который построилъ домъ свой на камнѣ (25). И пошелъ дождь, и разлились рѣки, и подули вѣтры, и устремились на домъ тотъ; и онъ не упалъ, потому что основанъ былъ на камнѣ (26). А всякій, кто слушаетъ сіи слова мои и не исполняетъ ихъ, уподобится человѣку безразсудному, который построилъ домъ свой на пескѣ (27). И пошелъ дождь, и разлились рѣки, и подули вѣтры, и налегли на домъ тотъ; и онъ упалъ, и было паденіе его великое".

„Знаю я, какъ далекъ тотъ міръ, въ которомъ мы живемъ, отъ тѣхъ божескихъ истинъ, которыя выражены въ ученіи Христа и которыя живутъ въ нашемъ сердцѣ. Но истина—истина, и она живетъ въ нашемъ сердцѣ и отзывается восторгомъ и желаніемъ приблизиться къ ней. Знаю я, что я ничтожный, дрянной человѣкъ, въ искушеніяхъ въ 1000 разъ слабѣйшихъ, чѣмъ тѣ, которыя обрушились на Васъ, отдавался не истинѣ и добру, а искушенію, и что дерзко и безумно мнѣ, исполненному зла человѣку, требовать отъ Васъ той силы духа, которая не имѣетъ примѣровъ, требовать, чтобы Вы, русскій царь, подъ давленіемъ всѣхъ окружающихъ, и любящій сынъ послѣ убійства отца простилъ бы убійцъ и отдалъ бы имъ добро за зло; но не желать этого я не могу, не могу не видѣть того, что всякій шагъ Вашъ къ прощенію есть шагъ къ добру, всякій шагъ къ наказанію есть шагъ ко злу, не видѣть этого я не могу. Но какъ для себя, въ спокойную минуту, когда нѣтъ искушенія, надѣюсь, желаю всѣми силами души избрать путь любви и добра, такъ и за Васъ желаю и не могу не надѣяться, что Вы будете стремиться къ тому, чтобы быть совершенными, какъ Отецъ Вашъ на небѣ, и Вы сдѣлаете величайшее дѣло въ мірѣ—поборете искушеніе: и Вы, царь, дадите міру величайшій примѣръ исполненія ученія Христа—отдадите добро за зло.

„*Отдайте добро за зло, не противьтесь злу, всѣмъ простите.* Это и только это надо дѣлать. Это воля Бога. Достанетъ ли у кого или не достанетъ силы сдѣлать это, это другой вопросъ. Но только этого одного надо желать, къ этому одному стремиться, это одно считать хорошимъ и знать, что всѣ соображенія противъ этого—искушенія и соблазны и что *всѣ они* ни на чемъ не основаны, шатки и темны.

„Но кромѣ того, что всякій человѣкъ долженъ и не можетъ ничѣмъ другимъ руководиться въ своей жизни, какъ этимъ выраженіемъ воли Божіей, исполненіе этихъ заповѣдей Божьихъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и самое для жизни Вашей (и Вашего народа) разумное дѣйствіе.

„Истина и благо всегда истина и благо и на землѣ и на небѣ.

„Простить ужаснѣйшихъ преступниковъ противъ человѣческихъ и божескихъ законовъ и воздать имъ добро за зло“— многимъ это покажется въ лучшемъ смыслѣ идеализмомъ, безуміемъ, а многимъ злонамѣренностью. Они скажутъ: „не прощать, а вычистить надо гниль, задуть огонь“. Но стоитъ вызвать тѣхъ, которые скажутъ это, на доказательства ихъ мнѣнія, и безуміе, злонамѣренность окажутся на ихъ сторонѣ.

„Около 20 лѣтъ тому назадъ завелось какое-то гнѣздо людей, большею частью молодыхъ, ненавидящихъ существующій порядокъ вещей и правительство. Люди эти представляютъ себѣ какой-то другой порядокъ вещей или даже никакого себѣ не представляютъ и всѣми безбожными, безчеловѣчными средствами—пожарами, грабежами, убійствами разрушаютъ существующій строй общества. 20 лѣтъ борются съ этимъ гнѣздомъ, и какъ уксусное гнѣздо постоянно зарождающее новыхъ дѣятелей, до сихъ поръ гнѣздо это не только не уничтожено, но оно растетъ, и люди эти дошли до ужаснѣйшихъ по жестокости и дерзости поступковъ, нарушающихъ ходъ государственной жизни.

„Тѣ, которые хотѣли бороться съ этой язвой внѣшними, наружными средствами, употребляли два рода средствъ: одно—прямое отсѣченіе больного, гнилого, строгость наказанія, другое—предоставленіе болѣзни своему ходу, регулированіе ея: это были либеральныя мѣры, которыя должны были удовлетворить безпокойныя силы и утишить напоръ враждебныхъ силъ.

„Для людей, смотрящихъ на дѣло съ матеріальной стороны, нѣтъ другихъ путей—или рѣшительныя мѣры пресѣченія или либеральнаго послабленія. Какіе бы и гдѣ бы ни собирались люди толковать о томъ, что нужно дѣлать въ теперешнихъ обстоятельствахъ, кто бы они ни были, знакомые въ гостиной, члены совѣта, собранія представи-

телей, если они будутъ говорить о томъ, что дѣлать для пресѣченія зла, они не выйдутъ изъ этихъ двухъ воззрѣній на предметъ: или пресѣкать—строгость, казни, ссылки, полиція, стѣсненія цензуры и т. п, или либеральныя потачки—свобода, умѣренная мягкость мѣръ взысканій и даже представительство—конституція, соборъ.

„Люди могутъ сказать много еще новаго относительно подробностей того и другого образа дѣйствій; во многомъ многіе изъ одного и того же лагеря будутъ несогласны, будутъ спорить, но ни тѣ, ни другіе не выйдутъ—одни изъ того, что они будутъ отыскивать средства насильственнаго пресѣченія зла, другіе—изъ того, что они будутъ отыскивать средства нестѣсненія, даванія хода затѣявшемуся броженію. Одни будутъ лѣчить болѣзнь рѣшительными средствами противъ самой болѣзни, другіе будутъ лѣчить не болѣзнь, но будутъ стараться поставить организмъ въ самыя выгодныя гигіеническія условія, надѣясь, что болѣзнь пройдетъ сама собою. Скажутъ много новыхъ подробностей, но ничего не скажутъ новаго, потому что та и другая мѣра уже были употреблены, и ни та, ни другая не только не излѣчили больного, но не оказали никакого вліянія. Болѣзнь шла донынѣ, постоянно ухудшаясь. И потому я полагаю, что нельзя такъ сразу называть исполненіе воли Бога по отношенію къ дѣламъ политическимъ мечтаніемъ и безуміемъ. Если даже смотрѣть на исполненіе закона Бога, святыню святынь, какъ на средство противъ житейскаго мірского зла, и то нельзя смотрѣть на него презрительно послѣ того, какъ, очевидно вся житейская мудрость не помогла и не можетъ помочь.

„Больного лѣчили и сильными средствами, и переставали давать сильныя средства, а давали ходъ его отправленіямъ: ни та, ни другая система не помогли, больной все больнѣе. Представляется еще средство—средство, о которомъ ничего не знаютъ врачи, средство странное. Отчего же не испытать его? Одно первое преимущество средство это имѣетъ

неотъемлимое передъ другими средствами — это то, что тѣ употреблялись безполезно, а это никогда еще не употреблялось.

„Пробовали во имя государственной необходимости блага массъ стѣснять, ссылать, казнить, пробовали во имя той же необходимости блага массъ давать свободу—все было то же. Отчего не попробовать во имя Бога исполнять только законъ Его, не думая ни о государствѣ, ни о благѣ массъ? Во имя Бога и исполненія закона Его не можетъ быть зла.

„Другое преимущество новаго средства—и тоже несомнѣнное—то, что тѣ два средства сами въ себѣ были нехороши: первое состояло въ насиліи, казняхъ (какъ бы справедливы онѣ ни казались, каждый человѣкъ знаетъ, что оно зло); второе состояло въ не вполнѣ правдивомъ допущеніи свободы. Правительство одной рукой давало эту свободу, другой—придерживало ее. Приложеніе обоихъ средствъ, какъ ни казались они полезны для государства, было нехорошее дѣло для тѣхъ, которые прилагали ихъ. Новое же средство таково, что оно не только свойственно душѣ человѣка, но доставляетъ высшую радость и счастье для его души.

„Прощеніе и воздаяніе добромъ за зло есть добро въ самомъ себѣ. И потому приложеніе двухъ старыхъ средствъ должно быть противно душѣ христіанской, должно оставлять по себѣ раскаяніе, прощеніе же доставляетъ высшую радость тому, кто творитъ его.

„Третье преимущество христіанскаго прощенія передъ подавленіемъ или искуснымъ направленіемъ вредныхъ элементовъ относится къ настоящей минутѣ и имѣетъ особую важность. Положеніе Ваше и Россіи теперь—какъ положеніе больного во время кризиса. Одинъ ложный шагъ, пріемъ средства ненужнаго, вреднаго, можетъ навсегда погубить больного. Точно такъ же теперь одно дѣйствіе въ томъ или другомъ смыслѣ—возмездія за зло жестокими казнями или вызова представителей—можетъ связать все будущее. Теперь, въ эти двѣ недѣли суда надъ преступниками и приговора,

будетъ сдѣланъ шагъ, который выберетъ одну изъ трехъ дорогъ предстоящаго распутья: путь подавленія зла зломъ или путь либеральнаго послабленія — оба испытанные и ни къ чему не приводящіе пути, и еще новый путь —путь христіанскаго исполненія воли Божіей царемъ какъ человѣкомъ.

„Государь! По какимъ-то роковымъ, страшнымъ недоразумѣніямъ въ душѣ революціонеровъ запала страшная ненависть противъ отца Вашего,—ненависть, приведшая ихъ къ страшному убійству. Ненависть эта можетъ быть похоронена съ нимъ. Революціонеры могли—хотя несправедливо—осуждать его за погибель десятковъ своихъ. На рукахъ Вашихъ нѣтъ крови. Вы—невинная жертва своего положенія. Вы чисты и невинны передъ собою и передъ Богомъ. Но Вы стоите на распутьи. Нѣсколько дней, и если восторжествуютъ тѣ, которые говорятъ и думаютъ, что христіанскія истины только для разговоровъ, а въ государственной жизни должна проливаться кровь и царствовать смерть, Вы навѣки выйдете изъ того блаженнаго состоянія чистоты и жизни съ Богомъ и вступите на путь тьмы государственныхъ необходимостей, оправдывающихъ все и даже нарушеніе закона Бога для человѣка.

„Не простите, казните преступниковъ, Вы сдѣлаете то, что изъ числа сотенъ Вы вырвете трехъ, четырехъ, и зло родитъ зло, и на мѣсто трехъ, четырехъ вырастутъ 30, 40, и сами навѣки потеряете ту минуту, которая одна дороже всего вѣка,—минуту, въ которую Вы могли бы исполнить волю Бога и не исполнили ея, и сойдете навѣки съ того распутья, на которомъ Вы могли выбрать добро вмѣсто зла, и навѣки завязнете въ дѣлахъ зла, называемыхъ государственной пользой (Мѳ. 5, 25).

„Простите, воздайте добромъ за зло, и изъ сотенъ злодѣевъ десятки перейдутъ отъ дьявола къ Богу и у тысячъ, у милліоновъ дрогнетъ сердце отъ радости и умиленія при видѣ примѣра добра съ престола въ такую страшную для сына убитаго отца минуту.

„Государь! Если бы Вы сдѣлали это, позвали этихъ людей, дали бы имъ денегъ и услали ихъ куда-нибудь въ Америку и написали бы манифестъ съ словами вверху: „а Я говорю: любите враговъ своихъ“, не знаю, какъ другіе, но я, плохой вѣрноподданный, былъ бы собакой, рабомъ Вашимъ. Я бы плакалъ отъ умиленія, какъ я теперь плачу всякій разъ, когда бы я слышалъ Ваше имя. Да что я говорю: „не знаю, что другіе“! Знаю, какимъ бы потокомъ разлились бы по Россіи добро и любовь отъ этихъ словъ.

„Истины Христовы живы въ сердцахъ людей, и однѣ онѣ живы, и любимъ мы людей только во имя этихъ истинъ.

„И Вы, царь, провозгласили бы не словомъ, а дѣломъ эту истину. Но, можетъ-быть, это все мечтанія, ничего этого нельзя сдѣлать. Можетъ-быть, что хотя и правда, что 1) болѣе вѣроятности въ успѣхѣ отъ такихъ дѣйствій, никогда еще не испытанныхъ, чѣмъ отъ тѣхъ, которыя пробовали и которыя оказались негодными, и что 2) такое дѣйствіе навѣрно хорошо для человѣка, который совершитъ его, и 3) что теперь Вы стоите на распутьи и это единственный моментъ, когда Вы можете поступить по-Божьи, и что, упустивъ этотъ моментъ, Вы уже не вернете его,—можетъ-быть, что все это и правда, но скажутъ: это невозможно. Если сдѣлать это, то погубишь государство.

„Но положимъ, что люди привыкли думать, что божественныя истины — истины только духовнаго міра, а не приложимы къ житейскому; положимъ, что враги скажутъ: мы не принимаемъ ваше средство, потому что хотя оно и не испытано, и само по себѣ не вредно, и правда, что теперь кризисъ, мы знаемъ, что оно сюда не идетъ и ничего, кромѣ вреда, сдѣлать не можетъ. Они скажутъ: христіанское прощеніе и воздаяніе добромъ за зло хорошо для каждаго человѣка, а не для государства. Приложеніе этихъ истинъ къ управленію государствомъ погубитъ государство.

„Государь! вѣдь это ложь, злѣйшая, коварнѣйшая ложь. Исполненіе закона Бога погубитъ людей? Если это законъ

Бога для людей, то онъ всегда и вездѣ законъ Бога, и нѣтъ другого закона, воли Его. И нѣтъ кощунственнѣе рѣчи, какъ сказать: законъ Бога не годится. Тогда онъ не законъ Бога. Но положимъ, мы забудемъ, что законъ Бога выше всѣхъ другихъ законовъ и всегда приложимъ, мы забудемъ это. Хорошо: законъ Бога не приложимъ и если исполнить его, то выйдетъ зло еще хуже. Если простить преступниковъ, выпустить всѣхъ изъ заключеній и ссылокъ, то произойдетъ худшее зло. Да почему же это такъ? Кто сказалъ это? Чѣмъ вы докажете это? Своею трусостью. Другого у васъ нѣтъ доказательства. И кромѣ того, вы не имѣете права отрицать ничьего средства, такъ какъ всѣмъ извѣстно, что ваши не годятся.

„Они скажутъ: выпустить всѣхъ, и будетъ рѣзня, потому что немного выпустить, то бываютъ малые безпорядки, много выпустить—бываютъ большіе безпорядки. Они разсуждаютъ такъ, говоря о революціонерахъ какъ о какихъ-то бандитахъ, шайкѣ, которая собралась, и когда ее переловить, то она кончится. Но дѣло совсѣмъ не такъ: не число важно, не то, чтобы уничтожить или выслать ихъ побольше, а то, чтобы уничтожить ихъ закваску, дать другую закваску. Что такое революціонеры? Это люди, которые ненавидятъ существующій порядокъ вещей, находятъ его дурнымъ и имѣютъ въ виду основы для будущаго порядка вещей, который будетъ лучше.

„Убивая, уничтожая ихъ, нельзя бороться съ ними. Не важно ихъ число, а важны ихъ мысли. Для того, чтобы бороться съ ними, надо бороться духовно. Ихъ идеалъ есть общій достатокъ, равенство, свобода; чтобы бороться съ ними, надо поставить противъ нихъ идеалъ такой, который бы былъ выше ихъ идеала, включалъ бы въ себя ихъ идеалъ. Французы, англичане теперь борются съ ними и такъ же безуспѣшно.

„Есть только одинъ идеалъ, который можно противопоставить имъ,—тотъ, изъ котораго они выходятъ, не понимая

его и кощунствуя надъ нимъ,—тотъ, который включаетъ ихъ идеалъ, идеалъ любви, прощенія и воздаянія добра за зло. Только одно слово прощенія и любви христіанской, сказанное и исполненное съ высоты престола, и путь христіанскаго царствованія, на который предстоитъ вступить Вамъ, можетъ уничтожить то зло, которое точитъ Россію. Какъ воскъ отъ лица огня, растаетъ всякая революціонная борьба передъ царемъ-человѣкомъ, исполняющимъ законъ Христа.

Левъ Толстой" [1]).

Письмо это долго странствовало. Л. Н—чу пришло сначала на мысль передать письмо черезъ Побѣдоносцева. Къ этому его побудило воспоминаніе о добромъ отношеніи Побѣдоносцева къ одному замѣчательному человѣку, временно бывшему близкимъ по духу Л. Н—чу, именно къ А. К. Маликову [2]).

Л. Н—чъ передалъ Побѣдоносцеву письмо къ царю черезъ ихъ общаго знакомаго Н. Н. Страхова, сопроводивъ это письмо своей личной просьбой объ исполненіи этого важнаго порученія.

И вотъ горячія слова любви о прощеніи ударились о холодную каменную стѣну духовнаго чиновника, уже истратившаго на своей служебной карьерѣ остатки человѣческаго чувства.

Побѣдоносцевъ прочелъ письмо Л. Н — ча къ Александру III и возвратилъ Страхову съ отказомъ передать его. На письмо же Л. Н—ча къ нему Побѣдоносцевъ отвѣчалъ, черезъ очень долгое время, уже послѣ казни, слѣдующимъ характернымъ письмомъ:

„Не взыщите, достопочтеннѣйшій графъ Левъ Николаевичъ, во-1-хъ, за то, что я оставилъ до сего времени безъ отвѣта письмо ваше, врученное мнѣ Н. Н. Страховымъ. Это произошло не изъ неучтивости или равнодушія, а отъ не-

---

[1]) Архивъ В. Г. Черткова.

[2]) „В. Е.", сентябрь, 1904 г.

возможности опознаться вскорѣ въ той суетѣ и путаницѣ мыслей и заботъ, которая одолѣвала и не перестаетъ еще одолѣвать меня послѣ 1 марта.

„Во-2-хъ, не взыщите за то, что я уклонился отъ исполненія вашего порученія. Въ такомъ важномъ дѣлѣ все должно дѣлаться по вѣрѣ. А прочитавъ письмо ваше, я увидѣлъ, что ваша вѣра одна, а моя и церковная другая, и что нашъ Христосъ—не вашъ Христосъ.

„Своего я знаю мужемъ силы и истины, исцѣляющимъ разслабленныхъ, а въ вашемъ показались мнѣ черты разслабленнаго, который самъ требуетъ исцѣленія. Вотъ почему я по своей вѣрѣ и не могъ исполнить ваше порученіе.

Душевно уважающій и преданный вамъ

К. Побѣдоносцевъ [1]).

Петербургъ, 15 іюня 1881 года.

Получивъ обратно письмо Л. Н—ча къ царю, Н. Н. Страховъ сдѣлалъ еще попытку довести его до свѣдѣнія государя, и черезъ профессора Константина Бестужева-Рюмина передалъ его великому князю Сергѣю Александровичу для передачи Александру III.

Л. Н—чу извѣстно, что оно было передано царю, но о дальнѣйшей судьбѣ его онъ ничего не знаетъ.

---

[1]) Архивъ Л. Н. Толстого.

ГЛАВА XVIII.

Личная и семейная жизнь Л. Н—ча начала восьмидесятыхъ годовъ.

Л. Н—чъ вступилъ въ 80-е годы обновленный душою, съ новымъ жизнепониманіемъ, съ новымъ взглядомъ на свой внутренній и на внѣшній, окружавшій его міръ. А міръ этотъ оставался все тотъ же, и потому столкновеніе съ нимъ стало неизбѣжно, и послѣдующая жизнь Л. Н—ча представляетъ цѣлый рядъ этихъ столкновеній, эпизодовъ борьбы съ міромъ, часто побѣды надъ нимъ и иногда отступленій; но онъ всегда съ самообладаніемъ переживаетъ эти удары и возвращается въ свое религіозное спокойствіе духа, съ теченіемъ времени все менѣе и менѣе нарушаемое.

Прежніе друзья его, члены его семьи и многіе общественные дѣятели не могли слѣдовать за нимъ по пути его развитія и продолжали относиться къ нему съ прежними интересами и требованіями и, видя равнодушіе его или отрицательное отношеніе къ нимъ, чувствовали боль, не находя участливаго отзыва въ любимомъ человѣкѣ и, смотря по высотѣ ихъ нравственнаго уровня, или внимательно прислушивались къ новымъ тонамъ его души, или переносили на него свою горечь и обвиняли его въ безсердечіи, безразличіи, квіетизмѣ, а болѣе легкомысленные и злонамѣренные поднимали вопросъ о состояніи его психики и о томъ, не слѣдуетъ ли оградить общество отъ его вреднаго вліянія?

Эта начертанная нами схема можетъ дать ключъ къ по-

ниманію многихъ событій изъ жизни Л. Н—ча и его окружающихъ въ 80-хъ годахъ и въ послѣдующее за ними время.

Тургеневъ былъ однимъ изъ тѣхъ, которые труднѣе многихъ другихъ могли понять происшедшую перемѣну во Львѣ Николаевичѣ, и когда онъ узналъ, что Л. Н—чъ написалъ сочиненіе на религіозную тему, онъ такъ выразился между прочимъ въ письмѣ къ Полонскому:

„Мнѣ очень жаль Толстого, а впрочемъ, какъ говорятъ французы, „Chacun a sa manière de tuer ses puces“ [1]).

И Тургеневъ продолжалъ заботливо (какъ старая нянька, какъ онъ самъ называлъ себя), распространять художественныя произведенія Л. Н—ча.

Въ своемъ письмѣ отъ 12 января 1880 г. Тургеневъ спѣшитъ сообщить Л. Н—чу восторженный отзывъ своего друга Флобера о его произведеніи:

„Любезнѣйшій Л. Н—чъ, переписываю для васъ съ дипломатической точностью отрывокъ изъ письма г. Флобера ко мнѣ; я ему посылалъ переводъ „Войны и мира“ (къ сожалѣнію, довольно блѣдноватый):

„Merci de m'avoir fait lire le roman de Tolstoï. C'est de premier ordre! Quel peintre et quel psychologue! Les deux premiers volumes sont sublimes; mais le troisième dégringole affreusement. Il se répète! et il philosophise! Enfin on voit le monsieur, l'auteur, et le Russe, tandis que jusque la on n'avait vu que la Nature et l'Humanité. Il me semble qu'il y a parfois des choses à la Shakespeare! Je poussais des cris d'amiration pendant cette lecture... et elle est longue! — Oui, c'est fort, bien fort“ [2]).

---

[1]) (Каждый по своему убиваетъ блохъ). Собраніе писемъ И. С. Тургенева, стр. 368.

[2]) Благодарю васъ за то, что дали мнѣ прочесть романъ Толстого. Это—вещь перваго сорта. Какой живописецъ и какой психологъ! Два первые тома великолѣпны, но третій ужасно слабѣетъ. Онъ повторяется и философствуетъ! Однимъ словомъ, виденъ онъ самъ, авторъ, да еще

„Полагаю, что en somme вы будете довольны.

„Война и миръ“ роздана мною здѣсь всѣмъ главнымъ критикамъ. Отдѣльной статьи еще не появлялось... но уже 300 экземпляровъ продано (всѣхъ прислано 500)“ [1]).

Однако успѣхъ „Войны и мира“ на французскомъ языкѣ далеко не оправдалъ ожиданія. Слава Толстого во Франціи создавалась постепенно и совершенно другими путями. Самъ И. С. Тургеневъ подробно разсказалъ причины малаго успѣха „Войны и мира“ въ Парижѣ на одномъ вечерѣ въ Петербургѣ, 4-го марта того же 1880 года. Разсказъ Тургенева былъ кѣмъ-то записанъ и напечатанъ въ „Русской Старинѣ“, откуда мы и заимствуемъ его.

„Вы спрашиваете, проникъ ли во французское общество и сдѣлался ли ему извѣстенъ романъ гр. Льва Толстого „Война и миръ“?

„Сочиненіе это, дѣйствительно, переведено и переведено вполнѣ хорошо на французскій языкъ одною личностью здѣшняго высшаго круга, но оно напечатано, къ сожалѣнію, въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ. Переводчица обратилась къ извѣстному издателю въ Парижѣ Гашету, чтобы тотъ позволилъ поставить его издательскую фирму на этомъ изданіи. Это сдѣлано было, конечно, хорошо, но затѣмъ Гашетъ указалъ переводчицѣ на необходимость, съ цѣлью „сдѣлать успѣхъ изданію“, распорядиться такъ, какъ обыкновенно распоряжаются во Франціи съ прочими книгами: экземпляровъ полтораста надо разослать въ разные газеты, журналы и обозрѣнія и нѣсколько десятковъ развезти болѣе извѣстнымъ критикамъ, затѣмъ до 2 тысячъ франковъ израсходовать на объявленія на послѣдней страницѣ крупнымъ шрифтомъ въ болѣе распространенныхъ газетахъ и 40% уступки сдѣлать книгопродавцамъ-издателямъ. Все это са-

---

русскій, тогда какъ до этого была видна природа и человѣчество. Мнѣ кажется, что есть шекспировскія мѣста. Я вскрикивалъ отъ восторга во время чтенія, а вѣдь оно долгое... Да, сильно, очень сильно.

[1]) Тамъ же, стр. 354.

мые обыкновенные пріемы издательскаго дѣла во Франціи, и только при выполненіи ихъ, при весьма точномъ выполненіи, дѣлается успѣхъ.

„Переводчица романа „Война и миръ“ нашла для себя стѣснительнымъ принять всѣ эти условія, и все ограничилось тѣмъ, что я экземпляровъ 30 развезъ болѣе знакомымъ мнѣ критикамъ и пріятелямъ, участвующимъ въ разныхъ изданіяхъ. Сомнѣваюсь, чтобы кто-нибудь изъ нихъ цѣликомъ прочелъ это произведеніе нашего славнаго писателя.

„Дѣло въ томъ, что французы не могутъ нынѣ себѣ представить романъ болѣе одного тома, а романъ „Война и миръ“ — представьте себѣ ихъ ужасъ — въ три или четыре тома.

„Флоберъ, прочитавъ два тома „Войны и мира“ и приступивъ къ третьему, объявилъ мнѣ, что онъ бросилъ, такъ какъ недоумѣваетъ, откуда явилась вся эта странная философія графа Льва Толстого. Тэнъ, человѣкъ весьма серьезный, труженикъ, имѣющій большое количество работы у себя, конечно, года черезъ два, черезъ три, пожалуй, и дастъ отзывъ объ этомъ романѣ, но вообще изъ нихъ, французскихъ писателей и публицистовъ, ни одинъ съ достаточнымъ вниманіемъ не прочиталъ да и не прочтетъ это превосходное сочиненіе“ [1]).

Мы съ своей стороны убѣждены, что извѣстность Л. Н—ча Толстого за границей создана не художественными его произведеніями, а религіозно-философскими, что и надѣемся показать въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Въ апрѣлѣ 1880 года Тургеневъ пріѣхалъ въ Россію и написалъ Л. Н—чу изъ Москвы, что намѣренъ посѣтить его въ Ясной на Ѳоминой недѣлѣ. Кромѣ желанія просто повидаться съ Л. Н—чемъ, у Тургенева было важное, дипломатическое порученіе. Въ этомъ году литературная Россія праздновала открытіе памятника Пушкину въ Москвѣ.

---

[1]) „Русская Старина“, 1883 г., октябрь, стр. 210.

И Тургеневъ, поклонникъ Пушкина, пріѣхалъ ради этого торжества въ Россію и принималъ дѣятельное участіе въ его устройствѣ.

Зная отрицательное отношеніе Л. Н—ча ко всякаго рода торжествамъ и юбилеямъ, комитетъ по устройству празднествъ порѣшилъ обставить какъ-нибудь особенно приглашеніе его на открытіе памятника Пушкину. И было предложено Тургеневу лично пригласить Льва Николаевича. Тургеневъ согласился, будучи убѣжденъ, что миссія его увѣнчается успѣхомъ.

Конечно, онъ былъ принятъ въ Ясной Полянѣ съ обычнымъ радушіемъ, его угощали охотой, и Иванъ Сергѣевичъ не ожидалъ, что надежда его не оправдается.

Но Л. Н—чъ наотрѣзъ отказался участвовать въ торжествѣ.

Зная душевное состояніе Л. Н—ча въ то время, мы легко можемъ понять причину этого отказа.

Но Тургенева этотъ отказъ такъ поразилъ, что когда послѣ пушкинскаго праздника Ѳ. М. Достоевскій собирался пріѣхать изъ Москвы къ Л. Н—чу и сталъ совѣтоваться объ этомъ съ Тургеневымъ, тотъ изобразилъ настроеніе Л. Н—ча въ такихъ краскахъ, что Достоевскій испугался и отложилъ исполненіе своей завѣтной мечты. И другого случая посѣтить Л. Н—ча Достоевскому не представилось, а въ слѣдующемъ году его уже не стало [1]).

Въ іюлѣ того же года Л. Н—чъ писалъ между прочимъ Фету:

„...Теперь лѣто и прелестное лѣто, и я, какъ обыкновенно, ошалѣваю отъ жизни и забываю свою работу. Нынѣшній годъ долго я боролся, но красота міра побѣдила меня. И я радуюсь жизни и больше почти ничего не дѣлаю“.

---

[1]) Литер. приложеніе „Нивы“, 1906 г. „Тургеневъ и Толстой“. П. А. Сергѣенко.

Осенью его критическая работа возобновилась. Въ августѣ его посѣтилъ Н. Н. Страховъ и такъ сообщаетъ своему другу Данилевскому объ этомъ посѣщеніи:

„...Въ Ясной Полянѣ, какъ всегда, идетъ сильнѣйшая умственная работа. Мы съ вами, вѣроятно, не сойдемся въ оцѣнкѣ этой работы, но я удивляюсь и покоряюсь ей, такъ что мнѣ даже тяжело. Толстой, идя своимъ неизмѣннымъ путемъ, пришелъ къ религіозному настроенію; оно отчасти выразилось въ концѣ „Анны Карениной". Идеалъ христіанина понятъ имъ удивительно, и странно, какъ мы проходимъ мимо Евангелія, не видя самаго прямого его смысла. Онъ углубился въ изученіе евангельскаго текста и многое объяснилъ въ немъ съ поразительною простотой и тонкостью. Очень боюсь, что по непривычкѣ излагать отвлеченныя мысли и вообще писать прозу онъ не успѣетъ изложить своихъ разсужденій кратко и ясно; но содержаніе книги, которую онъ составитъ, истинно великолѣпно" [1]).

Въ сентябрѣ Л. Н—чъ коротко извѣщаетъ Фета:

„...Что вашъ Шопенгауэръ? (переводъ). Я жду его съ большимъ интересомъ. Я очень много работаю".

Серьезное религіозное настроеніе Л. Н—ча того времени не совпадало съ настроеніемъ его семьи.

Зимой 3 февраля 1881 г. Соф. Андр. пишетъ своей сестрѣ:

„...Левочка совсѣмъ заработался, голова все болитъ, а оторваться не можетъ. Его и всѣхъ насъ ужасно поразила смерть Достоевскаго. Только-что сталъ такъ извѣстенъ и всѣми любимъ, какъ умеръ. Левочку это навело на мысль о его собственной смерти, и онъ сталъ какъ-то сосредоточеннѣе и молчаливѣе" [2]).

Въ тотъ же день Соф. Андр. пишетъ своему брату:

„...Если бы ты зналъ и слышалъ теперь Левочку. Онъ много измѣнился. Онъ сталъ христіанинъ самый искренній и твердый. Но онъ посѣдѣлъ, ослабъ здоровьемъ и сталъ

---

1) „Р. В.", 1901 г. Письмо 8-е, стр. 142.

2) Архивъ Т. А. Кузминской.

тише, унылѣе, чѣмъ былъ. Если бы ты теперь послушалъ его слова, вотъ когда вліяніе его было бы успокоительно твоей измученной душѣ".

Дневникъ Л. Н—ча того времени, или, вѣрнѣе, записная книжка, наполненъ бѣглыми замѣтками о разныхъ посѣтителяхъ Ясной Поляны, а также встрѣчаемыхъ имъ на своихъ прогулкахъ странникахъ, богомольцахъ, просителяхъ о разныхъ нуждахъ сосѣднихъ крестьянъ и изрѣдка о посѣтителяхъ круга его знакомыхъ. Эти замѣтки перемежаются личными разсужденіями и мыслями Л. Н—ча, отзывами о газетныхъ статьяхъ. Вотъ образцы этихъ замѣтокъ.

1-го мая. „Солдатъ старикъ изъ кантонистовъ, портной. „Богъ привелъ двухъ разстрѣлять".—Значитъ, законъ есть. Прежде засѣкали на смерть, а теперь нельзя. Такой законъ нашли".

5-го мая. „Вчера разговоръ съ В. И. о самарской жизни. Семья—это плоть. Бросить семью—это второе искушеніе—убить себя. Семья—одно тѣло. Но не поддавайся третьему искушенію, служи не семьѣ, но единому Богу. Указатель того мѣста на экономической лѣстницѣ, которое долженъ занимать человѣкъ. Она плоть, какъ для слабаго желудка нужна легкая пища, для избалованной семьи нужно больше, чѣмъ для привычной къ лишеніямъ".

6 мая. „Старикъ Рудаковскій. Улыбающіеся глаза и беззубый милый ротъ. Поговорили о богатствѣ. Не даромъ пословица: „деньги—адъ". Ходилъ Спаситель съ учениками. „Идите по дорогѣ, придутъ кресты, налѣво не ходите, тамъ адъ". Посмотрѣть, какой адъ. Пошли. Куча золотая лежитъ. „Вотъ, сказалъ адъ, а мы нашли кладъ". Пошли добывать подводу. Разошлись и думаютъ: дѣлить надо. Одинъ ножъ отточилъ, другой пышку съ ядомъ испекъ. Сошлись, одинъ пырнулъ ножомъ—убилъ, у него пышка выскочила,—онъ съѣлъ, оба пропали".

1 мая. „Былъ въ Тулѣ. Въ острогѣ 2-й мѣсяцъ сидятъ 15 человѣкъ калужскихъ мужиковъ за безпись менность. Ихъ бы

надо переслать въ Калугу и по мѣстамъ. 2-й мѣсяцъ не посылаютъ подъ предлогомъ, что въ калужскомъ замкѣ завозно".

15 мая. „Острогъ. Пашетъ одинъ весело. Смотритель на своей землѣ. Партію готовятъ. Бритые, въ кандалахъ. Воробьевскій, мужъ распутной жены. Старикъ 67 лѣтъ, злобный, „за поджогъ". Больной, чуть живой, хромой мальчикъ. За безписьменность: 114 человѣкъ. „Костюмъ плохъ и высылаютъ". Есть по 3 мѣсяца. Есть развращенные, есть простые, милые. Старикъ слабый, вышелъ изъ больницы. Огромная вошь на щекѣ.—Ссылаемые обществами. Ни въ чемъ не судимы два—ссылаются. Одинъ по жалобѣ жены, на 1500 р. имѣнья. Маленькій, былъ въ сумасшедшемъ домѣ, кривой въ припадкахъ. При насъ упалъ и сталъ биться. Высокій солдатъ, сидитъ 4 года. Годъ судился; на $1^1/_2$ года присужденъ, 1 г. 3 мѣс. набавка за то, что сказался мастеровымъ. Общество отказалось, и съ тѣхъ поръ ожидаетъ партіи 2 года. Каторжные двое, за драку и убійство. „Ни за что пропадаемъ". Плачетъ. Доброе лицо.

„Вонь ужасная.

„Вечеромъ. Писаревъ и Самаринъ. Самаринъ съ улыбочкой: „надо ихъ вѣшать". Хотѣлъ смолчать и не знать его, хотѣлъ вытолкать въ шею. Высказался. „Государство". Да мнѣ все равно, въ какія игрушки вы играете, только чтобы изъ игры зла не было".

21 мая. „Споръ. Таня, Сережа, Иванъ Михайловичъ. „Добро условное", т.-е. нѣтъ добра. Одни инстинкты".

22 мая. „Продолженіе разговора объ условности добра. Добро, про которое я говорю, есть то, которое считаешь хорошимъ для себя и для всѣхъ".

24 мая. „Ив. Ив. Рычаговъ, боцманъ—раненъ въ плечо въ 29 году, въ ногу, подъ Севастополемъ. Теперь хромаетъ 46 лѣтъ. Пошло ихъ 15 партій изъ Тульской губерніи по 500 человѣкъ, а вернулось 40 человѣкъ. Пороли на пушкѣ, линьками по 500. На мачтѣ въ 35 саженъ. Лѣстницъ ужъ нѣтъ, ногу завернешь, а руками работаешь. Когда буря—

намъ отдыхъ. Волна съ колокольню. Туда уйдетъ—опять лѣзетъ, какъ тараканъ на верхъ.—Теперь ходилъ съ товарищемъ. „Пойдемъ вмѣстѣ, зайдемъ къ брату". Зашли, а они голѣе его. Дала сестра рубаху, портки, холста. А онъ, какъ былъ въ моей рубахѣ, такъ и пропалъ. Далъ рубаху къ брату итти. И еще другая рубаха пропала".

28 мая. „Цѣлый день Фетъ".

29 мая. „Разговоръ съ Фетомъ и женой. Христіанское ученіе не исполнимо, такъ оно глупость? Нѣтъ, но не исполнимо. Да вы пробовали его исполнять? Нѣтъ, но не исполнимо".

8 іюня. „Ходилъ гулять. Плотники одоевскіе. Разсказъ о переселеніи, имѣніе Крассовскаго—Бобошино. Не хотѣлъ брать по 60 р. на дворъ. Согнали съ 4-хъ волостей 700 мужиковъ съ топорами, ломами, вилами. Велѣли ломать.—„Грѣхъ.—Что же дѣлать? велятъ; не станешь—прибьютъ". „Пускай прибьютъ, на нихъ, а не на тебѣ грѣхъ будетъ. Богъ велѣлъ терпѣть".—Оно такъ. Я, положимъ, не ломалъ. „Разставили по слободамъ, принялись ломать. Кто крышу роетъ, стропила. Косяки, окна косятъ. Печи ломаютъ. Мужики, человѣкъ 40, ушли на гору, смотрятъ. Старшина самъ перевезъ. Другіе, какъ начали ломать, сами взялись, чтобы не дуромъ ломали. Въ одномъ домѣ баба только въ ночь родила, да еще двойню. Оставили домъ. Начальство было: 1) членъ, 2) исправникъ, 3) становой, 4) урядники. Пуще всѣхъ урядники, такъ и снуютъ—ломай. И старшина".

Мы видимъ изъ этихъ краткихъ выписокъ, какое разнообразіе типовъ проходило передъ глазами и передъ душою Л. Н—ча. Вотъ, гдѣ онъ черпалъ матеріалъ для своихъ бытовыхъ картинъ.

Религіозныя сомнѣнія еще не улеглись въ немъ. Народная вѣра все еще привлекаетъ его вниманіе, и онъ съ увлеченіемъ изучаетъ народъ, ходитъ въ остроги, на постоялые

дворы, на волостные суды. Бесѣдуетъ подолгу съ просителями, вникая въ самыя мельчайшія подробности ихъ жизни и нужды. Многимъ изъ нихъ онъ оказываетъ посильную нравственную и матеріальную помощь.

Одной изъ такихъ экспедицій для изученія народной жизни было новое путешествіе въ Оптину пустынь, совершонное пѣшкомъ, въ сопровожденіи своего слуги, Сергѣя Петровича Арбузова, разсказавшаго объ этомъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Къ сожалѣнію, въ его описаніи есть много неточностей, и потому мы можемъ привести оттуда только наиболѣе вѣроятныя выдержки, пополняя эти свѣдѣнія изъ другихъ, болѣе достовѣрныхъ источниковъ.

Въ простой одеждѣ, въ лаптяхъ и съ сумками за плечами вышли три странника 10 іюля 1881 года изъ Ясной Поляны: Л. Н—чъ, его слуга Сергѣй Петровичъ Арбузовъ и Дмитрій Ѳедоровичъ, яснополянскій учитель.

На другой день изъ Крапивны Л. Н—чъ писалъ графинѣ Соф. Андр:

„Дошелъ хуже, чѣмъ я ожидалъ. Натеръ мозоли, поспалъ и здоровьемъ чувствую лучше, чѣмъ ожидалъ. Здѣсь купилъ чуни пенечныя, и въ нихъ пойдется легче. Пріятно, полезно и поучительно очень. Только бы далъ Богъ намъ свидѣться здоровыми всей семьей и чтобы не было дурного ни съ тобой, ни со мной, а то я никакъ не буду раскаиваться, что пошелъ. Нельзя себѣ представить, до какой степени ново, важно и полезно для души (для взгляда на жизнь) увидать, какъ живетъ міръ Божій большой, настоящій, а не тотъ, который мы устроили себѣ и изъ котораго не выходимъ, хотя бы объѣхали вокругъ свѣта. Дмитрій Ѳедоровичъ (яснополянскій учитель) идетъ со мной до Оптиной. Онъ тихій и услужливый человѣкъ. Ночевали мы въ Селивановѣ у богатаго мужика, бывшаго старшины, арендатора. Изъ Одоева напишу и изъ Бѣлева напишу. Я очень берегу себя и купилъ нынче винныхъ ягодъ для желудка. Если бы ты видѣла вчера на ночлегѣ дѣвочку Мишиныхъ лѣтъ, ты бы

ГРАФИНЯ С. А. ТОЛСТАЯ
ВЪ 1881 Г.

влюбилась въ нее: ничего не говоритъ и все понимаетъ и на все улыбается, и никто за ней не смотритъ. Главное, новое чувство—это сознавать себя и передъ собою и передъ другими только тѣмъ, что я есмь, а не тѣмъ, что я—вмѣстѣ съ своей обстановкой. Нынче мужикъ въ телѣгѣ обгоняетъ. „Дѣдушка, куда Богъ несетъ?"—„Въ Оптину".—„Что жъ, тамъ и жить останешься?"—И начинается разговоръ.

„Только бы тебя не разстраивали и большія и малыя дѣти. Только бы гости не были непріятны, только бы сама была здорова, только бы ничего не случилось, только бы... я дѣлалъ все хорошее и ты тоже, и тогда все будетъ хорошо".

Слѣдующее письмо было уже 12 іюня изъ села Мананки:

„Хотѣлъ писать изъ Одоева, но мы свернули на Мананки, оттуда я пишу теперь, отъ Владиміра Акимыча. Онъ насъ отлично принялъ. Я сейчасъ былъ у раскольниковъ. Менѣе интересно, чѣмъ я думалъ. Шли мы очень хорошо. Здоровье мое совсѣмъ укрѣпилось. Сплю и днемъ и ночью. Влад. Аким. настоялъ на томъ, чтобы подвезти насъ. Я пишу, у него полна комната народа, и потому письмо нескладно и коротко. Припишу еще въ Бѣлевѣ, коли успѣю. Дай Богъ, чтобы было у васъ все хорошо" [1]).

Описаніе пребыванія Л. Н—ча въ Оптиной пустынѣ мы заимствуемъ изъ разсказа С. П. Арбузова, какъ единственное дошедшее до насъ свидѣтельство и записанное съ достаточною, по нашему мнѣнію, достовѣрностью и съ наивнымъ юморомъ.

„Часовъ въ шесть вечера пришли въ Оптину пустынь. Звонилъ колокольчикъ на ужинъ; мы съ котомками за плечами вошли въ трапезную; насъ не пустили въ чистую столовую, а посадили ужинать съ нищими. Я посматривалъ на графа, но онъ нисколько не гнушался своими сосѣдями, кушалъ съ удовольствіемъ и пилъ квасъ, который ему очень понравился.

---

[1]) Архивъ гр. С. А. Толстой.

„Послѣ ужина пошли на ночлегъ въ гостиницу третьяго класса. Монахъ, видя, что мы обуты въ лапти, номера намъ не даетъ, а посылаетъ въ общую ночлежную избу, гдѣ всякая грязь и насѣкомыя.

„— Батюшка,—говорю я монаху,—вотъ вамъ рубль, только дайте номеръ.

„Онъ согласился и отвелъ намъ номеръ, при чемъ сказалъ, что насъ будетъ трое,—третій—сапожникъ изъ Болховскаго уѣзда. Я досталъ изъ котомки простыню и подушечку, приготовилъ графу постель на диванѣ; сапожникъ легъ на другомъ диванѣ, а я для себя постелилъ постель на полу недалеко отъ графа. Сапожникъ вскорѣ заснулъ и сильно захрапѣлъ, такъ что графъ вскочилъ съ испуга и сказалъ мнѣ:

„— Сергѣй, разбуди этого человѣка и попроси его не храпѣть.

„Я подошелъ къ дивану, разбудилъ сапожника и говорю:

„— Голубчикъ, вы очень храпите, моего старичка пугаете: онъ боится, когда въ одной комнатѣ съ нимъ человѣкъ спитъ и храпитъ.

„— Что же, прикажешь мнѣ изъ-за твоего старика всю ночь не спать?

„Не знаю почему, но послѣ этого онъ все-таки не храпѣлъ.

„На другой день мы встали часовъ въ десять, напились чаю. Я пошелъ къ обѣднѣ, а графъ посмотрѣть, какъ монахи косятъ, пашутъ и какъ занимаются ремесломъ. Одѣтъ онъ былъ въ кафтанъ и лапти.

„Вскорѣ откуда-то монахи узнали, что въ стѣнахъ ихъ обители находится гр. Левъ Николаевичъ Толстой. Они отъ имени архимандрита и отца Амвросія начали разыскивать его. Случайно встрѣтивъ меня, они спросили, кто со мной стоитъ въ гостиницѣ.

„— А вамъ кого нужно?

„— Графа Льва Николаевича.

„— Я его человѣкъ.

„Узнавъ отъ меня, во что онъ одѣтъ, они пошли разыскивать его, отыскали и просили къ архимандриту и отцу Амвросію. Графъ пришелъ въ гостиницу третьяго класса, гдѣ мы ночевали, и говоритъ мнѣ:

„— Сергѣй, коли меня узнали, дѣлать нечего, дай мнѣ сапоги и другую блузу, я переодѣнусь и пойду къ архимандриту и отцу Амвросію.

„Но не успѣлъ графъ переодѣться, какъ приходятъ два монаха, чтобы взять вещи графа и просить его въ первоклассную гостиницу, гдѣ все обито было бархатомъ. Графъ долго отказывался итти туда, но подъ конецъ все-таки рѣшился. Прежде чѣмъ пойти въ первоклассную гостиницу, онъ пошелъ посѣтить отца архимандрита. Я ждалъ его недалеко отъ кельи о. архимандрита. Графъ пробылъ тамъ часа два или три. О чемъ они разговаривали съ о. архимандритомъ, я не знаю, но, вѣроятно, о монастырской жизни. По выходѣ изъ кельи о. архимандрита графъ направился въ скитъ къ о. Амвросію. Я старался не выпускать Льва Николаевича изъ глазъ, чтобы сказать ему, что послѣ него я тоже пойду къ о. Амвросію. Я видѣлъ шаговъ за 200, какъ Левъ Николаевичъ вошелъ въ его келью. Онъ пробылъ тамъ часа 4. Я же, подойдя къ кельѣ, остановился у крыльца и видѣлъ, что здѣсь ожидаютъ увидѣть о. Амвросія человѣкъ двадцать или тридцать. Съ нѣкоторыми богомольцами я разговорился и спрашивалъ, сколько они здѣсь дней. Нѣкоторые говорили, что они здѣсь дней пять или шесть и каждый день бываютъ въ скиту у кельи о. Амвросія и не могутъ его видѣть и получить благословеніе. Я спросилъ, почему же о. Амвросій не можетъ ихъ принять. Говорятъ, это происходитъ не отъ отца Амвросія, а что о нихъ не докладываетъ келейникъ.

„Мы видимъ здѣсь богатыхъ купцовъ, пріѣзжихъ изъ Воронежа, Москвы, Петербурга, которые подойдутъ къ кельѣ, позвонятъ, келейникъ сейчасъ же отпираетъ дверь; они спрашиваютъ, можно ли имъ видѣть о. Амвросія. Келейникъ

разспрашиваетъ ихъ, кто они такіе. Они отвѣчаютъ, что они, напримѣръ, только-что пріѣхавшіе воронежскіе купцы. И келейникъ сейчасъ же проситъ ихъ къ о. Амвросію.

„Я разговорился съ однимъ человѣкомъ изъ Тулы, какимъ-то сыномъ діакона, окончившимъ пятый классъ семинаріи. На немъ были худые сапоги и какая-то казинетовая поддевочка. Онъ говорилъ, что хочетъ просить у о. Амвросія помощи, такъ какъ не на что дойти до Тулы и купить сапоги. Я старался не упустить, когда выйдетъ Левъ Николаевичъ, не рѣшаясь звониться во время его бесѣды съ о. Амвросіемъ. Левъ Николаевичъ вышелъ изъ кельи и, раздавъ милостыню всѣмъ подошедшимъ богомольцамъ и нищимъ, пошелъ по направленію къ той гостиницѣ, гдѣ ему былъ отведенъ номеръ. Я сейчасъ же позвонилъ въ дверь кельи. Келейникъ спросилъ, что мнѣ нужно. Я отвѣтилъ ему, что пришелъ получить благословеніе отъ о. Амвросія.

„— А вы кто будете?

„— Человѣкъ графа Льва Николаевича Толстого.

„Онъ доложилъ старцу, который меня сейчасъ же принялъ“ [1]).

Самъ Л. Н—чъ вспоминалъ, какъ онъ подошелъ къ книжной лавкѣ и поинтересовался узнать, какой духовной пищей снабжаютъ народъ оптинскіе монахи. Онъ засталъ у прилавка старушку, которая спрашивала Евангеліе. Монахъ отвѣчалъ, что у него есть гораздо лучше книжки, и подсовывалъ ей описаніе монастыря и чудеса угодниковъ. Л. Н—чъ вмѣшался въ разговоръ, добылъ Евангеліе и отдалъ старухѣ.

Отъ этого посѣщенія пустыни Л. Н—чъ вынесъ болѣе отрицательныхъ впечатлѣній, чѣмъ въ первый разъ. Бесѣда со старцемъ Амвросіемъ его не удовлетворила. Старецъ, слышавшій о его антицерковномъ направленіи, убѣждалъ его покаяться и подтверждалъ свои доводы текстомъ св. Писанія: „егда согрѣшишь, повѣждь Церкви“. Л. Н—чъ

---

[1]) С. П. Арбузовъ. „Восп. о Л. Н. Толстомъ“, стр. 90. Москва, 1904 г.

возражалъ, что такого текста нѣтъ, а есть другой: „если братъ твой согрѣшилъ тебѣ...“ Старецъ стоялъ на своемъ, и Л. Н—чъ вынулъ изъ кармана Евангеліе, указалъ старцу его ошибку. Старецъ нимало не смутился и перевелъ разговоръ на другое.

Только старецъ Пименъ, какъ и въ первый разъ, тронулъ Л. Н—ча своею простотою и наивностью: онъ былъ дѣйствительно человѣкомъ не отъ міра сего. Къ нему также лѣзли богомольцы, прося благословенія, и онъ видимо тяготился этимъ. Утромъ ему нужно было служить обѣдню. Воспользовавшись нѣкоторымъ промежуткомъ въ притокѣ богомольцевъ, онъ сталъ собираться въ церковь. Но, выйдя изъ своей кельи, онъ замѣтилъ вновь приближавшуюся къ его кельѣ партію богомольцевъ, тогда старецъ подобралъ полы своей рясы и бѣгомъ черезъ садъ бросился удирать отъ посѣтительницъ.

Л. Н—чъ послѣ этого также вскорѣ собрался въ обратный путь.

Возвращался Л. Н—чъ другой дорогой, черезъ Жиздру на Калугу, гдѣ сѣлъ на желѣзную дорогу и доѣхалъ до Тулы, откуда уже на своихъ лошадяхъ пріѣхалъ домой.

Въ Ясной Полянѣ снова потекла прежняя жизнь.

21 іюня онъ записываетъ въ дневникѣ о своихъ гостяхъ: „Бестужевы, два брата. Профессоръ—испорченный наукой. Былъ добрый. Теперь профессоръ, чиновникъ, писатель-славянофилъ и воспоминаніе о человѣкѣ. Бесѣда о вѣрѣ, объ убійствѣ на войнѣ. „Я не могу убить, но освободить народъ можетъ“, т.-е. сказать „пурдикъ“ и потомъ логика необязательна.

„Статья Хавэ поучительна. Ложная точка зрѣнія Ренана доведена Хавэ-де-Лоръ до абсурда“.

25 іюня. „10 человѣкъ странниковъ. Старикъ 68 лѣтъ, слѣпой, со старухой. Высокій, тонкій, живой. Похожъ на слѣ-

пого Болхина. Жалуется на мужиковъ—отняли землю, домъ (чтобы похоронить его) и долю въ проданномъ лѣсѣ. Разсказъ про хохловъ. Отъ деревни до деревни 40, 30 и 20 верстъ обыкновенно. Черезъ улицу кричатъ: „Заходи ночевать". Напоятъ, накормятъ и постелютъ. И на дорогу дадутъ. Продавать кусочки некому. Наши набрали, слѣпые, да раздвинули коноплю и бросили. У насъ нищеты страсть. Некому подавать. Я не продаю—сиротъ кормлю — не въ похвальбу сказать. Даромъ отдавать—жалко. Продай. Не продаю, вчера не ѣли и нынче не ѣли и нынче дѣло къ ужину. Плачетъ. Давай безменъ. Денегъ не взялъ. Разсказъ про хохла. Узналъ, что я темный, снялъ Пантелеймона. На колѣна, самъ плачетъ. Цѣлуй. Въ глаза..."

26, 27 іюня. „Очень много бѣднаго народа. Я больнешенекъ. Не спалъ и не ѣлъ сухого 6 сутокъ. Старался чувствовать себя счастливымъ. Трудно, но можно. Позналъ движеніе къ этому".

28 іюня. „Съ Сережей разговоръ, продолженіе вчерашняго, о Богѣ. Онъ и они думаютъ, что сказать: я не знаю этого, это нельзя доказать, это мнѣ не нужно, что это признакъ ума и образованія. Тогда какъ это признакъ невѣжества. „Я не знаю никакихъ планетъ, ни оси, на которой вертится земля, ни эклиптикъ какихъ-то непонятныхъ, не хочу это брать на вѣру, а вижу — ходитъ солнце и звѣзды какъ-то ходятъ". Да вѣдь доказать вращеніе земли и путь ея, и нутацію, и предвареніе равноденствія очень трудно и остается еще много неяснаго и, главное, трудно вообразимаго, но преимущественно то, что все сведено къ единству. Также и въ области нравственной и духовной — свести къ единству вопросы: что дѣлать, что знать, чего надѣяться. Надъ сведеніемъ ихъ къ единству бьется все человѣчество. И вдругъ разъединить все сведенное къ единству представляется людямъ заслугой, которой они хвастаются. — Кто виноватъ? Учили ихъ старательно обрядамъ и закону Божію, зная впередъ, что это не выдержитъ зрѣлости, учили множеству

знаній, ничѣмъ не связанныхъ. И остаются всѣ безъ единства, съ разрозненными знаніями и думаютъ, что это пріобрѣтеніе.

„Сережа призналъ, что онъ любитъ плотскую жизнь и вѣритъ въ нее. Я радъ ясной постановкѣ вопроса.

„Пошелъ къ Константину. Онъ недѣлю боленъ, бокъ, кашель. Теперь разлилась желчь. Курносенковъ былъ въ желчи. Кондратій умеръ желчью. Бѣдняки умираютъ желчью. Отъ скуки умираютъ. У бабы грудница есть, три дѣвочки есть, а хлѣба нѣтъ. За ягодами пошли. Печь топлена, чтобы не пусто было и грудная не икала. Константинъ повезъ послѣднюю овцу.

„Дома ждетъ Городенскій, косой, больной мужикъ. Его довезъ сосѣдъ. Стоитъ на пришпектѣ.

„У насъ обѣдъ огромный съ шампанскимъ. Тани наряжены. Пояса 5-рублевые на всѣхъ дѣтяхъ. Обѣдаютъ, а ужъ телѣга ѣдетъ на пикникъ, промежду мужицкихъ телѣгъ, везущихъ измученный работой народъ.

„Пошелъ къ нимъ, но ослабѣлъ.

На тѣхъ же дняхъ получилось письмо отъ Тургенева, который писалъ:

„Любезнѣйшій Л. Н—чъ, надѣюсь, что вы благополучно совершили ваше паломничество, и разсчитываю на исполненіе вашего обѣщанія навѣстить меня. Я недѣлю тому назадъ вернулся изъ Москвы, домъ приведенъ въ порядокъ, и я теперь никуда съ мѣста не тронусь. Не забудьте ваши сочиненія.

„Кланяюсь всѣмъ вашимъ и дружески жму вашу руку“.

Вѣроятно, Л. Н—чъ сейчасъ же отвѣтилъ на это письмо согласіемъ, такъ какъ черезъ нѣсколько дней получилось другое письмо отъ Тургенева такого содержанія:

„Любезнѣйшій Л. Н—чъ, вчера получилъ ваше письмо и очень порадовался вашему близкому посѣщенію, а также тому, что вы говорите о вашемъ чувствѣ ко мнѣ. Оно потому и хорошо, что общее, т.-е. одинаковое и въ васъ и

во мнѣ. Надѣюсь, что поѣздка графини будетъ удачная и что здоровье ваше скоро возстановится. Извѣстите меня о днѣ и часѣ вашего прибытія въ Мценскъ, чтобы выслать лошадей, и не забудьте привезти съ собой обѣщанныя сочиненія. Жму вашу руку" [1]).

3 іюля. Л. Н—чъ записываетъ въ дневникѣ:

„Я съ болѣзнью не могу справиться. Слабость и лѣнь и грусть. Необходима дѣятельность — цѣль — просвѣщеніе, исправленіе и соединеніе. Просвѣщеніе я могу направлять на другихъ. Исправленіе—на себя. Соединеніе—съ просвѣщенными и исправляющимися".

6 іюля. „Разговоръ съ К., В. И. и И. М. Революція экономическая не то, что можетъ быть, а не можетъ не быть. Удивительно, что ея нѣтъ".

---

9 іюля, исполняя свое обѣщаніе, Л. Н—чъ отправляется въ Спасское къ Тургеневу.

Заимствуемъ описаніе этого посѣщенія изъ статьи П. А. Сергѣенко: „Тургеневъ и Толстой".

„Получивши телеграмму о пріѣздѣ Л. Н—ча Толстого, Тургеневъ заволновался. Онъ былъ необыкновенно гостепріимный хозяинъ, и пріѣздъ гостей всегда наполнялъ его душу молодымъ оживленіемъ. Распорядившись о высылкѣ лошадей на станцію Мценскъ, согласно полученной телеграммѣ, Тургеневъ и жившіе въ Спасскомъ Полонскіе ждали автора „Войны и мира" на другой день. Но произошла ошибка.

„Былъ поздній часъ ночи, и въ домѣ уже всѣ спали. Я. Полонскій, писавшій за своимъ столомъ, услышалъ на дворѣ лай собакъ, свистъ и чьи-то шаги.

„Я поглядѣлъ въ окно,—разсказываетъ онъ,—но въ безлунномъ мракѣ, съ черными признаками чего-то похожаго на кусты, ничего нельзя было разглядѣть. Я опять сѣлъ пи-

---

[1]) Собраніе писемъ Тургенева, стр. 281.

сать и слышу, что кто-то мимо дома прошелъ по саду. Прислушиваюсь—топотъ лошади. Удивляюсь и недоумѣваю. Затѣмъ въ домѣ послышался чей-то неясный голосъ. Я подумалъ, это бредитъ кто-нибудь изъ дѣтей моихъ. Иду въ дѣтскую—опять слышу голосъ, но уже явственный, и узнаю голосъ Ивана Сергѣевича. Вижу—горитъ свѣча, и какой-то мужикъ, въ блузѣ, подпоясанный ремнемъ, сѣдой и смуглый, разсчитывается съ другимъ мужикомъ. Всматриваюсь и не узнаю. Мужикъ поднимаетъ голову, глядитъ на меня вопросительно и первый подаетъ голосъ: „Это вы, Полонскій?“ Тутъ только я призналъ въ немъ графа Л. Н—ча Толстого.

Оказалось, что Л. Н—чъ спуталъ дни, принялъ среду за четвергъ и послалъ телеграмму, которая вовсе не обязывала Ивана Сергѣевича посылать за нимъ экипажъ. Л. Н. Толстой по желѣзной дорогѣ пріѣхалъ въ Мценскъ, не нашелъ тургеневскихъ лошадей и нанялъ ямщика свезти его въ Спасское. Ямщикъ долго ночью плуталъ и только къ часу ночи кое-какъ добрался до Спасскаго.

„Тургеневъ тоже еще не ложился спать. Удивленіе и радость его были велики. Началась оживленная бесѣда и продолжалась до 3-хъ часовъ пополуночи.

„Тургеневъ иногда до того волновался, что весь какъ бы наливался кровью. Особенно краснѣли у него уши и шея. Но Л. Н. Толстой на этотъ разъ хотя и отстаивалъ свои взгляды съ твердостью, но и въ тонѣ его, и въ манерѣ держать себя было уже нѣчто новое для Я. Полонскаго, не встрѣчавшагося съ авторомъ „Войны и мира“ болѣе 20 лѣтъ. Полонскаго поразила въ Л. Толстомъ какая-то особенная мягкость и подкупающая простота въ обращеніи.

„— Я видѣлъ его,—говорилъ Полонскій,—какъ бы перерожденнымъ, проникнутымъ иною вѣрою, иною любовью.

„Л. Н. Толстой передъ этимъ ходилъ пѣшкомъ на богомолье въ Оптину пустынь въ крестьянскомъ платьѣ. И онъ много разсказывалъ въ Спасскомъ о своемъ путешествіи. Былъ между прочимъ Л. Н—чъ и у раскольниковъ и видѣлъ

одну раскольничью богородицу, при чемъ въ ея работницѣ нашелъ, къ не малому своему удивленію, очень подвижную, граціозную и поэтическую дѣвушку, блѣдно-худощавую, съ маленькими бѣлыми руками и тонкими пальцами.

„— Никому изъ насъ,— говорилъ Я. Полонскій, — графъ не навязывалъ своего образа мыслей и спокойно выслушивалъ возраженія Ивана Сергѣевича. Однимъ словомъ, это былъ уже не тотъ графъ, какимъ я когда-то въ молодости знавалъ его.

„Въ Спасскомъ Л. Н. пробылъ около двухъ сутокъ.

„Послѣ отъѣзда Л. Н. Толстого въ Спасское пріѣхала М. Г. Савина. И хотя Тургеневъ, какъ почитатель Савиной и какъ любезнѣйшій изъ хозяевъ, охваченъ былъ заботами о своей гостьѣ, но образъ Л. Н. Толстого, видимо, не разсѣивался въ его душѣ. Тургеневъ часто говорилъ о немъ съ кроткимъ и любовнымъ чувствомъ, а какъ о писателѣ отзывался даже съ восторженностью. Однажды онъ вышелъ къ своимъ гостямъ съ книгой въ рукѣ и мастерски прочелъ вслухъ изъ „Войны и мира“, какъ мимо Багратіона шли въ сраженіе съ французами два баталіона 6-го егерскаго полка.

„...Они еще не поровнялись съ Багратіономъ, а ужъ слышенъ былъ тяжелый, грузный шагъ, отбиваемый въ ногу массой людей...“

„Тургеневъ дочиталъ всю эту главу до конца съ видимымъ увлеченіемъ и когда кончилъ, поднялъ голову и проговорилъ:

— „Выше этого описанія я ничего не знаю ни въ одной изъ современныхъ литературъ. Вотъ это—описаніе. Вотъ какъ должно описывать...

„Всѣ согласились съ нимъ. Но Тургеневъ все еще восторженно доказывалъ, какъ высоко-художественно это описаніе...“ [1]).

Л. Н. въ своемъ дневникѣ дѣлаетъ такую замѣтку о своемъ пребываніи у Тургенева:

---

[1]) П. А. Сергѣенко. „Тургеневъ и Толстой“. Литературное приложеніе „Нивы“, 1906 г.

9, 10 іюля. „У Тургенева. Милый Полонскій, спокойно занятый живописью и писаніемъ, неосуждающій и бѣдный — спокойный. Тургеневъ боится имени Бога, а признаетъ Его. Но тоже наивно-спокойный. Въ роскоши и праздности жизни“ [1]).

Поводомъ къ поѣздкѣ въ самарское имѣніе были хозяйственныя дѣла. Но Л. Н.—чъ уже не могъ заниматься ими со спокойной совѣстью. Онъ постоянно видѣлъ контрастъ богатства и бѣдности, праздности и труда. И не будучи въ состояніи отдаться второму, онъ не могъ съ увлеченіемъ продолжать и перваго и томился и искалъ исхода. Это настроеніе часто проглядываетъ въ его замѣткахъ и письмахъ того времени. Напр.:

16 іюля. „Ходилъ и ѣздилъ смотрѣть лошадей. Несносная забота. Праздность. Стыдъ.

17 іюля. „Нынче хочу писать и работать.

2 іюля. „Павловской бабы мужъ умеръ въ острогѣ и сынъ отъ голода. Дѣвочку отпоили молокомъ. Патровскій бывшій пастухъ, нищета. Бѣлый и сѣдой.

Разговоръ съ А. А. о господахъ тѣхъ, которые за землю стоятъ, и тѣхъ, которые за раздачу. Орлова-Давыдова крестьянинъ. По десятинѣ на душу. На квасъ не хватаетъ, а у него 49 тысячъ десятинъ.

Графинѣ С. А. онъ пишетъ 24 іюля:

„. . . Ожиданія дохода самыя хорошія. Одно было бы грустно, если бы нельзя было помогать хоть немного, это то, что много бѣдныхъ по деревнямъ, и бѣдность робкая, сама себя не знающая“.

На это С. А. отвѣчала ему 30 іюля:

„Хозяйство тамъ пусть идетъ, какъ налажено, я не желаю ничего перемѣнять. Будутъ убытки, но къ нимъ ужъ не привыкать; будутъ большія выгоды, то деньги могутъ уйти

---

[1]) Архивъ Л. Н. Толстого.

и не достаться ни мнѣ, ни дѣтямъ, если ихъ раздать. Во всякомъ случаѣ ты знаешь мое мнѣніе о помощи бѣднымъ: тысячи самарскаго и всякаго бѣднаго народонаселенія не прокормишь, а если видишь и знаешь такого-то или такую-то, что они бѣдны, что нѣтъ хлѣба или нѣтъ лошади, коровы, избы и пр., то дать все это надо сейчасъ же, удержаться нельзя, чтобы не дать, потому что жалко и потому что такъ надо" [1]).

Повидимому, взаимнаго пониманія у нихъ по этому вопросу не было.

Духовный интересъ Л. Н—ча во время его пребыванія въ Самарской губерніи удовлетворялся сближеніемъ съ самарскими сектантами, молоканами, субботниками и др.

20 іюля онъ пишетъ графинѣ С. А.:

„... Нынче я съ Василіемъ Ивановичемъ (воскресенье) провелъ цѣлый день въ Патровкѣ, на молоканскомъ собраніи, обѣдѣ, и на волостномъ судѣ, и опять на молоканскомъ собраніи. Въ Патровкѣ мы нашли Пругавина (онъ пишетъ о расколѣ). Очень интересный и степенный человѣкъ. Весь день провелъ очень интересно. На собраніи была бесѣда объ Евангеліи. Есть умные люди и удивительные по своей смѣлости" [2]).

А въ дневникѣ своемъ онъ дѣлаетъ такую замѣтку объ этомъ днѣ:

20 іюля. „Воскресенье. У молоканъ моленье. Жара. Платочкомъ потъ утираютъ. Сила голосовъ, шеи карія, корявыя какъ терки. Поклоны. Обѣдъ: 1) холодное, 2) крапивныя щи, 3) баранина вареная, 4) лапша, 5) орѣшки, 6) баранина жареная, 7) огурцы, 8) лапшинникъ, 9) медъ.

„Утромъ бѣдная женщина, грубая, плачетъ съ ребенкомъ, Гавриловская.

„Волостной судъ. 1) Сапоги снялъ съ татарина. 2) Молоканъ ищетъ на работникѣ пшеницу.

---

[1]) Архивъ гр. С. А. Толстой.

[2]) Тамъ же.

„Я тебѣ туда затру“, хохотъ. Присудили православные въ пользу молоканина. Староста пьяный. Могарычи губятъ. Молоканская бесѣда. О пяти заповѣдяхъ. „Спаси Господи“. Живое участіе“.

Молокане пріѣзжали ко Льву Н—чу, и онъ о нихъ записываетъ:

22 іюля. „Молокане. Я читалъ свое. Горячо слушаютъ. Толкованіе 6-й главы прекрасно. Чудо хананеянки: бѣснующаяся—заблудшая. Истиной исцѣлялъ“ [1]).

Объ этомъ же онъ сообщаетъ въ письмѣ къ С. А. 24 іюля:

„Интересны молокане въ высшей степени. Былъ я у нихъ на моленіи, присутствовалъ при ихъ толкованіи Евангелія и принималъ участіе, и они пріѣзжали и просили меня толковать, какъ я понимаю; и я читалъ имъ отрывки изъ моего изложенія; и серьезность, и интересъ, и здравый, ясный смыслъ этихъ полуграмотныхъ людей—удивительны. Былъ я въ Гавриловкѣ у Субботнина. Тоже очень интересно. Вообще впечатлѣній за эту недѣлю даже слишкомъ много“.

Въ слѣдующемъ письмѣ онъ пишетъ С. А.:

„... Вчера былъ у меня старикъ пустынникъ, онъ живетъ въ лѣсу по Бузулукской дорогѣ. Онъ самъ мало интересенъ и пріятенъ. Но интересенъ тѣмъ, что онъ былъ одинъ изъ мужиковъ, которые 40 лѣтъ тому назадъ поселились въ Бузулукѣ на горѣ и завели тотъ огромный монастырь, который мы видѣли. Я записалъ его исторію“.

Въ то же время Л. Н—ча беретъ забота о домѣ, о женѣ, о трудахъ, несомыхъ ею въ его отсутствіе, и вотъ 24 августа онъ пишетъ ей нѣжное письмо:

„Ты нынче выѣзжаешь въ Москву. Ты не повѣришь, какъ меня мучаетъ мысль о томъ, что ты черезъ силу работаешь, и раскаяніе въ томъ, что я мало (вовсе) не помогалъ тебѣ.

„Вотъ уже на это кумысъ былъ хорошъ, чтобы заставить

---

[1]) Архивъ Л. Н. Толстого.

меня спуститься съ той точки зрѣнія, съ которой я невольно, увлеченный своимъ дѣломъ, смотрѣлъ на все. Я теперь иначе смотрю. Я все то же думаю и чувствую, но я излѣчился отъ заблужденія, что другіе люди могутъ и должны смотрѣть на все, какъ я. Я много передъ тобой былъ виноватъ, душенька, безсознательно, невольно виноватъ, ты знаешь это, но виноватъ.

„Оправданіе мое въ томъ, что для того, чтобы работать съ такимъ напряженіемъ, съ какимъ я работалъ, и сдѣлать что-нибудь, нужно забыть все. И я слишкомъ забывалъ о тебѣ и каюсь. Ради Бога и любви нашей какъ можно береги себя. Откладывай больше до моего пріѣзда, я все сдѣлаю съ радостью и сдѣлаю недурно, потому что буду стараться“.

Еще интереснѣе слѣдующее письмо 6-го августа:

„... Хозяева наши такъ же неусыпно и естественно добры. Сейчасъ (утро) вошла Лиза. „Что ты?“—„А, вы тутъ? А я хотѣла подмести, убрать“. А у нихъ еще и нянька ушла, бросила ихъ, и одна кухарка на всѣ дѣла. Что ты пишешь въ одномъ письмѣ, что мнѣ вѣрно такъ хорошо въ этой средѣ, что о домѣ и своемъ бытѣ я буду думать съ неудовольствіемъ. Это какъ разъ наоборотъ. Все больше и лучше думаю о васъ. Ничто не можетъ доказать яснѣе невозможность жизни по идеалу, какъ жизнь Бибикова съ семьей и Василія Ивановича. Люди они прекрасные и всѣми силами, всей энергіей стремятся къ самой лучшей, справедливой жизни, а жизнь и семья стремятся въ свою сторону, и выходитъ среднее. Со стороны мнѣ видно, какъ это среднее хотя и хорошо, какъ далеко отъ ихъ цѣли. То же переносишь на себя и поучаешься довольствоваться среднимъ. То же среднее въ молоканствѣ, то же среднее въ народной жизни, особенно здѣсь. Только бы Богъ донесъ насъ благополучно ко всѣмъ вамъ благополучнымъ, и ты увидишь, какой я въ твоемъ смыслѣ стану паинька“ [1]).

---

[1]) Архивъ гр. С. А. Толстой.

А въ Ясной между тѣмъ шла своя жизнь, какъ всегда, мѣшая горе съ весельемъ.

Вотъ что пишетъ С. А. объ одномъ странномъ посѣтителѣ:

„У насъ живетъ какой-то казакъ чудной, пріѣхавшій изъ Старогладовской станицы, Ѳедоръ Епишкинъ, племянникъ, ровесникъ тебѣ. Онъ пріѣхалъ съ Кавказа верхомъ, на рыжей лошади, въ красномъ башлыкѣ и мѣховой шапкѣ, съ медалями и орденами, сѣдой, сухой и страшный болтунъ, ломается, рисуется и несимпатичный. Онъ говоритъ, что ѣдетъ къ Государю проситься на службу въ конвой. „Гдѣ одного нашего убили", какъ онъ выражается. „Хочу третьему Царю служить, я двумъ служилъ". Онъ ходилъ къ Алексѣю Степановичу, и у нихъ шелъ оживленный разговоръ о разныхъ кавказскихъ воспоминаніяхъ и общихъ знакомыхъ.

„Вчера ѣздили мы кататься и двѣ Тани верхомъ, а казакъ въ красномъ башлыкѣ ихъ кавалеромъ, на своей лошади. Странный былъ coup d'oeil

„Лошадь смирная, ручная, какъ собака, и онъ на нее поочередно всѣхъ дѣтей сажалъ".

Должно быть, Л. Н—чъ остался въ Самарской губ. дольше, чѣмъ думалъ, такъ какъ терпѣніе С. А. истощилось, и въ слѣдующемъ письмѣ ея ко Л. Н—чу отъ 6-го августа слышится уже упрекъ.

Но вотъ С. А. узнаетъ, что Л. Н—чъ задумалъ новое художественное произведеніе, и тонъ письма становится нѣжный и радостный.

„Какимъ радостнымъ чувствомъ меня охватило вдругъ,— пишетъ С. А., — когда я прочла, что ты хочешь писать опять въ поэтическомъ родѣ.

„Ты почувствовалъ то, чего я давно жду и желаю. Вотъ въ чемъ спасенье, радость, вотъ на чемъ мы съ тобой опять соединимся, что утѣшитъ тебя и освѣтитъ нашу жизнь. Эта работа настоящая, для нея ты созданъ и внѣ этой сферы нѣтъ мира твоей душѣ. Я знаю, что насиловать ты себя не

можешь, но дай Богъ тебѣ этотъ проблескъ удержать, чтобы разрослась въ тебѣ опять эта искра Божія. Меня въ восторгъ эта мысль приводитъ“ [1]).

Получивъ предыдущее строгое письмо, Л. Н—чъ немедленно выѣхалъ изъ самарскаго хутора, чтобы скорѣе вернуться въ Ясную Поляну.

Дорогой онъ между прочимъ записываетъ:

16 августа. „Въ Ряжскѣ убитъ машиной. Каждый мѣсяцъ—человѣкъ. Всѣ машины къ чорту, если „человѣкъ“.

---

17 августа онъ вернулся домой, и мечты его объ участіи въ общей семейной жизни сразу разлетѣлись. Самарская жизнь всегда была дорога Л. Н—чу своей первобытной простотой, и, окунувшись въ нее, снова испытавъ ея прелесть, Л. Н—чъ еще сильнѣе почувствовалъ тотъ невыносимый ему тонъ праздности и роскоши, который охватывалъ порою Ясную Поляну. Тамъ былъ въ это время съѣздъ гостей и готовился любительскій спектакль. И въ дневникѣ Л. Н—ча появляется мрачная запись:

18 августа. „Театръ. Пустой народъ. Изъ жизни вычеркнуты дни 19, 20, 21“.

22 августа Л. Н—ча снова посѣтилъ Тургеневъ, который, увлекшись общимъ безшабашнымъ весельемъ собравшейся молодежи, къ удивленію всѣхъ, протанцовалъ въ залѣ парижскій канканъ.

Въ этотъ день въ дневникѣ Л. Н—ча появилась краткая запись:

„Тургеневъ—cancan. Грустно. Встрѣча народа на дорогѣ радостная“.

Все это время у Л. Н—ча было тяжело на душѣ. Семья его собиралась на зиму въ городъ, и это очень безпокоило его, но противиться этому онъ не чувствовалъ въ себѣ силы.

---

[1]) Архивъ С. А. Толстой.

1 сентября онъ поѣхалъ въ Пирогово къ брату. 2-го вернулся оттуда и пишетъ въ дневникѣ:

„Умереть часто хочется. Работа не забираетъ“.

Въ половинѣ сентября 1881 года вся семья Толстого перебралась въ Москву и поселилась въ Денежномъ переулкѣ.

Для Л. Н—чъ это было большое испытаніе.

5 октября онъ пишетъ въ своемъ дневникѣ:

„Прошелъ мѣсяцъ. Самый мучительный въ моей жизни. Переѣздъ въ Москву. Всѣ устраиваются, когда же начнутъ жить? Все не для того, чтобы жить, а для того, что такъ люди. Несчастные. И нѣтъ жизни.

„Вонь, камни, роскошь, нищета, развратъ. Собрались злодѣи, ограбившіе народъ, набрали солдатъ, судей, чтобы оберегать ихъ оргіи, и—пируютъ. Народу больше нечего дѣлать, какъ, пользуясь страстями этихъ людей, выманивать у нихъ назадъ награбленное. Мужики на это ловчѣе. Бабы дома, мужики трутъ полы и тѣла въ баняхъ и ѣздятъ извозчиками“.

Читатель, прочтя этотъ крикъ наболѣвшаго сердца, быть-можетъ, спроситъ: какъ же относились къ этому близкіе, любящіе его люди?

Вотъ выписка изъ письма графини Софьи Андреевны, человѣка несомнѣнно близкаго и любящаго его, къ ея сестрѣ:

14 октября 1881 года, Москва.

„... Завтра мѣсяцъ какъ мы тутъ, и я никому ни слова не писала. Первыя двѣ недѣли я ежедневно плакала, потому что Левочка впалъ не только въ уныніе, но даже въ какую-то отчаянную апатію. Онъ не спалъ и не ѣлъ, самъ à la lettre плакалъ иногда, и я думала, просто, что я съ ума сойду. Ты бы удивилась, какъ я тогда измѣнилась и похудѣла. Потомъ онъ поѣхалъ въ Тверскую губ., видѣлся тамъ съ старыми знакомыми, Бакуниными (домъ либерально-художественно-земско-литературный), потомъ ѣздилъ тамъ въ деревню къ какому-то раскольнику, христіанину, и когда вернулся, тоска его стала меньше. Теперь онъ наладился за-

ниматься во флигелѣ, гдѣ нанялъ себѣ двѣ маленькія, тихія комнатки за 6 руб. въ мѣсяцъ, потомъ уходитъ на Дѣвичье поле, переѣзжаетъ рѣку на Воробьевы горы и тамъ пилитъ и колетъ дрова съ мужиками. Ему это здорово и весело".

Мы приводимъ здѣсь эти факты и эти документы, воздерживаясь отъ комментарій и отъ суда надъ людьми живущими, не считая себя въ правѣ дѣлать это и предоставляя это исторіи [1]).

Къ этому же времени относится слѣдующее замѣчательное письмо, написанное имъ своему другу, В. И. Алексѣеву, оставшемуся въ Самарѣ:

„Спасибо вамъ за хорошее письмо, дорогой В. И.! Мы какъ будто забываемъ, что любимъ другъ друга. Я не хочу этого забывать—не хочу забывать того, что я вамъ во многомъ обязанъ въ томъ спокойствіи и ясности моего міросозерцанія, до котораго я дошелъ. Я васъ узналъ, перваго человѣка (тронутаго образованіемъ) не на словахъ, а въ сердцѣ исповѣдующаго ту вѣру, которая стала яснымъ и непоколебимымъ для меня свѣтомъ. Это заставило меня вѣрить въ возможность того, что смутно всегда шевелилось въ душѣ. И поэтому вы какъ были, такъ и останетесь всегда дороги. Смущаетъ меня неясность, непослѣдовательность вашей жизни, смущаетъ ваше предпослѣднее письмо, полное заботъ мірскихъ, но я самъ такъ недавно былъ переполненъ ими и до сихъ поръ такъ плохъ въ своей жизни, что мнѣ пора знать, какъ сложно переплетается жизнь съ прошедшими соблазнами, и что дѣло не во внѣшнихъ формулахъ, а въ вѣрѣ. И мнѣ радостно думать, что у насъ съ вами вѣра одна.

---

[1]) Въ объясненіе подобныхъ отношеній семьи ко Л. Н—чу можно сказать одно: что семья переѣхала въ Москву для того, чтобъ не оставить въ городѣ одинокимъ старшаго сына Сергѣя, выросшаго въ деревнѣ и только-что поступившаго въ университетъ, и для того, чтобъ продолжать учить слѣдующихъ дѣтей, къ воспитанію которыхъ такъ охладѣлъ Л. Н.

Примѣчаніе гр. С. А. при просмотрѣ рукописи.

„О моихъ предположеніяхъ собирать долги и на эти деньги учредить что-нибудь для пользы людей долженъ сказать, что все это пустяки, даже хуже чѣмъ пустяки, это—дурное тщеславіе. Одно смягчающее мою вину и объясняющее обстоятельство это то, что я дѣлалъ это для своихъ, для своей семьи. Изъ денегъ, разумѣется, кромѣ зла (какъ и вы пишите), едва ли что-нибудь выйдетъ, но для моей семьи—это начало того, къ чему я тяну постоянно—отдать то, что есть, не для того, чтобы сдѣлать добро, а чтобы быть меньше виноватымъ.

„То, что мои доводы малоубѣдительны, я очень хорошо знаю. Ошибаюсь ли я или нѣтъ, но я думаю, что я могу сдѣлать ихъ неопровержимыми для всякаго человѣка логическаго, разсуждающаго; но я убѣдился, что убѣждать логически не нужно. Я пережилъ уже эту эпоху. То, что я писалъ и говорилъ, достаточно для того, чтобы указать путь; всякій ищущій самъ найдетъ, и найдетъ лучше и больше и свойственнѣе себѣ доводы, но дѣло въ томъ, чтобы показать путь. Теперь же я убѣдился, что показать путь можетъ только жизнь, — примѣръ жизни. Дѣйствіе этого примѣра очень небыстро, очень неопредѣленно (въ томъ смыслѣ, что, думаю, никакъ не можешь знать, на кого оно подѣйствуетъ), очень трудно. Но оно одно даетъ толчокъ. Примѣръ—доказательство возможности христіанской, т.-е. разумной и счастливой, жизни при всѣхъ возможныхъ условіяхъ; это одно двигаетъ людей и это одно нужно и мнѣ и вамъ, и давайте помогать другъ другу это дѣлать. Пишите мнѣ, и будемте какъ можно правдивѣе другъ передъ другомъ. Обнимаю васъ и всѣхъ вашихъ“.

Съ переѣздомъ семьи въ городъ начинается новый образъ жизни Л. Н—ча, являются новыя связи съ людьми. Мы разскажемъ объ этомъ въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА XIX.

Жизнь Л. Н—ча въ Москвѣ въ началѣ 80-хъ годовъ.

Въ послѣднемъ приведенномъ нами отрывкѣ изъ письма графини къ ея сестрѣ она говоритъ, что Л. Н—чъ посѣтилъ „какого-то раскольника-христіанина". Въ дневникѣ его того времени есть короткая запись:

„Былъ въ Торжкѣ у Сютаева. Утѣшенье".

Мы полагаемъ, что читателю извѣстна эта замѣчательная личность [1]). Мы ограничиваемся здѣсь нѣкоторыми свѣдѣніями, сообщенными намъ самимъ Л. Н—чемъ объ этомъ посѣщеніи. Узнавъ еще въ Самарѣ отъ Пругавина о Сютаевѣ и его сынѣ, отказавшемся отъ воинской повинности и отбывавшемъ наказаніе въ шлиссельбургскомъ дисциплинарномъ батальонѣ, Л. Н—чъ задумалъ посѣтить отца.

Онъ поѣхалъ къ тверскимъ помѣщикамъ Бакунинымъ, своимъ давнишнимъ знакомымъ, отъ имѣнія которыхъ деревня Сютаева – Шавелино находится въ 8—9 верстахъ. Бакунины мало интересовались сектантствомъ и едва слышали о Сютаевѣ. Л. Н—чъ поѣхалъ къ нему и засталъ его дома. Сютаевъ тогда устраивалъ „общину" изъ своей семьи. Онъ разсказывалъ, что у нихъ не только недѣленое хозяйство,

---

[1]) Мы отсылаемъ желающихъ познакомиться съ нею къ прекрасному очерку А. С. Пругавина: „Сютаевцы", помѣщенному въ книгѣ: „Религіозные отщепенцы", вып. I, Москва, 1906 г. Изданіе „Посредника".

но даже бабьи сундуки общіе. На невѣсткѣ Сютаева былъ надѣтъ платокъ. Л. Н—чъ спросилъ: „Ну, а платокъ у тебя свой?“ желая провести границу между общимъ и личнымъ имуществомъ. „А вотъ и нѣтъ,— отвѣчала невѣстка, — платокъ не мой, а матушкинъ, свой не знаю куда задѣвала“. Сютаевъ водилъ Л. Н—ча къ своему единомышленнику, бывшему солдату, за котораго онъ выдалъ свою дочь. Вотъ какъ разсказывалъ Сютаевъ о свадьбѣ своей дочери: „Когда порѣшили и собрались вечеромъ, я имъ далъ наставленіе, какъ жить, потомъ постлали имъ постель, положили ихъ спать вмѣстѣ и потушили огонь, вотъ и вся свадьба“.

Сютаевъ пасъ деревенское стадо. Онъ добровольно избралъ эту должность, потому что жалѣлъ скотину, и говорилъ, что у другихъ пастуховъ скотинѣ бываетъ плохо, а онъ водилъ ее по хорошимъ мѣстамъ и наблюдалъ, чтобы она была и сыта и напоена. Сютаевъ запрягъ лошадку въ телѣгу, чтобы проводить Л. Н—ча до Бакунина. Кнута для понуканія лошади Сютаевъ не употреблялъ. Они ѣхали и разговаривали и такъ были увлечены мечтами о наступленіи Царства Божія на землѣ, что не замѣтили, какъ лошадь завезла ихъ въ оврагъ, телѣга опрокинулась, и они оба вывалились, къ счастью, безъ большого вреда для обоихъ. Намъ придется еще разъ вернуться къ разсказу объ этомъ крестьянинѣ-мудрецѣ.

Въ это время Л. Н—чъ познакомился еще въ Москвѣ съ одной замѣчательной личностью, Николаемъ Ѳедоровичемъ Ѳедоровымъ, библіотекаремъ Румянцевскаго музея, теперь уже умершимъ. Л. Н—чъ записываетъ о немъ въ дневникѣ:

„Николай Ѳедоровичъ—святой. Каморка. „Исполнять? это само собою разумѣется“. Не хочетъ жалованья. Нѣтъ бѣлья, нѣтъ постели“.

Николай Ѳедоровичъ, по разсказамъ близко знавшихъ его, спалъ на пачкахъ старыхъ журналовъ. Потребности его были доведены до минимума, работоспособность необыкновенная. Обладая сильною памятью, онъ былъ живой каталогъ

и всегда съ особенною любезностью и стараніемъ давалъ библіографическія указанія всѣмъ обращавшимся къ нему, участливо вникая въ самую суть работы занимавшихся въ библіотекѣ.

Особенность его христіанскихъ, религіозныхъ взглядовъ состояла въ вѣрѣ въ какое-то научно-мистическое безсмертіе.

Эта личность заслуживаетъ внимательнаго изученія, и мы очень совѣтуемъ лицамъ, близко знавшимъ его, собрать о его жизни возможно больше матеріала.

Еще укажемъ на близкаго тогда ко Л. Н—чу человѣка, учителя желѣзнодорожнаго училища, Владимира Ѳедоровича Орлова, поражавшаго Л. Н—ча своимъ духовнымъ, художественнымъ толкованіемъ евангельскихъ текстовъ въ самомъ радикальномъ христіанскомъ духѣ.

Обо всѣхъ этихъ людяхъ Л. Н—чъ съ радостью сообщаетъ своему другу В. И. Алексѣеву, и это письмо, давая краткую характеристику первыхъ друзей Л. Н—ча по вѣрѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ изображаетъ въ яркихъ краскахъ и душевную борьбу, которую онъ переживалъ въ Москвѣ:

„Спасибо вамъ, дорогой Василій Ивановичъ, за письмо ваше. Думаю я о васъ безпрестанно и люблю васъ очень. Вы недовольны собой, что же мнѣ-то сказать про себя? Мнѣ очень тяжело въ Москвѣ. Больше двухъ мѣсяцевъ я живу и все такъ же тяжело. Я вижу теперь, что я зналъ про все то, про всю громаду соблазновъ, въ которыхъ живутъ люди, но не вѣрилъ имъ, не могъ представить ихъ себѣ, какъ вы знали, что есть Кавказъ по географіи, но узнали его только, когда пріѣхали въ него. И громада этого зла подавляетъ меня, приводитъ въ отчаяніе, вселяетъ недовѣріе, удивляетъ меня,—какъ же никто не видитъ этого? Можетъ-быть, и мнѣ нужно было это, чтобы яснѣе найти свой честный путь въ жизни. Представляется прежде всего одно изъ двухъ: или опустить руки и страдать бездѣятельно, предаваясь отчаянію, или помириться со зломъ, затуманивать себя

винтомъ, пустомельемъ, суетой. Но, къ счастью, я послѣдняго не могу, а первое слишкомъ мучительно, и я ищу выхода. Выходъ представляется мнѣ одинъ: проповѣдь печатная и изустная. Но тутъ тщеславіе, гордость и, можетъ-быть, самообманъ, и боишься его. Другой выходъ — дѣлать добро людямъ, но тутъ огромность числа несчастныхъ подавляетъ. Не такъ какъ въ деревнѣ, гдѣ складывается кружокъ естественный. Единственный выходъ, который я вижу изъ этого,—жить хорошо, всегда ко всѣмъ поворачиваться доброй стороной, но этого я все еще не умѣю дѣлать, какъ вы. Вспоминаю о васъ, когда обрываюсь на этомъ. Рѣдко могу быть такимъ — я горячъ, сержусь, негодую и недоволенъ собою. Есть и здѣсь люди. И мнѣ далъ Богъ сойтись съ двумя: Орловъ одинъ, другой, и главный,—Николай Ѳедоровичъ Ѳедоровъ. Это библіографъ Румянцевской библіотеки. Помните, я вамъ разсказывалъ. Они составили планъ общаго дѣла всего человѣчества, имѣющаго цѣлью воскресеніе всѣхъ людей во плоти. Во-первыхъ, это не такъ безумно, какъ кажется. Не бойтесь, я не раздѣляю его взглядовъ, но я такъ понялъ ихъ, что чувствую себя въ силахъ защитить эти взгляды передъ всякимъ другимъ вѣрованіемъ, имѣющимъ внѣшнюю цѣль; во-вторыхъ, и главное, благодаря этому вѣрованію онъ по жизни самый чистый христіанинъ. Когда я ему говорю объ исполненіи Христова ученія, онъ говоритъ: „да, это разумѣется“, и я знаю, что онъ исполняетъ его. Ему 60 лѣтъ, онъ нищій, все отдаетъ, всегда веселъ и кротокъ. Орловъ—пострадавшій, 2 года сидѣлъ по дѣлу Нечаева, и болѣзненный, тоже аскетъ по жизни и кормитъ 9 душъ и живетъ хорошо. Онъ учитель въ желѣзнодорожной школѣ. Соловьевъ здѣсь, но онъ головной. Еще былъ я у Сютаева, тоже христіанинъ и на дѣлѣ. Книгу мою—„Краткое изложеніе“—читали и Орловъ и Ѳедоровъ и мы единомышленники съ Сютаевымъ во всемъ, до малѣйшихъ подробностей. Ну, казалось бы, хорошо. Кромѣ того, пишу разсказы, въ которыхъ хочу выразить мои мысли.

Казалось бы хорошо, но нѣтъ спокойствія. Торжество равнодушія, приличія, привычность зла и обмана давятъ. Сижу все дома, утромъ пытаюсь работать, плохо идетъ. Часа въ 2—3 иду за Москву рѣку пилить дрова. И когда есть сила и охота подняться, это освѣжаетъ меня, придаетъ силы, видишь жизнь настоящую и хотя прыжкомъ въ нее окунешься и освѣжишься. Но когда не хожу (тому назадъ недѣли три я ослабѣлъ и пересталъ ходить, и совсѣмъ было опустился), раздраженіе, тоска. Вечеромъ сижу дома и одолѣваютъ гости. Хоть и интересные, но пустые разговоры, и теперь хочу затвориться отъ нихъ. Перечелъ письмо и вижу, что оно ужасно безтолково, но боюсь, не сумѣю написать лучше, и посылаю. Напишу непремѣнно получше въ другой разъ. Пишите, пожалуйста, почаще".

Въ то же время Л. Н—чъ продолжаетъ сношеніе и со своимъ старымъ другомъ Н. Н. Страховымъ. Къ сожалѣнію, мы не могли достать писемъ Л. Н—ча къ Страхову за этотъ періодъ. Но въ нашемъ распоряженіи есть письмо Страхова къ Л. Н—чу, которое интересно и само по себѣ, а также и по тому отношенію Л. Н—ча къ Страхову, которое легко выясняется изъ этого письма. Вотъ это письмо, отъ 29 ноября 1881 года:

„Получилъ ваше письмо, безцѣнный Левъ Николаевичъ, и нашелъ въ немъ то самое, что ожидалъ, тотъ упрекъ, который мнѣ слышался въ вашемъ молчаніи и который я такъ часто самъ себѣ дѣлаю. Этотъ упрекъ смущаетъ меня передъ вами и тревожитъ мою совѣсть постоянно. Почему я понимаю ваши чувства, но не раздѣляю ихъ? Буду говорить какъ на исповѣди. Потому, что у меня нѣтъ такой силы чувства, какъ у васъ, не хочу и насиловать себя или прикидываться, а гдѣ же я возьму ту беззавѣтность, ту горячность, съ которою вы чувствуете, которыми одарено ваше сердце? Будьте снисходительны ко мнѣ, не отталкивайте меня изъ-за этой разницы. Ваше отвращеніе къ міру я его знаю, потому что и самъ испытываю его, но испыты-

ваю въ той легкой степени, въ которой оно не душитъ и не мучитъ, но и привязанности къ міру у меня никакой нѣтъ; если же есть какая, то я стараюсь теперь уничтожить ее, оборвать послѣднія ниточки. Постоянно я думаю объ этомъ, и мнѣ кажется, сдѣлалъ нѣкоторые успѣхи; не буду вамъ разсказывать, такъ какъ они еще малы и, можетъ-быть, и тѣ обманчивы. На усилія, на крутые повороты я не способенъ, но знаю, что, постоянно держась одной мысли, одного пути, могу дойти до чего-нибудь хорошаго. Я сталъ несравненно спокойнѣе, чѣмъ былъ, и все благодаря вамъ и чтенію монашескихъ книгъ. Правда, это спокойствіе безпрестанно нарушается, и опять приходится бороться, но колебанія эти далеко не такъ мучительны, какъ бывало.

„Любить людей—Боже мой, какъ это сладко! И въ слабой степени я испытываю это чувство, я знаю его по опыту, но нѣтъ у меня силы и въ этомъ, какъ и во всемъ другомъ. И всѣ лучшія чувства, какія я нахожу въ себѣ, я всѣ ихъ берегу, воспитываю въ себѣ, держусь за нихъ, но не въ моей власти дать имъ порывъ и огонь. Такова моя натура и такова моя судьба, жизнь сложилась сообразно съ этими свойствами. Не будьте же строго требовательны ко мнѣ, я вамъ обязанъ, вѣроятно, лучшими минутами своей жизни, смотрите не на то одно, что во мнѣ дурное, а и на то, что можно найти хорошаго. А впрочемъ, наставьте меня, я васъ охотно слушаюсь, вы сами знаете.

Вашъ всей душою

Н. Страховъ“ [1]).

Въ январѣ 1882 года Москва готовилась къ трехдневной переписи, назначенной на 23, 24 и 25 января. Льву Николаевичу пришло на мысль воспользоваться переписью, при которой счетчиками и ихъ руководителями будетъ обнаружена вся московская нищета, и предложить этимъ людямъ

[1]) Архивъ В. Г. Черткова.

изъ московскаго интеллигентнаго общества не прерывать завязаннаго такимъ образомъ общенія, а продолжать его и увлечь другихъ для братской любовной помощи городской нуждѣ.

И онъ написалъ извѣстную статью „О переписи". Все, что онъ испыталъ, распространяя, читая и печатая эту статью, онъ самъ разсказалъ въ своей книжкѣ „Такъ что же намъ дѣлать?", откуда мы и заимствуемъ этотъ вполнѣ автобіографическій разсказъ.

„Составивъ себѣ этотъ планъ, — говоритъ Л. Н—чъ,— я написалъ объ этомъ статью и прежде еще, чѣмъ отдать ее въ печать, пошелъ по знакомымъ, отъ которыхъ надѣялся получить содѣйствіе. Всѣмъ, кого я видалъ въ этотъ день (я обращался особенно къ богатымъ), я говорилъ одно и то же, почти то же, что я написалъ въ статьѣ; я предлагалъ воспользоваться переписью для того, чтобы узнать нищету въ Москвѣ и помочь ей и дѣломъ и деньгами и сдѣлать такъ, чтобы бѣдныхъ не было въ Москвѣ и мы, богатые, съ спокойной совѣстью могли бы пользоваться привычными намъ благами жизни. Всѣ слушали меня внимательно и серьезно, но при этомъ со всѣми безъ исключенія происходило одно и то же.

„Всѣ соглашались, но соглашались, какъ мнѣ казалось, не вслѣдствіе моего убѣжденія и не вслѣдствіе своего желанія, а вслѣдствіе какой-то внѣшней причины, не позволявшей не соглашаться. Я замѣтилъ это уже и по тому, что ни одинъ изъ обѣщавшихъ мнѣ свое содѣйствіе деньгами, ни одинъ самъ не опредѣлилъ сумму, которую онъ намѣренъ дать, такъ что я самъ долженъ былъ опредѣлить ее и спрашивалъ: „такъ я могу разсчитывать на васъ до 300 или 200, или 100, или 25 руб.?" и ни одинъ не далъ денегъ. Я отмѣчаю это потому, что когда люди даютъ деньги на то, чего сами желаютъ, то обыкновенно торопятся дать деньги. На ложу Сарры Бернаръ сейчасъ даютъ деньги въ руки, чтобы закрѣпить дѣло. Здѣсь же, изъ всѣхъ тѣхъ, которые

соглашались дать деньги и выражали свое сочувствіе, ни одинъ не предложилъ сейчасъ же дать деньги, но только молчаливо соглашались на ту сумму, которую я опредѣлилъ".

Л. Н—чъ описываетъ далѣе посѣщеніе одного великосвѣтскаго салона и продолжаетъ такъ:

„Вернувшись домой въ этотъ день, я легъ спать не только съ предчувствіемъ, что изъ моей мысли ничего не выйдетъ, но со стыдомъ и сознаніемъ того, что цѣлый этотъ день я дѣлалъ что-то очень гадкое и стыдное. Но я не оставилъ этого дѣла. Во-первыхъ, дѣло было начато, и ложный стыдъ помѣшалъ бы мнѣ отказаться отъ него; во-вторыхъ, не только успѣхъ этого дѣла, но самое занятіе имъ давало мнѣ возможность продолжать жизнь въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ я жилъ; неуспѣхъ же подвергалъ меня необходимости отреченія отъ своей жизни и исканія новыхъ путей жизни. А этого я боялся безсознательно. И я не повѣрилъ внутреннему голосу и продолжалъ начатое.

„Отдавъ въ печать свою статью, я прочелъ ее въ корректурѣ въ думѣ. Я прочелъ ее, краснѣя до слезъ и запинаясь: такъ мнѣ было неловко. Такъ же неловко было, я видѣлъ, и всѣмъ слушателямъ. На вопросъ мой, по окончаніи чтенія, о томъ, принимаютъ ли руководители переписи мое предложеніе оставаться на своихъ мѣстахъ для того, чтобы быть посредниками между обществомъ и нуждающимися, произошло неловкое молчаніе. Потомъ два оратора сказали рѣчи. Рѣчи эти какъ бы поправили неловкость моего предложенія: выражено было мнѣ сочувствіе, но указано было на неприложимость моей всѣми одобряемой мысли. Всѣмъ стало легче. Но когда я потомъ, все-таки желая добиться своего, спрашивалъ у руководителей порознь, согласны ли они при переписи изслѣдовать нужды бѣдныхъ и оставаться на своихъ мѣстахъ, чтобы служить посредниками между бѣдными и богатыми, имъ всѣмъ опять стало неловко. Какъ будто они взглядами говорили мнѣ: вѣдь вотъ

смазали изъ уваженія къ тебѣ твою глупость, а ты опять лѣзешь съ нею? Такое было выраженіе ихъ лицъ, но на словахъ они сказали мнѣ, что согласны, и двое изъ нихъ, каждый порознь, какъ будто сговорились, одними и тѣми же словами сказали: „Мы считаемъ себя нравственно обязанными это сдѣлать". То же самое впечатлѣніе произвело мое сообщеніе и на студентовъ-счетчиковъ, когда я имъ говорилъ о томъ, что мы во время переписи, кромѣ цѣлей переписи, будемъ преслѣдовать и цѣль благотворительности. Когда мы говорили про это, я замѣчалъ, что имъ совѣстно смотрѣть мнѣ въ глаза, какъ совѣстно смотрѣть въ глаза доброму человѣку, говорящему глупости. Такое же впечатлѣніе произвела моя статья на редактора газеты, когда я отдалъ ему статью, на моего сына, на мою жену, на самыхъ разнообразныхъ людей. Всѣмъ почему-то становилось неловко, но всѣ считали необходимымъ одобрить самую мысль, и всѣ тотчасъ послѣ этого одобренія начинали высказывать свои сомнѣнія въ успѣхѣ и начинали почему-то (но всѣ безъ исключенія) осуждать равнодушіе и холодность нашего общества и всѣхъ людей, очевидно, кромѣ себя.

„Въ глубинѣ души я продолжалъ чувствовать, что все это не то, что изъ этого ничего не выйдетъ, но статья была напечатана, и я взялся участвовать въ переписи; я затѣялъ дѣло, и дѣло само ужъ затянуло меня".

Въ своей книгѣ, озаглавленной: „Такъ что же намъ дѣлать?", Л. Н—чъ съ неподражаемой искренностью разсказываетъ свои неудачные опыты благотворительности.

Чтобы не приводить цѣликомъ всѣхъ этихъ главъ, составляющихъ страницы изъ жизни самого Л. Н—ча, мы разскажемъ вкратцѣ ихъ содержаніе.

Ему былъ назначенъ по его просьбѣ участокъ Хамовнической части, у Смоленскаго рынка, по Проточному переулку, между береговымъ проѣздомъ и Никольскимъ переулкомъ. Въ этомъ участкѣ находятся дома, называемые вообще Ржановъ домъ, или Ржановская крѣпость.

Въ первый разъ Л. Н—чъ пошелъ туда за нѣсколько дней до переписи одинъ, чтобы лучше оріентироваться потомъ. Онъ сразу окунулся во всю нужду, царствовавшую тамъ, и тогда же ясно созналъ, какъ трудно-неисполнимо задуманное имъ дѣло.

„Я, какъ ни странно это сказать,—говоритъ Л. Н—чъ,—въ первый разъ ясно понялъ, что дѣло, которое я затѣвалъ, не можетъ состоять въ томъ только, чтобы накормить и одѣть тысячу людей, какъ бы можно было накормить и загнать подъ крышу 1000 барановъ, а должно состоять въ томъ, чтобы сдѣлать доброе людямъ. И когда я понялъ, что каждый изъ этой тысячи людей такой же точно человѣкъ, съ такими же страстями, соблазнами, заблужденіями, съ такими же мыслями, такими же вопросами, такой же человѣкъ, какъ и я, то затѣянное мною дѣло вдругъ представилось мнѣ такъ трудно, что я почувствовалъ свое безсиліе. Но дѣло было начато, и я продолжалъ его“.

Затѣмъ, въ назначенные дни переписи Л. Н—чъ со студентами-счетчиками, назначенными въ его распоряженіе, внимательно и добросовѣстно обошелъ всѣ грязные углы ужасной Ржановской крѣпости, и въ то время какъ счетчики дѣлали свое дѣло, опрашивая и записывая нужныя имъ статистическія данныя, Л. Н—чъ старался разспросами со своей стороны разузнать степень и подробности нужды и дѣлалъ замѣтки о возможной и предполагаемой помощи.

Собранный имъ такимъ образомъ матеріалъ далъ возможность ему раздѣлить всѣхъ нуждающихся на три разряда, именно:

1) Люди, потерявшіе свое прежнее положеніе и ожидающіе возвращенія къ нему (такіе люди были и изъ низшаго и изъ высшаго сословія), потомъ распутныя женщины, которыхъ очень много въ этихъ домахъ, и третій отдѣлъ—дѣти. Больше всѣхъ онъ нашелъ и записалъ людей перваго разряда. Пришлось бы перепечатывать здѣсь всю книгу, если бы желать разсказать всѣ яркія картины, переданныя

въ ней Л. Н—чемъ. Мы скажемъ только, что всѣ его попытки помощи ни къ чему не привели, лишь раскрыли передъ нимъ во всемъ своемъ ужасѣ язвы нашего общественнаго строя.

Послѣдній обходъ былъ ночью. Л. Н—чъ такъ разсказываетъ о немъ:

„Мы пріѣхали въ темный трактиръ, подняли половыхъ и стали разбирать свои папки. Когда намъ объявили, что народъ узналъ объ обходѣ и уходитъ изъ квартиръ, мы попросили хозяина запереть ворота и сами ходили на дворъ уговаривать уходившихъ людей, увѣряя ихъ, что никто не спроситъ ихъ билетовъ. Помню странное и тяжелое впечатлѣніе, произведенное на меня этими встревоженными ночлежниками: оборванные, полураздѣтые, они всѣ мнѣ казались высокими при свѣтѣ фонаря въ темнотѣ двора; испуганные и страшные въ своемъ испугѣ, они стояли кучкой около вонючаго нужника, слушали наши увѣренія и не вѣрили намъ: очевидно, они готовы были на все, какъ травленный звѣрь, чтобы только спастись отъ насъ. Господа въ разныхъ видахъ: и какъ полицейскіе, городскіе и деревенскіе, и какъ слѣдователи, и какъ судьи, всю жизнь травятъ ихъ и по городамъ, и по деревнямъ, и по дорогамъ, и по улицамъ, и по трактирамъ, и по ночлежнымъ домамъ, и теперь вдругъ эти господа пріѣхали и заперли ворота только затѣмъ, чтобы считать ихъ; имъ этому такъ же трудно было повѣрить, какъ зайцамъ тому, что собаки пришли не ловить, а считать ихъ. Но ворота были заперты, и встревоженные ночлежники вернулись, мы же, раздѣлившись на группы, пошли. Впереди насъ, во мракѣ, шелъ Ваня въ пальто и бѣлыхъ штанахъ съ фонаремъ, а за нимъ и мы. Шли мы въ знакомыя мнѣ квартиры. Помѣщенія были мнѣ знакомы, нѣкоторые люди тоже, но большинство людей было новое, и зрѣлище было новое и ужасное, еще ужаснѣе того, которое я видѣлъ у Ляпинскаго дома. Ужасно было зрѣлище по тѣснотѣ, въ которой жался этотъ народъ, и по смѣ-

шенію женщинъ съ мужчинами. Всѣ женщины, не мертвецки пьяныя, спали съ мужчинами. Многія женщины съ дѣтьми на узкихъ койкахъ спали съ чужими мужчинами. Ужасно было зрѣлище по нищетѣ, грязи, оборванности и испуганности этого народа. И, главное, ужасно по тому огромному количеству людей, которые были въ этомъ положеніи. Одна квартира и потомъ другая такая же, и третья, и десятая, и двадцатая, и нѣтъ имъ конца. И вездѣ тотъ же смрадъ, та же духота, тѣснота, то же смѣшеніе половъ, тѣ же пьяные до одурѣнія мужчины и женщины, и тотъ же испугъ, покорность и виновность на всѣхъ лицахъ, и мнѣ стало опять совѣстно и больно, какъ въ Ляпинскомъ домѣ, и я понялъ, что то, что я затѣвалъ, было гадко, глупо и потому невозможно. И я уже никого не записывалъ и не спрашивалъ, зная, что изъ этого ничего не выйдетъ".

Приведемъ здѣсь еще одинъ эпизодъ изъ переписи, по словамъ самого Л. Н—ча имѣвшій большое вліяніе на ходъ его мыслей и чувствъ.

Въ концѣ января въ Москву пріѣхалъ Василій Кирилловичъ Сютаевъ и посѣтилъ Л. Н—ча. Объ одномъ изъ посѣщеній его такъ разсказываетъ графиня С. А. въ письмѣ къ своей сестрѣ отъ 30 января 1882 года:

„... Вчера былъ у насъ чопорный вечеръ: была кн. Голицына и дочь ея съ мужемъ, была Самарина съ дочерью, Мансуровъ молодой, Хомякова, Свербѣевы, и пр., и пр. Вечера подобные очень скучны, но помогло присутствіе мужика-раскольника Сютаева, о которомъ вся Москва теперь говоритъ и возятъ его повсюду, а онъ проповѣдуетъ вездѣ. О немъ есть статья въ „Русской Мысли" Пругавина. Дѣйствительно, онъ замѣчательный старикъ. Вотъ онъ началъ проповѣдывать въ кабинетѣ, всѣ и переползли изъ гостиной туда, и вечеръ тѣмъ закончился.

„... Какая бездна и какое разнообразіе народа бываетъ у насъ,—пишетъ Соф. Андр. въ томъ же письмѣ:—и литераторы, и живописцы" (Рѣпинъ писалъ одновременно съ

Таней въ кабинетѣ портретъ Сютаева), le grand monde, нигилисты, и кого, кого еще я не видаю!“

А самъ Л. Н—чъ разсказываетъ объ одномъ изъ свиданій съ Сютаевымъ въ Москвѣ слѣдующее:

„Это было въ самый разгаръ моего самообольщенія. Я сидѣлъ у моей сестры, и у нея же былъ Сютаевъ, и сестра разспрашивала меня про мое дѣло. Я разсказывалъ ей и, какъ это всегда бываетъ, когда не вѣришь въ свое дѣло, я съ большимъ увлеченіемъ, жаромъ и многословіемъ разсказывалъ ей и то, что я дѣлаю, и то, что можетъ выйти изъ этого; я говорилъ все: какъ мы будемъ призрѣвать сиротъ, старыхъ, высылать изъ Москвы обѣднѣвшихъ здѣсь деревенскихъ, какъ будемъ облегчать путь исправленія развратнымъ, какъ, если только это дѣло пойдетъ, въ Москвѣ не будетъ человѣка, который бы не нашелъ помощи. Сестра сочувствовала мнѣ, и мы говорили. Среди разговора я взглядывалъ на Сютаева. Зная его христіанскую жизнь и значеніе, которое онъ придаетъ милосердію, я ожидалъ отъ него сочувствія и говорилъ такъ, чтобы онъ понялъ: я говорилъ сестрѣ, а обращалъ свою рѣчь больше къ нему. Онъ сидѣлъ неподвижно въ своемъ черной дубки тулупчикѣ, который онъ, какъ и всѣ мужики, носилъ и на дворѣ, и въ горницѣ, и какъ будто не слушалъ насъ, а думалъ о своемъ. Маленькіе глазки его не блестѣли, а какъ будто обращены были въ себя. Наговорившись, я обратился къ нему съ вопросомъ, что онъ думаетъ про это.

„— Да все пустое дѣло,—сказалъ онъ.

„— Отчего?

„— Да вся ваша эта община пустая, и ничего изъ этого добра не выйдетъ,—съ убѣжденіемъ повторилъ онъ.

„— Какъ не выйдетъ? Отчего же пустое дѣло, что мы поможемъ тысячамъ, хоть сотнямъ несчастныхъ? Развѣ дурно по-евангельски голаго одѣть, голоднаго накормить?

„— Знаю, знаю, да не то вы дѣлаете. Развѣ такъ помогать можно? Ты идешь, у тебя попроситъ человѣкъ 20 коп. Ты

ВАС. КИРИЛ. СЮТАЕВЪ.

ему дашь. Развѣ это милостыня? Ты дай ему духовную милостыню, научи его. А это что же ты далъ? Только, значитъ, отвяжись.

„— Нѣтъ, да вѣдь мы не про то. Мы хотимъ узнать нужду и тогда помогать и деньгами и дѣломъ. И работу найти.

„— Да ничего этому народу такъ не сдѣлаете.

„— Такъ какъ же, имъ такъ и умирать съ голода и холода?

„— Зачѣмъ умирать? Да много ли ихъ тутъ?

„— Какъ много ли ихъ?—сказалъ я, думая, что онъ такъ легко смотритъ на это потому, что не знаетъ, какое огромное количество этихъ людей.

„— Да ты знаешь ли?—сказалъ я,—ихъ въ Москвѣ, этихъ голодныхъ, холодныхъ, я думаю, тысячъ 20. А въ Петербургѣ и по другимъ городамъ?—Онъ улыбнулся.

„— Двадцать тысячъ. А дворовъ у насъ въ Россіи въ одной сколько? Милліонъ будетъ?

„— Ну, такъ что же?

„— Что жъ?—И глаза его заблестѣли, и онъ оживился.— Ну, разберемъ ихъ по себѣ. Я не богатъ, а сейчасъ двоихъ возьму. Вонъ малаго-то ты взялъ на кухню: я его звалъ къ себѣ, онъ не пошелъ. Еще десять разъ столько будь, всѣхъ по себѣ разберемъ. Ты возьмешь, да я возьму. Мы и работать пойдемъ вмѣстѣ: онъ будетъ видѣть, какъ я работаю, будетъ учиться, какъ жить, и за чашку вмѣстѣ за однимъ столомъ сядемъ, и слово онъ отъ меня услышитъ и отъ тебя. Вотъ это милостыня, а то это ваша община совсѣмъ пустая.

„Простое слово это поразило меня. Я не могъ не сознать его правоту, но мнѣ казалось тогда, что, несмотря на справедливость этого, все-таки можетъ быть полезнымъ и то, что я началъ. Но чѣмъ дальше я велъ это дѣло и чѣмъ больше я сходился съ бѣдными, тѣмъ чаще мнѣ вспоминалось это слово и тѣмъ больше оно получало для меня значенія“ [1]).

---

[1]) „Такъ что же намъ дѣлать?“ стр. 71, изд. Посредника.

Увидавъ всю несостоятельность своихъ благотворительныхъ плановъ, Л. Н. рѣшилъ прекратить эту дѣятельность.

Раздавъ оставшіяся у него на рукахъ деньги, Л. Н—чъ уѣхалъ въ Ясную Поляну.

„Раздраженный на другихъ, какъ это всегда бываетъ, за то, что я самъ дѣлалъ глупое и дурное дѣло,—говоритъ онъ въ своей книгѣ.—Благотворительность моя сошла на нѣтъ и совсѣмъ прекратилась, но ходъ мыслей и чувствъ, который она вызвала во мнѣ, не только не прекратился, но внутренняя работа пошла съ удвоенною силой".

И тамъ въ уединеніи Л. Н—чъ продолжалъ свою критическую работу.

Онъ пишетъ оттуда С. А—нѣ:

„...Я думаю, что лучше, спокойнѣе мнѣ нигдѣ бы не могло быть. Ты вѣчно въ домѣ и въ заботахъ семьи не можешь чувствовать ту разницу, которая составляетъ для меня городъ и деревня.

„Впрочемъ, нечего говорить и писать въ письмѣ; я объ этомъ самомъ пишу теперь, и ты прочтешь яснѣе, если удастся написать. Главное зло города для меня и для всѣхъ людей мысли (о чемъ я не пишу)—это то, что безпрестанно приходится или спорить, опровергать ложныя сужденія или соглашаться съ ними безъ спора, что еще хуже. А спорить и опровергать пустяки и ложь—самое праздное занятіе и ему конца нѣтъ, потому что лжей можетъ быть и есть безчисленное количество. А занимаешься этимъ и начинаешь воображать, что это дѣло, а это самое большое бездѣлье. Если же не спорить, то что-нибудь уяснишь себѣ, такъ что оно исключаетъ возможность спора. А это дѣлается только въ тишинѣ и уединеніи—я знаю, что нужно и общеніе съ подобными себѣ и очень нужно, и мои три мѣсяца въ Москвѣ, съ одной стороны, мнѣ дали очень много, не говоря уже объ Орловѣ, Николаѣ Ѳедоровичѣ, Сютаевѣ; ближе узнать людей, общество даже, которое холодно осуждалъ издалека,—мнѣ дало очень много. И я разбираюсь со всѣмъ этимъ матеріаломъ.

Перепись и Сютаевъ уяснили мнѣ очень многое. Такъ не безпокойся обо мнѣ. Случиться все можетъ и вездѣ, но я здѣсь въ условіяхъ самыхъ хорошихъ и безопасныхъ“ [1]).

Л. Н—чъ вернулся въ Москву, но не надолго. Въ началѣ марта мы видимъ его опять въ Ясной Полянѣ.

Настроеніе его въ Москвѣ, повидимому, было тяжелое и не было семейнаго согласія.

Мы думаемъ, что этотъ 1882 годъ былъ одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ для Л. Н. и его семьи. Слишкомъ разные были ихъ интересы, стремленія ихъ были противоположны.

Мы видимъ отраженіе этихъ отношеній въ ихъ перепискѣ.

Пріѣхавъ въ Ясную, Л. Н—чъ, вѣроятно, выразилъ въ письмѣ къ Софьѣ Андреевнѣ новое неодобреніе ея городской жизни, такъ какъ она въ отвѣтъ писала ему 3-го марта:

„...Первое, самое унылое и грустное, когда я проснулась, было твое письмо. Все хуже и хуже. Я начинаю думать, что если счастливый человѣкъ вдругъ увидѣлъ въ жизни только все ужасное, а на хорошее закрылъ глаза, то это отъ нездоровья. Тебѣ бы полѣчиться надо. Я говорю это безъ всякой задней мысли, мнѣ кажется это ясно, мнѣ тебя ужасно жаль, и если бы ты безъ досады обдумалъ и мои слова и свое положеніе, ты, можетъ-быть, нашелъ бы исходъ.

„Это тоскливое состояніе уже было прежде давно: ты говоришь: „отъ безвѣрья повѣситься хотѣлъ“? А теперь? Вѣдь ты не безъ вѣры живешь, отчего же ты несчастливъ? И развѣ ты прежде не зналъ, что есть голодные, больные, несчастные и злые люди? Посмотри получше: есть и веселые и здоровые, счастливые и добрые. Хоть бы Богъ тебѣ помогъ, а я что же могу сдѣлать“ [2]).

А Л. Н—чъ между тѣмъ наслаждался деревенскимъ уединеніемъ, живя въ гармоніи съ природой.

Вотъ выписки изъ его двухъ писемъ:

---

[1]) Архивъ гр. С. А. Толстой.

[2]) Тамъ же.

„...Читалъ старые „Revues“—прекрасныя статьи по религіознымъ вопросамъ—и много думалъ. Потомъ поѣхалъ верхомъ и еще больше думалъ...

„...Здѣсь всѣ ручьи налились, такъ что проѣхать трудно. Но нынче морозитъ и выдуло такъ, что я топлю другой разъ. Нынче смотрю на домъ К. и думаю: зачѣмъ онъ себя мучаетъ, служитъ, гдѣ не хочетъ? И они всѣ и мы всѣ взяли бы да жили всѣ въ Ясной и лѣто и зиму, воспитывали бы дѣтей. — Но знаю, что все безумное возможно, а разумное невозможно...

„...Очень бы хотѣлось написать ту статью, которую я началъ, но если бы и не написалъ въ эту недѣлю, я бы не огорчился. Во всякомъ случаѣ мнѣ очень здорово отойти отъ этого задорнаго міра городского и уйти въ себя, читать мысли другихъ о религіи, слушать болтовню Агаѳьи Михайловны и думать не о людяхъ, а о Богѣ...

„...Чтеніе у меня превосходное. Я хочу собрать всѣ статьи изъ „Revues“, касающіяся философіи и религіи, и это будетъ удивительный сборникъ религіознаго и философскаго движенія за 20 лѣтъ. Когда устану отъ этого чтенія, беру „Revue Etrangère“ 1834 г. и тамъ читаю повѣсти, тоже очень интересно. Письма твоего въ Тулѣ вчера не получилъ, вѣроятно, не умѣли спросить. Но зато я получилъ твое на Козловкѣ. И очень оно мнѣ было радостно. Не тревожься обо мнѣ и, главное, себя не вини. „Остави намъ долги наши, якоже и мы“. Какъ только другихъ простилъ, то и самъ правъ. А ты по письму простила и ни на кого не сердишься. А я давно уже пересталъ тебя упрекать. Это было только въ началѣ. Отчего я такъ опустился, я самъ не знаю. Можетъ-быть, года, можетъ-быть, нездоровье... но жаловаться мнѣ не на что. Московская жизнь мнѣ очень много дала, уяснила мнѣ мою дѣятельность, если еще она предстоитъ мнѣ, и сблизила насъ съ тобой больше, чѣмъ прежде... Я нынче думалъ о большихъ дѣтяхъ. Вѣдь они вѣрно думаютъ, что такіе родители, какъ мы, это не совсѣмъ хорошо, а надо бы много получ-

ше, и что когда они будутъ большіе, то будетъ много лучше. Такъ же какъ имъ кажется, что блинчики съ вареньемъ это уже самое скромное и не можетъ быть хуже, а не знаютъ, что блинчики съ вареньемъ это все равно, что 200.000 выиграть. И потому совершенно невѣрное разсужденіе, что хорошей матери должны бы меньше грубить, чѣмъ дурной. Грубить желаніе одинаково — хорошей и дурной; а хорошей грубить безопаснѣе, чѣмъ дурной, потому ей чаще и грубятъ.

„...Боюсь я, какъ бы мы съ тобой не перемѣнились ролями: я пріѣду здоровый, оживленный, а ты будешь мрачна, опустишься. Ты говоришь: „я тебя люблю, а тебѣ этого теперь не надо". — Только этого и надо. И ничто такъ не можетъ оживить меня, и письма твои оживили меня. Печень печенью, а душевная жизнь своимъ порядкомъ. Мое уединеніе мнѣ очень нужно было и освѣжило меня, и твоя любовь ко мнѣ меня больше всего радуетъ въ жизни" [1]).

Возвращеніе Л. Н—ча въ Москву на этотъ разъ ознаменовалось радостнымъ событіемъ. Къ Л. Н—чу пріѣхалъ художникъ-живописецъ Николай Николаевичъ Ге.

Про это событіе своей жизни Ге разсказываетъ довольно подробно въ своихъ „Запискахъ". Онъ говоритъ:

„Въ 1882 году случайно попалось мнѣ слово великаго писателя Л. Н—ча Толстого „О переписи въ Москвѣ". Я прочелъ его въ одной изъ газетъ. Я нашелъ тутъ дорогія для меня слова. Толстой, посѣщая подвалы и видя въ нихъ несчастныхъ, пишетъ: „Наша нелюбовь къ низшимъ — причина ихъ плохого состоянія..."

„Какъ искра воспламеняетъ горючее, такъ это слово меня всего зажгло. Я понялъ, что я правъ, что дѣтскій міръ мой не поблекнулъ, что онъ хранилъ цѣлую жизнь и что ему

---

[1]) Архивъ гр. С. А. Толстой.

я обязанъ лучшимъ, что у меня въ душѣ осталось свято и цѣло. Я ѣду въ Москву обнять этого великаго человѣка и работать ему.

„Пріѣхалъ, купилъ холстъ, краски—ѣду: не засталъ его дома. Хожу три часа по всѣмъ переулкамъ, чтобы встрѣтить,—не встрѣчаю. Слуга (слуги—всегдашніе мои друзья), видя мое желаніе, говоритъ: „Приходите завтра въ 11 часовъ, навѣрно онъ дома". Прихожу. Увидѣлъ, обнялъ, расцѣловалъ. „Левъ Николаевичъ, я пріѣхалъ работать, что хотите. Вотъ дочь ваша, хотите, напишу портретъ?—„Нѣтъ, ужъ коли такъ, то напишите жену".—Написалъ. Но съ этой минуты я все понялъ, я безгранично полюбилъ этого человѣка, онъ мнѣ все открылъ. Теперь я могъ назвать то, что я любилъ цѣлую жизнь,—онъ мнѣ это назвалъ, а главное, онъ любилъ то же самое.

„Мѣсяцъ я видѣлъ его каждый день. Я видѣлъ множество лицъ, къ нему приходившихъ, и между ними одну, которая воскресила воочію то высокое, то дорогое, что вмѣстѣ и самое высшее, самое лучшее въ человѣкѣ.

„Я сидѣлъ, обернувшись къ окну, и слезы мѣшали мнѣ слушать эту женщину. Она пришла въ истинный восторгъ, узнавъ, что онъ такъ думаетъ. Я сталъ его другомъ. Все стало мнѣ ясно. Искусство потонуло въ томъ, что выше его несоизмѣримо. Это была безконечная радость, но тутъ же началось то, что всегда преслѣдуетъ уже не художника, а человѣка, и преслѣдуетъ до смерти" [1]).

Послѣдствія этого знакомства были для Н. Н. Ге неисчислимы.

Подходя къ этому факту жизни знаменитаго художника, его біографъ В. В. Стасовъ говоритъ:

„И вотъ немного спустя послѣ катастрофы 1880 года его ожидало такое необыкновенное событіе, какого онъ никогда и отгадать впередъ не могъ, но которое перестановило всю

---

[1]) В. В. Стасовъ. „Н. Н. Ге, его жизнь и сочиненія", стр. 283.

его жизнь на новый рельсъ и поставило передъ нимъ колоссальный паровозъ, уже увлекавшій впередъ, въ могучемъ разбѣгѣ, десятки и сотни тысячъ людей, а на этотъ разъ увлекшій и его.

„Въ 1882 году Ге познакомился со Львомъ Николаевичемъ Толстымъ [1]).

Графиня С. А. такъ пишетъ сестрѣ своей объ этомъ первомъ знакомствѣ:

„...Теперь знаменитый художникъ Ге (Тайная вечеря на полу, говорили про него, что онъ нигилистъ) пишетъ мой портретъ масляными красками, очень хорошо. Но какой онъ милый, наивный человѣкъ, прелесть! Ему 50 лѣтъ, онъ плѣшивый, ясные голубые глаза и добрый взглядъ. Онъ пріѣхалъ познакомиться съ Левочкой; объяснялся ему въ любви и хотѣлъ для него что-нибудь сдѣлать. Взошла моя Таня, онъ говоритъ Левочкѣ: „Позвольте мнѣ написать вашу дочь". Левочка говоритъ: „Ужъ лучше жену". Вотъ я сижу ужъ недѣлю, и меня изображаютъ съ открытымъ ртомъ, въ черномъ бархатномъ лифѣ, на лифѣ кружева мои d'Alençon, просто, въ волосахъ, очень строгій и красивый стиль портрета [2]).

Интересныя свѣдѣнія объ этомъ знакомствѣ сообщаетъ Т. Л. Сухотина, урожденная Толстая, старшая дочь Л. Н—ча, въ своихъ воспоминаніяхъ о Н. Н. Ге:

„Во время сеансовъ Ге много разговаривалъ со всѣми нами. Онъ разсказывалъ между прочимъ о томъ впечатлѣніи, какое произвела на него статья моего отца „О переписи въ Москвѣ", и о томъ, какъ она совершенно перевернула все его міросозерцаніе и изъ язычника сдѣлала его христіаниномъ.

„Онъ до конца жизни поминалъ это и сохранилъ къ отцу самую нѣжную благодарность, которую онъ часто высказы-

---

[1]) Тамъ же, стр. 282.

[2]) Этотъ портретъ былъ уничтоженъ самимъ художникомъ.

валъ ему и еще чаще намъ, его дѣтямъ, и моей матери, боясь быть непріятнымъ отцу слишкомъ частымъ повтореніемъ своихъ чувствъ.

„Трудно сказать, насколько мой отецъ былъ причиной того нравственнаго переворота, который произошелъ въ душѣ Ге. Я была слишкомъ молода во время ихъ перваго знакомства, чтобы тогда быть въ состояніи составить себѣ объ этомъ ясное представленіе. Но теперь мнѣ кажется, что пути, по которымъ шла душевная работа Ге и моего отца, вначалѣ шли независимо другъ отъ друга, но въ одинаковомъ направленіи. Оба они были художники, за обоими были въ прошломъ крупныя художественныя произведенія, сдѣлавшія ихъ славу, какъ художниковъ, и оба они, пресытившись славой, увидали, что она не можетъ дать смысла жизни и счастья. Мой отецъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ мучительныхъ исканіяхъ и сомнѣніяхъ. Насколько я знаю, то же было и съ Ге. Нѣсколько лѣтъ его жизни прошло, въ которыя онъ не написалъ ни одной картины. Онъ жилъ у себя въ Малороссіи и тосковалъ безъ дѣла и безъ цѣли въ жизни.

„Онъ былъ на перепутьи, и какъ только онъ увидалъ по статьямъ отца, что отецъ переживаетъ ту же душевную работу, которая и въ немъ происходила, онъ узналъ себя и съ радостью и восторгомъ бросился къ отцу, въ надеждѣ, что онъ поможетъ ему выбраться изъ той темноты, въ которой онъ пребывалъ въ послѣднее время. Это такъ и случилось. И хотя изрѣдка нападало на него чувство раздраженія и одиночества среди людей, не раздѣляющихъ его взглядовъ, онъ тѣмъ не менѣе всегда умѣлъ себя побороть и стать опять спокойнымъ и радостнымъ“ [1]).

Въ томъ же 1882 году Л. Н—ча посѣтилъ Николай Константиновичъ Михайловскій, который такъ разсказываетъ самъ въ своихъ воспоминаніяхъ о знакомствѣ со Л. Н—чемъ.

---

[1]) Т. Л. Сухотина. „Гости Ясной Поляны“. В. Е. 1904. № 11.

„Въ 1881 г. гр. Толстой сдѣлалъ новую честь „Отечественнымъ Запискамъ“, еще разъ предложивъ свое сотрудничество. У меня нѣтъ письма графа, въ которомъ онъ дѣлалъ намъ это лестное предложеніе; но вотъ что въ своемъ обыкновенномъ, шутливо-ворчливомъ тонѣ писалъ по этому поводу Салтыковъ Елисѣеву, бывшему тогда за границей. „Я получилъ отъ Льва Толстого диковинное письмо. Пишетъ, что онъ до сихъ поръ пренебрегалъ чтеніемъ русской литературы и вдругъ дескать открылъ цѣлую новую литературу, превосходную и искреннюю въ „Отечественныхъ Запискахъ“. И это такъ его поразило, что онъ отнынѣ намѣренъ писать и печатать въ „Отечественныхъ Запискахъ“. Я, разумѣется, отвѣтилъ, что очень счастливъ и журналъ счастливъ, и сотрудники счастливы, что будемъ ждать съ нетерпѣніемъ, а условія предоставляемъ опредѣлить ему самому. Но покуда еще отвѣта отъ него нѣтъ“. Сколько я помню, отвѣта такъ и не послѣдовало. Въ 1882 г. мнѣ нужно было быть въ Москвѣ, и Салтыковъ просилъ меня заѣхать къ гр. Толстому и напомнить ему его собственное предложеніе. Тогда въ петербургскихъ литературныхъ кружкахъ ходили слухи о какой-то повѣсти, которую гр. Толстой уже написалъ или пишетъ. Это былъ, вѣроятно, „Холстомѣръ“, а можетъ-быть „Смерть Ивана Ильича“; я былъ очень радъ случаю явиться къ гр. Толстому съ дѣломъ, а не просто съ желаніемъ познакомиться.

„Графъ жилъ тогда еще не въ собственномъ домѣ въ Хамовникахъ, а гдѣ-то на Арбатѣ, равнымъ образомъ и сапоговъ еще не шилъ, и „Исповѣди“ не писалъ [1]). Это не мѣшало ему производить впечатлѣніе простого, искренняго человѣка, несмотря на свѣтскій лоскъ. Какъ ни страннымъ можетъ показаться это послѣднее выраженіе по отношенію къ гр. Толстому, но оно вполнѣ умѣстно. Настоящая свѣтскость состоитъ вѣдь не въ перчаткахъ, и не во фран-

---

[1]) Въ этомъ Н. К. ошибается: „Исповѣдь“ написана въ 1879 году.

цузскомъ языкѣ. Свѣтскій человѣкъ сказался прежде всего въ томъ непринужденномъ и увѣренномъ спокойствіи, съ которымъ графъ отклонилъ дѣловую часть нашего разговора. Когда я сказалъ ему, что такъ, молъ, и такъ слышали мы, что вы повѣсть написали или пишете, такъ не дадите ли ее намъ, онъ отвѣтилъ: „О нѣтъ, у меня ничего нѣтъ, это просто Н. Н. Страховъ нашелъ въ моихъ старыхъ бумагахъ разсказъ и заставилъ его отдѣлать и кончить, ему уже дано назначеніе". И затѣмъ графъ легко и свободно перешелъ къ разговору объ „Отечественныхъ Запискахъ", сказалъ много пріятныхъ для насъ вещей, ни однимъ словомъ однако не упоминая о своемъ предложеніи и тѣмъ какъ бы приглашая и меня не говорить о немъ. Я, разумѣется, послѣдовалъ этому невыраженному приглашенію. Такъ для меня и до сихъ поръ остаются невыясненными какъ мотивы вышеупомянутаго письма гр. Толстого къ Салтыкову, такъ и мотивы его уклоненія отъ исполненія собственнаго обѣщанія или предложенія. Повидимому, и то и другое сдѣлалось просто вдругъ, какъ многое у гр. Толстого. Въ этотъ разъ мы бесѣдовали съ графомъ о литературѣ и о кое-какихъ житейскихъ дѣлахъ, между прочимъ объ одномъ приватномъ, но имѣвшемъ общественное значеніе, въ высокой степени симпатичномъ поступкѣ графа въ тотъ страшный 1881 г. Я радъ былъ выслушать разсказъ объ этомъ дѣлѣ отъ самого графа и еще болѣе радъ былъ тому, что разсказъ этотъ своею простотою и задушевностью вполнѣ соотвѣтствовалъ тому представленію о гр. Толстомъ, которое я себѣ заочно составилъ.

„Тогда мнѣ довольно часто случалось бывать въ Москвѣ, и я всякій разъ доставлялъ себѣ удовольствіе заѣзжать къ гр. Толстому. Это былъ одинъ изъ пріятнѣйшихъ собесѣдниковъ, какихъ я когда-либо встрѣчалъ. Намъ случалось много и горячо спорить, и какъ теперь слышу голосъ графа: „Ну, мы начинаемъ горячиться, это нехорошо, давайте выкуримъ по папироскѣ, отдохнемъ". Мы закуривали папи-

росы, и это, конечно, не прекращало спора, но, дѣйствительно, самымъ фактомъ пріостановки на нѣсколько секундъ придавало ему спокойный характеръ“ [1]).

Вѣрный другъ и цѣнитель Л. Н—ча Н. Н. Страховъ продолжалъ писать Л. Н—чу, и по ниже приводимому письму мы ясно видимъ, въ чемъ было сходство и въ чемъ различіе этихъ двухъ друзей. Они сходились на отрицаніи. Но отрицаніе Л. Н—ча было гораздо шире, а Страхова уже. И Л. Н—чъ при своемъ широкомъ отрицаніи давалъ огромный положительный идеалъ и требовалъ того же отъ Страхова, а тотъ при своемъ узкомъ отрицаніи, по своему собственному сознанію не могъ дать ничего положительнаго. Это чистосердечное признаніе значительно искупаетъ недочеты въ проповѣди Страхова, и, вѣроятно, эта искренность и была тою нитью, которая привязывала его ко Л. Н—чу, не терпѣвшему никогда никакой фальши.

Вотъ это интересное письмо:

„1882 г. 31 марта. Какъ я обрадовался вашему письму, безцѣнный Левъ Николаевичъ! Какъ горячо захотѣлось мнѣ отвѣчать вамъ, спорить противъ вашего упрека, но я вдругъ заболѣлъ и съ недѣлю былъ ни къ чему не способенъ. Теперь поправляюсь и все же прошу извинить мое писаніе. Ваше возраженіе мнѣ давно и не разъ приходило въ голову (есть даже у меня статья на эту тему). Все это движеніе, которое наполняетъ собою послѣдній періодъ исторіи,—либеральное, революціонное, соціалистическое, нигилистическое,—всегда имѣло въ моихъ глазахъ только отрицательный характеръ; отрицая его, я отрицалъ отрицаніе. Часто я задумывался надъ этимъ и былъ изумляемъ, видя, что свобода, равенство, эти идолы для многихъ, эти знамена битвъ и революцій, въ сущности, не содержатъ въ себѣ ни малѣйшей привлекательности, никакого положительнаго со-

---

[1]) Н. К. Михайловскій. „Литературныя воспоминанія и современная смута“.

держанія, которое могло бы дать имъ настоящую цѣну, сдѣлаться положительными цѣлями. Начиная съ реформаціи и раньше и до послѣдняго времени, все, что люди дѣлаютъ (какъ вы говорите)—не вздоръ, а постепенное разрушеніе нѣкоторыхъ формъ, сложившихся въ средніе вѣка. Четыре столѣтія идетъ это расшатываніе и должно кончиться полнымъ паденіемъ. Въ эти четыре вѣка положительнаго ничего не явилось, да и теперь нѣтъ нигдѣ въ цѣлой Европѣ. Самое новое въ Америкѣ и состоитъ въ томъ, что голоса продаются, мѣста покупаются и т. д. Общество держится старыми элементами, остатками вѣры, патріотизма, нравственности, мало-по-малу теряющими свои основанія. Но такъ какъ эти начала были воспитаны христіанствомъ до неслыханной силы, то человѣчество неизгладимо носитъ ихъ въ себѣ, и ихъ еще долго хватитъ для его поддержанія. Но живетъ оно не ими, а противъ ихъ, или помимо ихъ. Всѣ новые принципы—прямое признаніе мірской, земной жизни, и вотъ отчего такъ пышно нынче развилась жизнь. Есть просторъ для всего, для всякаго рода дѣятельности, и для науки и искусства, и для служенія Марсу, Венерѣ и Меркурію.

„Въ такомъ странномъ положеніи живутъ люди. Нынѣшняя жизнь носитъ противорѣчіе внутри себя. Она возможна только потому, что человѣкъ вообще можетъ жить, не имѣя внутренняго согласія, и останавливаясь на какой-нибудь одной мысли, напр., свободы, національности, обязательнаго обученія и т. п.

„И вотъ я отрицаю самыя крайнія изъ отрицаній и говорю, что если люди въ нихъ живутъ и дѣйствуютъ, то только въ силу какихъ-нибудь положительныхъ началъ, обманывая сами себя, принимая призраки за дѣйствительность, любя и злобствуя, но безъ настоящаго предмета для любви и злобы.

„Я давно смотрю и вглядываюсь, но не вижу яснаго идеала.

„И вамъ ли меня упрекать? Не вы ли видите одно лишь безобразіе и обманъ въ самыхъ огромныхъ сферахъ и въ

самыхъ распространенныхъ формахъ человѣческой жизни? Если у васъ одно отрицаемое, а у меня другое, то ваше шире по объему и труднѣе для объясненія, чѣмъ мое. Всемірная исторія есть повѣсть безумія и въ томъ и другомъ случаѣ, но по-вашему безумія болѣе повальнаго и жестокаго, чѣмъ по-моему. И развѣ въ „Коммунѣ“ и въ „Ренанѣ“ я ужъ нисколько не объясняю, почему люди это дѣлаютъ?

„Въ сущности, ваша правда (только не ловите меня на словѣ), такіе критическіе очерки, какъ мои, непремѣнно требуютъ положительнаго изложенія началъ и безъ этого изложенія легко могутъ быть употреблены на подпору самыхъ дурныхъ началъ. Но, Боже мой, это свое фальшивое положеніе я чувствую съ тѣхъ поръ, какъ пишу: я имъ мучусь, я знаю, что лучше бы прямо проповѣдывать цѣльную систему, ясную мысль. Но я дѣлаю, что могу, и много, много молчу, и говорю осторожно и ясно, не пошлетъ ли Богъ другихъ, которые скажутъ лучше и полнѣе?“ [1]).

Въ началѣ апрѣля Л. Н—чъ снова отправился въ Ясную Поляну, откуда вскорѣ писалъ С. А:

„Нынче утромъ вышелъ въ одиннадцать часовъ и опьянѣлъ отъ прекраснаго утра. Тепло, сухо, кое-гдѣ съ глянцемъ тропинки, трава вездѣ, то шпильками, то лопушками лѣзетъ изъ-подъ листа и соломы, почки на сирени, птицы поютъ уже не безтолково, а уже что-то разговариваютъ, и въ затишьѣ на углахъ домовъ вездѣ и у навоза жужжатъ пчелы. Я осѣдлалъ лошадь и поѣхалъ.

„... Читалъ днемъ, потомъ обошелъ черезъ пчельникъ и купальню. Вездѣ трава, птицы, медунчики, нѣтъ ни городовыхъ, ни мостовыхъ, ни извозчиковъ, ни вони, и очень хорошо. Такъ хорошо, что мнѣ очень жалко васъ стало, и думаю, что тебѣ непремѣнно надо съ дѣтьми уѣзжать раньше, а я останусь съ мальчиками. Мнѣ съ моими мыслями

---

[1]) Архивъ В. Г. Черткова.

вездѣ одинаково хорошо или дурно, а для моего здоровья вліянія городъ имѣть не можетъ, а для твоего и дѣтскаго большое. Обѣдалъ, доѣдалъ тѣ роскоши, которыя ты тогда прислала и Марья Аѳанасьевна сохранила. И потомъ только посидѣлъ съ книгой, уже солнце за Заказъ [1]) стало красное заходить. Я скорѣе дѣлать заряды, сѣдлать лошадь и поѣхалъ за Митрофанову избу. Летали вальдшнепы, далеко отъ меня и мало, ни разу не выстрѣлилъ, но много, какъ всегда, религіозно думалъ и слушалъ дроздовъ, тетеревовъ, мышей по сухимъ листьямъ, собачій лай за Засѣкой, выстрѣлы ближніе и дальніе, филина даже, Булька на него лаяла, пѣсни на Груммонтѣ. Мѣсяцъ взошелъ съ правой стороны изъ-за тучъ, дождался, пока звѣзды видны, и поѣхалъ домой".

Немного погодя онъ пишетъ:

„... Нынче былъ „городовой", урядникъ съ саблей, этотъ не доставилъ мнѣ удовольствія,—какія-то свѣдѣнія ни ему и никому не нужныя, и „ваше сіятельство", и ложь, и вздоръ. Нынче день теплый съ дождичкомъ, трава такъ и лѣзетъ, зеленя стали такой яркой зеленой краски, какой не найдешь и у Аванцо" [2]).

21-го апрѣля Страховъ писалъ Л. Н—чу:

„Получивши ваше письмо, безцѣнный Левъ Николаевичъ, я сейчасъ же готовъ былъ отвѣчать вамъ, но все ждалъ хорошаго духа. Мнѣ до сихъ поръ нездоровится, а хотѣлось бы хорошенько сказать свою мысль. Я не отрицаю вашего отрицанія, а отрицаю другое отрицаніе, совершенно противоположное вашему. Что говоритъ христіанинъ? Я не хочу имущества, не хочу власти надъ другими, не хочу судить, не хочу убивать, брать подати. Это святыя желанія и ихъ запретить невозможно. А что говорятъ тѣ отрицатели, которыхъ я отрицаю? Я не хочу, чтобы у кого-нибудь было имущества

---

[1]) Названіе одного участка лѣса.

[2]) Архивъ гр. С. А. Толстой.

больше моего, не хочу, чтобы кто-нибудь имѣлъ власть надо мною, не хочу быть судимымъ, не хочу быть убитымъ, не хочу платить податей. Разница большая, и какъ возможно смѣшать тѣхъ и другихъ? Источникъ однихъ желаній есть отреченіе отъ себя, источникъ другихъ—чистый эгоизмъ. Сходство заключается только въ томъ, что, повидимому, отрицаются одни и тѣ же предметы; въ сущности, отрицаніе имѣетъ не одинаковый смыслъ, и это тотчасъ видно на послѣдствіяхъ. Христіанскія желанія всегда возможно исполнить, ибо въ нихъ дѣло идетъ о перемѣнѣ въ насъ самихъ; желаніе эгоиста неисполнимы, ибо требуютъ перемѣны цѣлаго міра и перемѣны для міра невозможной. Я могу никого не убивать, но ручаться, что меня никто не убьетъ, нельзя будетъ никогда. Когда же тѣ и другіе принимаются дѣйствовать, тогда разница началъ обнаруживается всего яснѣе. Отъ христіанина нельзя ждать никакого насилія и разрушенія, эгоисты же противъ суда ставятъ судъ, противъ казни—убійство, противъ поборовъ—грабежъ, противъ власти—измѣну, бунтъ, разрушеніе. Они послѣдовательны, потому что ихъ принципъ тутъ не нарушается. Если не хочу неравенства въ имуществѣ, то отниму у богатаго; если не хочу имущества, то отдаю свое.

„Характеръ эгоиста въ высшей степени ясенъ у всѣхъ отрицателей, т.-е. не то, что они сами великіе эгоисты, а то, что признаютъ эгоизмъ священнымъ принципомъ. Они пылаютъ негодованіемъ противъ неправды, а неправдою называютъ нарушеніе чьего-нибудь эгоизма. Тогда какъ грѣхъ вовсе не въ томъ нарушеніи, а въ нечистомъ желаніи, въ неправдѣ душевной. Въ сущности, когда мы щадимъ чужой эгоизмъ, обходимся съ нимъ осторожно, мы поступаемъ какъ воры, не выдающіе другихъ враговъ, или распутники, считающіе долгомъ чести не выдавать женщинъ, съ которыми блудятъ. Во всемъ направленіи современныхъ умовъ, во всѣхъ толкахъ и стремленіяхъ вы не найдете и намека на самоотреченіе, какъ на коренной принципъ; всякое ду-

шевное благородство разсматривается только какъ средство для эгоистическаго земного благополучія. Это—черта нынѣшнихъ умовъ и душъ отвратительна, и самыя эти души гораздо лучше своего исповѣданія.

„Государство и церковь дѣйствуютъ иначе. Они выставляютъ своею цѣлью общее благо и прямо требуютъ для этого блага ограниченія эгоизма, пожертвованія нѣкоторою его долею. Это понятно, это логично и достижимо и выполняется въ огромныхъ размѣрахъ. Злоупотребленія не вытекаютъ изъ самаго принципа государства и церкви, точно такъ же какъ и добрыя чувства отрицателей не вытекаютъ изъ принципа эгоизма. Государство въ извѣстномъ смыслѣ требуетъ отъ каждаго, чтобы онъ отчасти отрекался отъ своего имущества, отъ своей воли и иногда отъ своей жизни. Вотъ почему противъ него возстаютъ отрицатели. Это нѣкоторый положительный принципъ, и отрицать его труднѣе, чѣмъ отрицать эгоизмъ, который въ самой сущности есть отрицаніе, отверженіе всякихъ связей.

„Итакъ, міръ и мірскіе для меня имѣютъ такое же низшее значеніе, какъ и для васъ, но вы, отвергая міръ, находите что-то подобное своему отверженію въ томъ, въ чемъ я вижу только крайнее выраженіе мірского начала. Вы думаете, что міръ добивается жизни, а я думаю, что онъ идетъ къ смерти, что онъ доводитъ развитіе своихъ началъ до того, что самъ себя убьетъ, и только этимъ убѣдится въ ложности этихъ началъ. Мечты человѣколюбія, обновленія, благополучія не имѣютъ правильнаго источника, правильной цѣли, и потому приведутъ къ убійству, хаосу и страданію. Весь вопросъ, какъ вы справедливо говорите, заключается въ томъ, какое безобразіе больше: то ли, которое вы отрицаете, или то, которое я; но я твердо убѣжденъ, что то, что я отрицаю, есть несомнѣнное безобразіе.

„Чувствую, что много бы нужно еще сказать и сказать лучше, чѣмъ говорю, и прибавлю только, что грусть мучитъ меня ужасная и что я почти прихожу въ негодованіе при

видѣ людей спокойныхъ и въ хорошемъ духѣ. Простите, что я такъ навязчиво спорю съ вами, мнѣ дорого ваше хорошее мнѣніе, и я не хотѣлъ бы, чтобы вы меня неправильно понимали. Еще разъ простите меня. Вашъ душевно

Н. Страховъ [1]).

Здѣсь, какъ мы видимъ, Страховъ уже защищаетъ передъ Л. Н—чемъ принципы церкви и государства, и расхожденіе ихъ дѣлается гораздо замѣтнѣе.

Страховъ до конца жизни остался другомъ Л. Н—ча, потому что личная преданность его ко Л. Н—чу была безгранична.

Въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ, сѣтуя на упреки Л. Н—ча, онъ пишетъ ему:

„Когда я уѣзжалъ отъ васъ въ Крымъ, я часто припоминалъ ваши выраженія о томъ, что „кто не со мною, тотъ противъ меня", и слова въ письмѣ, „что я хуже позитивистовъ", и я думалъ: онъ отлучаетъ меня отъ церкви. Ну, что же дѣлать! Я вѣдь потому держусь своихъ мыслей, что не могу иначе, и не лукавлю передъ собою. Но пусть онъ отвергаетъ меня, я останусь ему вѣренъ. Простите, что мнѣ все хочется высказать вамъ свою нѣжность; но я почти готовъ молчать и воздавать вамъ почтеніе въ тайнѣ отъ васъ" [2]).

Разумѣется, при такомъ отношеніи онъ не могъ далеко отойти отъ Л. Н—ча.

Въ началѣ мая 1882 года С. А. съ маленькими дѣтьми и дочерьми уѣхала въ Ясную Поляну, а Л. Н—чъ на этотъ разъ остался въ городѣ со старшими мальчиками, учившимися въ гимназіи. Ему это было тѣмъ болѣе удобно, что онъ задумалъ напечатать въ журналѣ „Русская Мысль" свою „Исповѣдь", и ему нужно было держать корректуры. Отда-

[1]) Арх. В. Г. Черткова.

[2]) Тамъ же.

вая въ печать „Исповѣдь“, написанную имъ еще въ 1879 году, Л. Н—чъ приписалъ заключеніе къ ней въ видѣ разсказа о снѣ, видѣнномъ имъ недавно и давшемъ ему полное религіозное спокойствіе. Въ разсказѣ объ этомъ снѣ Л. Н—чъ описываетъ свое фантастическое положеніе на помочахъ надъ пропастью, символически изображая свое неустойчивое душевное состояніе. Когда „Исповѣдь“ появилась, вѣроятно, въ плохомъ французскомъ переводѣ, этотъ разсказъ о снѣ далъ поводъ одному горячему испанскому публицисту написать восторженную статью о Л. Н—чѣ, при чемъ публицистъ говоритъ, что Л. Н—чъ предается аскетическимъ опытамъ и опрощенію. И такъ упростилъ свою постель, что спитъ головой на столбѣ, а тѣло и ноги подвѣшены на ремняхъ.

„Исповѣдь“ была запрещена и вырѣзана цензоромъ изъ книжки „Русской Мысли“. Вскорѣ она была напечатана за границей, въ Женевѣ, Эльпидинымъ, а затѣмъ переведена на всѣ европейскіе языки.

Это было первое сочиненіе Л. Н—ча, запрещенное русской цензурой и разошедшееся по всей Россіи въ тысячахъ копій, рукописныхъ, гектографіяхъ, литографіяхъ и другихъ тайныхъ воспроизведеніяхъ.

По просьбѣ Тургенева Л. Н—чъ послалъ ему съ одной дамой „Исповѣдь“, прося Тургенева прочесть эту книгу, не сердясь на него, а стараясь стать на его точку зрѣнія. Тургеневъ отвѣчалъ ему такъ:

„Я прочту вашу статью такъ, какъ вы желаете,—объ этомъ рѣчи быть не можетъ. Я знаю, что ее писалъ человѣкъ очень умный и очень искренній; я могу съ нимъ не соглашаться, но прежде всего я постараюсь понять его, стать вполнѣ на его мѣсто. Это будетъ для меня поучительнѣе и интереснѣе, чѣмъ примѣривать его на свой аршинъ или отыскивать, въ чемъ состоитъ его разногласіе со мной. Сердиться же совсѣмъ немыслимо, — сердятся только молодые люди, которые воображаютъ, что только и свѣта, что въ ихъ окошкѣ... а мнѣ на-дняхъ минетъ 64 года. Долгая

жизнь научаетъ не сомнѣваться во всемъ (потому что сомнѣваться во всѣмъ значитъ въ себя вѣрить), а сомнѣваться въ самомъ себѣ, т.-е. вѣрить въ чужое, и даже нуждаться въ немъ. Вотъ въ какомъ духѣ я буду читать васъ".

По прочтеніи же онъ сообщилъ такой отзывъ о немъ въ письмѣ къ Д. В. Григоровичу, отъ 31 окт. 1882 года:

„Я получилъ на-дняхъ черезъ одну очень милую московскую даму ту „Исповѣдь" Л. Толстого, которую цензура запретила. Прочелъ ее съ великимъ интересомъ, вещь замѣчательная по искренности, правдивости и силѣ убѣжденія. Но построена она вся на невѣрныхъ посылкахъ и въ концѣ концовъ приводитъ къ самому мрачному отрицанію всякой человѣческой жизни... Это тоже своего рода нигилизмъ. Удивляюсь я, по какому поводу Толстой, отрицающій между прочимъ и художество, окружаетъ себя художниками, и что могутъ они вынести изъ его разговоровъ? И все-таки Толстой едва ли не самый замѣчательный человѣкъ современной Россіи" [1]).

Очень ошибались тѣ люди, которые полагали, что новое, религіозное настроеніе Л. Н—ча выражается въ немъ мрачностью и грустью. Таковы были лишь минуты обострявшейся борьбы съ окружавшими его соблазнами. Но какъ только возстановлялось его душевное равновѣсіе, Л. Н—чъ принималъ добродушный, веселый, жизнерадостный тонъ, заражавшій всѣхъ окружающихъ его неудержимымъ весельемъ.

Однимъ изъ такихъ веселыхъ дѣлъ, въ которыя Л. Н—чъ вдувалъ свой жизнерадостный духъ, былъ такъ называемый „почтовый ящикъ" въ Ясной Полянѣ.

Заимствуемъ описаніе этого интереснаго учрежденія, появившагося на свѣтъ какъ разъ осенью 1882 года, изъ письма къ намъ Т. А. Кузминской, одной изъ участницъ „почтоваго ящика".

---

[1]) Собраніе писемъ И. С. Тургенева, стр. 510.

Вотъ какъ было дѣло:

„Такъ какъ обѣ семьи наши были многочисленны и молодежи отъ 15—20 лѣтъ было много, а событій разныхъ еще больше, то часто хотѣлось и подсмѣяться надъ чѣмъ-нибудь, и вывести секреты наружу, и похвалить, и осудить, то и былъ заключенъ договоръ между молодежью, что пускай въ теченіе недѣли всякій пишетъ все, что ему угодно, не подписывая, конечно, своего имени. А въ воскресенье вечеромъ за чайнымъ столомъ одинъ кто-нибудь будетъ читать вслухъ всѣ труды за недѣлю. Читалъ всегда одинъ изъ насъ трехъ: Левъ Никол., сестра или я. Писано все было на листкахъ бумаги, часто и на обрывкахъ. Писали длинно и коротко, писали прозою и стихами. Темы самыя разнообразныя: печальныя, поэтическія, юмористичныя; секреты выходили наружу. Описывались событія. Иногда писали цѣлый листъ въ видѣ газеты. Писали и передовыя статьи, былъ параграфъ о пріѣзжихъ. Но больше сочиненій выходило отдѣльными клочками. Сестра всегда писала почти стихами. Левъ Ник. тоже иногда писалъ намъ, очень интересовался „почтовымъ ящикомъ", всегда слушалъ все со вниманіемъ. У меня сохранились нѣкоторыя его произведенія, какъ-то: „Листъ прискорбно больныхъ". Онъ описалъ всѣхъ насъ сумасшедшими, именуя каждаго номеромъ. Начиналъ съ самого себя. Уморительно, съ латинскими названіями болѣзни и пр.

„Почтовымъ ящикомъ называлось это оттого, что въ передней повѣсили ящикъ съ прорѣзомъ, запертый на ключъ, и туда опускались въ теченіе недѣли всѣ произведенія. Писали всѣ: и дѣти, и учителя, и гувернантки, и большіе, и часто живущіе подолгу въ Ясной. Цензуры предварительной не было. А читающій, если было что обидное или нецензурное, пропускалъ по усмотрѣнію" [1]).

До насъ дошло одно шуточное стихотвореніе Л. Н—ча,

---

[1]) Арх. П. И. Бирюкова.

написанное имъ для почтоваго ящика. Мы возстановляемъ его по нѣсколькимъ варіантамъ:

При погодѣ, при прекрасной
Жили счастливо всѣ въ Ясной,
Жили веселясь.
Вдругъ пришло на мысль Татьянѣ,
Что во Ясной во Полянѣ
Нельзя вѣчно жить.
Говоритъ себѣ Татьяна:
Нужно поздно или рано
Дѣтямъ аттестатъ.
Отдамъ дѣвочекъ въ науку,
Произведу во всяку штуку,
Будутъ за мамзель.
Накупили книгъ, тетрадей,
Рады дѣвочки, не рады,
Стали обучать.
И учили безъ печали,
Но, когда законъ начали,
Дѣло не пошло.
Никакъ Маша не усвоитъ,
А ужъ Вѣра въ голосъ воетъ:
Не люблю законъ.
И бѣдняжка, разбирая
Смыслъ изгнанія изъ рая,
Вѣра говоритъ:
Намъ велятъ учить законъ,
Какъ Адама выгналъ вонъ
Вмѣстѣ съ Евой Богъ.
А учить это обидно,
Потому что ясно видно,
Que ce n'est pas vrai.
Вѣдь за что изгнанъ Адамъ?
Говоритъ сама madame
За curiosité,
Такъ за то ихъ и прогнали,
Что они много узнали,
А я не хочу.
И не знаетъ теперь мать,
Что на это отвѣчать.
Точно, мудрено!

Осенью вся семья Л. Н—ча стала собираться въ Москву.

Вѣроятно, видя неизбѣжность ежегодныхъ переѣздовъ семьи въ Москву, въ видахъ хозяйственной экономіи, чтобы не платить за дорогую квартиру, Л. Н—чъ рѣшилъ пріобрѣсти въ Москвѣ свой домъ. Выборъ его палъ на Долго-Хамовническій переулокъ, гдѣ и былъ купленъ домъ съ садомъ. Въ домѣ для переѣзда семьи Толстыхъ былъ сдѣланъ капитальный ремонтъ, которымъ руководилъ самъ Л. Н—чъ, и при переѣздѣ въ октябрѣ въ Москву всей семьи онъ былъ уже раньше тамъ, встрѣтилъ ихъ на вокзалѣ и привезъ въ новый домъ.

Вотъ что пишетъ объ этомъ переѣздѣ гр. С. А. своей сестрѣ:

„14 октября 1882 года... Пріѣхали мы въ Москву 8 октября. Поѣхали въ Бибиковой каретѣ на Козловку. Ѣхали благополучно, въ Москвѣ Левочка насъ встрѣтилъ съ двумя каретами; дома былъ и обѣдъ, и чай, и фрукты на столѣ. Но я отъ дороги и недѣльной укладки до того устала и пришла въ свое раздраженіе, и ничего меня не радовало, а напротивъ. Дома тутъ все устроено удобно и хорошо; садъ всѣхъ насъ приводитъ въ восторгъ; верхъ, т.-е. парадныя комнаты, еще не совсѣмъ готовы, и пожалуй, раньше мѣсяца такъ и не устроиться. Но мы безъ нихъ совершенно свободно обходимся, сидимъ больше въ моей и Таниной комнатѣ. Левочка былъ очень веселъ и оживленъ сначала; теперь онъ учится по-еврейски и сталъ что-то мрачнѣе“ [1]).

Н. Н. Страховъ, находившійся въ постоянныхъ сношеніяхъ со Л. Н—чемъ, пишетъ въ это время (5-го ноября 1882 г.) своему другу Н. Я. Данилевскому:

„... Левъ Николаевичъ Толстой въ хорошемъ духѣ. Купилъ домъ въ Москвѣ, устроился и, какъ онъ пишетъ, успокоился. Изучаетъ еврейскій языкъ. Я очень радуюсь за

---

[1]) Арх. Т. А. Кузминской.

него, мнѣ все страшно о немъ думать; такъ горячо онъ живетъ, съ напряженіемъ, съ волненіемъ“ [1]).

Къ этому же времени относится слѣдующее интересное письмо Л. Н—ча къ его другу В. И. Алексѣеву:

„Милый другъ!

„Только-что видѣлъ васъ во снѣ и хотѣлъ писать вамъ, какъ получилъ ваше письмо. Я скучаю по васъ часто, но радуюсь, что вамъ хорошо, никогда не думая, что вамъ не хорошо. Вашъ удѣлъ очень, очень счастливый. Разумѣется, счастье все въ себѣ. Но по внѣшнимъ условіямъ—можно жить и въ самыхъ тяжелыхъ условіяхъ, въ самой гущѣ соблазновъ, можно въ среднихъ и въ самыхъ легкихъ. Вы почти въ самыхъ легкихъ. Мнѣ Богъ никогда не давалъ такихъ условій, завидую вамъ часто, любовно завидую, но завидую...

„У насъ въ семьѣ были нездоровы, но теперь все хорошо, и болѣе или менѣе по-старому. Сережа много занимается и вѣритъ въ университетъ. Таня полудобрая, полусерьезная, полуумная,—не дѣлается хуже, скорѣе дѣлается лучше. Илюша лѣнится, растетъ, и еще душа его не задавлена органическими процессами. Леля и Маша мнѣ кажутся лучше, онѣ не захватили моей грубости, которую захватили старшіе, и мнѣ кажется, что онѣ развиваются въ лучшихъ условіяхъ и потому лучше и добрѣе старшихъ. Малыши славные мальчики, здоровые. Я довольно спокоенъ, но грустно часто отъ торжествующаго самоувѣреннаго безумія окружающей жизни. Не понимаешь часто, зачѣмъ мнѣ дано такъ ясно видѣть ихъ безуміе, а они совершенно лишены возможности понять свое безуміе и свои ошибки, и мы такъ стоимъ другъ противъ друга, не понимая другъ друга и удивляясь и осуждая другъ друга. Только ихъ легіонъ, а я одинъ; имъ какъ будто весело, а мнѣ какъ будто грустно. Все это время я очень пристально занимался еврейскимъ

---

1) Письма Н. Н. Страхова къ Н. Я. Данилевскому. „Р. В.“ 1901 г.

языкомъ и выучилъ его почти, читаю ужъ и понимаю. Учитъ меня раввинъ здѣшній, Миноръ, очень хорошій и умный человѣкъ. Я очень много узналъ благодаря этимъ занятіямъ, а главное, очень занятъ. Здоровье мое слабѣетъ и очень часто хочется умереть, но знаю, что это дурное желаніе—это второе искушеніе. Видно, я не пережилъ еще его.

„Прощайте, мой дорогой, дай вамъ Богъ того, что у меня бываетъ въ хорошія минуты, вы это знаете, лучше этого ничего нѣтъ“ [1]).

Раввинъ Миноръ, о которомъ пишетъ Л. Н—чъ въ предыдущемъ письмѣ, такъ разсказывалъ объ этомъ урокѣ нѣмецкому біографу Л. Н—ча, Левенфельду:

„Пять или шесть лѣтъ тому назадъ,—точно я вамъ не могу сказать,—ко мнѣ пришелъ гр. Л. Толстой. Онъ попросилъ меня рекомендовать ему кого-нибудь для обученія его еврейскому языку. Мысль изучить еврейскій языкъ была навѣяна ему его изученіемъ библіи. Для меня онъ былъ, конечно, не первый встрѣчный, и я самъ предложилъ быть его учителемъ. Толстой съ большимъ усердіемъ принялся за работу. Я обучалъ его по методѣ восточныхъ евреевъ. Слѣдовательно, онъ читалъ не какъ испанскіе, а какъ мы, русскіе евреи. Толстой схватывалъ необыкновенно быстро. Но онъ читалъ только то, что ему было нужно. То же, что его не интересовало, онъ проходилъ мимо. Мы начали первыми словами библіи и дошли съ такого рода пропусками до Исаіи. Здѣсь обученіе прекратилось. Предсказанія о Мессіи въ извѣстныхъ мѣстахъ этого пророка было для него достаточно. Грамматикой языка онъ занимался только постольку, поскольку это казалось ему необходимымъ. Также въ самое короткое время изучилъ онъ и греческій языкъ и вполнѣ можетъ читать Новый Завѣтъ въ подлинникѣ.

„Онъ знаетъ также и Талмудъ. Въ своемъ бурномъ стремленіи къ истинѣ, онъ почти за каждымъ урокомъ разспра-

---

[1]) Арх. П. И. Бирюкова.

ВИДЪ САДА И ДОМА Л. Н. ТОЛСТОГО ВЪ ХАМОВНИЧЕСКОМЪ ПЕРЕУЛКѢ, ВЪ МОСКВѢ.

шивалъ меня о моральныхъ воззрѣніяхъ Талмуда, о толкованіи талмудистами библейскихъ легендъ и, кромѣ того, еще черпалъ свои свѣдѣнія изъ написанной на русскомъ языкѣ книгѣ „Міровоззрѣніе талмудистовъ“, изданной петербургскимъ обществомъ для поднятія образованія среди евреевъ.

„Около получаса мы работали какъ ученикъ и учитель, одинъ разъ въ недѣлю я ѣздилъ къ графу, другой разъ онъ приходилъ ко мнѣ. Черезъ полчаса обученіе превращалось въ разговоръ. Я отвѣчалъ ему на всѣ вопросы, которые занимали его. Однажды мы пришли къ его пониманію существованія міра любовью. „Объ этомъ, сказалъ онъ, нѣтъ ни одного слова въ библіи“. Я указалъ ему на третій стихъ псалма 89-го, который я перевелъ ему такъ: „Міръ существуетъ любовью“. Онъ былъ очень удивленъ такимъ переводомъ извѣстнаго мѣста“ [1]).

Сынъ Минора передавалъ мнѣ, что онъ помнитъ эти уроки, когда онъ былъ еще мальчикомъ. Онъ помнитъ споры отца со Львомъ Николаевичемъ о томъ или другомъ пониманіи еврейскаго текста. Онъ помнилъ также удивленіе отца его, когда послѣ немногочисленныхъ уроковъ Л. Н—чъ сталъ настолько хорошо читать и понимать прочитанное и съ такой проницательностью вдумываться въ смыслъ текста, что иногда въ спорахъ съ нимъ ученый раввинъ долженъ былъ соглашаться съ мнѣніемъ своего ученика.

Н. Н. Страховъ сообщаетъ свое мнѣніе объ этой работѣ Л. Н—ча своему другу Н. Я. Данилевскому:

19-го іюля 1883 г. онъ пишетъ ему изъ Ясной Поляны:

„...Л. Н. Толстой (можетъ-быть, вы слышали) выучился за эту зиму по-еврейски, и это уже помогаетъ ему въ пониманіи Писанія, главномъ его занятіи.

„Иныя изъ его открытій въ этомъ дѣлѣ и поразительны своею вѣрностью и приводятъ къ важнымъ, глубокимъ результатамъ. Не подозрѣвайте меня въ пристрастіи, я, вы

---

[1]) Левенфельдъ. „Разговоры съ Толстымъ и о Толстомъ“.

знаете, не легко отдаюсь новымъ взглядамъ. Но напрасно я ищу его у вѣдомыхъ и невѣдомыхъ противниковъ какого-нибудь основательнаго возраженія. Положительная сторона его пониманія христіанства несомнѣнна, но въ отрицательной есть много слабыхъ мѣстъ и преувеличеній" [1]).

Не такъ сочувственно относится къ этой грандіозной работѣ Л. Н—ча его супруга.

Изученіе Л. Н—чемъ еврейскаго языка ей казалось какою-то физическою и духовною погибелью.

Она пишетъ сестрѣ въ томъ же 1882 г.:

„...Левочка учится по-еврейски читать, и меня это очень огорчаетъ; тратитъ силы на пустяки. Отъ этого труда и здоровье и духъ стали хуже, и меня это еще болѣе мучитъ, а скрыть своего недовольства я не могу".

И потомъ въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ:

„...Левочка—увы!—направилъ всѣ свои силы на изученіе еврейскаго языка, и ничего его больше не занимаетъ и не интересуетъ. Нѣтъ, видно конецъ его литературной дѣятельности, а очень, очень жаль" [2]).

Къ этому же времени относится интересное письменное знакомство Л. Н—ча съ революціонеромъ М. А. Энгельгардомъ, который прислалъ Л. Н—чу свою статью въ христіанско-революціонномъ духѣ.

Въ своей книгѣ: „Въ чемъ моя вѣра?" Л. Н—чъ такъ говоритъ объ этомъ:

„Недавно у меня въ рукахъ была поучительная переписка православнаго славянофила (Аксакова) съ христіаниномъ-революціонеромъ. Одинъ отстаивалъ насиліе войны во имя угнетенныхъ братьевъ славянъ, другой—насиліе революціи во имя угнетенныхъ братьевъ, русскихъ мужиковъ. Оба требуютъ насилія и оба опираются на ученіе Христа".

На письмо къ нему Энгельгарда Л. Н—чъ отвѣтилъ

---

[1]) Письмо Н. Н. Страхова къ Н. Я. Данилевскому, „Р. В.". 1901 г.
[2]) Арх. Т. А. Кузминской.

длиннымъ письмомъ, съ изложеніемъ своего міровоззрѣнія и главнымъ образомъ своего отношенія къ насилію и своего пониманія заповѣди о непротивленіи злу насиліемъ.

Мы приведемъ здѣсь только начало и конецъ этого письма, которыя прибавляютъ нѣсколько драгоцѣнныхъ чертъ къ характеристикѣ тогдашняго душевнаго состоянія Л. Н—ча:

„Дорогой мой N. N! Пишу вамъ „дорогой“ не потому, что такъ пишутъ, а потому, что со времени полученія вашего перваго, а особенно второго письма чувствую, что вы мнѣ очень близки, и я васъ очень люблю. Въ чувствѣ, которое я испытываю къ вамъ, есть много эгоистичнаго. Вы, вѣрно, не думаете этого, но вы не можете себѣ представить, до какой степени я одинокъ, до какой степени то, что есть настоящій „я“, презираемо всѣми, окружающими меня. Знаю, что претерпѣвый до конца спасенъ будетъ, знаю, что только въ пустякахъ дано человѣку право пользоваться плодами своего труда или хоть видѣть этотъ плодъ, а что въ дѣлѣ Божьей истины, которая вѣчна, не можетъ быть дано человѣку видѣть плодъ своего дѣла, особенно же въ короткій періодъ своей коротенькой жизни. Знаю все это и все-таки часто унываю, и потому встрѣча съ вами и надежда, почти увѣренность, найти въ васъ человѣка, искренно идущаго по одной дорогѣ со мной и къ одной и той же цѣли, для меня очень радостна“.

Въ краткихъ, сильныхъ и искреннихъ выраженіяхъ излагаетъ ему Л. Н—чъ смыслъ ученія Христа и со свойственной ему прямотой ставитъ въ концѣ своего письма столь многихъ людей смущающій вопросъ:

„Ну, а вы, Л. Н., проповѣдывать вы проповѣдуете, а какъ исполняете?“

И тотчасъ же, не щадя себя, съ неподражаемою, до дна души идущею искренностью, онъ такъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ:

„Я отвѣчаю, что я не проповѣдую и не могу проповѣдывать, хотя страстно желаю этого. Проповѣдывать я могу

дѣломъ, а дѣла мои скверны. То же, что я говорю, не есть проповѣдь, а только опроверженіе ложнаго пониманія христіанскаго ученія и разъясненіе настоящаго его значенія. Значеніе его не въ томъ, чтобы во имя его насиліемъ перестроивать общество, значеніе его въ томъ, чтобы найти смыслъ жизни въ этомъ мірѣ. Исполненіе пяти заповѣдей дастъ этотъ смыслъ. Если вы хотите быть христіаниномъ, то надо исполнять эти заповѣди, а не хотите ихъ исполнять, то не толкуйте о христіанствѣ внѣ исполненія этихъ заповѣдей. Но, говорятъ мнѣ, если вы находите, что внѣ исполненія христіанскаго ученія нѣтъ разумной жизни, а вы любите эту разумную жизнь, отчего вы не исполняете заповѣдей? Я отвѣчаю, что виноватъ и гадокъ и достоинъ презрѣнія за то, что я не исполняю. Но при этомъ не столько въ оправданіе, сколько въ объясненіе непослѣдовательности своей говорю: посмотрите на мою жизнь, прежнюю и теперешнюю, и вы увидите, что я пытаюсь исполнять. Я не исполнилъ и 1/10000, это правда, и я виноватъ въ этомъ, но я не исполнилъ не потому, что не хотѣлъ, а потому, что не умѣлъ. Научите меня, какъ выпутаться изъ сѣти соблазновъ, охватившихъ меня, помогите мнѣ, и я исполню; но и безъ помощи я хочу и надѣюсь исполнить. Обвиняйте меня, я самъ это дѣлаю, но обвиняйте меня, а не тотъ путь, по которому я иду и который указываю тѣмъ, кто спрашиваетъ меня, гдѣ, по моему мнѣнію, дорога. Если я знаю дорогу домой и иду по ней пьяный, шатаясь изъ стороны въ сторону, то неужели отъ этого не вѣренъ путь, по которому я иду? Если не вѣренъ, покажите мнѣ другой; если я сбиваюсь и шатаюсь, помогите мнѣ, поддержите меня на настоящемъ пути, какъ я готовъ поддержать васъ, а не сбивайте меня, не радуйтесь тому, что я сбился, не кричите съ восторгомъ: вотъ онъ, говоритъ, что идетъ домой, а самъ лѣзетъ въ болото. Да не радуйтесь же этому, а помогите мнѣ, поддержите меня.

„Вѣдь вы не черти изъ болота, а тоже люди, идущіе до-

мой. Вѣдь я одинъ и вѣдь я не могу желать итти въ болото. Помогите мнѣ: у меня сердце разрывается отъ отчаянія, что мы всѣ заблудились, и, когда я бьюсь всѣми силами, вы, при каждомъ отклоненіи, вмѣсто того, чтобы пожалѣть себя и меня, суете меня и съ восторгомъ кричите: смотрите, съ нами вмѣстѣ въ болотѣ.

„Такъ вотъ мое отношеніе къ ученію и къ исполненію. Всѣми силами стараюсь исполнить и въ каждомъ неисполненіи не то, что только каюсь, но прошу помощи, чтобы быть въ состояніи исполнить, и съ радостью встрѣчаю всякаго, ищущаго путь, какъ и я, и слушаюсь его“ [1]).

Мы видимъ изъ этого, какой борьбой, какими страданіями сопровождалось для Л. Н—ча рожденіе къ его новой жизни, какъ былъ онъ порою одинокъ и съ какою радостью встрѣчалъ онъ ищущихъ свѣта на томъ же пути, на которомъ стоялъ и онъ.

Къ сожалѣнію, Л. Н.—чу пришлось скоро разочароваться въ этомъ другѣ, такъ какъ онъ пошелъ по другому пути.

Московская жизнь скоро дала себя знать и снова легла тяжелымъ камнемъ на душу Л. Н—ча, но онъ умѣлъ уже справляться съ собою и такъ записываетъ въ своемъ дневникѣ 22 дек. 1882 г.:

„Опять въ Москвѣ. Опять пережилъ муки душевныя, ужасныя, больше мѣсяца. Но не безплодныя. Если любишь Божье добро (кажется, я начинаю любить его), любишь, т.-е. живешь имъ—счастье въ немъ, жизнь въ немъ видишь, то видишь и то, что тѣло мѣшаетъ добру истинному. Не добру самому, но тому, чтобы видѣть его, видѣть плоды его. Станешь смотрѣть на плоды добра, перестанешь его дѣлать, мало того, тѣмъ, что смотришь, портишь его, тщеславишься, унываешь. Только тогда-то, что ты сдѣлалъ, будетъ истиннымъ добромъ, когда тебя не будетъ, чтобы портить его.—

---

[1]) Собр. соч. Л. Н. Толстого, запрещ. въ Россіи. Изд. „Своб. Сл.“ Т. 10, стр. 31 и 45.

Но заготовляй его больше. Сѣй, сѣй, зная, что не ты, человѣкъ, пожнешь. Одинъ сѣетъ, другой жнетъ. Ты, человѣкъ, Л. Н., не сожнешь. Если станешь не только жать, но полоть, испортишь пшеницу,—сѣй, сѣй. И если сѣять Божье, то не можетъ быть сомнѣнья, что оно вырастетъ. То, что прежде казалось жестокимъ, то, что мнѣ не дано видѣть плодовъ, теперь ясно, что не только не жестоко, но благо и разумно. Какъ бы я узналъ истинное благо, Божье отъ не истиннаго, если бы я, человѣкъ плотскій, могъ пользоваться его плодами? Теперь же ясно: то, что ты дѣлаешь не видя награды, а дѣлаешь любя, то навѣрное Божье—сѣй и сѣй, и Божье возрастетъ, и пожнешь не ты, человѣкъ, а то, что въ тебѣ сѣетъ".

ГЛАВА XX.

«Въ чемъ моя вѣра?»

Зиму 1882—1883 года Л. Н—чъ проводилъ въ Москвѣ, со своей семьей, уѣзжая иногда для отдыха въ Ясную Поляну. Повидимому, отношеніе его къ окружающему стало смягчаться, онъ овладѣлъ собой и становился спокойнѣе. Это не замедлило отразиться на отношеніи къ нему семьи.

Вотъ что пишетъ гр. С. А. своей сестрѣ 30-го января 1883 года:

„Левочка очень спокоенъ, работаетъ, пишетъ какія-то статьи, иногда прорываются у него рѣчи противъ городской и вообще барской жизни. Мнѣ это больно бываетъ: но я знаю, что онъ иначе не можетъ. Онъ человѣкъ передовой, идетъ впереди толпы и указываетъ путь, по которому должны итти люди. А я, толпа, живу съ теченіемъ толпы, вмѣстѣ съ толпой вижу свѣтъ фонаря, который несетъ всякій передовой человѣкъ и Левочка, конечно, тоже, и признаю, что это свѣтъ. Но не могу итти скорѣе, меня давитъ и толпа, и среда, и мои привычки“ [1]).

Эти „какія-то статьи“ была „Въ чемъ моя вѣра?“, которую тогда Л. Н—чъ съ увлеченіемъ писалъ.

Мы вернемся еще къ этому, быть-можетъ, наиболѣе сильному произведенію Л. Н—ча, завершившему, такъ сказать, развитіе его религіознаго міросозерцанія.

---

[1]) Архивъ Т. А. Кузминской.

Рано весной, въ апрѣлѣ, онъ уѣзжаетъ въ Ясную Поляну и тамъ становится свидѣтелемъ народнаго бѣдствія, къ сожалѣнію, такъ часто посѣщающаго русскія деревни. Въ Ясной Полянѣ былъ большой пожаръ, уничтожившій большую часть деревни. Вотъ какъ пишетъ Л. Н—чъ объ этомъ С. А., очевидно, принимая самое горячее участіе въ помощи погорѣлымъ и приглашая семью къ участію въ этой помощи.

Апрѣль 1883 года.

„Очень жалко мужиковъ. Трудно представить себѣ все, что они перенесли и еще перенесутъ. Весь хлѣбъ сгорѣлъ. Если на деньги счесть потерю, то это больше 10.000. Страховыхъ будетъ тысячи двѣ, а остальное надо все заводить нищимъ и заводить все то, что нужно необходимо только для того, чтобы не умереть съ голоду. Я еще никого не видалъ, кромѣ Филиппа, Митрофана и Марьи Аѳанасьевны. Пошли Сережу въ Государственный банкъ узнать, какую нужно бумагу или довѣренность, чтобы получить билеты, если они понадобятся.

„...Сейчасъ ходилъ по погорѣлымъ. И жалко, и страшно, и величественно—эта сила, эта независимость и увѣренность въ свою силу и спокойствіе. Главная нужда теперь—овесъ на посѣвъ.

„Скажи Сережѣ брату, если его это не стѣснитъ, не можетъ ли онъ мнѣ дать записку въ Пирогово на сто четвертей овса. Цѣна пусть будетъ та самая высшая, за какую онъ продаетъ. Если онъ согласенъ, то пришли эту записку или привези. Даже отвѣть телеграммой, дастъ ли Сережа записку на овесъ, потому что, если онъ не дастъ, надо распорядиться купить“ [1]).

Въ маѣ Л. Н—чъ отправляется въ свое самарское имѣніе, и въ его письмахъ оттуда къ С. А. уже чувствуется перемѣна, происшедшая въ немъ.

1883 года, май.

---

[1]) Архивъ С. А. Толстой.

ВИДЪ ДОМА Л. Н. ТОЛСТОГО ВЪ ХАМОВНИЧЕСКОМЪ ПЕРЕУЛКѢ ВБЛИЗИ.

„...Погода здѣсь прекрасная. Степь зеленая и веселая и ожиданія урожая хорошія. Я хожу помногу, и когда сижу дома, читаю библію toujours avec un nouveau plaisir [1]).

„Я въ серьезномъ, невеселомъ, но спокойномъ духѣ, и не могу жить безъ работы. Вчера проболтался день, и стало стыдно и гадко, и нынче занимаюсь.

„...Не знаю, какъ дальше, но мнѣ теперь непріятно мое положеніе хозяина и обращеніе бѣдныхъ, которыхъ я не могу удовлетворить. Мнѣ хоть и совѣстно и противно думать о своемъ поганомъ тѣлѣ, но кумысъ, знаю, что мнѣ будетъ полезенъ, главное, тѣмъ, что мнѣ справитъ желудокъ, и потому нервы и расположеніе духа, и я буду способенъ больше дѣлать, пока живъ, и потому хотѣлось бы пожить дольше, но боюсь, что не выдержу. Можетъ-быть, переѣду на Каралыкъ, тамъ я буду независимѣе.

„...Мнѣ интересно было себя примѣрять къ здѣшней жизни. Кажется, я недавно былъ, а ужасно измѣнился, и хоть ты и находишь, что къ худшему, я знаю, что къ лучшему, потому что мнѣ покойнѣе и что мнѣ пріятнѣе быть съ такимъ человѣкомъ, какой я теперь, чѣмъ я былъ прежде. Дорогой видѣлъ много переселенцевъ. Очень трогательное и величественное зрѣлище“ [2]).

Сношенія его съ самарскими молоканами продолжаются. 12 іюня онъ пишетъ:

„...Нынче ѣздилъ съ Вас. Ив. въ Патровку и Гавриловку по дѣлу сдачи земли и долго бесѣдовалъ съ молоканами, разумѣется, о христіанскомъ законѣ. Пускай доносятъ. Я избѣгаю сношеній съ ними, но сойдясь, не могу не говорить того, что думаю“.

Интересна бѣглая характеристика лицъ, составлявшихъ населеніе сосѣдняго хутора Б., которую даетъ Л. Н—чъ въ своемъ письмѣ къ С. А. отъ 8-го іюня:

---

[1]) Всегда съ новымъ удовольствіемъ.

[2]) Тамъ же.

„...Послѣднюю недѣлю я все возился съ мужиками, а теперь эти послѣдніе дни другое. Кромѣ всѣхъ жителей, здѣсь наѣхали еще гости къ Бибикову: два человѣка, бывшіе въ процессѣ 193, и вотъ послѣдніе дни я подолгу съ ними бесѣдовалъ. Я знаю, что имъ этого хочется, и думаю, что не имѣю права удаляться отъ нихъ. Можетъ-быть, имъ полезно, а мнѣ тяжелы эти разговоры. Это люди, подобные Б. и В. И., но моложе. Одинъ, особенно крестьянинъ (крѣпостной бывшій) Лазаревъ, очень интересенъ. Образованъ, уменъ, искрененъ, горячъ и совсѣмъ мужикъ и говоромъ и привычкой работать. Онъ живетъ съ двумя братьями-мужиками, пашетъ и жнетъ и работаетъ на общей мельницѣ. Разговоры, разумѣется, вѣчно о насиліи, имъ хочется отстоять право насилія; я показываю имъ, что это безнравственно и глупо. Они вотъ всѣ эти дни ходятъ табуномъ, то къ Б., то къ В. И. Я удаляюсь отъ нихъ; но два раза подолгу бесѣдовали“ [1]).

27 іюня С. А. пишетъ:

„Я все читаю твою статью или, лучше, твое сочиненіе. Конечно, ничего нельзя сказать противъ того, что хорошо быть совершенными и непремѣнно надо напоминать людямъ, какъ надо быть совершенными и какими путями достигнуть этого. Но все-таки не могу не сказать, что трудно отбросить всѣ игрушки въ жизни, которыми играешь, и всякій, и я больше другихъ, держу эти игрушки крѣпко и радуюсь, какъ онѣ блестятъ и шумятъ и забавляютъ.

„А если не отбросимъ, не будемъ совершенны,—не будемъ христіане, не отдадимъ кафтана, и не будемъ любить всю жизнь одну жену, и не бросимъ оружія, потому что за это насъ запрутъ“ [2]).

Въ этомъ искреннемъ сознаніи приверженности своей къ мірской жизни С. А. забыла одну важную, характерную черту христіанскаго ученія, такъ ясно выраженную Л. Н—чемъ

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Тамъ же.

въ его произведеніяхъ. Христіанство не есть временное состояніе человѣка (какъ бы низко или высоко оно ни было по сравненію съ окружающими), а путь, движеніе отъ низшаго къ высшему, безконечное развитіе духовныхъ силъ человѣка. Поэтому-то величайшій праведникъ и пророкъ, умирая на крестѣ за провозглашенную имъ истину, могъ сказать умиравшему рядомъ съ нимъ презрѣнному преступнику, въ которомъ блеснулъ лучъ сознанія: „днесь будеши со мною въ раю".

А въ это время вдали отъ родины угасала жизнь другого великаго художника, тонкаго, искренняго, хотя и строгаго цѣнителя Л. Н—ча—Ивана Сергѣевича Тургенева.

Чувствуя приближеніе смерти, онъ думалъ и болѣлъ душою о своемъ великомъ современникѣ, котораго „нянькой старой" когда-то считалъ себя.

Въ концѣ іюня онъ пишетъ Л. Н—чу письмо, хорошо знакомое русской публикѣ по многочисленнымъ его перепечаткамъ и въ которомъ И. С. Тургеневъ въ первый разъ даетъ Л. Н—чу съ тѣхъ поръ оставшійся за нимъ титулъ „великаго писателя русской земли". Вотъ это замѣчательное письмо:

„Толстому, гр. Л. Н—чу. Буживаль, 27 или 28 іюня 1883 г.

„Милый и дорогой Левъ Николаевичъ! Долго вамъ не писалъ, ибо былъ и есмь, говоря прямо, на смертномъ одрѣ. Выздоровѣть я не могу, и думать объ этомъ нечего. Пишу же я вамъ, собственно, чтобы сказать вамъ, какъ я былъ радъ быть вашимъ современникомъ, и чтобы выразить вамъ мою послѣднюю просьбу. Другъ мой, вернитесь къ литературной дѣятельности. Вѣдь этотъ даръ вашъ оттуда, откуда все другое. Ахъ, какъ я былъ бы счастливъ, если бы могъ подумать, что просьба моя такъ на васъ подѣйствуетъ!.. Я же человѣкъ конченый, доктора даже не знаютъ, какъ назвать мой недугъ, nevralgie stomacale gouteuse. Ни ходить, ни ѣсть, ни спать, да что! Скучно даже повторять все это.

Другъ мой, великій писатель русской земли, внемлите моей просьбѣ. Дайте мнѣ знать, если вы получите эту бумажку, и позвольте еще разъ крѣпко, крѣпко обнять васъ, вашу жену, всѣхъ вашихъ... Не могу больше... Усталъ“ [1]).

Письмо это было послѣднимъ изъ дошедшихъ до насъ писемъ И. С. Тургенева. Оно пришло въ началѣ іюля, когда Л. Н—чъ еще былъ на кумысѣ. Для Л. Н—ча вопросъ о возвращеніи и не возвращеніи къ литературной дѣятельности или вовсе не существовалъ, или былъ гораздо глубже и шире и не могъ вмѣститься въ узкую рамку исполненія дружеской просьбы, и потому, вернувшись съ кумыса и прочитавъ письмо Тургенева, онъ не въ состояніи былъ скоро отвѣтить ему. Ему пришлось бы пересказать всѣ тѣ мучительныя пережитыя имъ перипетіи, которыми онъ дошелъ до теперешняго сознанія и которыя, въ сущности, зналъ, но не могъ или не хотѣлъ понять Тургеневъ.

22-го августа И. С. Тургенева не стало. Смерть эта сильно поразила Л. Н—ча и духовно приблизила къ нему.

Въ сентябрѣ семья Л. Н—ча переѣхала въ Москву, а онъ остался въ Ясной Полянѣ одинъ и въ своемъ уединеніи готовился къ совершенію важнаго шага.

Онъ получилъ повѣстку о назначеніи его присяжнымъ засѣдателемъ въ Крапивну въ предстоящую сессію окружнаго суда.

Объ этомъ назначеніи своемъ онъ не сказалъ никому изъ семейныхъ, боясь, что волненія ихъ нарушатъ ту работу сознанія, которая должна была рѣшить тотъ или другой его поступокъ.

Но когда рѣшительный шагъ былъ совершонъ, Л. Н—чъ вкратцѣ сообщилъ объ этомъ графинѣ въ слѣдующемъ письмѣ:

---

[1]) Собраніе писемъ И. С. Тургенева, стр. 550.

„...Сегодня пріѣхалъ изъ Крапивны. Я ѣздилъ туда по вызову въ присяжные. Я пріѣхалъ въ третьемъ часу. Засѣданіе уже началось, и на меня наложили штрафъ въ 100 руб. Когда меня вызвали, я сказалъ, что не могу быть присяжнымъ. Спросили: почему? Я сказалъ: по религіознымъ убѣжденіямъ. Потомъ другой разъ спросили: рѣшительно ли я отказываюсь? Я сказалъ, что никакъ не могу, и ушелъ. Все было очень дружелюбно. Нынче, вѣроятно, наложатъ еще двѣсти рублей, и не знаю, кончится ли все этимъ. Я думаю, что да. Въ томъ, что я именно не могъ поступить иначе, я увѣренъ, что ты не сомнѣваешься, но, пожалуйста, не сердись на меня за то, что я не сказалъ тебѣ, что я былъ назначенъ присяжнымъ. Я бы тебѣ сказалъ, если бы ты спросила или пришлось; но нарочно говорить тебѣ мнѣ не хотѣлось. Ты бы волновалась, меня бы встревожила, а я и такъ тревожился и всѣми силами себя успокаивалъ. Остаться или вернуться въ Ясную я и такъ хотѣлъ, а тутъ и эта причина была, такъ ты, пожалуйста, не сердись. Мнѣ можно было совсѣмъ не ѣхать. Тогда были бы тѣ же штрафы, а въ слѣдующій разъ опять бы меня потребовали. Но теперь я сказалъ разъ навсегда, что не могу быть. Сказалъ я самымъ мягкимъ образомъ, и даже такими выраженіями, что никто мужики не поняли. Изъ судейскихъ я никого не видалъ“ [1]).

Этотъ скромный поступокъ еще мало оцѣненъ современниками. А между тѣмъ его слѣдуетъ почитать днемъ объявленія войны всему старому строю, держащемуся на насиліи, объявленія войны насилію со стороны Разума и Любви. Это произошло 28 сентября 1883 г.

Въ это время умственный интересъ Л. Н—ча сосредоточивался на двухъ вещахъ: на писаніи своего основного со-

---

[1]) Архивъ гр. С. А. Толстой.

чиненія „Въ чемъ моя вѣра?“ и на чтеніи сочиненій И. С. Тургенева. Редакторъ „Русской Мысли“ Юрьевъ обратился ко Л. Н—чу отъ имени Общества любителей россійской словесности съ просьбой прочесть на готовящемся торжественномъ засѣданіи общества что-нибудь о недавно умершемъ писателѣ. Л. Н—чъ сердечно отозвался на эту просьбу и принялся за чтеніе произведеній Тургенева, чтобы освѣтить въ своей памяти впечатлѣніе отъ его творчества.

Какъ проводилъ это время въ Ясной Л. Н—чъ, мы узнаемъ изъ его письма къ С. А.:

„Жизнь моя какъ заведенные часы. Проснусь въ 9, пойду въ Заказъ, вернусь, напьюсь кофею, сяду за работу часовъ въ 11. И сижу до половины 4-го и опять пойду на Заказъ до обѣда. Обѣдаю, читаю Тургенева. Придетъ Агаѳья Мих., пью чай, пишу тебѣ, погуляю при лунномъ свѣтѣ и ложусь спать. И это самое дурное время. Долго не могу заснуть“.

Въ слѣдующемъ письмѣ онъ пишетъ:

„... О Тургеневѣ все думаю и ужасно люблю его, жалѣю и все читаю. Я все съ нимъ живу; непремѣнно или буду читать или напишу и дамъ прочесть о немъ, скажи такъ Юрьеву. Но лучше 15-го.

„...Сейчасъ читалъ тургеневское „Довольно“. Прочти, что за прелесть“.

С. А. сообщаетъ своей сестрѣ о предполагавшемся публичномъ чтеніи Л. Н.—ча:

„23 октября Левочка будетъ публично читать о Тургеневѣ, это теперь уже волнуетъ всю Москву, и будетъ толпа страшная въ актовой залѣ университета въ Обществѣ любителей русской словесности. Мнѣ готовятъ 4 почетныхъ мѣста въ самой серединѣ 1-го ряда“.

Но—увы!—темныя силы неусыпно работали и совершили новое злодѣяніе. Публичное свидѣтельство Толстого о Тургеневѣ, вызванное въ немъ самымъ сердечнымъ воспоминаніемъ объ умершемъ, было запрещено.

Графиня С. А. въ письмѣ къ сестрѣ своей отъ 24 октября

отражаетъ возмущенное общественное мнѣніе по поводу этого запрещенія:

„Милая Таня, какъ ты это вѣрно видѣла изъ газетъ и знаешь изъ слуховъ, чтеніе въ память Тургенева запретили изъ вашего противнаго Петербурга. Говорятъ, что это Толстой (министръ) запретилъ; ну, да что отъ него можетъ быть, какъ не безтактныя, неловкія выходки. Представь себѣ, что это чтеніе должно было быть самое невинное, самое мирное; никто не только не думалъ о томъ, чтобы выстрѣлить какой-нибудь либеральной выходкой, но даже всѣ страшно удивились, что же могло быть сказано? Гдѣ могла бы быть противоправительственная опасность? Теперь, конечно, все могутъ предположить. Публика взволнована, подозрѣваютъ чуть ли не замыселъ цѣлой революціонной выходки. Юрьевъ былъ у насъ какъ-то, и я слышала, какъ онъ разсказывалъ, что и какъ будетъ читаться. Левочка говоритъ, что ему писать рѣчь некогда, но что онъ будетъ говорить, и то, что онъ хотѣлъ сказать, такъ же невинно, какъ сказка о красной шапочкѣ.

„Но мнѣ и всей Москвѣ было ужасно досадно. Озлоблены всѣ безъ исключенія, кромѣ Левочки, который даже радъ, что избавленъ явиться въ публикѣ, это ему такъ непривычно. Онъ на-дняхъ ѣдетъ на недѣлю въ Ясную: хочетъ порошу застать. Онъ все пишетъ, но печатать не придется“ [1]).

А между тѣмъ писаніе „Въ чемъ моя вѣра?“ подвигалось къ концу и послѣ многихъ передѣлокъ переписывалось набѣло.

С. А. пишетъ своей сестрѣ 9 ноября 1883 года:

„... Только насчетъ рукописи я отъ Левочки ея не добилась. Онъ говоритъ: напиши Сашѣ, что двухъ словъ подъ рядъ не осталось изъ старой рукописи—все передѣлано.

---

[1]) Арх. Т. А. Кузминской.

Что въ настоящее время переписывается она въ двухъ экземплярахъ, что онъ желаетъ ее тебѣ прислать въ настоящемъ исправленномъ видѣ. Кромѣ того, книга эта печатается, и если будетъ возможно, мы вамъ пришлемъ печатный экземпляръ. Теперь, вѣроятно, скоро все будетъ готово. Левочка уѣхалъ въ Ясную Поляну на недѣлю. Онъ тамъ будетъ охотиться и отдыхать" [1]).

Изъ Ясной Поляны Л. Н—чъ писалъ своей женѣ:

„... Здѣсь черезъ князя получилъ письмо отъ одной Смирновой и маркиза St. Ives Парижскаго. Очень интересно. Онъ членъ общества вѣчнаго мира и пишетъ книгу противъ войны и революціи. La mission des Souverins и кажется, что настоящій.

„... Я читаю и Стендаля и Энгельгарда. Энгельгардъ—прелесть. Это нельзя достаточно читать и хвалить. Контрастъ нашей жизни и настоящей жизни мужиковъ, про которую мы такъ старательно забываемъ. Для меня это одна изъ тѣхъ книгъ, которыя освобождаютъ меня отъ части того, что я чувствую себя обязаннымъ сдѣлать. Но онъ сдѣлалъ, и никто не читаетъ. Или читаютъ и говорятъ: „Да что, онъ соціалистъ". А онъ и не думаетъ быть соціалистомъ, а говоритъ, что есть.

„... Нынче я одинъ. Былъ только Дм. Ѳед. (Разговаривали о томъ, какъ онъ живетъ самъ-семъ на 11 руб. въ мѣсяцъ. Живетъ!)

„... Читаю Стендаля Rouge et Noir. Лѣтъ сорокъ тому назадъ я читалъ это, но ничего не помню, кромѣ моего отношенія къ автору: симпатія за смѣлость, родственность, но неудовлетворенность. И странно, то же самое чувство теперь, но съ яснымъ сознаніемъ отчего и почему" [2]).

Н. Н. Страховъ въ 1883 году написалъ біографію Ѳ. М. Достоевскаго и послалъ ее при письмѣ своемъ Л. Н—чу. Тотъ отвѣтилъ ему слѣдующимъ интереснымъ письмомъ:

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Тамъ же.

„Дорогой Николай Николаевичъ! Я только начиналъ скучать о томъ, что давно не имѣю отъ васъ извѣстій, какъ получилъ вашу книгу и письмо и книги. Очень благодаренъ вамъ за все и за еврейскую Библію, которую я съ радостью получилъ давно и, мнѣ кажется, уже благодарилъ васъ за нее. Сколько я вамъ долженъ? Когда увидимся? Не пріѣдете ли вы въ Москву? Книгу вашу прочелъ. Письмо ваше очень грустно подѣйствовало на меня, разочаровало меня. Но я васъ вполнѣ понимаю и, къ сожалѣнію, почти вѣрю вамъ. Мнѣ кажется, вы были жертвой ложнаго, фальшиваго отношенія къ Достоевскому не вами, но всѣми—преувеличенія его значенія и преувеличенія по шаблону возведенія въ пророки и святого—человѣка, умершаго въ самомъ горячемъ процессѣ внутренней борьбы добра и зла. Онъ трогателенъ, интересенъ, но поставить на памятникъ въ поученіе потомству нельзя человѣка, который весь борьба. Изъ книги вашей я въ первый разъ узналъ всю мѣру его ума. Книгу Пресансе я тоже прочиталъ, но вся ученость пропадаетъ отъ загвоздки. Бываютъ лошади-красавицы: рысакъ цѣна 1.000 руб, и вдругъ заминка, и лошади-красавицѣ и силачу цѣна грошъ. Чѣмъ я больше живу, тѣмъ больше цѣню людей безъ заминки. Вы говорите, что помирились съ Тургеневымъ. А я очень полюбилъ. И забавно, за то, что онъ былъ безъ заминки и свезетъ, а то рысакъ, да никуда на немъ не уѣдешь, если еще не завезетъ въ канаву. И Пресансе и Достоевскій оба съ заминкой. И у одного вся ученость, у другого умъ и сердце пропали ни за что. Вѣдь Тургеневъ и переживетъ Достоевскаго и не за художественность, а за то, что безъ заминки. Обнимаю васъ отъ всей души. Ахъ, да, со мной случилась бѣда, задѣвшая и васъ. Я ѣздилъ на недѣльку въ деревню въ половинѣ октября и, возвращаясь отъ вокзала до дому, выронилъ изъ саней чемоданъ. Въ чемоданѣ были книги и рукописи и корректуры. И книга одна пропала ваша: 1-й томъ Гризбаха. Всѣ объявленія ни къ чему не привели. Надѣюсь

еще найти у букинистовъ. Я знаю, что вы простите мнѣ, но мнѣ и совѣстно и досадно лишиться книги, которая мнѣ всегда нужна“ [1]).

Въ числѣ рукописей, пропавшихъ въ потерянномъ чемоданѣ, было нѣсколько главъ изъ „Въ чемъ моя вѣра?“, которыя Л. Н—чу пришлось написать вновь. Внутренняя сила, побуждавшая его писать эту книгу, была такъ велика, что эта пропажа была почти не замѣчена, пропавшія главы были возстановлены, и печатаніе шло своимъ порядкомъ, безъ перерыва.

Л. Н—чъ, сознавая, что его писаніе не будетъ одобрено „взявшими себѣ ключи царства небеснаго“, рискнулъ печатать „Въ чемъ моя вѣра?“ безъ предварительной цензуры, въ количествѣ 50 экз., назначивъ большую цѣну, чтобы ясно показать, что книга эта печатается не для всеобщаго употребленія, и тѣмъ спасти ее. Но все было напрасно.

29 января 1884 года С. А. сообщаетъ Л. Н—чу, жившему тогда въ Ясной Полянѣ:

„Маракуевъ сказалъ, что книгу твою новую цензура свѣтская передала въ цензуру духовную; что архимандритъ, предсѣдатель цензурнаго комитета, ее прочелъ и сказалъ, „что въ этой книгѣ столько высокихъ истинъ, что нельзя не признать ихъ, и что онъ съ своей стороны не видитъ причины не пропустить ее“. Но я думаю, что Побѣдоносцевъ со своей безтактностью и педантизмомъ опять запретитъ; пока она запечатана у Кушнерева и рѣшенія никакого нѣтъ“ [2]).

Черезъ три дня она къ этому сообщенію прибавляетъ:

„Дядя Костя въ твоей комнатѣ все читаетъ твое сочиненіе, о которомъ, между прочимъ, еще ничего не слыхать. Хвалилъ же его, какъ я тебѣ писала, навѣрное, отецъ Амфилохій, можетъ-быть, ты его знаешь“ [3]).

---

[1]) Арх. В. Г. Черткова.

[2]) Арх. гр. С. А. Толстой.

[3]) Тамъ же.

Вопросъ вскорѣ разъяснился: Побѣдоносцевъ запретилъ эту книгу. Но вызванный ею интересъ не далъ ему возможности уничтожить, сжечь ее, какъ то слѣдовало по закону. Все изданіе было вытребовано въ Петербургъ и роздано по рукамъ различнымъ сановникамъ и ихъ приближеннымъ, гдѣ и читалось съ большимъ интересомъ. Намъ вполнѣ понятно опасеніе Побѣдоносцева. Онъ сдѣлалъ все, что могъ, чтобы затушить возгорѣвшееся священное пламя. Но силъ на это у него не хватило. „Духъ дышитъ, гдѣ хочетъ“ и не подчиняется указамъ оберъ-прокурора. Сочиненіе это стало быстро распространяться въ многочисленныхъ копіяхъ, литографіяхъ и гектографіяхъ. Вскорѣ оно было издано за границей на русскомъ языкѣ, было переведено на всѣ европейскіе языки, а черезъ 20 лѣтъ появилось въ печати и въ Россіи.

Это сочиненіе, едва ли не самое сильное изъ написанныхъ Л. Н—чемъ за послѣднее время, подобно многимъ его другимъ произведеніямъ, о которыхъ мы уже говорили; оно не есть только литературное произведеніе, а есть огромной важности жизненный фактъ. И съ этой точки зрѣнія мы и разсмотримъ его.

Вотъ что онъ говоритъ во введеніи:

„Я прожилъ на свѣтѣ 55 лѣтъ и, за исключеніемъ 14 или 15 дѣтскихъ, 35 лѣтъ я прожилъ нигилистомъ въ настоящемъ значеніи этого слова, т.-е. не соціалистомъ и революціонеромъ, какъ обыкновенно понимаютъ это слово, а нигилистомъ въ смыслѣ отсутствія всякой вѣры.

„Пять лѣтъ тому назадъ я повѣрилъ въ ученіе Христа, и жизнь моя вдругъ перемѣнилась: мнѣ перестало хотѣться того, чего прежде хотѣлось, и стало хотѣться того, чего прежде не хотѣлось. То, что прежде казалось мнѣ хорошо, показалось дурно, и то, что прежде казалось дурно, показалось хорошо. Со мной случилось то, что случается съ человѣкомъ, который вышелъ за дѣломъ и вдругъ рѣшилъ, что дѣло это ему совсѣмъ не нужно, и повернулъ домой.

И все, что было справа, стало слѣва, и все, что было слѣва, стало справа: прежнее желаніе—быть какъ можно дальше отъ дома—перемѣнилось на желаніе быть какъ можно ближе отъ него. Направленіе моей жизни—желанія мои стали другія: и доброе и злое перемѣнилось мѣстами. Все это произошло отъ того, что я понялъ ученіе Христа не такъ, какъ я понималъ его прежде.

„Я не толковать хочу ученіе Христа, а хочу только разсказать, какъ я понялъ то, что есть простого, яснаго, понятнаго и несомнѣннаго, обращеннаго ко всѣмъ людямъ въ ученіи Христа, и какъ то, что я понялъ, перевернуло мою душу и дало мнѣ спокойствіе и счастіе.

„Я не толковать хочу ученіе Христа, а только одного хотѣлъ бы: запретить толковать его.

„Разбойникъ на крестѣ повѣрилъ въ Христа и спасся. Неужели было бы дурно и для кого-нибудь вредно, если бы разбойникъ не умеръ на крестѣ, а сошелъ бы съ него и разсказалъ людямъ, какъ онъ повѣрилъ въ Христа?

„Я такъ же, какъ разбойникъ на крестѣ, повѣрилъ ученію Христа и спасся. И это не далекое сравненіе, а самое близкое выраженіе того душевнаго состоянія отчаянія и ужаса передъ жизнью и смертью, въ которомъ я находился прежде, и того состоянія спокойствія и счастья, въ которомъ я нахожусь теперь.

„Я, какъ разбойникъ, зналъ, что жилъ и живу скверно, видѣлъ, что большинство людей вокругъ меня живетъ такъ же. Я такъ же, какъ разбойникъ, зналъ, что я несчастливъ и страдаю и что вокругъ меня люди также несчастливы и страдаютъ, и не видалъ никакого выхода, кромѣ смерти, изъ этого положенія. Я такъ же, какъ разбойникъ къ кресту, былъ пригвожденъ какой-то силой къ этой жизни страданій и зла. И какъ разбойника ожидалъ страшный мракъ смерти послѣ безсмысленныхъ страданій и зла жизни, такъ и меня ожидало то же.

„Во всемъ этомъ я былъ совершенно подобенъ разбой-

нику, но различіе мое отъ разбойника было въ томъ, что онъ умиралъ уже, а я еще жилъ. Разбойникъ могъ повѣрить тому, что спасеніе его будетъ тамъ, за гробомъ, а я не могъ повѣрить этому, потому что, кромѣ жизни за гробомъ, мнѣ предстояла еще и жизнь здѣсь. А я не понималъ этой жизни. Она мнѣ казалась ужасною. И вдругъ я услышалъ слова Христа, понялъ ихъ, и жизнь и смерть перестали мнѣ казаться зломъ, и вмѣсто отчаянія я испыталъ радость и счастье жизни, ненарушимыя смертью.

„Неужели для кого-нибудь можетъ быть вредно, если я разскажу, какъ это сдѣлалось со мною?“ [1]).

Послѣ многихъ тщетныхъ исканій истины, о которыхъ мы уже упоминали при описаніи его душевнаго кризиса, Л. Н—чъ, какъ онъ самъ говоритъ въ своей книгѣ „Въ чемъ моя вѣра“, остался опять одинъ съ своимъ сердцемъ и съ таинственною книгою предъ собою. „Я не могъ дать ей того смысла, который давали другіе, и не могъ придать иного, и не могъ отказаться отъ нея. И только извѣрившись одинаково и во всѣ толкованія ученаго богословія, и откинувъ ихъ всѣ, по слову Христа: если не примете меня, какъ дѣти, не войдете въ царствіе Божіе... я понялъ вдругъ то, чего не понималъ прежде. Я понялъ не тѣмъ, что я какъ-нибудь искусно, глубокомысленно переставлялъ, сличалъ, перетолковывалъ; напротивъ, все открылось мнѣ тѣмъ, что я забылъ всѣ толкованія. Мѣсто, которое было для меня ключомъ всего, было мѣсто изъ 5-й главы Мѳ. ст. 39: „Вамъ сказано: око за око, зубъ за зубъ. А Я говорю вамъ: не противьтесь злому“. Я вдругъ въ первый разъ понялъ этотъ стихъ прямо и просто. Я понялъ, что Христосъ говоритъ то самое, что говоритъ. И тотчасъ не то, что появилось что-нибудь новое, а отпало все, что затемняло истину, и истина возстала предо мною во всемъ ея значеніи. „Вы слышали, что сказано древнимъ: око за око, зубъ за зубъ.

---

[1]) „Въ чемъ моя вѣра?“ Изд. „Св. Сл.“, стр. 1.

А Я вамъ говорю: не противьтесь злому". Слова эти показались мнѣ вдругъ совершенно новыми, какъ будто я никогда не читалъ ихъ прежде" [1]).

Это открытіе и составляетъ главный, центральный предметъ содержанія книги.

Простоту, непосредственный смыслъ этихъ словъ и неожиданность открытія ихъ Л. Н. уподобляетъ библейскому сказанію о явленіи Бога пророку Исаіи:

„Илья пророкъ, убѣгая отъ людей, скрылся въ пещерѣ, и ему было откровеніе, что Богъ явится ему у входа пещеры. Сдѣлалась буря—ломались деревья. Илья подумалъ, что это Богъ, и посмотрѣлъ, но Бога не было. Потомъ началась гроза, громъ и молнія были страшные. Илья вышелъ посмотрѣть, нѣтъ ли Бога, но Бога не было. Потомъ сдѣлалось землетрясеніе: огонь шелъ изъ земли, трескались скалы, валились горы. Илья посмотрѣлъ, но Бога не было. Потомъ стало тихо, и легкій вѣтерокъ пахнулъ съ освѣженныхъ полей. Илья посмотрѣлъ, и Богъ былъ тутъ. Таковы и эти простыя слова Бога: не противься злому" [2]).

Понявъ такъ просто эти слова Христа, Л. Н—чъ снова сталъ еще съ бо̀льшимъ вниманіемъ, проникновеніемъ и увлеченіемъ читать Евангеліе, прилагая къ нему найденный ключъ. Читая и перечитывая Нагорную проповѣдь, Л. Н—чъ былъ пораженъ прежде ускользавшимъ отъ его вниманія противопоставленіемъ, которое дѣлаетъ Христосъ между старымъ и новымъ закономъ. „Вы слышали, что сказано древнимъ..., а Я говорю вамъ". Для него стало очевиднымъ, что въ этомъ противопоставленіи и заключается то новое слово, „новый завѣтъ", который былъ данъ людямъ Христомъ. И вотъ, освобождая эти слова Христа отъ прибавокъ и искаженій, сдѣланныхъ въ нихъ церковными учителями съ очевиднымъ намѣреніемъ скрыть отъ людей рѣ-

---

[1]) Тамъ же, стр. 9.
[2]) Тамъ же, стр. 41.

жущую имъ самимъ глаза истину, Л. Н—чъ сгруппировываетъ эти слова въ пять заповѣдей Нагорной проповѣди: „Не гнѣвись, не блуди, не клянись, не противься злому и не воюй“.

„И, понявъ такимъ образомъ,—говоритъ онъ,—эти столь простыя, опредѣленныя, не подверженныя никакимъ перетолкованіямъ заповѣди Христа, я спросилъ себя: что бы было, если бы христіанскій міръ повѣрилъ въ эти заповѣди не въ томъ смыслѣ, что ихъ нужно пѣть или читать для умилостивленія Бога, а что ихъ нужно исполнять для счастья людей? Что бы было, если бы люди повѣрили обязательности этихъ заповѣдей хоть такъ же твердо, какъ они повѣрили тому, что надо каждый день молиться, каждое воскресенье ходить въ церковь, каждую пятницу ѣсть постное и каждый годъ говѣть? Что бы было, если бы люди повѣрили въ эти заповѣди хоть такъ же, какъ они вѣрятъ въ церковныя требованія? И я представилъ себѣ, что всѣмъ намъ и нашимъ дѣтямъ съ дѣтства словомъ и примѣромъ внушается не то, что внушается теперь, что человѣкъ долженъ соблюдать свое достоинство, отстаивать передъ другими свои права (чего нельзя сдѣлать иначе, какъ унижая и оскорбляя другихъ), а внушается то, что ни одинъ человѣкъ не имѣетъ никакихъ правъ и не можетъ быть ниже или выше другого; что ниже и позорнѣе всѣхъ тотъ, который хочетъ стать выше другихъ; что нѣтъ болѣе унизительнаго для человѣка состоянія, какъ состояніе гнѣва противъ другого человѣка; что кажущееся мнѣ ничтожество или безуміе человѣка не можетъ оправдать мой гнѣвъ противъ него и мой раздоръ съ нимъ. Вмѣсто всего устройства нашей жизни отъ витрины магазиновъ до театровъ, романовъ и женскихъ нарядовъ, вызывающихъ плотскую похоть, я представилъ себѣ, что всѣмъ намъ и нашимъ дѣтямъ внушается словомъ и дѣломъ, что увеселеніе себя похотливыми книгами, театрами и балами есть самое подлое увеселеніе, что всякое дѣйствіе, имѣющее цѣлью украшеніе

тѣла или выставленіе его, есть самый низкій и отвратительный поступокъ. Вмѣсто устройства нашей жизни, при которой считается необходимымъ и хорошимъ, чтобы молодой человѣкъ распутничалъ до женитьбы, вмѣсто того, чтобы жизнь, разлучающую супруговъ, считать самой естественной, вмѣсто узаконенія сословія женщинъ, служащихъ разврату, вмѣсто допусканія и благословенія развода,—вмѣсто всего этого я представилъ себѣ, что намъ словомъ и дѣломъ внушается, что одинокое безбрачное состояніе человѣка, созрѣвшаго для половыхъ сношеній и не отрекшагося отъ нихъ, есть уродство и позоръ, что покиданіе человѣкомъ той, съ какою онъ сошелся, перемѣна ея для другой, есть не только такой же неестественный поступокъ, какъ кровосмѣшеніе, но есть и жестокій, безчеловѣчный поступокъ. Вмѣсто того, чтобы вся жизнь наша была установлена на насиліи, чтобы каждая радость наша добывалась и ограждалась насиліемъ. Вмѣсто того, чтобы каждый изъ насъ былъ наказываемымъ или наказывающимъ съ дѣтства и до глубокой старости, я представилъ себѣ, что всѣмъ намъ внушается словомъ и дѣломъ, что месть есть самое низкое животное чувство, что насиліе есть не только позорный поступокъ, но поступокъ, лишающій человѣка истиннаго счастья, что радость жизни есть только та, которую не нужно ограждать насиліемъ, что высшее уваженіе заслуживаетъ не тотъ, кто отнимаетъ или удерживаетъ свое отъ другихъ и кому служатъ другіе, а тотъ, кто больше отдаетъ свое и больше служитъ другимъ. Вмѣсто того, чтобы считать прекраснымъ и законнымъ то, чтобы всякій присягалъ и отдавалъ все, что у него есть самаго драгоцѣннаго, т.-е. всю свою жизнь, въ волю самъ не зная кого, я представилъ себѣ, что всѣмъ внушается то, что разумная воля человѣка есть та высшая святыня, которую человѣкъ никому не можетъ отдать, и что обѣщаться клятвой кому-нибудь въ чемъ-нибудь есть отреченіе отъ своего разумнаго существа, есть поруганіе самой высшей святыни. Я

представилъ себѣ, что вмѣсто тѣхъ народныхъ ненавистей, которыя подъ видомъ любви къ отечеству внушаются намъ, вмѣсто тѣхъ восхваленій убійства—войнъ, которыя съ дѣтства представляются намъ какъ самые доблестные поступки, я представилъ себѣ, что намъ внушается ужасъ и презрѣніе ко всѣмъ тѣмъ дѣятельностямъ — государственнымъ, дипломатическимъ, военнымъ,—которыя служатъ раздѣленію людей, что намъ внушается то, что признаніе какихъ бы то ни было государственныхъ особенныхъ законовъ, границъ, земель есть признакъ самаго дикаго невѣжества, что воевать, т.-е. убивать чужихъ, незнакомыхъ людей безъ всякаго повода, есть самое ужасное злодѣйство, до котораго можетъ дойти только заблудшій и развращенный человѣкъ, упавшій до степени животнаго. Я представилъ себѣ, что всѣ люди повѣрили въ это, и спросилъ себя, что бы тогда было"? [1])

И самъ Л. Н—чъ отвѣчаетъ на этотъ такъ широко поставленный вопросъ:

„При исполненіи этихъ заповѣдей жизнь людей будетъ то, чего ищетъ и желаетъ всякое сердце человѣческое. Всѣ люди будутъ братья, и всякій будетъ всегда въ мирѣ съ другими, наслаждаясь всѣми благами міра тотъ срокъ жизни, который удѣленъ ему Богомъ. Перекуютъ люди мечи на орала и копья на серпы. Будетъ то царство Бога, царство мира, которое обѣщали всѣ пророки и которое близилось при Іоаннѣ Крестителѣ, и которое возвѣщалъ и возвѣстилъ Христосъ, говоря словами Исаіи: „Духъ Господень на мнѣ, ибо онъ помазалъ меня благовѣствовать нищимъ и послалъ меня исцѣлять сокрушенныхъ сердцемъ, проповѣдывать плѣннымъ освобожденіе, слѣпымъ—прозрѣніе, отпустить измученныхъ на свободу. Проповѣдывать лѣто Господне благопріятное (Лук. 4, 18—19. Исаіи 61, 1—2)" [2]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 87.

[2]) Тамъ же, стр. 91.

„Отчего же люди не слѣдуютъ этому ученію? Главныхъ причинъ этому двѣ: церковные самозванные учителя сознательно и безсознательно скрываютъ и искажаютъ это ученіе, лишаютъ его силы и привлекательности.

„А люди науки, большею частью лишенные религіознаго чувства, справедливо считая церковное ученіе вредной и пустою ложью, ставятъ на его мѣсто свое, научное, міровоззрѣніе, уже лишенное того духа жизни, которымъ жило и живетъ человѣчество.

„И жизнь остается та же, со всею ея нелѣпостью, грызней и вѣчной угрозой смерти".

И затѣмъ онъ такими словами резюмируетъ эти два взаимноисключающія, ложныя міровоззрѣнія, несмотря на противоположность свою, сводящіяся, въ сущности, къ одному:

„Церковь говоритъ: ученіе Христа неисполнимо потому, что жизнь здѣшняя есть образчикъ жизни настоящей; она хороша быть не можетъ, она вся есть зло. Наилучшее средство прожить эту жизнь состоитъ въ томъ, чтобы презирать ее и жить вѣрою, т.-е. воображеніемъ въ жизнь будущую, блаженную, вѣчную, а здѣсь жить, какъ живется, и молиться".

„Философія, наука, общественное мнѣніе говоритъ: ученіе Христа неисполнимо, потому что жизнь человѣка зависитъ не отъ того свѣта разума, которымъ онъ можетъ освѣтить самую эту жизнь, а отъ общихъ законовъ, и потому не надо освѣщать эту жизнь разумомъ и жить согласно съ нимъ, а надо жить, какъ живется, твердо вѣруя, что по законамъ прогресса историческаго, соціологическаго и другимъ послѣ того, какъ мы очень долго будемъ жить дурно, наша жизнь сдѣлается сама собой очень хорошей".

И онъ снова взываетъ къ людямъ:

„Только бы люди перестали себя губить и ожидать, что кто-то придетъ и поможетъ имъ: Христосъ на облакахъ съ трубнымъ гласомъ, или историческій законъ, или законъ диференціаціи и интеграціи силъ. Никто не поможетъ, коли

сами себѣ не поможемъ. А самимъ и помогать нечего. Только не ждать ничего ни съ неба, ни съ земли, а самимъ перестать губить себя“ [1]).

Но люди продолжаютъ губить себя. Въ яркихъ, неподражаемыхъ картинахъ изображаетъ Л. Н—чъ бѣдственность жизни не только темнаго рабочаго люда, но и людей высшаго, привилегированнаго сословія. И всѣхъ ихъ называетъ мучениками міра въ отличіе отъ мучениковъ за исполненіе ученія Христа:

„Одна жизнь за другою бросаются подъ колесницу этого бога: колесница проѣзжаетъ, раздирая эти жизни, и новыя и новыя жертвы со стонами и воплями и проклятіями валятся подъ нее“.

И это происходитъ все отъ непринятія истиннаго ученія Христа. И Л. Н—чъ опять съ новой стороны излагаетъ, резюмируетъ ученіе Христа, какъ единственный разумный выходъ изъ бѣдственности нашей жизни:

„Ученіе Христа, какъ религія, опредѣляющая жизнь и дающая объясненіе жизни людей, стоитъ теперь такъ же, какъ оно 1900 лѣтъ тому назадъ стояло передъ міромъ. Но прежде у міра были объясненія церкви, которыя, заслоняя отъ него ученіе, все-таки казались ему достаточными для его старой жизни; а теперь настало время, что церковь отжила, и міръ не имѣетъ никакихъ объясненій своей новой жизни и не можетъ не чувствовать своей безпомощности, а потому и не можетъ теперь не принять ученія Христа.

„Христосъ прежде всего учитъ тому, чтобы люди вѣрили въ свѣтъ, пока свѣтъ еще въ нихъ. Христосъ учитъ тому, чтобы люди выше всего ставили этотъ свѣтъ разума, чтобы жили сообразно съ нимъ, не дѣлали бы того, что они сами считаютъ неразумнымъ. Считаете неразумнымъ итти убивать турокъ или нѣмцевъ—не ходите; считаете неразумнымъ насиліемъ отбирать трудъ бѣдныхъ людей для того,

---

[1]) Тамъ же, стр. 106—109.

чтобы надѣвать цилиндръ и затягиваться въ корсетъ или сооружать затрудняющую васъ гостиную—не дѣлайте этого; считаете неразумнымъ развращенныхъ праздностью и вреднымъ сообществомъ сажать въ остроги, т.-е. въ самое вредное сообщество и самую полную праздность—не дѣлайте этого; считаете неразумнымъ жить въ зараженномъ городскомъ воздухѣ, когда можно жить на чистомъ, считаете неразумнымъ учить дѣтей. прежде всего и больше всего грамматикамъ мертвыхъ языковъ—не дѣлайте этого. Не дѣлайте только того, что дѣлаетъ теперь весь нашъ европейскій міръ: жить и не считать разумнымъ свои дѣла, не вѣрить въ свой разумъ, жить несогласно съ нимъ.

„Ученіе Христа есть свѣтъ. Свѣтъ свѣтитъ, и тьма не обнимаетъ его. Нельзя не принимать свѣта, когда онъ свѣтитъ. Съ нимъ нельзя спорить, нельзя съ нимъ не соглашаться. Съ ученіемъ Христа нельзя не согласиться потому, что оно обнимаетъ всѣ заблужденія, въ которыхъ живутъ люди, и не сталкивается съ ними, и, какъ эѳиръ, про который говорятъ физики, проникаетъ всѣхъ ихъ. Ученіе Христа одинаково неизбѣжно для каждаго человѣка нашего міра, въ какомъ бы онъ ни былъ состояніи. Ученіе Христа не можетъ быть не принято людьми не потому, что нельзя отрицать то метафизическое объясненіе жизни, которое оно даетъ (отрицать все можно), но потому, что только оно одно даетъ тѣ правила жизни, безъ которыхъ не жило и не можетъ жить человѣчество, не жилъ и не можетъ жить ни одинъ человѣкъ, если онъ хочетъ жить, какъ человѣкъ, т.-е. разумною жизнью [1]).

„Я вѣрю въ ученіе Христа,—торжественно заявляетъ Л. Н—чъ въ заключительной главѣ своей книги,—и вотъ въ чемъ моя вѣра:

„Я вѣрю, что благо мое возможно на землѣ только тогда, когда всѣ люди будутъ исполнять ученіе Христа.

---

[1]) Тамъ же, стр. 196.

„Я вѣрю, что исполненіе этого ученія возможно, легко и радостно.

„Я вѣрю, что и до сихъ поръ, пока ученіе это не исполняется, что если бы я былъ одинъ среди всѣхъ неисполняющихъ, мнѣ все-таки ничего другого нельзя дѣлать для спасенія своей жизни отъ неизбѣжной погибели, какъ исполнять это ученіе, какъ ничего другого нельзя дѣлать тому, кто въ горящемъ домѣ нашелъ дверь спасенія.

„Я вѣрю, что жизнь моя по ученію міра была мучительна и что только жизнь по ученію Христа дастъ мнѣ въ этомъ мірѣ то благо, которое предназначилъ мнѣ Отецъ жизни.

„Я вѣрю, что ученіе это даетъ благо всему человѣчеству, спасаетъ меня отъ неизбѣжной погибели и даетъ мнѣ наибольшее благо. А потому я не могу не исполнять его.

„И вѣра эта налагаетъ на меня обязанности:

„Я вѣрю, что разумная жизнь—свѣтъ мой—на то только и данъ мнѣ, чтобы свѣтить передъ человѣками не словами, но добрыми дѣлами, чтобы люди прославляли Отца (Мѳ. 5, 16). Я вѣрю, что моя жизнь и знаніе истины есть талантъ, данный мнѣ для работы на него, что этотъ талантъ есть огонь, который только тогда огонь, когда онъ горитъ. Я вѣрю, что я Ниневія по отношенію къ другимъ Іонамъ, отъ которыхъ я узналъ и узнаю истину, но что и я Іона по отношенію къ другимъ ниневитянамъ, которымъ я долженъ передать истину. Я вѣрю, что единственный смыслъ моей жизни—въ томъ, чтобы жить въ томъ свѣтѣ, который есть во мнѣ, и не оставить его подъ спудомъ, но высоко держать его передъ людьми такъ, чтобы люди видѣли его“.

Не оставивъ камня на камнѣ своей критикой отъ прежней церкви, онъ въ заключеніе всей книги говоритъ:

„Но церковь, составленная изъ людей не обѣщаніями, не помазаніемъ, а дѣлами истины и блага, соединенными воедино,—эта церковь всегда жила и будетъ жить. Церковь эта, какъ прежде, составляется не изъ людей, взывающихъ: „Господи, Господи“, и творящихъ беззаконіе (Мѳ. 7, 21,

22), но изъ людей, слушающихъ слова сіи и исполняющихъ ихъ.

„Люди этой церкви знаютъ, что жизнь ихъ есть благо, если они не нарушаютъ единства сына человѣческаго, и что благо это нарушается только неисполненіемъ заповѣдей Христа. И потому люди этой церкви не могутъ не исполнять этихъ заповѣдей и не учить другихъ исполненію ихъ.

„Мало ли, много ли теперь такихъ людей, но это та церковь, которую ничто не можетъ одолѣть, и та, къ которой присоединятся всѣ люди.

„Не бойся, малое стадо, ибо Отецъ вашъ благоволитъ дать вамъ царство“ (Лк. 12, 32) [1].

Этими словами кончается книга.

И этой книгой закончился во Л. Н—чѣ тотъ религіозный процессъ, который сдѣлалъ изъ него послѣдователя Христа.

---

[1]) Тамъ же, стр. 191, 212, 216.

ГЛАВА XXI.

Заключительная.

Въ то время, когда Л. Н—чъ кончалъ „Въ чемъ моя вѣра?“, онъ пріобрѣлъ перваго друга, перваго по близости пониманія ученія Христа и нашелъ въ немъ сильную поддержку въ дѣлѣ распространенія этого ученія. Въ концѣ 1883 года Л. Н—чъ познакомился съ В. Г. Чертковымъ.

По нашей просьбѣ В. Г. Чертковъ сообщилъ намъ слѣдующія свои воспоминанія о своемъ знакомствѣ со Л. Н—чемъ.

„Не только духовное мое рожденіе, но и главный переломъ въ моей внѣшней жизни произошли до моего знакомства со Л. Н—чемъ или какими-либо изъ его религіозныхъ писаній. Въ 1879 году я рѣшилъ оставить военную службу, но по желанію отца взялъ 11-тимѣсячный отпускъ, который провелъ въ Англіи. Потомъ 80-й годъ, опять по настоянію отца, я еще провелъ на службѣ въ конной гвардіи, и какъ разъ послѣ 1-го марта уѣхалъ въ имѣніе родителей въ Воронежскую губернію для сближенія съ кормящимъ насъ крестьянскимъ населеніемъ и дѣятельности въ его интересахъ. Тамъ я прожилъ подъ рядъ нѣсколько лѣтъ, изрѣдка навѣщая родителей въ Петербургѣ. И вотъ во время этихъ поѣздокъ я сталъ все чаще и чаще слышать отъ встрѣчаемыхъ мною собесѣдниковъ, что Толстой, авторъ „Войны и мира“, сталъ исповѣдывать точь въ точь такіе же взгляды, какіе высказываю я. Это, разумѣется, воз-

будило во мнѣ потребность лично познакомиться съ нимъ, что я и сдѣлалъ проѣздомъ черезъ Москву въ концѣ 1883 г.

„Мы съ нимъ встрѣтились какъ старые знакомые, такъ какъ оказалось, что и онъ съ своей стороны уже слыхалъ обо мнѣ отъ третьихъ лицъ. Онъ въ то время кончалъ свою книгу „Въ чемъ моя вѣра?". Помню, что вопросъ объ отношеніи истиннаго ученія Христа къ военной службѣ уже былъ тогда въ моемъ сознаніи твердо рѣшенъ отрицательно и что, будучи тогда очень одинокъ въ этомъ отношеніи (о квакерахъ и другихъ антимилитаристахъ я тогда еще не зналъ), я при каждомъ новомъ знакомствѣ на религіозной почвѣ спѣшилъ предъявить этотъ пробный камень. Во Л. Н—чѣ я встрѣтилъ перваго человѣка, который всецѣло и убѣжденно раздѣлялъ такое же точно отношеніе къ военной службѣ. Когда я ему поставилъ свой обычный вопросъ и онъ въ отвѣтъ сталъ мнѣ читать изъ лежащей на его столѣ рукописи „Въ чемъ моя вѣра?" категорическое отрицаніе военной службы съ христіанской точки зрѣнія, то я почувствовалъ такую радость отъ сознанія того, что періодъ моего духовнаго одиночества наконецъ прекратился, что, погруженный въ свои собственныя размышленія, я не могъ слѣдить за дальнѣйшими отрывками, которые онъ мнѣ читалъ, и очнулся только тогда, когда, дочитавъ послѣднія строки своей книги, онъ особенно отчетливо произнесъ слова подписи: „Левъ Толстой".

„Насколько мнѣ извѣстно, онъ также нашелъ во мнѣ перваго своего единомышленника. Понятно, что при этихъ условіяхъ сразу завязавшаяся между нами тѣсная духовная связь должна была имѣть совсѣмъ особенное для насъ обоихъ значеніе: для него—въ смыслѣ оцѣнки и поддержки въ немъ со стороны другого того, что онъ сознавалъ въ себѣ наилучшаго и высшаго, а для меня—еще и въ томъ отношеніи, что я въ немъ обрѣлъ ничѣмъ незамѣнимую помощь въ моемъ дальнѣйшемъ внутреннемъ развитіи".

Говоря далѣе о своей перепискѣ со Л. Н—чемъ на пер-

выхъ порахъ знакомства своего съ нимъ, В. Г. Чертковъ добавляетъ:

„Его удивительно чуткое, внимательное отношеніе къ ходу духовнаго развитія въ его молодомъ и почти единственномъ другѣ-единомышленникѣ; его скромность и опасенія, мѣшающія ему давать просимые совѣты; его уваженіе и внимательность ко всякому мнѣнію, хотя бы и критическому, если только оно исходитъ изъ христіанской точки зрѣнія; его преклоненіе передъ христіанскимъ ученіемъ, выраженнымъ въ Нагорной проповѣди, заставляющее его считать кощунствомъ всякое прибавленіе къ ней; его терпимость и боязнь прозелитизма, зарожденіе въ немъ и развитіе проекта литературы для народа; его страданія отъ непониманія его окружающей его средою и мучительное сознаніе грѣховности той обстановки, въ которой онъ жилъ... Все это и многое другое, обрисовывающее его тогдашній душевный обликъ, ярко выступаетъ въ этихъ интимныхъ письмахъ“.

Въ январѣ 1884 года Льва Николаевича посѣтилъ снова художникъ Н. Н. Ге, уже ставшій его близкимъ другомъ. Отношенія между ними стали настолько просты, что Л. Н—ча не стѣсняло присутствіе старика въ его кабинетѣ во время его письменныхъ занятій,—время, которое всегда Л. Н—чъ проводилъ въ уединеніи, тщательно оберегая его не только отъ постороннихъ, но даже и отъ своихъ семейныхъ. И жена его, и всѣ въ домѣ всегда строго соблюдали и охраняли въ это время его спокойствіе. Н. Н. Ге воспользовался разрѣшеніемъ Л. Н—ча присутствовать при его писаніи и написалъ прекрасный портретъ Л. Н—ча въ позѣ пишущаго. Какъ многія вещи Ге, онъ написанъ съ той любовью, которая уловляетъ самыя драгоцѣнныя черты оригинала и дѣлаетъ это изображеніе особенно дорогимъ для тѣхъ, кому дорогъ самый оригиналъ.

Портретъ этотъ находится въ Третьяковской галлереѣ и въ нѣсколькихъ копіяхъ у друзей Л. Н—ча.

А между тѣмъ борьба Л. Н—ча съ „міромъ“ продолжа-

лась. Не будучи въ силахъ измѣнить тяжелую для него городскую обстановку жизни, онъ часто уѣзжалъ въ деревню и тамъ жилъ такъ, какъ требовала его совѣсть, доводя до крайней простоты свою обстановку и проводя время въ трудѣ, общеніи съ народомъ, чтеніи, размышленіи и писаніи.

Лѣто 1884 года проходитъ безъ особыхъ перемѣнъ, и къ осени семья Л. Н—ча снова тянется на обычную зимовку въ Москву.

Въ октябрѣ Л. Н—чъ поѣхалъ навѣстить своего друга Н. Н. Ге къ нему на хуторъ, въ Черниговскую губернію и пробылъ тамъ недѣлю и снова вернулся въ Ясную, проживъ тамъ до глубокой осени; семья же безъ него переѣхала въ Москву.

Въ это свое пребываніе въ Ясной Л. Н—чъ сдѣлалъ послѣднюю попытку руководительства своей семейной жизнью. Видя, какую нежелательную для него форму принимаетъ домашняя жизнь и деревенское хозяйство, когда онъ сталъ отстраняться отъ него, онъ рѣшилъ самъ стать во главѣ его и такъ пишетъ объ этомъ С. А—нѣ:

Октябрь 1884 года.

„... Славно прошелся и много хорошаго думалъ на обратномъ пути о томъ, что мнѣ надо, пока мы живемъ, какъ мы живемъ, самому вести хозяйство. Начать съ Ясной. У меня есть планъ, какъ его вести сообразно съ моими убѣжденіями. Можетъ-быть, это трудно, но сдѣлать это надо. Общее мое разсужденіе такое: не говоря о томъ, что если мы пользуемся веденіемъ хозяйства на ложныхъ основаніяхъ собственности, то надо вести его все-таки наилучшимъ образомъ въ смыслѣ справедливости, безобидности, и если можно, доброты; не говоря объ этомъ, мнѣ стало ясно, что если, что я считаю истиною и закономъ людей, должно сдѣлаться этимъ закономъ на дѣлѣ въ жизни, то это сдѣлается только тѣмъ, что мы, богатые, насилующіе, будемъ произвольно отказываться отъ богатства и насилія. И это произойдетъ не вдругъ, а медленнымъ процессомъ, который будетъ вести

къ этому. Процессъ этотъ можетъ совершаться только тогда, когда мы сами будемъ завѣдывать своими дѣлами и, главное, сами входить въ сношеніе съ народомъ, работающимъ на насъ. Я хочу попытаться это сдѣлать. Хочу попытаться совершенно свободно, безъ насилія, а по добротѣ, самъ вести это дѣло съ народомъ въ Ясной. Ошибки, потери большой, даже никакой, я думаю не будетъ, а, можетъ-быть, будетъ хорошее дѣло. Хотѣлось бы въ хорошую минуту, когда ты слушаешь, разсказать тебѣ, а описать все трудно. Я думаю начать сейчасъ же. Принять все отъ Митрофана и наладить. И зимой пріѣзжать изрѣдка, а съ весны постоянно заниматься. Можетъ-быть, тутъ, незамѣтно для меня, меня подкупаетъ желаніе чаще бывать въ деревнѣ, но я чувствую, что моя жизнь была поставлена неправильно этимъ отвертываніемъ, игнорированіемъ дѣла, которое дѣлалось и дѣлается для меня и совершенно противное всѣмъ моимъ убѣжденіямъ. Въ этомъ игнорированіи-то и было то, что я по принципу, не признавая собственности передъ людьми изъ fausse honte, не хотѣлъ заниматься собственностью, чтобы меня не упрекнули въ непослѣдовательности. Теперь мнѣ кажется, что я выросъ изъ этого; я знаю въ своей совѣсти, насколько я послѣдователенъ, но, душа моя, пожалуйста, имѣй въ виду, что это дѣло очень для меня душевное, и необдуманно и сгоряча не возражай и не нарушай моего настроенія. Я увѣренъ, что вреда отъ этого никому не будетъ, а можетъ выйти очень хорошее и важное".

Въ томъ же письмѣ далѣе онъ описываетъ свои наблюденія во время путешествія въ Тулу пѣшкомъ:

„... Самое хорошее впечатлѣніе нынѣшняго дня, это— встрѣченные на дорогѣ два старика, два брата изъ Сибири, идутъ безъ копейки денегъ изъ Аѳона и Стараго Іерусалима. Вмѣстѣ имъ 150 лѣтъ. Оба не ѣдятъ мяса. Былъ у нихъ домъ съ имуществомъ, который стоилъ 1400 руб.; когда они въ первый разъ ушли, прошелъ слухъ, что они умерли, и домъ передали въ опеку. А опека разорила

Они пришли и подали прошеніе. Потомъ монахъ имъ сказалъ, что это грѣхъ, что по ихъ прошенію люди могутъ попасть въ острогъ, что имъ лучше бросить, чѣмъ итти въ Іерусалимъ. Они бросили, и вотъ остались ни съ чѣмъ. У одного есть сынъ, и опять построилъ домъ. Очень величественные и умильные старики. Я не видалъ, какъ отъ Рудакова дошелъ съ ними до Тулы" [1]).

Сколько силъ безвѣстныхъ таится въ народѣ русскомъ! И кто учителя его! Монахъ сказалъ — и послушали. Не потому послушали, что монахъ, а потому, что они сами знали, что такъ нужно, и когда услышали это отъ монаха, то такъ и сдѣлали. Конечно, въ общеніи съ этими людьми Л. Н—чъ находилъ больше удовлетворенія, чѣмъ въ общеніи съ московскою знатью.

Въ слѣдующемъ письмѣ С. А—нѣ онъ снова говоритъ о своемъ намѣреніи заняться хозяйствомъ и еще опредѣленнѣе высказываетъ, въ какомъ направленіи будутъ итти занятія:

Октябрь 1884 года.

„... Я затѣваю очень трудное.—Именно заниматься хозяйствомъ, имѣя въ виду не главное хозяйство, а отношенія съ людьми въ хозяйствѣ. Трудно не увлечься, не пожертвовать отношеніями съ людьми дѣлу, а надо такъ, чтобы вести дѣло хозяйственно; но всякій разъ, какъ вопросъ: выгода или человѣческія отношенія? избирать послѣднее. Я такъ плохъ, что чувствую свою неспособность къ этому; но вышло такъ, что это нужно, и сдѣлалось само собой, и потому испробую".

Въ томъ же письмѣ онъ пишетъ далѣе:

„... Нынче ходилъ по хозяйству, потомъ поѣхалъ верхомъ, собаки увязались за мной. Агаѳья Михайловна сказала, что безъ своры бросятся на скотину, и послала со мной Ваську. Я хотѣлъ попробовать свое чувство охоты.

---

[1]) Архивъ гр. С. А. Толстой.

Ѣздить, искать по сорокалѣтней привычкѣ очень пріятно. Но вскочилъ заяцъ, и я желалъ ему успѣха. А главное, совѣстно“ [1]).

Такимъ образомъ Л. Н—чъ порываетъ съ едва ли не самою сильною страстью, увлекавшею его въ жизни, — съ охотой.

И опять въ томъ же письмѣ онъ высказываетъ важныя мысли, могущія служить руководствомъ жизни всякому человѣку. Обращаясь къ С. А., онъ говоритъ:

„... Не могу я, душенька, не сердись, приписывать этимъ денежнымъ расчетамъ какую-либо важность. Все это не событіе, какъ, напримѣръ, болѣзнь, бракъ, рожденіе, смерть, знаніе пріобрѣтенное, дурной или хорошій поступокъ, дурныя или хорошія привычки людей намъ дорогихъ и близкихъ, а это наше устройство, которое мы устроили такъ и можемъ перестроить иначе и на сто разныхъ манеръ. Знаю я, что это тебѣ часто, а дѣтямъ всегда невыносимо скучно (кажется, что это все извѣстно), а я не могу не повторять, что счастье и несчастье всѣхъ насъ не можетъ зависѣть ни на волосъ отъ того, проживемъ ли мы что или наживемъ, а только отъ того, что мы сами будемъ. Ну, оставь Костенькѣ милліонъ, развѣ онъ будетъ счастливѣе? Чтобы это не показалось пошлостью, надо пошире, подальше смотрѣть на жизнь. Какова наша съ тобою жизнь съ нашими радостями и горестями, такова будетъ жизнь настоящая у нашихъ дѣтей, и потому важно помочь имъ пріобрѣсти то, что давало намъ счастье, и помочь избавиться отъ того, что намъ принесло несчастье, а ни языки, ни дипломы, ни свѣтъ, ни еще меньше деньги не принимали участія въ нашемъ счастьи и несчастьи. И потому вопросъ о томъ, сколько мы проживемъ, не можетъ занимать меня; если приписывать ему важность, онъ заслонитъ то, что точно важно“ [2]).

---

[1]) Тамъ же.
[2]) Тамъ же.

Но эти благія намѣренія и эти благіе совѣты не всегда принимались и одобрялись тѣми, къ кому были обращены.

23-го октября, вѣроятно отвѣчая на одно изъ послѣднихъ вышеприведенныхъ писемъ, С. А. пишетъ Л. Н—чу:

„Вчера получила первое письмо; мнѣ стало грустно отъ него. Я вижу, что ты остался въ Ясной не для той умственной работы, которую я ставлю выше всего въ жизни, а для какой-то игры въ Робинзона. Отпустилъ Андріана, которому безъ памяти хотѣлось дожить мѣсяцъ, отпустилъ повара, для котораго тоже это было удовольствіе не даромъ получать свою пенсію, и съ утра до вечера будешь работать ту неспорую физическую работу, которую и въ простомъ быту дѣлаютъ молодые парни и бабы. Такъ ужъ лучше и полезнѣе было бы съ дѣтьми жить. Ты, конечно, скажешь, что такъ жить—это по твоимъ убѣжденіямъ и что тебѣ такъ хорошо; тогда это другое дѣло, и я могу только сказать: „наслаждайся“, и все-таки огорчаться, что такія умственныя силы пропадаютъ въ колоньи дровъ, ставленьи самоваровъ и шитьѣ сапогъ, что все прекрасно, какъ отдыхъ и перемѣна труда, но не какъ спеціальное занятіе. Ну, теперь объ этомъ будетъ. Если бы я не написала, у меня осталась бы досада, а теперь она прошла, мнѣ стало смѣшно, и я успокоилась на фразѣ: „чѣмъ бы дитя ни тѣшилось, лишь бы не плакало“.

И въ тотъ же день, какъ бы спохватившись въ нанесеніи Л. Н—чу боли, С. А. спѣшитъ исправить свою ошибку и пишетъ ему теплое слово:

„... Я вдругъ себѣ ясно представила тебя и во мнѣ вдругъ такой наплывъ нѣжности къ тебѣ. Такое въ тебѣ что-то есть умное, доброе, наивное и упорное и все освѣщено только тебѣ одному свойственнымъ свѣтомъ нѣжнаго участія ко всѣмъ и взглядомъ прямо въ душу людямъ“ [1]).

---

[1]) Тамъ же.

Тѣмъ не менѣе намѣреніе Л. Н—ча взять въ свои руки хозяйство не осуществилось. И у насъ нѣтъ достаточно данныхъ, чтобы выяснить причины этого. Будемъ ждать, что время освѣтитъ намъ этотъ важный моментъ въ жизни Л. Н—ча.

Въ ноябрѣ Л. Н—чъ снова въ Москвѣ.

Въ концѣ этого мѣсяца въ моей жизни произошло событіе, круто измѣнившее мою жизнь. 21 ноября 1884 года я познакомился со Л. Н—чемъ Толстымъ. Меня привезъ къ нему мой другъ В. Г. Чертковъ, съ которымъ я познакомился и подружился нѣсколько раньше. Отъ него я впервые узналъ и полюбилъ писанія Л. Н—ча и въ немъ я въ первый разъ въ моей жизни узналъ человѣка, душевнымъ согласіемъ откликнувшагося на мое пониманіе сущности христіанской религіи, которая еще въ юности моей представлялась для меня несовмѣстимой ни съ какимъ насиліемъ. И это юношеское убѣжденіе мое сложилось безъ всякаго вліянія Толстого, котораго я тогда еще и не читалъ, да и вообще помимо вліянія свѣтской литературы. Оно сложилось подъ вліяніемъ просто чтенія Евангелія и размышленія о его истинномъ смыслѣ въ приложеніи къ жизни. Когда-нибудь я разскажу подробно о томъ, какъ и куда завело меня это убѣжденіе, а теперь скажу только, что В. Г. Чертковъ былъ первымъ человѣкомъ въ моей жизни, прямо и категорически признавшимъ вмѣстѣ со мною ту же истину, которая и связала насъ узами дружбы.

Вотъ онъ-то и познакомилъ меня тогда съ произведеніями Л. Н—ча, какъ человѣка (второго для меня), который такъ же, какъ и мы, понималъ христіанство. И когда я по своимъ личнымъ обстоятельствамъ жизни освободился настолько, что могъ отлучиться изъ дома, онъ меня повезъ ко Л. Н—чу въ Москву, и вечеромъ 21 ноября 1884 года мы посѣтили его и провели у него цѣлый вечеръ. Въ дневникѣ моемъ того времени сохранилась краткая запись этого вечера, и я привожу изъ нея существенныя мѣста:

22 ноября 1884 года.

„... Вчера я посѣтилъ графа Л. Н—ча Толстого. Я ожи
далъ встрѣтить угрюмаго старика, погруженнаго въ сво
занятія изслѣдованія древнихъ памятниковъ христіанско
литературы. Меня встрѣтилъ добрый, радушный человѣкъ
простота котораго сразу очаровываетъ и привлекаетъ к
себѣ. Семейство его сидѣло за чайнымъ столомъ. Мы сѣл
туда же, т.-е. я и В. Г. Чертковъ. Разговоръ сразу стал
общимъ. Предметомъ его отчасти былъ я, какъ кончивші
морскую академію, какъ изучавшій астрономію (Л. Н—ч
тогда интересовался этой наукой) или, наконецъ, прост
какъ новый человѣкъ.

„Разговоръ коснулся Лизиновки [1]), ея учрежденій и, накс
нецъ, перешелъ, таки на вопросъ о христіанствѣ. Когда
въ первый разъ взглянулъ на графа, передо мной возстал
„Война и миръ“ и „Анна Каренина“. Вотъ, говорилъ мн
внутренній голосъ, вотъ та голова, то сердце, которое со
здали всѣ эти чудные образы, которые такъ мощно волновал
твои юныя чувства. И только тогда, когда я справился с
этимъ чувствомъ, я вспомнилъ, что я пришелъ сюда не дл
„Анны Карениной“, а для болѣе важнаго дѣла, для разрѣ
шенія вопроса жизни.

„И въ этой простой задушевной бесѣдѣ, которая продли
лась за полночь, дѣйствительно рѣшался вопросъ жизни
не знаю, рѣшился ли? Быть-можетъ, скоро рѣшится, быть
можетъ, никогда. Никогда или скоро, на-дняхъ.

„Ахъ, что это за сила! Чувствуешь, что она тянетъ и увле
каетъ тебя и увлекаетъ по наклонной плоскости, катишьс
все скорѣе и скорѣе, и самъ помогаешь себѣ, потому чт
впереди свѣтло.

„И въ это же время какая-то другая сила, мрачная, холод
ная, цѣпляется и шепчетъ: куда ты, опомнись, похоже л
это на все тобою перечувствованное, передуманное тобо

---

[1]) Имѣніе Чертковыхъ.

Я ож
ъ свы
анской
овѣка
етъ и
ы сѣл
стал
ичивш
Н—ч
прост

и, нако
огда я
озстали
лъ мнѣ
рое со
лновали
лся съ
не для
разрѣ

продли
жизни
, быть

и увле
тишься
му что

, холод
оже ли
тобо

СНИМОКЪ СЪ ПОРТРЕТА Л. Н. ТОЛСТОГО, ПИСАННАГО Н. Н. ГЕ ВЪ 1884 Г.

самимъ и твоими мыслящими и чувствовавшими предками?

„Господи, перенесу ли я это? Не разорвутъ ли меня эти двѣ силы пополамъ и не останусь ли я на всю жизнь раздвоеннымъ?

„Л. Н—чъ разсказалъ намъ о новомъ, недавно найденномъ памятникѣ христіанской литературы: „ученіе двѣнадцати апостоловъ“, и разсказалъ чудную аналогію, которая приводится тамъ. На вопросъ, какъ узнать, ложный пророкъ или истинный, „истинный пророкъ тотъ,—говорится тамъ,—который поступаетъ по словамъ своимъ, дѣлаетъ то, что проповѣдуетъ, подобно тому какъ хозяинъ самъ вкушаетъ отъ той трапезы, которой угощаетъ гостей“.

„Нѣтъ возможности, конечно, да, пожалуй, и необходимости передавать весь нашъ разговоръ вчерашній.

„Я упомяну еще объ одной мысли, высказанной Львомъ Николаевичемъ.

„Онъ вспомнилъ мысль профессора Бугаева о нравственныхъ и физическихъ законахъ. Я сдѣлалъ слабое возраженіе, сказавъ, что многіе выводятъ законы нравственные изъ законовъ физическихъ, какъ ихъ ближайшее слѣдствіе.

„Л. Н—чъ, немного повысивъ голосъ, замѣтилъ: „да вѣдь намъ нужны тѣ нравственные законы, которые учатъ насъ, какъ поступать съ каждымъ отдѣльнымъ лицомъ, съ вами, съ женой, съ извозчикомъ, съ мужикомъ, а развѣ тѣ господа касаются этихъ законовъ? Они выводятъ тѣ общіе законы, которые намъ никогда и примѣнять-то не придется въ жизни, до которыхъ намъ и дѣла-то нѣтъ. А вотъ эти-то законы и освящаются свѣтомъ христіанства“.

Когда теперь черезъ 24 года я перечитываю эти строки, я живо возстановляю въ моей памяти этотъ знаменательный вечеръ. Я вспоминаю, съ какой деликатностью Л. Н—чъ отнесся ко мнѣ. Разговоръ зашелъ о несовмѣстимости нѣкоторыхъ человѣческихъ профессій со званіемъ христіанина. Л. Н—чъ очень мягко и широко говорилъ о томъ, какъ

можно быть „христіаниномъ“ во всевозможныхъ профессіяхъ.

„Конечно,—оговорился онъ, — я долженъ исключить изъ этого числа по крайней мѣрѣ двѣ профессіи: военную и судейскую“. И, посмотрѣвъ на меня, прибавилъ: „Простите, что я говорю это въ вашемъ присутствіи“. А на мнѣ былъ тогда военно-морской сюртукъ. Л. Н—чъ зналъ уже, какъ я отношусь къ военной службѣ, и я зналъ, что онъ это знаетъ и что я носилъ эту форму уже лишь по инерціи, готовясь перейти на гражданскую службу. Но какъ мнѣ было тогда стыдно за свою военную форму!“

Вскорѣ послѣ нашего свиданія Л. Н—чъ снова уѣхалъ въ Ясную Поляну. Онъ написалъ оттуда С. А. письмо; мы заимствуемъ изъ него прелестную поэтическую картинку, которой и позволяемъ себѣ закончить второй томъ.

Декабря 8-го 1884 года.

„Вчера, когда я вышелъ и сѣлъ въ сани и поѣхалъ по глубокому, рыхлому, въ полъ-аршина (выпалъ вновь) снѣгу, въ этой тишинѣ, мягкости и съ прелестнымъ зимнимъ звѣзднымъ небомъ надъ головой, съ симпатичнымъ Мишей, я испыталъ чувство, похожее на восторгъ, особенно послѣ вагона съ курящей помѣщицей въ браслетахъ, съ докторомъ, перорирующимъ о томъ, что нужно казнить, съ какой-то пьяной ужасной бабой въ разорванномъ салопѣ, безчувственно лежавшей на лавкѣ и опустившейся тутъ же, и съ господиномъ съ бутылкой въ чемоданѣ, и съ студентомъ въ пенснэ, и съ кондукторомъ, толкавшимъ меня въ спину, потому что я въ полушубкѣ. Послѣ всего этого Оріонъ, Сиріусъ надъ Засѣкой, пухлый, беззвучный снѣгъ, добрая лошадь и добрый воздухъ, и добрый Миша, и добрый Богъ“ [1]).

Съ этого времени мое отношеніе ко Л. Н—чу мѣняется, онъ уже перестаетъ быть для меня высокимъ, но далекимъ

---

[1]) Архивъ гр. С. А. Толстой.

учителемъ и литературнымъ геніемъ, онъ становится для меня близкимъ и горячо любимымъ другомъ. На этомъ я и кончаю свой второй томъ. Слѣдующій третій томъ я буду уже писать по личнымъ воспоминаніямъ, добавляя и провѣряя ихъ другимъ матеріаломъ и описаніемъ главнѣйшихъ событій изъ жизни Л. Н—ча, въ большей части которыхъ мнѣ самому приходилось принимать участіе.

Поэтому литературный характеръ третьяго тома будетъ нѣсколько иной. Но одна и та же руководящая нить должна связать всѣ три тома: правда и любовь къ тому, кого я изображаю.

Кострома.
С. Ивановское
7 августа 1908 г.

П. Бирюковъ.